

ГЕРМАН НАГАЕВ

ПИОНЕРЫ ВСЕЛЕННОЙ

ГЕРМАН
НАГАЕВ

ПИОНЕРЫ ВСЕЛЕННОЙ

ТРИЛОГИЯ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

Р 2
Н 16

Художник
И. МАХОВ

Н $\frac{70302\text{-}200}{028(01)\text{-}76}$ БЗ-22-26-76

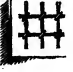
Подобно тому, как художники... добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражения глаз, в которых проявляется характер человека, так и нам пусть будет позволено углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека...

Плутарх

КНИГА ПЕРВАЯ

ВДОХНОВЕНИЕ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Зябким февральским вечером, когда друзья случайно столкнулись у чугунной решетки Летнего сада, Санкт-Петербург был охвачен тревожными слухами: в Зимнем произошел взрыв! Говорили, что государь чудом уцелел, а террористу удалось скрыться.

Улицы, вокзалы, трактиры были наводнены сыщиками и переодетыми жандармами. Всякого, похожего на «социалиста», хватали и тащили в полицейскую часть.

Молодые люди спешили укрыться по своим углам и вдруг, в тусклом свете фонаря, столкнулись лицом к лицу:

— Коля! Милый друг! Вот встреча!

— Сергей! Сережа! — И друзья, забыв о предосторожности, бросились в объятия друг другу.

— Боже мой! Сколько же мы не виделись? Вечность!

Целая вечность! — радостно восклицал высокий, с русой бородкой, в зеленом шарфе Сергей Стрешнев, целуя друга и глядя на него восторженными голубыми глазами.

— Давно, давно, Сережа. Чуть ли не с самой гимназии. Я так рад!.. — Николай Кибальчич, темнобородый молодой человек с худым, бледным лицом, слегка отступил, оглядывая друга умными озабоченными карими глазами.— Много воды утекло... Ты, наверное, уж курс кончил?

— Третий год как учительствую в женской гимназии... А ты, голубчик, как же ты? Ведь я наслышан... Как-то летом был в наших местах...

— Мне солоно пришлось...— Кибальчич быстро оглянулся и продолжал шепотом: — Почти три года по казематам...

— Да, да, ужасно, родной мой, ужасно! Я очень сочувствую... Но теперь вся передовая молодежь поднимается на борьбу с деспотизмом.

— Тс-с! — Кибальчич предостерегающе поднял палец.

— Понимаю, Коля... Но ты не бойся.— Сергей потянулся к самому уху друга и горячо зашептал: — Я сам с вами. Сам причастен к партии «Народная воля».

— Правда? Когда же?

— Как узнал подробности о тебе — сразу же решился...

Николай стиснул руку Сергея:

— Поздравляю! Поздравляю, друг! Но больше об этом ни слова! — Он, как бы что-то ища в нагрудном кармане, оглядел улицу. — Ведь знаешь, что произошло в Зимнем? Сейчас шпики и жандармы рыщут по всем закоулкам.

— Куда же нам? Может, ко мне, на Васильевский?

— Лучше пересидим у меня — это рядом.

— А удобно?

— Хозяйка собиралась к родным в Гатчину... А если не уехала, не беда. Только зови меня не Николаем, а Максимом. Я ведь теперь на нелегальном...

— А-а-а! — удивленно взглянул на друга Сергей, но тут же осекся: — Извини, я не знал...

— Кажется, за нами следят. Пошли! — Кибальчич взял Сергея под руку.

Они свернули в переулок, потом в другой, а затем в узкий длинный двор. Войдя с Сергеем в темный провал подъезда, Кибальчич прислушался.

— Все тихо. Идем!

По черной лестнице, ощупью, они поднялись на четвертый этаж. На стук никто не отозвался. Кибальчич, отомкнув дверь своим ключом, ввел друга в темную, пахнувшую кошками переднюю, а затем, чиркнув спичкой, в длинную комнату, с железной кроватью, просиженным диваном и ломберным столиком. Засветил лампу.

— Ну вот мы и пришли, Сережа. Располагайся как дома, а я пойду похлопочу на кухне.

Сергей разделся. Причесал пышные русые волосы, поправил шелковистую бородку и, сев на диван, взял со стола две книги в кожаных переплетах.

Одна оказалась трудом по химии на немецком языке, а другая была английская. Сергей не знал английского языка, но, листая книгу, по рисункам и отдельным словам догадался, что в ней описывались порох и пироксилин.

«Почему здесь эти книги? Неужели Коля Кибальчич изучает взрывчатые вещества? Зачем это ему? А?.. Неужели для партии? Неужели этот взрыв в Зимнем?.. Нет, не может быть... А если причастен?..»

Послышались шаги в передней. Сергей поспешно положил книги на стол и отодвинулся. Дверь распахнулась, вошел Кибальчич, неся пыхтящий самовар.

— Вот это браво! — воскликнул Сергей и вскочил, чтобы помочь другу.

За чаем друзья разговорились по душам.

— Ты говоришь, Сережа, что летом был в нашем Новгород-Северске. Ну как он, что?

— Все так же, Коля, зеленый и тихий городок, только река немного обмелела — посредине песчаная коса... Видел многих наших товарищей по гимназии. Вспоминают тебя...

— Спасибо! А что, не был ты, Сережа, в Коропе? Не слышал про моего старика?

— Как же, как же, был в нашем родном городке. Виделся и говорил с твоим батюшкой, Иваном Осиповичем... Еще в Новгород-Северске я слышал, что отец Иоанн по-прежнему в Коропе, в Успенском храме. Но будто бы тяжело хворал... Вот я и поехал, чтобы навестить.

— Спасибо, Сережа. Как же он теперь? — сцепив пальцы рук, спросил Николай.

— Слава богу! Здоров. Меня принял приветливо. Вспомнил, как готовил нас с тобой в гимназию. Славный старик.

— Спасибо, друг! Обрадовал. Я ведь не могу даже переписываться.

— Ну да, Коля, дорогой, я все понимаю... Думаю, что и он догадывается о твоем положении.

— Расспрашивал? — насторожился Кибальчич.

— Весьма сдержанно. Да и что я мог сказать? Спросил: не слышал ли что про тебя? Видно, тоскует... Потом заговорили о нашем детстве. Вспомнили твою покойную матушку: как она нас учила языкам, музыке, какая была ласковая, заботливая. Он всплакнул...

— Да, маму жалко — мало пожила,— вздохнул Кибальчич и незаметно смахнул слезу.— С ее смертью опустел наш шумный дом.

— Да, Коля, это было тяжело пережить...— сочувственно вздохнул Стрешнев и, помолчав, опять заговорил: — Помнишь, когда была жива твоя матушка, какими счастливыми мы были. Помнишь прогулки с ней в луга и в лес за цветами? А рыбалку и купание в Десне?

Тихая улыбка озарила лицо Кибальчича:

— Да, Сережа, было чудесное время! Мама как-то умела сдружить семью, принять друзей. Жили весело. Отец в одиночестве, наверное, совсем одряхлел и одичал?

— Очень просил разыскать тебя и сказать, чтобы о нем не беспокоился. Братья и сестры здоровы. Он любит тебя и молится, чтоб бог послал тебе счастье.

— Ссорился я с ним. Не хотел учиться в духовной семинарии, а он настаивал. Еле уломали его тогда.

— А потом, когда узнал, что ты лучший ученик в гимназии,— смирился.

— Все это так, Сережа! И о счастье сына он молится. Молится, а не знает, что счастье мое совсем в другом... Сейчас, Сережа, надо думать не о себе, а о народе. Бороться за его свободу. В этом высшее призвание и истинное счастье!

— Ты умница, Николай. У тебя и раньше все было ясно и определенно. Ты видишь цель жизни, а я вот часто теряюсь... мечусь... Конечно, нужно бороться с деспотизмом. Я внутренне чувствую такую потребность. И кажется, минутами готов на самый отчаянный шаг. А иногда меня гложет сомнение.

— В чем именно?

— Да вот, хоть сегодняшний случай. Этот ужасный взрыв в Зимнем. Слышал, в подвале погибло много ни в чем не повинных солдат. Как подумаю, меня начинает

трясти. К чему эти жестокие меры? Разве нельзя иначе? Зачем убивать государя? Он так много сделал добра.

— Кому? — нахмурясь, спросил Кибальчич.

— Как, ты отрицаешь? Но ведь он же отменил крепостное право. Недаром же его называют «царь-освободитель»!

— Это Александр Второй сделал не из добрых побуждений, а из боязни революции. Он сам говорил дворянам: лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться, пока оно будет отменено снизу.

— Положим, так,— возбужденно продолжал Сергей.— Ну, а учреждение земств, а введение в России высшего образования для женщин? А завоевания?

— Свои благодеяния царь утопил в крови революционеров и лучших людей России. Кто устроил позорную казнь Чернышевского? Кто построил виселицы по всей империи? Что молчишь? Он не царь-освободитель, а царь-деспот! Царь-тиран! Казненные им вопиют о мщении, и возмездие должно свершиться!

Сергей обхватил голову руками:

— Но это ужасно, ужасно!

Кибальчич встал, прошелся и, сев на диван рядом со Стрешневым, обнял его:

— Сережа, милый мой друг! Нельзя быть таким сентиментальным. Революционная борьба непреклонна. Она не знает компромиссов и жалости. Порой я сам сомневаюсь, верный ли путь борьбы избрала партия «Народная воля»? Но я решительно за то, чтоб не склонить головы пред деспотом, а вступить с ним в бескомпромиссную схватку. Партия «Народная воля» не раз призывала царя к благоразумию и милосердию. Но царь продолжал тиранствовать, и партия решила его казнить. За сегодняшним взрывом несомненно последуют другие... И тиран будет уничтожен!

Сергей схватил руку Кибальчича:

— Прости, Коля. У меня бывают минуты слабости. Но ты верь мне и как другу скажи: сегодня наши устроили взрыв?

— Со временем ты узнаешь все. Но сейчас и я твердо не знаю... Да и лучше совсем об этом не говорить. Стены тоже имеют уши...

— Конечно, я понимаю, Николай...

— Вот и славно! Давай укладываться. Утром мы оба должны быть бодрыми. Еще неизвестно, как обернутся события.

2

Оттого ли, что в комнате было сыро и прохладно, или знобило от нервного напряжения, но только Стрешнев долго не мог заснуть: ворочался, вздыхал.

— Тебе, Сергей, нехорошо? — участливо спросил Кибальчич.

— Нет, нет, Коля. Все превосходно. Я счастлив, что мы встретились.

— Однако не спишь...

— Так, разные мысли... Вот не успел спросить, как у тебя с содержанием? Получаешь субсидию или приходится перебиваться?

— Рецензирую немного в журнале и перевожу с английского, французского, немецкого. Заработок небольшой, но я — без запросов.

Сергей обвел взглядом освещенные тусклым светом голые стены, вздохнул:

— Настоящие революционеры всегда отличались скромностью. Я тоже, Коля, не потерпел бы в быту никаких роскошеств, а вот по пище духовной тоскую... Где ты бываешь? Есть ли у тебя друзья?

Кибальчич откашлялся, помедлил с ответом.

— Друзья есть, Сережа. Чудесные, благородные и смелые люди, готовые на подвиг. Имея таких друзей, можно отказаться от многого.

— Конечно, я очень чувствую это. Признаться, даже завидую тебе, Коля. Ну, а интимного, нежного друга, вернее, подруги у тебя еще нет?

Николай промолчал.

Сергей заволновался:

— Коля, ты не пойми мой вопрос в обидном смысле. Я ведь от души... У меня у самого есть невеста, милая необыкновенная барышня. Мы любим друг друга.

— Я рад за тебя, Сережа. Очень рад! Что же касается меня...— Николай несколько замешкался и с грустью заключил: — Мне, в моем положении, было бы весьма легкомысленно влюбляться... а тем более подвергать опасности судьбу возлюбленной... Я призван к другому и исполню свой долг.

— Я понимаю, Коля, но ведь человек рожден и предназначен для радости и счастья. Он должен пользоваться всеми благами жизни. Как сказал великий поэт:

«Спящий в гробе, мирно спи; жизнью пользуйся, живущий».

— Увы, мой друг, я, видимо, не предназначен для этого,— со вздохом сказал Кибальчич.— Ты лучше расскажи про свою невесту.

— О, Лиза — чудо! — обрадовался случаю Сергей.— Скромная, милая, красивая! Была у меня гимназисткой, но уж второй год как учительница. Я познакомлю тебя. Думаю, что вы будете друзьями. Она необыкновенная! Вот сейчас зажмурю глаза и вижу ее...— Сергей действительно закрыл глаза и заснул.

Кибальчич долго еще думал о своих друзьях, о сегодняшнем взрыве в Зимнем и о том, какие оп может повлечь за собой последствия...

Потом он сладко потянулся, зевнул и перенесся в детство. Вспомнилась беззаботная пора летних каникул, когда они с Сергеем, взяв с собой Вальтера Скотта и Фенимора Купера, па целый день уходили па живописный берег Десны. Милые воспоминания отвлекли от гнетущих мыслей, и он уснул...

Проснулись почти одновременно. За окном полыхали холодные отсветы зарниц. Друзья встали и быстро оделись. Сергей прислушался к шуму просыпавшейся улицы, взглянул на часы:

— О, мне надо спешить, Коля, чтоб успеть до прихода инспектора.

— Успеем напиться чаю — еще рано.

— Нет, голубчик, я побегу, спасибо! Теперь мы не должны терять друг друга из виду.— Сергей достал визитную карточку, исправил карандашом номер квартиры и подал Кибальчичу.

— Вот, Коля, в любое время ты будешь самым желанным гостем.

— Благодарю, Сережа! — Кибальчич несколько раз перечитал адрес и, чиркнув спичкой, поджег карточку.— Я запомнил. Ну прощай, коли торопишься.

Опи обнялись.

— Спасибо, Коля. Спасибо за все! Будь здоров, и да пошлет тебе бог удачу!

— И тебе, Сережа, удачи и счастья!

— На пасху жду обязательно.

— Спасибо, друг! Если буду жпв, навещу...

Сергей сбежал по лестнице и, никого не встретив во

дворе, вышел на улицу. Солнце уже взошло. Свежий снежок слепил мерцающими искрами. Под ногой похрустывал тонкий ночной ледок. Морозный воздух приятно бодрил и радовал.

Когда Сергей дошел до угла, послышался визг полозьев и крик кучера. Из-за поворота вылетел арестантский возок с жандармами на ступеньке.

Сергей вздрогнул, замедлил шаг. Возок поворотил за угол и помчался к Петропавловской крепости.

«Кого-то схватили,— с горечью подумал Сергей,— теперь начнут «распутывать»...» Его мысли опять перенеслись к Кибальчичу. Четко послышались сказанные при прощании слова: «Если буду жив...» «Что все это значит? Неужели Николай участвовал в покушении на государя?.. Все это чудовищно. И все-таки я люблю Николая. Он честный, благородный и мужественный человек. Правда, он вступил на опасную стезю, но, может быть, именно этот путь единственно верный к свободе и братству?»

3

Кибальчича неудержимо тянуло на улицу: не терпелось узнать подробности о вчерашнем взрыве, но он заставил себя остаться дома — таков был приказ Исполнительного комитета «Народной воли».

Днем, когда вернулась хозяйка, Анастасия Маркеловна — вдова коллежского регистратора, высохшая, подслеповатая ворчунья,— он сказался больным и попросил сходить за газетами.

— Не все вдруг, сударь мой, не все вдруг,— зашамкала хозяйка.— Вот ужо согрею самоварчик, да напою чаем с малиновым вареньем, да достану из сундука волчью шубу, да укрою вас с головы до пят — тогда можно и за газетами... А малинка — средствие верное! Мой-то, Иван Калистратович, покойник, бывало, чуть попростынет, сейчас же велит подавать чаю с малиной, да и того — под волчью шубу. А шуба у нас особенная — по наследству от свекра досталась. В ней пуда полтора весу. Пропотеете этак-то, и всю хворь как рукой сымет.

— Спасибо за заботу, Анастасия Маркеловна,— конфузясь, сказал Кибальчич,— боюсь, как бы вас не обременить.

— И... какое обременение, голубчик? Это я шутя излажу...

Через час Кибальчич уже лежал под толстой, пахнувшей затхлостью и нафталином тяжелой шубой, взволнованно просматривая свежие газеты.

В «С.-Петербургских ведомостях» о взрыве ничего не сообщалось. Только в «Правительственном вестнике», в одностолбцовой рубрике «Хроника», он отыскал скупую информацию.

«5 февраля, в 7 часов пополудни, в подвальном этаже Зимнего дворца, под помещением главного караула, произошел взрыв. При этом убито 8 и ранено 45 нижних чинов караула от лейб-гвардии Финляндского полка; повреждены пол в караульном помещении и несколько газовых труб. Приступлено к выяснению причин».

Кибальчич несколько раз перечитал сообщение. «Странно, пишут, что поврежден пол и несколько газовых труб. Можно подумать, что никакого покушения и не было... Тогда откуда же восемь убитых и почти полсотни раненых? Значит, взрыв был большой силы. Нет, тут что-то не так...»

Кибальчич опустился на подушку, прислушиваясь, как хозяйка разговаривает с кошкой. Ему было жарко и тяжело под шубой, хотелось спихнуть ее, но хозяйка могла войти.

— А вот я сейчас, Мурочка, пойду в лавку и принесу тебе ливерных обрезков с кожуркой...

Хозяйка, постучав, заглянула в комнату. Кибальчич притворился спящим. Она прислушалась и ушла. Послышался стук запираемой двери.

— Слава богу! — прошептал Кибальчич. Он сбросил шубу, натянул брюки, накинул сюртук и, сунув ноги в войлочные туфли, стал ходить по комнате. Привык к этому в тюрьме: так лучше думалось.

Ему хотелось понять, почему уцелел царь.

«Неужели ошибка в расчетах? — спрашивал он себя. — И взрыв не смог потрясти своды и разрушить перекрытия?» Его смуглое узкое лицо, обрамленное густой шевелюрой и пышной бородой, побледнело, лоб покрыла испарина.

«Почему же тогда столько убитых и раненых в караульном помещении?.. Или это сообщение лживо, или я решительно ничего не понимаю в расчетах... Четыре пуда динамита должны были вдребезги разнести каменные своды, а они, как видно, целы. Целы, и деспот невредим!..»

Кибальчич был так поглощен своими мыслями, что не услышал, как пришла хозяйка. Лишь когда постучались в комнату, он вздрогнул и глухо сказал: «Войдите!»

Хозяйка, распахнув дверь, всплеснула руками:

— Батюшки! Вы поднялись? Как можно, сударь. Да на вас же лица нет! Поглядите-ка на себя — вы все в поту... Сейчас же в постель, под шубу, и разговаривать не смейте.

— Извините, Анастасия Маркеловна,— смутился Кибальчич. — Было очень жарко. Но я сейчас лягу.

— То-то же. А я ужо загляну, проверю,— усмехнулась хозяйка и, погрозив пальцем, вышла.

Забравшись под шубу, Кибальчич снова задумался. Вспомнилось, как в позапрошлом году он вышел из тюрьмы. Стоял душный, знойный день. Мимо, грохоча колесами и поднимая густую пыль, двигался военный обоз. Лошади еле везли тяжелые бронзовые орудия. На зарядных ящиках лежали тороки с сеном.

— Куда это движутся войска? — тихонько спросил прохожего.

— Знамо куда! На Кавказ! Слыхать, начинается война с Турцией.

«Опять кровопролития и бедствия. Опять голод и страдания народа. Куда же мне идти? Куда деваться? Снова в медико-хирургическую не примут. Да и на службу едва ли возьмут... Скорее всего, пошлют умирать за деспота. Нет, благодарствую!»

Кибальчич горько усмехнулся и, отойдя подальше от тюрьмы, присел на скамейку у старенького дома.

Два года восемь месяцев просидел он в Киевском тюремном замке, ожидая суда. И наконец суд свершился... Все это: и одиночное заключение, и сам суд представлялись ему сейчас диким кошмаром...

Три года назад, летом 1875 года, будучи студентом Петербургской медико-хирургической академии, он получил приглашение от брата провести каникулы у него в имении, в Киевской губернии. Предложение было заманчивым, так как Кибальчич не отдыхал четыре года, с окончания гимназии. Два года он учился в институте инженеров путей сообщения, а потом увлекся медициной и второй год изучал естественные науки.

У Кибальчича была страсть к знаниям. Он привез с собой много книг и небольшую библиотечку для народа, собранную студентами. Окрестных крестьян он снабжал

книжками из студенческой библиотечки. Одна из этих книжек, «Сказка о четырех братьях», оказалась «крамольной». Кто-то из крестьян принес ее попу, желая с ним посоветоваться, тот, не медля,— к исправнику.

Когда Кибальчич был уже в Петербурге, неожиданно нагрянула полиция. Его арестовали. При обыске нашли сверток с нелегальной литературой, который оставил на время один из студентов.

Кибальчича сопроводили по этапу в Киев и заключили в одиночку тюремного замка.

Следствие тянулось более двух с половиной лет. Кибальчичу даже приходила мысль, что о нем забыли. Но о нем помнили, даже числили «государственным преступником» и объявили, что его будет судить «особое присутствие сената». Но обвинения были настолько несостоятельны, что судьи смутились.

— Один месяц тюрьмы! — объявил первоприсутствующий.

— Позвольте, но за что же меня держали тридцать два месяца? — ошеломленно спросил Кибальчич.

— Вы свободны! — в ответ объявил первоприсутствующий.

Эти тридцать два месяца в одиночке не прошли бесследно для Кибальчича. «Я знаю, как поступить! Буду бороться! Войду в партию революционеров... Сейчас же, немедля — в Санкт-Петербург!..»

Кибальчич явственно представил невысокого человека с пышной бородкой, окаймляющей худое бледное лицо, с проницательными глазами. Это был Александр Квятковский —один из организаторов «Народной воли», который и ввел его в боевую группу «Свобода или смерть!». Группа ставила перед собой задачу вести политическую борьбу с самодержавием посредством террора. Кибальчича приняли по-братски, и он связал себя клятвой: «Отдать все силы, а если потребуется, и жизнь...» Что это были за минуты!.. Как гордо он ходил по земле от сознания, что призван свершить суд над тираном, попирающим народ.

Но иногда в душу Кибальчича закрадывалось сомнение. Порой ему казалось, что группа избрала не лучший метод борьбы. Удар кинжала и выстрел в упор требовали от террориста не только отваги, но и самопожертвования. Кибальчич не страшился отдать свою жизнь ради блага народа, но был против бессмысленных жертв.

И вот однажды на тайной квартире, когда вся группа была в сборе, Кибальчич попросил слова... Вспомнив это сейчас, он почувствовал, что по телу пробегает знобящая дрожь. Именно такое состояние было у него, когда он заговорил перед товарищами:

— Я много думал, господа, над методами нашей борьбы и нашел, что они требуют обновления. Выстрел не всегда надежен... Бывают осечки и промахи. Ведь промахнулся же Каракозов, стреляя в царя... и был повешен... Правда, у Каракозова могло быть несовершенным оружие — все-таки это было двенадцать лет назад... А бедный Соловьев?.. Я считаю более разумным закладывать мины. Знаю, для этого потребуются взрывчатые вещества, которые невозможно достать...

— Вот то-то и оно! — сказал Квятковский.

— Мы их сумеем достать, друзья! — с жаром продолжал Кибальчич.— Вернее, мы их сумеем изготовлять сами. Я когда-то учился в институте и это дело, если вы благословляете, возьму на себя...

Кибальчич отер выступивший пот, откинул край шубы, повернулся на бок. Вспомнилось, как он собирал книги по химии на немецком, английском, французском и русском языках; как целыми днями ходил по книжным лавкам и библиотекам; как потом делал пространные выписки, стремясь постичь тайны приготовления пороха, нитроглицерина, пироксилина и не так давно изобретенного Альфредом Нобелем динамита.

Его каморка на окраине города, куда он не впускал даже квартирную хозяйку, постепенно превратилась в крохотную химическую лабораторию. Первые пробные опыты по приготовлению взрывчатых веществ он проводил один, хотя это было трудно. «Если произойдет несчастье,— говорил он друзьям,— пусть погибну один. Я против бессмысленных жертв!..»

Десятки поставленных опытов помогли Кибальчичу разработать своеобразный и относительно простой метод приготовления взрывчатых веществ. Испытания в лесу дали хорошие результаты.

Тогда была нанята и оборудована тайная квартира. Кибальчич с двумя товарищами взялись за работу. К лету 1879 года Исполнительный комитет располагал несколькими пудами динамита, и его агенты взялись за подготовку взрыва царского поезда под Москвой, Одессой и Харьковом. По какой бы дороге ни возвращался царь из Крыма,

его поезд неминуемо должен был взлететь на воздух. Но покушения под Одессой и Харьковом не удались, а под Москвой ошибочно взорвали поезд со свитой... И вот теперь — в Зимнем...

Кибальчича мучила неизвестность. «Неужели царь даже не ранен? Удалось ли скрыться смельчаку?.. Грозит ли опасность нам?» Перед ним вдруг предстало лицо Квятковского с проницательными глазами и послышался задушевный голос: «До встречи!» Бедный Квятковский! Его схватили задолго до взрыва, и сейчас он томится в Петропавловской крепости. Что, если из его квартиры не успели до ареста вывезти динамит и жандармы нашли его? Бедный, бедный Квятковский! Боюсь, что этот взрыв в Зимнем может стать для него роковым...

4

Второй день после взрыва в Зимнем прошел для Кибальчича еще более тяжко. Газеты ничего нового не сообщили, лишь перепечатали вчерашнюю информацию из «Правительственного вестника». Из друзей никто не появлялся... Целый день проходив по комнате, Кибальчич устал и в сумерки прилег отдохнуть.

Было совсем темно, когда в передней раздался звонок.

— Кто там? — спросила хозяйка, подойдя с лампой к дверям.

— К Максиму Петровичу, товарищ,— ответили за дверью.

«Желябов! Наконец-то...» — Кибальчич вскочил, обул штиблеты и вышел в переднюю. Там уже раздевался гость — высокий, темно-русый богатырь.

Он крепко сжал руку Кибальчичу, не спеша расчесал густую бороду и прошел в комнату.

Кибальчич, войдя следом, плотно притворил дверь.

«Ну и красавец, ну и орел! — вздохнула хозяйка.— Ведь дает же бог счастье некоторым...»

Оба посмотрели на дверь и, когда за ней утихли шаги и исчез свет, бросились друг другу в объятия.

— Ну что, Андрей? Что происходит в городе? Я извелся от неведения.

— Все хорошо, Николай. Мы хоть и не достигли цели,— понизив голос, продолжал Желябов,— но взбудоражили всю Европу. Тиран напуган смертельно.

— Ты думаешь, он пойдет па уступки?

— Возможно. Но нас пе удастся обмапуть обещаниями. Мы выполним волю Исполнительного комитета. Я с этим и пришел...

— Понимаю. Однако мне бы хотелось знать... Я хотя и не член Исполнительного комитета «Народной воли», но его агент. И в случае провала первым пойду на виселицу... Что в Зимнем? Неужели взрыв был слабым? Или не там заложили мину?

— Расчеты оправдались полностью, Николай. Взрыв разрушил перекрытия, и если бы царь не опоздал в столовую — с ним было бы покончено.

Кибальчич вздрогнул от этих слов.

— А что известно еще?

— Наши были у Зимнего — дворец словно вымер. Почти все окна со стороны Салтыковского подъезда выбиты взрывом. Даже на набережной многие дома без стекол...

— Ну, а наши? — с тревогой спросил Кибальчич.

— Я не имею права,— на миг замешкался Желябов.— Об этом осведомлены даже не все члены Исполнительного комитета... Однако ты должен знать.

— Нет, если... Я не настаиваю.

— Ты должен знать! — настойчиво продолжал Желябов и перешел на шепот: — Взрыв устроил наш агент Степан Халтурин, работавший столяром в Зимнем. Ему помогли скрыться, и теперь он вне опасности.

— Вот славно! Я очень рад. Дай пожму твою руку.

Желябов протянул широкую крестьянскую ладонь, и Кибальчич крепко обхватил ее тонкими белыми руками.

В передней мелькнул свет — хозяйка подошла к двери, спросила:

— Максим Петрович, не угодно ли чайку, у меня самоварчик вскипел.

— Благодарю вас, Анастасия Маркеловна, не откажемся. Я сейчас выйду.

За чаем, в шутливых тонах, он рассказывал Желябову о своей «болезни» и о том, как лечила его хозяйка «верным средствием». Но как только самовар и посуда были отнесены на кухню и в передней стало темно, друзья опять уселись на диван.

— Меня, Андрей, эти два дня мучили воспоминания и раздумья... В газетах пишут, что при взрыве погибло восемь солдат.

— Не восемь, а десять! — строго поправил Желябов.— Конечно, жаль! Они ни в чем не виноваты... Но что значат эти десять солдат в сравнении с бессмысленными, преступными потерями под Плевной? Ведь там, говорят, полегло тридцать тысяч! И все потому, что главнокомандующий, великий князь, хотел угодить своему великодержавному братцу в день именин и дал сражение, совершенно не подготовившись к штурму крепости.

— Это просто ужасно, Андрей. Но ведь там же была война!

— Мы тоже ведем войну, мой друг! И наша война важнее! Важнее потому, что мы воюем не за царя, а с царем!

— С этим нельзя не согласиться,— в раздумье сказал Кибальчич,— однако все-таки тяжело сознавать, что погибли невинные люди.

— Ни одна, даже самая малая, война не обходится без жертв. А ведь ты знаешь, что мы вступили в войну с тиранией и абсолютизмом.

— Да, да... но лучше не будем об этом, Андрей. Я чувствовал себя оба дня очень одиноко и много думал.

— Вероятно, опять одолевали мысли о каких-нибудь новшествах?

— Нет, не совсем... Я вспоминал прошлое. Когда-то мне хотелось выучиться на инженера, а потом уйти в народ и трудиться для него. Я мечтал создать для крестьян новые машины, которые бы помогали в обработке земли.

— Тебя снова потянуло к народничеству, от которого ты сам ушел к активной борьбе.

— Не совсем так, Андрей. Даже далеко не так.

— А что же?

— Порой мне хочется уйти от жестокостей и заняться мирным изобретательством. Я чувствую в себе способность и силу создать для человечества что-то очень важное, какую-то необыкновенную машину, которая не только сможет облегчить жизнь тысячи людей, но и вызовет всеобщий прогресс.

— Это интересно, Николай. Что же именно ты думаешь изобрести?

— Помнится, когда я ставил опыты со взрывчатыми веществами, меня поразило одно явление.

— Да? Какое же именно?

— Я как-то спрессовал порох, чтоб уменьшить объем

заряда. Потом, в лесу, поджег пороховую шашку, чтоб определить силу взрыва.

— И что же?

— Взрыва не произошло. Порох вспыхнул и стал гореть жарким пламенем.

— Вот как? — удивился Желябов.— Что же из этого следует?

— Горящий порох выделяет огромную энергию... Я думал тогда и думаю сейчас, что, используя эту энергию, можно было бы создать машину-двигатель, которая бы приводила в действие паровозы и огромные пароходы, заменяя пар. Сократились бы затраты фантастически, и нам бы не пришлось вырубать богатырские русские леса.

— Весьма возможно. Эту идею необходимо осуществить,— горячо и страстно заговорил Желябов.— Однако не сейчас.

— А когда же?

— Вот уничтожим тирана, и тогда откроются широкие возможности.

— Ты в этом уверен, Андрей? — загораясь, спросил Кибальчич.

— Да! И ты должен быть уверен! Только вера в будущее, в светлое и прекрасное будущее может вдохновить нас на подвиг. А сейчас нужно трудиться, мой друг. Исполнительный комитет принял решение готовить новое покушение — подкоп! Подкоп под мостовой, по которой ездит царь.

— Значит, снова мина? — с некоторым недоверием спросил Кибальчич.

— Да! Как видишь, комитет возвращается к твоей идее.

— Я нахожу это разумным и готов сделать все, что от меня потребуется.

— Спасибо, друг! Исполнительный комитет и не ждал от тебя другого ответа. Спасибо!

— Это я должен благодарить за доверие.

— Полно, Николай.— Желябов обнял друга.— Есть еще одна мысль, которую необходимо обсудить с тобой. Кстати, в осуществлении ее ты как раз и мог бы проявить свой изобретательский талант.

— Что же это за мысль?

— Видишь ли, Николай. На этот раз тиран должен быть казнен во что бы то ни стало. Мы не можем допустить осечки. В случае неудачи взрыва в ход будут пуще-

ны револьверы. А если и это не поможет, царя нужно прикончить кинжалом.

Кибальчич побледнел:

— Понимаю, но я едва ли гожусь... Впрочем, если комитет сочтет необходимым — я готов!

— Нет, ты не понял, Николай. Мне поручено обсудить с тобой вопрос о новом, более надежном оружии. Нельзя ли создать метательный снаряд, нечто вроде бомбы, которая бы взрывалась при падении на землю.

— Понимаю, чтоб ее можно было бросать не военному человеку?

— Вот! Вот! Но чтобы она обладала большой разрушительной силой и могла поражать наверняка. Это возможно?

— Надо подумать. Пока в мире ничего подобного не существует.

— Подумай, друг. Такую бомбу необходимо создать. Если ты ее изобретешь,— это будет огромный вклад в революционную борьбу. Мы бы легче осуществили свою цель и обошлись бы без напрасных жертв.

— Да, да, безусловно. Я буду думать над этим, Андрей. Вот тебе моя рука!

Желябов встал, взял руки Кибальчича в свои:

— Спасибо, друг! Желаю удачи!

— А как же с приготовлением динамита?

— Надо переждать... Сейчас ты уже можешь выходить из дому, но тебе категорически запрещается видеться с кем-либо из агентов комитета или появляться на тайной квартире. Ты сейчас бесценный человек для партии, и я, как член Исполнительного комитета, отвечаю за твою безопасность.

— Как же быть? Когда же мне будет разрешено?

— Когда будет можно, я дам знать. Ну, прощай!

Желябов оделся и, еще раз пожав руку Кибальчичу, ушел в ночь...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Сергей Андреевич Стрешнев, несмотря на свою молодость и либеральность взглядов, был на хорошем счету у его превосходительства директора гимназии Крона. Важ-

ный, бородатый старик из обрусевших немцев, он не столько ценил знания Стрешнева и его способность увлекательно читать лекции, сколько учтивость и аккуратность. Именно за эти качества еще осенью он и рекомендовал Стрешнева репетитором в семью присяжного поверенного Верховского, одного из самых знаменитых адвокатов Санкт-Петербурга.

В назначенное время Стрешнев, застегнув новенький вицмундир на все пуговицы, в большом смущении вошел в роскошный кабинет, устланный дорогими коврами.

— А вот и вы! Отлично! Превосходно! — громко воскликнул сидевший за массивным столом крупный мужчина с черными дугообразными бровями и пышными баками. Он поднялся, окинул гостя быстрым наметанным взглядом и с приветливой улыбкой протянул руку:

— Рад, рад познакомиться. Слышал о вас весьма лестные отзывы... кажется, Сергей Андреич?

— Да, благодарю вас... Я тоже рад,— все еще в смущении сказал Стрешнев.

— Пожалуйста, чувствуйте себя свободно, Сергей Андреич, без всяких церемоний. Наши отношения должны быть простыми и дружескими. Ведь мы с женой вверяем вам Машеньку — самое дорогое и любимое существо.

— Спасибо. Очень славная девочка.

— Вот и расчудесно. Присаживайтесь. Потолкуем. Меня зовут Владимир Станиславович.

— Очень приятно.— Стрешнев опустился в кожаное кресло, Верховский сел рядом на диван, взял со стола инкрустированный ящик с сигарами:

— Не угодно ли, Сергей Андреич?

— Благодарствую, Владимир Станиславович, не курю.

— И отлично делаете. Отлично! Я тоже бросаю. Влияет, знаете ли, на голос... А мне ведь приходится ораторствовать... Ну-с, так ближе к делу... Чтоб не было между нами никаких недомолвок, давайте сразу и порешим все.

— Пожалуйста. Я к вашим услугам.

— Машенька ваша ученица, и вам виднее, сколько раз в неделю с ней нужно заниматься.

— Я полагаю, три раза.

— Отлично!.. Мы тоже так думали... Вы не обидитесь, если я вам назначу,— загадочно улыбнулся Верховский,— скажем, пятьдесят рублей в месяц.

— Пятьдесят рублей! — изумленно повторил Стрешнев.— Благодарю вас... но это так много... Мне, право, неловко...

— Полно, полно, Сергей Андреич,— дружелюбно улыбнулся Верховский.— Неловко и стыдно брать мало. Это унижает достоинство человека. А много — хорошо! Уж вы поверьте мне, старому стряпчему. В этом — внимание, уважение, почет!.. Пойдемте-ка лучше, я вас представлю жене...

С этого дня Стрешнев начал заниматься с десятилетней Машенькой и скоро стал в доме Верховских своим человеком. Пятьдесят рублей сверх жалованья сразу сделали Стрешнева материально обеспеченным. Вскоре произошло неожиданное — Сергей влюбился! Влюбился горячо, самозабвенно. Избранница Стрешнева Лиза Осокина была не только хороша собой, но и близка ему по взглядам и общественному положению. Дочь скромного чиновника, она только окончила гимназию и теперь преподавала в начальных классах городского училища.

К пятому февраля, когда произошла памятная встреча друзей, Сергей уже все свободное время проводил с Лизой. Его участие в рабочем кружке «Народной воли» стало весьма пассивным. Сергей не изменил своим идеалам, а лишь просил товарищей освободить его на время от пропагандистской работы для устройства личных дел.

Встреча со старым другом разволновала Сергея.

После ночи, проведенной у Кибальчича, он был в гимназии рассеян, говорил невпопад, и все подумали, что он нездоров. Стрешнев действительно чувствовал себя больным и, еле дотянув до конца занятий, на извозчике уехал домой.

Вечером у него разболелась голова, и на другой день он поднялся совершенно разбитым. Однако не явиться в гимназию было нельзя: столицу лихорадило, и его отсутствие могли истолковать превратно.

С трудом проведя уроки, Сергей поехал к Верховским. Было неловко пропускать домашний урок. Кроме того, он надеялся узнать подробности о взрыве в Зимнем.

После занятий с Машенькой Стрешнева, как всегда, пригласили обедать. На этот раз у Верховских обедали старые друзья: товарищ прокурора судебной палаты Федор Кузьмич Барабанов — бледный, болезненный и поэтому желчный человек, и сенатор Аристарх Аристархович Пухов — тучный седой старик, у которого большую часть

лица занимал тупой мясистый нос. Казалось, что на сенаторе была маска с дырочками для глаз и огромным носом, к которому приклеили усы.

Машенька после урока заглянула в гостиную и, захлопнув дверь, прыснула:

— Сергей Андреич, морж! Посмотрите, пришел настоящий морж...

За столом, где кушанья подавал лакей во фраке, сенатор-«морж» говорил больше всех и казался Стрешневу самой значительной фигурой. Разговор сразу же зашел о событиях в Зимнем.

— Так вот, господа,— назидательно басил сенатор, выставив свой нос и шевеля густыми усами,— государь спасся благодаря лишь божественному провидению. Он задержался с только что приехавшим в Санкт-Петербург принцем Гессенским. Взрыв раздался в тот момент, когда они направлялись в столовую.

— Поразительно! — прошептала хозяйка Алиса Сергеевна, пышная блондинка с яркими губами.

— Было страшное смятение. Но государь проявил большую твердость духа. Вчера и сегодня были совещания у государя, но пока ничего определенного... Поговаривают...— Сенатор, ощетинив усы, поднес палец к губам.— Только это, господа, строго конфиденциально,— поговаривают, что от цесаревича исходит предложение о создании Верховной комиссии под председательством графа Лорис-Меликова, которой якобы будет передана вся полнота государственной власти.

— Граф сейчас же начнет заигрывать с либералами,— с ехидной усмешкой заметил прокурор.

— Не думаю-с... Впрочем, для видимости — возможно... Но главная задача графа, господа,— басил сенатор,— твердость государственной власти. Уж он заставит мазуриков трепетать. Да-с, заставит! Я знаю графа.

— А что, Аристарх Аристархович,— прервала Алиса Сергеевна, улыбнувшись,— злоумышленника еще не поймали?

— Ускользнул, разбойник. Ускользнул и сумел замести следы.

— Да-с. Однако это же конфуз, господа,— картинно развел руками Верховский,— конфуз и позор для всей России.

Все посмотрели на прокурора. Тот пощипал бритый подбородок, сухо кашлянул в платок:

— Не все сразу, господа. Не все сразу. Преступника ищут, и я надеюсь, он скоро будет схвачен.

— Н-да-с, когда рак свистнет! — съязвил сенатор и глухо засмеялся.— Я бы давно разогнал всю полицию, если бы моя власть...—Он сердито огляделся и стал есть.

— А я слышал, что будто бы напали на верный след,— сказал Верховский.

— Да, да, рассказывают, что будто бы взялись за тех террористов, — прожевывая кусок телятины, опять заговорил сенатор,— которые еще раньше были пойманы с динамитом. Этого Квятковского, Преснякова и прочих...

— Вот, вот, именно о них я и слышал,— ухватился за его фразу Верховский.

— Слухи идут, только я не очень верю... Впрочем, эти дела, господа, лучше знает Федор Кузьмич,— кивнул сенатор на прокурора,— это в его компетенции.

Прокурор пожевал тонкими губами, но промолчал.

— Голубчик, Федор Кузьмич,— взмолилась хозяйка,— ну не мучьте же, ведь здесь все свои.

— Г-м... Собственно, что сказать?.. Пока известно лишь заключение экспертизы, утверждающее, что отобранный у преступников динамит не иностранного и даже не фабричного изготовления.

— Помилуйте! Неужели делают сами? — всплеснула руками Алиса Сергеевна.

— Вероятнее всего! — Прокурор саркастически скривил тонкие губы: — Есть предположение, что теперь этому делу будет дан новый ход.

Стрешнев почувствовал, что побледнел, и скорей начал есть, чтоб не выдать волнения. Но маленькие острые глазки сенатора уже давно наблюдали за ним.

— Позвольте, господа, позвольте,— заговорил он, высоко поднимая вилку.— Я думаю, что главное зло — в нигилизме. Все беды от этого. Им, этим нигилизмом, буквально заражены молодые люди... Э... да вот, к примеру, хоть вы, хе-хе,— он повел носом в сторону Стрешнева,— здесь все свои, да-с... стесняться нечего. Ну-с, признайтесь, молодой человек, хе-хе, симпатизируете вы нигилистам?

Стрешнев вздрогнул, растерянно взглянул на сенатора, но его выручил хозяин.

— Помилуйте, Аристарх Аристархович! — зарокотал он, удивленно раскинув руки.— Этак вы, пожалуй, и меня и господина прокурора можете произвести в нигилисты.

Все засмеялись. Верховский, воспользовавшись этим, поднялся с бокалом и торжественно провозгласил:

— Господа, я предлагаю выпить за счастливое избавление государя императора!..

После обеда знатные гости остались перекинуться в покер, а Стрешнев откланялся и, не мешкая, вышел на улицу. На душе было тревожно. Он сознавал, что должен немедленно предупредить Исполнительный комитет. Однако никого, кроме пропагандистов, он не знал. «Что делать?» Вспомнился Кибальчич. Встали пред глазами книги о взрывчатых веществах. «Боже мой! Что же я думаю? Нужно немедленно предостеречь друга, если еще не поздно». И Стрешнев, крикнув извозчика, помчался к Кибальчичу.

2

Сгущались сумерки. В цвете неба, снега, деревьев, даже домов преобладали лиловатые тона, вызывавшие ощущение беспокойства и тревоги.

Легкие санки со скрипом неслись по укатанной снежной мостовой. Сытый жеребец пофыркивал и бил комьями снега в окованный железом передок. Колючий ветер обжигал лицо и уши. Нахлобучив фуражку, Стрешнев прятал голову за широкую спину извозчика. «Только бы быстрей! Только бы застать дома!» — думал он и, прищурив слезящиеся от ветра и снежной крупы глаза, посматривал на знакомые улицы.

«А вдруг уже поздно? Вдруг его схватили и увезли, а в квартире оставили засаду?» Стрешнев поежился от пробежавшего по спине озноба: «Ведь не поверят, что не виноват, а арестуют и засудят как государственного преступника. Шутка ли — покушение на жизнь самого монарха? А Лиза? Что будет с бедняжкой? Ведь она с ума сойдет...»

Стрешнев покашлял в кулак, подул на замерзающие пальцы в тонких перчатках и засунул руку под медвежью полость. «В квартиру идти нельзя. Это безумству подобно!.. Как жаль, что я никого больше не знаю и не могу предупредить...»

— Тпрр! — крикнул извозчик и, натянув вожжи, остановил жеребца.— Не в этот ли переулок, барин?

Стрешнев посмотрел сквозь снежную муть на почти неосвещенную громаду дома:

— Пожалуй, сюда!

В этот миг из ворот справа выскочил безусый молодой человек в пальто нараспашку, с шапкой в руках, и бросился к санкам:

— Умоляю, спасите! За мной гонятся.

Стрешнев испуганно поднял глаза и не сразу нашелся.

— Садись, чего думать-то,— повернувшись, крикнул извозчик,— конь добрый, авось ускачем.

— Да, да, конечно,— растерянно пролепетал Стрешнев, отстегивая полость.

Незнакомец юркнул в санки, втянул голову в плечи.

Извозчик свернул в переулок и, ослабив вожжи, гикнул.

Незнакомец схватил руку Стрешнева и, гулко дыша, заговорил:

— Благодарю вас, господин учитель! Нет слов, как благодарю.

— Ну что вы, что вы,— смутился Стрешнев,— если все обойдется — я буду рад!

Извозчик, не спрашивая дорогу, петляя, гнал по незнакомым переулкам, пока не выехал на глухую и темную улицу. Там, осадив жеребца, он обернулся к седокам и подмигнул:

— Ну, кажись, ушли... теперь не догонят.

— Сердечное вам спасибо,— с одышкой сказал незнакомец.— Вы храбрый человек. Вот вам на водку.

— Благодарствую. Только я и так бы... Куда же теперь?

— Если можно, еще квартала два, и я сойду.

— С нашим удовольствием! — понимающе усмехнулся извозчик и показал жеребцу кнут. — Но, но, оглядывайся!

Снова снежные комья застучали по железному передку.

— Стой! Стой! Осади! — послышалось из темноты. Жеребец остановился. Пред ним с поднятыми руками стоял усатый городовой.

Не успели седоки сообразить, что случилось, как из-под арки каменного дома вышел, гремя шашкой, высокий пристав в длинной шинели с меховым воротником. Приблизясь к саням, он взял под козырек:

— Куда изволите ехать?

— В ее императорского величества Марии Александровны женскую классическую гимназию, на заседание совета,— отчеканил Стрешнев.

Пристав вгляделся в форменную шинель Стрешнева и снова поднес руку к козырьку:

— Прошу прощения, господа, но именем закона прошу освободить извозчика для доставки в часть государственного преступника.

— Извольте, если это необходимо,— сказал Стрешнев и первым вышел из саней. Незнакомец последовал за ним.

Пристав махнул рукой, и двое полицейских вывели из ворот молодого человека с русой, как у Стрешнева, бородкой. Полицейские посадили его в санки и сели по бокам. Городовой встал сзади.

— Трогай! — приказал пристав.

Ямщик взмахнул кнутом, и жеребец помчался.

«Что же будет с нами?» — подумал Стрешнев, взглянув на случайного товарища, потом на пристава. Но тот молча приложил руку к козырьку и широким шагом пошел во двор.

— Идемте, идемте скорей,— прошептал незнакомец и потянул Стрешнева.— Идемте, пока они не одумались.

Они пробежали несколько переулков и остановились у глухой каменной ограды.

— Здесь кладбище. Сюда едва ли придут,— задыхаясь, сказал незнакомец.— Уж не знаю, как и благодарить вас. Ведь вырвались из пасти крокодила.

— Да, а вот тот несчастный!..

— Ужасно! Это наш товарищ. Прекраснейший человек.

— Неужели? А он даже не взглянул на вас.

— Благороднейшая личность. О, вы о нем еще услышите!

— А вы?.. Впрочем, я забываюсь... Однако мы вместе прошли через испытание... Вы революционер?

— Да, и этим горжусь!

— Я тоже душой с вами... и даже более того,— смущенно заговорил Стрешнев.— Я рад, что встретил вас, и мне крайне необходимо посоветоваться.

Незнакомец внимательно осмотрел улицу, прислушался:

— Здесь ни души. Говорите.

— Я шел к одному человеку, чтобы предупредить его. Правда, не знаю, может, он и не причастен...

— Дело касается взрыва в Зимнем? — нетерпеливо перебил незнакомец.

— Да. Я хотел предупредить... Но может, небезопасно к нему идти?

— Именно! Вы видите сами, что творится. В городе облавы. Может, его уже взяли, а за их квартирой следят.

— Что же делать?

— Доверьтесь мне, дорогой друг. Если не смогу сам, так наши люди предупредят.

Стрешнев приблизился к самому уху незнакомца:

— В одной семье, где бывают высокопоставленные лица, я слышал про динамит, найденный у арестованных, что в крепости.

— Да, да, так что же?

— Установлено, что он кустарного производства,— будут искать мастерскую... А мой друг...

— Вы говорите о Максиме?

— Как? Вы знаете?

— Да, знаю, спасибо! Вы настоящий друг и благороднейший человек. Надо спешить! Дайте мне пожать вашу руку. Вот так. Прощайте! Все будет сделано. Да хранит вас бог!

Незнакомец поклонился и скрылся в глухом переулке.

3

Комнату наполняли взволнованные, тревожные звуки бетховенской Лунной сонаты.

Девушка в темном глухом платье играла порывисто, нервно. Ее гибкий стан и тонкие руки вздрагивали.

По столице из дома в дом ползли зловещие слухи об арестах студентов, о ночных облавах на социалистов. У всех на устах было модное словечко «террорист», которое влекло и пугало. А от Сергея четвертый день никаких известий...

Лиза, играя, старалась отвлечься от гнетущих мыслей. Она знала, что Сергей симпатизировал революционерам и даже участвовал в кружках и сходках. «Что, если он в беде и не может подать вести?..»

Дверь тихонько приоткрылась, и из-за портьеры выглянуло озабоченное лицо матери.

— Лизонька! Играй потише, папа из собора пришел.

Лиза вздрогнула и закрыла крышку рояля. Мать подошла, ласково обняла за плечи:

— Что с тобой, голубушка? Уж не заболела ли?

— Мне страшно, мама!

— Полно, милая. Теперь уж все страхи позади. Народ успокаивается... Убиенных, говорят, похоронили с почестями, гробы выносили офицеры да генералы. Государь-император, слава богу, жив и невредим... Папа был на молебствии в Исаакиевском соборе. Говорит, народу было — таракану не проползти! А службу служили три митрополита: Санкт-Петербургский, Московский и Киевский.

— Я за Сережу боюсь.

— Да ведь, чай, в гимназии тоже переполох был... До тебя ли ему?.. А вот угомонятся немножко, он и явится. Может, еще сегодня заглянет.

Мать нежно поцеловала Лизу.

— Ну я пойду, постелю отцу. После молебна хочет часок соснуть...

Оставшись одна, Лиза задумалась и на мгновение представила Сергея. Неужели с ним случилась беда?

На улице завывал ветер. Лиза встрепенулась и подошла к окну. Снизу стекла были разрисованы серебристыми лапами инея. Она приподнялась на цыпочки и посмотрела вниз. Улица была холодна и пустынна. У обледенелого цоколя дома со свистом мела поземка. Лиза почувствовала, как устали икры ног, и, отойдя от окна, села в старенькое кресло.

Какой-то мудрец сказал: «Человек, стоящий на цыпочках, не может стоять долго». Это верно! А нас заставляют тянуться и даже стоять на цыпочках... Отец — честный, гордый человек, дворянин, а вот разорился и теперь вынужден прислуживаться... Знаю, он не верит в бога и не любит царя, а принужден был пойти в собор и молиться за счастливое избавление... Такова жизнь. Кругом лицемерие, ложь, мерзость. Все мы принуждены стоять на цыпочках.

Независимы и свободны те немногие, что бросают вызов царю. Да, это герои! И поразительно, что среди них есть женщины. О, как бы я хотела немного походить на Веру Засулич, она не побоялась выстрелить в одного из главных сатрапов царя... Сережа прав — каждый честный человек должен помогать революционерам, участвовать в борьбе с деспотизмом. Мы учим детей. Это благородно. Но ведь мы не можем сказать им правду. Над нами директора, инспектора, попечители... А революционеры призывают бороться за свободу. Жить и трудиться для народа. Как это хорошо. Как прекрасно!»

В передней дважды звякнул колокольчик. Ой, неужели? Так звонит только он. Лиза подбежала к трюмо, поправила уложенные в коронку золотистые косы и поспешила навстречу гостю.

— Ну вот видишь, Лизонька, я словно чувствовала, что Сергей Андреич придет,— с улыбкой говорила мать, пока Стрешнев раздевался.— Проходите, проходите, пожалуйста. Уж мы тут не знали, что и подумать... Так долго не были.

— Да, да, извините великодушно... Такие события... и не было никакой возможности приехать.

Стрешнев поцеловал руку хозяйке, поздоровался с Лизой и вслед за нею прошел в комнаты.

Екатерина Афанасьевна тотчас разбудила мужа и, пошептавшись с ним, послала тетку Пелагею за хорошим вином, а сама с кухаркой принялась готовить праздничный обед...

Усадив Стрешнева в кресло, Лиза присела рядом:

— Что случилось, Сережа? Я ужасно волнуюсь... Все ли у тебя хорошо?

— Да, Лизок, все слава богу. Однако были происшествия необычайные, о которых в двух словах не расскажешь... Да и, признаюсь, об этом нельзя...

Большие серые ясные глаза Лизы взглянули на него с укором:

— Сережа, как ты можешь?

— Нет, нет, Лизок,— смущенно заговорил Стрешнев,— я так... я знаю, тебе можно доверить любую тайну. Ты умеешь...

— Так что же? Что случилось?

— Нас никто не услышит? — таинственно спросил Стрешнев.

Лиза встала, плотно притворила дверь и села еще ближе:

— Говори, никого нет.

— Это страшная тайна, Лизок, связанная с покушением на государя...

И Сергей, перейдя на шепот, рассказал о своей встрече с Кибальчичем, о ночи, проведенной у него, о разговоре за обедом у Верховских и, наконец, о вчерашнем незнакомце.

Когда он кончил, Лиза взволнованно взяла его за руку:

— Ты славный, Сережа. Теперь я еще больше тебя люблю... Но я боюсь, что этот таинственный незнакомец не смог предупредить твоего друга.

— Как не смог? Ведь он же...
— А еслп его схватили?
— Невероятно... Ведь ночь...
— Бывают же всякие случаи. Вдруг его убпли грабители или, не дай бог, задавила конка. Ведь ты не знаешь, предупредил ли он?
— Да, конечно... Но что же делать?
— Надо немедленно ехать и предупредить. И знаешь что,— глаза Лизы загорелись, на щеках вспыхнул румянец,— лучше всех это сделаю я.
— Что ты говоришь, Лиза?
— Да, так будет безопасней. Если меня задержат, скажу, ищу портниху и ошиблась адресом. Против меня у нпх нет никаких улик.
— Пожалуй, так... Но я не могу тебя пустить одну.
— Ты же будешь рядом. Ты станешь следить за мной и охранять. Сделаем вид, что мы чужие, и прпдем не вместе... В случае чего — сообщишь папе. У него есть связи — меня освободят.
— Ох, какая ты, Лизок.
— Тогда едем! Едем немедля. — Лиза встала и первая пошла в переднюю.
Услышав голоса в передней, Екатерина Афанасьевна вышла из кухни:
— Батюшки, да куда же вы, голубчикп? Ведь через полчаса обед.
— Мы скоро, мамочка. Мы только пройдемся.— Лиза подлетела к матери, поцеловала ее в щеку и выпорхнула за дверь. Не доезжая до нужной улицы, они отпустили извозчика. Стрешнев объяснпл Лпзе дорогу и просил ее немного побыть в кафе, а сам пошел посмотреть, не дежурят ли шпионы.

Минут через десять они встретились под аркой проходного двора, и Стрешнев, указав на подъезд, шепнул: «Все в порядке, иди, я буду следить».

Лиза, в темной бархатной шубке, отороченной мехом, с муфтой на шнурке п в изящной шапочке, походила на столичную модницу и вряд ли могла вызвать подозрение. Она легко поднялась на четвертый этаж и, остановившись у двери с цифрой «16», дернула ручку звонка. У нее уже был готов вопрос хозяйке, но на звонок никто не отозвался. Лпза позвонила более настойчиво. За дверью послышались шаги, и спокойный мужской голос, красивого тембра, спросил:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, мне нужно видеть хозяйку. — Как у Лизы вырвались эти слова, она и сама не знала. Когда стукнула щеколда, сердце забилось учащенно, и она готова была стремглав броситься вниз. Но дверь приоткрылась, и Лиза увидела выразительные карие глаза.

— Анастасии Маркеловны нет дома, но вы заходите, она скоро придет.

Лиза вошла, огляделась.

— А больше никого нет в квартире?

— Никого... Но вы не бойтесь, я буду в своей комнате, а вы пройдете к хозяйке.

— Простите,— преодолев волнение, спросила Лиза,— вас зовут Максимом?

— Да, Максимом Петровичем. Анастасия Маркеловна вам говорила?

— Нет. Я от Сергея Стрешнева.

— Ах вот как? Вы — Лиза?

— Да, да, вы угадали.

Бледное лицо Кибальчича, окаймленное темной бородой, мгновенно преобразилось: щеки порозовели, и оно стало даже привлекательным.

— Пожалуйста, раздевайтесь, я вам помогу.

— Нет, я на секунду...

— Тогда прошу в комнату.

Лиза прошла и села на краешек стула. Эта грациозная девушка с нежным, раскрасневшимся от мороза лицом, внесла в бедную унылую комнату вместе с запахом духов ощущение юности и радости жизни. Кибальчич почувствовал, что в груди его что-то сладко дрогнуло и словно запело. Он сел рядом и, взглянув в серые красивые, опушенные длинными ресницами глаза Лизы, тихо сказал:

— Я вас слушаю.

— Не знаю, успел ли вас предупредить незнакомец, которого спас Сергей... Это нас очень тревожит. Вот я и решилась прийти к вам.

— Да, да, спасибо. Я предупрежден. Сергей поступил мужественно... И вы тоже, Лиза. Благодарю. Я очень рад, что у меня такие чудесные друзья.

— Я тоже очень рада с вами познакомиться.— Она поднялась.— Однако пора — прощайте!

Кибальчич проводил ее до дверей:

— Больше сюда не приходите. Меня здесь не будет... Я постараюсь навестить Сергея и буду рад увидеть вас.

Лиза взглянула в его глубокие, ласковые и грустные глаза и почувствовала, что он тоже взволнован и что ему не хочется ее отпускать. Лиза толкнула дверь и, сдержав порыв стремительно броситься вниз по лестнице, вышла. В квартире остался легкий запах ландыша, а в душе Кибальчича ощущение вешнего половодья и первой песни жаворонка.

4

Царь Александр II — высокий статный старик с усами, закрученными в кольца, держался величаво, внушая страх и вызывая раболепие.

Вечером 5 февраля под руку с принцем Гессенским, окруженный великими князьями, высшими сановниками и генералами, он следовал через залы Зимнего в парадную столовую.

Вдруг тяжкий гул потряс дворец: с треском распахнулись двери, зазвенели стекла и люстры. Царь отшатнулся, но тут же овладел собой.

— Спокойствие, господа, спокойствие! Будем думать, что ничего страшного не случилось. Эй, кто там? Немедля выяснить и доложить!

Несколько генералов и офицеров свиты бросились в глубь дворца, откуда валил густой едкий дым.

— Однако, господа, здесь мы можем задохнуться,— сказал царь как можно спокойнее,— прошу в тронный зал.

Он снова взял под руку дрожавшего принца и пошел впереди других. Их догнал запыхавшийся дежурный генерал.

— Ну что? — спросил царь.

— Ваше императорское величество, в столовой произошел взрыв, очевидно устроенный террористами.

— У меня во дворце террористы? — нахмурился царь.— Это неслыханно!

Он что-то шепнул принцу и вскинул голову:

— Господа, прошу извинить! Ввиду чрезвычайности обстоятельств я должен удалиться.

Поклонившись, царь быстрым шагом направился в кабинет. Двое офицеров из дворцовой охраны бросились вперед, генералы пошли следом...

У кабинета один из офицеров доложил:

— Кабинет осмотрен, ваше императорское величество. Все спокойно!

— Спокойно! — язвительно усмехнулся царь.— Мигом ко мне шефа жандармов и генерал-губернатора! Да еще... срочно пошлите за графом Александром Владимировичем. Больше никого не пускать. Разумеется, кроме наследника...

Шеф жандармов Дрентельн, генерал-губернатор Гурко и министр двора Адлерберг были уже во дворце и вели спешное расследование. Картина разрушения производила ужасающее впечатление. От взрыва образовались горы мусора из цементных глыб, кирпича, досок, железа. Над всем этим висело густое бело-красное облако пыли и слышались стоны придавленных.

Приказав войскам оцепить дворец и начать раскопки оставшихся в живых, Гурко шепнул Дрентельну, что необходимо принять меры к розыску «злоумышленников». Тот понимающе кивнул: он уже успел дать распоряжение жандармам задерживать всякого подозрительного.

Они вошли в кабинет царя.

Александр, бледный и угрюмый, сидел за письменным столом. Он окинул вошедших холодным взглядом и пальцем поманил к столу, не предложив сесть. Когда они приблизились и встали навытяжку, сухо сказал:

— Докладывайте!

Услыхав о разрушении сводов и о том, что заживо погребено больше десяти человек, царь поморщился: «Слава богу, не я. А ведь мог бы тоже лежать под обломками. Который раз милует господь... А эти канальи совсем меня не берегут. Одни рапорты. Одно бахвальство...» Он встал:

— Я недоволен вашим бдением, господа. Да-с, недоволен. Потрудитесь немедля поднять на ноги всю полицию и привести в готовность войска. Закройте все дороги и все тропинки из города. Надо схватить крамольников. Об остальном поговорим завтра...

Старый придворный лис граф Александр Владимирович Адлерберг был не только министром двора, но еще и самым близким другом императора. Они были одногодки, вместе росли и почти полвека не разлучались. Отлично зная крайне неуравновешенный и мстительный характер

государя, Адлерберг не хотел оказаться в кабинете, когда царь будет распекать губернатора и шефа жандармов, ибо чувствовал за собой не меньшую вину. Он решил выждать и явиться, когда у государя «спадет гнев».

Дожидаясь в приемной, пока выйдут Гурко и Дрентельн, он увидел в окружении офицеров свиты могучую фигуру наследника-цесаревича и бросился навстречу.

В двух словах доложив о случившемся, он выразил сожаление о злодеянии и радость, что перст провидения оказал себя и на этот раз.

— Волею всевышнего государь император жив-здоров и изволит ждать вас в своем кабинете.

Проводив цесаревича до двери, Адлерберг и на этот раз не вошел в кабинет, а стал дожидаться в приемной, на случай, если государь его потребует...

И лишь после того как вышли генералы и уехал цесаревич, он решил, что его время настало, и, расчесав седые подусники, мягко вошел в кабинет.

Царь сидел на диване, опустив голову на грудь. Руки, лежавшие на коленях, тряслись. Услышав, как притворили дверь, царь вздрогнул, но, увидев Адлерберга, обрадовался:

— Граф! Саша! Наконец-то... А я хотел за тобой посылать.— Царь встал, протянул руки и, когда Адлерберг приблизился, обнял его, поцеловал и посадил рядом.

— Как я рад, Саша, что ты пришел. Чувствую ужасное одиночество. Меня гнетут тяжелые мысли. Мне страшно! Только ты — друг! Все другие — враги! Все хотят моей смерти. Все... Саша, милый, мне страшно! — Царь склонился на плечо друга и зарыдал.

— Александр Николаевич, голубчик. Ведь все же обошлось. Сам господь бог бережет тебя.

— Нет, нет, не говори. Надо мной витает смерть. Я боюсь, Саша.

— Да ведь мы же одни. Здесь никого нет.

— Погоди! Я слышу шорох. Вон, вон, взгляни на окно — портьера шевелится. Там, наверное, сидят... Вдруг окно было плохо закрыто?

— Полно, полно, дорогой друг. Ты переутомлен, это от нервного напряжения.

— Нет, нет, мне кажется, что там сидят... Мне страшно!

Адлерберг вынул револьвер и, подойдя к портьере, дернул ее:

— Видишь, тут никого нет и не могло быть.

Адлерберг осмотрел окна, книжные шкафы, даже заглянул в камин. Царь несколько успокоился.

— Саша, мы друзья детства, и прошу тебя не как царь, а как друг,— лицо Александра сделалось кротким, молящим.— Прошу тебя, умоляю — съезди к Кате.

— К княгине Долгорукой?

— Да, к Кате. Бедняжка, наверное, не находит себе места... и я мучаюсь.

— Пожалуйста, если угодно... Может быть, письмо?

— Нет, нет, не то... Я должен ее видеть. А ехать не могу — меня могут убить... Так вот ты съезди и привези ее.

Седые брови графа испуганно поднялись. Он знал о связи царя с княгиней Долгорукой, о их первых свиданиях, когда она только вышла из стен Смольного института благородных девиц. Все эти пятнадцать лет граф был связным между ними, самым близким и доверенным человеком. Он сочувствовал царю и поощрял эту связь, так как видел, что Александр любит княгиню.

В то же время Адлерберг знал, что великие князья и весь высший свет осуждали поведение царя и ненавидели княгиню. До сих пор граф смотрел на эти пересуды сквозь пальцы. У кого из царей не было тайных связей? Кого не осуждали в свете?

Однако привезти Долгорукую во дворец, где тихо умирала законная царица Мария Александровна, до замужества принцесса Гессен-Дормштадтская, было выше его сил. Этим попирались не только законы света, но и каноны двора.

— Ну, что ты молчишь? — нетерпеливо, с нотками раздражения в голосе спросил царь.

— Государь,— переходя на официальный тон, взмолился граф,— это может вызвать нежелательные толки.

Александр вскочил. Лицо его покрылось розовыми пятнами, глаза гневно вспыхнули.

— Кто смеет перечить и осуждать? — закричал он.— Я — царь!

Адлерберг склонился в почтительном поклоне.

— Поезжай немедля и привези Катю во дворец. Я буду ждать в своих покоях...

Адлерберг, кланяясь, вышел. Царь вызвал дежурившего в приемной лейб-медика и вместе с ним прошел в спальню, где позволил себя осмотреть.

Лейб-медик успокоил его, сказав, что никаких угрожающих симптомов нет, но все же просил принять успокоительные капли и прилечь.

Отпустив лейб-медика, царь распорядился приготовить ужин на две персоны и прилег на диван. Полежав, он поднялся, перед трюмо поправил поредевшие волосы, привычным жестом закрутил нафабренные усы и стал ходить по ковру, прислушиваясь к каждому звуку за дверью.

Вот послышались голоса, шаги, дверь распахнулась, и в спальню, обгоняя Адлерберга, вбежала высокая, стройная женщина с глазами газели.

— Катя! — радостно воскликнул царь и бросился целовать ее холодные, румяные щеки и миндалевидные с поволокой глаза.

На другой день в 10 утра во дворец были вызваны наследник-цесаревич, председатель комитета министров старик Валуев, министры: двора, военный, внутренних дел и шеф жандармов. Царь проводил совещание при закрытых дверях. Обсуждался вопрос о расследовании злодеяний и принятия эффективных мер к искоренению крамолы. Высказывалось много различных предложений, но царь не слушал. У него болела голова...

В половине первого совещание было прервано. В час в большой церкви состоялся молебен, а после — импровизированный выход, на котором присутствовал весь свет...

На следующий день совещание продолжалось, но царь опять был не в духе и ничего не желал слушать.

Старик Валуев настаивал на усилении полиции, не считаясь с затратами. Цесаревич предложил создать Верховную следственную комиссию с особыми полномочиями, с сосредоточением в ее руках всей государственной власти.

Царь резко прервал его:

— Достаточно! Я такую комиссию не утвержу. Совещание считаю закрытым.

Все разъехались с тяжелым чувством, а утром 9 февраля были снова собраны во дворце.

Царь на этот раз выглядел спокойней. Он поднялся и ровным металлическим голосом заговорил:

— Господа, отныне мы утверждаем Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Начальником Верховной распорядительной комиссии с чрезвычайными пол-

номочиями нам было угодно назначить героя Карса и Эрзерума графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова.

Собравшиеся встретили это известие с окаменевшими лицами. Для многих оно было тяжелым ударом. Созданием Верховной комиссии практически устранялись Санкт-Петербургское губернаторство и сам генерал-фельдмаршал Гурко; на нет сводилась роль министра внутренних дел Макова; изолировалось и подчинялось комиссии Третье отделение, а его начальник шеф жандармов генерал Дрентельн вынужден был подать в отставку. Утверждением этой комиссии царь избавлялся от неугодных ему сановников.

Выдвигая в диктаторы ловкого правителя Лорис-Меликова, прославившегося в Харькове, в бытность генерал-губернатором, умеренностью мер, царь надеялся, что он сумеет, не ссоря его с либералами, принять крутые меры по искоренению крамолы.

Создание Верховной комиссии взбудоражило столицу. Либерально настроенные люди говорили, что граф поведет политику «волчьей пасти» и «лисьего хвоста».

Всем было ясно, что царь решил спрятаться за спину героя Турецкой войны и его руками жестоко расправиться с революционерами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Часа в три пополудни Кибальчич вышел из редакции журнала «Слово», где сотрудничал, переводя статьи с иностранных языков, и, осмотревшись, пошел на Невский.

Еще утром он наметил побывать в знаменитой аптеке Ференна: надо было приискать некоторые химикалии, инструменты и приборы для новых опытов.

В аптеке толпилось довольно много разнообразного люда, и он, не привлекая к себе внимания, отметил в памяти все, что следовало купить. Закупки должны были сделать другие люди, по частям, чтоб это не вызвало подозрений.

Постояв еще некоторое время у витрин, он купил порошки от головной боли, градусник и вышел на улицу.

Несмотря на послеобеденный час, Невский был многолюден, и Кибальчич поспешил свернуть в глухие переулки.

Он несколько раз останавливался у тумб с афишами, незаметно осматриваясь. Ему казалось, что на другой стороне улицы человек с поднятым воротником и закрученными усами не спускает с него глаз. Кибальчич свернул за угол и, юркнув в знакомое кафе, сел в глубине зала напротив окна. Человек с поднятым воротником не появлялся. Спросив яичницу и кофе, Кибальчич подкрепился и вышел из кафе. Вокруг никого не было. «Ну, значит, мне показалось»,— подумал он и, успокоившись, пошел домой.

А между тем человек с поднятым воротником, остановив проезжавшего мимо извозчика, оказался у дома Кибальчича раньше, чем туда можно было дойти пешком. Как бы мимоходом он оглядел двор, но, подойдя к дому, вошел не в тот подъезд, где жил Кибальчич, а в соседний. Оттуда хорошо была видна арка ворот и окно комнаты Кибальчича.

Время тянулось медленно. Через двор, разговаривая, прошли женщины с корзинами. Сивая лошадь, понукаемая бородатым седоком в тулупе и валенках, везла воз дров. Потом, словно из-под земли, вынырнул старик татарин с мешком за плечами и хриплым голосом закричал: «Старье бе-рем!» Услышав его крик, из подвала вышел рослый краснощекий дворник в белом фартуке и погрозил метлой. Татарин, что-то бормоча, ушел. Снова стало тихо, безлюдно.

Но вот под аркой заскрипел снег, и показался человек в длинном пальто и барашковой шапке. Незнакомец узнал Кибальчича и еще некоторое время стоял, наблюдая за окном напротив. Но вот в окне загорелся свет. Незнакомец вышел из укрытия и, быстро осмотрев двор, устремился в подъезд Кибальчича.

Услышав два тихих и один громкий звонок, Кибальчич вышел в переднюю: так звонили только товарищи по партии. Но, открыв дверь, он попятился: перед ним, в надвинутой на глаза шапке, стоял человек с поднятым воротником, с закрученными усами.

— Что вам угодно? — спросил Кибальчич, овладевая собой.

Человек, войдя, затворил дверь и, сорвав шапку, улыбнулся.

— Не может быть! Саша! — изумленно воскликнул Кибальчич, узнав Михайлова — друга и соратника по пар-

тии, с которым был знаком еще в Новгород-Северской гимназии.

— Я, собственной персоной! — весело сказал Михайлов, протягивая руку.— Ты один?

— Да, один... пожалуйста, раздевайся, проходи... Я так изумлен... мне казалось, что кто-то шел следом...

Михайлов разделся и, взяв Кибальчича под руку, вместе с ним вошел в комнату.

— Да, дорогой друг, это я шел за тобой от самого «Слова». Хотел проверить, нет ли «хвоста». Но все благополучно.

Михайлов ловким движением пальцев опустил нафабренные усы, и лицо его сразу стало простым, веселым: серые задорные глаза смотрели с легкой усмешкой.

— Извини, друг, что заставил тебя поволноваться. Теперь нам следует быть особенно осторожными. Столица наводнена шпионами. Лорис-Меликов стянул сюда лучших сыщиков чуть ли не со всей империи.

— Понимаю... Может быть, чайку, Александр?

— Благодарствую. Дело — прежде всего.

Кибальчич знал, что Александр Михайлов вместе с Квятковским, томящимся сейчас в Петропавловской крепости, Желябовым и Перовской, был организатором партии и ее Исполнительного комитета. Он знал также, что Михайлов считался одним из руководителей партии, ее стражем и охранителем.

— Я слушаю, Александр,— склонив голову, сказал Кибальчич.

Михайлов придвинулся ближе, доверительно положил руку на плечо Кибальчича:

— За последнее время, как ты знаешь, дорогой друг, мы понесли тяжелые потери. Разгром типографии в Саперном переулке, арест Квятковского, Преснякова, Гольденберга и других товарищей.

— Да,— вздохнул Кибальчич,— нас постигло большое несчастье...

— А я часто думаю: почему это случилось? Нет ли тут промахов и ошибок с нашей стороны? Ведь товарищам грозит смерть.

— Да, да, ужасно. Но ведь смерть грозит каждому из нас,— спокойно сказал Кибальчич.— Мы должны выработать в себе чувство презрения к смерти.

— Безусловно, мой друг. Безусловно! И все же мы не должны бравировать этим и подвергать свои жизни опасно-

сти. Ибо мы призваны свершить святое дело освобождения России... Так вот, о деле! Кто из арестованных был с тобой близок?

— Конечно, Квятковский! Он меня и привел в партию. А что?

— Квятковский не в счет — это человек железный. Его не сломят.

— Я знал Преснякова, соратника Желябова по подготовке покушения под Харьковом. Это отважный человек. Когда его арестовывали, ты же знаешь, он стрелял в полицейских.

— С кем ты еще был близок? Гольденберг бывал у тебя?

— Гольденберг не может вызвать сомнений,— запальчиво заговорил Кибальчич, — он же застрелил харьковского губернатора, князя Кропоткина.

— Знаю, и все же прошу тебя, Николай,— нахмурился Михайлов,— мне поручено выяснить все.

— Изволь, если нужно. Я готов! Последний раз мы встретились случайно на станции Елизаветград. Гольденберг ехал в Одессу, чтоб забрать там часть динамита и привезти в Москву. Мы тогда уже знали, что царь поедет из Ливадии не через Одессу, а через Симферополь, Харьков, Москву. Надо было готовить взрыв поезда под Харьковом и Москвой. Так, Гольденберг ехал в Одессу за динамитом, а я — в Харьков, к Желябову, вез купленную в Одессе новую спираль Румкорфа, чтобы обеспечить надежность взрыва.

— Больше вы не встречались?

— Нет. Гольденберг благополучно прибыл в Одессу и был встречен Верой Фигнер, а на обратном пути его арестовали вместе с динамитом.

— Еще кто-нибудь из арестованных знал тебя?

— Нет, больше никто... если не считать случайной встречи со старым другом.

— Что? Он знает тебя, как Кибальчича?

— Да. Но это честнейший и благороднейший человек. Ты его должен помнить по гимназии... Это — Сергей Стрешнев. Он наш. Он пропагандировал в рабочих кружках на Выборгской.

— Стрешнев Сергей?.. А, это сын военного доктора?

— Да, да. Он! — обрадовался Кибальчич.

— Хорошо, я наведу справки. Но больше ни с кем никаких знакомств! Это приказ Исполнительного комитета.

— Слушаю,— твердо сказал Кибальчич.

— И еще два слова, дружище,— смягчившись, с дружеской улыбкой сказал Михайлов, доставая из кармана новый паспорт,— вот тебе другой вид на жительство. Это надежный документ! Он написан с соблюдением всех полицейских «заковык». Запомни: теперь ты уже не Максим Ивапицкий, а аккерманский мещанин Николай Агаческулов.

Кибальчич взял паспорт и усмехнулся:

— Наконец-то я смогу называться собственным именем.

— Вот именно! — рассмеялся Михайлов и, встав, протянул руку: — Ну, прощай, друг. Завтра, в это же время я заеду за тобой на извозчике и перевезу тебя на новую квартиру. Это тоже задание Исполнительного комитета.

2

Лиза почти вбежала под арку ворот: лицо ее горело, глаза светились таинственным блеском.

— Все ли благополучно? — с тревогой спросил Стрешнев.

— Да, да, пойдем скорее,— еле переводя дыхание, сказала Лиза и, схватив его за руку, повлекла на улицу. Найдя извозчика, они стали кружить по городу. Казалось, Лиза успокоилась, но отвечала на вопросы Стрешнева сбивчиво, порывисто дыша ему в ухо:

— Все хорошо, Сережа, хоро-шо! Он знал... Был тронут... Признателен... Очень славный. Удивительный... Глаза глубокие, словно ему известно такое, что недоступно другим людям. Очень скромен, но во взгляде решимость... Я почувствовала — он в любую минуту может пожертвовать собой...

— Вот видишь! Я же говорил, что он замечательный человек. Ты еще полюбишь его.

— Мне хорошо, что я сделала это, Сережа... Я как-то иначе чувствую себя... счастливо, возвышенно...

Ночью Лиза долго не могла уснуть и все думала, думала, вспоминая во всех подробностях свой поход к Кибальчичу. Ей было и страшно и радостно.

Она вспоминала глубокие, задумчивые и ласковые глаза Кибальчича. «Какой милый, какой необыкновенный и удивительный человек».

Что было в нем необыкновенного — она бы не смогла объяснить... Это «необыкновенное» и «удивительное» в мужчине женщина скорее может почувствовать и угадать, чем понять...

Вторник 19 февраля был объявлен праздником. С утра на всех домах были вывешены флаги с царскими вензелями. По улицам, наводненным народом, с лихими криками кучеров, помчались богатые каретные возки, направляясь к Зимнему. Народ повалил на набережную к Адмиралтейству и на Дворцовую площадь. На разводной площадке Зимнего, обращенной к Адмиралтейству, были выстроены музыканты и певчие и сводные роты частей Петербургского гарнизона. Генералы и офицеры стояли в первых линиях, ближе к балкону, увитому цветами и лентами, украшенному флагом с вензелями и царской короной. Тут же на возвышении, устланном коврами, стояли придворные, сановники и министры.

За войсками, замершими по команде «смирно», застыли три линии охраны из солдат, конной полиции и жандармерии. А за ними, разлившись темной массой, заполнив все пространство между величественными домами,— стотысячная толпа.

Все ждали царя, приподнимаясь на цыпочки, прислушивались.

В парадном мундире, окруженный семьей и свитой, он появился на балконе. Загремело «ура», грянула музыка, на другом берегу Невы загрохотал артиллерийский салют...

Торжество, начавшееся в 10 часов утра, продолжалось весь день и закончилось ночью грандиозным фейерверком.

Лиза и Сергей Стрешнев тоже ходили смотреть на иллюминацию. Пышность, с какой было отпраздновано 25-летие царствования Александра II, вселяла надежду, что утром будет объявлено о большой амнистии политическим. Но утренние газеты сообщали лишь о пожаловании царем графских титулов, о раздаче звезд, лент и других регалий...

Днем, когда Стрешнев вышел из гимназии, к нему подошел незнакомый человек в пенсне.

— Я от товарища Семена. Зайдите в подъезд рядом с кухмистерской Шутова и ждите там.

— Хорошо! — ответил Сергей и пошел к кухмистерской. Незнакомец направился в другую сторону и, обогнув квартал, вошел в указанный подъезд, где уже ждал Стрешнев.

— В субботу, в шесть вечера, вам нужно быть в прачечной на Шестой линии Васильевского острова. Там соберутся рабочие завода «Братья Нобель».

— А что я должен делать?

Незнакомец, распахнув пальто, осторожно достал вчетверо сложенную бумажку.

— Вот возьмите и спрячьте подальше. Это только что вышедший листок «Народной воли», прочтете его и скажете речь. В воскресенье зайдите к товарищу Семену.

Он пожал Стрешневу руку и вышел. Сергей взглянул на часы и поспешил в училище к Лизе. Домой пошли вместе.

Минут через двадцать они вышли на одну из главных улиц. Вдали у дома с гранитными колоннами стояли часовые, прохаживались двое городовых.

— Посмотри, Лизок, там полиция,— шепнул Стрешнев,— а на нашей стороне, кажется, шпик, а у меня листовка.

— Зайдем в подъезд, я ее спрячу, у меня искать не будут.

— Пожалуй,— согласился Сергей. Они вошли в подъезд, и он передал листовку Лизе, которая и спрятала ее за подкладку муфты.

— А может, вернемся и обойдем опасное место?

— Нет, пойдем прямо, иначе нас могут заподозрить.

Они вышли из подъезда и пошли. В это время из переулка выехал красивый возок, запряженный парой вороных. Его сопровождали верховые казаки.

— Должно быть, важная птица! — шепнул Стрешнев.

Возок остановился у дома с гранитными колоннами, и из него вышел генерал в шинели с меховым воротником и направился к дому.

Человек в темном коротком пальто тотчас бросился к нему и, выхватив револьвер, выстрелил.

Генерал, обернувшись, ударил нападавшего по голове. Тот упал и выронил револьвер.

Часовые, городовые, кучер и дежуривший на другой стороне шпик бросились на стрелявшего.

— Сережа, это он, он! — прошептала Лиза, вся дрожа.

— Кто он?

— Да твой друг Кибальчич, я сразу узнала его.

— Не может быть! — побледнев, сказал Стрешнев.

— Он, он, я видела! — И Лиза устремилась к возку, где городовые держали молодого смуглого человека с черной бородкой.

— Лиза, ты с ума сошла! — крикнул Стрешнев и схватил ее за руку.

— Свезти его в часть! — крикнул генерал и пошел в дом. Террориста втолкнули в возок. Туда же влезли городовые и шпик. И лошади помчались мимо.

— Теперь идем, улица свободна,— сказал Стрешнев и, взяв Лизу под руку, спокойно прошел мимо часовых и столпившихся зевак.

Но и дома Лиза не могла успокоиться. И сколько Стрешнев ни убеждал, что Кибальчич не будет стрелять в генерала, она плакала и твердила:

— Он это, Сережа. Он!

Вечером приехал отец Лизы и, за ужином, таинственным шепотом сказал:

— Злоумышленники опять бесчинствуют. Сегодня совершено покушение на графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова.

— Как? Где? — воскликнула Лиза.

— Днем, около его дома. Террорист выстрелил, но пуля пробила лишь шинель и разорвала на спине мундир. Граф не пострадал, а злоумышленник схвачен.

— Кто же он? — побледнев, спросила Лиза.

— Личность пока не установлена, но, говорят, государь приказал судить военным судом. Участь преступника будет решена завтра.

— Завтра? — переспросила Лиза упавшим голосом и тут же ушла в свою комнату.

— Лизок, успокойся,— бросился за ней Стрешнев.— Ты ошибаешься в своих предположениях.

— Нет, Сережа, нет. Я же узнала его. Я же видела своими глазами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Было около одиннадцати, а Кибальчич еще не появлялся.

Это тревожило. Исаев и Якимова не могли работать спокойно: при каждом звуке с улицы вздрагивали, прислушивались.

— Я боюсь, не случилось ли беды с Николаем,— отодвигая с плиты медную кастрюлю, сказала Якимова.— Как ты думаешь, Гриша, не мог он участвовать во вчерашнем покушении?

— Что ты, Аннушка,— встряхнул пышной шевелюрой Исаев,— он же не имел права.

— Но ведь бывают же случайности, Гриша... Ты знаешь его характер... И потом... Николай никогда не опаздывает.

— Это меня и пугает. Без серьезной причины он бы не заставил нас волноваться. Но что же могло стрястись?

— Гриша, газеты, наверное, уже вышли. Сходи! Ведь мы ничего толком не знаем о вчерашнем выстреле.

— Да ведь я уже два раза бегал. Сказали: раньше двенадцати не выйдут.

— А может, и вышли? Пойдем я тебя провожу,— сказала Якимова, ласково взглянув на Исаева серыми красивыми глазами, и подала ему полотенце.

Исаев вытер руки и, пропуская Якимову вперед, вышел из мастерской через шкаф, запер его и ключ положил в карман.

В столовой Якимова на мгновение задержалась — посмотрела в щелочки занавесок на улицу и во двор.

— Кажется, все тихо, а на душе неспокойно... Ты не думаешь, Гриша, что Николай сам мог стрелять в Лориса?

— Что? — удивленно обернулся Исаев.

— Он как-то говорил, что ему бы хотелось от затворничества перейти к активной борьбе.

— Это понятно, Аннушка. Мы все рвемся на подвиг. И порой случай может решить все... Если б я встретился один на один с царем, я не стал бы раздумывать...

— Но ведь тут же не царь, а лишь его сатрап?

— Вот это и успокаивает меня... Однако пойду узнаю.

Исаев оделся, нахлобучил шапку, достал из кармана перчатки.

Вдруг звякнул колокольчик и потом, тише, еще два раза...

— Кто-то из наших, но не он,— прошептала Якимова и, подойдя к двери, приоткрыла ее.

В щелочку просунулась газета.

Якимова, недоумевая, взглянула на Исаева. Тот выхватил револьвер.

Якимова схватила газету и метнулась в сторону. Дверь распахнулась, и на пороге выросла властная фигура Желябова.

Исаев смущенно опустил револьвер, Якимова отступила, давая дорогу.

Желябов шагнул вперед, быстрым взглядом окинул переднюю, за его спиной появился Кибальчич.

— У вас все благополучно? — шепотом спросил Желябов.

— Все хорошо... а что?

— Мы больше получаса бродили вокруг, городовой о чем-то совещался с дворниками.

— У них один разговор,— усмехнулся Исаев,— как бы тяпнуть по шкалику. Раздевайтесь.

— Хорошо бы так,— сказал Желябов, проходя в столовую.— А вдруг выслеживают? Вчерашний выстрел подлил масла в огонь. Вот газету захватил. Стрелявший уже осужден к повешению — завтра казнь!

— Завтра? — охнула Якимова.— Да кто же он?

— Юноша, исключенный из Луцкой гимназии, по фамилии Млодецкий. Хотя мы и не знаем его,— это настоящий герой! Он оправдал свою фамилию. Я взял бы его на самое ответственное дело.

— Совсем мальчик,— вздохнула Якимова.— Неужели не помилуют?

— Судил военный суд. Хотят устрашить нас,— нахмурился Желябов.— На эту казнь мы должны ответить новыми действиями. Я с этим и пришел, друзья. Давайте сядем.

Все уселись в столовой. Желябов энергичным кивком откинул назад длинные темно-русые волосы, положил на стол большие сильные руки, спокойным взглядом окинул собравшихся.

— Так вот какое положение, друзья. Сатрапы звереют и пытаются нас запугать. В ответ на завтрашнюю казнь распорядительная комиссия решила ускорить работы по подготовке покушения в Одессе. До десятого марта должен быть приготовлен динамит, запалы и все устройство для взрыва. В Одессе уже на днях начнутся приготовления к подкопу. Руководить работами по взрыву поручено Исаеву. Помогать будут Якимова и Фигнер. Общее руководство возложено на члена Исполнительного комитета Софью Перовскую, которая уже выехала в Одессу.

Николай Кибальчич останется в Петербурге, чтоб сосредоточиться на изобретении метательных снарядов. В случае неудачи в Одессе новое и, надеюсь, последнее покушение на тирана будет устроено в Петербурге. Вот и все, друзья. Есть ли вопросы? Возражения? Нет? Тогда прошу рассказать о ваших успехах.

— Может, пройдем в мастерскую? — спросил Исаев.

— Да, конечно. Я хочу посмотреть.

Желябов встал и пошел вслед за Исаевым и Якимовой.

Миновав темноту шкафа, Желябов шагнул в динамитную мастерскую и на миг остановился: на него пахнуло дурманящим едким запахом.

— Да тут задохнуться можно. Что же вы не открываете форточки?

— Открываем по ночам, чтоб не привлечь внимания,— сказал Исаев,— а запах ничего — мы привыкли.

Желябов посмотрел на окна, занавешенные тюлем; на столы, заставленные банками, склянками, колбами; на плиту с большими кастрюлями, на табуретки у плиты, где стояли медные тазы и чугуны.

— Однако у вас тут настоящая лаборатория.

Желябов прошел к плите и заглянул в один из чугунов:

— Это что за масло?

Кибальчич взял со стола ложечку с длинной ручкой, зачерпнул капельку густой желтоватой жидкости и вышел на середину комнаты:

— Смотри, Андрей Иванович!

Желябов уставился на ложку, которую Кибальчич держал в вытянутой руке.

— Ну?

Ложка слегка наклонилась, и из нее скользнула на пол желтоватая капля. Мелькнула вспышка, и щелкнуло, словно выстрелили из маленького револьвера.

— Хорошо! Славно! Ну, а если вся эта штука шарахнет?

— От комнаты да и от нас останутся только воспоминания,— с усмешкой сказал Исаев.

Желябов прошелся по комнате.

— Значит, живем на вулкане?

— Над самым кратером! — подтвердил Исаев.

— Отважно, но не особенно разумно... Вдруг оплошность, недосмотр, ошибка. Ведь тогда — катастрофа! Вы

думали об этом? Ведь у вас тут адские смеси хранятся. А?

— Каждый член партии ставит свою жизнь на карту,— спокойно возразил Исаев.

— Но здесь поставлены на карту орудия и средства нашей борьбы,— повысил голос Желябов.— Кто-нибудь из членов Исполнительного комитета знает, как приготовлять динамит?

— Знал Ширяев, но он в крепости...

— Вот видите... Да... Дела... Ну, друзья, за дело! Не буду вам мешать, да и некогда. Завтра казнь Млодецкого. Нужны листовки... Кто проводит меня?

— Я провожу,— сказала Якимова.

— Хорошо. Прощайте! Будьте осторожны!

Желябов пожал руки друзьям:

— Пошли, Аннушка!

В передней, прощаясь, он задержал руку Якимовой в своей.

Серые глаза Аннушки засветились. Она всегда была спокойна, сдержанна. Но когда приходил Желябов, глаза ее вспыхивали, на щеках появлялся румянец. Желябов это видел и старался не оскорбить ее чувства.

— Аннушка! Попробуйте поменьше загружать Николая. Он должен думать над изобретением. Это очень важно. Может быть, этому изобретению и суждено решить участь тирана. Ну, прощай!

Аннушка проводила его теплым и ласковым взглядом.

2

Поимка террориста у дома Лориса-Меликова потрясла Лизу. Она никак не могла освободиться от мысли, что схватили Кибальчича. Ночью Лизу преследовали кошмары. Снилось, что ее тоже схватили, одели в полосатое, остригли, заковали в кандалы.

Утром она встала с головной болью, но поспешила в училище, надеясь забыться за работой. Однако занятия не отвлекали. Все время думалось о Кибальчиче. Она сбивалась, говорила невпопад...

На большой перемене ей удалось заглянуть в газету. Оказалось, стрелял и был схвачен некто Млодецкий. «Что же происходит со мной? Как же я могла ошибиться? Неужели они так похожи с Кибальчичем, что невозможно различить?»

Лиза несколько раз, словно не веря собственным глазам, перечитала сообщение в газете и понемногу пришла в себя. Но, придя домой, опять стала думать: «А что если Кибальчич не пожелал открыть своего имени и назвался Млодецким? А ведь это красиво — умереть на эшафоте и даже не назвать себя!»

Лиза поверила своей догадке. Кибальчич предстал перед ней в облике героя и мученика. Ей стало нестерпимо жалко Кибальчича. Лиза уткнулась в подушку дивана и заплакала горько, как по убитому.

Ее вывел из оцепенения звонок в передней. Пришел Сергей Стрешнев. Лиза отерла слезы и вышла ему навстречу.

— Ты плакала, Лизок? С Николаем ничего не случилось.

— Как? Ты видел его?

— Нет, он же переехал... Но я видел одного верного человека, который хорошо знает того, кто стрелял. Этого юного героя — Млодецкого. Да, да. Никаких сомнений в верности сообщения быть не может.

— Правда, Сережа? — Лиза вспыхнула и благодарно пожала руку Стрешнева.— Эта ужасная сцена покушения потрясла меня. Ведь когда знаешь человека — все воспринимается острей.

— Да, да, Лизок, я понимаю. Но Млодецкий совсем юноша. Мне его тоже жаль. О, как они бесчеловечны. Ведь завтра казнь.

Стрешнев ушел после чая, в десятом часу. Лиза тут же легла в постель и уснула...

После занятий Лиза пришла домой раскрасневшаяся от мороза, поела и прилегла отдохнуть в своей комнате.

Было тихо, лишь слышалось, как в столовой однотонно тикали большие часы. Вдруг кто-то пришел и громко заговорил на кухне. Лиза прислушалась и узнала высокий певучий голос кухарки Насти и густой низкий альт ее подруги, толстухи Марьи — судомойки из соседней кухмистерской.

— Была я, Настенька, на Семеновском-то плацу, ездила на конке. Голгофа! Страсти господни! Изревелась вся, идучи обратно.

— Неужели видела, как вешали несчастного?

— Ох, и не спрашивай, Настенька! Ироды! Кровопийцы проклятые... Палач-то Фролка в красной рубахе вышел...

— Ну, а он-то, жалостливый, как же?

— Думала, сникнет малый, в ногах валяться начнет. А он шапку стряхнул и орлом глянул на народ. Говорить начал было, да разве дадут барабаны...

— А из себя-то каков? — всхлипывая, спросила Настя.

— Пригожий такой. Роста не шибко большого, худенький. Чернявый. Волосы длинные, так и развевались на ветру.

«Боже, неужели он?» Лиза быстро оделась, выбежала на улицу и пошла, сама не зная куда...

Мысли мешались с видениями, сердце то сжималось от страха, то начинало стремительно биться. Миновав несколько переулков, Лиза неожиданно оказалась на Екатерининском канале, и, опустив голову, пошла вдоль чугунной ограды.

Напротив Михайловского сада кто-то встал перед нею:

— Лиза!

Она испуганно подняла глаза и увидела Кибальчича.

— Как? Это вы? Не может быть...

— Да, это я. Здравствуйте, Лиза. Рад видеть вас... Но вы... вы встревожены... Что-нибудь случилось?

— Ох! — Лиза вздохнула. У нее закружилась голова. Еще бы мгновение и... но Кибальчич быстро подхватил ее.

— Лиза, что с вами? Вы больны?

— Нет, нет, ничего... Спасибо... Что-то вдруг закружилась голова.

— Я провожу вас. Вам куда?

— Никуда. Я так гуляю... Нет, нет, не могу поверить, что это вы... Ведь я все эти дни думала, считала... даже страшно...

— Что, что вы думали, Лиза?

— Думала, что стреляли вы... Мне показалось... ведь я видела все.

— Тише, пожалуйста. Здесь ездит царь и повсюду шпионы.

— Ах, да... извините... Я такая неловкая... Лучше пойдемте. Мне теперь хорошо...

— А куда?

— Мне все равно. Куда угодно.

— Тогда повернем обратно. Мне нужно в ту сторону. Разрешите вас взять под руку. Так будет лучше и меньше подозрений.

— Да, да, пожалуйста.

Кибальчич взял Лизу под руку, и они направились в сторону Каменного моста. Этот мост Кибальчичу нужно было осмотреть особенно тщательно. Вчера Желябов под большим секретом сообщил ему, что здесь намечено новое покушение на царя. Эта тайна была известна лишь трем членам распорядительной комиссии. Кибальчич должен был определить, возможен ли взрыв моста из-под воды, и рассчитать, сколько потребуется динамита.

Встреча с Лизой обрадовала и взволновала Кибальчича, но он ни на минуту не забывал о важном задании.

Разговаривая с Лизой, Кибальчич внимательно осматривал мост, определял толщину арки и расстояние до воды. Из поля его зрения не ускользывали ни городовые, стоявшие на своих постах, ни шпики, прогуливавшиеся по обеим сторонам канала.

Опираясь на руку Кибальчича, Лиза постепенно успокоилась. Тревога в ее душе сменилась радостью.

Лиза не замечала, что мысли Кибальчича сосредоточены на другом. Да это и нельзя было заметить. Кибальчич был внимателен, чуток, а между тем его мозг словно фотографировал устои и арку моста.

«Влюбленная парочка», не вызвав ни малейшего подозрения охраны, прошла на мост, постояла облокотясь на перила, полюбовалась видом города и канала и потом благополучно затерялась в тихих переулках.

— Слава богу, мы миновали опасное место,— сказал Кибальчич,— извините, что мне пришлось взять вас под руку, Лиза.

— Ну что вы, что вы... Я так рада... что встретила вас... что все хорошо. Я думала, мне показалось тогда...

— А мне, Лиза, так жаль этого юношу, что я бы согласился оказаться на его месте...

— Нет, не говорите, все это ужасно.— Лиза зябко поежилась.

— Вам холодно? Ветер пронизывающий. Вы где живете?

— Да уж близко. Направо за углом третий дом.

— Я вас провожу.

Они свернули за угол и остановились у серого дома со львами у подъезда.

— Вот здесь на третьем этаже, шестая квартира,— указала Лиза.— Может, зайдете, Николай?

— Благодарю вас, сейчас не могу. Может быть, после с Сергеем... Он бывает у вас?

— Почти каждый день. Он был бы рад увидеть вас... Что ему передать?

— Если все будет хорошо — на пасхе зайду... как-нибудь вечером...

Лиза подала руку:

— Очень жаль, так быстро... прощайте. Я так рада, что вы... что мы встретились.

— Спасибо, я тоже... Я тоже вспоминал о вас. Вы смелая и очень славная барышня.

Кибальчич взглянул с благодарностью в блестящие от радостных слез глаза Лизы.

3

Ранней весной восьмидесятого года, когда западные газеты еще продолжали обсуждать взрыв в Зимнем, в Одессе началась подготовка нового покушения на царя.

Вместе с Софьей Перовской — небольшой, худенькой, миловидной,— приехал рослый и сильный мужчина — агент Исполнительного комитета Николай Саблин. Он должен был выполнять все тяжелые работы по подготовке взрыва.

Они приехали уже с готовым планом покушения, утвержденным Исполнительным комитетом. Этот план состоял в том, чтобы выбрать одну из улиц, по которой царь поедет с вокзала на пристань, устроить подкоп под мостовую и заложить мину.

Приезжих встретила представитель Исполнительного комитета в Одессе — смуглая красивая южанка Вера Фигнер и приютила у себя, как гостей.

Узнав, каким маршрутом поедет царь по городу, они избрали для покушения Итальянскую улицу и сняли там для бакалейной лавки небольшое помещение в нижнем этаже. Рядом отремонтировали небольшую квартирку. В этой квартирке и поселились, под видом хозяев, как муж и жена, Перовская и Саблин.

Подкоп решено было делать посредством большого бурава, который удалось заказать в Одессе. Помощником Саблина был приглашен рабочий Меркулов, здоровый краснощекий парень, которого хорошо знали Фигнер и Желябов.

Работа велась по ночам. Почва оказалась глинистая, тяжелая. Подкоп подвигался медленно. Скоро из Петербурга приехали Исаев и Якимова. Они привезли динамит,

запалы и другие приспособления для взрыва и стали помогать Саблину и Меркулову.

К концу апреля бурав пробился под камни мостовой. Казалось, это была победа. Но лаз оказался слишком узок, чтобы заложить динамит. Саблин с Меркуловым взялись за лопаты, а Исаев готовил взрывчатку.

Ночь под воскресенье была черной, гнетущей. Город окутали хмурые тучи — разразилась первая весенняя гроза.

Якимова, жившая с Исаевым под видом жены, промазывала банки с динамитом смолой и обклеивала плотной бумагой, чтобы не просочилась вода. Исаев приготовлял запал. Вдруг сверкнула молния и ударил гром. В тот же миг вспышка осветила комнату и раздался взрыв.

— Что, что случилось? — бросилась Якимова к Исаеву.

Тот стоял бледный, подняв окровавленную руку.

— Ах, боже мой! Да ведь тебе же оторвало пальцы.

— Тише, Аннушка. Тише! Давай скорее бинт и вату. Хорошо, если этот взрыв примут за гром, иначе все погибло!

Пока Якимова доставала из саквояжа бинт, вату, йод, Исаев до боли скрутил раненую руку жгутом, чтоб остановить кровь. Он когда-то учился в медико-хирургической академии и знал, что следует делать. С помощью Якимовой он забинтовал руку и лег в постель, а Аннушка, несмотря на грозу, побежала к Вере Фигнер, у которой, как она знала, был знакомый доктор.

Убедившись, что взрыв не вызвал никаких подозрений у соседей (очевидно, его приняли за гром), Вера Фигнер приехала за Исаевым и перевезла его в больницу, к знакомому врачу. Работы по подкопу продолжались.

Но в мае пришла шифрованная телеграмма от Желябова, требующая прекратить работы. Отъезд Александра II в Ливадию откладывался до конца лета.

4

Оставшись в конспиративной квартире один, Кибальчич наконец получил возможность целиком отдаться изобретению метательного снаряда, о котором всякий раз напоминал Желябов.

Идея создания метательного снаряда (самовзрывающейся бомбы) созрела у него еще до отъезда Исаева. Ки-

бальчич рассказал другу о своем замысле, и тот, поразмыслив, отозвался весьма одобрительно.

Теперь оставалось разработать конструкцию самого снаряда.

Думалось Кибальчичу лучше при ходьбе, в комнатах было мало места, и он предпочитал улицу. Вот и сегодня, просидев несколько часов в мастерской над испытанием разных горючих смесей, он оделся и вышел.

Стояли первые дни мая. Зелень уже распустилась, но было зябко, с моря дул резкий ветер. В небе вихрились клочковатые дождевые тучи, навевая тоску. Но когда в синем просвете появлялось веселое весеннее солнце, сразу становилось тепло и радостно, и ветер уже не холодил, а приятно ласкал.

«Может, прояснится еще»,— подумал Кибальчич и направился в Летний сад.

Навстречу, обогнав двух почтенных господ с тросточками, в черном пальто, без шляпы, широко шагал Желябов.

Кибальчич заторопился, обрадованно протянул руку:

— Что, есть новости, Андрей?

— Да, свернем куда-нибудь.

Они зашли в переулок. Желябов взял Кибальчича под руку и тихо заговорил:

— Одесское дело пришлось прекратить. Царица при смерти, и из-за этого Александр отменил поездку в Ливадию.

— Что же делать теперь?

— Как со снарядами? — поглощенный своими мыслями, спросил Желябов.

— Кажется, решение я нашел, но нужна еще большая работа.

— Значит, надо готовить взрыв моста,— твердо сказал Желябов.— На той неделе тиран переезжает в Царское Село. А на вокзал он ездит всегда через Каменный мост.

— Но ведь большую часть динамита отвезли в Одессу.

— Сколько осталось?

— Пуда два будет.

— Надо уточнить ширину пролета моста и измерить глубину канала.

— Это пустяки. Вечерком с кем-нибудь проедем на лодке и все сделаем.

Устройство снаряда вырисовывалось все отчетливей. Кибальчич надеялся через несколько дней сделать пробную модель, чтоб показать Желябову.

Вскоре установилась теплая весенняя погода. Кибальчич с утра работал в мастерской, а после обеда ездил на Елагин остров.

Успокаивающая тишина леса, пахучие запахи листвы, хвои, цветов, трели птиц отвлекали от суровых раздумий и грозных дел. Кибальчич любил уходить подальше в лес и там сидел часами. И сегодня тоже, отыскав в лесу на берегу заводи старый пень, Кибальчич присел отдохнуть. Было тихо, безветренно. Могучие сосны дремали, отражаясь в сонной воде. Слышалось лишь, как серебристо перекликались малиновки да стрекотали кузнечики.

Кибальчич посмотрел в темную зелень воды и вдруг увидел серые, манящие глаза с пушистыми ресницами.

«Лиза! Опять Лиза!» — прошептал он, но изображение словно растаяло... Много раз Лиза являлась ему во сне, иногда вдруг вставала перед глазами во время раздумий.

«Что такое, уж не влюбился ли я? — спросил себя Кибальчич.— Я не имею права думать о ней. Лиза невеста моего друга... Да и можно ли мне?. Нет, нет!» Кибальчич встал и направился домой, где ждала его вечерняя работа. Надо было перевести с английского две статьи для журнала.

Вернулся домой он уже поздним вечером, однако было совсем светло — начинались белые ночи. Он распахнул окно и, не зажигая лампы, сел за работу. Быстро с листа перевел обе статьи и, встав, подошел к окну, вдыхая ночную прохладу, потянулся, раскинув руки. В теле ощущалась пружинистость и легкость. За окном была тихая белая ночь. Она манила, звала на набережную Невы. Но разгуливать по ночам было небезопасно... А спать не хотелось.

Кибальчич присел, задумался, и вдруг его осенило. Он подошел к столу и стал делать набросок. С этой ночи началась вдохновенная работа...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Император переселился в Царское Село 10 мая, в субботу. В этот же день приехала княгиня Долгорукая с детьми и многочисленной прислугой. Ей отвели роскошные апартаменты царицы. Сама же царица, более других нуждавшаяся в свежем воздухе, всеми покинутая, осталась доживать последние дни в Зимнем. Так было угодно его величеству.

Старый Царскосельский дворец, обставленный с пышностью екатерининских времен, был полон сановников, светских генералов и старых слуг, но дышал затхлостью, казался нежилым.

Екатерина, немного пополневшая за зиму, но все еще изящная и красивая, всякий раз с утра увлеченно занималась своими туалетами, чтобы за завтраком предстать перед монархом свежей и цветущей. Но уже который день государь присылал извинительные записки, прося завтракать без него. Каждое утро в Царское Село приезжали великие князья, министры, знатные иностранцы. Александру приходилось приглашать важных гостей к завтраку и обеду, а его возлюбленная вынуждена была довольствоваться обществом детей и их воспитателей. Это ее тяготило.

Раньше, в первые годы их любви, когда Екатерина была фрейлиной императрицы, все выглядело иначе. Юная красавица блистала в роскошных туалетах и была украшением величественных балов, самого богатого в Европе царского двора.

Она была счастлива и в небольшом петербургском особняке, куда запросто заезжал повелитель. Там у нее нередко бывали гости. Она, как царица, принимала влиятельных финансовых воротил, могущественных промышленников и железнодорожных откупщиков. Все они приезжали с богатыми дарами, умоляя замолвить словечко перед его величеством...

Потом, когда начались покушения, ее «заперли» в Зимнем. И наконец она здесь одна, совсем одна...

Екатерина, кутаясь в соболий палантин, подошла к высокому окну. Под густой кроной старой липы, дымя в рукава, зябко жались два переодетых жандарма.

Дождь только кончился. У самого окна, на черных, намокших, еще голых ветвях столетнего дуба висели прозрачные одинокие капли.

Екатерина поежилась и, высвободив из-под палантина белую холеную руку, стала перебирать нитку жемчуга на шее.

«Ужасно, я как в тюрьме. Всюду солдаты, полицейские, городовые, жандармы, шпионы. Даже в сад выйти нельзя... А во дворце чужие холодные лица. И все ненавидят меня! Все, даже лакеи...»

За окном сверкнула молния, сердито зарокотал гром. Екатерина отошла к камину, села в золоченое кресло, поставила ноги на коврик из леопардовой шкуры.

«Сегодня не пришел ни к завтраку, ни к обеду. Значит, только ночью... Так можно умереть с тоски...»

Вдруг дверь приоткрылась, и в будуар вошел Александр.

— Ну что, моя радость? Вижу, ты изволишь сердиться? Прости! Прости! Прости! — Он подошел, поцеловал ее в щеку и сел рядом.— Устал сегодня. Выслушал три доклада сразу. А потом еще пришлось совещаться по китайским делам...

— А обо мне, наверное, и не вспомнил?

— Напротив, я только и думал о тебе, моя радость. Последнее время мне страшно надоедают все эти церемонии.

— Так почему же я все время одна? Ведь я же молодая женщина...

— Да, да, и еще такая красивая! — ласково говорил Александр, целуя ее руки.— Винюсь, винюсь, моя радость. Больше этого не будет! Может быть, позвать музыкантов?

— Нет, я уже музицировала сегодня.

— Так что же?

— Право, не знаю... Меня гложет тоска. Тянет в Петербург, к людям. Сегодня читала французские газеты. Так восторженно пишут о выставке Верещагина, а я не видела ни одной картины.

— Как, разве я не приглашал тебя в Зимний? Ах да, конечно же нет... Какой стал рассеянный... Впрочем, ничего хорошего. Наоборот, много мерзкого и даже оскорбительного для меня. Этот Верещагин имеет способность во всем видеть только плохое.

— Но парижане в восторге. Я бы очень хотела...

— Что ж, если угодно, я прикажу... картины доставят прямо сюда.

— Правда? — обрадованно воскликнула Екатерина; и ее большие, миндалевидные и пугливые глаза лучисто заблестели. Она привстала и обняла дряблую шею императора...

Через три дня Александр завтракал в покоях княгини. Допив чашечку ароматного кофе, он поднялся довольный и, лихо, по-гусарски подкрутив усы, улыбнулся:

— Ну-с, Катенька, я выполнил свое обещание. Картины уже развешаны во дворце. Идем,— и, подтянувшись, подставил ей руку.

Картины были выставлены в большом зале царскосельского арсенала, где уже дожидались граф Адлерберг и Лорис-Меликов.

— Ну-с, что за картины вы привезли, граф? — спросил Александр, когда оба почтительно поздоровались с княгиней.

— Тут главным образом полотна о Турецкой войне, но также индийские и некоторые другие.

— Отлично. Начнем осмотр. Вас, граф,— кивнул царь Адлербергу, — как знатока живописи, прошу быть нашим гидом, а Михаила Тариеловича, как героя Карса и Эрзерума,— консультантом по военным событиям.

Оба почтительно поклонились. Екатерина Долгорукая, польщенная такой честью, горделиво выступила вперед, и вся группа медленно стала проходить по залу, останавливаясь у каждой картины.

Рассматривая индийские этюды, царь в душе дивился мастерству художника, однако молчал. Но когда остановились у величественного «Тадж-Махала», он воскликнул:

— А ведь недурно! Право недурно! Что вы скажете, господа?

— Царственная картина! — восторженно прошептал Адлерберг.

— Да-с, величественно! — подтвердил Лорис-Меликов.

— Поразительно! — вздохнула Екатерина.— Интересно бы там побывать.

— Вон как! — улыбнулся Александр.— А что ж, пожалуй, такое путешествие заманчиво. Вы бы не хотели, господа, проехаться в Индию?

— С превеликим удовольствием, ваше величество...

Пока осматривали индийские и туркестанские картины, Александр был в отличном настроении, улыбался, шутил. Но как только подошли к полотнам о русско-турецкой войне, он нахмурился. «Транспорт раненых», «Перевязоч-

ный пункт», «Панихида по убитым» — это жестокая правда о войне.

А вот леденящая душу картина-триптих. Часовой на Шипке. Метет пурга, но упрямо стоит на посту солдат в башлыке, сжимая ружье... Пурга жестока — солдат одинок. Вот он скрючился, засунул руки в рукава, нахлобучил башлык, но все еще держит ружье. Пурга сатанеет. Солдат уже замерз, его замело. Только верх башлыка и штык торчат из сугроба.

— Страшно! — княгиня отворачивается.

— Было и такое...— подтвердил Лорис-Меликов.

— А в Париже под этой картиной появилась кощунственная подпись,— заметил Адлерберг,— «На Шипке все спокойно!»

Все вспомнили, как в войну под таким заголовком печатались донесения с фронта. Александр еще больше насупился и отошел к другой картине. «Шипка-Шейново»: на переднем плане, на снегу лежали убитые. А вдалеке перед строем победителей, кидающих вверх шапки, скакала группа командиров со знаменем. Впереди на белом коне — генерал Скобелев.

— Были всякие случаи — на то война! — сказал, подходя, Лорис-Меликов.— Главное — мы победили. И вот тому доказательство.

Царь, не любивший Скобелева, поморщился и отошел к картине, где был изображен он, вместе с братом Николаем Николаевичем — главнокомандующим русской армией. Под картиной была надпись: «Под Плевной».

В правом верхнем углу, на горке, была изображена группа военных в парадных мундирах. Впереди, на раскладных стульчиках, расположились царь и великий князь Николай Николаевич.

Вдалеке в дыму и разрывах клокотала кровопролитная битва.

— Ты извини, Катюша, но я не могу смотреть на это спокойно. Там внизу льется кровь подданных, а мы с братом сидим, как посторонние наблюдатели.

— А в Париже, ваше величество,— поддакнул Адлерберг,— под картиной была издевательская подпись «Именины царя».

Долгорукая вспомнила, что третья, самая кровопролитная, битва под Плевной была в день именин Александра 30 августа 1878 года. Вспомнилось ей полученное анонимное письмо со стихами:

Именинный пирог из начинки людской
Брат готовит державному брату...

Она побледнела, боясь скандала, и взяла Александра под руку. Но тот уже вспыхнул и повернулся к Лорис-Меликову:

— Видите, до чего доводит нигилизм. Это все результаты воззрений ваших социалистов. Крамола проникла даже в живопись. Еще в Зимнем раздавались голоса в защиту Верещагина, но я приказал на порог не пускать этого якобинца и не покупать ни одной его картины. Пусть едет с ними куда хочет.

Вошел дежурный генерал, что-то прошептал Адлербергу и передал ему депешу. Тот, прочитав, побледнел.

— Что, что случилось? Дайте мне депешу! — вскричал Александр. Адлерберг молча протянул телеграфный бланк, где от руки было написано: «Сегодня утром в девятом часу в Зимнем дворце в бозе почила императрица Мария Александровна».

Царь вслух перечитал телеграмму. Все опустили головы. Но в глазах Долгорукой блеснул зеленоватый огонек радости. Она почувствовала, что теперь ей суждено играть главную роль в государстве.

2

После затяжных майских дождей начало пригревать солнце и раньше обычного пошли первые грибы.

Желябов и Кибальчич, обрядившись в купленное на толкучке старье, с плетеными корзинками, спозаранку отправились в лес.

Избегая людных улиц, пешком добрались до Смольного монастыря, на лодке переправились через Неву на Ухтинскую сторону и скоро оказались в большом казенном лесу.

Вначале шли по просеке, а потом свернули влево и напрямик, пробираясь сквозь подлесок и бурелом, забрели в самые дебри.

Отыскав небольшую полянку, присели на старой поваленной ветром сосне, поставили рядом корзинки.

— Ну, тут, кажется, тихо,— сказал Желябов, снял картуз и громовым голосом гаркнул: — А-у-у-у!

Эхо запрыгало по выступам деревьев и смолкло. Никто не отозвался.

— Ты посиди тут, Николай, а я обойду вокруг.

Желябов с корнем вырвал молодую березку, обрезал комель и вершину, обстругал сучья и с этой дубинкой отправился в чащу.

Пели птицы, и глухо шумели вершины молодых могучих сосен. У вывернутого корневища ярко зеленела молодая липа. Кибальчич залюбовался. Вдруг какой-то серый комочек скользнул вниз, и послышался слабый писк.

«Наверное, птенец выпал из гнезда»,— подумал Кибальчич и подошел к липе. На траве, широко открывая несоразмерно большой клюв, бился желто-серый бескрылый птенчик.

Кибальчич осторожно поднял птенца и, держа в руке этот живой бьющийся комочек, стал глазами искать гнездо. Но гнезда не было видно. Лишь встав на конец корневища и раздвинув ветви, Кибальчич увидел маленькое гнездышко на стыке ветвей и, дотянувшись, осторожно положил туда перепуганного птенца.

— Ну что ты там делаешь? — послышался голос Желябова.

— Да вот птенчик выпал из гнезда, водворял его на место.

— Водворял... А не боялся, что в этот момент могли схватить тебя самого и водворить в надлежащее место?

— Нет, не боялся, — улыбнулся Кибальчич.

— Ну, коль не боишься, доставай свое изобретение, будем испытывать. Вокруг ни души.

Кибальчич достал из корзины завернутую в тряпку банку из-под монпасье и осторожно подал ее Желябову.

— Смотри не урони, Андрей.

— Да уж будь покоен,— улыбнулся Желябов, тряхнув пышной шевелюрой,— что-то очень легкая. Правильно. Надо испытать лишь само устройство... Ну что же, кидать?

— Давай попрактикуемся хотя бы на комке земли. Вот гляди.— Кибальчич подошел к вывернутому корневищу, взял ком земли и, делая большой замах, бросил.

— Понятно,— Желябов, откинувшись назад, швырнул банку на средину полянки. Послышался звенящий удар и почти тотчас же взрыв, напоминающий выстрел. Дно банки со свистом отлетело в сторону.

— Отлично, Коля. Отлично, дорогой! — закричал Желябов и, обняв Кибальчича, стал его тискать в могучих

объятиях.— Ты молодчина! Талант! Гений! Теперь с тираном будет покончено! Вот это изобрел. Браво! Но скажи, Николай, можно ли сделать про запас таких бомб штук шесть?

— Нет, нельзя.

— Это жаль,— вздохнул Желябов,— ну да ничего. Мы люди хотя и гордые, однако можем повременить. Пока тиран в Царском Селе, к нему не подступиться. Сделаем перерыв, тем более что на очереди очень важные дела.

— Андрей, а не могли бы мы о делах поговорить дорогой? Сейчас мне хочется продемонстрпровать тебе еще одну модель.

— Вот как? — удивился Желябов, и глаза его весело заблестели.— Ну-ка, ну-ка, раскошеливайся. Что еще у тебя в корзинке?

— Да так, пустяки... Однако... Ты присядь, отдохнп немного. А еще лучше — вырежь мне можжевеловый прут для лука. Вот тебе тетива.— И Кпбальчич бросил крепкпй навощенный шнур.

Желябов, достав нож, пошел в чащу и скоро вернулся с готовым луком.

Кибальчич достал пз корзины разборную стрелу, свинтпл, насадил на нее медный наконечник, приладил перья, а посредине привязал латунную трубку с тонкпм фитплем.

— Что-то ты мудришь, Николай,— с улыбкой сказал Желябов,— этим ветхозаветным оружием не только царя, а ворону убить мудрено.

— А вот сейчас увидим... У тебя есть спички?

— Держи!

— А ты держи лук. У тебя силы побольше. Натягивай тетиву до отказа, но так, чтоб стрела лежала на луке.

— Давай! — Желябов натянул.

— Так, хорошо. Цель в небо, а я подожгу фитиль. Как загорится — пускай.

— Поджигай! — скомандовал Желябов, натягивая тетиву изо всех сил.

Кибальчич поджег фитиль — и стрела взлетела. Но вот полет ее стал замедляться. Еще мгновение — и она, перевернувшись, пойдет к земле, но в этот миг фитиль догорел, послышался треск, и из трубки посыпались искры, стрела стремительно полетела вверх. Скоро ее уже не стало видно, только огненная точка горела в небе.

— Вот это штука! — восторженно воскликнул Желябов. — Что это ты удумал, Николай?

— Помнишь, я говорил тебе, что прессованный порох горит, выделяя огромную энергию.

— Да, да, помню... Так что же?

— Оказывается, этот секрет был открыт еще три тысячи лет назад. Вот такие стрелы применялись в военных целях. Это стрелы-ракеты.

— Так, интересно... Я кое-что слышал о ракетах. Так что же из этого следует? Ты думаешь пустить ракеты в Царское Село?

— Да нет же, Андрей. Тут дело куда серьезней, чем убийство царя... Ты видел, как летела стрела от маленькой трубочки?

— Еще бы!

— А если эту трубку увеличить до габаритов ствола вот этого дуба. Что тогда?

— Вот уж не знаю.

— Она поднимет целый снаряд, где можно будет поместить человека или двух. Такая ракета может развить бешеную скорость и вырваться в заоблачное пространство. В иной мир!

— Сейчас много пишут об этом. Я читал Жюля Верна, как стреляли из пушки на Луну. Здорово!

— То фантазия, Андрей. Из пушки нельзя выстрелить снарядом, в котором бы был человек. Там огромная начальная скорость. А ракета поднимается медленно и лишь потом развивает бешеную скорость... В этом существенное отличие.

— Что же, ты хочешь изобрести ракету, в которой можно было бы лететь на другие планеты?

— Да, Андрей. Я хочу подарить человечеству такой аппарат, который бы смог оторвать его от земли.

— Это гениальная мысль, Коля. И я горячо приветствую твои искания, но в будущем... Даже сам готов полететь вместе с тобой на Марс... Но теперь нас ждут скучные земные дела.

— Какие же, ведь царь недоступен?

— До конца лета в террористической борьбе объявлен вынужденный перерыв. Но это не означает, что партия бездействует. Решено усилить пропагандистскую работу, создать новую типографию, возобновить выпуск «Народной воли».

— Это хорошо.

— Исполнительный комитет поручает тебе стать организатором и хозяином тайной типографии. Ты журналист — тебе и карты в руки.

— Это так неожиданно, Андрей,— растерянно проговорил Кибальчич.— Меня в партии знают как техника, и вдруг... Но если комитет поручает — я с радостью возьмусь за это дело.

3

В понедельник утром Кибальчич получил записку, написанную по-французски: «Буду в седьмом часу. Жди. Катя».

Кибальчич догадался, что это Михайлов, и стал укладывать вещи. В условленное время он расплатился с хозяином и с двумя саквояжами вышел на улицу. Михайлов лихо подкатил на рысаке. Он быстро посадил Кибальчича и крикнул лихачу:

— Гони!

На Подъячевской они рассчитались с лихачом и, пройдя через проходной двор, сели в просторный извозчичий экипаж, где их ждала молодая дама в кокетливой шляпке с вуалью.

— На Подольскую! — приказал Михайлов.

Дама в вуали — Прасковья Семеновна Ивановская была членом партии «Народная воля». По решению Исполнительного комитета ей предстояло быть помощницей Кибальчича по руководству новой тайной типографией. И теперь она, вместе с Кибальчичем — аккерманским мещанином Агаческуловым, переселялась на новую квартиру как его жена.

Извозчик осадил у дома № 11, где приезжих встретил бородатый дворник в белом фартуке с медной бляхой на груди. Он взял вещи и, указывая дорогу, пошел впереди.

Отомкнув в первом этаже высокую, обитую клеенкой дверь, он впустил хозяев и, передав им ключи, глуховато сказал:

— Уж вы извольте передать паспорта для прописки... Хозяин наказывал... Теперь строго насчет этого...

— Пожалуйста! — Кибальчич, вытащив из кармана

толстый купеческий бумажник, протянул дворнику два паспорта на имя Агаческуловых и двугривенный на чай.

— Благодарствую, барин,— с поклоном сказал дворник,— ежели что потребовается, так я завсегда в том крыле, в подвале...

— Ну-с, дорогие «супруги»,— с улыбкой начал Михайлов, когда, проводив дворника, все прошли в столовую,— прошу вас вести себя не особенно церемонно. Знакомы вы уже давно, а все еще на «вы».

— Ничего, работа сблизит,— приветливо улыбнулась Ивановская, поправляя темные густые волосы, и с нежностью посмотрела на Кибальчича карими живыми глазами. Она знала, каким уважением пользовался в партии «техник», и давно симпатизировала ему.

— Ты, Пашенька, сразу входи в роль «хозяйки», и тогда все пойдет как надо. Николай человек тихий, застенчивый, молчаливый. Если не тормошить, от него иной раз слова не услышишь.

— Да, да, уж вы, пожалуйста, не обижайтесь, Прасковья Семеновна, я иногда задумываюсь... ухожу в себя...

— Ничего... Мы все привыкли быть молчаливыми...

— Чтоб особенно не скучали,— продолжал Михайлов,— завтра у вас появится прислуга. Ею будет Людочка Терентьева, чудесная девушка из Херсона, участница подкопа под казначейство. Ты, Пашенька, обучи ее набору — будет хорошей помощницей.

— Спасибо. Я видела ее — очень славная...

— Ну, пойдемте еще раз осмотрим квартиру,— предложил Михайлов,— и уточним, где поставить станок и наборные кассы. В прошлый раз мы выбрали спальню.

— Да, это самая дальняя комната и, так сказать,— святая святых. Сюда никто из посторонних не войдет,— поддержал Кибальчич.

Прошли в спальню, осмотрели длинную высокую комнату с одним окном, где стояли широкая кровать, зеркальный шифоньер и туалетный столик.

— Да, бесспорно самая подходящая из всех, — вслух думал Михайлов.— Вот тут, в углу, можно поместить станок и кассы... и все это закрыть толстой портьерой.

— Чудесно! Так и сделаем,— согласилась Ивановская.

— Тогда решено, друзья, — заключил Михайлов. — Дня через два под видом багажа вам привезут типограф-

ское оборудование. Возчиками будут наши люди. Они установят станок, оборудуют кассы. Задумано возобновить издание журнала «Народная воля» и выпускать «Рабочую газету»... Не пугайтесь. Помощь вам будут оказывать все члены Исполнительного комитета.

В первую субботу после троицына дня Сергей должен был заехать за Лизой, чтоб после обеда пойти на концерт. В Александринском театре выступал знаменитый итальянский трагик Томмазо Сальвини. Билеты достать было почти невозможно, но Стрешневу помог присяжный поверенный Верховский, написав записку в дирекцию императорских театров.

Сергея Стрешнева ждали к обеду в четыре часа, но уже было около пяти, а он не появлялся. Лиза, принарядившаяся и причесанная, в волнении перебирала веер, прохаживаясь по комнате. «Уж не случилось ли беды? Вчера Сергей должен был выступать в рабочем кружке...»

Мать раза два заглядывала, спрашивала: не перепутала ли она время, точно ли пригласила к четырем? Но Лиза отвечала, что он сам просил назначить обед на четыре, чтоб успеть в театр.

Прошло еще полчаса.

Отец Лизы, привыкший обедать в определенное время, не выдержал и громко, так, чтоб услышала Лиза, крикнул из кабинета:

— Ну, мать, вы с Лизой как хотите, а я больше не могу... Вели подавать...

Лизу тоже звали к столу, но она отказалась и, закрывшись в своей комнате, продолжала ходить, чутко прислушиваясь — не позвонят ли...

Лишь в восьмом часу, когда в театр идти уже было поздно, послышался знакомый голос в передней, и к Лизе, не снимая плаща, вбежал Стрешнев. Он глубоко дышал, лицо пылало, глаза светились.

— Лизок, милая, прости великодушно, я не мог... Случилось такое, что я никак не ожидал... Я прибежал, чтоб извиниться и обрадовать тебя... Собирайся!

— Я давно готова! — стараясь казаться спокойной, сказала Лиза.— Жду тебя.

— Да нет, не то... Надень что-нибудь попроще. Мы идем в другое место... Знаю, ты будешь обрадована.

— Куда же?

— На тайную сходку. Я встретил Николая. Мы почти два часа бродили по городу... Он пригласил обоих... Ты представить не можешь — будут выступать Перовская и Желябов.

— Что ты, Сережа, где же это? — сразу забыв все треволнения и обиды, спросила Лиза.

— Точно не знаю, но где-то близко... Нас ждет Николай.

— Неужели?! — воскликнула Лиза и, выпроводив Сергея в другую комнату, быстро стала переодеваться...

Кибальчич, Лиза и Стрешнев на цыпочках вошли в просторную комнату. Из-под широкого абажура висящей лампы падал мягкий желтоватый свет на одухотворенные лица людей, собравшихся за чайным столом.

В центре стояла девушка, вскинув красивую голову. Зеленоватая кофточка с белым воротничком и темная длинная юбка делали ее выше, изящней.

Рядом, облокотясь на стол локтями и подперев подбородок сжатыми кулаками, сидел военный. По другую сторону самовара — пожилая женщина в очках и старик с длинной белой бородой в русской вышитой рубахе. Вокруг сидели и стояли еще несколько человек, похожих на разночинцев.

Девушка подождала, пока прикроется дверь, и, слегка вздохнув, продолжала читать страстно, вдохновенно:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Девушку обступили, пожимали ей руки. Старая женщина в очках подошла и поцеловала ее.

— Спасибо! Вы выразили наши чувства. Спасибо!..

— Кажется, мы опоздали,— прошептал Кибальчич Стрешневу.

— Как жаль, а где же Захар?

— Вон там в углу, кто-то к нему подсел.

Стрешнев взял под руку Лизу и глазами показал на мужественное лицо, с длинными, откинутыми назад волосами и горящими глазами.

— Ах, вот он какой! — впившись в него глазами, сказала Лиза.— А девушка, что читала Пушкина?

— Софья Перовская!

— Неужели?.. Удивительно...

Молодая женщина подошла к столу:

— Друзья! На этом разрешите закончить. Благодарю всех! Просьба расходиться не сразу.

— Как? Неужели все? — с горечью прошептала Лиза.

— Да. Мы, к сожалению, опоздали,— сказал Кибальчич. — Но я приглашу вас в другой раз... Обязательно,— он протянул руку. — Не сердитесь. Я был очень рад вас видеть... Прощайте! Прощай, Сергей, меня зовут...

Все стали расходиться...

Лиза и Сергей спускались с лестницы вслед за военным и стариком. Тот глухо бубнил:

— Признаюсь, я первый раз слышал, как говорил Захар. Это, батенька мой, оратор! Я ведь слыхал и Владимира Соловьева и самого Победоносцева. Куда! Разве можно сравнивать. Это — Цицерон! Это факел, способный зажечь то, что, кажется, и гореть-то не может. Да-с..

На улице старик с военным свернули в сторону. Лиза взяла под руку Сергея.

— Сережа, кто же такой Захар? О ком они говорили?

Стрешнев оглянулся и, приблизившись к Лизе, таинственно прошептал:

— Захар — это Же-ля-бов!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Подкопщица из Херсона Людочка Терентьева оказалась статной, миловидной девушкой с веселыми голубыми глазами, с пышной золотистой косой. Она была полной противоположностью смуглой, привлекательной и строгой Ивановской. И Людочка, хотя уже давно была знакома с Ивановской, смутилась.

— Здравствуйте, Прасковья Семеновна, я пришла, как мне было сказано... я готова быть служанкой и выполнять любую работу...

Холодноватое лицо Ивановской озарила добрая улыбка:

— Людочка, да что ты дичишься, милая, ведь мы же свои люди! — Она подошла к Терентьевой, ласково обняла.— Ты так расцвела и похорошела, что я, право, не знаю как и быть...

— А что? Разве я не подхожу? Я же любую работу могу... — встревожилась Людочка.

— Знаю, знаю, милая. Эта история с Херсонским казначейством сделала тебя знаменитой в партии... Неужели ты тоже участвовала в подкопе?

— Да, и в подкопе, и на конфискации денег была, и десять тысяч для партии тайно привезла в Одессу.

— Отважная! — улыбнулась Ивановская и, несколько отойдя, еще раз изучающе осмотрела Терентьеву.— Да, милая, ты совсем не подходишь для роли служанки... А если мы и примем тебя на эту должность — будет больше вреда, чем пользы.

— Почему же? — с грустью спросила Терентьева.

— За тобой тотчас начнут увиваться молодые дворники, да еще, чего доброго, и городовые. Что же мы будем делать тогда?

— Не беспокойтесь, Прасковья Семеновна, я сумею дать отпор.

— Вот этого-то я и боюсь, милая. Они впадут в ярость и могут навредить еще больше.

— Да? Что же тогда делать... Неужели все сорвется? — упавшим голосом спросила Людочка.

— Нет, придумаем выход. Ты очень нужна. Сам Желябов тебя рекомендует. Пожалуй, пропишем, как родственницу, приехавшую погостить, а под видом прислуги устроим Аннушку — наборщицу из разгромленной типографии на Саперном. Она не попала в облаву.

Ивановская подошла к Людочке и взяла ее за руки:

— Так будет хорошо. А без Аннушки нам все равно не обойтись. Ну что, довольна?

— Благодарю вас, Прасковья Семеновна. Можно вас поцеловать?

— Ну конечно же,— улыбнулась Ивановская.

Людочка поцеловала ее в щеку и таинственно спросила:

— А как же хозяин квартиры? Вы уже виделись?

— Да. Он человек замкнутый, молчаливый и трудно сходится с людьми, но в общем очень славный и умница. Я вас сейчас познакомлю...

— Нет, нет, потом,— запротестовала Людочка.

— Ну полно, Людочка. Посиди тут минутку-другую,— Ивановская вышла в соседнюю комнату и скоро вернулась с Кибальчичем.

Людочка, взглянув на невысокого, худого человека в черном сюртуке, подчеркивавшем бледность его лица, с высоким лбом, на который спадали всклокоченные темные волосы, потупилась. Кибальчич, о котором столько говорили, представлялся ей романтическим героем, похожим на Желябова, и вдруг...

— Вот познакомьтесь, Николай Иванович, это Людочка Терентьева,— представила Ивановская.

— Очень рад! Много слышал о вас,— Кибальчич протянул руку.

Все сели у стола.

— Я предлагаю прописать Людочку, как родственницу,— сказала Ивановская,— а прислугой возьмем Аннушку.

— Пожалуйста. Я согласен.

Наступило молчание.

— Людочка — участница подкопа в Херсоне,— чтоб поддержать разговор, сказала Ивановская.— Она единственная, кому удалось скрыться.

— Очень приятно. Я буду рад с вами работать,— сказал Кибальчич.— Пожалуйста, устраивайтесь, располагайтесь... Прасковья Семеновна вам поможет, а меня прошу извинить — есть срочная работа.

Кибальчич поднялся и, поклонившись, прошел в соседнюю комнату.

— Ну что, каков хозяин? — спросила Ивановская.

— Не знаю... Почему же он так быстро ушел?

— Очень занят: пишет статью для «Народной воли». Он ведь не только «техник», но и ученый, изобретатель, журналист и философ.

— Правда? Но какой-то странный... И уж совсем-совсем не такой, каким я его представляла.

Ивановская улыбнулась. Она знала, что Людочка еще в Одессе была влюблена в Желябова и все другие мужчины для нее не существовали.

2

Поздним вечером, когда Санкт-Петербург, утихая, погружался в сон, во двор дома, где была тайная типография, вошел щеголеватый господин в цилиндре, с тросточкой, с подкрученными усами. Он прошествовал в дальний подъезд и трижды дернул ручку звонка. Ему долго не открывали, но он не спешил звонить вторично. В подъезде было тихо, очевидно, соседи уже спали. Вступала в свои права безмолвная белая ночь.

Наконец в передней послышались шаги и женский голос тихо спросил:

— Кто там?

— Федор Николаевич! — негромко ответил щеголеватый господин. Дверь тотчас отворилась; и Александр Михайлов, поставив в угол тросточку и бросив на столик цилиндр, горячо стал пожимать руки Ивановской, Людочке, Кибальчичу, Исаеву.

— Ну что, все ли хорошо у вас? Удалось ли начать работу? Ведь я две недели пробыл у наших людей в Москве...

— Все отлично, Александр! Печатаем первый номер,— сказал Кибальчич.— Пойдем, убедишься сам.

— Неужели? Пойдемте скорей!

Все прошли в дальнюю комнату, где стоял печатный станок, лежали кипы бумаги и пахло типографской краской.

Станок представлял собой плоскую чугунную раму с гладким цинковым дном, в которую были вставлены свинцовые полосы шрифта, стиснутые с боков зажимами так, что шрифт находился на одном уровне с краями рамы.

— Ну, как же вы печатаете? — спросил Михайлов.

— Сейчас покажем.— Исаев встал к станку и взял за ручку широкий, тяжелый каток с валом, обитым гуттаперчей и сукном. Вал передвигался по краям чугунной рамы.

Ивановская, расположившись напротив Исаева, тонким каучуковым валиком прошлась по мраморной доске, где была растерта краска, а потом по шрифту. Людочка аккуратно положила на шрифт лист белой бумаги. Исаев двумя руками прокатил по раме и бумаге тяжелый каток.

Людочка ловко отодрала от шрифта бумагу:

— Вот, пожалуйста! — и подала Михайлову.

— Недурно! Право, недурно, друзья! — Михайлов подошел к окну и стал читать вслух:

— «Агенты Исполнительного комитета выследили Жаркова и убили его у Тучкова моста на льду Малой Невки. Оглушенный кистенем, шпион упал, крича о помиловании, обещая во всем признаться. Несколько ударов кинжалом прекратили эту позорную жизнь, и через час только замерзший труп предателя свидетельствовал о совершившемся акте правосудия, доказывая собою, что в России хотя и редко, но все же торжествует справедливость и получает достойную кару предательство».

— Великолепно, друзья! Очень четко и ясно! — воскликнул Михайлов. — И... отлично написано. Пусть предатели знают, что им не уйти от возмездия.

— Александр Дмитриевич, это тот Жарков, что выдал тайную типографию «Черного передела»?

— Да, тот... А что, есть в номере о разгроме нашей типографии в Саперном?

— Да, и очень подробно,— сказала Ивановская.— Людочка, найди первые страницы.

Людочка подала несколько отпечатанных листов. Михайлов взглянул на титул:

Листок
«НАРОДНОЙ ВОЛИ»
Революционная хроника

— Хорошо! Внушительно! Это я возьму, посмотрю дома... Ну что же, друзья, все идет отлично! Благодарю вас! Продолжайте работу, а меня извините — должен поговорить с Николаем Ивановичем.

Он отвел Кибальчича в столовую...

3

— Так вот, дорогой друг,— закинув ногу на ногу и удобно усевшись в кресле, начал Михайлов, когда оба уединились в столовой, — помимо террористической, нам еще надлежит вести борьбу теоретическую. И эту последнюю не только с врагами, но и с друзьями... Ты помнишь, Николай, сколько у нас уцелело номеров «Народной воли» с «Программой Исполнительного комитета» после разгрома типографии в Саперном?

— Кажется, экземпляров двести.

— А между тем «Программа» имела широкое распространение в России и даже проникла во многие страны Европы.

— Да, это так,— согласился Кибальчич,— я сам читал статьи во французских и швейцарских газетах.

— Наши зарубежные друзья и эмигранты осуждают «Программу»? Ведь так?

— Да, находят ее слишком резкой.

— Еще бы! Им, живущим в странах, где давно уже нет деспотизма, многое режет слух. Ведь в «Программе» написано с железной прямотой: «...Народ находится в состоянии полного рабства... Он трудится исключительно для прокормления и содержания паразитных слоев... Народ доводится до физического вырождения, до отупелости, забитости, нищенства...»

— С этими утверждениями они, пожалуй, готовы примириться, но их пугает пункт «В», где сказано: «Мы должны поставить своей ближайшей задачей — снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу».

— Ну да, да, конечно, они против активной политической борьбы,— поправив волосы на высоком лбу, горячо заговорил Михайлов.— Многие считают, что нужно стремиться к экономическим улучшениям, а это можно сделать и без захвата власти.

— Нет, это невозможно, — убежденно сказал Кибальчич.— Как же можно передать землю народу, а заводы и фабрики рабочим, не обладая политической властью? Как можно, не будучи у власти, осуществить свободу совести, слова, печати, сходок? Как можно ввести всеобщее избирательное право?

— Я рад, Николай, что ты непоколебим в своих взглядах. И я прошу тебя от лица Исполнительного комитета написать статью в защиту нашей «Программы». Нужно убедить маловеров и дать отповедь тем, кто склоняется на сторону врагов.

— Об этом меня уже просил Желябов.

— Вот и отлично! Вряд ли кто-нибудь сможет это сделать лучше тебя. Конечно, сам Андрей мог бы произнести блестящую речь, но, ты знаешь,— Михайлов махнул рукой,— писать он совершенно не умеет. Говорят, в бытность студентом, он никогда не вел записей.... А вот если

бы собрать сходку и записать его речь слово в слово — было бы замечательно! Но, увы, Андрей уехал на Волгу...

— Не знаю, сумею ли я, Саша, выполнить это поручение, но стараться буду. Я думал над этой темой и даже придумал название статьи.

— Ну-ка, ну-ка?

— «Революционное движение и экономический вопрос».

— Славно! Именно в этом — острие полемики! И сколько мне помнится, в народовольческой литературе еще не появлялось серьезной статьи на столь важную тему.

— Тема философская, трудная, и я должен многое прочесть и обдумать, прежде чем взяться за перо... но буду стараться...

— У тебя уже есть замысел?

— Нет, так, кое-какие мысли.

— Если не секрет — я бы хотел послушать.

— Что ты, Саша, какие могут быть от тебя секреты,— смущенно улыбнулся Кибальчич. — Напротив, я хотел бы с тобой посоветоваться... Мне кажется, в вводной части статьи следует сказать об особенностях нашей борьбы.

— Это о каких же?

— Согласись, Саша, что ни одной общественно-революционной партии в Европе не выпадала столь трудная задача, как нам. Ведь мы одновременно со своей основной целью — социально-экономической, должны взять на себя еще работу разрушения системы политического деспотизма, то, что в Европе уже сделано. Да и заметь, сделано не социалистами, а буржуазными партиями.

— Верно! Абсолютно согласен с тобой, Николай.

— Нам трудней. Наша борьба требует огромных жертв. Но в окружающей нас обстановке есть и выгодная сторона. Политический строй России, ненавидимый народом, должен, несомненно, пасть. И этот строй, доведший народ до голода и вымирания, роет могилу для того экономического порядка, который он поддерживает.

— Браво, Николай! Браво! Это верная мысль.

— Далее,— увлеченно продолжал Кибальчич,— я отвечу социалистам различных оттенков на их возражения по политической части нашей «Программы». Они делятся на три категории, я бы хотел поговорить лишь о тех наших антагонистах, которые ссылаются на Маркса.

— Так, так... Это весьма интересно.

— Маркс в своем «Капитале» доказал, что экономические отношения лежат в основе всех других общественных форм — политических, юридических и т. д.

— Да, это верно,— согласился Михайлов.— А наши антагонисты, ссылаясь на Маркса, делают вывод, что всякое изменение экономических отношений может произойти лишь в результате борьбы в экономической сфере, и утверждают, что никакая политическая борьба, никакая революция не способна вызвать экономический переворот.

— Вот как? Но ведь это же искажение взглядов Маркса?

— Безусловно.

— Вот послушай, у меня выписано место из его «Гражданской войны во Франции», где он определяет историческое значение Парижской коммуны.

Кибальчич достал тетрадь и, найдя нужную запись, показал Михайлову:

— «...Она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда...» А? Что ты скажешь? Теперь слушай дальше: «...Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство».

— Ты молодец, Николай. Очень разумно бить наших противников ими же приготовленным оружием. Славно! Очень славно! Уверен — получится превосходная статья.

— Только не надо меня торопить, Саша. Я не могу так... Я люблю основательно...

— Не будем торопить. Не будем. Наметим в третий номер... Однако ты работай, пока есть запал. Помни, Николай, сейчас это — главное дело! Мы должны выиграть теоретическую борьбу. Только тогда за нами пойдут многие...

4

По пыльной, потрескавшейся дороге, скрипя и громыхая, тащилась крестьянская повозка. Худая, взмокшая лошаденка, понуро опустив голову, еле плелась.

На повозке, поджав ноги, сидел усатый мужик, держа в одной руке вожжи, в другой — трубку. А рядом, свесив

ноги в пыльных сапогах, сидел молодой бородатый человек. Ветерок трепал его густые волосы, закрывая лицо.

Было знойно и душно, хотя солнце уже висело низко, в пыльном мареве. Вокруг тишина — ни живой души. За сердце брала тоска. Возница угрюмо молчал. Молчал и седок. Лишь слышалось надсадное, глухое дыхание лошади, скрип телеги да стук колес о припорошенную пылью, окаменевшую дорогу.

Бородатый седок, в распахнутой, пропыленной косоворотке с подвернутыми рукавами, был Желябов. Увиденное и пережитое здесь наполняло сердце жалостью и гневом. Жалостью к простым, несчастным людям, гневом — к правителям. Вымирали целые уезды. Голод, мор, опустошение он видел вокруг. Чтоб спасти народ, Россию, надо было принимать экстренные меры.

Желябову казалось, что именно сейчас, когда народ доведен до крайности, он пойдет на все! Именно сейчас небольшая группа отважных революционеров сможет поднять всенародное восстание и захватить власть. Только сейчас это возможно. Только сейчас! Если упустим время — успеха не будет. «Я должен немедля ехать в Петербург и убедить товарищей начать действовать решительно...»

Вдруг лошадь остановилась, тяжело захрипела и рухнула наземь.

— Батюшки светы! — испуганно воскликнул возница и спрыгнул с телеги.

Желябов уже копошился у лошади, пытаясь ее поднять.

Лошадь тяжело храпела и не поднималась. Ноги ей свела судорога. Вдруг она дернулась и замерла.

— Все. Издохла, сердешная,— покорно сказал возница.— Что же будем делать-то, барин?

— Какой я барин? Я такой же мужик, как и ты,— рассердился Желябов.— Как-нибудь доберемся до города.

Возница перекрестился, неторопливо развязал чересседельник, супонь, выпростал оглобли и стал снимать с лошади хомут. Желябов отошел в сторону. Ему было не по себе...

Возница отнес хомут в повозку, потом снял седелку, вытащил из-под мертвой лошади шлею и тоже все это бросил в повозку. Опять поплевал на руки и взялся за оглобли, отодвинул повозку назад, чтоб можно было объехать труп лошади.

— Погоди, приятель,— сказал Желябов и, подойдя, взялся за оглобли, крепко привязал к их концам чересседельник, накинул его себе на плечи.— Подталкивай сзади.

— Верно, этак сподручнее будет, — согласился возница.

— Далеко ли до города будет? — спросил Желябов.

— За бугром деревня. Там можно оставить телегу.

— Хорошо. Ну, тронули! — крикнул Желябов и, рванув телегу, пошел твердо, размашисто.

Миновав неглубокий овражек, они поднялись на бугор и увидели деревню.

Закатное солнце окрашивало пашню в лиловатые тона и желтоватыми бликами играло на чахлой зелени деревьев. Деревня казалась вымершей: не пели петухи, не лаяли собаки, не было слышно ни детского крика, ни стука топора.

Полевые ворота перед деревней были распахнуты, первые избы оказались заколоченными.

Желябов остановился, выпрямил затекшую спину, кивком головы откинул назад намокшие от пота волосы.

— Ну, куда поедем, приятель?

— А, эвон баба идет! Вон, у колодца. Айда к ней!

Желябов снова впрягся в телегу и остановился у ворот, где стояла баба с ведром.

— Здравствуй, хозяюшка! — приветливо поздоровался он и сбросил оглобли.

— Никак лошадь пала у вас? — озабоченно спросила баба, не отвечая на приветствие.

— Да, в поле оставили, — сказал Желябов, отирая пот платком.— Кваском не угостишь ли?

— Что ты, голубчик, какой ноне квас,— плачущим голосом запричитала баба,— водицы-то и то в колодцах не стало... Вот ежели переночевать желаете — милости прошу на поветь. Там ребятишки спят на соломе. Только уж не обессудьте — попотчевать нечем. Перебиваемся еле-еле. Уж полдеревни по миру пошло.

— Спасибо, хозяюшка. А далеко ли до города? — спросил Желябов.

— Дорога не мерена, а считаем семь верст.

— Пустяки. Дойду.— Желябов достал две красненькие, протянул вознице.— Вот тебе на лошадь, приятель. Делюсь, чем могу.

Возница заморгал глазами:

— Ой, ваше благородие. Уж не знаю, как и вели-

чать-то. Дай бог вам здоровья. Из беды выручили. Спасибо вашей милости. По гроб жизни не забуду.

Из калитки выглянула белобрысая, худющая девочка с большущими синими глазами на бледном личике.

— Много у тебя таких? — спросил Желябов хозяйку.

— Это шестая...

Желябов подошел к телеге, достал из саквояжа краюху хлеба, круг колбасы и два куска сахара.

— На, стрекоза. Неси домой.

— Ой, спасибо, дяденька! — обрадованно крикнула девочка и юркнула во двор.

Желябов надел пиджак, поднял валявшуюся у плетня палку, просунул ее в ручку саквояжа и перекинул его через плечо.

— Ну, прощайте, добрые люди. Желаю вам пережить голод. Надейтесь, что скоро заживем иначе.

В воскресенье Лиза Осокина была приглашена на именины к двоюродной сестре Кате Острогорской.

Острогорские — родственники по матери — были чванливые и богатые люди, и Осокины с ними встречались нечасто. Но на этот раз Лизе никак нельзя было не поехать — Кате исполнялось двадцать лет...

Сергей Стрешнев приглашен не был — Острогорские о нем даже не знали. Лиза поехала одна.

Молодежи собралось порядочно, главным образом военной, так как братья Кати были «михайлонами» — учились в Михайловском артиллерийском училище.

Сразу же, как только вышли из-за стола, начались танцы. Лизу приглашали наперебой, но она отказывалась и чувствовала себя стесненно, скованно. В большой зале окна были распахнуты, но все же было душно, хотелось на воздух. И когда «дежурный юнкер» объявил, что решено ехать на лодках, все обрадованно зашумели и стали выходить на улицу.

Две большие лодки с весельниками и гитаристами были наняты еще вчера и теперь ждали на Фонтанке, недалеко от дома.

Молодежь шумно расселась. Зазвенели гитары, и лодки скоро вышли на Неву напротив старинного дома Петра Великого.

Было сумеречно и тихо. Лодки плавно плыли по течению. Гитаристы играли вальсы Штрауса. Все любовались Университетской набережной.

Около академии, на гранитных ступеньках, ведущих к реке, Лиза заметила молодого человека с черной бородкой в широкополой шляпе. Он сидел задумавшись и не обращал внимания на проплывавшие мимо лодки.

«Боже мой, да это же Кибальчич,— подумала Лиза.— Только он может так отрешаться от всего сущего... Однако что же делать?.. Как же сойти?»

Она тронула за рукав брата Кати:

— Боря! Мне надо навестить больную бабушку. Это рядом. Можно мне сойти?

— Совсем? — удивился румяный юнкер.

— Да, мы с Катей договорились. Очень надо.

— Ну, если договорились, я прикажу, — и он велел весельникам править к берегу.

Лиза, высадившись у спуска, поднялась на набережную и почти бегом заспешила туда, где сидел Кибальчич. Сердце ее вдруг стало колотиться так сильно, что она услышала его стук и пошла медленней, пытаясь успокоиться...

Кибальчич сидел неподвижно. Он любил летние петербургские вечера и белые ночи. В их торжественной тишине хорошо думалось и мечталось...

В центре, где он жил, было людно и суетливо. На улице попадались навстречу одни и те же гуляющие: отставные чиновники и военные, отошедшие от дел, старые холостяки и просто бездельники, не знавшие, как и где убить время. Иные уже так примелькались, что казались знакомыми и порой хватались за шляпы, чтоб раскланяться. И хотя сейчас многие из гуляющих выехали за город, оставшиеся искали собеседников, пытались познакомиться, разговориться.

Кибальчич, если выпадало свободное время, уезжал подальше от дома, где его никто не мог потревожить. Сейчас, сидя на гранитной ступеньке, он смотрел на серую, с нежнейшими радужными разливами гладь Невы и думал о разговоре с Михайловым.

«Я напишу статью. И пожалуй, напишу неплохо. Но что она может дать народу? Какую принесет пользу? Ее прочтут и поймут очень немногие. Сотни, ну, может быть, тысячи людей. А нам нужно поднимать миллионы! В «Программе» сказано: «Главная задача партии в народе — подготовить его содействие перевороту и возможность успешной борьбы на выборах после переворота».

Чтобы поднять миллионы, нужно быть с ними, жить их интересами, знать их души. Желябов в этом отношении мудрее всех. Он вышел из народа и опирается на народ. Живет его жизнью. И сейчас он уехал на Волгу, чтоб там создать и укрепить отделения «Народной воли». Он всегда с народом. Народ — его стихия! Я верю: за ним могут пойти тысячи... Но Желябов один! Похожих на него — единицы. А их, Желябовых, нам нужны многие тысячи — только тогда мы сможем поднять народ и свершить переворот...»

Перед глазами, кружась, медленно пролетел зеленый листик и упал в воду. Кибальчич поднял глаза. За парапетом, улыбаясь ему, стояла Лиза. Грудь ее вздымалась от волнения, и на ней золотом отсвечивала пышная коса.

— Лиза! Как же вы оказались здесь?

— Увидела вас и сошла с лодки... Была на именинах у сестры.

Кибальчич быстро поднялся, пожал протянутую руку:

— Спасибо! Я очень рад... Но как же вас отпустили? А Сергей?

— Его не было... А я просто сбежала...

— Помню, тогда, зимой, вы поступили так же решительно.... Помните?

— Разве это можно забыть?..

Кибальчич взглянул на ее нежное, зарумянившееся лицо с серыми задорными глазами, в которых светилась любовь, тихо сказал:

— А вы все такая же, Лиза...

«Какой же мне быть в двадцать лет, когда сердце полно любовью?» — подумала Лиза, но лишь вздохнула и потупилась. Кибальчич понял ее смущение. Оба молча глядели на необъятную ширь Невы, на подернутые дымкой дворцы на другом берегу.

— Мне было очень обидно тогда, зимой, на сходке. Пришли к самому концу, и нам не удалось услышать, как говорил Захар.

— Да, об этом стоит пожалеть... Он, когда говорит, преображается. Я всегда восхищаюсь им. Но как-нибудь я вас приглашу.

— А вы будете выступать?

— Я? — удивился Кибальчич.— Ну нет, Лиза, я не умею. Для этого нужен особый дар.

— А я уверена — вы можете! Я сразу это почувствовала. С первой встречи.

— Увы! — улыбнулся Кибальчич.— Вы ошибаетесь, Лиза. Я не оратор, и вообще — я играю весьма и весьма скромную роль.

— Нет, нет, не говорите,— запротестовала Лиза.— Я не хочу, чтоб вы так говорили.

— Почему?

— Потому что вы совсем не такой... Я знаю. Вот скажите лучше, если б для партии, для народа было нужно, вы бы прыгнули в Неву?

— Право, не знаю, — смущенно улыбнулся Кибальчич.

— А я знаю — вы бы обязательно прыгнули. И я бы прыгнула, хотя совсем не умею плавать. А вот Сережа бы не прыгнул.

— Почему?

— Он не такой. Он очень славный, очень хороший, и я люблю его как брата, но он не способен на подвиг. Он создан для тихой жизни.

— Но ведь вы же его невеста, Лиза?

— Да, но я не выйду за него замуж. Это я поняла, как увидела вас.

— Нет, Лиза, вы не должны так думать. Сергей очень хороший и преданный друг.

— Конечно. Я его ценю. Все же...

— Тут сидят какие-то люди,— шепотом сказал Кибальчич.— Давайте пройдемся по набережной.

— Хорошо. Только возьмите меня под руку. Становится прохладно.

Кибальчич взял Лизу под руку, и она, припав к нему, почувствовала себя счастливой.

Шли и молчали. Было тихо и светло, но свет был приглушенный, рассеянный, без теней и контрастов. Небо казалось голубовато-пепельным, но беспредельно высоким и в нем за Невой, за далекой темной зеленью Александровского сада, тускло поблескивал золотой купол Исаакиевского собора.

Любуясь величественной и гордой красотой Дворцовой набережной, они перешли мост и, выйдя к Адмиралтейству, присели на скамью под столетними липами. Кибальчич взял Лизину руку, с нежностью посмотрел в глаза:

— Вам хорошо сегодня?

Лиза поправила мантильку, улыбнулась:

— Да, Николай Иванович, я благодарю бога, что он послал нам эту волшебную ночь и что...— она опять замолчала, потупилась.

— Вы довольны, что мы встретились?

— Да, да. Я так мечтала об этом... А вы?

— Я тоже рад, Лиза. Я много думал о вас. Только чувствую большую неловкость перед Сергеем. Ведь мы друзья... Я не имею права быть с вами. Да и не только поэтому. Я вообще не имею права предаваться чувствам. Проявлять слабость духа... Я должен немедленно уйти.

— Нет, нет, только не сейчас. Умоляю! Я еще хочу вам сказать,— и Лиза крепко сжала руку Кибальчича, словно боясь, что он встанет и уйдет.— Я должна вам сказать, что вы для меня стали самым дорогим человеком. Да, да, вы должны верить мне.

— Я верю, Лиза, но, право...

— Нет, не возражайте, пожалуйста, я должна сказать вам все, что на душе... Может быть, больше не будет случая. Я должна... Вы должны мне поверить. И если вам будет нужен, необходим верный, преданный друг, готовый на все, на любую жертву,— дайте знать мне.

— Что вы, Лиза! — попытался остановить ее Кибальчич.

— Да, да, это говорит мое сердце, моя душа. Я знаю, вы не принадлежите себе. Но вы тоже имеете право на счастье. О, если б я могла его вам дать,— я готова была бы на все!

— Лиза! Вы чудесная самоотверженная девушка. Вы именно та, о которой я мечтал,— горячо сжал ее руку Кибальчич.— Но я не могу вас обречь на страдания и гибель. Я не имею права на личное счастье — оно удел других.

— Нет, нет, не говорите! Я готова в Сибирь, в ссылку, на каторгу, только бы быть с вами.

— Лиза, неужели это правда? — зардевшись, спросил Кибальчич. — Лиза, вы плачете?

— Да, я плачу. Но это от радости. Оттого, что я с вами.

Кибальчич пальцем осторожно провел по ее щеке, смахнул слезинку, Лиза доверчиво потянулась к нему, и губы их трепетно встретились...

Было еще светло, тихо, безлюдно. От реки тянуло прохладой.

Лиза плотней натянула мантильку, и Кибальчич обнял ее. Стало тепло.

Послышался скрипящий железный звук и отдаленные голоса. Лиза вздрогнула.

— Это разводят мосты. Уж полночь, — сказал Кибальчич.

Лиза встрепенулась:

— Мне пора. Дома, наверное, всполошились. Но скажите, Николай Иванович, теперь мы будем видеться чаще?

— Не знаю. Не знаю, милая Лиза,— и он кивком головы указал на острый, как копье, шпиль Петропавловской крепости,— если не попаду туда — будем.

Лиза поежилась.

Кибальчич взял ее под руку, и они пошли по сонным улицам, мимо дремавших у ворот дворников... Прощаясь, они крепко обнялись.

— Если захотите меня видеть, приходите в Летний сад, я буду вас ждать каждую субботу. Или напишите: Косой переулок, семь, квартира девять.

— Не знаю, что станет завтра, но я буду стремиться к вам всегда,— в раздумье сказал Кибальчич.— Спасибо вам за все, милая Лиза. Спасибо!

— Что бы ни случилось, Николай,— сжимая его руку, взволнованно воскликнула Лиза,— вы должны знать, что я вас очень люблю. Очень! И готова разделить с вами любую участь...

5

В середине лета вернувшийся с Волги Желябов созвал экстренное совещание Исполнительного комитета. На тайной квартире у Вознесенского моста, где жила Вера Фигнер, инсценировали вечеринку по случаю именин хозяйки. Однако не было ни песен, ни музыки. «Гости» сидели встревоженные, озабоченные.

Желябов, исхудавший, обветренный, заросший густой бородой, расстегнув воротник вышитой косоворотки, энергично встряхивал выгоревшей шевелюрой, говорил жестко, гневно рубя воздух ладонью:

— Вы, живущие в столице, не подозреваете, что происходит на просторах империи. Тучные нивы и сочные луга стали выжженной пустыней. Деревья в садах похожи на старые метлы. На выгонах, на дорогах, на улицах сел

и деревень — тысячи зловонных трупов павшего скота. Мор и голод опустошают целые губернии.

Я видел толпы крестьян, бредущих по пыльным дорогам к Саратову, Самаре, Нижнему. Голодающие из Малороссии и ближних губерний уже наводняют Москву и скоро доберутся до Петербурга.

Бескормица, чума и сибирская язва уничтожают последний скот, а эпидемии брюшного тифа и дизентерии ежедневно уносят тысячи человеческих жизней.

Голод и болезни косят детей, а тиран в Царском Селе задает балы и веселится. Ему никакого дела нет до страданий и бедствий народа.

Да и какое дело до русского народа этому властолюбцу? Зачем ему Россия? Разве для того, чтоб грабить ее!

Желябов глубоко вздохнул и взмахом головы откинул назад волосы:

— Я не верю в добрых царей и царей-миротворцев, в царей-благодетелей. Их не было, нет и не может быть! Если появится таковой,— с ним расправятся сами придворные. История знала подобные примеры. Человек, сидящий на троне со скипетром, человек, властвующий над народом, не может быть его другом. Любой царь неизбежно враг и притеснитель народа. А царь-иноземец — вдвойне!

В России после Петра Великого почти не было ни одного русского царя! Ни одного! А в теперешнем едва ли течет хоть восьмая часть русской крови. Его прабабушка, Екатерина Вторая, была принцессой Ангал-Цербской. Дед, Павел Первый, был наполовину немец, а бабка — принцесса Винтенберг-Штутгартская. Отец его, Николай Первый, был на три четверти немцем, а мать — принцессой Прусской. Так может ли этот человек болеть сердцем за русский народ? Может ли он печься о благе народа, я спрашиваю вас?

— Нет! Нет, не может! — раздались голоса.

— Тогда скажите,— повысил голос Желябов,— можем ли мы, члены партии «Народная воля» и ее Исполнительного комитета, оставаться безучастными к бедствию народа?

— Не можем!

— Не можем!

— Я призываю всех и каждого пойти в гущу народа — вести пропаганду наших идей. Теперь народ способен вспыхнуть, как трут от малой искры. Теперь наступает

наш черед действовать решительно — готовиться к государственному перевороту. Мы должны удесятерить усилия по выполнению «Программы Исполнительного комитета» — усилить пропагандистскую работу среди рабочих и среди военных. Если нас поддержат рабочие и армия,— мы победим!

Желябов на мгновение остановился, всматриваясь в лица собравшихся, как бы читая их мысли, и встряхнул шевелюрой:

— И наконец, друзья, я хочу спросить вас, что делать с тем, кто довел народ до голода и вымирания? Что делать с тираном?

— Казнить!

— Казнить!

— Казнить! — раздались гневные выкрики.

— Я думаю,— продолжал Желябов,— что сейчас, когда царь, презрев народное бедствие, собирается отбыть в Ливадию, наступает подходящий момент для того, чтобы с ним покончить. Я надеюсь, что распорядительная комиссия наконец приведет в исполнение приговор над тираном. И я был бы счастлив, друзья, если б возглавить это дело было поручено мне.

Приглушенные, но дружные аплодисменты были ответом Желябову.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Кибальчич, простившись с Лизой, перешел на другую сторону улицы и долго еще смотрел на окна третьего этажа. Ему думалось: Лиза должна почувствовать, что он еще здесь. Когда человек сильно любит, в нем рождается способность улавливать мысли любимого на расстоянии и сквозь стены угадывать его присутствие.

Кибальчич ждал. Сердце его билось взволнованно и сладко, а в теле была необыкновенная легкость. Казалось, оттолкнись он сильней от панели, и сразу прыгнет туда, на третий этаж... Ощущение счастья, блаженства переполняло его душу.

На улице ни шороха, ни звука. В лиловато-дымчатом сумраке громада дома тускло поблескивала стеклами окон.

На третьем этаже огня не зажигали. Кибальчич, прохаживаясь, ждал, поминутно поглядывая вверх. В глухой тишине слышал собственные шаги, свое сердце и порывистое дыхание. Вдруг его ухо уловило легкий деревянный стук. Кибальчич остановился. Именно то окно, на которое он больше всего взглядывал, тихо распахнулось, и в нем показалась Лиза. В белом пеньюаре, с распущенными волосами, она походила на Офелию.

Кибальчич чуть не крикнул от радости, но Лиза поднесла палец к губам и послала ему воздушный поцелуй. Кибальчич снял шляпу и, тоже ответив воздушным поцелуем, пытался жестами передать ей, что он ждал, верил. Но Лиза склонила голову на ладонь, дав понять, что пора спать.

Кибальчич пытался говорить одними губами, но она погрозила ему пальчиком, улыбнулась и, помахав рукой, закрыла окно...

Кибальчич пошел к дому и оказался на Литейном. В распахнутом сюртуке, со шляпой в руке он шагал, ничего и никого не видя.

Сидевшие у ворот дворники, городовые на перекрестках и снующие по сонному городу переодетые жандармы не обращали на него внимания. Им, выслеживающим террористов, никакого дела не было до подгулявшего молодого повесы...

Придя на Подольскую и никого не встретив во дворе, Кибальчич неслышно вошел в подъезд и отыскал в щели лестницы спрятанную им отмычку. Прислушавшись к сонной тишине, он осторожно открыл дверь ключом и, всунув в замочную скважину отмычку, ловко отодвинул щеколду.

В квартире все спали крепким сном. Кибальчич на цыпочках прошел в кабинет, разделся и, постелив на диване, сразу же впал в забытье...

Утром, позавтракав вместе с Ивановской и Людочкой, он прошел в кабинет и часа три работал над обзорной статьей для «Слова». Потом ездил в редакцию журнала и разговаривал со многими людьми, которые его знали как журналиста Самойлова. После обеда в кухмистерской на Фонтанке приехал на Подъячевскую, где была динамитная мастерская,— помогал Исаеву и Якимовой в при-

готовлении черного динамита для распорядительной комиссии...

До позднего вечера Кибальчич был занят разными делами, но, что бы он ни делал, перед ним вспыхивал образ Лизы. «Что со мной? Неужели я и впрямь люблю? Неужели на меня обрушилось такое несчастье? — спрашивал себя Кибальчич.— Странно. Что же теперь делать?»

Он вспоминал, что произошло. «Я вел себя вчера как мальчишка. Разнежился, целовался... Нехорошо! Скверно. Очень скверно. Лиза — невеста друга детства, товарища и соратника по борьбе... Правда, Лиза сказала, что любит Сергея лишь как брата и не выйдет за него замуж. Но он? Он же без ума от Лизы! Сергей живет ею. Сергей и родители Лизы убеждены, что их привязанность и дружба завершатся браком...

Что бы подумал обо мне Сергей, если б я решился связать с Лизой свою судьбу? Как бы отнеслись к такому поступку товарищи по партии, родители Лизы?.. Наконец, как бы я смог смотреть в глаза Сергею, которого люблю с детства?

Да и сама Лиза... Могла бы она одобрить мой поступок, если б взглянула на него со стороны? Ведь потом, когда бы страсти улеглись, она, анализируя прошлое, могла возненавидеть меня. А я сам? Разве я мог наслаждаться счастьем, сделав несчастным друга?

Конечно, Лиза могла объясниться с Сергеем, сказать, что любит меня и в этом видит свое счастье. Тогда бы многое изменилось. Сергей — о, это благороднейший человек! — он бы сам прибежал ко мне и стал бы умолять, чтобы я женился на Лизе. Я знаю, каких бы страданий это стоило, но Сергей бы поступил так...

Предположим, я бы принял эту жертву... Но ради чего? Что я мог дать Лизе? Увы! Ничего, кроме горя и страданий!..

Конечно, счастье заманчиво: каждый человек мечтает об этом. Вряд ли бы кто из товарищей сказал плохо, если б я нашел себе верного друга, готового, как и я, пожертвовать собой для великого дела, для партии. Ведь никто не посмел осудить Желябова и Перовскую за их самоотверженную любовь. Напротив, все восхищаются ими! Но Желябова и Перовскую сдружила и породнила борьба за святое дело. Единство взглядов и цели! А между мной

и Лизой — целая пропасть! Она восторженная девушка, которую увлекла романтика нашей борьбы. Она восхищается подвигами, мужеством, но не видит опасности, не видит той пропасти, по краю которой ходит каждый из нас. Она не представляет, на что должна обречь себя, связав свою судьбу с моей. Любовь затуманила ей глаза. И я должен предостеречь ее и удержать от опасного шага.

Это нелегко сделать. Я сам был вчера как помешанный. Жажда любви накапливалась во мне годами и вдруг прорвалась сразу. Но теперь, когда я немного пришел в себя, я должен сдержать чувства и отдать предпочтение разуму. Я должен спросить себя: имею ли я право на любовь в своем теперешнем положении, как агент Исполнительного комитета, наделенный особыми полномочиями? Не навредит ли она той важной миссии, которая на меня возложена? Ведь Михайлов запретил мне поддерживать даже самые малые знакомства... Положим, Лизе можно довериться. Но к чему может повести наша любовь? Много ли счастливых дней выпадет нам на долю?

Не сегодня-завтра меня могут схватить и повесить. Да, да, надо смотреть правде в глаза. Что же станется с бедной Лизой? В лучшем случае она останется одна, а может, с ребенком... без всяких средств и с клеймом жены преступника. Ведь могут и ее схватить, как соучастницу, заточить в крепость, подвергнуть пыткам и, заковав в кандалы, сослать па каторгу. Разве могу я свою возлюбленную обречь на такие муки? Но даже представив самый счастливый исход, то есть то, что я избегу смерти и крепости, что нас ждет в будущем? Борьба и лишения! Лишения и борьба! Предположим, Лиза согласилась бы на любые лишения, но как бы взглянули на наш союз ее родители? Как бы они посмотрели на жениха без положения, должности и диплома? Более того — без паспорта! Как бы они отнеслись к жениху, с которым и обвенчаться-то нельзя... О, это бы их убило. Они бы не дали своего согласия. Значит, Лизе из-за меня пришлось бы расстаться с родителями. Это очень жестоко!

Что же делать? Как же мне поступить?» Кибальчич встал, прошелся и опять сел к столу. Минут пять он сидел, потом взял бумаги. Руки его слегка дрожали. Но, обмакнув перо в чернила, он написал твердым почерком:

«Милая, славная, дорогая Лиза!
Я очень, очень люблю Вас. Эта любовь будет жить в моем сердце, покуда оно бьется. Но я призван для другого и не могу быть с Вами. Простите меня за эту горькую правду. Простите! Мне очень тяжело причинить Вам горе этим письмом, но своим согласием я бы совершил преступление и сделал бы Вас несчастной на всю жизнь.

Милая Лиза! Поймите меня и простите!.. Прошу, умоляю — не отсылайте от себя Сергея. Он чудесный человек и искренне любит Вас. Надеюсь, что бог пошлет Вам счастье. А обо мне постарайтесь забыть — так будет лучше.

Склоняюсь пред Вами, чудная, возвышенная девушка, и целую Ваши руки.

Преданный и благодарный Вам до конца дней

Николай».

Кибальчич запечатал письмо в конверт, написал адрес и, сказав Ивановской, что идет прогуляться, вышел на улицу. Было сумеречно и тихо. Небо хмурилось. Он прошел в дальний конец улицы и опустил письмо в почтовый ящик...

2

Получив письмо от Кибальчича, Лиза долго плакала. Волшебный за́мок, построенный ее мечтами, рухнул, рассыпался в прах. Жизнь, казавшаяся ей такой красивой, манящей, вдруг померкла, как меркнет, тускнеет лучезарный пейзаж, когда солнце закрывают тучи.

Ее солнце лишь улыбнулось ей, окрасив мир в радужные тона, и тут же ушло, закатилось, потухло. И все вдруг стало для нее тусклым, безрадостным, мрачным. Душой завладели тоска и одиночество. Лиза, закрывшись в своей комнате, уныло ходила из угла в угол, читала Надсона:

Чего мне ждать, к чему мне жить,
К чему бороться и трудиться:
Мне больше некого любить,
Мне больше некому молиться...

Особенно тоскливо бывало Лизе, когда город засыпал и потемневшие ночи пугали своей тишиной. Укладываясь спать, она не тушила лампу и брала в постель Мурку — пушистую, ласковую кошку. Вдвоем с кошкой ей не было

так одиноко. Почти каждую ночь перед сном к Лизе заглядывала мать: кроткая, неторопливая, в белом накрахмаленном чепце. И сегодня, едва Лиза улеглась в постель и под мурлыканье кошки стала думать о случившемся, Екатерина Афанасьевна, неслышно войдя, присела на краешек стула у кровати, как к больной.

— Ну что, касатка моя, Лизонька, все тоскуешь, все плачешь? Уж мы с отцом извелись, на тебя глядючи... Уж открылась бы ты, родимая, поведала, что за беда приключилась... ведь все-таки я мать. Кто может быть ближе да родней? Кто, кроме меня, поймет тебя, пожалеет, поможет?

Лиза взяла руку матери, погладила, поцеловала:

— Спасибо, мамочка, спасибо. Ты хорошая, славная, родная. Я очень тебя люблю.

— Знаю, касатка моя, что любишь, только понять не могу, чего ты таишься. Ведь я для тебя жизни не пожалею. С кем же тебе и посоветоваться, как не с матерью. Ведь я не только мать, я же друг тебе, Лизонька. Друг до самой могилы.

Лиза глубоко вздохнула. «Маме бы можно сказать — она поймет, но боюсь, расскажет отцу. А тот, в горячке, может сделать непоправимое... Нет, коли я решилась стать верной подругой революционера, я должна учиться молчать. Я должна воспитывать в себе твердость духа. Может, придется столкнуться еще и не с такими испытаниями».

— Ну что ты, Лизонька? Что же ты молчишь?

— Ты все знаешь, мама... Да и очень хочу спать. Прямо глаза слипаются.— Лиза легла щекой на подушку и закрыла глаза.

— О-хо-хо! — вздохнула мать.— Видать, в деда пошла ты, Лизонька. Не будь плохим помянут, покойник каменный был человек... Только он один и был такой бессердечный в нашей семье.

Лиза ничего не ответила. Она спала. Мать постояла, прислушиваясь, перекрестила дочь и, убавив в лампе огонь, тихонько вышла...

3

В пятницу перед вечером, когда Кибальчич работал над статьей, получив строгую инструкцию никуда не выходить, пришел Михайлов.

Он осунулся, глаза светились лихорадочным блеском. Это испугало Кибальчича.

— Саша! Здравствуй, друг! Что-нибудь случилось?..

— К сожалению, да...— Михайлов присел.— У нас есть один верный человек, как и ты — агент Исполнительного комитета, который работает в Третьем отделении.

— Это Клеточников?

— Как? Ты знаешь?

— Да. Мне говорил Желябов.

— Тем лучше. Так вот, он два года охраняет партию от всяких бед. Я виделся с ним и он сообщил...

— Что же? — нетерпеливо прервал Кибальчич.

— Самое худшее — Гольденберг оказался предателем!.. В Одесской тюрьме к нему, под видом арестованного революционера, поместили шпиона Курицына, и Гольденберг разоткровенничался и рассказал про тебя. О вашей встрече в Елизаветграде и о твоей миссии.

— Какое легкомыслие, какая беспечность,— насупился Кибальчич.

— Если бы мы тогда не заменили тебе фамилию на Агаческулова, ты бы уже сидел в крепости.

— Он сообщил что-нибудь еще?

— В том-то и беда. Он размяк на следствии и выдал все, что знал. А знал он многое...

— Это ужасно и непоправимо! — вздохнул Кибальчич.— Но значит ли предательство Гольденберга, что мы должны сложить оружие?

— Нет, мой друг, напротив! Мы должны замаскироваться и выстоять! Выстоять и активизировать нашу борьбу. Партия должна не только уцелеть, но и собрать все силы в кулак. Необходимо железное упорство. Если в ближайшее время мы не покончим с тираном, он расправится с нами.

4

Оправившись от потрясения, члены Исполнительного комитета и его агенты опять стали выступать на студенческих сходках и в рабочих кружках, вести революционную пропаганду среди военных.

Только Кибальчич находился на особом положении. Ему категорически было запрещено выходить из дому...

Закрывшись в своем кабинете, он работал над статьями для «Слова», которые относила Людочка, писал для «На-

родной воли» и внимательно следил за научными и техническими заграничными изданиями, чтоб знать новейшие достижения в области вооружения и взрывчатых веществ. Он отвечал за арсенал «Народной воли» и заботился, чтоб он был оснащен самым грозным и безотказным оружием.

Как-то, устав от работы, Кибальчич прошелся по комнате и, подойдя к окну, стал смотреть во двор. Двор был грязный, и посредине его разлилась большая мутная лужа.

Из-за сарая высыпали ребятишки, таща доску. Доску спустили в лужу, и двое смельчаков прыгнули на нее, но она тотчас утонула.

— Кошку. Я кошку поймал! — закричал пронзительно самый маленький.

Ребятишки выбрались из лужи, взяли кошку и, бросив ее на доску, оттолкнули. Кошка, оказавшись на середине лужи, испуганно замяукала. Мальчишки начали кидать в нее комьями земли, пытаясь сбить в воду, но кошка не решалась прыгать. Ветром доску придуло к другому краю лужи. Кошка, сжавшись в комок, прыгнула на землю, оттолкнув доску задними лапами.

«Браво! Браво, кошка! — прошептал Кибальчич.— Браво! Браво! Как славно... Кошка прыгнула вперед, а плот от ее толчка пошел назад. Ведь так и в снаряде. От сгорания спрессованного пороха газы будут вырываться в одну сторону, а снаряд толкать в другую. Кошка наглядно подтвердила мои догадки о реактивной силе. Браво! Браво кошке!.. Я верю, реактивные силы можно заставить служить человеку. Да еще с какой выгодой! Если реактивный снаряд поместить в конце поезда, он может двигать весь состав значительно быстрее. Почему же об этом до сих пор никто не задумывался?»

Кибальчич, прохаживаясь, продолжал думать:

«Да, применение реактивных сил могло бы вызвать настоящий переворот в технике. Ведь если снаряд установить на пароход, то пароход может развить невиданную скорость...»

Кибальчич наступил на что-то мягкое, упругое и еле устоял. «Что такое?» Он поднял серый небольшой мячик. «Странно... Может, мальчишки играли в лапту и случайно попали в открытую форточку?»

Он стал мять в руках твердую упругую массу.

«Безусловно внутри воздух. Но какая крепость!.. А если каучуковые шары сделать диаметром в аршин, накачать

их воздухом и насадить на оси — получатся колеса, на которых можно будет ездить по любым дорогам. Правда, можно... А если телегу на таких колесах снабдить реактивным снарядом,— она обгонит самого быстрого рысака...»

Кибальчич взмахнул руками и сделал глубокий вздох:

«Эх, на улицу бы теперь... в библиотеку. Так много мне нужно прочесть и узнать. Необходимо сделать подсчеты... Но, увы! Пока я должен сидеть дома и ждать... Что, кажется, звонят?» Кибальчич насторожился, прислушался. Дверь открыли. В передней послышался голос Михайлова; и тотчас он вошел, поздоровался, сел на диван:

— Ну, дружище, настало и нам время менять квартиру. Сегодня Клеточников сообщил, что в Третьем отделении получен донос вашего старшего дворника.

— Как, он сообщил, что здесь тайная типография?

— Ну, если б он знал о типографии, все были бы уже арестованы,— усмехнулся Михайлов.— Он донес лишь о том, что сосед, отставной генерал, жалуется на подозрительный шум по ночам. Будто бы капает вода.

— Да, да, дворник приходил к нам, спрашивал, не протекает ли умывальник. А это генерал слышит звук падающих в кассы свинцовых литер, когда разбираем набор.

— А, вот что,— удивился Михайлов.— Хорошо, что ему пригрезились капли... Ну, как бы там ни было, — сегодня вечером вы должны переехать. Я на этой же улице подыскал подходящие помещения. Придут друзья, и все оборудование перенесем на себе...

5

Двадцать пятого октября петербургский Военно-окружной суд под председательством генерала Лейха начал рассмотрение дела шестнадцати террористов, из которых двенадцать были народовольцы.

Царские власти, собрав участников разных покушений и других дел, старались придать процессу шестнадцати широкую гласность, чтобы запугать народ и убедить его в том, что народно-революционная партия полностью разгромлена.

Огромный зал судебного присутствия еще до начала заседания был заполнен до отказа.

Опрос подсудимых и оглашение обвинительного акта, который читал тучный секретарь, страдающий одышкой, затянулись на несколько часов.

Подсудимые обвинялись в убийстве харьковского губернатора князя Кропоткина, в четырех покушениях на царя, в вооруженной защите тайной типографии на Саперном, в подкопах под казначейство с целью изъятия средств на нужды народно-революционной партии, а персонально Пресняков — в вооруженном сопротивлении властям при аресте.

Когда оглашение обвинительного акта закончилось, утомленная публика вышла в просторные кулуары, чтоб размяться, отдохнуть и поговорить. Все собирались группками, окружая важных сенаторов, прокуроров и знаменитых адвокатов.

Пожалуй, больше всех народу толпилось вокруг рослого, представительного Верховского, который, играя черными подвижными бровями, говорил с важной уверенностью:

— Ну-с, что я могу предречь, господа? Дело весьма разветвленное, похоже на уравнение со многими неизвестными. Вряд ли этот процесс внесет полную ясность... да-с...

— Помилуйте, Владимир Станиславович, как же вы можете утверждать подобное,— еще издали забасил сенатор Пухов в парадном мундире и, раздвигая животом собравшихся, подошел к Верховскому, шевеля моржовыми усами.— Уж вы поверьте мне, старому бойцу,— на этот раз с нигилистами будет покончено! Сей процесс можно рассматривать как агонию социалистов и их партии.

— Будем надеяться, будем надеяться, дорогой Аристарх Аристархович,— с улыбкой приветствовал его Верховский, уклоняясь от спора.— А не заглянуть ли нам в буфет? После такого заседания не мешало бы и подкрепиться.

— Да, да,— зарокотал сенатор,— без подкрепления мы не выдержим... Извините, господа, извините.

Сенатор повернулся, чтоб идти в буфет, и вдруг замер, услышав приглушенный вздох столпившихся: на его спине была приклеена бумажка с четкими печатными буквами: «От Исполнительного комитета».

Верховский, сорвав бумажку, приблизился к сенатору:

— Простите, Аристарх Аристархович, какой-то негодяй прилепил вам на спину.

— Это еще что за шутки? — строго сказал сенатор и развернул бумажку. — Что? Прокламация? Здесь, в военном суде? Неслыханно! Эй, кто-нибудь, живо сюда! Пристава! — закричал он.— Прикажите закрыть двери и схватить мазуриков. Я этого так не оставлю...

6

Судебный процесс над террористами тянулся шесть дней. Приговор был вынесен только тридцатого к вечеру.

Суд приговорил Квятковского, Ширяева, Тихонова, Преснякова и Окладского к смертной казни через повешение, остальных к вечной каторге и каторге на пятнадцать — двадцать лет. Правда, суд вынес ходатайство о смягчении наказания женщинам и осужденным, не состоящим в партии «Народная воля». Теперь все зависело от помощника командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа генерал-адъютанта Костанды, который должен был утверждать приговор.

Костанда приговор утвердил 1 ноября, несколько смягчив наказание женщинам и осужденным, которые не состояли в революционной партии. Это вселило некоторую надежду в сердца народовольцев. Может быть, царь наконец проявит человечность.

Третьего ноября стало известно, что Ширяеву, Тихонову и Окладскому смертную казнь заменили вечной каторгой, а на другой день Петербург потрясла другая весть — утром на бастионе левого полуконтгарда Иоанновского равелина Петропавловской крепости повешены Квятковский и Пресняков.

Этот день в среде народовольцев был объявлен днем траура...

В пятницу 6 ноября в тайной типографии на Подольской уже с утра началась работа — срочно набирался очередной номер «Народной воли».

Днем пришел Михайлов, молча, с теплотой и грустью пожал руку открывшему дверь Исаеву и, раздевшись, вместе с ним прошел в дальнюю комнату, где Ивановская и Людочка стояли у касс с верстатками.

Лицо Михайлова казалось мраморным. На левом рукаве была траурная повязка.

— Здравствуйте, друзья! Я рад, что вижу вас за работой.— Он достал из кармана вчетверо сложенную бумажку и протянул Ивановской:

— Вот это, Пашенька, нужно набрать крупно и поместить в траурной рамке на первой странице.

Ивановская взяла листок и, догадавшись о его содержании, спросила:

— Можно прочесть вслух?

— Да, разумеется.

Ивановская расстегнула глухой воротничок, чтоб легче было дышать, и негромко, но твердо начала:

«От Исполнительного комитета.

4 ноября в 8 часов 10 минут утра приняли мученический венец двое наших дорогих товарищей: Александр Александрович Квятковский и Андрей Корнеевич Пресняков. Они умерли, как умеют умирать русские люди за великую идею, умерли с сознанием живучести революционного дела, предрекая ему близкое торжество».

Слезы хлынули из глаз Ивановской, и она уже не могла разобрать текста.

— Спасибо, Пашенька, дочитаете потом,— заговорил Михайлов, но и у него горло сжимали спазмы.— Надо бы поместить портреты героев, но где взять... Впрочем, кажется, в фотографии Александрова на Невском снимают осужденных... Вот что, други мои, вы продолжайте работу, а я пойду разузнаю. Может, удастся найти людей, которые нам помогут... Мужайтесь, други! Мужайтесь!

Более двух недель Михайлов предпринимал попытки достать или похитить фотокарточки погибших друзей. Ему удалось уговорить двух человек, работавших в фотографии, отпечатать снимки и доставить их за вознаграждение, но в последний момент оба отказались.

Исполнительный комитет был против того, чтоб это рискованное дело поручить кому-нибудь из своих агентов, и Михайлов решил действовать сам.

Одевшись попроще, он явился в фотографию Александрова и, назвавшись родственником казненного Квятковского, спросил хозяина, нельзя ли приобрести фотографии казненных.

Хозяин, лысый толстяк, был тесно связан с Третьим отделением. Неожиданный вопрос смутил его.

— Не знаю... Не могу припомнить, сохранились ли у нас негативы... Сейчас проверю, посмотрю,— и он вышел в другую комнату. Служащий, сидящий за конторкой, мигнул Михайлову, провел большим пальцем по шее. Михайлов понял его жест, благодарно кивнул, но спокойно стал дожидаться.

Скоро хозяин вернулся.

— Вы можете прийти завтра в это время — фотографии будут готовы.

— Благодарю вас,— сказал Михайлов и, поклонившись, вышел.

Вечером он рассказал о посещении фотографии друзьям.

— Вторично идти нельзя, фотограф может донести.

— Да, пожалуй,— согласился Михайлов, и на этом разговор кончился.

Утром Михайлов проснулся с совершенно другим решением: «Надо идти. Если я не приду, фотограф действительно донесет и опишет мои приметы. А что скажут товарищи? Они же посчитают меня трусом».

Михайлов взглянул на часы, одевшись в новое пальто и модный цилиндр, чтоб его нельзя было узнать, пошел в фотографию.

Войдя, он не увидел ничего подозрительного, назвал себя, получил фотографии и спокойно вышел.

Но, когда спускался по лестнице, на него бросились сразу четверо — свалили, связали и отвезли в Петропавловскую крепость.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Через восемь дней после казни Квятковского и Преснякова, на которой отнюдь не настаивали ни генерал-адъютант Костанда, ни сам Лорис-Меликов, царь выехал из Ливадии в Петербург в весьма подавленном настроении.

Пока ехали морем и горами, царь забылся. Он был еще полон воспоминаний о ливадийском дворце, где три месяца блаженствовал с молодой красавицей; ничего не хотел знать и ни о чем не желал слушать.

Но как только сели в вагон и Александр понял, что поезд везет его в столицу через всю империю, опустошенную засухой и мором, где на станциях поезда осаждают голодные, ожесточенные люди, ему стало страшно.

Днем он старался лежать в своей спальне, головой к наружной бронированной стенке, опасаясь пули террориста, а вечером приказывал опускать на окна железные шторы.

Еще собираясь в Ливадию, Александр, по совету Лорис-Меликова, отказался ехать в роскошном царском пульмане, подаренном императором Вильгельмом, где под полом лежали свинцовые плиты и почти не чувствовалось тряски, а предпочел разместиться в вагон-салоне, оборудованном на Адмиралтейском заводе, с бронированными стенами и полом и железными шторами на окнах.

Вагон этот по внешнему виду совершенно не отличался от других, и со стороны было невозможно определить, в каком из восьми вагонов едет царь.

Для Александра с большой роскошью были обставлены кабинет и спальня. Рядом находился будуар княгини Долгорукой, ставшей теперь княгиней Юрьевской. В смежном купе помещались их дети с боннами. В конце вагона было купе начальника личной охраны царя генерала Рылеева. В тамбурах круглые сутки дежурила стража.

Гостиная и столовая находились в соседнем вагоне, а дальше свита — военный министр Милютин и другие важные сановники. Первый и последний вагоны были заняты под багаж и охрану.

Поезд шел быстро, почти не останавливаясь, так как все движение от Симферополя до Петербурга было приостановлено.

Иногда царь мельком взглядывал в окно и видел, что вдоль полотна железной дороги на почтительном расстоянии от нее стояли с берданками наизготовку солдаты, конные казаки, уланы, кирасиры и даже местные крестьяне, вооруженные чем попало. Он знал, что такая цепь охраны стояла с обеих сторон до самого Петербурга. На станциях, на перронах вокзалов нельзя было увидеть ни одного человека, кроме облаченных в синие мундиры жандармов. Все пассажиры за два часа до приближения царских поездов удалялись за черту железнодорожных станций.

Три царских поезда были окрашены в синий жандармский цвет и состояли из восьми вагонов каждый. Шли они с интервалами в полчаса и на крупных станциях чередовались, чтоб невозможно было определить, в каком ехал царь. Телеграфная связь на время проезда царя не работала. Станционные телеграфисты передавали лишь полицейские телеграммы для генерала Рылеева с сообщениями об арестах подозрительных личностей.

Казалось, были приняты все меры предосторожности, а царь не находил себе места. Он не мог забыть, что во время поездки в Крым под Харьковом, вблизи города Александровска, полиция извлекла из-под рельсов мину, заложенную террористами еще осенью прошлого года.

Теперь, после «процесса шестнадцати», было известно, что мину заложили Желябов, Якимова, Пресняков, Тихонов и Окладский. Двое из них еще были на свободе, и это не давало царю покоя. Его раздражал стук колес, пугало хлопанье дверей и паровозные гудки. Ему было жутко одному, и царь большую часть времени проводил у Юрьевской.

Прибытие поезда в столицу ожидалось утром 22 ноября, но точное время держалось в строгом секрете. Войска гвардии и Петербургского гарнизона выстроились на платформе Николаевского вокзала и, образовав широкий коридор, протянулись по Невскому и дальше, вплоть до Зимнего дворца. Было холодно, дул резкий секущий ветер, но все стояли и ждали. Поезд прибыл только в одиннадцатом часу.

Царь не пожелал, чтоб встреча носила торжественный характер, и, пройдя через вокзал на площадь, сел в карету, велел гнать галопом. Карета с конвоем мчалась между шпалерами войск.

В Зимнем все было приготовлено к пышной встрече монарха. В дворцовую церковь уже прибыл петербургский митрополит, чтоб отслужить молебен о благополучном возвращении государя.

Когда граф Адлерберг доложил, что все собрались в церкви, царь скорчил болезненную гримасу:

— Не надо... Пусть придут сюда.

Молебен поспешно отслужили в небольшой приемной перед кабинетом, и Александр сразу же прошел к Юрьевской.

— 'Что с вами, мой дорогой повелитель? — ласково взяв его за руку, спросила Юрьевская.

— Меня гнетет недоброе предчувствие, Кэти. Всю дорогу мерещилась эта казнь. Устал я, милая. Тени висельников неотступно стоят перед глазами.

2

С арестом Михайлова как-то само собой, без назначений, без выборов, а лишь в силу глубокого уважения, всеобщего восхищения его волей, отвагой, страстностью Желябов сделался общепризнанным вождем партии.

В начале декабря, когда царь, обосновавшись в Зимнем, как в крепости, почувствовал себя уверенно и даже начал делать выезды, Желябов собрал техников «Народной воли», чтоб разработать план нового, восьмого и, как все надеялись, последнего покушения.

На совещание, кроме Исаева и Кибальчича, был приглашен морской офицер Суханов, служивший в Кронштадте и хорошо знавший минное дело.

Это был статный моряк с маленькой русой бородкой и кроткими голубыми глазами, в которых как бы отражалась его душа. В нем не было ни кичливости, ни позерства, которыми отличались молодые флотские офицеры. Сдержанный, сосредоточенный, он располагал к себе приветливостью. Несмотря на кажущуюся мягкость характера, Суханова отличали твердость во взглядах и уверенность в поступках.

Эти качества Суханова еще в Крыму, несколько лет назад, заметил и оценил Желябов. Когда они встретились в Петербурге, Желябов вовлек его в революционную борьбу и помог ему сплотить в боевую группу нескольких военных моряков. Теперь Суханов был членом Исполнительного комитета и военной организации «Народная воля». Как минер, он мог оказать неоценимые услуги.

Желябов, сообщив, что царь возобновил по воскресеньям выезды в Михайловский манеж на разводы войск, высказал предположение, что с ним лучше всего расправиться в одну из таких поездок.

Собравшиеся согласились.

— Я вас прошу, друзья, высказаться, какое оружие вы считаете для казни тирана более удобным и надежным?

Первым слово попросил Исаев.

Поднявшись над столом, он взъерошил и без того пышную шевелюру.

— Я считаю, что мы должны применить наше новейшее оружие — метательные снаряды. Мы с Николаем Кибальчичем произвели десятки опытов, и не было случая, чтоб самовоспламенение отказало. Метательные снаряды, будем их называть для краткости бомбами,— оружие никому не известное. В этом его первое преимущество. Второе преимущество в том, что бомба обладает большой разрушительной силой. И наконец, третье — если мало будет одной бомбы, можно тут же метнуть вторую. Конечно, мы неизбежно понесем потери в людях — метальщики пойдут на верную смерть, но и тирану будет нанесен смертельный удар.

— Хорошо! Садись, Григорий,— сказал Желябов и повернулся к Кибальчичу.— Каково твое мнение, Николай?

Кибальчич откашлялся. Он всегда чувствовал неловкость и смущение, когда его просили высказаться о работе, в которой была доля его труда.

— Собственно, я не знаю, какое средство в данном случае будет лучше и надежней,— заговорил он неторопливо, как бы обдумывая каждое слово.— У нас есть опыт с закладкой мин, с устройством подкопов. Но тут мы, к сожалению, по разным причинам терпели неудачи. Опыт со стрельбой из револьверов, как правило, кончался полным провалом. Это оружие несовершенно. И хорошо, что о нем не стоит вопрос. Однако нам известен случай, когда еще более примитивное оружие привело к желательным результатам. Все вы помните, как Степняк-Кравчинский заколол шефа жандармов Мезенцева простым кинжалом и даже успел скрыться.

— Царь не Мезенцев. Тут дело сложней,— сказал Желябов.

— Я понимаю... Поэтому, не осуждая такое грозное оружие, как мина, я бы настаивал все же на применении метательных снарядов. Думаю, они себя вполне оправдают.

— Хорошо, спасибо! Что скажешь ты, Николай Евгеньевич? — обратился Желябов к Суханову.

— Я, господа, имел возможность ознакомиться недавно с устройством метательного снаряда и нахожу это оружие отличнейшим,— заговорил Суханов четко по-во-

енному.— Я искренне восхищен талантливым решением труднейшей задачи самовзрывания. Однако высоко оценивая метательные снаряды, считая их выдающимся изобретением нашего времени, я настаиваю и на закладке мины.

Суханов сел. Все переглянулись, ожидая, что скажет Желябов.

— Благодарю вас, друзья. Благодарю! — Желябов задумался.— На этот раз у нас не должно быть промаха. Поэтому я предлагаю применить все оружие, каким мы располагаем. Заложим мину на пути следования тирана, а поблизости расставим метальщиков с бомбами. Если мина царя не убьет, в ход будут пущены метательные снаряды. А если и метательные снаряды не разорвут его на куски — я сам брошусь к карете и прикончу его кинжалом...

3

Наблюдатели из студентов и агентов Исполнительного комитета, в число которых входили Стрешнев и Лиза Осокина, установили несколько маршрутов, которыми ездил царь по воскресеньям в Михайловский манеж и возвращался обратно.

Распорядительная комиссия нашла, что мину целесообразнее заложить на Малой Садовой, так как здесь царь проезжал чаще всего.

С этой целью на Малой Садовой было арендовано полуподвальное помещение в доме графа Менгдена, где под видом купеческой четы поселились члены Исполнительного комитета Якимова и Богданович под фамилией Кобозевых.

Степенный, дородный Богданович носил пышную рыжеватую бороду и действительно походил на купца. Его прошение о разрешении открыть в доме Менгдена «торговлю сырами» не вызвало возражений со стороны властей. И вскоре на доме Менгдена появилась витиеватая вывеска «Торговля сырами купца Е. Е. Кобозева».

Как только Богданович и Якимова поселились в доме Менгдена и открыли торговлю, их квартира стала конспиративным центром. По вечерам сюда сходились члены Исполнительного комитета Исаев, Баранников, Суханов,

Тригони, Колодкевич. Когда запирались наружные двери, в лавке начинались работы по подкопу. При свете свечей гости и сам хозяин работали: долбили, копали неподатливую землю и в мешках относили в подсобное помещение, ссыпали в пустые бочки. Устав, ложились на часок, а потом, сменив товарищей, снова продолжали работу, пока не наступало время открывать лавку.

Однажды ночью, когда в подкопе работали худенький вихрастый Исаев и широкоплечий здоровяк Богданович, Якимова привела гостя. Он был в надвинутой на глаза шапке, нижнюю часть лица по самый нос закрывал толстый вязаный шарф.

Богданович, увидев чужого человека, замешкался в подкопе, соображая, как лучше вывернуться. «Если полиция — скажу, что роем погреб нового типа — будем строить морозильные шкафы». Эта мысль несколько ободрила его. Он неторопливо вылез, отряхнулся, колючим взглядом скользнул по рослой фигуре незнакомца:

— Чем могу служить?

— Да ты что, меня за околоточного принял?

Голоса Желябова нельзя было не узнать. Обрадованный Богданович бросился его обнимать.

— Ну что, далеко ли прошли? — спросил Желябов.

— Аршин десять, если не больше. Аннушка, посвети.

Якимова подошла с лампой.

— О, да, у вас тут, как в штольне. А, Гриша! Вылезай, дружище, тебя-то мне и надо.

Исаев вылез, поздоровался.

Желябов еще раз заглянул в подкоп:

— Отлично! И крепления надежные, и сухо. Помню, в прошлом году вели подкоп под железную дорогу — там сочилась вода и приходилось ползать по-пластунски.

— Научились. Теперь копаем по всем правилам,— усмехнулся Богданович.

— Есть у вас еще кто-нибудь из комитета?

— Колодкевич спит в столовой, остальные ушли.

— Разбуди, Аннушка, Колодкевича и зови всех в комнату. Надо посоветоваться,— сказал Желябов.

— Сейчас, сейчас. Проходите, друзья. У меня самовар горячий.

Скоро все пятеро пили чай и закусывали различными сырами.

— Как я понимаю, вы прошли третью часть подкопа? — сказал Желябов.— Сколько вам еще потребуется времени?

— К середине февраля закончим,— за всех внушительно пробасил Богданович.

— Это бы славно, друзья. А я из рабочих дружин отобрал шесть добровольцев в метальщики — парни на подбор. Орлы! Некоторые уже побывали в деле, когда казнили шпионов. Уверен, из них ни один не дрогнет.

— Я думаю, что и студентами пренебрегать не следует,— сказал, протирая очки, Колодкевич.— Есть самоотверженные люди.

— Я не против,— согласился Желябов.

— Очень просятся Гриневицкий и Рысаков. Как вы смотрите на это?

— Я за Гриневицкого.

— И я.

— И я тоже,— почти разом сказали Исаев, Якимова и Богданович.

— С Рысаковым бы следовало повременить,— рассудительно заговорил Колодкевич,— по-моему, он человек настроения. Иногда отважен и смел, а другой раз хандрит... В нем какая-то неуравновешенность...

— Его испытывали на важных поручениях,— сказала Якимова,— он перевозил типографский станок.

— И все же я бы просил повременить,— настаивал Колодкевич.

— Хорошо. Зачислим в кандидаты,— заключил Желябов.— На днях с метальщиками займется Кибальчич. Он обучит их обращению со снарядами. А вас, друзья, прошу хоть на недельку отпустить Исаева. Знаю — тяжело вам, но что делать... Надо кому-то помочь Кибальчичу в приготовлении динамита. Вместо Гриши я буду помогать вам.

— Я считаю, друзья, что Гришу можно отпустить. Замена вполне достойная,— усмехнулся Богданович.— Как хозяин, я предпочел бы Андрея. Он же бывший крестьянин и, наверное, будет копать за троих.

Все расхохотались.

— А когда же к делу, Андрей? — спросил Колодкевич.

Желябов заглянул в книжечку:

— Если вы закончите к пятнадцатому февраля,— мы не успеем. У нас не будет времени на установку мины.

Следовательно, покушение состоится двадцать второго февраля или первого марта.

— Это твердо?

— Да! Если будет готов подкоп.

— Тогда, друзья, за работу! — воскликнул Колодкевич.

— За работу! — повторил Желябов.— Я тоже иду с вами.

4

Новый, 1881 год друзья встречали вместе. Собралось человек тридцать. И хотя еще свежи были воспоминания о гибели Квятковского и Преснякова и остро ощущалось отсутствие жизнерадостного, чуткого, всеми любимого Александра Михайлова, решено было в этот вечер забыть все и веселиться.

— Друзья! — поднялся с рюмкой Желябов.— Милые, славные, дорогие товарищи! Я предлагаю по традиции выпить за старый, уходящий в вечность год. Он был трудным для нас — партия понесла тяжелые потери, но он был и годом немалых завоеваний. «Народную волю» теперь знает весь мир. Наши удары потрясли царский трон. Пред нами трепещет всесильный тиран, и нет сомнений, что в новом году, и может, совсем скоро, мы уничтожим его и разорвем цепи рабства и деспотизма.

В уходящем году о наших славных делах узнали в народе, и тысячи горячих сердец потянулись к нам со всех концов империи. В Петербург приезжают десятки молодых людей, готовых отдать свои жизни для революционной борьбы. Приезжают депутаты от групп «Народной воли», созданных во многих городах. Старый год сплотил и закалил нас в смертельной борьбе в грозную революционную силу. Так выпьем же за уходящий и пожелаем, чтоб новый год был для нас более счастливым.

Все поднялись, чокнулись и выпили торжественно.

— А теперь, друзья, прошу веселиться! — крикнул Желябов и, привычным жестом откинув назад длинные волосы, лихо запел:

Проведемте, друзья,
Эту ночь веселей!
И пусть наша семья
Соберется тесней!

Песню подхватили звонкие голоса. Все были молоды, жизнерадостны, всем хотелось отрешиться от трудной, полной опасностей, напряженной работы.

Вот смолкла песня, и Софья Перовская вдохновенно прочла Некрасова. Потом к висячей лампе подошел худощавый высокий блондин с пушистой бородкой и, близоруко щурясь сквозь очки, начал читать стихи из блокнота:

В глубине небес безбрежной
Даль светла и хороша.
И полна любовью нежной
Мира вольная душа.
Так умчимся ж, братья, смело
В мир небесной красоты,
Где свободе нет предела
В царстве света и мечты.
Унесемся в переливы
Блеска огненных миров,
Пролетим сквозь все извивы
Между звездных облаков.
Звезды пусть семьею тесной
Окружают нас вдали,
Улетевших в мир небесный
С обездоленной земли.

— Браво! Браво! — крикнул все время молчавший Кибальчич.— Просим еще!

Поэт прочел еще несколько стихов о звездах и сел рядом с Кибальчичем. Потом пела Ивановская, и строгая, с красивыми черными глазами Вера Фигнер вдохновенно читала Лермонтова.

Желябов следил, чтоб никто не грустил в этот вечер. Он подошел к приунывшей Якимовой и нежно положил ей руку на плечо:

— Что приуныла, Аннушка?

— Нет, ничего, я слушала и задумалась...

— Полно, полно, голубушка. Сегодня должны быть все веселы. Я знаю, ты хорошо поешь вятские частушки, ну, встряхнись.

— Не знаю, давно не пела...

— Ерунда. Тут все свои,— и, хлопнув несколько раз в ладоши, Желябов объявил Аннушку...

Увидев, что Кибальчич углубился в блокнот со «звездными стихами», он незаметно подошел, присел рядом:

— Ну что, друг, о чем задумался?

— Знаешь, Андрей, меня очень заинтересовали эти стихи. Поэт мечтает о звездах. Это заманчиво, смело. Люди

должны стремиться за пределы Вселенной в неизведанные миры...

— Да, конечно, Николай, это замечательно. Но прошу тебя, на время спустись на землю. Сегодня нельзя предаваться раздумьям. Хочешь сплясать русскую?

— Что ты, Андрей. Я не умею ни плясать, ни танцевать.

— Тогда учись у меня,— рассмеялся Желябов и, подмигнув Тетерке, снял пиджак и, расстегнув ворот белой вышитой косоворотки, церемонно поклонился Людочке, приглашая ее сплясать. Та вскочила, счастливо заулыбалась.

Тетерка заиграл плясовую, а Якимова, хлопнув в ладоши, голосисто запела в такт музыке:

Калинка, малинка моя,
В саду ягода малинка моя.

Желябов громко топнул и залихватски пошёл выделывать замысловатые коленца.

Людочка, помахивая платочком, дробно стуча каблучками, то плыла лебедкой, то порхала бабочкой.

Все встали со своих мест, образовав круг, и, подпевая Якимовой, хлопками подбадривали плясунов.

Если б в это время нагрянули полицейские, они бы смущенно удалились. Да и кто мог подумать, что так беззаботно, так самозабвенно умели веселиться грозные террористы.

Но вот часы забили двенадцать.

— Братья, друзья, товарищи! — крикнул Желябов.— Прошу наполнить бокалы — наступает наш час.

Все столпились у стола.

— За грядущий восемьдесят первый, который должен принести Родине свободу и счастье!

— Ура! — раздалось в ответ.

— Поклянемся же, братья, быть до конца верными народу и честно исполнить свой долг.

— Ура! — дружно ответили собравшиеся.

5

Для Кибальчича новый год начался, как и прошлый, с упорной, изнурительной работы. Он, не желая жить на средства партии, все еще продолжал сотрудничать в «Сло-

ве» и вел отдел рецензий в «Новом обозрении». Кроме того, приходилось трудиться над приготовлением взрывчатых веществ.

Раздумья над летательным аппаратом, так увлекавшие его, опять пришлось отложить на неопределенное время.

В пятом январском номере «Народной воли» была наконец опубликована его статья «Политическая революция и экономический вопрос». Статья имела большой успех, и от Кибальчича ждали новых материалов «Народная воля» и начавшая регулярно выходить с декабря «Рабочая газета». Он был занят и днем и ночью.

Работа хотя и утомляла его, но Кибальчич был доволен и рад, что у него не было свободного времени. Всякий раз, как оказывалась передышка в делах, он невольно начинал думать о Лизе. Ему хотелось хоть на мгновение увидеть ее. После того как Лиза выполнила важное поручение по наблюдению за выездами царя, она волей-неволей приобщилась к революционной борьбе. И Кибальчичу стало казаться, что, если она станет агентом Исполнительного комитета, устранятся почти все препятствия на пути их сближения.

Рассуждая так, Кибальчич вспоминал Сергея Стрешнева, и опять его отношения с Лизой представились ему сложными, запутанными, неразрешимыми...

Подошел февраль, а дело с подкопом на Малой Садовой продвигалось медленно. Причиной тому были новые потери: 26 января полиции удалось схватить Колодкевича и Баранникова. А на квартире Баранникова попал в засаду Клеточников, работавший в Третьем отделении и охранявший партию от полицейских облав. Планировать покушение на 22-е было бессмысленно.

Исполнительный комитет, обсудив и взвесив все обстоятельства, утвердил новый срок — 1 марта. На этом же совещании, по представлению Желябова, были одобрены и утверждены кандидатуры четверых метальщиков-добровольцев.

В середине февраля на конспиративной квартире на Тележной состоялось инструктивное совещание метальщиков, созванное Желябовым.

Кибальчич, придя последним, увидел за столом Желябова, хозяина квартиры Саблина — высокого чернобородо-

дого, с энергичным лицом, и четверых незнакомых, которых ему тут же представили.

Один из них, кудрявый, с большими серыми глазами и округлым лицом, казался совсем юношей. Кибальчич вспомнил, что видел его на сходках, и даже вспомнил кличку «Котик». Знакомясь, тот встал и, протянув руку, твердо сказал:

— Михаил Михайлович.— И шепотом: — Гриневицкий.

Второй, огромного роста, широкоплечий и мешковатый, крепко стиснув худую руку Кибальчича, пробасил:

— Рабочий из боевой дружины, Тимофей Михайлов.

Третий, с некрасивым, грубоватым лицом и маленькими глазками, учтиво поклонился:

— Бывший студент Рысаков.

Четвертый скромно назвался Емельяновым.

Кибальчич был рекомендован им как «техник».

Желябов сразу же попросил Кибальчича приступить к делу.

Достав из небольшого саквояжа два метательных снаряда, Кибальчич поставил их на стол:

— Это, господа, макеты бомб. Вот эту вы можете подержать в руках, она не взорвется, начинена песком. Именно такую бомбу по объему и весу вам придется бросать.

Желябов взял макет, взвешивая его на ладони.

— Однако увесистая... но швырнуть можно очень далеко.

Все подержали бомбу в руках, согласились.

— А это,— продолжал Кибальчич,— макет с механизмом. Не уроните — может взорваться. Правда, в ней один запал, но и он может наделать бед. Мы испытаем его потом в лесу...

Кибальчич стал объяснять собравшимся устройство снаряда, разбирая его, показывая отдельные части и их взаимодействие.

Потом он ответил на вопросы и посоветовал, как лучше и надежней бросать снаряд.

Металлщики сосредоточенно слушали Кибальчича... Договорились в понедельник утром идти в лес, на макете потренироваться в метании полновесного снаряда и произвести взрыв опытной бомбы.

6

Двадцать седьмого февраля днем на квартире Желябова и Перовской Суханов, как опытный минер, руководил работами по начинке мины. Подкоп к тому времени был уже закончен, и все ждали хозяина сырной лавки Богдановича (Кобозева). Богданович пришел в назначенное время и казался очень взволнованным.

Убедившись, что в квартире спокойно, он неторопливо заговорил:

— У нас были... по-моему, полиция. Однако назвались санитарной комиссией. Внимательно осмотрели лавку, щупали обшивку, где подкоп, но я сказал, что это от сырости... Хорошо, что землю мы прикрыли углем, иначе бы беда.

— Ну, и чем же кончилось?

— Придрались к сырости над бочками с землей. Я сказал, что на масленой пролили сметану... Так и ушли... Думаю, надо выждать хотя бы до вечера...

— Да, скверно, друзья,— сказал Желябов,— давайте мину переправим к Вознесенскому мосту... Там ближе.

Все согласились с ним. Мину упаковали в чемодан; Суханов с Исаевым и Тетерка, который работал за извозчика, отправились на тайную квартиру Исполнительного комитета, где жили Вера Фигнер и Исаев. Вечером Желябов и Перовская встретились с метальщиками Гриневицким, Тимофеем Михайловым, Емельяновым и Рысаковым на тайной квартире на Тележной.

Желябов нарисовал план на клочке бумаги.

— Вот участок Малой Садовой, где будет заложена мина. Вы по два человека станете с того и другого конца улицы. Если взрыва не последует и царь поедет дальше, его встретят бомбами Михайлов и Емельянов. Если же взрыв произойдет, но царь уцелеет и с испуга повернет обратно,— пустят в ход бомбы Котик и Рысаков. Все ли понятно?

— Да, понятно,— подтвердили метальщики.

— Мы с Софьей будем с вами, друзья. И если бомбы не добьют тирана, я брошусь с кинжалом и прикончу его... Ну, а если схватят,— мы все знаем, как себя вести. Желаю вам мужества, друзья. Завтра в это же время мы встретимся здесь, чтоб уточнить план действий...

После совещания с метальщиками Желябов направился на Невский к Тригони, который после ареста Колодкевича и Баранникова руководил работами по подкопу на Малой Садовой.

В доме мадам Мессюро, где снимал комнату Тригони, всегда бывало много гостей, и Желябов надеялся, что на его появление никто не обратит внимания.

Тригони был человеком легальным, жил под собственной фамилией, а это было своего рода «охранной грамотой». На всякий случай Желябов вооружился кинжалом и револьвером.

Тригони его уже ждал. Это был ярко выраженный южанин греко-итальянского происхождения. Смуглое его лицо окаймляли пышные подусники, что придавало ему барственность. Желябова он усадил на диван, предложил папиросу.

Шепотом заговорили о деле... Потом Тригони решил угостить Желябова кофе и вышел из комнаты к хозяйке. Вышел и словно пропал...

Желябов, подождав минут пять, взглянул на часы и забеспокоился: «Послезавтра 1 марта, а у нас не заложена мина и не готовы метательные снаряды. Что же я сижу? Разве сейчас время распивать кофе? И где пропал Тригони? Пойду на кухню, извинюсь — и домой».

Желябов распахнул дверь, но не успел сделать и шага, как на него накинулись несколько человек, свалили, обезоружили и втащили в соседнюю комнату, где уже лежал связанный Тригони с кляпом во рту...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

В бурю ладья, потерявшая кормчего, становится добычей волн и гибнет в пучине. Нечто подобное случилось и с партией «Народная воля». Потеря вождя и вдохновителя в канун решающего выступления вызвала смятение. Пораженные страшной вестью, уцелевшие члены Исполнительного комитета собрались на тайной квартире у Вознесенского моста.

Вера Фигнер и Анна Корба, обняв друг друга, угрюмо сидели на диване, Грачевский с надеждой посматривал сквозь тюлевую штору в окно, а принесший тяжелое известие Суханов, опустив голову, задумчиво шагал из угла в угол...

— Неужели нас осталось только четверо? — спросил он и на мгновение остановился. В ответ раздались лишь тяжелые вздохи. И Суханов опять начал ходить...

В гнетущей тишине четко слышались его шаги. Но вот раздался условный звонок, три раза — резко, уверенно: все узнали сильную руку Фроленко.

— Слава богу, уцелел Михаил Федорович,— обрадованно сказала Вера Фигнер и поспешила к двери...

Раздевшись в передней, приземистый, крепкий Фроленко, вошел в комнату, пожал руку друзьям и, видя, что все в подавленном настроении, спросил:

— Что? Неужели Желябов?

— Его и Тригони... вчера вечером...

Фроленко грузно сел к столу, обнял голову, взъерошил густые волосы.

— Нас кто-то предает... Тяжело подумать об этом, друзья, однако нельзя падать духом... А Софья? Что с ней?

— Она здесь,— сказала Фигнер,— отдыхает в моей комнате... Вы представляете, как ей тяжело собраться с силами?

В этот миг дверь из соседней комнаты приоткрылась и вошла небольшая, миловидная русоволосая девушка, в накинутом на плечи пуховом платке.

— Я здесь, друзья! — сказала она слабым, надтреснутым голосом, закашлялась, но тут же смахнула слезы и твердо шагнула к столу. — Нас мало, но мы должны обсудить создавшееся положение и решить, что делать дальше.

Мужчины бросились к ней, подвинули стул.

— Спасибо, друзья. Спасибо! — она опустилась на стул и заговорила уже более спокойно:

— Прошу выслушать меня, дорогие друзья. Потеря Желябова поставила нас в отчаянное положение. Дело революции, ближайшая и главная цель — казнь тирана — находится под угрозой провала. Нас осталось мало, очень мало, но мы еще не сломлены. Нет, не сломлены! И я прошу ответить прямо, друзья, есть ли у нас силы, можем ли мы спасти Желябова?

Наступило молчание. Все понимали: сказать «нет» — значило примириться со смертным приговором над одним из создателей партии и самым любимым товарищем. Все понимали, что слово «нет» могло отнять у Перовской последние силы. Но молчать — значило скрывать правду, и Суханов поднял на нее глаза, в которых сквозила печаль и решимость.

— Соня, это немыслимо,— со вздохом сказал он.— Андрей в Петропавловской крепости.

Перовская закрыла лицо ладонями, помолчала... и поднялась:

— Горько слышать это, друзья. Горько и тяжело. Но если Суханов, его старый друг и испытанный боец, говорит так,— я принуждаю себя смириться... Смириться, но не сдаться! Мы должны решить, что делать дальше. Я спрашиваю вас, друзья, отступать или действовать?

— Дей-ство-вать! — дружно ответили они.

— Тогда я предлагаю распределить обязанности. Пусть Суханов возьмет на себя закладку мины на Малой Садовой и сам назначит себе помощников. Я, если вы доверите, буду руководить сигналистами и метальщиками, а Исаев и Кибальчич должны к завтраму зарядить и приготовить метательные снаряды. Есть ли возражения?

— Согласиться! — пробасил Фроленко.

— Согласиться! — в один голос сказали Исаев и Корба.

А Фигнер подошла к Перовской и дружески обняла ее:

— Соня, я верю — ты сумеешь, ты сможешь в этом опасном и трудном деле заменить Желябова.

2

К вечеру квартира Желябова была очищена. Суханов с двумя морскими офицерами приехал на извозчике и увез наиболее ценное имущество партии. Софья Перовская перешла на тайную квартиру Исполнительного комитета у Вознесенского моста, где жили Исаев и Вера Фигнер.

Вечером двадцать восьмого, когда на Тележной собрались сигналисты и метальщики, чтоб услышать последние указания Желябова, к ним вышла Софья Перовская. В темном глухом платье она казалась спокойней и строже. Густые светло-русые волосы были аккуратно зачесаны

назад и заколоты в узел, что придавало ее лицу решительность.

— Друзья, мне поручено объявить вам, что Захар сегодня быть не может, так как занят приготовлением мины на Малой Садовой. Все, что намечено было вчера, остается в силе. Завтра мы должны выполнить волю Исполнительного комитета и свершить справедливую казнь над тираном. Вы знаете, что мне, вместе с Захаром, поручено руководить боевыми действиями. Поэтому прошу вас всех завтра к девяти утра быть здесь, на Тележной. Вы получите метательные снаряды и более точные инструкции.

Она оглядела собравшихся строгим взглядом:

— Есть ли у кого вопросы?

— Нет. Все понятно,— за всех ответил басом богатырь Тимофей Михайлов.

— Тогда прошу вас разойтись по домам и хорошенько выспаться. Завтра каждый из вас должен быть свежим и полным сил...

Проводив сигналистов и метальщиков, Софья Перовская выпила с хозяйкой квартиры Гесей Гельфман стакан чаю и поспешила на тайную квартиру к Вознесенскому мосту, где должны были собраться техники, чтоб приготовить к утру четыре метательных снаряда.

Когда Софья Перовская пришла на тайную квартиру Исполнительного комитета, в столовой жарко пылал камин и трое мужчин,— Кибальчич, Суханов и Грачевский, работали за большим столом.

Оказалось, что вчера Суханову удалось не только вывезти из квартиры Желябова взрывчатые вещества, издания «Народной воли» и еще кое-какое имущество, но и под видом сыров перевезти в лавку на Малую Садовую начиненную динамитом мину. Исаев был отряжен в подкоп, чтоб установить запал и привести мину в боевую готовность. Вместо него Кибальчичу, вместе с Сухановым, взялся помогать агент Исполнительного комитета Грачевский, которому и раньше приходилось работать в динамитной мастерской.

Если б не арест Желябова, то снаряды были бы готовы еще вчера, но страшное известие об его аресте перепутало все планы: Кибальчич твердо не знал, состоится ли покушение, и не приступил к делу... И вот сейчас все четыре снаряда предстояло изготовить за одну ночь.

Мужчины работали, сняв сюртуки и завернув рукава рубашек. Трудились сосредоточенно, перебрасываясь короткими деловыми фразами. А убитая горем, уставшая за день и намерзшаяся в дороге Перовская, пригревшись у камина, задремала. Фигнер увела ее в свою комнату, уложила в постель и прикрыла пледом.

— Сонечка, тебе надо выспаться, ведь завтра решается все.

— Да, да, спасибо, Верочка. Но если я буду нужна — разбуди.

— Непременно. А в случае беды, Соня, помни — под подушкой пятизарядный револьвер.

— Спасибо. У меня есть свой. Иди, милая, помогай техникам, пока хватит силы.

Перовская прилегла на подушку и сразу же уснула.

Фигнер вернулась в столовую и опять стала помогать Кибальчичу.

Часа в два ночи вернулся Исаев. Лицо его раскраснелось не то от мороза, не то от волнения.

— Ну, друзья, мина приведена в готовность. Запал и гальваническая батарея в полной исправности. Богданович, Якимова, Фроленко с утра будут начеку. Как только покажется царь, Якимова подаст сигнал и Фроленко соединит провода.

— Дай бог, чтобы все было хорошо! — сказала Фигнер.

— Все будет отлично! — возбужденно воскликнул Исаев.— Иди спать, Верочка, а мы будем трудиться...

3

Часов в пять Перовская проснулась от страшного кошмара и инстинктивно сунула руку под подушку, где лежал револьвер. Но из столовой донеслись приглушенные голоса. Она сообразила, что находится у друзей, и, успокоившись, легла на бок, сжалась в комок, чтоб снова уснуть. Но голоса не утихали. «Друзья не спят, значит, метательные снаряды еще не готовы». Перовская быстро оделась в длинный, волочащийся по полу капот Веры Фигнер и вышла в столовую.

— Вы рано встали, Софья Львовна,— сказал Кибальчич.— Еще шесть часов.

— Это ничего... а как у вас дела?..

— Отлично! К восьми снаряды будут готовы. А вам надо хорошенько выспаться.

— Спасибо. Я, пожалуй, прилягу... Желаю вам успехов, друзья.

Перовская вернулась в спальню, забралась под одеяло, но уснуть не могла. Мысли о Желябове не покидали ее. «Я вот тут нежусь в мягкой чистой постели, а бедный Андрей в крепости, в мрачном холодном каземате. Может, думает о нас... обо мне... Бедный, милый Андрей! О, если бы ты мог услышать меня! О, если бы мог, милый! Ты все эти дни в моем сердце. С мыслью о тебе я выйду сегодня на смертный бой, на последний бой с тираном. Не знаю, останусь ли жива, но его мы казним. Казним и тем освободим народ, а может быть, и тебя. Я жду этого часа. Я надеюсь, что мы обнимем друг друга, мой любимый. Верю! Верю, что мы одержим победу...»

В комнату неслышно вошла Фигнер, уже одетая, с причесанными на прямой пробор волосами.

— Соня, Сонечка, ты не спишь?

— Нет, Веруша, а ты? Ах, ты уж встала?

— Да, половина восьмого... пора!

— Я сейчас. Открой, пожалуйста, шторы. Вот хорошо, спасибо...

Они вместе прошли в кухню, умылись и, сварив на спиртовке кофе, приготовили бутерброды и вошли в столовую с подносами.

— С добрым утром, друзья!

— А вы уже бодрствуете? Отлично! — воскликнул Исаев.— Рад сообщить, что два снаряда готовы, а остальные будут через полчаса!

— Это славно, друзья! — сказала Фигнер.— Прошу вас подкрепиться немного.

Все разобрали чашки, стали закусывать.

Перовская взглянула на часы:

— Я уже должна идти.

— Да, да,— заторопился Исаев и, принеся из кухни корзинку, уложил в нее два готовых снаряда.

— Будь осторожна, Соня. Может, Вере проводить тебя?

— Нет, нет, не надо. А как же другие снаряды?

— Их к девяти доставит Кибальчич.

— Да, Софья Львовна, вы не беспокойтесь,— сказал Кибальчич,— я приду вовремя.

Исаев принес шубу, шляпку и помог Перовской одеться.

— Ну, прощайте, друзья,— сказала взволнованно Перовская и, крепко поцеловавшись с Фигнер, протянула руки друзьям.

— Желаем удачи,— за всех сказал Исаев и проводил ее до двери.

4

Граф Лорис-Меликов сидел за ужином в кругу семьи, когда швейцар доложил, что прискакал нарочный с секретным пакетом.

«Что бы это могло значить? Уж не новое ли покушение на государя?» — подумал с тревогой граф и, сердито потеребив черные с проседью подусники, глухо сказал:

— Проводи в кабинет, я сейчас приду...

Нарочный был жандармский ротмистр граф Шабен, и уже по этому Лорис понял, что сообщение огромной важности.

Пригласив Шабена сесть, он взял пакет и, сломав сургучные печати, развернул донесение с рубрикой «Совершенно секретно». В донесении сообщалось, что сегодня вечером арестованы главари «Народной воли» Желябов и Тригони.

Лицо Лориса засветилось. Дважды перечитав написанное, он поднялся довольный. Под его густыми усами мелькнула улыбка.

— Благодарю вас, граф, вы привезли известие чрезвычайной важности. Я желал бы, чтоб протоколы первого допроса были доставлены мне сегодня же.

— Слушаюсь, ваше сиятельство. Будет исполнено! — вытянулся Шабен и, щелкнув каблуками, вышел из кабинета.

Лорис-Меликов прошелся, довольно потирая руки: «Желябов! Тот самый Желябов! Какую птицу схватили... А!..— Он самодовольно подкрутил усы.— Что-то теперь скажут мои завистники? Пожалуй, постараются преуменьшить событие. Нет, я не позволю! Я должен сам доложить государю. Сам, и немедленно».

Он позвонил в колокольчик. Явился седой слуга в шитой золотом ливрее.

— Прикажите закладывать лошадей, я должен ехать в Зимний.

Александр II, как это часто с ним бывало, вечером, оставшись в кабинете один, вдруг ощутил чувство страха. Ему показалось, что кто-то из террористов через крышу и дымоход проник в камин и там притаился. Царь отчетливо слышал, как что-то зашуршало, посыпались каменные крошки и пепел.

— Эй, кто там? Скорее сюда! — закричал он и зазвонил в колокольчик.

Вбежал дежурный генерал, а за ним два гвардейских офицера караульной роты. Все трое встали навытяжку.

— Вон там в камине кто-то прячется,— дрожащим голосом сказал царь.

— За мной! — крикнул генерал и, выхватив револьвер, пошел к камину. Офицеры с револьверами в руках обогнали его, осмотрели камин и даже заглянули в дымоход.

— Никого нет, ваше превосходительство.

Генерал сам осмотрел дымоход:

— Здесь никого, ваше величество! Может быть, выше... Если позволите, я выстрелю.

— Я слышал шорох и кашель. Значит, каналья, поднялся... Стреляй же, пока не ушел. Я приказываю: стреляй!

«Бах! Бах! Бах!» — трижды прогремело в кабинете, и громогласное эхо гулко загрохотало по пустынным залам дворца. В камин посыпались обломки кирпича, дохнуло гарью и сажей. Царь, перекрестясь, отошел в угол и сел на диван. За дверью послышались голоса и тревожные шаги. В кабинет вбежал перепуганный Адлерберг:

— Что случилось, ваше величество? Кто стрелял?

— Это я приказал прочистить дымоход,— не то с усмешкой, не то серьезно сказал царь. — Вы можете идти, господа,— обратился он к военным.

Генерал и офицеры, отдав честь, вышли парадным шагом.

— Присядь, граф, мне надо с тобой поговорить.

Адлерберг сел рядом, удивленно приподнял брови.

— Представь, Саша, я очень отчетливо слышал, что кто-то спустился через дымоход.

— Это невозможно, ваше величество, всюду выставлены посты.

— Однако меня все время гнетет предчувствие.

— Все происходит, ваше величество, от расстройства нервной системы. Надо поговорить с лейб-медиком и принимать успокоительные капли.

— Что за вздор, граф? Может, вы с лейб-медиком еще посоветуете припарки? Я совершенно здоров. Да-с, здоров, но предчувствия меня мучат... и не без оснований. Объясните, почему я почти каждый день вижу на подоконнике кабинета мертвого голубя? Что скажете? А? Молчите... Откуда взялся этот огромный коршун, что охотится у меня под окном?

— Разве вам не доложили, ваше величество, что коршун пойман?

— Нет, кто его поймал?

— Он попал в поставленный капкан, но оказался так силен, что взлетел вместе с капканом.

— Так почему же не стреляли в него?

— Боялись побеспокоить вас.. Однако коршун не смог улететь с капканом и упал на Дворцовой площади. Упал и был схвачен.

— Ах, да-да, вспомнил, мне докладывали,— усмехнулся Александр,— коршуна изловили, а крамольников поймать не могут... Ты понимаешь, граф, это меня гнетет. Я в своем дворце не могу чувствовать себя безопасно. Впрочем, сейчас я успокоился. Иди. Иди и объясни там, что стреляли по моему приказанию — испытывали оружие... Должно быть, перепугали и княгиню и детей. Ступай! А я пойду к ним — кто же их успокоит, кроме меня...

Лорис-Меликов приехал во дворец в десятом часу. Царь был в покоях княгини Юрьевской. Туда никто не имел доступа, и даже дежурный генерал беспомощно развел руками.

Лорису пришлось дожидаться в приемной довольно долго. Когда его впустили в кабинет, царь взглянул исподлобья и спросил весьма раздраженно:

— Почему так поздно, граф? Что случилось?

— Осмелился побеспокоить вас, ваше величество, ввиду чрезвычайных событий. Коршуна удалось схватить.

— Что? — нахмурясь, спросил царь.— Мне уже надоел с этим коршуном граф Адлерберг. Я думаю, есть птицы поважнее и поопаспее.

Лорис обескураженно отступил: «Откуда мог знать Адлерберг о поимке Желябова? Очевидно, помимо моей существует еще дворцовая полиция». И он решил вывернуться, схитрить.

— Осмелюсь доложить, ваше величество, что схвачен не один, а два коршуна. И, как я полагаю, самые важные из террористов.

— Что? Из террористов? — насторожился царь.

— Так точно, ваше величество. Сегодня пойманы Желябов и Тригони.

— Ах, вот каких коршунов вы сцапали. Ну, это меняет дело, граф. Я думал, что вы о том, который душил голубей... А это птицы другого полета... Неужели схватили самого Желябова?

— Его, ваше величество. Был опознан и признался. Теперь, надеюсь, с крамолой будет покончено. Эту весть я и привез к вам в такой поздний час.

— Спасибо, граф. Спасибо! Вы и представить не можете, как обрадовали меня. Теперь, я думаю, нечего опасаться воскресенья. Велите известить всех, что завтра в обычное время в Михайловском манеже состоится большой развод. Пригласите послов и военных атташе. Буду присутствовать я, великие князья и все министры.

— Слушаюсь, ваше величество. Будет исполнено.

— Спокойной ночи, граф. Еще раз благодарю за службу. Завтра доложите мне о подробностях...

В субботу уже весь город знал об аресте Желябова. Царя поздравляли с большой победой. Он успокоился, и в воскресенье 1 марта встал бодрый, в отличном настроении и, позавтракав в обществе княгини Юрьевской, вышел из дворца во двор, чтоб ехать в Михайловский манеж. Утро было свежее, легкий морозец бодрил.

Карета, укрепленная на санных полозьях, запряженная парой вороных, стояла у подъезда. Дворцовый кучер Фрол в синем бешмете, подпоясанный красным кушаком, важно восседал на козлах. Увидев царя, он приподнялся и снял шапку. Сопровождаемый охраной, царь сошел с лестницы, что-то шепнул начальнику конвоя, кивнул кучеру и уселся в карету.

Кучер гикнул, и карета, окруженная конными казаками, вылетела из ворот и помчалась, вздымая снежный вихрь.

5

Кудрявый молодой человек с ясными карими глазами, что вместе с Желябовым закладывал мину под Каменным мостом, был известен в партии под двумя кличками: «Котик» и «Михаил». Желябов знал Котика как отважного и преданного революционера, не раз выполнявшего самые опасные поручения, и потому зачислил его в метальщики под № 1.

Мало кому было известно, что фамилия Котика Гриневицкий, а зовут его Игнатий Иоахимович.

Выходец из польских дворян, он родился около Гродно и окончил гимназию в Белостоке с золотой медалью. Все прочили ему блестящую карьеру. Гриневицкий поступил в Петербургский технологический институт и сразу же обнаружил недюжинные способности. Однако его свободолюбивая натура быстро увлеклась другой идеей: «Бороться за свободу и счастье народа»... Не окончив курса, Гриневицкий отдался революционной борьбе.

Добровольно записавшись в метальщики, Гриневицкий уже тогда знал, что при любом исходе дела его ждет неминуемая гибель. Однако он не дрогнул под взглядом Желябова и просил поставить на самое опасное место.

В субботу вечером, услышав подтверждение Перовской, что покушение состоится и что ему поручено бросать бомбу первым, Гриневицкий сохранил присутствие духа и твердо сказал, что выполнит свой долг...

Прямо из тайной квартиры на Тележной он пошел в католическую церковь, помолился и вернулся домой еще более спокойным.

Выпив чаю и заплатив хозяйке долг, он привел в порядок бумаги, написал прощальное письмо родителям и сел за завещание.

Собственно, завещать ему было нечего. Все его немудреное имущество принадлежало партии. Но в 25 лет он сознательно шел на смерть, и ему хотелось сказать тем, кто останется жить, зачем и ради чего он обрек себя на гибель.

Гриневицкий положил перед собой несколько листов бумаги и стал писать уверенно, без помарок, так как он хорошо знал, что нужно сказать:

«Милые други мои и товарищи! Александр II должен умереть. Дни его сочтены. Мне или другому кому придется нанести страшный последний удар, который гулко раздастся по всей России и эхом откликнется в отдаленных уголках ее,— это покажет недалекое будущее.

Он умрет, а вместе с ним умрем и мы— его враги. Это необходимо для дела свободы!..

Я боюсь... меня, обреченного, стоящего одной ногой в могиле, пугает мысль, что впереди много еще дорогих жертв унесет борьба. Много ли еще жертв потребует наша несчастная, но дорогая Родина от своих сынов для своего освобождения?

Мне не придется участвовать в последней борьбе. Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своей смертью сделаю все, что должен был сделать, и большего от меня никто, никто на свете требовать не может».

Он встал и, широко раскинув руки, вдохнул полной грудью.

«Как хочется жить, а я иду на смерть! Иду, но иду во имя жизни! Дело революционной партии — зажечь скопившийся уже горючий материал, бросить искру в порох и затем принять все меры к тому, чтобы возникшее движение кончилось победой народа, а не полным избиением лучших людей страны... Я иду на смерть с верой в нашу победу...»

Гриневицкий положил ручку, спрятал завещание в стол. Потом потушил свет, посмотрел на сонный город, окутанный тьмой, лег и быстро заснул...

6

Сигналисты и метальщики начали собираться на Тележной с восьми утра. Их принимал хозяин тайной квартиры — высокий брюнет с большими печальными и строгими глазами Николай Алексеевич Саблин. Посредине стола на подносе шипел самовар, в хлебнице лежали свежие, пахучие калачи, на тарелках — колбаса, ветчина, сыр.

— Друзья, пожалуйста, закусывайте и пейте чай,— приветливо предлагал хозяин.

Тимофей Михайлов — лохматый плечистый детина с добродушным русским лицом, расстегнув рубашку, шумно дул на блюдечко, от которого валил пар. Он пришел раньше всех и допивал уже третий стакан. Лицо его лоснилось от пота, и на нем нельзя было увидеть ни озабоченности, ни тревоги. Между тем этот человек был назначен вторым метальщиком и через час должен был пойти на верную смерть. В углу под иконами, склонившись у недопитого стакана чая, нервно мял папиросу и курия большими затяжками широколицый белобрысый парень, уставившись в одну точку.

Это был тот самый Рысаков — недавний студент-технолог, которого Желябов, несмотря на возражения Перовской, взял кандидатом в метальщики. Рысаков рвался в бой, но ему было поручено бросать бомбу последним, и то лишь в том случае, если первыми тремя снарядами царь не будет убит.

Иван Емельянов — смуглый молодой рабочий — молчаливо и сосредоточенно рассматривал «Иллюстрированную хронику». Ему тоже было не по себе, но он старался не думать о предстоящем деле.

Сигналисты сидели в сторонке у окна и о чем-то тихонько шептались.

В половине девятого, как и было назначено, вошел Котик, громко поздоровался со всеми и сел рядом с Рысаковым. Лицо его было бледно, но карие выразительные глаза смотрели спокойно и твердо.

— Что, Захар еще не пришел?

— Кажется, нет,— думая о чем-то своем, глухо отозвался Рысаков,— а впрочем, не знаю...

В передней послышались голоса, смолкшие до шепота, и скоро в столовую вошла, не раздеваясь, раскрасневшаяся на морозе Перовская, а следом, открывший ей дверь, Саблин с корзиной. Перовская поздоровалась со всеми за руку. Корзина была осторожно поставлена на стол.

— Друзья,— заговорил Саблин,— Софья Львовна принесла два метательных снаряда. Скоро придет техник и принесет остальные.— Саблин осторожно извлек из корзины снаряды и поставил на стол.

— А где же Захар? — негромко, с тревогой в голосе спросил Рысаков.

Саблин кашлянул, готовясь ответить, но Перовская решительным жестом остановила его:

— Вы все знаете, что главный удар по тирану будет нанесен на Малой Садовой, взрывом мины. Захар остался там, чтоб соединить провода гальванической батареи. Если взрыв будет удачным — возмездие совершится. Все же мне поручено Исполнительным комитетом расставить метальщиков и подать сигнал к действию бомбами, если царь не будет убит миной. Есть еще вопросы?

— Все понятно! — пробасил Михайлов.

Зазвонил колокольчик.

Саблин вышел и скоро вернулся с Кибальчичем. На стол были поставлены еще два снаряда.

— Друзья! Мне поручили товарищи сказать вам несколько слов,— сняв барашковую шапку, глуховато и неторопливо заговорил Кибальчич,— снаряды заряжены, их действие безотказно и молниеносно. Будьте внимательны и осторожны. Старайтесь бросать их так, как мы делали на занятиях. А чтоб снаряды не вызвали подозрений у полиции, заверните их в узелки или в газету — подумают, что идете в баню.

— Правильно! Так и сделаем! — согласилась Перовская и велела принести платки и газеты.

Когда снаряды были упакованы и розданы метальщикам, Перовская взглянула на часы:

— Друзья! Пора выходить — половина десятого.

Все поднялись.

— Минутку внимания! — остановила Перовская.— Хорошо ли вы помните свои места?

— Помним. Не ошибемся,— сказал Михайлов.

— Еще одно последнее указание. Если тиран не поедет по Садовой, мимо вас пройдут под руку сигналисты. Тогда идите на Михайловскую и там ждите меня. Если я достану платок и сделаю вид, что вытираю глаза, значит, метальщики должны идти на Екатерининский канал. О выезде царя я дам знать, появившись на мосту. Все поняли?

— Все!

— Друзья! — воскликнула Перовская.— Настает решительный час. Пожелаем же друг другу спокойствия, мужества и отваги! Пусть каждый выполнит свой долг! Мы идем на святое дело. Наш подвиг вечно будет жить в памяти народа. С богом, дорогие друзья! С богом!.. Выходите по одному...

7

День был серый, пасмурный. Хмурые тучи нависли над серыми домами и как бы придавили, приплюснули город. И даже белый снег, запушивший все вокруг, Рысакову казался серо-грязным, и на душе у него было муторно, нехорошо.

Однако обогнавший его в воротах Тимофей Михайлов шел, насвистывая, пальто нараспашку и, казалось, совсем не думал о том, что должно произойти. Это удивило Рысакова. «Рисуется, хочет показать себя героем»,— подумал он и пошел медленней. Ему хотелось увидеть, как поведут себя другие.

На повороте его обогнал Котик. Он шел твердой, уверенной походкой, неся под рукою сверток, словно спешил по какому-то делу. Следом прошел, не обернувшись, Емельянов, тихонько помахивая узелком.

«Еще подумают, что я хочу улизнуть»,— подумал Рысаков и ускорил шаги. Быстрая ходьба его согрела и благотворно подействовала на настроение. Робость и тоска пропали. Придя на Малую Садовую, он увидел вблизи Невского Котика и окончательно успокоился, заняв свое место у Екатерининского сквера. Прогуливаясь, он всматривался в противоположный конец улицы. Там, около Итальянской, маячили две фигуры. Это были Тимофей Михайлов и Емельянов. «Значит, все на местах»,— подумал Рысаков и, отметив мысленно место, где должна взорваться мина, стал поджидать карету царя.

Прошло часа два, а может, и больше, а карета государя не появлялась. Рысаков изрядно продрог и ходил поеживаясь, стараясь согреть себя движением. На улице было тихо: изредка проезжали извозчики и по обеим сторонам неторопливо шли праздные пешеходы.

Пройдясь до парикмахерской, Рысаков вернулся и не увидел на другой стороне Котика. «Что такое, куда же делся Котик? — подумал он и стал всматриваться. От Невского по другой стороне шли под руку двое сигналистов.

«А, вот в чем дело,— осенило Рысакова.— Значит, царь проехал по другой улице. Надо идти на Михайловскую». Он забежал в кухмистерскую, купил два горячих пирожка и, съедая их на ходу, поспешил на Михайловскую. Там уже прогуливались остальные. Он остановился

у тумбы с афишами, краешком глаза наблюдая за улицей. Вот мелькнула вдалеке темная плюшевая шубка Перовской. Она, проходя мимо Котика, достала платок и на мгновение приложила его к глазам.

«Это сигнал»,— подумал Рысаков и вслед за Котиком поспешил на набережную Екатерининского канала. Он вышел на канал с Невского проспекта и увидел, что там уже стоят Тимофей Михайлов и Емельянов. «Странно, ведь здесь бы следовало стоять мне,— подумал Рысаков.— Ну, все равно пойду ближе к мосту».

Идя вдоль канала, он увидел облокотившегося на перила Котика и, перейдя на другую сторону, стал прохаживаться недалеко от угла Инженерной улицы, у ограды сада Михайловского дворца.

Было зябко, а время тянулось медленно. По набережной канала проходили случайные пешеходы, и никаких карет не было видно.

У Котика в штиблетах закоченели ноги. Он ходил, стучал ногой об ногу и курил папиросу за папиросой, но согреться никак не мог. «Черт возьми, если придется ждать еще час, я совсем замерзну и не смогу бросить бомбу».

Повернувшись, он увидел на Театральном мосту Перовскую и сразу приободрился. Значит, сигналисты дали знак о выезде царя из Михайловского манежа. Гриневицкий поудобней взял сверток с метательным снарядом и, медленно шагая, стал наблюдать за Рысаковым, который тоже увидел Перовскую и готовился к атаке на царский поезд.

Прошло едва ли минуты две, как на набережную канала из Инженерной улицы выскочили двое казаков верхом, а за ними царская карета в окружении конного конвоя. Все это произошло так быстро, что Гриневицкий не успел опомниться. Он только видел, что Рысаков, ускорив шаги, пошел навстречу царскому поезду и, занеся правую руку, швырнул узелок с метательным снарядом под передок саней. Раздался страшный взрыв. Все заволокло дымом. Упали лошади, люди, дико закричали раненый мальчик и рухнувший с лошади казак. Карета остановилась, и к ней кинулся ехавший следом в санях полицмейстер.

Рысаков побежал, но ему навстречу бросились проходившие мимо солдаты, схватили, начали бить.

Гриневицкий, преодолев минутную растерянность, спрятал снаряд под полой широкого пальто и пошел к ме-

сту катастрофы. Туда сбегался народ. Царь вышел из кареты и в сопровождении офицеров подошел к обезоруженному и связанному Рысакову:

— Кто таков?

— Мещанин Николай Рысаков! — гордо ответил покушавшийся.

— Что с государем? Как здоровье государя? — спросил кто-то из толпы.

— Слава богу,— сказал царь и повернулся, чтоб идти к карете.

— Еще слава ли богу? — вдогонку крикнул Рысаков. Царь вздрогнул, но, не оборачиваясь, пошел к месту взрыва вдоль чугунного барьера. Его окружали офицеры и матросы флотского экипажа, проходившего мимо, спешившиеся конвойные казаки. Казалось, царь совсем успокоился. На лице его испуг сменился злым выражением.

«Ага, ты снова мечтаешь о казнях,— пробираясь сквозь толпу, подумал Гриневицкий.— Так нет же, сегодня мы казним тебя». Приблизясь вплотную к царю, он распахнул пальто и швырнул снаряд под ноги тирана. Гулкий, огненный взрыв отбросил царя к чугунной решетке, уложил Гриневицкого и еще несколько человек. У Гриневицкого в глазах мелькали огненные круги, но он услышал стон царя. Поверженный самодержец лежал в луже крови, и казалось, был мертв.

«Я честно выполнил свой долг»,— подумал Гриневицкий и закрыл глаза.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Утром, когда метальщики, взяв бомбы, вслед за сигналистами покинули тайную квартиру на Тележной, Кибальчич присел к столу, задумался. Он сделал все, что мог, и теперь успех дела зависел только от метальщиков. Кибальчич был уверен, что бомбы придуманы надежно и осечки не будет, однако не мог обрести покоя: его тонкие руки слегка вздрагивали, лицо было бледно, карие красивые глаза смотрели устало.

Саблин, проводив Софью Перовскую, вернулся, запер дверь и, войдя в столовую, сел рядом с Кибальчичем:

— Что, нездоровится, Николай Иванович?

— Нет, все хорошо. Просто немного устал и волнуюсь... ведь с нашими снарядами метальщики пошли на смерть...

— На верную гибель... Я понимаю... Однако сейчас, как никогда, нам нужны спокойствие и твердость. Может, приляжете, поспите. Ведь всю ночь работали?

— Нет, спасибо, я не смогу уснуть.

Неслышно вошла Геся Гельфман — смуглая невысокая женщина в широкой кашмирской шали, прикрывшей слегка выпиравший живот. Беременность смущала Гесю, и потому она не вышла к метальщикам. Но Кибальчич был более близкий человек, и она без смущения протянула ему руку:

— Выпейте чаю, Николай Иванович, это вас подкрепит.

— Спасибо. Пожалуй, выпью.

Геся села к самовару, налила чаю Кибальчичу и себе, подвинула гостю закуску.

Выпив несколько глотков, Кибальчич прислушался:

— Кажется, все тихо, а наши давно уже на Садовой...

— Да, с минуты на минуту можно ждать взрыва,— согласился Саблин и, достав портсигар, закурил.

Помолчали, прислушиваясь.

Кибальчич допил свой чай, поднялся:

— Спасибо, друзья! Пожалуй, я пойду. Мне лучше побыть на воздухе.

Хозяева проводили его до дверей, попрощались за руку:

— Если узнаете новости, Николай Иванович, дайте нам знать.

— Коли будет удача, о ней вы услышите одновременно со мной, — с полуулыбкой сказал Кибальчич, — она возвестит о себе на весь Петербург.

Свежий морозный воздух немного взбодрил Кибальчича, но не мог отвлечь от тревожных мыслей. Шагая по глухим улицам, он все время прислушивался, не прозвучит ли взрыв, но было тихо. «Что же случилось? Неужели неисправность в мине? А снаряды? Ведь их четыре! Не может быть, чтоб ни один из четырех не взорвался... Видимо, царь проехал другой дорогой...» Кибальчич незаметно дошел до Лиговки, где была его новая квартира и где он жил под фамилией аккерманского мещанина Ланского.

«Видимо, и иа этот раз нас постигла иеудача. Удивительно везет этому венцеиосиому деспоту. Ведь восьмое покушеиие... Голова болит, и слабость. Я должеи выспаться, а уж потом узнаю, в чем дело».

Кибальчич, придя к себе в комнату, не раздеваясь, лег иа кровать... Тяжелый сои тотчас смежил веки. Но прошло ие более часа, как ои вскочил и бросился к окиу. Ему присиилось, что царь убит и город охвачеи восстаиием. Одиако по Лиговке спокойио шли гуляющие, ехали к вокзалу ломовые извозчики, на перекрестке у Невского скрежетали колеса коики.

Кибальчич протер глаза, оделся и опять вышел иа улицу. Тревожила, мучила иеизвестность.

«Пойду к Возиесенскому мосту, там должны собираться члены Исполиительиого комитета. Там все узиаю...»

Было время обеда: в кухмистерские тянулись студеиты, курсистки, мелкий чииовный люд. В городе ие было заметно иикакого волиеиия. «Да, видимо, все сорвалось»,— подумал Кибальчич, выходя во двор знакомого дома.

В этот миг где-то приглушенно ухнуло, как будто что-то тяжелое сбросили на железную крышу. Кибальчич остановился, прислушался: «Нет, на взрыв ие похоже»,— подумал ои и вошел в подъезд. Когда поднимался по лестиице, сиова ухнуло где-то далеко. Вроде бы прогремел гром. «Неужели взрыв?» — подумал Кибальчич и с этой мыслью дериул ручку звоика.

Ему открыл Исаев и, впустив, таинствеиио спросил:

— Ты слышал, Николай?

— Да, два раза... похоже на взрыв.

— И мы подумали так.

Грачевский и Корба стояли у окои, всматриваясь и вслушиваясь в звуки улицы. Исаев и Кибальчич тоже прильнули к расписаниым серебристыми лапами стеклам.

— Смотрите, смотрите, народ побежал.

— Да, бегут в сторону Невского. Неужели царя встретили бомбами на обратном пути?

— Может быть... и даже вернее всего. Ведь Софьи до сих пор нет, значит, оиа поставила метальщиков иа другое место.— Несколько минут все стояли у окон, затаив дыхание. Вдруг послышался резкий звонок.

— Кто-то из наших,— Исаев бросился к двери.

Вбежала запыхавшаяся Фигнер. Глаза ее горели, на щеках полыхал румянец.

— Друзья! Огромная радость! В городе смятение. Все бегут. Куда-то поскакали казаки. Из уст в уста передают, что совершено новое покушение на Екатерининском канале. И главное — говорят, что царь убит!

— Неужели? — недоверчиво вскрикнул Корба.

— Да, да! Это победа, друзья! Наша напряженная, мучительная борьба, унесшая столько дорогих жизней, завершилась успехом! Теперь конец произволу и тирании. Теперь Россия воспрянет! Обнимемся же, братья!

— Ура! — закричал Исаев, и все бросились обнимать и поздравлять друг друга...

2

А между тем царь не был убит. Страшный взрыв отбросил его к чугунной ограде канала, но не убил. Сбитый взрывом вместе с другими, полицмейстер Дворжицкий явственно услышал его стон: «По-мо-ги-те!»

Дворжицкий вскочил и, еще плохо видя сквозь дым, бросился к царю, взял его под руки и пытался приподнять. Но царь застонал еще сильнее и впал в беспамятство. Дворжицкий увидел, что ноги его раздроблены и из них хлещет кровь.

— На помощь! Сани скорей! — закричал он.

Уцелевшие офицеры и казаки помогли положить истекающего кровью царя в сани.

— Во дворец! — крикнул полицмейстер.

Не приходившего в сознание Александра привезли в Зимний, на ковре внесли в рабочий кабинет и положили на походную кровать. Дежурные доктора принялись перевязывать и бинтовать раздробленные, искалеченные взрывом ноги.

В этот миг из Аничкова дворца галопом выскочила полусотня казаков и с гиканьем и свистом помчалась по Невскому в сторону Зимнего. В центре скачущей лавины казаков мчалась закрытая карета. В ней, втянув голову в плечи, сидел массивный человечище в синем мундире, в наскоро накинутой шинели. Это был наследник-цесаревич.

В тот момент, когда раздался первый взрыв на Екатерининском канале, главный охранитель царя генерал Лорис-Меликов беседовал в своем кабинете с председателем комитета министров графом Валуевым. Услышав взрыв,

оба вздрогнули и поднялись. Лорис быстро подошел к окну, прислушался. Подошел и Валуев. Вдруг прогремел второй взрыв. Оба опять вздрогнули.

— Что это? Возможно, новое покушение? — по-французски спросил Валуев.

— Нет, это невозможно, граф! — воскликнул Лорис и, извинившись, тотчас вышел... Через несколько минут он уже мчался в Зимний... Следом за ним погнал и Валуев... На улицах было людно. Все куда-то бежали.

Когда Валуев вошел в кабинет царя, Лорис уже был там, но не распоряжался, а стоял, как и другие, беспомощно опустив руки. Около мертвенно-бледного царя суетились врачи, заканчивая бинтование и прилаживая кислородную подушку с гибким шлангом. Голову царя поддерживали цесаревич и княгиня Юрьевская. Раза два-три царь вздохнул заметно, а потом дыхание стало ослабевать.

К кровати протиснулась грузная фигура протоиерея Баженова в мерцающей золотом рясе и с крестом. Он наскоро причастил умирающего и стал глухим басом читать отходную. Великие князья, министры, придворные дамы — все стали на колени. Седоусый лейб-медик попытался прощупать пульс и скорбно развел руками. Военный министр Милютин — седой старик с пышными подусниками — шагнул к камину и остановил часы. Стрелки показывали 3 часа 55 минут.

— Надо дать знать народу,— шепнул Валуев Лорису.— У дворца собралась огромная толпа.

— Да, да, граф, голубчик, прошу вас, распорядитесь.

Валуев что-то шепнул дежурному генералу. Тот вышел, и скоро на шпиле Зимнего дворца дрогнул штандарт и стал медленно спускаться.

— Кончился! Кончился! — поползло по рядам, и толпа начала медленно расходиться...

3

Подав метальщикам сигнал к действию своим появлением на Театральном мосту, Софья Перовская перешла на другую сторону канала и поспешно стала приближаться к тому месту, где стояли Рысаков и Гриневицкий. Когда карета царя вылетела с Инженерной улицы на набереж-

ную Екатерининского канала, Перовская была совсем близко и отлично видела, как Рысаков пошел навстречу и бросил свою бомбу.

Когда рассеялся дым, она с ужасом увидела, что царь вышел из кареты совершенно невредим и направился к схваченному Рысакову. Перовская, достав платок, поднесла его к глазам, желая этим подать сигнал к наступлению другим метальщикам, но Гриневицкий уже шел навстречу царю, и через мгновение громыхнула вторая бомба, и все пропало в дыму.

Но вот Перовская увидела, что царь бьется в конвульсиях... Какие-то люди подняли его, положили в сани и повезли. Ей хотелось бежать к месту катастрофы, чтоб оказать помощь лежавшему на снегу Гриневицкому — ведь она была медицинской сестрой, но видя, что раненых подбирают и уносят в Конюшенный госпиталь, Перовская вспомнила о главном — о царе. «Неужели он жив? Неужели его спасут? Чего же смотрят и ждут остальные метальщики?» С другой стороны канала отчетливо были слышны голоса толпы. Перовская прислушалась:

— Государя убили! Чего спрашивать?

— Повезли во дворец, может, спасут...

— Какое! Весь кровью изошел...

Чтоб знать наверное, что с царем, Перовская поспешила на Дворцовую площадь, куда уже со всего Петербурга сбегался народ.

Когда она дошла до Дворцовой, здание Зимнего было оцеплено войсками и жандармами. Близко никого не подпускали, кроме карет с гербами и ливрейными лакеями. Кареты съезжались к Салтыковскому подъезду.

Перовская, затерявшись в толпе, жадно прислушивалась к разговорам и пыталась продвинуться ближе к дворцу.

В толпе отрывочными фразами говорили о двух взрывах и поимке террориста, о том, что государю оторвало ноги, и о том, что наследник-цесаревич уже прискакал в Зимний. Ни ликования, ни радости, ни возмущения никто не выражал. Большинство равнодушно молчали и бесстрастно ждали, что будет дальше.

Когда спускали флаг, по толпе пополз шепот:

— Тише, флаг спускают... кончился, должно...

— Ох, убили! Кончился наш голубчик,— запричитала какая-то купчиха.

— Ишь, заныла, сердобольная,— зло огрызнулся рыжеватый парень в сером башлыке поверх ушанки.— Не голубчик, а коршун кончился... коршун-стервятник. Надо бога благодарить, что добрые люди убили лиходея...

— Ты как посмел? Ты кого костишь, паршивец! — срываясь на визг, закричал старик в старомодной шинели.— Эй, молодцы-жандармы, хватайте его — это якобинец!

Двое верзил в синих шинелях, дыша паром, бросились на крик, но парень уже скрылся в толпе.

— Где смутьян? Куда каторжник скрылся?

— Вона в толпе маячит,— указал старичок,— вон серый башлык.

— А ну, раздайся! — дико закричал черноусый жандарм и, работая локтями, пошел сквозь толпу.

— Но, но, не нажимай, а то по мордам начнем бить,— свирепо рычал другой, пробираясь следом.

— Братцы, не выдай! — взмолился парень и, сорвав башлык, присел, затерялся в толпе.

— Держите его, держите ка-на-ль... Ох, не давите, сволочи... Ох, мочи нет... Гав-ри-ла!

Второй жандарм, сдавленный со всех сторон, только прохрипел что-то невнятное.

Царский флаг медленно опускался. Толпа смотрела на него равнодушно. Никто не плакал.

— Гав-ри-ла! — снова, но уже более глухо прокричал жандарм. На него зашикали. Он пытался повернуться и не смог. Злобно крякнул и замолчал.

Заметив, что к Зимнему подходят войска, толпа начала медленно расходиться. Жандармов отпустили, и те остервенело стали пробиваться вперед, надеясь схватить бунтовщика. Но серого башлыка уже не было видно...

А войска все стягивались и стягивались к Зимнему.

«Что же будет? — думала Перовская, возвращаясь домой.— На смену Александру II придет Александр III, и все начнется сначала? Народ безмолвствует... У нас не было сил организовать восстание, но хоть горячим словом всколыхнуть толпу мы были обязаны. Ах, если б был Желябов! Если б его можно было освободить...» — с этой мыслью Перовская пришла на тайную квартиру Исполнительного комитета.

— Соня! Ты жива? Слава богу! — бросилась к ней Фигнер.— Ну что? Говорят, царь лишь тяжело ранен?

— Кончился. На Зимнем спустили флаг.

— Слава богу! Значит, победа!

— Нет, это еще не победа, друзья. Я видела толпу — народ безмолвствует. Да, да, безмолвствует. А новый царь, которому уже присягают в церквах, стягивает к Зимнему войска. Мы не должны обольщать себя, мы должны действовать.

— А что делать?

— Надо организовать новое покушение, запугать правительство, освободить Желябова, поднять народ.

— Соня, у нас нет больше сил!

— Неправда! Мы даже не подумали о листовке. А народ ждет ее, он хочет знать, почему убили царя.

— Правда, друзья. Листовка нужна.

— Дайте мне бумагу, я напишу сама, пока во мне все кипит.

Подали бумагу и чернила. Софья подумала и размашисто написала:

«От Исполнительного комитета».

Все придвинулись к ней и стали помогать, вставляя отдельные слова и целые фразы... Через полчаса листовка была готова, и Исаев помчался с ней в типографию...

4

Еще не успело остыть тело Александра II, как его перенесли в парадный кабинет, а наследник-цесаревич сделался новым российским императором Александром III.

Новому царю недавно минуло тридцать шесть; он был могуч и грузен и производил впечатление сильного, волевого человека.

Однако внешний вид не совсем соответствовал его характеру. Придворные хорошо знали нерешительность, тихий нрав и склонность нового царя к растерянности. А так как придворные делились на две противоположные по взглядам группы, то каждая из них с первых же минут катастрофы стремилась привлечь молодого монарха на свою сторону.

К первой группе, настроенной более либерально, можно было отнести приближенных Александра II и наиболее влиятельных сановников: Лорис-Меликова, военного министра Милютина, министра финансов Абау и частично председателя комитета министров графа Валуева. Вторую

группу представляли люди из так называемой «партии Аничкова дворца» — приближенные наследника-цесаревича, а сейчас императора Александра III.

Главой и вдохновителем этой негласной партии был ловкий, хитрый и жестокий человек обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев.

В отличие от Лорис-Меликова и его сторонников, еще при Александре II вынашивавших идею о «даровании» народу конституции, Победоносцев твердо держался монархических взглядов и еще через наследника-цесаревича пытался заставить Александра II самым жестоким образом подавить «крамолу» и пресечь всякие попытки свободомыслия.

Но те и другие в первый миг катастрофы, потрясенные взрывами на Екатерининском канале, смертью царя и страхом перед народным восстанием, проявили полную растерянность.

Когда тело казненного народовольцами Александра II еще лежало на походной кровати в парадном кабинете, граф Валуев, более других сохранивший самообладание, подошел к новому царю.

— Ваше императорское величество, как прикажете быть с оповещением народа о совершившемся злодеянии?

— Да, да, надо составить телеграмму. Поручите кому-нибудь.

— Слушаюсь... Но ведь необходимо издать манифест.

— Манифест? Да, конечно... Я прошу вас и министра юстиции Набокова... и вон князь Урусов... Пожалуйста, составьте — я подпишу...

Валуев, приосанившись, ринулся выполнять первое поручение нового самодержца. И все, кто слышал этот разговор, подумали, что Валуеву, пустившему в ход остановившуюся было государственную машину, опять суждено играть одну из главных ролей в государстве.

Лорис-Меликов тоже не хотел остаться в тени. Желая выпутаться из крайне неловкого положения, он через близких людей пустил слух, что утром был во дворце и умолял государя не ездить сегодня в манеж, но монарх не внял его предостережениям.

Затем он незаметно вышел из дворца и помчался в Дом предварительного заключения. «Я должен сам допросить схваченного террориста и принять энергичные меры к розыску других...» Лорис-Меликов хотел явиться с докладом к новому императору раньше, чем его позовут...

5

На масленой, объевшись блинов, умер начальник департамента, где служил отец Лизы Осокиной — Михаил Павлович. Произошли передвижения по службе. Михаил Павлович Осокин получил повышение в должности и новый чин. По этому поводу в воскресенье 1 марта Осокины устраивали праздничный обед для родных и близких, на который был приглашен и Сергей Стрешнев.

Гости стали собираться часов с двенадцати и за стол сели рано. Когда прогремели взрывы на канале, приглушенные множеством высоких домов, все уже были навеселе, и никто не обратил на них внимания. Лишь в шестом часу, когда подгулявшие чиновники пустились отплясывать трепака, пришел взволнованный сосед со второго этажа — чиновник почтового ведомства и, вызвав в переднюю Михаила Павловича, сбивчиво заговорил:

— Извините меня великодушно, но я счел своим долгом предупредить... У вас веселье... боюсь, как бы это не было истолковано превратно. В столице большое потрясение — на Екатерининском канале злоумышленники убили государя.

Михаил Павлович, бледный, с трясущимися губами, вошел в зал и объявил о случившемся. Гости притихли и стали расходиться по домам. Лиза схватила за руку Сергея и увела к себе.

— Сережа, ты что-нибудь знал об этом?

— Нет, что ты, Лизок...

— Но ведь нас же просили наблюдать. Значит, мы тоже в какой-то мере участники?

— Что ты, Лиза, это ужасно! Ведь убили государя...

— А я думаю, наоборот! Деспот казнен, и теперь все пойдет по-другому.

— Не знаю, не знаю, Лиза. Неужели это случилось? Как-то не верится...

— Пойдем-ка на канал — узнаем подробности.

— Да, надо пойти... Но вдруг...

— Одевайся, Сережа, одевайся быстрей.

До Екатерининского канала было недалеко. Минут через пятнадцать они уже приблизились к толпе, сдерживаемой городовыми. На пустынном месте, куда не пускали, еще были видны следы крови.

Какие-то бойкие люди, шныряя в толпе, продавали мед-

ные пуговицы, лакированные обломки кареты, обрывки обгорелого сукна.

— Господин учитель, не угодно ли кусочек шинели убиенного государя — я бы недорого взял,— предложил худощавый человек в треухе.

— Благодарю вас, я не при деньгах,— сказал Стрешнев растерянно.

— А сколько вы хотите? — спросил солидный человек в бобровой шапке.

— Собственно, не знаю... Три рубля дадите?

— А точно ли это от шинели государя?

— Не извольте сомневаться — сам нашел в снегу.

Господин в бобрах взял кусок обгорелого материала и поманил городового:

— Почтенный, точно ли это обрывок шинели покойного государя?

Тот внимательно пощупал сукно, поднес к глазам:

— Никак нет, это от шинели господина пристава.

— Возьми и пошел вон,— сердито сказал человек в бобрах,— шатаются тут всякие...

— Извини-те-е.— Худощавый, нахлобучив треух, юркнул в толпу.

— Всех, всех снесли в Конюшенный госпиталь,— объяснял в сторонке старик в шляпе и в очках.— Я сам видел, я тут проходил... И того, который убил государя, и казаков, и мальчика.

Стрешнев и Лиза подошли поближе.

— А тот убийца каков из себя? Наверно, бандит бандитом? — полюбопытствовал купчина в бобрах.

— Нет, не сказал бы... Скорее, мальчишка. Лет двадцати с небольшим, еще безусый.

— Скажи на милость. А уж бонбы бросают. Драть их некому, вот и распоясались...

Услышав, что покушавшийся — молодой, безусый, Лиза немного успокоилась. Ей опять представилось, что бомбу бросал Кибальчич.

— Пойдем, Сережа, пойдем. Мне страшно оставаться здесь... Уж становится темно.

— Вон какие-то бумажки раздают.

— Правительственное сообщение, господа! Правительственное сообщение,— кричал чиновник в форменной фуражке, раздавая листки бумаги.

Стрешнев, взяв бумажку, сунул ее в карман:

— Пошли, Лизок. Дома почитаем.

Они выбрались из толпы и вышли на Литейный, когда уже совсем стемнело.

— Нет, Сережа, давай подойдем к фонарю — надо почитать, что там пишут.

— Хорошо, почитаем.— Стрешнев подвел Лизу к фонарю, достал листок в траурной рамке, взглянул:

— Ты посмотри, Лиза, что они пишут: «Воля всевышнего свершилась!» Выходит, «Народная воля», казнившая царя, исполнила божью волю. Какой-то абсурд.

— Неужели так написали?

— Да, Лизок, вот смотри, видимо, в правительстве полная растерянность...

— А тут на столбе другое объявление.

— Нет, такое же... а впрочем...

— Что?

Стрешнев приблизился.

— «От Исполнительного комитета!» — слышишь, Лизок?

— Да, да, читай!

— За нами следит городовой.

— Сделай вид, что читаешь правительственное извещение... да скорей же.

Стрешнев развернул бумажку и стал читать выборочно:

— «К гражданам России!

...Центральный удар по самодержавию свершился. Царь-ирод, царь-тиран казнен агентами «Народной воли» по приговору Исполнительного комитета...

...Россия не может жить так далее. Русский народ не может больше терпеть деспотизм, гнет, рабство... Если Александр III не пойдет на уступки и не объявит всеобщую амнистию и свободу, его будет ждать судьба отца...»

— Эй, господа, вы что там читаете? — закричал с другой стороны городовой.

— Правительственное сообщение!

— Нельзя! Не велено! Приказано отбирать! — строгим голосом закричал городовой и пошел навстречу.

— Разве государь не умер? — спросила Лиза, держа под руку Стрешнева.

— Не могу знать! А бумажку пожалуйте сюда... Не велено...

Он взял листок и, спрятав его за обшлаг шинели, отдал честь. Лиза и Стрешнев поспешили скрыться в переулке.

Что-то будет теперь? Что ждет Россию?..

6

Андрей Желябов содержался не в Петропавловской крепости, как предполагали народовольцы, а в Доме предварительного заключения на Шпалерной. Его держали в глухой одиночке, у дверей которой день и ночь неустанно дежурили два надзирателя. В камере не гасился свет, и волчок был открыт, чтобы можно было беспрепятственно наблюдать за арестантом.

Желябов был внешне спокоен, но почти все время ходил из угла в угол и думал, думал, думал. Было мучительно обидно, что его схватили в тот момент, когда все уже было готово, чтобы свершить казнь над тираном. Теперь его волновала не собственная участь, а то дело, ради которого он жил и трудился, ради которого шел на смерть. Не внес ли его арест растерянности в ряды народовольцев, сумеют ли они найти в себе силы и решимость, чтоб завершить начатое им. Успеют ли техники? Не растеряются ли метальщики?

На допросах Желябов старался быть спокойным, чтоб следователь не догадался, что он волнуется за незавершенное дело. А когда возвращался в камеру, начинал ходить и думать, анализируя новые обстоятельства, взвешивая и оценивая опыт, решимость и боевые качества каждого из тех, кому предстояло действовать.

«Если, кроме нас с Тригони, никто не схвачен, покушение состоится. В случае неудачи с миной Софья выведет метальщиков. Она не дрогнет, не отступит... Но поедет ли царь? Вдруг он испугается? Нет, мой арест ослепил и полицию и царя. Они решат, что главный «анархист» пойман и теперь бояться нечего...»

И вот наступило 1 марта. Часов с восьми Желябов уже ходил по камере. Примерно в десятом часу он подошел к окну, которое было высоко над головой, и стал чутко прислушиваться. Он ждал взрыва. Шпалерная была недалеко от Малой Садовой, и Желябов надеялся, что здесь будет слышно.

Время тянулось томительно. Впрочем, часы были отобраны, и Желябов не знал, сколько прошло... Когда ноги затекали от напряженного стояния, он начинал ходить и потом снова возвращался к окну, прислушиваясь...

Но вот заскрежетал железный засов. «Неужели на допрос? Вот проклятие...»

— Извольте обедать,— пробасил надзиратель.

— Как? Почему так рано?

— В самый раз, только что пробило два часа.

— Два часа? — переспросил Желябов и, поставив на столик чашку с похлебкой, бросился на жесткий тюфяк. В висках стучало: «Неужели провал? Неужели опять неудача?» Желябов лежал неподвижно, сжав кулаки. В камере была могильная тишина. И вдруг в этой тишине гулко, как тяжелый вздох незримого молоха, ахнуло. Желябов вскочил, прислушался, походил по камере. И вдруг снова раскатисто ахнуло, словно где-то далеко-далеко выстрелили из пушки.

«Это наши!» — про себя воскликнул Желябов, и вмиг настроение его переменилось. Он снова стал ходить по камере, но уже совсем иначе. Унылая обреченность сменилась волей, энергией, одушевлением. Даже усатый надзиратель, заглянув в волчок, шепнул своему напарнику:

— Гляди, арестант-то каков! Давеча от еды отказался, притих, а сейчас разгулялся, даже насвистывает...

Прошло немного времени, и в тюрьме засуетились. Послышались быстрые шаги, беготня, стук кованых сапог на лестницах, выкрики конвойных во дворе. «Кого-то привезли»,— подумал Желябов и стал прислушиваться у двери. Через дверь из другого коридора донеслись невнятные голоса, топот многих ног, скрежет засова. «Схватили кого-то из наших. Значит, покушение состоялось, но удачно ли?..» Желябов приник ухом к двери. Шаги удалялись и скоро совсем стихли.

Он забарабанил в дверь:

— На прогулку! Сегодня еще не выпускали.

— Сейчас узнаю! — сказал надзиратель. Скоро заскрежетал засов, явился смотритель и с ним несколько надзирателей.

— Ведите себя тихо, нынче прогулка запрещена.

Дверь захлопнулась, заскрежетало железо, у волчка, так что было слышно дыхание, стали новые надзиратели.

«Что-то произошло. Тюремщики встревожены. Безусловно привезли нашего. Но покончили ли с тираном?..» Желябов подходил то к той, то к другой стене, пробовал перестукиваться, но рядом камеры были пустые...

Часов в восемь он с жадностью съел тюремный ужин и опять стал ходить по камере, стараясь представить исход сегодняшней битвы... Когда наступила ночь, подошел к волчку:

— Послушай, друг, что в городе?

— Нам разговаривать запрещено,— был глуховатый ответ.

Желябов лег на койку и быстро уснул...

Во втором часу ночи его грубо разбудили:

— На допрос к господину прокурору.

Желябов, ничего не говоря, поднялся, накинул тюремный халат и пошел в окружении трех стражников.

Прокурор Добжинский, тот самый, что обманул и сделал предателем Гольденберга, облысевший, но еще молодцеватый и статный, с нафабренными усами, сегодня был как-то растерян и смущен. Увидев Желябова, он попросил его сесть и позвонил в колокольчик. Открылась другая дверь, и двое стражников ввели бледного, взлохмаченного Рысакова.

— Желябов, вы узнаете своего соучастника? — фальцетом закричал прокурор.

— Да, узнаю. Здравствуйте, Рысаков! — твердо сказал Желябов и, встав, пожал холодную, влажную, словно неживую руку.

— Ага! Вот и отлично! — радостно и как-то нервно воскликнул прокурор.— Значит, вы, Желябов, признаетесь, что стояли во главе заговора?

— Что случилось, господин прокурор? Почему меня подняли в два часа ночи? Если вы хотите получить утвердительный ответ, вы должны сказать, что произошло.

— Как, вы не догадываетесь, что злодейски убит государь император?

— Нет, я не знал, — сказал Желябов, и лицо его ожило, засветилось. «Значит, свершилось!» — радостно подумал он.

— Внесите второго! — приказал прокурор.

Стражники внесли на носилках труп, прикрытый рогожей.

— Рысакова, бросившего первую бомбу, вы признали, а того, кто поразил государя и себя, вы узнаете?

Прокурор подошел к трупу и откинул рогожу. «Бедный Гриневицкий! — про себя сказал Желябов. — Ты дорого отдал свою жизнь. Так умирают герои».

— Я не желаю давать никаких показаний.

— Как? — удивился прокурор. — Но ведь никто же не сомневается, что вы были организатором покушения?

— Я не смог принять участия в покушении лишь по причине ареста,— глядя ему в глаза, сказал Желябов.— Нравственно же я полностью участвовал в нем.

— Вот как? Это я и хотел знать. Что вы можете показать еще?

Желябов взглянул на бледного, трясущегося Рысакова. «Видимо, беднягу сломили. Они умеют это делать. Гольденберг был закаленный боец, и то не выдержал... Но отделаться казнью Рысакова им не удастся. Я их заставлю иметь дело со мной...»

— Что, Желябов? Я жду.

— Я хотел бы сделать письменное заявление, господин прокурор.

— Отлично! Садитесь к столу. Вот бумага и чернила.

Желябов сел и еще раз взглянул на дрожащего Рысакова: «Что им удалось выжать? Неужели Рысаков выдал все, что знал?.. Об этом страшно подумать...»

— Пишите, Желябов, я жду! — напомнил прокурор.

Желябов размашисто писал:

«Прокурору Судебной палаты.

Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, если Рысакова намерены казнить,— было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в его умерщвлении лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения.

Прошу дать ход моему заявлению.

Андрей Желябов».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Оцепенение, охватившее высших сановников и придворных, вызванное трагической смертью царя, не проходило долго. Цесаревичу, потерявшему отца, и ставшему императором, и от этого еще более растерявшемуся, никто не мог подать дельного, разумного совета. Он решительно

не знал, что делать, как распоряжаться, кому и что приказывать. Придворные суетились, бегали, а тело Александра II продолжало лежать на походной кровати — некому было позаботиться о гробе и перенести покойника в дворцовую церковь.

Поздно вечером, подавленный, разбитый и смертельно напуганный, Александр III под усиленным конвоем приехал домой в Аничков дворец, мечтая лишь о том, чтобы лечь и уснуть. В эти минуты он готов был отказаться от почестей, от славы, даже от престола, лишь бы его оставили в покое.

Но свалившиеся на него священные обязанности всероссийского самодержца требовали, чтобы он выслушал доклады главных министров, подписал манифест о восшествии на престол и сделал другие необходимые распоряжения...

Пока царь принимал председателя комитета министров графа Валуева, к нему уже мчался обер-прокурор Святейшего синода Победоносцев, надеясь опередить «либералов», которые, по его мнению, могли оказать на молодого монарха «тлетворное» влияние. К «либералам» он относил всех государственных сановников, которые не разделяли его воззрений и, следовательно, не могли быть причислены к партии Аничкова дворца.

Предвидя, что государю тяжело и что он нуждается в моральной поддержке и наставничестве, Победоносцев ехал к нему уже с давно созревшими идеями и конкретной программой. Он знал, как успокоить государя и что ему посоветовать. У Победоносцева было основание надеяться, что государь его примет и не окажется безучастным к его советам. В это Победоносцев верил потому, что много лет был воспитателем и наставником Александра III, хорошо знал его характер и его взгляды. Александр III, еще будучи цесаревичем, помог Победоносцеву стать членом Государственного совета и выпросил для него у отца высокий пост обер-прокурора Святейшего синода...

Войдя во дворец, Победоносцев сбросил на руки лакеям подбитую норкой шинель и подошел к зеркалу.

Он застегнул отстегнувшиеся в дороге золотые пуговицы на длинном глухом мундире, идущие густым рядом сверху вниз, поправил редкие седые волосы вокруг голого черепа, придал строгость желтому аскетическому лицу с впалыми глазами и маленьким поджатым ртом и важно пошел в покои государя.

Дежурный генерал в приемной при его появлении вскочил, выпятил грудь в аксельбантах и орденах.

— Государь один? — дохнул Победоносцев гнилым запахом изо рта.

— Никак нет! У его величества граф Лорис-Меликов.

На желтом лице Победоносцева мелькнула гримаса, и опять оно стало каменным.

— Я посижу в большой гостиной. Когда государь освободится,— дайте мне знать.

Генерал козырнул:

— Будет исполнено!..

«Как же эта хитрая лиса сумела опередить меня,— думал Победоносцев, идя в гостиную. — Именно его-то и не следовало пускать к царю. Самый опасный человек в государстве. Метко кто-то сказал, что у него лисий хвост и волчья пасть. Ну да я постараюсь нарисовать монарху его портрет со всеми аксессуарами...»

Когда Победоносцева позвали в кабинет, Александр III сидел не за столом, а на широком турецком диване, облокотясь на валик, и почти засыпал.

— Ваше величество! Я знал, что вы потрясены, утомлены и чувствуете себя одиноко.

— Да, да, спасибо, что приехали. Я ужасно устал и прошу не говорить о делах.

— Нет, какие же дела, ваше величество. Да и пристойно ли мне, обер-прокурору синода, печься о мирских делах? Я могу лишь говорить слова утешения и сочувствия... Ох, как нужно в такие минуты доброе верное слово. Ведь я знаю, ваше величество, кто окружает вас и как надо быть осторожным.

— Осторожным? Вы думаете, покушения не прекратятся?

— Я полагаю, ваше величество, пуще всего сейчас нужно бояться не анархистов, а своих собственных министров. Да, да,— главная опасность в них. Прошу вас и умоляю — прогоните Лориса. На его руках кровь вашего отца. Прогоните прочь Лориса!

Царь встал, потянулся и, тяжело ступая, стал ходить по кабинету. Если б эти слова ему были сказаны час назад, он бы, не колеблясь, прогнал Лориса, но теперь... Лорис только что сообщил, что ему удалось вырвать признание у пойманного террориста и завтра все организаторы злодейского убийства будут схвачены.

«Как же сейчас прогнать Лориса? Кто доведет до конца дело поимки злоумышленников. А если их не переловить, они и меня могут ухлопать. Да и можно ли так резко обойтись с тем, кого любит народ, с героем Карса?»

Царь шагнул к дивану и сел рядом с Победоносцевым:

— Вы извините меня, Константин Петрович, я устал. Ужасно устал... А Лориса. Лориса прогонять нельзя. Сейчас он очень нужен... Сейчас без него не обойтись...

2

Вечером 1 марта, когда Исаев вернулся из тайной типографии с листовками и с бутылкой вина, хозяйка конспиративной квартиры Исполнительного комитета Вера Фигнер быстро собрала ужин. Кибальчич и Софья Перовская, Суханов и Корба, Богданович и Якимова, Исаев и Грачевский — все, подняв рюмки, встали за столом:

— За победу!

— За победу, друзья!

Имя царя не было названо, но каждый понимал, что означал этот тост...

После ужина предполагалось совещание Исполнительного комитета, и Кибальчич, не будучи его членом, распрощался и пошел домой.

— Завтра кто-нибудь к вам зайдет, Николай Иванович,— сказала, провожая его, Фигнер.

Когда он вышел из квартиры, было уже темно, но еще не поздно. Однако улицы оказались пустынны: все попрятались. Кибальчич вышел на Невский, но и там, кроме городовых, военных патрулей и переодетых шпионов, никого не было. Он свернул в переулки и окольным путем добрался до Лиговки. Придя домой, сразу же разделся и лег.

Бессонная ночь накануне, тревожный, полный опасности день, грозные известия о казни царя — все это так утомило его, что Кибальчич упал в кровать. Он был уверен, что сон придет мгновенно, но взбудораженные нервы никак не могли успокоиться. Видения, возникающие из рассказов, которые он слышал в этот день, мелькали перед глазами. То он видел растерзанного бомбой царя, то умирающего Гриневицкого, то мчавшегося по Невскому в окружении казаков нового государя.

В соседней комнате, у хозяйки, часы громко пробили два раза.

«Можно ли считать победой казнь Александра II?» — спросил себя Кибальчич и закрыл глаза. Прошло минуты две-три. Кибальчич повернулся на бок. «Пожалуй, можно. Мы отомстили за мученическую смерть наших дорогих товарищей Квятковского и Преснякова, за сотни повешенных и расстрелянных революционеров. Мы до смерти перепугали правителей, нанеся чувствительный удар по трону, взбудоражили всю Россию. Теперь народ поверит, что революционная сила способна противостоять царизму. А это, безусловно, победа!»

Такой ответ успокоил Кибальчича, и он уснул.

Однако сон был тревожным. Несколько раз он просыпался, прислушивался и около восьми встал, чтоб успеть купить свежие газеты.

Город выглядел притихшим. На углах стояли патрули. Люди разговаривали шепотом и быстро расходились. Чувствовалось, что все встревожены, но никто не плакал, не казался подавленным: на лицах прохожих сквозило равнодушие.

Газеты вышли в траурных рамках, а статьи очень походили одна на другую, словно были написаны под диктовку:

«Россия в трауре! Не стало великого царя-освободителя». «Адский умысел совершил свое адское дело». «Погиб порфироносный страдалец...»

За громкими фразами не чувствовалось ни жалости, ни скорби. Даже такие консервативные и реакционные газеты, как «Новое время» и «С.-Петербургские ведомости», выступили с казенными бездушными статьями. Грубо ругали крамольников и призывали к жестокой расправе. Газеты либерального направления «Голос», «Молва», «Новости» были более сдержанны в нападках, но и они старались предстать «скорбящими».

Просмотрев газеты, Кибальчич стал ходить по комнате. В его сердце не было ни малейшего сожаления к «порфироносному страдальцу», но было до боли жаль Гриневицкого. «Бедный, бедный Котик. Ведь ему было всего двадцать пять лет...»

Весь день Кибальчич провел дома, но к нему никто не пришел и третьего марта до обеда тоже никто не явился. Кибальчич забеспокоился и, наскоро перекусив в кухмистерской, пошел на Тележную, куда должны были еще вчера явиться уцелевшие метальщики.

Было часа три, когда Кибальчич, надев вместо шапки шляпу и очки с простыми стеклами, приближался к знакомому дому. Вдруг к нему подлетел катавшийся на деревянных коньках мальчишка в старых отцовских валенках и в заплатанном полушубке:

— Дяденька, не ходите туда. Дяденька, нельзя...

Кибальчич сразу догадался о беде:

— Как тебя зовут, мальчик?

— Вася!

— Знаешь за углом кофейную?

— Знаю.

— Поезжай сейчас туда — угощу пирожками.

— Ладно. Я живо! — сказал мальчишка и пустился вперед.

Кибальчич, повернувшись, быстро огляделся и пошел следом...

Пока Кибальчич покупал пирожки в кофейной, мальчик снял коньки, и они свернули в глухие переулки.

— Ну, что ты хотел сказать, Вася?

— Дяденька, вы хоть и в очках, а я вас сразу признал... Вы ведь в первый этаж ходили?.. У них беда... во дворе и в квартире дежурит полиция. Ночью был обыск и стрельба...

— Кто тебе говорил?

— Все во дворе говорят, и мой тятька слышал, как стреляли, и был у дворника.

— Что же случилось там, Вася?

— А вот что. Ночью пришли жандармы и стали стучаться. Дяденька тот, черный, высокий, спросил: «Кто стучит?» А ему сказали: «Полиция». Он пошел в свою комнату и застрелился.

«Саблин? Этот веселый человек с грустными глазами? Неужели он? Да, больше некому...»— подумал Кибальчич и спросил:

— А тетя? Тетя была с ним?

— Да, была. Ее схватили и увезли в крепость.

«Какое несчастье. Ведь Геся в положении...» Кибальчич на мгновение остановился, протер стекла очков и снова зашагал, положив руку мальчику на плечо.

— Дяденька, это еще не все,— забегая вперед, захлебываясь, говорил мальчик.— Сегодня днем туда пришел один из ваших, а в квартире была засада. А его никто не предупредил...

— И схватили?

— Опять была стрельба. Он ранил городового и помощника пристава. Это дворник рассказывал... Говорит, страсть какой сильный оказался.

«Это Тимофей Михайлов,— подумал Кибальчич,— но ведь у него же осталась бомба?..»

— Ведь их, полицейских и жандармов, было человек десять...— продолжал мальчик.— Вот они и одолели. В квартире и сейчас сторожат... вот я и ждал, чтоб предупредить.

— Ты сам так решил?

— Сам... и Гришка тоже... Он с другой стороны катается.

— Спасибо, Вася! Ты молодец, герой. Вот тебе пирожки и вот еще ножик.

— Спа-сибо!

— Ну, прощай! Только никому ни слова — иначе беда!

— Нет, умру — не скажу.

Кибальчич ласково потрепал его по щеке:

— Ну, беги, Вася. — И сам вскочил в извозчичьи сани и погнал на тайную квартиру к Вознесенскому мосту...

3

В то время как Кибальчич, потрясенный страшным известием, ехал к друзьям, в квартире Исполнительного комитета шел горячий спор.

Софья Перовская старалась убедить Веру Фигнер, Исаева и Суханова поддержать ее требования перед товарищами об организации нового покушения, на этот раз на Александра III.

Вчера и сегодня утром она сама вела наблюдения за Аничковым дворцом, несколько раз прошла весь путь от дворца до дворца и осмотрела подступы к Зимнему. Ей казалось, что новое покушение вполне возможно. Воодушевленная идеей, она опять обрела уверенность и силу. Ее голубые кроткие глаза отсвечивали металлом, был звонок и тверд голос.

— Друзья! Не подумайте, что я зову вас совершить акт отчаянья,— заговорила она порывисто, оглядывая друзей лихорадочно блестевшими глазами,— нет, это дело хотя и рискованное, но вполне реальное. Царь ежедневно ездит в Зимний и обратно одним и тем же путем. Метальщики могут встретить его и нанести смертельный удар. У

пас есть опыт, закончившийся удачей, и есть метательные снаряды.

— Надо подумать о том, что может дать это второе покушение. Не пастроит ли оно народ против пас? — спросил Исаев.

— Народ не ждет от нового царя никаких благ. Он знает, что сынок не лучше отца. А третьего царя не будет! — горячо заговорила Перовская. — Наследник еще подросток. Значит, возможно регентство, а может быть, и крах самодержавия. Пока наш арсенал не иссяк и пока правительство в панике, мы должны действовать.

В передней звякнули дважды.

— Кто-то из наших,— сказала Фигнер.— Гриша, открой.

Исаев вышел и скоро вернулся с бледным, запыхавшимся Кибальчичем.

— Что случилось, Николай Иванович? — дрогнувшим голосом спросила Перовская.— Неужели разгром Тележной?

— Да! — глухо сказал Кибальчич, сняв шляпу.— Сегодня ночью... Геся Гельфман и Михайлов арестованы, Саблин застрелился...

— Какое несчастье! — Фигнер бросилась на диван и заплакала.

— Вера! Возьми себя в руки! — крикнула Перовская. — Нам всем тяжко, но мы должны собраться с силами и принять меры. В квартире, видимо, засада?

— Да, именно так,— растерянно продолжал Кибальчич. — Михайлов попал в засаду сегодня днем... Надо предупредить остальных.

— Друзья, спокойствие! — призвала Перовская. — Давайте вспомним о тех, кто знал... кто бывал на Тележной.

— Из метальщиков не схвачен один Емельянов... сигналисты... я и вы, — сказал Кибальчич.

— Видимо, так,— согласилась Перовская.— А из членов Исполнительного комитета, кроме нас, эта квартира никому не известна. Следовательно, падо скакать к Емельянову и сигналистам. Гриша, ты знаешь адреса?

Исаев вскочил.

— Знаю и мчусь.

Исаев вышел, а Кибальчич изнеможденно опустился в кресло...

— Друзья! Нас кто-то предает, — сказал Суханов и,

насупившись, стал ходить по комнате. — О Тележной знали очень немногие. Из них в руки полиции, до ее разгрома, живым попал один Рысаков.

— Как? Неужели ты думаешь, Николай Евгеньевич, что это он? — спросила Перовская.

— Да, друзья, квартира на Тележной указана Рысаковым,— вслух думал Суханов.— А сказавший полиции «а» вынужден сказать и «б». Следовательно, Рысаков дал точные сведения и внешние описания всех, кого он знал. И прежде всего — вас, Софья Львовна, и вас, Николай Иванович. Отсюда вывод — вам обоим следует побыстрее уехать.

— Это невозможно! — воскликнула Перовская.— Кто же тогда возглавит новое покушение?

— Для нового покушения уже нет ни бомб, ни метальщиков.

— Бомбы можно сделать,— немного успокоившись, сказал Кибальчич.

— А метальщики найдутся,— заключила Перовская.— Наконец, я сама готова броситься под карету царя вместе с бомбой.

— Друзья, умоляю — спокойней! Как можно спокойней,— прервала овладевшая собой Фигнер.

— Да, да, Верочка. Я хочу лишь добавить, что новый царь может поехать по Малой Садовой и тогда мы пустим в ход мину.

— А про мину знал Рысаков? — прервал Суханов.

— Боже мой, вот беда, — смешалась Перовская. — Он, безусловно, знал, что будет взрыв на Малой Садовой, но не мог знать дома, где велся подкоп. Все же мы должны немедленно предупредить Богдановича и Якимову. Боюсь, как бы уже не было поздно.

Вера Фигнер накинула лежавшую на диване шаль.

— Друзья, я иду, чтоб предупредить их. Если через час не вернусь,— значит, схватили... Будьте благоразумны и дружны. Прощайте!..

4

На другой день газеты сообщили о разгроме полицией тайной квартиры на Тележной, о самоубийстве Саблина, об аресте Гельфман и Тимофея Михайлова.

Указывалось, что на квартире найдены готовые метательные снаряды, динамит и открыта подпольная лаборатория...

Акции Лорис-Меликова сразу поднялись. Даже граф Валуев, не любивший «ближнего боярина» Александра II и считавший его «выскочкой», на докладе у нового царя принужден был отозваться о нем с похвалой.

Лорис торжествовал победу и хотел всячески затянуть следствие по делу «1 марта», чтоб успеть изловить остальных «злоумышленников» и тем упрочить свое положение при новом дворе...

Шумиха в газетах по поводу открытия полицией тайной квартиры и подпольной лаборатории террористов, казалось бы, должна была обрадовать обер-прокурора синода Победоносцева, который так беспокоился о безопасности царя, но, просмотрев утренние газеты, Победоносцев даже почувствовал себя плохо.

«Должно быть, опять разыгралась желчь»,— подумал он и, велев подать грелку, прилег у себя в кабинете.

Будучи человеком умным и проницательным, он сразу понял, что эти известия принесут больше вреда, чем пользы. Они могут оказать дурное влияние на государя, а следовательно, и на весь ход истории. «Надо прогнать Лориса. Надо во что бы то ни стало прогнать Лориса»,— решил он и, забыв о своей боли, встал, чтоб немедленно предпринять какие-то меры.

Однако, поразмыслив, Победоносцев решил, что сейчас не время ехать к государю, так как он находится под впечатлением так желательных и так приятных ему известий.

«Я поеду вечером, когда государь отойдет от дел и вернется к себе в Аничков дворец. Правда, он очень устает и может с раздражением отнестись к моему визиту, но я поступлю умнее — я не пойду к нему, а лишь завезу письмо. Письмо он прочтет и, может быть, задумается... А уж я постараюсь ввернуть несколько фраз, которые его умаслят...»

Победоносцев подмигнул сам себе и тут же сел писать письмо.

* * *

«Ваше величество! Простите, что я не могу утерпеть и в эти скорбные часы подхожу к Вам со своим словом: ради бога, в эти первые дни царствования, которые будут

иметь для Вас решительное значение, не упускайте случая заявлять свою решительную волю, прямо от вас исходящую, чтобы все слышали и знали: «Я так хочу» или «Я не хочу и не допущу».

Гнетет меня забота о Вашей безопасности. Никакая предосторожность — не лишняя в эти минуты...

Ваше императорское величество!

Измучила меня тревога. Не знаю ничего, — кого Вы видите, с кем Вы говорите, кого слушаете и какое решение у Вас на мысли... И я решаюсь опять писать, потому что час страшный и время не терпит. Или сейчас спасать Россию и себя, или никогда.

Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, — о, ради бога, не верьте, Ваше величество, не слушайте! то будет гибель, гибель России и Ваша. Безопасность Ваша этим не оградится. Злое семя можно вырвать только борьбой!..

Народ говорит: «Не усмотрели, не открыли». Народ здесь видит измену — другого слова нет. И ни за что не поймет, чтобы можно было оставить теперь прежних людей на местах. И нельзя их оставить, Ваше величество! Простите мне мою правду.

Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Он интриган и еще может играть в двойную игру... Берегитесь, Ваше величество, чтобы он не завладел Вашей волей, и не упускайте времени...

Я бы мог рекомендовать Вам многих верных людей, но об этом в другой раз...

Преданный всей душой Вашему величеству, ваш покорный слуга К. Победоносцев».

Перечитав письмо и запечатав его пятью сургучными печатями, Победоносцев витиевато вывел на конверте:

«Его императорскому величеству государю императору Александру III (в собственные руки)».

Дождавшись того часа, когда Александр III должен был выехать из Зимнего, он приехал в Аничков дворец и подошел к дежурному генерал-адъютанту.

— Государь назначил мне аудиенцию и должен быть здесь с минуты на минуту, но я хвораю и прошу Вас передать вот это письмо лично государю.

— Будет исполнено! — с поклоном сказал генерал.

Победоносцев вышел из дворца и быстро погнал домой. Его поджарый рот язвительно усмехался. «Этот хитрый лис Лорис, очевидно, и Аничков дворец наводнил своими людьми, но до приезда государя остались минуты, и они не успеют прочесть письмо. На этот раз Лорису не удастся меня провести...»

5

Вера Фигнер вернулась минут через сорок.

Перовская, Кибальчич и Суханов, встретив ее в передней, по сияющим глазам поняли, что ей удалось предупредить товарищей.

Почти следом за Фигнер пришел рыжебородый здоровяк Богданович, «содержавший» лавку сыров под фамилией купца Кобозева.

Он неторопливо разделся, расчесал бороду и, войдя в столовую, со всеми поздоровался за руку.

— Где Якимова? Почему она не пришла? — с тревогой спросила Перовская.

— Скоро придет. Нельзя закрывать лавку раньше времени — может показаться подозрительным.

— А если ее схватят?

— Раньше ночи не придут. Мы знаем повадки полиции.

— Как вы можете в такие минуты разговаривать с такой беспечностью?

— Это не беспечность, а степенность,— усмехнулся Богданович,— в нашем деле иначе нельзя. Торговля не любит суетливости...

Скоро пришла и Якимова — розовощекая, в расписном платке.

— Ну, как удалось тебе, Аннушка, выскользнуть? Не было ли хвоста? — с тревогой спросила Перовская.

— Все благополучно. Я заперла лавку изнутри и вышла через двор. На мое счастье, дворник у ворот храпел.

— Друзья, вам необходимо немедленно уехать,— сказал Суханов,— каждый час в лавку может нагрянуть полиция, и тогда станет трудней...

— Раз надо — мы готовы!—спокойно сказал Богданович.

Скоро из своей комнаты вышла Вера Фигнер и положила на стол паспорта и пачку денег.

— Вот, друзья, вам виды на жительство, адреса и деньги. Слава богу, нам шлют пожертвования со всей России, а то бы пришлось туго... Вы, Юрий Николаич, отправитесь в Москву, а ты, Анюта, в Киев. Лучше ехать порознь.

— Спасибо,— сказал Богданович, спокойно беря свой паспорт.

— Попробуйте, друзья, по возможности изменить внешность, костюм — и немедленно в путь,— сказал Суханов.— Из Москвы дайте нам знать.

— Хорошо, я иду в кухню, чтоб смахнуть бороду, — усмехнулся Богданович,— а тебе, Аннушка, хорошо бы наклеить усы.

— Хватит, Юрий Николаич,— остановила Перовская,— как можно шутить в такие минуты?

— Именно сейчас нам и нужен юмор, чтоб взбодриться, — подмигнул Богданович и пошел в кухню...

Скоро, гладко выбритый, облаченный в темный сюртук, он вошел в комнату и учтиво поклонился:

— Ну-с, господа, узнаете вы бывшего торговца сырами?

— Нет, нет, совершенно другой человек! — удивленно воскликнула Фигнер.

— Надеюсь, что и жандармы подумают то же...

Он взглянул на часы и начал прощаться.

Часа через два с ночным поездом Фигнер и Исаев проводили Якимову. Кибальчич на этот раз остался ночевать на тайной квартире Исполнительного комитета.

Утром дворник дома Менгдена, черноусый татарин Ахмет, в белом фартуке и при бляхе обходил с метлой свои владения. Было уже светло: из булочной и мясной лавки шли кухарки с корзинками.

— Эй, Ахмет, а чего же лавка Кобозевых закрыта? — крикнула одна из кухарок.

— Почем моя знает? — отозвался Ахмет и пошел во двор, постучал хозяевам.

Ответа не было.

«Ай — дело хана. Надо бежать в околоток»,— подумал он и, воткнув метлу в сугроб, пошел в полицию...

Пристав, его помощник и трое городовых прикатили на лошади, сломали замок и в кладовой лавки обнаружили подкоп. Пристав приказал оцепить дом и дал знать в департамент полиции. Нагрянуло высшее начальство,

вызвали специалистов из Гальванической роты гарнизона и саперов — начались раскопки...

Утром все газеты вышли с сенсационными заголовками: «Полиция предупредила новый адский умысел», «На Малой Садовой открыт подкоп, где была заложена мощная мина...»

6

Перовской друзья не говорили о заявлении Желябова прокурору Судебной палаты с просьбой приобщить его к делу «1 марта». Каждый понимал, что Желябов, сделав такое заявление, подписал себе смертный приговор. Известие это могло сломить Перовскую, которая была теперь одним из самых деятельных и влиятельных членов Исполнительного комитета. Друзья хотели постепенно подготовить ее и не мешали ей вынашивать план нового покушения.

Но после открытия мины на Малой Садовой перепуганный Александр III переехал в Зимний дворец и окопался там в буквальном смысле. Вокруг дворца были прорыты траншеи и выставлены войска. Вопрос о новом покушении на царя отпал сам собой...

В пятницу вечером через третьих и четвертых лиц Исполнительному комитету стало известно, что участников покушения 1 марта решено судить Особым присутствием сената и что перед судом предстанут: Рысаков, Михайлов, Гельфман и, как главный обвиняемый,— Желябов. Это известие должно было не сегодня-завтра появиться в газетах, и потому друзья решили сказать о нем Перовской. Это согласилась тактично сделать Вера Фигнер.

Поздно вечером, когда Софья легла спать, Фигнер тихонько вошла в комнату:

— Соня! Ты плачешь?

— Да, Вера, милая, родная... Мне не нужно ничего говорить, я все знаю.

Фигнер бросилась к ней. Они обнялись и заплакали вместе...

Утром 10 марта в квартире у Вознесенского моста собрались уцелевшие члены Исполнительного комитета, чтобы утвердить письмо новому царю с требованиями партии «Народная воля». Это письмо составлялось уже несколько дней и обсуждалось по частям. Теперь, когда к нему при-

ложили руку главные редакторы «Народной воли» Тихомиров и Михайловский, его следовало окончательно утвердить, отпечатать и переслать в Зимний.

Вера Фигнер, отличавшаяся хорошо поставленным голосом, четко и взволнованно прочла все письмо.

— Хорошо! Отлично! Внушительно! — послышались одобряющие голоса.

— Может быть, излишне деликатно,— сказала Перовская,— ведь мы партия революционеров-террористов... Как там начало? Прочти еще, Верочка.

— «Ваше величество! — начала Фигнер.— Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящие минуты, Исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать собой и своими чувствами и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями».

— Нет, хорошо, друзья. Право, хорошо! — воскликнула Перовская.— Это в пику тем, кто считает нас злодеями. Пусть так! Ведь это письмо обойдет весь мир.

— Надо оставить так, хотя новый монарх в силу своей тупости и не сумеет оценить наше благородство,— заметил Суханов.

— Но, друзья! Я все же прошу еще раз перечесть самые главные места,— попросила Перовская.

— Хорошо! — сказала Фигнер и продолжила чтение: — «Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной».

— Это хорошо! — выкрикнул Исаев.

— «Правительство, конечно, может еще переловить и перевешать многое множество отдельных личностей ...но весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредством репрессий...

...Революционная организация на место истребленных будет выдвигать все более и более совершенные фор-

мы... Страшный взрыв... революционное потрясение всей России завершат этот процесс разрушения старого порядка...

Русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе.

Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу.

Мы не ставим вам условий. Пусть не шокирует вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Этих условий... два:

1. Общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга.

2. Созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями. Перед вами два пути. От вас зависит выбор...»

Фигнер продолжала читать, а Перовская, забившись в угол, думала о чем-то своем...

Когда чтение закончилось, все проголосовали за письмо и стали расходиться.

Перовская молча пожимала руки друзьям и продолжала думать не о письме, а о том, что в эти минуты наполняло ее сердце,— о Желябове. «О, если бы Андрей был на свободе, нам бы не пришлось писать это унизительное письмо...»

— Сонечка! Что с тобой? Ты опять загрустила,— обняла ее Фигнер.

— Нет, ничего, Веруша... Просто я не верю, что это письмо может образумить царя.

— Почему, милая?

— А вот прочти.

Фигнер развернула газету:

— Ты имеешь в виду циркулярную депешу Гирса?

— Да. Товарищ министра иностранных дел уверяет дипломатов, что намерения Александра Третьего сводятся к тому, чтобы продолжать миролюбивую политику своего отца. Нам-то очень хорошо известна эта «миролюбивая» политика.

— Тут, Сонечка, речь идет о международных делах.

— Нет, Верочка, нет! Мы не должны себя обманывать... Царь — всегда царь!..

Перовская прошла к себе в комнату и прилегла на кровать.

«Исаев говорил, что Андрея возят на допрос на Пантелеймоновскую в департамент полиции. Я должна проследить. Может быть, нам удастся напасть на конвойных и освободить Андрея. Надо все силы употребить на это. Да, иначе нельзя! Или я вырву Андрея из когтей смерти, или разделю его участь...»

Дождавшись когда все разошлись, Перовская оделась, тихонько вышла из квартиры и больше уже не вернулась...

7

В голом мрачном кабинете следственной тюрьмы с решетчатыми окнами сидели двое: щеголеватый, надушенный прокурор Добржинский и мешковатый арестант в тюремном халате.

— Ну, Иван Окладский, выбирай: или сгноим на каторге, или даруем свободу и жизнь.

— Какая это жизнь, ваше благородие... Если опознают — сразу же убьют.

— Поедешь в другой город, будешь получать большое жалованье... Ты пойми, гусь свинье не товарищ. Ведь все эти торрористы презирают тебя. Они господа, а ты... ты же рабочий... ты же холоп перед ними.

— Так-то так, но все же...

— Сидишь ты больше года, а передали тебе хоть одну передачу или деньги?

— Так ведь в тюрьму запрещено, а там, на каторге, я их боялся...

— Ага, боялся,— злорадно заключил прокурор.— Теперь только мы можем тебя спасти и оградить. Ты много лишнего выболтал, Окладский. Если попадешь с террористами в одно место —убьют.

— Что же теперь делать? Вы же обещали заступничество.

— Мы, Окладский, свое слово держим. За этим и вызвали тебя. Будешь честно служить?

— Мне уж ничего другого не остается. Только отправьте в другой город.

— Пока ты нужен именно здесь, в столице. Мы загримируем тебя и выпустим в город.

Окладский нервно заерзал на стуле.

— Не бойся. Тебя будут охранять наши люди. Оправдаешь доверие, тогда выпустим совсем и переведем в другой город на хорошее жалованье,— заживешь барином.

Окладский втянул голову в плечи. Раньше на следствии он по неопытности выболтал лишнее, а теперь предстояло стать настоящим предателем...

— Ну, Окладский, я жду. Счастье само идет тебе в руки. Ведь у нас работают тысячи людей, и никто не считает себя предателем. Это, брат, служба. Да еще служба государю. Соображаешь?

— Не знаю... не получится у меня.

— Уже получилось, Окладский. Ты выдал и помог опознать самых важных преступников... Ну, быстрее или отправлю к ним — и тебя задушат, как кролика. Ну!

— Раз другого выхода нет...

— Вот, подпиши эту бумажку... вот здесь.

Окладский дрожащей рукой поставил подпись.

— Все! Теперь ты наш! — потирая руки, сказал прокурор.— Будешь работать хорошо — озолотим! Но предупреждаю: если начнешь финтить — во! — и Добржинский резко провел большим пальцем по шее.— Понял? Повесим без суда и следствия.

— Ладно, приказывайте, ваше благородие,— прохрипел Окладский,— раз я решился — буду служить царю...

Одиннадцатого марта Кибальчич весь день и вечер просидел дома, готовя статью для очередного номера «Народной воли». Статья не получалась, так как нервы были напряжены. Кибальчич просидел до двух часов ночи и лег спать, не закончив работы...

Утром он проснулся поздно, и когда вышел на улицу, газеты уже были проданы. «Ах, жалко... Зайду к парикмахеру,— подумал он,— там посмотрю газеты, а заодно и постригусь».

В парикмахерской был лишь один усатый клиент, да и тот сидел намыленный перед зеркалом.

— Здравствуйте! Можно постричься?

— Милости просим! Раздевайтесь, пожалуйста,— приветствовал хозяин.— Эй, Яша, мигом обслужи гостя.

Яша, розовощекий толстяк в белом халате, тотчас бросился к Кибальчичу, усадил его в кресло, прикрыл белым, стал постригать.

— Ну-с, какие же новости в мире, Поликарп Поликарпович? — бойко спросил хозяин, намыливая щеки усатому клиенту.

— Как какие? Разве вы не знаете? Да ведь сегодня только о том и разговор — полиция схватила главную заговорщицу и организатора убийства государя Софью Перовскую.

— Скажите! Женщина — заговорщица.

— Главнеющая! — назидательно поднял палец усатый господин.

У Кибальчича на лбу выступил холодный пот. Хотелось вскочить и выбежать вон, но сдержался. «Может быть, усатый — шпион... Или вдруг скажет еще что-нибудь важное...»

— И главное, как сцапали: на Невском, среди бела дня! Ее опознала хозяйка молочной лавки, ездившая на извозчике с переодетым городовым. Как узнали, тут и схватили голубушку.

— Что, она из курсисток? Синий чулок? — спросил парикмахер.

— Какое! Из знатных дворян! Дочка петербургского губернатора графа Перовского.

— Это — птичка-с! — присвистнул парикмахер.

— Да, и одна из главных цареубийц,— продолжал усач,— руководила бомбометателями.

— Гото-во-с! — пропел, осклабившись, Яша.— Бородку тоже подстричь?

— Нет, благодарю вас! — Кибальчич бросил на столик полтинник и вышел не попрощавшись... В висках стучало: «Софья... Какое несчастье...»

Он шел, ничего не видя, натыкаясь на людей, пока не был остановлен городовым.

— Господин, если выпили, нечего шататься в толпе.

Увидев медные пуговицы, Кибальчич сразу пришел в себя и, повернувшись, побрел домой...

Вечером у него поднялась температура, он слег и пролежал целых пять дней. Хорошо, что приходили Фроленко и Ивановская. Они ухаживали, приносили из кухмистерской еду...

Семнадцатого марта был теплый солнечный день. Кибальчич проснулся бодрый, полный сил и, позавтракав

дома, решил пройтись, подышать свежим воздухом. Он обмотал горло теплым шарфом и, нахлобучив серую барашковую шапку, вышел на Лиговку.

После пятидневного затворничества дышалось легко, привольно, и мир не казался таким мрачным, как в тот день, когда он узнал об аресте Перовской. Дойдя до Невского, Кибальчич повернулся и пошел обратно. Ему показалось, что кто-то за ним следит, настойчиво идет сзади, сверлит взглядом. Он прислушался, не сбавляя шага.

— Этот? — долетел до его уха хриплый шепот.

— Он! — подтвердили в ответ.

Кибальчича это «он» обдало могильным холодом. Он ускорил шаги, но за ним ходко шли несколько ног... «Вот извозчик»,— подумал он и хотел броситься на мостовую, но с двух сторон его крепко схватили за руки.

— Во двор! Тащите во двор! — прохрипел грубый голос.

Кибальчичу надвинули на глаза шапку, зажали рот и, грубо свалив на снег, стали вязать...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

После 1 марта, после того незабываемого похода вместе с Лизой на Екатерининский канал, где продавали обрывки шинели убитого царя, в Сергее Стрешневе боролись два чувства: чувство гордости и чувство страха.

Ему было радостно и лестно сознавать, что он участвовал в тайных собраниях, выступал в рабочих кружках, хранил и распространял нелегальные листовки, был другом Кибальчича и по заданию самого Желябова следил за царскими выездами. Он гордился, что спас жизнь одного видного революционера и был причастен к партии «Народная воля», которая казнила царя-изверга.

В его сердце не было жалости к казненному царю, как год назад, после неудачного взрыва в Зимнем. Сейчас он не спрашивал себя: «Зачем убивать государя?» Перед ним не вставал вопрос: правильно ли поступили народовольцы, казнив Александра II. Он воспринимал это как закономер-

ность и неизбежность истории. Но его мучило другое: что теперь будет? Что будет с народом, со страной и с теми людьми, которые томятся в крепости. Победят ли прогрессивные силы? Произойдет ли перелом в государственном правлении, будет ли всеобщая амнистия политическим, или опять начнутся казни?

Его страшила победа реакции — новый произвол и расправы. «Ведь если начнут доискиваться, могут добраться и до меня и до Лизы,— думал он. — Тогда тюрьма, каторга и лишь в лучшем случае — ссылка...»

А Сергей Стрешнев только в минуты высокого порыва был способен на подвиг, потом он быстро остывал и даже пугался того, что мог совершить... Он был правдивым и честным человеком, не отличался трусостью, но сердечная доброта, мягкость и даже некоторая сентиментальность в характере делали его неспособным к последовательной борьбе. И после 1 марта, когда начались массовые облавы и аресты, Стрешнев перестал бывать на сходках, прекратил встречи со знакомыми пропагандистами и даже старался не показываться на улицах. «Сейчас такое время, что можно пропасть ни за грош. Надо отсидеться некоторое время, а потом будет видно...»

Он бывал лишь в гимназии да у Лизы, которая последнее время стала к нему относиться нежней и доверчивей.

По субботам Стрешнев обычно обедал у Осокиных. 21 марта он прямо из гимназии поехал в Косой переулок и, раздевшись, сразу пошел в комнату Лизы.

На стук Лиза отозвалась сдавленным, не своим голосом. Стрешнев, открыв дверь, остолбенел. Лиза ничком лежала на кровати и, обхватив подушку, рыдала.

— Лизок! Милая, что с тобой? Что случилось?

— Это ужасно! Это непоправимо! — прошептала Лиза и опять заплакала навзрыд.

Стрешнев поднял лежавшую на коврике газету, и глаза его сразу нашли «Хронику»:

«На днях арестован важный государственный преступник, сын священника Николай Кибальчич, который был главным техником у террористов и изобретателем адских снарядов, одним из коих был смертельно ранен покойный государь-император».

Газета задрожала и выпала из рук Стрешнева. Он опустился на стул и, уткнув голову в ладони, глухо заплакал...

2

Связанного, с кляпом во рту Кибальчича на извозчике доставили в секретное отделение градоначальства, где он был опознан Окладским и Рысаковым, как техник «Народной воли». Кибальчич понял, что запирательство ни к чему не приведет, а лишь может затянуть дело. Он назвал свою подлинную фамилию и просил, чтоб его судили вместе с другими «первомартовцами».

— Это едва ли возможно,— сухо сказал следователь.— Суд над преступниками, привлекающимися по делу об убийстве государя, начнется двадцать шестого марта, а вам по закону предоставляется семидневный срок для ознакомления с обвинительным актом.

— Я отказываюсь от этого срока. Я хочу, чтоб меня судили вместе с моими товарищами.

— Но на этом может настаивать ваш защитник.

— Тогда я вынужден буду отказаться от защитника,— решительно заявил Кибальчич.

Следователь был весьма рад такому обороту дела: это позволяло ему быстро закончить следствие и выслужиться.

— Если вы обещаете чистосердечное признание, я немедленно доложу по начальству о вашей просьбе.

— Докладывайте! — твердо сказал Кибальчич.— Я готов признаться в том, что изобрел бомбы и принимал техническое участие во всех покушениях па царя...

Еще там, на Лиговке, когда его схватили, Кибальчич понял, что это конец, и теперь старался быстрее освободиться от тягостей следствия, чтоб выиграть драгоценное время для главного — воплощения в проект своей давнишней мечты о летательном аппарате.

Двадцатого марта он дал последние показания по делу, и двадцать второго ночью его тайно перевезли в другую тюрьму.

Войдя в мрачную, зеленоватую от плесени камеру с крохотным решетчатым окошком под сводчатым потолком, Кибальчич остановился, прислушался. Где-то тут, рядом, содержались его друзья: Желябов, Перовская, Александр и Тимофей Михайловы, Гельфман. Но, кроме железного скрежета засовов и щелканья замка, он ничего не услышал. Тишина, гнетущая черная тишина обитала в этой темнице. Кибальчич подошел к окну и увидел кусочек мутно-синего, ночного неба с далекими звездами. Они

мерцали холодным неземным светом, словно светили из потустороннего мира. По спине пробежала нервная дрожь.

«Хоть с кем-нибудь бы поговорить, перекинуться живым словом». Но — увы — кроме безмолвного надзирателя, в коридоре никого не было.

«Закричать! Может, услышат свои? Нет, бесполезно... Эти глыбы стен не пропускают ни единого звука...»

Хотелось забыться во сне, но Кибальчич по следственной тюрьме знал, что не уснет. Он стал ходить по камере. От лампы, вделанной в стену над дверью, падали на пол и другие стены уродливые угловатые тени. Они своими дикими очертаниями мешали сосредоточиться. Кибальчич опять подошел к окну и стал смотреть в звездную бездну.

Ему вдруг вспомнились стихи Морозова, которые он слышал на новогодней вечеринке. Бедный поэт сейчас томился где-то в Петропавловской крепости. Кибальчич знал, что месяца за два до взрыва на Екатерининском канале он переходил границу и был схвачен. Вера Фигнер, в которую Морозов был влюблен, ходила к нему на свидание под видом сестры.

«Удивительно, какая отважная женщина,— подумал Кибальчич,— ведь ее могли схватить и посадить в ту же крепость. И не только посадить, а может быть, и повесить. Но она не побоялась... А Софья Перовская? Мне кажется, она осмысленно пошла на Невский, где всего легче было ее поймать. Она решилась умереть вместе с Андреем. Какие женщины были нашими подругами! О, о них будут помнить в веках...»

Кибальчич смотрел на небо, и видения прошлого роились в его голове. Вспомнилась Лиза... последнее свидание на скамейке в саду у Адмиралтейства.

«Где-то она сейчас, эта чудесная девушка? Наверное, уже узнала обо мне и горюет... Как хорошо, что я не связал с нею свою судьбу... О, она поступила бы точно так же, как Фигнер. Она бы пошла на свидание, даже если б это грозило ей гибелью. Славная! Милая! Она и сейчас, очевидно, любит меня...»

Кибальчич встряхнулся и взглянул на далекие звезды.

«Да, стихи... Как это... Кажется, так:

И новою жизнью одеты,
Как прежде, одна за другой
Несутся и мчатся планеты
Предвечной стезей мировой...

И полные к свету влеченья,
Стремясь неотступно вперед,
Свершают на них поколенья,
Как волны, торжественный ход.

А ведь там, на этих звездах, может быть, тоже живут люди. Возможно, так же любят, страдают, борются... и даже сидят в тюрьмах...

Но хочется верить, что звездные люди в своем развитии намного опередили нас, жителей земли... Возможно, что на ближайших планетах, скажем — на Марсе, уже давно уничтожены рабство, деспотизм и разрушены все тюрьмы... О, как были бы счастливы люди земли, если б им удалось взлететь в звездную высь и побывать на соседних планетах!.. Но разве это возможно? Ведь, кроме жалкого воздушного шара, человечество ничем не располагает... Видимо, только люди, обреченные на смерть, могут так горячо мечтать о полете в другие миры. А как это было бы чудесно!»

Кибальчич раскинул руки, словно готовился взлететь в небо. В это мгновение он был во власти мечты. Его глаза горели огнем вдохновения.

«А что, если задуманный мной аппарат приспособить для этой цели? Ведь он мог бы лететь и в безвоздушном пространстве! Сила реакции, безусловно, способна действовать и там, в безвоздушном пространстве. Идея! Право, идея!..» — Кибальчич возбужденно заходил по камере.

«Жаль, нет ни бумаги, ни чернил, и даже обломка карандаша сейчас не допросишься... Что же делать?

Когда я был свободен, у меня недоставало времени, чтоб думать над проектом. Я всегда оказывался занят. А потом, когда свершилось то, о чем мы мечтали и к чему готовились целых два года, нашло какое-то оцепенение. Я ходил словно лунатик. Все мы чего-то ждали, на что-то надеялись. В эти дни невозможно было думать о том, что не относилось к партии, к нашей борьбе.

Лишь только во время болезни я опять стал размышлять о проекте и, кажется, совсем осмыслил свою идею, но воплотить ее в чертежи у меня не было сил. А сейчас напротив! Сейчас у меня еще есть силы и нет никаких дел. Сейчас я в тюрьме, но я свободен мыслями. Я на краю могилы, но я еще жив и могу творить!»

И Кибальчич вдруг с удивительной ясностью увидел свой замысел, воплощенный в макет. То, что осмысливалось годами и представлялось в виде догадок и предпо-

ложений, вдруг обрело форму, предстало зримо, осязаемо.

«Где бы взять карандаш, гвоздик, что-нибудь острое?»

Кибальчич опустился на колено и стал ощупывать каменные плиты пола, ища, не запала ли в щель какая-нибудь железка или обломок стекла. Руки нащупали выбоину и в ней каменные крошки. Выбрав маленький острый щебень, Кибальчич поднялся и подошел к стене.

«Стрела-ракета, которую мы запускали с Желябовым, была сделана из обычной трубки, потому и взлетела невысоко. Цилиндру же нужно придать особую форму. Он должен походить на пулю, только следует сузить нижнюю часть, чтоб ограничить выход газов».

Кибальчич поудобней зажал в пальцах щебень и, делая размашистые движения, стал чертить на оштукатуренной стене схему летательного спаряда.

Надзиратель, наблюдавший за пим в волчок, подумал: «Должно, совсем рехнулся малый. То бегал, как ошпаренный, то на стену собирается лезть...»

А Кибальчич, начертив схему и обозначив детали буквами, в изнеможении лег на железную кровать и тут же уснул.

3

Проснулся Кибальчич от знобящего холода, увидел окованную железом дверь, а в волчке круглый глаз надзирателя — и вмиг вспомнил и представил ужас и безысходность своего положения.

По телу пробежала дрожь, дробно застучали зубы. Он натянул на себя грубое одеяло из солдатского сукна. Но вдруг он сообразил, что через два дня суд, и это заставило его подняться. Кибальчич стал ходить по камере, взмахивая руками, согреваясь и разминаясь.

Заскрежетали запоры. Двое тюремщиков принесли умыться и поставили на прикованный к стене стол скудную еду.

Поев и выпив кружку горячего чая, Кибальчич согрелся и подошел к стене, где вчера делал чертеж. На серой, грубой штукатурке почти нельзя было рассмотреть вчерашние царапины. Кибальчич подошел к двери и застучал кулаком.

— Что надо? —грубо спросил надзиратель.

— Принесите бумаги и чернил, я должен написать письмо начальству.

— Не велено! — пробасил надзиратель.

Кибальчич снова застучал:

— Скажите смотрителю, что я требую, что мне необходимо написать...

— Вот ужо смотритель сам будет делать обход — ему и скажете.

Кибальчич понял бесполезность своих усилий и снова стал ходить, стараясь мысленно нарисовать и лишний раз обдумать представившееся ему вчера устройство летательного аппарата.

Часов в одиннадцать из коридора послышался топот сапог и грубые голоса. Тяжелая дверь камеры распахнулась — вошел тучный, угрюмый человек с седыми нависающими бровями, в синей жандармской шинели. Его окружали дюжие тюремщики.

— На что жалуетесь? — громко, по-казенному спросил он.

«Очевидно, сам смотритель»,— догадался Кибальчич и сразу решил, что этому грубому жандарму о проекте говорить бессмысленно.

— Жалоб нет, но я хочу сделать важное заявление начальству и для этого прошу бумагу и чернил.

— Разрешаю! — сказал смотритель и, резко повернувшись, вышел.

Когда голоса и шаги стихли, коридорный принес два листа бумаги и чернила. Кибальчич присел к столу и стал быстро писать, стараясь вначале набросать главные мысли... В этот день его не беспокоили, и работа шла хорошо.

После обеда оба листка бумаги были исписаны, и Кибальчич опять застучал в дверь, требуя бумаги.

— Больше не велено! — отвечал надзиратель.

— Да как же так, мне же не хватило.

— Не могу знать! — отозвался надзиратель и отошел от волчка.

Кибальчич сел на кровать к столу и стал перечитывать написанное. Он был так поглощен своими мыслями, что не услышал, как открылась дверь и в камеру вошел плотный господин с седеющей бородкой.

Штатский сюртук, большие умные глаза и учтивость, с которой он поздоровался, сказали Кибальчичу, что это не следователь и не прокурор.

— Чем могу служить? — спросил Кибальчич, вставая.

— Присяжный поверенный Герард,— отрекомендовался вошедший.— Я назначен вашим защитником по делу и пришел познакомиться и поговорить.

— Очень рад! Присаживайтесь.

Надзиратель подал табуретку. Герард присел.

— Простите, вы пишете какое-то прошение, Николай Иванович?

— Нет, не прошение, а проект летательного аппарата, на котором люди смогут подниматься в облака и даже еще выше.

— Простите, Николай Иванович, я не искушен в подобных делах, это что-нибудь вроде воздушного шара Монгольфье?

— Нет, нет, ничего похожего. Воздушный шар Монгольфье наполнялся нагретым воздухом, и он был легче обычного воздуха. А мой воздухоплавательный аппарат должен быть намного тяжелее воздуха, он весь из металла.

— Скажите! — удивился Герард,— я не слыхал ничего подобного... И в каком же положении ваш проект?

— Он окончательно продуман. Я должен только его описать, сделать необходимые вычисления и чертежи, но мне не дают бумаги.

— Что за чепуха? Тюремное начальство, видимо, не знает о ваших замыслах. Я все улажу, Николай Иванович. Но мне бы хотелось поговорить с вами по делу.

— Если можно — потом. Главное дело всей моей жизни, вернее, нескольких оставшихся дней — завершить этот проект. Если можете — помогите! — и тогда я к вашим услугам.

— Непременно, непременно, Николай Иванович, я сейчас же похлопочу. Желаю вам большого успеха.

Герард поклонился и вышел. Вскоре принесли две дести бумаги, и обрадованный Кибальчич, накинув поверх халата одеяло, склонился над столом...

4

Проект вчерне был написан далеко за полночь, и Кибальчич немедленно лег спать. Ему хотелось встать пораньше, чтобы просмотреть и перебелить написанное до прихода Герарда.

Уснул он довольно быстро, продолжая думать о своем воздухоплавательном аппарате, и ему приснился странный сон. Будто бы он с Исаевым после работы в динамитной мастерской пил чай в кухмистерской. Было поздно, и они вдвоем сидели за большим столом, где стоял огромный медный самовар.

— Ну, как идет работа над летательным аппаратом?— спросил Исаев.

— Очень медленно... не хватает времени. Вот сделал запальные свечи из прессованного пороха, а цилиндра еще нет.

Исаев достал из корзинки, стоявшей рядом, черную, похожую на полено пороховую свечу и усмехнулся:

— Как же ты говоришь, Николай, что нет цилиндра, а это разве не цилиндр? — и он кивнул на самовар.

— Да, похоже, однако...

Но Исаев прыгнул на стул, сунул свечу в трубу самовара и поджег. Из трубы ударило пламя, самовар сорвался со стола и, пробив потолок, устремился в небо...

Кибальчич проснулся в холодном поту, весь дрожа: «Проклятье! Может же такое присниться...»

Он встал, оделся и сел за бумаги.

«А между прочим, этот приснившийся мне трехведерный самовар, если б его немного переделать, вполне бы годился для опытного образца. Впрочем, нет, он бы быстро расплавился — тут нужна очень прочная сталь. А по форме — похоже, очень похоже...»

Перечитав написанное вчера, Кибальчич решил начать описание проекта с краткого вступления, которое бы относилось не только к тюремному начальству или правительству, но и ко всему народу и, может быть, к потомкам. «Идея моя верна, даже многообещающа, и перед лицом смерти я имею моральное право обратиться к тем, от кого отгорожен каменными стенами и железными засовами».

Он посидел несколько минут в раздумье и мелкой вязью начал писать:

«Находясь в заключении, за несколько дней до смерти я пишу этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении.

Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными специалистами будет признана исполнимой, то я

буду счастлив тем, что окажу громадную услугу Родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью».

Написав это, он встал, прошелся несколько раз из угла в угол и опять взялся за перо.

Несколько смягчив резкую критику несостоятельных опытов доктора Арендта поднять в воздух аппарат с помощью мускульной силы, он показал невозможность взлета на крыльях тяжелой паровой машины и громоздких электродвигателей.

«Какая же сила применима к воздухоплаванью? — поставил Кибальчич вопрос и тут же ответил: — Такой силой, по-моему, являются медленно горящие взрывчатые вещества».

Далее Кибальчич описал предлагаемый им снаряд, снабдив его схематическим чертежом.

На платформе, где должны были помещаться воздухоплаватели, на прочных опорах укреплялся большой цилиндр с суженным отверстием в нижней части. В цилиндре должна устанавливаться прессованная пороховая свеча. От ее горения газы, скопившиеся в цилиндре, с силой должны вырываться в нижнее отверстие и, оказывая давление на верхнее дно цилиндра, поднимать всю установку вместе с воздухоплавателями.

Для остановки аппарата в полете и снижения его должны применяться свечи меньшего диаметра, которые заменялись бы автоматически.

Для придания прибору большей устойчивости и маневренности Кибальчич предлагал снабдить его регуляторами вроде крыльев и небольшим горизонтально установленным реактивным цилиндром.

Сделав описание, чертеж и необходимые расчеты, Кибальчич добавил:

«Не один прессованный порох может служить этой цели. Существует много медленно горящих взрывчатых веществ. Может быть, какой-нибудь из этих составов окажется удобнее прессованного пороха...

Верна или неверна моя идея, может решить окончательно лишь опыт... Первоначальные опыты с небольшими цилиндрами могут быть проведены даже в комнате. Насколько мне известно, моя идея еще не была предложена никем.

Я умоляю ученых, которые будут рассматривать мой проект, отнестись к нему как можно серьезнее и добросовестнее и дать мне на него ответ как можно скорее».

Поставив свою подпись, Кибальчич поднялся бледный, истомленный, словно только что взошел на вершину снежной горы. Но глаза его горели, в них светилась надежда. Это сразу же заметил, войдя в камеру, защитник Герард.

— Вижу, вы кончили свою работу?

— Да, вот он, мой проект!

Герард взял листы исписанной бумаги, посмотрел на чертежи и перевел взгляд на Кибальчича.

— Я восхищен вашим мужеством, Николай Иванович. Немало мне приходилось видеть разных людей перед казнью, но подобного не доводилось. Я буду бороться за вашу жизнь.

— Спасибо! Но главное — проект!

— Понимаю,— с поклоном ответил Герард.— Я ухожу, чтоб сейчас же передать его по начальству.

5

Суд над «первомартовцами», которого с таким нетерпением и тревогой ждало восьмисоттысячное население Санкт-Петербуга, начался 26 марта, ровно в 11 часов. Вместительный судебный зал с высокими окнами и массивной тяжелой мебелью еще за час до начала огласился возбужденными голосами, шуршанием шелковых юбок, позвякиванием шпор. Министры и высшие сановники с женами, посланники и военные атташе, редакторы и корреспонденты самых влиятельных газет Петербурга, Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Берлина, знаменитые адвокаты, писатели, художники, врачи, военные заполнили все проходы. Сотни глаз нетерпеливо и жадно смотрели на высокий помост, где стояли судейские кресла с двуглавыми орлами, а за барьером — тяжелые скамьи подсудимых. Здесь должна была разыграться самая сенсационная трагедия века. Слова «террористы», «нигилисты», «анархисты», «цареубийцы» и просто «злодеи» порхали по всему залу.

Молодцеватый пристав с пышными усами, поднявшись на возвышение, громко выкрикнул:

— Приглашаю встать! Суд идет!

Шестеро сенаторов в парадных мундирах и сословные представители расселись за большим столом, где в золоченой раме висел спешно написанный портрет нового самодержца.

Первоприсутствующий сенатор Фукс — худенький, облысевший старик с козлиной бородкой, поднялся и слегка дребезжащим голосом объявил, что Особое присутствие правительствующего сената начинает слушание дела о государственном преступлении 1 марта. Он назвал состав суда, прокурора, защитников и объявил, что подсудимый Желябов от защитника отказался.

Когда боковая дверь распахнулась и жандармы в железных касках с пикообразными шпилями и с шашками наголо ввели подсудимых,— все замерли. Вид «злодеев» удивил собравшихся, в публике послышался шепот.

Но первоприсутствующий предоставил слово обер-секретарю, и тот, чеканя каждое слово, огласил высочайшее повеление слушать настоящее дело в Особом присутствии правительствующего сената. Затем начался краткий опрос подсудимых.

Когда очередь дошла до Желябова, он с достоинством поднялся и громко сказал:

— Я получил документ...

— Прежде назовите суду ваше звание, имя и фамилию.

— Крестьянин села Николаевки, Таврической губернии, Андрей Иванов Желябов.— И, повысив голос: — Я получил документ, относящийся к этому делу. Я сомневаюсь в его подлинности, так как он без нумера и вручен мне за двадцать минут до суда. А между тем этот документ отвечает на заявление, имеющее крайне важное значение для дела.

В зале воцарилось молчание, женщины направили на Желябова лорнеты. Послышался шепот, удивленные вздохи.

А он, откинув назад густые, волнистые волосы, говорил спокойно, уверенно:

— Двадцать пятого числа я подал из крепости заявление, в котором указывал, что наше дело не подсудно Особому присутствию сената. Русская социально-революционная партия боролась с правительством, и Особое присутствие сената, состоящее из правительственных чи-

новников, не может рассматривать это дело, как сторона заинтересованная. Я требовал и требую народного суда, а если это невозможно — суда присяжных!

— Смотрите каков! — негромко сказала дама в мехах, сидящая рядом со стариком принцем Ольденбургским.— Он хочет, чтоб их оправдали, как Веру Засулич.

— Да-с, не глуп, не глуп,— прошамкал принц.— Однако как же вывернутся судьи?

Но у судей, на целый час задержавших заседание, уже было готово Определение Особого присутствия сената со ссылкой на высочайшее повеление. Обер-секретарь тотчас огласил его.

Желябов припужден был сесть, но он добился своего: зал был наэлектризован. Иностранные корреспонденты быстро записывали происходящее, все лорнеты и взоры были устремлены на Желябова. Даже сидящий в стороне на маленьком стульчике художник Константин Маковский, напряженно водя карандашом, пытался схватить его неуловимые черты.

— Да-с, а дело-то обещает быть скандальным,— шепнул сенатор Пухов присяжному поверенному Верховскому.— Смотрите, какую шпильку подпустил Желябов присутствию.

— Вот потому-то я и отказался от участия в деле,— сказал Верховский.— Тут не может быть объективности... А за судом следит весь мир...

— Тише, тише, кажется, начинается главное.

По приказанию первоприсутствующего поднялся обер-секретарь и стал читать обвинительный акт. Зал притих — всем хотелось знать подробности столь нашумевшего дела.

Обвинительный акт был написан сухим казенным языком, но в нем довольно последовательно и подробно излагались факты подпольной деятельности «тайного сообщества», освещались обстоятельства многих покушений и, наконец, обстоятельно анализировалось последнее из них, приведшее к смерти царя.

И хотя чтение обвинительного акта продолжалось больше двух часов, никто не вышел из зала.

Затем был оглашен дополнительный обвинительный акт о предании суду Кибальчича, и первоприсутствующий Фукс перешел к опросу обвиняемых.

Первым был вызван Рысаков. Он говорил тихо, невнятно, путано. Все почувствовали, что Рысаков был

смущен и растерян своим предательством. Отрицая свою принадлежность к партии «Народная воля», он пытался объяснить участие в терроре случайностью; сваливал вину на Желябова и Перовскую и, в силу сделанных ранее признаний, указывал на Кибальчича, Михайлова, Гельфман.

Его показания и раскаяние не вызвали в зале ни сочувствия, ни сожаления.

Лохматый увалень Михайлов не был смущен сотнями смотрящих на него глаз, грозными генералами и министрами, сидящими в первых рядах. Он говорил просто, но связно. Признав себя членом партии «Народная воля», Михайлов сказал, что он был членом боевой рабочей дружины и боролся за освобождение рабочих, за улучшение их жизни.

— Что же делала ваша дружина? — спросил первоприсутствующий.

— Охраняла сходки и собрания, уничтожала шпионов. А в террористах я не был и участия в покушении на царя не принимал...

— Эти оба — простаки! — опять зашептал старый сенатор в ухо Верховскому.— Они лишь исполнители. Подождем Желябова — тот, наверное, скажет.

— Да, послушаем его и — обедать! — согласился Верховский.

Желябов ждал, что сейчас вызовут его, и уже мысленно подготовил речь, но Фукс, словно догадавшись об этом, объявил Гельфман.

Некрасивая, с крупными чертами и бурыми пятнами на лице, она неловко шагнула к барьеру.

— Боже мой! Рядом с красавцем Желябовым — такая дурнушка! — вздохнула дама за спиной Верховского.

Гельфман почувствовала, что симпатии публики не на ее стороне, и начала сбивчиво, невнятно. В зале задвигались, зашептались. Первоприсутствующий позвонил в колокольчик.

Стало тише. Гельфман овладела собой, заговорила увереннней:

— Я была членом партии «Народная воля» и хозяйкой конспиративной квартиры, но не участвовала в террористической борьбе. Я знаю Рысакова и других, но ни разу не видела на конспиративной квартире Михайлова...

— Ну, видимо, сейчас Желябов,— нагнулся к сенатору Верховский.

— Подсудимый Кибальчич! — объявил Фукс.

Стройный, в темном костюме с белым стоячим воротником, подпиравшим аккуратно постриженную бородку, Кибальчич совсем не походил на арестанта и тем более на «злодея».

Это заметили все.

— Техник! Техник! — стали передавать по рядам.

Кибальчич заговорил ровным, задушевным и мягким, но всюду слышным голосом:

— Я не могу говорить о себе, не касаясь партии «Народная воля», в которой имел честь состоять.— Эти первые слова, сказанные с большим достоинством и убежденностью, заставили всех прислушаться.

Кибальчич, воспользовавшись этим, стал рассказывать о возникновении «Народной воли» и о том, что заставило ее перейти от мирной пропаганды к активной политической борьбе, к террору.

— Я раньше сочувствовал народникам, и если б не арест, очевидно, ушел бы в народ и был бы до сих пор там. Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улучшение способа обработки земли, на создание сельскохозяйственных орудий...

Видя обострение борьбы правительства с партией, видя жестокие меры подавления свободомыслия, я решился стать на защиту партии, предложив для этого свои технические знания. Я перечитал все, что мог достать на русском, французском, немецком, английском языках о взрывчатых веществах, многое узнал и домыслил. Вместе с другими лицами я изготовлял динамит, делал расчеты, изобрел и изготовил метательные снаряды и был не прямым, но косвенным участником всех покушений на царя.

В зале послышались вздохи, шепот.

— Знали ли вы, для какой цели предназначались изготовляемые вами динамит и снаряды? — спросил первоприсутствующий, проникшийся к Кибальчичу уважением и симпатией.

— Да, конечно, это не могло не быть мне известно. Я знал и не мог не знать,— твердо сказал Кибальчич.— Вы видите, я не умаляю своей вины и ничего не пытаюсь скрыть. Я был на опытах по опробованию снарядов, как

утверждал Рысаков, и читал лекции метальщикам, но я считаю нужным заявить здесь, что той личности, которая называется Тимофеем Михайловым, не было ни на опытах, ни на чтении этих лекций. Вообще я его ни разу не видел в квартире Гельфман.

— Вот это фунт! — шепнул сенатор Верховскому,— неужели Рысаков заврался?

— Очень возможно. Кибальчич говорил правдиво и очень умно.

— Вот то-то и оно. Вот когда они начинают себя показывать.

Первоприсутствующий вызвал Перовскую.

Накануне суда Софье Перовской разрешили свидание с матерью. Мать рассказала, что по Петербургу ходят порочащие революционеров слухи: их называют «убийцами», «извергами», «злодеями».

— Очень прошу тебя, Сонечка, хоть внешне предстать прилично. Я привезла тебе твое любимое черное платье и новые брюссельские кружева, их сейчас достать в Петербурге очень трудно, но я все-таки достала. Не отказывай мне хоть в этом.

Софья обещала матери и исполнила свое слово. Она вышла к барьеру изящная, гордая. Черное облегающее платье, отделанное ажурными кружевами, скрадывало бледность ее лица. Пышные волосы, забранные в пучок, делали ее выше ростом, стройней.

Как только Перовская вышла к барьеру, в задних рядах многие поднялись, женщины вооружились лорнетами, по залу пролетел шепот удивления:

— Скажите, правда ли, что она дочь петербургского губернатора?

— Да, да, дочка графа Перовского.

— Невероятно! Дочка самого губернатора — и цареубийца.

— А она недурна-с...

— Но главное — держится как!..

— Да-с, очень мила...

— Не могу поверить, чтоб такая скромная девушка и была замешана...

Первоприсутствующему пришлось позвонить:

— Ввиду вашего признания я приглашаю вас изложить подробнее ваше фактическое участие как во взрыве царского поезда под Москвой, так и в преступлении первого марта.

Перовская подняла голову. В ее миловидном, по-детски округлом лице с ласковыми голубыми глазами появилось выражение непреклонности:

— Я могу только повторить свои ранние показания. Я признаю себя членом партии «Народная воля» и агентом Исполнительного комитета, волю которого выполняла.

В дополнение к словам моего товарища Николая Кибальчича я замечу только одно — партия «Народная воля» отнюдь не считает возможным навязывать какие бы то ни было учреждения или общественные формы народу и обществу и полагает, что народ и общество рано или поздно примут эти взгляды и осуществят их в жизни. Что касается фактической стороны, то я действительно принимала участие в обоих покушениях, и первого марта, заменив арестованного Желябова, руководила метальщиками. А когда узнала, что царь не поехал по Малой Садовой, вывела их на Екатерининский канал, где и было совершено возмездие.

Зал замер. Все, кто с удивлением, кто с восторгом, кто с ненавистью, смотрели на маленькую гордую женщину.

Софья увидела злые глазки прокурора Муравьева. «Он безусловно потребует для меня смертной казни. А ведь когда-то мы вместе играли, резвились...» С презрением посмотрев на надменное лицо прокурора, она заключила:

— Я хочу еще заявить, что Михайлов и Гельфман никакого участия в террористической борьбе не принимали.

Первоприсутствующий понял, что симпатии зала на стороне Перовской и, увидев, что министр юстиции Набоков недовольно хмурится, объявил:

— У суда вопросов больше нет. Садитесь.

Перовская, провожаемая громким шепотом зала, села на свое место.

— Н-да-с, теперь я поверил, что эта женщина могла руководить покушением,— потянулся Верховский к сенатору.— На вид — ребенок, а характер железный!

— Подсудимый Желябов! — выкрикнул первоприсутствующий.

Желябов поднялся прямой и статный, кивком головы откинул с высокого лба длинные, волнистые волосы, решительно шагнул к барьеру. Он видел, как вытянулись шеи сановников, как старики приложили руки к ушам,

чтоб лучше слышать, как замерли дамы, направив на него лорнеты.

— Я признаю себя членом партии «Народная воля» и агентом Исполнительного комитета,— громко и властно заговорил Желябов,— и эта принадлежность является следствием моих убеждений.

Я долго был в народе, но оставил деревню, так как понял, что главный враг партии — власти!

— Позвольте! Да кто же тут судит? — придвинулся сенатор к Верховскому.— Он так говорит, будто он судья, а мы, мы все подсудимые.

Первоприсутствующий зазвонил в колокольчик.

— Я должен предупредить вас, Желябов, что я не могу допустить подобных выражений.

— Но вы же допускаете подобные и даже более резкие выражения в наш адрес. Вы же в официальном документе — в обвинительном акте — утверждаете, что все подсудимые объединились в преступное «сообщество». А я считаю своим долгом заявить, что никакого сообщества быть не могло. Народно-революционная партия и ее Исполнительный комитет, как и их представители, ничего общего не имеют с выдуманным вами «сообществом».

— Позвольте, я призываю вас говорить о существе дела,— прервал первоприсутствующий.

Желябов откашлялся и продолжал с тем же воодушевлением:

— Так как убеждения партии, ее цели и средства достаточно подробно изложены моими товарищами Кибальчичем и Перовской, то я остановлюсь главным образом на организации.

— Я должен предупредить,— опять прервал первоприсутствующий,— я должен предупредить, что суд не интересуют идеи и теории партии, и я прошу говорить по существу предъявленных вам обвинений.

— Хорошо. Я несколько раз участвовал в подобных предприятиях и заслужил доверие центра — Исполнительного комитета. Мне было поручено руководство метальщиками. Изъявивших желание идти на самопожертвование было сорок семь человек.

Зал гулко ахнул.

Сенатор Пухов схватил за руку Верховского:

— Вы слышали? Сорок семь! А изловили двоих, да

один убит. Выходит, сорок четыре гуляют с бомбами, а может, сидят здесь...

Первоприсутствующий схватил колокольчик... Желябов говорил долго и страстно, не обращая внимания на частые звонки и окрики первоприсутствующего.

— Черт знает что подумают иностранцы,— недовольно зашептались в первых рядах.— Желябов превращает суд в посмешище...

Но Желябов уже заканчивал.

— Вы судите нас, как преступников и злодеев, но мы не преступники, а борцы за дело народа. У вас власть и сила. Вы можете засудить нас и повесить. Но запугать тех, кто на свободе,— вам не удастся. Они будут продолжать борьбу. Вы можете нас повесить, но мы не дрогнем перед виселицей. Мы умрем с верой в победу. И народ вам не простит нашей смерти. Не простит! А последнее слово в истории — всегда за народом!

Желябов взглянул на собравшихся. Все молчали, словно окаменели.

Первоприсутствующий поспешил закрыть заседание. Подсудимые уходили с гордо поднятыми головами.

6

27 и 28 марта судебный процесс продолжался, а 29-го днем в городе распространились слухи, что в 6 часов утра всем шестерым вынесен смертный приговор.

Стрешнев, узнав об этом, поспешил к Лизе и снова застал ее в слезах — она уже знала.

— Сережа, умоляю тебя,— сквозь слезы сказала Лиза,— поезжай к Верховским, может, узнаешь какие-нибудь подробности. Может, еще не потеряна надежда на помилование?

— Сегодня у меня не намечено занятий.

— Неважно. Поезжай просто так... придумай что-нибудь... тебя не выгонят.

— Хорошо, я поеду.

Когда Стрешнев вошел к Верховским, хозяева и гости уже сидели за столом. О нем доложили.

— Вот новый учебник,— смущенно заговорил Стрешнев, подавая книжку вышедшей к нему Алисе Сергеевне,— прошу вас передать это Машеньке.

— Вначале раздевайтесь, Сергей Андреич, и за стол, а потом поговорим...

Он вошел в столовую смущенно, отвесил общий поклон. К счастью, за столом были старые знакомые: сенатор Пухов и присяжный поверенный Герард. Появление его не вызвало неловкости.

Стрешнев скромно принялся за еду.

— Да-с, господа, присутствие заседало всю ночь, и только в шесть двадцать утра был оглашен приговор,— продолжал старый сенатор.

— Зачем же такая спешка? Разве нельзя было подождать до понедельника? — спросила хозяйка.

— Так желал государь. Вам рассказывали, что заявил Желябов?

— Будто бы сорок четыре бомбометателя остались на свободе?

— Вот именно! Государь страшно напуган. Двадцать седьмого, в большой тайне от всех, он выехал в Гатчину. Говорят, дворец оцеплен войсками и полицией.

— Да-с, дела,— вздохнул Верховский.— А все-таки мне жаль этих людей.

— Представьте, даже я проникся к ним э... некоторым уважением,— забасил старый сенатор.— Желябов — это умница и замечательный оратор. Наш главный обвинитель Муравьев выглядел пред ним как щенок.

— Это так, но карьеру Муравьев сделал! — заметил Верховский. — Теперь пойдет в гору.

— Я, господа, очень опечален судьбой своего подзащитного,— заговорил Герард,— это удивительный человек. Светлый и блестящий ум.

— А как же с его проектом?

— Передан по начальству... а более ничего не знаю. В последнем своем слове Кибальчич обратился к суду... Да вот, у меня записано...— Герард достал блокнот: — «Я написал проект воздухоплавательного аппарата. Я полагаю, что этот аппарат вполне осуществим... Так как, вероятно, я уже не буду иметь возможности выслушать взгляды экспертов на этот проект и вообще не буду иметь возможности следить за его судьбою и, возможно, предупредить такую случайность, что кто-нибудь воспользуется им, то я теперь публично заявляю, что проект и эскиз к нему переданы моим защитником, господином Герардом, по начальству».

Сидевший скромно Стрешнев вдруг задрожал и, уронив голову на стол, глухо зарыдал.

— Сергей Андреич, голубчик, что с вами? — поспешила к нему хозяйка.

— Извините, Алиса Сергеевна, нервы... Извините, господа, я выйду...

Стрешнев поднялся и, поклонившись всем, быстро вышел, вздрагивая от приглушенных рыданий.

Алиса Сергеевна, сделав предостерегающий знак Герарду и мужу, вышла в переднюю. Стрешнев уже оделся.

— Сергей Андреич, голубчик, что же с вами? Вы нездоровы?

— Нет, нет, ничего... Извините, Алиса Сергеевна, мне так стыдно. Николай Кибальчич мой гимназический товарищ. Он был лучшим учеником и самым чутким из друзей... Правда, я не видел его много лет и не знал. И вдруг... ужасно, ужасно! Вы извините великодушно.

— Полно, Сергей Андреич. Я сразу догадалась, что Кибальчич дорог вам. И очень сочувствую. Приходите завтра. А может быть, остались бы, успокоились...

— Благодарю вас, Алиса Сергеевна, сейчас не в силах... Прощайте.

Стрешнев поклонился и вышел.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

В сумерки, когда огромный город начинала окутывать дремота, тоска становилась непереносимой, и Лиза уходила на набережную, откуда была видна Петропавловская крепость. И хотя здесь ее разделяли с Кибальчичем заснеженная ширь реки и хмурые гранитные стены, Лизе думалось, что теперь она ближе к любимому, и это ее успокаивало.

Последнее время, пока Кибальчич был на свободе, она старалась меньше думать о нем, пыталась заглушить свои чувства и больше внимания оказывала Стрешневу. Под влиянием родителей она даже стала свыкаться с мыслью, что Стрешнев — ее судьба.

Но как только страшное известие о Кибальчиче дошло до ее сознания, в Лизе встрепенулись, воскресли, обострились прежние чувства. Она даже хотела объявить се-

бя невестой Кибальчича и добиваться свидания с ним. Лишь случайно услышанные от отца слова: «сидят в одиночных, к ним никого на пушечный выстрел не подпускают...» — удержали ее от опасного шага.

«Почему, почему тогда я не нашла Николая, не попыталась объясниться? Может, он изменил бы свое решение. А если б мы были вместе, возможно, и не случилось бы этого страшного несчастья. Я бы спрятала его у себя. Мы бы уехали, скрылись...»

Лиза остановилась у гранитного парапета, замерла. Вдалеке, на фоне желтовато-тусклого неба, темной зубчатой полосой с острым копьем собора выгравировался мрачный силуэт Петропавловской крепости.

Сердце Лизы сжалось от боли и бессилья: «Николай и его храбрые друзья томятся тут в каменных норах. Это понятно — в крепость всегда заключали лучших людей России. Здесь пытали Радищева, здесь мучили декабристов... В этих мрачных казематах сидели Достоевский, Чернышевский, Писарев... Но почему сюда, за эти гранитные стены, привезли хоронить казненного революционерами царя?.. Разве ему тут место?.. Нет, нет, не то... Какое мне дело до царя? Впрочем, нет!.. Неужели казнь одного деспота ничему не научит другого? Неужели новый царь не испугается... не откажется от новых казней?..»

Вдалеке что-то грохнуло, послышались глухие удары, похожие на звуки катящихся бревен. Лиза вздрогнула, прислушалась. Опять повторились удары, но более частые, похожие на стук топора. Лиза вспомнила Иоанновский равелин и догадалась: «Строят виселицы... Значит, казнь неизбежна...»

Стало трудно дышать, что-то сдавило горло, холодом сковало тело. Лиза взглянула на крепость, но ничего не увидела из-за нахлынувших слез...

2

Во вторник вечером, когда присяжный поверенный Верховский осматривал перед зеркалом новый сюртук, собираясь в клуб, в передней раздался звонок, а затем знакомый рокочущий басок адвоката Герарда.

— А, Владимир Николаевич! — выходя из комнат, радостно воскликнул Верховский.—Очень, очень кстати. Надеюсь, вы не откажетесь немного встряхнуться, проехаться на Большую Морскую и сыграть на бильярде?

— Рад бы всей душой, Владимир Станиславович, да ведь я к вам посоветоваться по делу... Если полчасика уделите — с радостью провожу вас.

— Ради бога, Владимир Николаевич, я совсем не тороплюсь. Пожалуйста, раздевайтесь...

Верховский взял гостя под руку и провел в свой просторный кабинет. Они уселись на мягком кожаном диване, закурили сигары.

— Что же вас привело ко мне, Владимир Николаевич? — спросил Верховский, изучающе рассматривая озабоченное, усталое лицо гостя с покрасневшими, выпуклыми глазами.— Наверное, все беспокоитесь о своем подзащитном?

— Вы угадали, Владимир Станиславович,— глухо зарокотал Герард.— Да и как же не беспокоиться, ведь уж на Семеновском плацу строят эшафот.

— Страшно подумать, Владимир Николаевич, но вы сделали все, что могли. Ваша речь была самой смелой и самой лучшей из защитительных речей. Это отмечают все газеты. Ваша совесть чиста.

— Нет, не могу согласиться, дорогой коллега. Я ведь знал заранее, что никакие речи подсудимым помочь не могут, что все было предрешено. Правда, я, признаться, рассчитывал на общественное мнение...

— Это мнение всецело на вашей стороне и на стороне осужденных. Я получил депешу из Парижа. Брат сообщает, что вашу речь перепечатали многие газеты. Он дает понять, что Париж возмущен смертным приговором.

— А я получил телеграмму и письмо из Берлина. Письмо, правда, старое, но оно проливает свет...

— Любопытно. Что же в Берлине? — откинувшись на подушку, спросил Верховский.

— А вот что. Телеграмму об открытии мины на Малой Садовой в Берлине получили с искажениями. Будто бы она была обнаружена на пути из Аничкова дворца. Там поняли так, что готовилось покушение на нового императора.

— Забавно... И что же?

— В Берлине смертельно перепугались. Наследник германского престола принц Карл, граф Мольтке и барон Мантейфель отложили свою поездку в Петербург. На берлинской бирже началась паника. Курс русских ценных бумаг стал падать катастрофически.

— Неужели?

— Вот именно! Ротшильдская группа пыталась предотвратить падение курса русских бумаг, а потом и сама бросилась продавать наши кредитные билеты.

— Это же предательство! — закричал Верховский.

— Это деньги! — повысил голос Герард.— И этим сказано все!.. Царской казне пришлось выбросить на рынок семьсот пятьдесят тысяч полуимпериалов — весь золотой запас таможенного фонда, чтоб заткнуть брешь. А это около шести миллионов рублей.

— Что же теперь? Как?

— Говорят, паника охватила все биржи Европы.

— Скверно. Очень скверно! — Верховский потушил сигару.— Новое царствование начинается прескверно.

— Царю следовало бы считаться с общественным мнением мира.

— А он, к сожалению, считается лишь с этим мракобесом Победоносцевым.

— Да, я слышал, что император попал под его влияние,— кивнул Герард. — Помимо смены градоначальника упразднены и уволены министры Маков, Сабуров, князь Ливен... И сам Лорис, говорят, ходит под страхом увольнения.

— Потому-то Лорис и свирепствует. Он хочет расправой с террористами спасти себя.

— Безусловно, но общество противится. Вы слышали о речи профессора Соловьева?

— Мельком... Вы знаете подробности?

— Как же не знать! Это событие! Философ и поэт Владимир Соловьев, сын знаменитого историка, произнес блестящую речь в зале Кредитного общества. Он сказал, что если царь действительно чувствует свою связь с народом, если он христианин, то должен простить осужденных. Иначе народ от него отвернется.

— Неужели так и сказал?

— Да, почти так. Очень смело! Все горячо аплодировали, но, говорят, власти лишают его кафедры.

— Это у нас не долго,— усмехнулся Верховский.

— Мне, видимо, тоже скоро запретят выступать по политическим делам. Я ведь задумал собрать подписи ученых под петицией в защиту Кибальчича. Собираюсь ехать к Менделееву.

— Вот как! — удивился Верховский. — Это, конечно, благородно, Владимир Николаевич, но совершенно бессмысленно.

— Отчего же? Ведь я хочу хлопотать, чтоб ему сохранили жизнь и дали возможность работать в крепости, изобретать. Ведь он может сделать великие открытия.

— Если б Кибальчич покушался не на царя — могли бы простить, а тут престиж! Божий помазанник... И есть закон о священной особе... вы знаете... Я решительно не советую. Ему не поможете, а себе испортите и карьеру и всю жизнь. Вы и так, видимо, уже взяты на заметку. Да и ученых подвести можете.

— Ах, как больно это слышать! — вздохнул Герард.

— Что поделаешь, дорогой друг, мы живем в жестокое время.

— Если говорить с точки зрения международных законов,— подумав, заговорил Герард,— то следует помиловать всех! Ну давайте посмотрим как юристы. Рысаков, хотя и бросил бомбу, но даже не ранил царя. К тому же ему нет двадцати, а несовершеннолетних казнить нельзя.

— Это верно! — согласился Верховский.— Гельфман, Михайлов, и Кибальчич, и Желябов вообще не участвовали в покушении и не могут считаться убийцами. Перовская лишь расставляла людей, но не бросала бомбу. К тому же она женщина и дворянка — ее казнить можно лишь по указанию царя. Виновен и подлежит казни лишь тот неопознанный террорист, что убил царя. Но он погиб и, следовательно, уже наказан...

— Законы — законами, а царь — царем! — глубоко вздохнул Верховский. — Если не хотите погубить себя, послушайтесь моего совета. Я говорю вам это, как друг.

3

Сразу после суда приговоренных к смерти перевезли в Дом предварительного заключения и заперли в камерах смертников. Всем им был предоставлен суточный срок для подачи просьб о помиловании на высочайшее имя. Желябов и Перовская отвергли это предложение, а Рысаков и Михайлов написали «просьбы». Геся Гельфман просила отсрочить ее казнь ввиду беременности. Кибальчич решительно отказался просить о помиловании, сказал, что у него есть другая просьба, и попросил бумаги и чернил. «Надо поучтивей,— подумал он,— иначе не будут читать». И перо четко вывело: «Его сиятельству гос-

подину министру внутренних дел. По распоряжению Вашего сиятельства, мой проект воздухоплавательного аппарата передан на рассмотрение технического комитета. (Так мне сказали.) Не можете ли, Ваше сиятельство, сделать распоряжение о дозволении иметь мне свидание с кем-либо из членов комитета по поводу этого проекта не позже завтрашнего утра или, по крайней мере, получить письменный ответ экспертизы, рассматривавшей мой проект, тоже не позже завтрашнего дня...»

Просьба Гельфман после проведения обследования была уважена, а Рысаков, Михайлов и Кибальчич не получили никакого ответа...

По Петербургу поползли зловещие слухи, что перед казнью Желябова и других осужденных будут пытать, чтоб вырвать у них признания о террористах, которые остались на свободе. Говорили, что будто бы в ночь на 1 апреля на Шпалерную к дому предварительного заключения из тюремного замка подъехали три черные повозки. Из них вышли люди с ящиками, в которых были спрятаны орудия пыток. Будто бы вся коридорная охрана у камер смертников была снята и оттуда всю ночь доносились приглушенные стоны.

Никаких официальных опровержений этих слухов в газетах не появлялось...

Подробности убийства Александра II и слухи о предстоящей казни народовольцев продолжали волновать мир. В Швейцарии русский революционер князь Кропоткин, в Париже Виктор Гюго и Тургенев возвысили свои голоса в защиту осужденных на казнь.

Еще задолго до суда в Ясной Поляне заволновался Лев Толстой. Три раза он перебеливал письмо Александру III, убеждая его последовать учению Христа и простить цареубийц. Зная, что молодой самодержец попал под влияние обер-прокурора синода, Толстой через тульского губернатора Страхова обратился к нему с просьбой передать письмо в собственные руки государя. Но Победоносцев телеграммой ответил, что отказывается исполнить просьбу Толстого.

Узнав об этом, Толстой целую ночь провел без сна и утром решил послать письмо через Страхова профессору Бестужеву-Рюмину, прося его передать письмо великому князю Сергею Александровичу и умолять того о передаче

письма государю. В тот же день, несмотря на распутицу, письмо было отвезено Страхову в Тулу. В сопроводительной записке Толстой писал:

«Победоносцев ужасен. Дай бог, чтобы он не отвечал мне, чтобы мне не было искушения выразить ему мой ужас и отвращение перед ним. Не могу писать о постороннем (то есть творить), пока не решено то страшное дело, которое висит над нами всеми...»

Получив письмо Толстого, Страхов немедля переслал его в Петербург. Но Победоносцев был хитрой и проницательной бестией. Еще до того как письмо Толстого было получено в Петербурге, он отправил в Гатчину с надежным курьером свое письмо. На конверте славянской вязью было напечатано: «Обер-прокурор святейшего правительствующего синода». Письма с этим штампом немедленно передавались царю...

Александр III в этот день был не в духе. Погода испортилась; и даже в сад, окруженный войсками, выйти было нельзя. Из Петербурга не было новых вестей о поимке террористов. Из-за границы шли бесконечные протесты против казни. Все тревожило. Все беспокоило. Да еще, как назло, болели зубы.

Царь достал из потайного шкафа коньяк, хватил две рюмки и только после этого распечатал письмо Победоносцева:

«Государь!

Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Может ли это случиться? Нет, нет и тысячу раз — нет! Этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского государя, за кровь которого вся земля требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется.

Если бы это могло случиться, верьте мне, государь, это будет принято за грех великий и поколеблет сердца всех Ваших подданных... В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради бога, Ваше величе-

ство, да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности...»

Царь, не дочитав письма, вскочил, пробежался по кабинету и, снова сев за стол, начертил на письме Победоносцева:

«Будьте спокойны, с подобными предложениями ко мне не посмеет прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь».

4

Конспиративная квартира у Вознесенского моста, где жили Исаев и Вера Фигнер, была известна лишь членам Исполнительного комитета, куда они собирались для совещаний. Из агентов комитета о ней знали только Кибальчич, Грачевский да Ивановская. Это вселяло уверенность, что предатели, опознающие на улицах революционеров, не могут указать ее. Члены Исполнительного комитета чувствовали себя здесь относительно безопасно. Поэтому сюда было свезено почти все имущество партии из квартиры Перовской и Желябова, из динамитной мастерской, оставленной после 1 марта, и паспортные документы, штампы и печати от Фроленко, который был арестован 17 марта на квартире Кибальчича, попав там в засаду.

Тайная квартира у Вознесенского моста была теперь штабом Исполнительного комитета. Однако обескровленный последними арестами Исполнительный комитет был не в состоянии продолжать активную террористическую борьбу, тем более что по улицам города разъезжали и ходили предатели, знавшие в глаза многих из уцелевших революционеров. Было решено центр «Народной воли» перевести в Москву.

Но Петербург бурлил... Убийство Александра II и судебный процесс над «первомартовцами» вызвали стихийную вспышку революционного порыва среди молодежи, и комитету предлагали свои услуги сотни горячих голов. Это заставляло не торопиться с отъездом: подбирать, накапливать свежие силы. Первого апреля пропал Исаев. Его ждали к обеду, но он не вернулся и к ужину...

Вера Фигнер дожидалась прихода Корбы, чтоб через нее известить товарищей о новой беде. Неожиданно пришел Грачевский. Он был взволнован и растерян:

— Вера Николаевна, полиция схватила кого-то из наших. В градоначальстве его поставили на стол и вызывают дворников со всего Петербурга, хотят установить личность.

— Как вы узнали?

— Говорил с нашим дворником, он уже побывал там. Рассказывает, что арестованный худенький, молодой с пышной шевелюрой. Я прибежал узнать, где Гриша Исаев.

— Это он! Это его схватили,— побледнев, сказала Фигнер.

— Ах, боже мой, какая беда. Но ведь надо же что-то делать. Ваших дворников могут вызвать каждую минуту.

— Ночью едва ли их вызовут, но с утра нужно освобождать квартиру и уходить.

— Я предлагаю уехать немедленно и готов сделать все, что нужно.

— Нет, Михаил Федорович, выезд в ночное время вызовет подозрения, нас могут схватить... Лучше дайте знать Суханову, пусть он с утра примет меры.

Грачевский согласился и, пожелав благополучия, ушел...

На другой день Суханов с двумя морскими офицерами увез чемоданы с имуществом «Народной воли», и вечером Ивановская с Людочкой забрали коробки с важными бумагами. Квартира была очищена раньше, чем в нее вломились жандармы.

5

Ночь перед казнью. Черная, морозная, глухая. Тюрьма как вымерла: ни звука, ни шороха. Стража застыла у железных дверей. Тюремщикам тоже страшно: ведь утром — казнь!..

Камеры смертников отделены одна от другой, чтоб приговоренные не могли перестукиваться. Вместо волчков — квадратные окошки — можно просунуть руку. Это для того, чтоб лучше видеть и слышать, что делают смертники.

Все они ведут себя по-разному.

Рысаков мечется, почти бегом снует из угла в угол. Его мучит вопрос: почему нет ответа на просьбу о помиловании. «Ведь обещали... Сам Лорис-Меликов дал честное благородное слово. Неужели обманут?.. Ведь дал слово

дворянина, что всех простят... А я, я поверил... Эх, если б знал... если бы...»

Рысаков ударил себя по щеке и бросился на кровать...

Минут через пять дверь открылась — вошел бородатый священник с крестом. Рысаков услышал, поднялся, стал истово креститься... Потом долго жаловался священнику, исповедовался и «приобщился святых тайн...».

Михайлов был очень подавлен и обрадовался священнику, но в разговоре с ним был сдержан. А после, несколько успокоенный, сел писать письмо родным...

Желябов и Перовская решительно отказались принять священника. Каждый из них был поглощен мыслями.

Желябов казался спокойным. Его не оставляла мысль, что народовольцы должны отбить их по пути на Семеновский плац. «Кинут две-три бомбы — и все разбегутся. А если еще устроят стрельбу, мы сразу смешаемся с толпой и будем спасены...»

Желябов ждал освобождения еще во время суда. Он верил в Суханова и в созданную им военную группу. И хотя Перовская на суде успела Желябову шепнуть, что партия уже не способна к активной борьбе,— Желябов верил, что Исполнительный комитет оправится от потрясения и, выждав момент, проявит решимость...

Перовская уже ни во что не верила и мысленно готовила себя к смерти. После вынесения приговора ей разрешили написать матери, и все эти дни она ждала свидания. Более всего ей было жаль мать, которой она принесла столько страдания и муки. «Бедная, бедная мама! Прости меня, прости и прощай навсегда».

Эту фразу она повторила несколько раз, потом подошла к столу и с нее начала прощальное письмо.

Написав и отдав надзирателю письмо, Софья стала думать о Желябове. «Милый, наконец-то мы вместе. О, каким героем ты был на суде! Я смотрела на публику и видела восхищение на лицах наших врагов... Завтра мы увидимся снова и простимся навсегда. Мне не страшно, а даже радостно и гордо умереть вместе с тобой. Умереть за дело, которое переживет нас и победит!»

Перовская походила по камере часов до 11 и спокойно легла спать.

Кибальчич, приняв священника, долго дискутировал с ним о боге, о потусторонней жизни, о звездных мирах, но от исповеди и причастия отказался.

Оставшись в камере один, он долго ходил из угла в угол, обдумывая пережитое, а потом сел за письмо брату.

Ему вспомнились стихи, присланные Квятковским из крепости перед казнью и тоже обращенные к брату:

Милый брат, я умираю,
Но спокоен я душою;
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

«Брат Квятковского был в то время на каторге, а мой теперь в Петербурге. Сказали, что он приехал, но свидания не добился... Какая жестокость... даже Софье Перовской не разрешили проститься с матерью...»

Написав письмо брату, Кибальчич опять стал ходить и думать. Более всего волновал его проект.

«Вдруг ученые уже написали свое заключение, и оно — положительно. Может быть, они послали письмо царю и просят меня простить, чтоб осуществить постройку аппарата? Может быть, уже выступили газеты и царь принужден... Что, если завтра войдут и объявят: вам вышло помилование!..»

Кибальчич вздрогнул от этой мысли.

«Что за нелепость приходит в голову? Да и мог ли бы я, когда везут на казнь товарищей, воспользоваться этой жалкой амнистией? Нет, лучше умереть с поднятой головой, чем жить со склоненной...»

Кибальчич опять стал ходить по камере.

«Пусть смерть, лишь бы не погибло наше общее дело и мой проект... Ведь могут перехватить мысль... И где-нибудь за границей предложат то же самое. Предложат и осуществят... Люди станут вздыматься в облака, перелетать из города в город и, может, из одной страны в другую... Все может быть, но меня уже не будет...»

Кибальчич подошел к окну, взглянул на звезды, задумался. И опять ему вспомнились стихи, которые слышал на новогодней вечеринке:

В бездонном пространстве Вселенной,
Где блещет звезда за звездой,
Несутся стезей неизменной
Планеты во мгле мировой.

Им прочно сомкнула орбиты
Работа таинственных сил,
И газовой дымкой обвиты
Поверхности дивных светил.

Им властно дала бесконечность
Веление жизни: живи!
И жизнь переносится в вечность
Великою силой любви.

«Да, жизнь переносится в вечность!.. Может, и моя жизнь перешла бы в вечность, и потомки наши, усовершенствовав мой аппарат, взлетели бы в звездные миры... Где же, где мой проект?..» Кибальчич отошел от окна и опять стал ходить, думая о проекте, и только о нем...

А с проектом случилось вот что: 23 марта тюремное начальство препроводило проект Кибальчича в департамент полиции. Оттуда он попал в министерство внутренних дел.

26 марта утром, за полтора часа до начала суда над «первомартовцами», докладчик по особо важным делам зачитал проект Кибальчича самому Лорис-Меликову.

— Что? На рассмотрение ученых? Да ведь газеты же поднимут невообразимый шум и будут требовать смягчения участи?

— Безусловно-с.

— Нельзя! Невозможно,— хмуро сказал Лорис и, взяв бумагу, написал резолюцию:

«Давать это на рассмотрение ученых сейчас едва ли будет своевременно и может вызвать только неуместные толки...»

Докладчик забрал бумаги и, поклонившись, вышел... Через неделю проект Кибальчича вместе с его просьбой о свидании с экспертами, на которой та же рука начертала: «Приобщить к делу о «1 марта»,— был отправлен в сенат...

6

Ночью был мороз, и дул пронзительный ветер. Утром, хотя и проглянуло солнце, воздух был промозглый и ветер не утихал. Люди бежали съежившись, подняв воротники. На перекрестках останавливались, толпились у афиши, через головы друг друга пытались прочесть правительственное сообщение:

«Сегодня 3 апреля, в 9 часов будут подвергнуты смертной казни через повешение государственные преступники: дворянка Софья Перовская, сын священника Николай Кибальчич, мещанин Николай Рысаков, крестьяне Андрей Желябов и Тимофей Михайлов.

Что касается преступницы мещанки Гельфман, то казнь ее, ввиду ее беременности, по закону отлагается до ее выздоровления.

Казнь состоится на Семеновском плацу».

Сергей Стрешнев, еще накануне узнавший, что казнь состоится рано утром, обещал Лизе зайти за ней, как будет вывешено извещение.

Ночью он почти не спал, думая о своем друге и о той страшной участи, которая его ждет. Утром он встал чуть свет и, поддев под шинель шерстяную фуфайку и замотав шею башлыком, вышел на улицу.

Едва поворотил за угол, чтоб спрятаться от ветра, как навстречу, широко улыбаясь и протянув руку, шагнул молодой рыжеусый детина:

— Здравствуй, друг! Ты, стало быть, цел. Очень рад! Куда же?

Стрешнев сразу узнал Игната, с которым был знаком через Желябова, когда вел наблюдения за выездами царя.

— Здравствуйте! Я вышел узнать... не известно ли что?

— На Семеновском плацу в девять часов,— с горестным вздохом сказал Игнат.— Да, вот что,— он оглянулся и достал из кармана фотографию,— возьми на память. Это Гриневицкий, что казнил царя.

Стрешнев взглянул:

— А! Я же знаю его... Я же его однажды спас от полиции. Увез на извозчике.

— Неужели?.. Ну, прощай! Я ведь бегу по делу.

— А нет ли у вас снимка с Кибальчича... ведь это друг детства... вместе в гимназии.

— Ну, ежели так, придется отдать, всего две осталось,— полез Игнат в карман,— вот, возьми!

— Спасибо! Этого я не забуду. Спасибо!

Они пожали друг другу руки и разошлись...

Лиза ждала Стрешнева с 6 часов утра, и, как только он появился под окнами, она оделась и незаметно вышла. Было еще рано, и Стрешнев предложил зайти в кофейную подкрепиться и согреться горячим чаем. Лиза согласилась...

Когда спускались по лестнице, Стрешнев вдруг вспомнил про фотографии и, достав их, подал Лизе:

— Спрячь, Лизок, у себя в муфте, но помни — очень опасно.

Лиза взглянула.

— О, Николай!.. Очень, очень похож... Спасибо, Сережа. А это кто? Молодой, красивый... Такое энергичное лицо.

— Это Гриневицкий, что убил царя и погиб сам.

— Да? Ведь его так и не узнали?

— Нет... Между прочим, я его спас тогда, зимой...

— Правда? — удивилась Лиза.

Послышались шаги. Лиза быстро спрятала фотографии, и они пошли...

— Лиза, может быть, отнести фотографии домой?

— Нет, они в подкладке, под мехом... Ничего...

На Литейном уже было полно народу, который сдерживали солдаты и городовые. Сергей заглянул под арку ворот и, увидев валяющийся у стены ящик, принес его и, перевернув, вдавил в снег у фонаря.

— Вот, забирайся, Лиза. Тут будет хорошо.

— Нет, я, наверное, не смогу. Мне страшно.

— Здесь их только повезут... Мы простимся с Николаем и уйдем,— шепнул Стрешнев и помог Лизе взобраться на ящик.

Еще задолго до того, как все улицы, по которым должны везти осужденных, были заполнены народом, в доме предварительного заключения начались приготовления к казни.

Осужденных разбудили в 6 утра и каждому принесли в камеру казенное одеяние: грубошерстные штаны и куртки, пахнувшие кислятиной полушубки, а на ноги — грубые тюремные коты.

Для Перовской сделали исключение — подали тиковое платье.

Потом осужденных по одному выводили в «надзирательскую», облачали поверх полушубков в черные арестантские шинели, а на головы надевали черные суконные бескозырки.

На дворе осужденных ждали «позорные колесницы» — широкие платформы с возвышениями на длинных ломовых дрогах, на оси которых были надеты высокие артиллерийские колеса.

Возвышения с уступами венчали грубые скамьи с прочными спинками. «Позорные колесницы» были окра-

шены в черный цвет и даже на распоряжавшегося возле них палача производили гнетущее впечатление.

Когда все было готово, палач Фролов, угрюмый бородач с запавшими глазами, в синем кафтане нараспашку и в красной рубахе, и его помощник, заросший по самые глаза рыжей шерстью, прозванный за свирепость «Малютой», замахали руками стоявшему на крыльце начальству.

По знаку смотрителя вывели Желябова и Рысакова. Палачи помогли им взобраться на возвышение, посадили рядом, спинами к лошадям, и крепко привязали веревками, а на грудь повесили доски с надписью: «Цареубийца».

На возвышении второй колесницы усадили Кибальчича, Перовскую и Михайлова.

— Смирно!

— Смирно! — раздалась команда за железными воротами тюрьмы, где стояли пешие и конные войска и толпилось множество народу. Послышался многоголосый гул, топот ног и звон копыт. Однако скоро все смолкло. Тяжелые створы ворот со скрежетом распахнулись, и черные колесницы, громыхая и вздрагивая, выехали на улицу. Толпа оторопела.

Маленькая старушка с узелком, в черном кружевном шарфе, выскочив из толпы, бросилась навстречу.

— Куда! Куда лезешь? — закричали приставы, схватив старушку, оттащили ее в сторону.

Колесницы поворотили налево; и Перовская, увидев, как схватили старушку, вытянулась, закричала:

— Мама! Мамочка!

Но в этот миг дробно ударили барабаны и заглушили ее слабый голос. Колесницы окружил конный конвой, и мрачная процессия с гулким грохотом двинулась к Литейному проспекту...

Лиза и Сергей стояли на Литейном ближе к Кирочной улице и смотрели в сторону Шпалерной. Они сразу же услыхали треск барабанов и крики: «Везут! Везут!»

Со Шпалерной на сытых лошадях выскочили конные жандармы и, плетками разгоняя зевак, поскакали по Литейному. За ними промчались черные арестантские кареты с городовыми на козлах. В первой сидели палач Фролка и его помощник «Малюта». Во второй, запертой на замок и с жандармами на задке, ехали пятеро осужденных к

смертной казни бандитов, которые должны были помогать палачу, за что им обещали помилование.

Вот из-за поворота показался эскадрон конницы и до роты пеших солдат с ружьями наизготовку, а еще дальше, в окружении конных казаков,— черные колесницы. Издали было трудно различить, узнать приговоренных к смерти: Лиза и Сергей видели лишь их спины, колыхавшиеся высоко над крупами лошадей.

Но когда колесницы приблизились, оба узнали Желябова. Он сидел спокойно и с чувством внутренней правоты смотрел на толпу. Рядом с ним, опустив голову, зябко трясся Рысаков.

Вот приблизилась вторая колесница. На скамье сидели Кибальчич, Перовская и грузный, большой Михайлов. Он что-то кричал, но из-за барабанного боя шагавшего сзади взвода барабанщиков ничего не было слышно.

Когда вторая колесница несколько продвинулась и стало видно лица казнимых, Стрешнев вдруг откинул башлык, сорвал фуражку и, взмахнув ею, надсадно крикнул:

— Коля! Коля! Прощай, милый друг!

Кибальчич услышал, повернул голову и, узнав Стрешнева, кивнул. В то же мгновение глаза его встретились с глазами Лизы, и до ее сознания дошли мысли Кибальчича: «Прощай, Лиза! Прощай, любимая!» Лиза ахнула и покачнулась. Чьи-то сильные руки поддержали ее.

— Хватай, чего смотрите! — закричал какой-то человек с поднятым воротничком, и двое городовых набросились на Стрешнева, скрутили, поволокли.

— Ой, что же со мной? — простонала Лиза, испуганными глазами ища Сергея.

— Ничего, барышня, ничего... Вам стало дурно, но это пройдет,— ответил высокий господин в генеральской шинели с бобровым воротником, поддерживая Лизу.

— Где тут девчонка, которая была с ним? — закричал, расталкивая толпу, городовой.— А, да ты вот где, голубушка! — И он потянулся к Лизе.

— Что такое? — грозно крикнул генерал.— Как ты смеешь, каналья? Пошел вон!

— Слушаюсь, ваше ди-тельство! — крикнул городовой и скрылся в толпе...

Черные колесницы уже поворотили на Кирочную, и народ побежал вдогонку. Грохот стал глуше.

— Позвольте вас проводить, мадемуазель, и оградить от этих негодяев.— Генерал приложил руку к фуражке.

— Благодарю вас... Я тут рядом! — Лиза продолжала искать глазами Стрешнева.

Генерал подал ей руку, и они пошли.

Когда свернули в переулок, генерал тихонько сказал:

— Вашего молодого человека схватила полиция. Извините, мне было неловко вступиться.

— Благодарю вас, что спасли меня.

— Я рад был это сделать. Честь имею! — генерал козырнул и, повернувшись, снова пошел на Литейный.

А Лиза, вспомнив, что у нее в муфте фотографии Гриневицкого и Кибальчича, опрометью бросилась домой.

Казнь происходила на Семеновском плацу. Шпалеры войск серым прямоугольником окружили черный эшафот с большой виселицей. Вблизи эшафота, па помосте — пестрая толпа начальства и жадных до зрелищ высокопоставленных сановников. Рядом — два взвода барабанщиков, попы и палачи. За шпалерами войск — неоглядная молчащая толпа.

Верховский и Герард подъехали на извозчике со стороны Царскосельского вокзала и, встав на сиденье санок, увидели виселицу, а под ней со связанными руками осужденных. Сзади, на помосте — пять черных гробов.

— Владимир Станиславович, поедемте обратно,— взмолился Герард,— я не могу смотреть. Это же средневековье! Инквизиция!

— Подождите, кажется, оглашают приговор.

Вдруг затрещали, забили барабаны. Воспользовавшись этим, толпа у вокзала прорвала цепь солдат, хлынула черным потоком и тесно окружила сани. Выехать стало невозможно...

7

После казни Верховский отвез впавшего в уныние Герарда домой, а сам поехал в клуб, чтобы заглушить и рассеять гнетущее впечатление от казни. Он много курил, изрядно выпил и даже пытался играть в карты, но перед глазами неотступно стояла черная виселица, а под перекладиной — пятеро в серых саванах...

Он приехал домой и тотчас лег спать. К утреннему кофе Верховский вышел хмурый, подавленный.

— Вальдемар, тебе нездоровится? — участливо спросила Алиса Сергеевна.

— Не то чтобы нездоровится, однако не по себе...

Верховский налил рюмку коньяку, выпил и стал молча закусывать.

— Ты был на казни, Вальдемар? Должно быть, ужасно?

— Не спрашивай — мерзость! Мерзость и позор для всей России... А бедный Герард еле вынес... Дикое зрелище... Первым повесили его подзащитного Кибальчича. Герард тут же повалился в сани и больше уже ничего не видел...

— А как же держались осужденные?

— Прекрасно! Мужественно, отважно! Перед казнью все простились и поцеловались друг с другом и смело взошли на ступеньки. Только Перовская отвернулась от Рысакова... И тот, чувствуя себя виноватым, совсем пал духом...

— А говорят, что Михайлова вешали трижды?

— Да, это ужасно! Когда спрыгнули с подставки державшие его арестанты и палач выбил лесенку, Михайлов повис, но тут же рухнул на помост. Толпа загудела, заволновалась. «Свободу! Помиловать! Нет закона вешать вторично!» — раздались голоса.

— Ну и что же?

— Генерал закричал что-то палачу, тот помог подняться Михайлову, и его снова ввели на лесенку. Палач, скривившись, столкнул его с лесенки, и Михайлов снова рухнул...

— Боже мой, это же невиданно! — вздохнула Алиса Сергеевна.

— Третий раз Михайлова повесили уже на двух веревках... И главное — Перовская, Желябов и Рысаков все это видели.

— Ужасно! Омерзительно... А я, Вальдемар, не могла усидеть дома и пошла на Невский. Мы стояли около Надеждинской и видели, как их провозили. Они возвышались над толпой и, казалось, ехали не на позорных, а на победных колесницах. Это было одно мгновенпе, но я его запомпила на всю жизнь... И знаешь, Вальдемар, я полюбила этих людей...

В передней позвонили. Прислуга доложила, что пришла какая-то девушка и хочет видеть барина.

— Проводите ее в кабинет,— сказал Верховский,— я сейчас приду.

Через несколько минут девушка сидела в кабинете знаменитого адвоката — это была Лиза.

— Так вот вы говорите,— приподнимая густые брови, спрашивал Верховский,— что Сергея Андреича арестовали на улице, когда он что-то кричал осужденным?

— Да, он кричал и махал фуражкой.

— А что именно он кричал, вы слышали?

— Никто ничего не слышал, потому что били барабаны.

— Это очень и очень важно,— заключил Верховский,— именно это обстоятельство нам может помочь. Но точно ли вы знаете, что Сергей Андреич не был в связи с террористами?

— Да, да, это точно. Я же его невеста, и мы три года были неразлучны.

— Хорошо. Отлично! — сказал Верховский и взял сигару.— Вы разрешите?

— Да, да, пожалуйста.

Верховский закурил.

— Прошу вас дать мне срок. Теперь смутное время — надо немного выждать.

— А вдруг его засудят? — испуганно спросила Лиза.

— Нет, я похлопочу... Конечно, случай из ряда вон, но будем надеяться...

Алиса Сергеевна, молчавшая все время, вдруг встрепенулась.

— Прошу вас, любите Сергея Андреича,— горячо заговорила она,— это чудесный, благородный человек. В нашей семье все его очень полюбили. Он поступил отважно. Я надеюсь, все обойдется. Раз Владимир Станиславович взялся похлопотать — все будет хорошо.

8

Прошло около месяца. Мир еще продолжала волновать трагедия, разыгравшаяся в России. Русские эмигранты — революционеры Кропоткин, Плеханов, Степняк-Кравчинский и Вера Засулич — выступали с большими статьями.

Имена Желябова, Перовской, Кибальчича не сходили со страниц газет.

Карл Маркс, осуждавший террористическую борьбу, с похвалой отозвался о русских героях.

А в России наступила реакция. Запершийся в Гатчине новый самодержец под влиянием Победоносцева впал в ярость и, прогнав Лорис-Меликова, объявил жестокий террор революционерам. «Народная воля» ушла в глухое подполье. В это жесточайшее время Стрешневу бы не миновать каторги, если б не заступничество Верховского. 3 мая ему объявили решение о ссылке в Калужскую губернию и разрешили свидание с родными.

Весь этот месяц Лиза провела в раздумьях и тревоге. Смелый поступок Стрешнева возвысил его в ее глазах.

«Я просто мало знала Сергея. Он скромен и тих, но он смел и даже отважен. Он не побоялся следить за выездами царя, он спас Гриневицкого и, наконец, это... это прощание с Кибальчичем... Теперь, когда нет Николая, который вечно будет жить в моем сердце, мне никто не может быть ближе Сергея».

С этими мыслями Лиза пришла на свидание к Стрешневу и объявила, что она готова разделить его судьбу и согласна ехать в Калужскую ссылку...

Когда Стрешнев в сопровождении жандармов трясся на казенной подводе по размытой половодьем дороге, направляясь из Калуги в Боровск, проект Кибальчича был вшит в дело «О государственном преступлении 1 марта 1881 года». Четыре толстые папки перенесли в подвал сената и сдали под расписку седому архивариусу в железных очках, в стеганой, запыленной шапочке и еще более запыленном халате.

— О-хо-хо! — вздохнул архивариус и, пронумеровав и записав поступившее дело, кряхтя, взгромоздил папки на полку в дальний угол сенатского архива.

Тотчас откуда-то сверху спустился черный большой паук. Он пробежался на тонких высоких ножках по коленкоровым корешкам, принюхиваясь к запаху клея, и некоторое время постоял, словно что-то соображая. Потом, видимо решив, что этим папкам суждено здесь стоять десятилетия, быстро забегал и стал окутывать их густыми нитями паутины.

КНИГА ВТОРАЯ

МЕЧТЫ И ИСКАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Городок притаился на опушке дикого глухого бора, поэтому и назвали его Боровск.

Когда это было — никто не помнит. Давно, очень давно...

В ту пору, когда Москву осаждали татары, сюда, в глухие, непролазные дебри, бежали русские люди. Укрывались, таились в глухомани, копили силы, чтоб по зову Московского князя снова встать за святую Русь...

С незапамятных времен знали в народе Боровск, так как через него пролегала большая проезжая дорога из Москвы на Калугу, Киев и далее — в чужие страны. Много бы могла порассказать эта дорога: не забыла она и дикие набеги татар, и нашествие ляхов, и бегство Наполеона...

Более пятисот лет тому назад вблизи Боровска была завершена постройка могучей крепости-монастыря. Его освятил преподобный игумен Пафнутий и нарек именем Рождества.

На протяжении веков не раз сдерживали высокие

каменные стены монастыря набеги крымских татар. Крепки они были, несокрушимы... Две недели бились под монастырскими стенами, ведя круговую осаду, польские войска, шедшие в Москву с лжецаревичем Дмитрием.

При царе Алексее Михайловиче Рождественский монастырь превратился в тайную церковную тюрьму, куда заточали за раскол. Сюда за неприятие новой веры был сослан неистовый протопоп Аввакум. Всесильный патриарх Никон думал: «Может-де образумится отступник и перестанет возмущать народ буйством своим».

Но Аввакум не «образумился», не «смирился». И, посаженный на цепь, он продолжал горячим словом «жечь сердца людей». Монахи видели в нем и мученика и борца. Борца за старую веру и простой народ. Душою тянулись к нему.

Протопоп за короткое время увлек в раскол не только приставленных к нему «иноков смиренных», но и «совратил» самого игумена.

Посадские люди целыми семьями становились на сторону Аввакума и готовы были за старую веру претерпевать «тесноту» и гонения.

Неистового протопопа увезли в другой монастырь, а потом сослали на далекую Ангару. Однако брошенные им семена раскола давали буйные всходы. Приверженцев мученика Аввакума становилось все больше и больше. Когда в простых крестьянских санях привезли в монастырь закованную в цепи боярыню Морозову, народ встретил ее, пав на колени.

Морозову вместе с сестрой княгиней Урусовой, тоже сосланной за раскол, заточили в воеводской избе, где был прорублен пол и вырыта глубокая яма. В этой яме сестер морили голодом, надеясь, что они отрекутся от раскола. Но горячие письма их духовного отца, протопопа Аввакума, тайно привозимые из Сибири, поддерживали стойкость отступниц. Ни проклятья патриарха Никона, ни голод и пытки не сломили их упорства. Обе стоически несли свой крест и умерли, не раскаявшись, не покорившись. Их могила за монастырской стеной стала святыней для раскольников... А слухи о том, что протопопа Аввакума сожгли на костре, ожесточили раскольников. Мученика Аввакума стали почитать за святого. Старая вера утвердилась по всему городку. Глухой, дремучий Боровск стал центром раскола, куда денно и нощно стекались люди, гонимые церковью...

2

Понукаемая охрипшим ямщиком, уставшая, намокшая под дождем лошадь втащила телегу с брезентовым навесом на гребень горы и остановилась, дыша, как старые кузнечные мехи.

Бородатый ямщик, подождав немного, крикнул:

— Но, но, пошла, уж теперь недалече...

Дождь неожиданно прекратился, и из-за хмурых, рваных туч выглянуло солнце. Золотом засияли купола далеких церквей, ярко зазеленели вдоль дороги березы, слепяще заблестела гладь реки. И весь блеклый, серый городок на фоне темного мрачного бора вдруг засветился веселыми красками.

Из-под мокрого парусинового навеса, с которого все еще спадали стеклянные капли, гремя шашкой и кряхтя, неуклюже вылез усатый жандармский унтер и, проведя мясистой ладонью по заспанному, похмельному лицу, зевнул:

— Кажись, подъезжаем... Это, никак, Боровск?

— Он самый! — не оборачиваясь, буркнул ямщик.

— Так точно! — отозвался молодой жандарм и тоже подался вперед, отодвигая мокрое сено.

Унтер, покрякивая, свернул цигарку и протянул кисет молодому жандарму:

— Закуривай, Петухов, да толкни ссыльного — надо собираться.

— Я не сплю,— негромким, глуховатым голосом отозвался ссыльный и тоже выполз на свет. Он был в учительской шинели, в фуражке с кокардой. Его бледное, худое лицо с русой бородкой, с большими, как на иконах, синими глазами, взглянуло удивленно. После тюремного замка и душного вагона, где почти всю дорогу лежал, повернувшись к стене, ссыльный увидел необъятный зеленосиний простор. Жадно вдохнув сладкий запах молодого цветения, он ощутил и радость жизни, и радость свободы.

С горы хорошо был виден небольшой городок с серыми домиками, спускающимися к самой реке, и белыми церквами. Река полудугой огибала город и, упираясь в высокую гору, делала петлю, терялась в густой зелени. Слева, за кустами ивняка, виднелись желтые от сурепки и лютика луга, за ними, изрезанные узкими полосками, тянулись поля и синей зубчатой стеной стоял лес.

Чистоструйная река, маленькие домики с зеленью садов и белые церкви с золотыми куполами напомнили ссыльному детство и тихий, родной Новгород-Северский. Стало тепло на душе. Томившая всю дорогу тоска разом отхлынула.

— Вы, господин, собирайте пожитки,— тоном приказа сказал унтер,— сейчас будем вас сдавать начальству.

— У меня все собрано. Я готов! — ответил ссыльный, продолжая с тихой радостью смотреть на свежую зелень, омытую вешним дождем.

За густыми кронами берез показались массивные зубчатые стены из красного кирпича. За ними — купола старинного собора. Ямщик снял шапку и размашисто перекрестился. «Это монастырь»,— догадался ссыльный и тоже снял фуражку, поклонился древнему храму.

Ехали молча, не торопясь. Когда окованные колеса прогрохотали по ветхому деревянному мосту через реку, унтер застегнул мундир на все пуговицы, отряхнул сено, приосанился. Молодой жандарм последовал его примеру...

Ямщик остановил лошадь у каменного двухэтажного дома.

— Слезай, приехали! — крикнул унтер и, спрыгнув первым, повел ссыльного в помещение. У двери он соскреб с сапогов грязь и пошел коридором, громко стуча каблуками.

Участковый пристав, не выпуская изо рта папиросу, просмотрел бумаги и, велев ссыльному присесть, вскинул густые брови на унтера:

— Вот, возьмите расписку и пока оставайтесь здесь — ждите распоряжения.

— Слушаюсь, вашескородие,— козырнул унтер.

Пристав, положив папиросу в пепельницу, пошел с бумагами к исправнику. Скоро он вернулся и попросил в кабинет ссыльного.

Исправник Ухов — плотный, упитанный и еще не старый здоровяк с пышными баками и лихо закрученными усами, сидел за столом, заваленным бумагами. Увидев ссыльного, он широким жестом указал на стул:

— Прошу садиться! Господин Стрешнев Сергей Андреевич?

— Да! — сказал ссыльный несколько смущенно и присел на краешек стула.

— Очень приятно. Как доехали?

— Благодарю вас, хорошо.

— Отлично-с. А я о вашем прибытии был уведомлен письмом и вот сегодня, сверх того, получил депешу из Санкт-Петербурга. О вас заботятся весьма влиятельные люди... и я, чем смогу, рад помочь.

— Благодарю вас, господин исправник, душевно благодарю.

— Что вы, что вы... Я рад познакомиться с вами, господин Стрешнев, и постараюсь оказать содействие... Признаться, у нас не так уж много умных, образованных людей... А что, скажите, вы действительно были причастны к этому нашумевшему делу о покушении на государя императора?

— Нет, что вы... Просто я был в толпе, когда везли на казнь революционеров: Желябова, Перовскую, Кибальчича... Как и многие, махал рукой и, кажется, что-то крикнул... Что именно — не помню... был очень взволнован... и вот сейчас здесь.

— Да-с, печальная история... Однако, я полагаю, вам повезло... то есть могло быть и хуже. Скажем, Сибирь...

— Помилуйте, я же ни в чем не виноват.

— Да, да, конечно, я верю. Думаю, что здесь в Боровске вам будет хорошо. Конечно, не обойтись без известных формальностей. Раз в две недели вам придется заглядывать, отмечаться и прочее. Но в остальном — вы вольный и независимый человек. Вот вам вид на жительство.

Стрешнев взял паспорт, поднялся.

— Если будут затруднения с квартирой или со службой — я к вашим услугам... А сейчас пока можете остановиться на постоялом дворе.

— Это далеко?

— Нет, сразу за церковью. Если желаете — я распоряжусь, вас проводит городовой.

— Нет, нет, благодарствую, господин исправник.

Стрешнев поклонился и вышел, недоумевая и радуясь.

3

— Ну, что, ваше благородие, отпустили? — спросил молодой жандарм, увидев ссыльного без конвоя.

— Да, исправник велел устраиваться на жительство.

— А где думаете определиться, барин? Али есть знакомые? — участливо спросил ямщик, кося карим глазом из-под густых бровей.

— Знакомых нет... буду искать сам.

— Трудненько это, барин, в наших местах. Тут народ старой веры — чужих не любит.

— Что делать?.. Пока пойду на постоялый.

— Ежели не найдете — поможем! Я ужо загляну,— кивнул ямщик.

— Благодарствую.

Стрешнев попрощался с жандармом, пожал руку ямщику и, взяв свои немудреные пожитки, побрел на постоялый.

Ямщик, сняв шапку, долго глядел вслед.

Стрешнев шел посредине улицы по булыжнику — здесь было меньше грязи. Обогнув старинную церковь, обнесенную высокой чугунной оградой, он свернул направо и, увидев у перевязи лошадей, направился к длинному деревянному дому. Ворота были распахнуты, и во дворе тоже стояло несколько обозных подвод. Обойдя большую лужу, Стрешнев поднялся на крыльцо, вошел в просторную кухню, где за большим столом чаевничало с водкой до десятка мужиков. Огромный самовар пыхтел, из него валил пар. Вокруг стола тучами вились мухи.

— Здравствуйте, почтенные! — поздоровался Стрешнев.

— Милости просим! Здравствуйте! — хором ответили захмелевшие мужики.

— А хозяина нельзя видеть? — спросил гость.

Из другой комнаты вышел бородатый старик в жилете поверх рубахи.

— Я хозяин. Здравствуйте, ваше благородие. Ежели желание переночевать — милости прошу в горенку.

Взяв у Стрешнева вещи, он провел его в небольшую комнатку, где стояла железная кровать, стол, накрытый вышитой скатертью, и старинный комод.

— Вот, располагайтесь, ваше благородие, тут никто не обеспокоит.

— Благодарствую,— сказал Стрешнев и, сняв шинель, повесил ее на гвоздь у двери.

— Никак из Москвы? — поинтересовался хозяин.

— Из Санкт-Петербурга.

— Очень приятно! Что изволите приказать: водки или чаю?

— Водку не употребляю, а вот что-нибудь закусить бы и чайку.

— Сейчас, сейчас... Это у нас живо...— заторопился хозяин.

Съев яичницу и напившись чаю, Стрешнев пошел искать квартиру. Опасаясь потерять в грязи кожаные калоши, он их привязал шнурками и по совету хозяина взял палку, чтобы отбиваться от собак.

Солнце опускалось за большой бор, город притих, притаился. Улицы были пустынны. Стрешнев присматривался к добротным домам с высокими глухими заборами и шатровыми воротами. Окна домов были закрыты наглухо, а иные и занавешены изнутри. Казалось, в них никто не живет.

Стрешнев подошел к темным дубовым воротам, постучал кованой щеколдой.

— Чево надоть? — спросили, приоткрыв окно из дома.

— Не будете ли сдавать квартиру?

— Хозяев нетути. Да и не сдают наши. Не было случая...

Стрешнев постучался в другой дом.

— Квартирантов не пущаем! — ответили сердито.

Обойдя более десятка домов, Стрешнев приуныл: отвечали односложно: «Хозяева уехали. Постояльцев не пускаем».

Вернувшись в свою горенку уже в сумерки, Стрешнев, не ужиная, лег в постель. Дорожная усталость дала себя знать — он тут же уснул...

Утром Стрешневу принесли завтрак из трактира и горячий маленький самовар. Позавтракав, он сел было за письмо к Лизе, но вошел хозяин.

— Вас, ваше благородие, Поликарп спрашивает.

— Какой Поликарп?

— А Поликарп Матвеич, то есть ямщик, с которым из Москвы ехали.

— А, ямщик... Спасибо!

Стрешнев оделся и поспешил к Поликарпу.

— Что, барин, не удалось вам ничего найти? — спросил ямщик, сняв шапку и кланяясь.

— Нет, не удалось. То хозяева уехали, то вовсе не сдают... Куда это все у вас поуезжали?

— Известное дело, барин, теперь страстная пора. У нас ведь здесь почитай все огородники. А землю нанимают под Москвой. Вот и выезжают туда на целое, стало быть, лето.

— Вот как! Я и не знал... Чего же здесь не держат огороды?

— Не расчет, барин. Овощи-то далеконько возить. До Москвы без малого сотня верст. А насчет фатеры вы не тужите. Я давеча был у бабушки Устиньи — она велела зайти. Старуха карахтерная, из раскола. Ну, да я ей сказал, что вы тоже пострадали от властей... Вот она и того — посочувствовала... Ежели, говорит, люди тихие, то можно и пустить. У вас, барин, велико ли семейство-то?

— Пока я один, а потом приедет невеста... жена.

— Так вдвоем с супружницей и будете проживать?

— Пока вдвоем.

— Это подходяще,— сказал Поликарп и повел Стрешнева по главной улице.

— Видите на углу пятистенок? Вот тут и живет бабушка Устинья.

— Что ж, это хорошо, близко,— обрадовался Стрешнев.

Подошли к шатровым, побуревшим от времени воротам. Поликарп приподнял железное витое кольцо, постучал. Дружно залаяли собаки. Слышно было, как приоткрылось оконце во дворе.

— Поликарп, ты, что ли? — спросил властный старушечий голос.

— Я, бабушка Устинья.

— Входи, дожидаюсь!

Засов, дернутый за веревку из дома, отодвинулся, и Поликарп, подняв за кольцо щеколду, распахнул калитку. Две лохматые собаки с лаем бросились к воротам.

— Цыц, окаянные! — зычно крикнула старуха, и собаки, поджав хвосты и потихоньку скуля, поплелись на свое место.

Двор был вымощен толстыми плахами, у крыльца лежало мельничное колесо. Вытерев ноги о рогожу, оба вошли на крыльцо, а потом в просторные сени, где пахло сухими травами: мятой, донником, полынью. Поликарп, распахнув дверь, вошел первым, перекрестился двумя перстами.

— Вот, бабушка Устинья, привел постояльца, о котором давеча говорил. Человек пострадал от царевых слуг и теперича должен проживать у нас в Боровске.

— Надолго ли вас, батюшка? — строго спросила высокая, прямая старуха в синем широкополом сарафане, в белой рубахе, повязанная черным платком, оглядывая гостя испытующим взором.

— На пять лет.
— А семья велика ли?
— Вдвоем с женой.
— Будете учительствовать?
— Да, наверное.
— Ну-к, что же. Вторую половину могу сдать, коли поглянется. Пойдемте посмотрим,— и сама пошла впереди гостей.

Из просторной кухни, где стояли широкие, крашенные охрой скамейки и скобленый стол, прошли за расписную занавеску у печки и вошли в небольшую комнатку, устланную домашними половиками, в которой целый угол занимали окрашенный в синий цвет большой киот с иконами старинного письма и укладка с древними книгами.

— Это молельня,— сурово сказала старуха,— сюда заходить не след.— Она распахнула белую дверь и ввела гостей в большую, светлую, очень чистую комнату, где пахло геранью. Обстановка была темная, мореного дуба, кустарной работы.

— Вот эта зала и вон та спаленка будут вашими. Вход отдельный, так что к нам касаться не будете... Глянется ли вам?
— Хорошие комнаты. Мне по душе.
— Тогда можете поселяться хоть сегодня. Пять целковых в месяц, и деньги вперед.
— Пожалуйста, это я хоть сейчас.
— Погодите. Наперед я хочу вам высказать. Первонаперво, чтобы не курить в комнатах. Мы запаха табачища терпеть не можем. Пить, буянить — не приведи бог! Сразу заставим съезжать. Ну, чтобы гостей никаких не было — это пуще всего запомните. Мы блюдем тишину и покой.
— Не беспокойтесь, мы люди тихие — не пьем, не курим, и гостей у нас не будет.
— Вот и ладно. На этом, стало быть, и порешим. А прислуживать вам будет Агашка — племянница наша. О том опосля договоримся. Ты, Поликарп, сходи с барином и принеси пожитки.

4

Обосновавшись в доме староверов Постниковых, где все беспрекословно повиновались суровой и властной старухе Устинье, Сергей Стрешнев целыми днями бродил по

окрестностям Боровска, робко наслаждаясь неожиданно обретенной свободой.

Еще не верилось, что он вырвался из мрачного тюремного замка. Уж очень редко отправляли оттуда в ссылку, а все больше на каторгу, в крепость, на виселицу...

Даже в лесу Стрешнев вздрагивал от каждого резкого звука. Чудилось, что кто-то следит, крадется сзади. В городе почти не появлялся, боялся попадаться на глаза полицейским. Было такое ощущение, что его выпустили на время и при малейшем подозрении могут снова упрятать в тюрьму. Даже любезность исправника казалась ему подозрительной. «Какие влиятельные люди могли за меня просить? Я же один как перст...» Только наедине с природой он забывался и ощущал сладость свободы...

Сегодня день выдался ветреный, но сухой и теплый. Стрешнев с утра писал письмо Лизе, а после обеда направился в лес. Заброшенная просека завела его в самую глушь. Свернув в сторону и облюбовав уютную полянку, он присел на старом широком пне, в тени березы. В лесу пахло прелью и пьянящим запахом молодой листвы. Звонко, заливисто пели малиновки, да в вершинах упруго шумел ветер. На душе было вольготно, и мысли Стрешнева невольно полетели в далекий Петербург, где осталась его возлюбленная.

«Как-то она отнесется к моему письму, где я описал Боровск и тот неожиданный прием, который был мне оказан исправником? Как-то посмотрит на предложение — по окончании занятий в городском училище приехать сюда? Не передумает ли? Не откажется ли от своего обещания? Не побоится ли связать свою судьбу с политическим ссыльным?..»

Стрешнев хорошо помнил, что с той поры, как Лиза познакомилась с Николаем Кибальчичем, он стал замечать и чувствовать в ней какую-то отчужденность. Правда, внешне их отношения почти не изменились: Лиза была приветлива и внимательна, но Сергей уже не видел прежней задушевности и теплоты. Вначале он объяснял это усталостью, утомленностью Лизы, а потом понял, что она полюбила Николая.

Стрешнев подавлял чувство ревности, он сам горячо любил Кибальчича, считал его во всех отношениях более достойным и потому — не осуждал Лизу. В то же время он не имел сил от нее отказаться и делал вид, что ничего

не замечает... Он продолжал бывать у Лизы и вел себя, как подобает жениху.

В душе Стрешнев надеялся, что Кибальчич, как человек высшего благородства, ни за что не согласится связать с Лизой свою судьбу. К этому было две причины. Первая состояла в том, что Лиза была невестой его друга. Вторая же причина была еще более важной: Николай встал на путь революционной борьбы, который мог привести его к гибели. Поэтому он не мог жениться. Не мог обречь свою возлюбленную на страдания и муки.

Стрешнев надеялся, что между Николаем и Лизой неизбежно произойдет объяснение, и Лиза, перестрадав, должна будет образумиться... Он надеялся, что и родители Лизы сыграют свою роль... Они были всецело на его стороне и считали вопрос об их браке решенным. И все же Стрешнева мучили сомнения. Он страдал, однако не показывал вида и ждал...

Весть об аресте Кибальчича его поразила. Стрешнев понял, что теряет друга навсегда. Он видел, что Лиза была убита горем, и молчал о своей любви. Он вел себя как брат, как искренний друг, так же горячо любящий Кибальчича, и говорил лишь слова утешения:

«Лиза, милая, я сейчас молю бога лишь о том, чтоб Николаю даровали жизнь. Каторга, крепость, но только бы жить! И будем надеяться на милосердие...» И Лиза была ему благодарна...

В тот роковой день, когда Кибальчича везли на казнь, он, закричав из толпы: «Прощай, Коля! Прощай, милый друг!», был схвачен, Лиза прониклась к нему уважением.

Стрешнев думал, что уже никогда не увидит Лизу... И вдруг, когда ему объявили о ссылке в Калужскую губернию, пришла она, Лиза, и сказала, что готова ехать с ним куда угодно. Теперь в глухом лесу Стрешнев вспоминал это свидание, как сновидение, и верил и не верил.

«Да, да, конечно, у меня была Лиза. Но точно ли она сказала, что готова разделить мою участь и согласна ехать в Калужскую ссылку? Не померещились ли мне ее слова? Я так был потрясен и взволнован...»

Стрешнев встал, обнял березу и долго стоял, слушая, как пели малиновки.

«Конечно, Лиза не перестала любить милого, несчастного Николая. Но разве я могу ревновать? Если не сейчас, то потом в ее сердце найдется уголок и для меня. Я буду стараться заслужить ее любовь...»

5

Оглядевшись, освоившись, Стрешнев с горечью узнал, что в Боровске, кроме уездного училища, нет иных учебных заведений. О создании реального училища только велись разговоры, а о гимназии даже и не мечтали.

«Что делать? Как жить? Где искать службу?.. Правда, есть кое-какие сбережения, но долго ли на них протянешь?..»

Стрешнев решил справиться о вакансии в уездном училище и, тщательно вычистив вицмундир, явился к директору — благообразному старику с седой бородой, расчесанной на две стороны.

— Честь имею представиться — бывший учитель словесности ее императорского величества Марии Александровны Санкт-Петербургской женской классической гимназии Сергей Андреевич Стрешнев.

— Весьма рад, прошу садиться,— официально сказал директор и назвал себя:— Усольцев Яков Ильич.

— Волею судеб я заброшен в ваш город и буду здесь проживать не менее пяти лет,— продолжал Стрешнев, стараясь быть спокойным, но голос его слегка вибрировал. — Никаких ущемлений в правах не имею, хотя и выслан сюда по постановлению Особого совещания за то, что был в толпе, когда везли на казнь первомартовцев, и, видимо, проявил сочувствие.

— Полагаю, что вы пришли осведомиться насчет службы в подведомственном мне училище? — сухо спросил директор.

— Да, если позволите... хотелось бы знать.

— Я поджидал вас, господин Стрешнев,— не меняясь в лице, продолжал директор,— со мной разговаривал господин исправник. Он отозвался о вас весьма доброжелательно. Ну-с и заведение, где вы имели честь служить, говорит само за себя.

— Так могу ли я надеяться?

— Да, видимо, вы родились в рубашке, господин Стрешнев,— несколько подобрев, продолжал директор.— Летом у нас выходит на пенсион учитель Богоявленский, и эту вакансию я оставлю за вами.

— Спасибо! Я очень вам признателен, господин директор.

— Конечно, я должен побывать в Калуге и согласовать... но поскольку вас рекомендует господин исправник, полагаю, что препятствий не будет. Все же прошу вас затребовать из Санкт-Петербурга послужной список и представить его мне.

Дней через десять Стрешнев получил долгожданную депешу из Петербурга. «Благодарю письма, радуюсь устройству, готовлюсь отъезду, целую, Лиза».

Стрешнев, несколько раз перечитав депешу, поцеловал ее и, спрятав в карман, вышел на улицу.

День был пасмурный, ветреный. Темные домики, бурая, в глубоких колдобинах и рытвинах улица, тусклая от пыли зелень — все казалось серым, бесцветным. Но радость, нахлынувшая на него, словно излучала невидимый свет, от которого все вокруг приобретало теплые, мягкие тона. Серый грязный городок вдруг показался ему красивым и уютным.

Выйдя на Московскую, Стрешнев повернул налево к монастырю и скоро оказался на деревянном мосту через Протву, где стояло несколько любопытных, наблюдая, как на зеленом берегу запускали большой бумажный змей.

Худенький молодой человек с небольшой бородкой и в очках что-то объяснял мальчишкам, которые держали бумажного змея, распутывая мочальный хвост.

— Го-то-во! — пронзительно крикнул один из них.

Человек в очках махнул рукой и натянул шнур. Мальчишки приподняли змея, и тотчас его подхватил ветер: хвост оторвался от земли и длинными удилами повис в воздухе. Все на мосту увидели, что змей имеет форму удлиненного шестиугольника и наружную выпуклость.

— Не то, что мы делали, этот, видать, на иностранный манер — ишь как круто забирает в высоту.

— Да, хорошо летит. Важно!

— А кто это запускает змея? — спросил Стрешнев.

— Известно кто! Молодой учитель. У него каждый день какая-нибудь причуда.

— Раньше шары пускал, а теперича вишь — змея...

— Смотрите, смотрите, садится!

Змей неожиданно начал снижаться над огородами. Мочальный хвост уже упал на грядки, вот-вот клюнет носом и сам змей...

Когда до земли было не больше аршина, из-за куста выскочил котенок и стремительно прыгнул на змея, вце-

пился в дранку. Змей дрогнул, но в тот же миг был подхвачен резким порывом ветра и взмыл выше прежнего.

— Ой, котенок! — крикнула женщина на мосту.

— А-ля-ля!— закричали мальчишки.— Ура!

Учителю не было видно котенка, так как тот прицепился с другой стороны змея. Он стал распускать шнур, и змей пошел выше и выше.

— Да что же вы стоите, мужики, ведь убьется котенок-то,— закричала баба с ребенком.

— Туда ему и дорога, пусть не лезет, куда не след,— сказал степенный мужчина в купеческой поддевке.

— Это бесчеловечно, господа! — вмешалась, подбежав, молодая женщина в модной шляпке.— Крикните им! Крикните!

— Бесполезно, барыня. Учитель глухой — все равно не услышит.

В огород выскочила босоногая девочка и, увидев, что змей поднял котенка, заплакала.

Стрешнев сбежал с моста, закричал:

— На змее котенок. Он может сорваться. Снижайте скорей!

— Котенок?.. Тогда помогите!

Они вдвоем стали подтягивать змея, бросая шнур на землю.

— Нет, так медленно... Вы держите шнур, а я побегу и буду пригибать его к земле.

Учитель одобрительно кивнул. Стрешнев, обвязав руку платком, положил ее на шнур и побежал вперед. Змей быстро снизился, перепуганный котенок спрыгнул и опрометью бросился к дому.

Стрешнев взял змея и подошел к учителю.

— Все обошлось благополучно.

— Я очень рад. Благодарю вас... Впрочем, позвольте представиться: учитель уездного училища Циолковский.

— Рад познакомиться. Стрешнев, бывший учитель гимназии... Теперь, кажется, буду работать вместе с вами.

Циолковский сквозь очки удивленно посмотрел на высокого Стрешнева, на его гимназический вицмундир. Спросил сочувственно:

— Не по своей воле?

— Не по своей,— вздохнул Стрешнев.

Циолковский помолчал. Потом заглянул в голубые добрые глаза Стрешнева...

— Если у вас здесь никого нет, я рад быть вашим другом. Заходите запросто. Я живу близко. Вон видите домик с громоотводом? Я всегда дома.

Стрешнев обрадованно улыбнулся:

— Я очень признателен вам. Непременно зайду. Непременно! — И он с благодарностью пожал худую, натруженную руку Циолковского.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Получив письмо от Стрешнева, Лиза Осокина не сразу решилась ответить той депешей, которая привела его в состояние восторга.

Она много думала, вспоминая пережитое. Плакала, закрывшись в своей комнате, но никак не могла принять решения...

Ей вспомнилось, как однажды ночью на даче, когда она была еще подростком, вдруг налетела буря и разразилась сильная гроза. В доме никто не спал. Все забились в глухую переднюю, закрыли двери и там, при дрожащем свете свечи, просидели до утра.

Когда совсем рассвело, Лиза вместе с матерью вышла на балкон и увидела выводоченные бурей две огромные ели. А между ними стояла тоненькая белая березка, в остром изломе склонив к земле пышную зеленую крону. Лизе так стало жаль эту березку, что она заплакала и побежала в столовую, где завтракал отец.

— Папа! Папочка! Пожалуйста, позови садовника или лесника — буря сломала мою любимую березку.

Отец позвал садовника. Они вдвоем выпрямили березку, сделали опору, место излома замазали глиной, забинтовали. Казалось, все поверили, что березка оживет. Лиза была счастлива и, прыгая, весело напевала:

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла...

Но прошло несколько дней, и листья березки стали жухнуть, увядать. Пришел садовник, посмотрел и грустно покачал головой:

— Толку не будет, барин.

— Неужели она совсем погибнет? — со слезами в голосе спросила Лиза.

— Спилим вершину,— может, по весне и зазеленеет...

Лизе было так жаль березку, что она разревелась и стала проситься в город. Родители, боясь, чтоб у нее не сделалось нервного расстройства, переехали в Питер.

Лет через шесть Лизе снова случилось побывать в этих местах. Она вспомнила про свою березку и вошла на участок знакомой старой дачи. Тополя и липы теперь поднялись высоко и красовались могучие, пышные. А между ними стояло маленькое кургузое уродливое дерево с потемневшим стволом, с корявыми, бурыми ветвями, покрытыми редкой листвой.

«Неужели это та самая белая стройная березка?» — подумала Лиза, и ей стало не по себе...

Теперь, думая над письмами Сергея Стрешнева, она вспоминала эту историю и почувствовала себя такой же надломленной березкой. Ей казалось, что будущее не сулит ничего хорошего. Она закрывалась в своей комнате и целые дни проводила в уединении. Родители были вынуждены сказать в училище, что она больна...

Однажды, когда на душе у Лизы было особенно тяжело, она услышала за дверью голос матери:

— Лизонька! Слышишь ли? Ведь Сережу-то спасти можно... Ты бы сходила к адвокату Верховскому, у которого он уроки давал. Отец говорит, что у них в доме сенаторы бывают... Может, и замолвят словечко.

Лиза вспомнила, как мужественно поступил Сергей, когда на черной колеснице увидел Кибальчича. «Что же я размякла? А еще хотела стать подругой Кибальчича... Нет, так нельзя... Надо взять себя в руки...»

Как-то вечером Лиза, увидев, что мать в спальне одна, бросилась к ней, обняла, заплакала:

— Мамочка, родная! Мне трудно, я мучаюсь и не знаю, что делать.

— Ничего, касатка, ничего. Давай посоветуемся, поговорим. Ум хорошо, а два лучше. Может, чего и придумаем.

Лиза рассказала все, что до сих пор хранила в тайне. Рассказала о своей любви к Кибальчичу и о слове, данном Сергею.

— Я не знаю, мамочка, что делать. В моем положении остается одно — идти в монастырь.

— Полно, милая. Какие ты страсти говоришь. Чай, с Сергеем-то ты больше трех лет дружишь. Все вас считают женихом и невестой. А что другого полюбила — не беда. Мы не вольны в своих чувствах... Теперь уж что об этом толковать, коли человека нет в живых. Царствие ему небесное.

— Я должна остаться верной Николаю.

— Нет, голубушка, это негоже. Вдовы и те выходят замуж. А ты и видела-то его всего два или три раза. Нет, негоже! Всякий живущий на земле должен исполнить свой долг. Так в Священном писании сказано. Курицы и те цыплят выводят...

— Мамочка, не могу, не могу я.

— Да ведь ты говоришь, что сам Николай велел тебе выходить замуж за Сергея?

— Да... он писал мне...

— Так как же ты можешь не исполнить его волю, когда человека уже нет в живых?

— Не знаю... Я думала...

— И думать не моги иначе. Сергей — твоя судьба! Ежели освободился да устроился, и — рассуждать нечего. Где ты еще найдешь этакого человека? А уж я-то как бы была рада. Поехала бы к вам деток растить.

— Правда, мамочка? Ты бы приехала к нам?

— Вот отец на пенсию выйдет — вместе приедем.

— Ой, как бы хорошо было! — обрадовалась Лиза.— А Сергей славный! Я вначале думала, что он такой тихий, робкий — и вдруг...

— Да он золото у тебя! Золото, а не человек! Посылай ему депешу, что выезжаешь,— и делу конец! Мы с отцом — благословляем!

Лиза, радуясь и плача, поцеловала мать и стала составлять депешу.

2

Несколько придя в себя после этой радостной депеши, Стрешнев отправил Лизе доверенности на получение его вещей на квартире, жалованья в гимназии и вклада в казначействе, и теперь нетерпеливо дожидался ее приезда.

Дни тянулись медленно, тоскливо. Как-то после обеда, выйдя из трактира, Стрешнев увидел в небе бумажный змей, который запускали с площади мальчишки. Этот змей напомнил ему о застенчивом глуховатом Циолковском. «Надо бы навестить коллегу. Он так радушно предложил мне свою дружбу. Этот человек весьма незаурядный. Пойду, познакомлюсь поближе».

Стрешнев миновал мост и скоро на спуске к реке увидел небольшой рубленый домик с громоотводом на крыше, утопавший в зелени тополей и лип. Калитка была открыта, и он вошел в зеленый двор. В глубине на веревке сушились пеленки, а справа под старой липой, на пружине, привязанной к толстому суку, висела люлька с младенцем. Около, за вязаньем, сидела пожилая женщина, видимо, нянька. На крыльце чистила рыбу ядреная, рябоватая кухарка.

— Простите, можно видеть господина Циолковского? — спросил Стрешнев, направляясь к крыльцу.

— Сейчас позову, барин,— сказала кухарка и юркнула в дверь.

Минуты через две-три на крыльцо быстро вышел Циолковский в белом полотняном пиджаке, в темных, давно не глаженных брюках и в фартуке. Его очки блестели на солнце, темные волосы и бородка были всклокочены, и даже его суетливая походка выражала недовольство. Однако, всмотревшись и узнав гостя, Циолковский быстро сбежал с крыльца, улыбаясь, протянул руку:

— Здравствуйте, господин Стрешнев! Я очень рад, что вы пришли. Пожалуйста, проходите и не взыщите, что я в таком виде — занимался опытами.

Стрешнев следом за хозяином прошел на террасу, заставленную всякой рухлядью. У окна стоял самодельный верстак, на полках аптекарская посуда, а к потолку подвешены бумажные змеи и маленькие воздушные шары.

— Вот здесь я занимаюсь опытами и делаю модели,— смущенно заговорил Циолковский, снимая фартук,—пожалуйста, проходите в комнаты.

Слово «делаю» Циолковский произнес, как «деваю», но эта небольшая картавость на «л» показалась Стрешневу очень милой.

— Простите мое любопытство, господин Циолковский, но вы, видимо, увлекаетесь проблемами воздухоплавания?

— Говорите, пожалуйста, громче,— попросил Циолковский и поднес ладонь к уху.

Стрешнев более громко повторил вопрос.

— Да, воздухоплавание — моя стихия! — обрадованно и с гордостью ответил Циолковский,— этому посвящаю все свободное время.

— А что, эти маленькие шары могут летать?

— Это — модели аэростатов. Я пробовал их запускать.

— Но ведь они, кажется, из бумаги? — удивленно спросил Стрешнев.

— Совершенно верно. Однако — летают!

— Да как же? Помилуйте! — удивился Стрешнев.— Мне помнится, у Жюля Верна воздушный шар был сделан из прочной лионской тафты, сотканной из крученого шелка. И, кажется, эта тафта пропитывалась гуттаперчей.

Лицо Циолковского просияло, черные пушистые брови удивленно приподнялись над очками.

— Вы поклонник Жюля Верна?

— Да, признаюсь, увлекался в свое время.

— Прошу пожаловать в комнаты,— пригласил Циолковский.— Мне очень интересно с вами поговорить.

Миновав темную переднюю и залу, заставленную цветами, они вошли в небольшой кабинетик и уселись на старинном, выцветшем от времени, кожаном диване.

— Прежде чем продолжить наш разговор, позвольте один вопрос?

— Сделайте одолжение, господин Циолковский.

— Вы, видимо, пострадали в связи с репрессиями после казни первомартовцев?

— Был схвачен, когда их везли на казнь, за проявление сочувствия к Кибальчичу.

— Вы его знали?

— Вместе учились в гимназии. Вместе зачитывались Жюлем Верном. Правда, после гимназии много лет не встречались... А когда их везли на казнь, я увидел Николая и не удержался...

— В газетах писали, что он будто бы изобрел эти адские бомбы?

— Да, Кибальчич был человеком выдающегося ума. Адвокат, который его защищал, говорил, что в крепости Николай составил проект воздухоплавательного аппарата.

— Правда? — Циолковский даже привстал.— Расскажите! В чем же заключается его идея?

— Объяснить не могу, а только отзывы были в высшей степени похвальные.

— Ах, как жалко... И нельзя узнать?

— Едва ли можно. Проект ведь не был предан гласности.

— И вам Кибальчич ничего не говорил?

— Нет. Не довелось...

— Какая жалость. Может быть, этот проект сослужил бы великую службу человечеству... Вот так у нас в России гибнут не только талантливые люди, но и их идеи... Никому ничего не надо... Я вот пытаюсь кое-что сделать полезное, а надо мной смеются, называют чудаком, лунатиком...

— Вы мечтаете о полете на Луну?

— Мне думается, что человек со временем завоюет все околосолнечное пространство. Надо лишь пробудить к этому интерес, разжечь фантазию ученых и изобретателей.

— Но согласитесь, что от фантазии Жюля Верна до реального полета на Луну еще очень далеко.

— Не спорю. Но Жюль Верн многое предсказал. И предсказал довольно точно... Ну хоть бы взять его подсчеты. Чтоб снаряд преодолел силу земного притяжения и вырвался в пределы Вселенной, нужна начальная скорость в двенадцать тысяч ярдов или одиннадцать тысяч метров в секунду. Это точно! Я сам вычислял...

— А как вы, господин Циолковский, смотрите на гигантскую пушку, которая стреляла по Луне?

— Пушка не годится. Ни одно живое существо не выдержит такого огромного ускорения.

— То есть первого удара?

— Да! Ведь это же в тысячи раз сильнее, чем кувалдой по голове.

— Но ведь Жюль Верн придумал приспособление, смягчающее толчок,— возразил Стрешнев,— и очень оригинальное — воду.

— Вода не спасет. В ней мало пружинящего свойства.

— Вы ставили опыты? — спросил Стрешнев.

— Признаться, нет, но это и так понятно.

— Позвольте мне спросить... Так, случайная мысль... А может, и глупость... Если сырое яйцо положить в воду и кастрюлю бросить на землю — разобьется оно?

— Давайте попробуем! — улыбнулся Циолковский.

— Как, прямо сейчас?

— А зачем откладывать? Вы посидите тут, а я поищу подходящую посуду.

Циолковский вышел и скоро вернулся с сырым яйцом и жестяной банкой из-под кофе.

Они вышли на террасу. В банку положили яйцо и, наполнив ее водой, плотно закрыли. Потом донышко и крышку придавили дощечками и связали их тонкой медной проволокой.

— Ну, полезли на крышу! — предложил Циолковский.— Бросим оттуда.

— Я готов! — согласился Стрешнев.

Они вылезли в слуховое окно, вскарабкались на конек, и Циолковский подбросил банку. Раздался звонкий стук и как бы всплеск. Оба поспешили спуститься и увидели на траве смятую банку без крышки, порванную проволоку, разлетевшиеся в стороны дощечки. В банке, в остатках воды, плавало разбитое яйцо.

— Вы правы, господин Циолковский,— вздохнул Стрешнев.

— Нет, нет, опыт не удался. Ведь банка открылась, и вода вылилась.

— Так как же быть? — спросил Стрешнев.

— Сейчас, подождите минутку.

Циолковский ушел в кухню и вернулся с оловянной кастрюлей, наполненной мутноватой водой, где плавало яйцо.

— Вот теперь все сделаем, как надо. Я добавил в воду соли, чтобы яйцо не лежало на дне,— сказал Циолковский.

Под крышку положили резиновую прокладку, просунули в дужку короткую палку и, привязав ее к ручкам кастрюли, плотно придавили крышку.

— Ну, теперь снова полезли на крышу! — кивнул Циолковский, неся кастрюлю в вытянутых руках. Кастрюля была подброшена высоко вверх и со звоном упала на землю.

Оба поспешно спустились. Кастрюля лежала на боку, слегка промятая. Из нее струилась вода. «Что, если яйцо уцелело?» — подумал Стрешнев и первый развязал веревку, снял крышку.

— Смотрите! Целехонько! Смотрите, господин Циолковский!

— Да, опыт удался,— спокойно сказал Циолковский,— однако он ничего не доказывает.

— Как не доказывает? — удивленно воскликнул Стрешнев.

Циолковский взял Стрешнева под руку, увел в комнату.

— Видите ли, у Жюля Верна в момент выстрела огромной пушки снаряд имел ускорение около трехсот тысяч метров в секунду. Значит, вес каждого предмета в снаряде мгновенно увеличивался в тридцать тысяч раз! Если костюм аэронавта весил, скажем, три фунта, то при выстреле его вес возрос бы до двух тысяч двухсот пятидесяти пудов, и человек был бы раздавлен, как таракан.

— Что вы говорите? Это страшно.

— Такова арифметика, господин Стрешнев. Тут никакая вода спасти не может. Наш опыт — просто шутка.

— Да... жалко... Я думал, что он может пригодиться,— сказал Стрешнев и взял фуражку.

— Как, вы собираетесь уходить? А чаю? Я познакомлю вас с женой, с тестем...

— Буду рад, но лучше в другой раз... И так оторвал вас от дел... Да и спешу...

— Очень жаль, господин Стрешнев, но надеюсь, что вы скоро заглянете снова?

— Непременно! Мне было необычайно приятно познакомиться с вами поближе, господин Циолковский.

— Зовите меня просто Константин Эдуардович.

— Прекрасно! А меня — Сергей Андреевич. До встречи, Константин Эдуардович!

Циолковский проводил гостя за ворота, дружески пожал руку.

— Если сможете — заходите, Сергей Андреич. Буду рад!

3

На крылечке стояла невысокая, молоденькая женщина в пестрой кофточке, подбирая выбившиеся из-под косынки темно-русые волосы. Ее голубые уставшие глаза смотрели с любопытством.

— Костенька! Что это за господин был у тебя?—спросила она, когда Циолковский закрыл калитку.

— Это учитель гимназии из Петербурга, Сергей Андреевич Стрешнев.

— Батюшки! А ты с ним на крышу лазил... Хорошую кастрюлю испортили... Что он теперь подумает?

— Ничего, Варенька, ничего плохого Сергей Андреич подумать не может. Это человек передовой, просвещенный... Знаешь, почему он здесь?

— Нет, почему же?

Циолковский поднес палец к губам.

— В ссылке, как политический... Был причастен к народовольцам, которые казнили царя.

— Ой, Костенька, — испуганно зашептала Варенька, — а ты с ним... Как бы не нажить беды? Ведь могут из училища уволить?

— Он сам будет служить в нашем училище. Бояться нечего.

— Слава богу, если так... А все-таки надо бы с папой поговорить... Как бы он тебя в политику не вовлек. О чем вы говорили?

— Так... Опыт ставили. Потому и пострадала твоя кастрюля. Но я ее выправлю, не беспокойся... А ты видела гостя?

— Видела. Такой представительный, интересный.

— Скоро к нему приедет жена — составится у нас компания — будем кататься на лодках.

— Ну, куда мне, Костенька... Слышишь, кажется, Любаша проснулась... побегу ее кормить.

— Ну, иди, милая, а я до чаю поработаю.

Циолковский прошел на террасу и, сев в плетеное кресло, задумался. Он все еще находился под впечатлением разговора со Стрешневым.

— Кибальчич... Кибальчич... До меня доходили слухи о нем... Оказывается, Стрешнев знает, что был составлен проект летательного аппарата. Вдруг Кибальчич сделал важное открытие? Эх, как у нас все по-глупому получается...

4

Стрешнев, вернувшись от Циолковского, долго не ложился спать: ходил по комнате, думал.

«Кажется, я сразу напал на доброго, порядочного человека. Он, безусловно, сочувствует мне. А в теперешнем моем положении это так важно! Ведь во всей губернии у меня — ни одной знакомой души...

Славно мы поговорили. Даже опыт поставили. Правда, опыт этот показался ему наивным, но все же... Он нас как-то сблизил. Видимо, Циолковского интересуют боль-

шие проблемы. Когда я упомянул о проекте Кибальчича, глаза у него так и заблестели. Неужели его занимают те же вопросы мироздания, что и Николая? Уж не мечтает ли он тоже о постройке летательного аппарата? О непригодности гигантской пушки говорил весьма решительно.

А этот шестигранный змей и бумажные аэростаты? Безусловно, его занимает мысль о воздухоплавании. В общении скромен и застенчив, а в суждениях весьма тверд. Над ним тут в Боровске, как я понял, немножко подсмеиваются, называют «чудаком», «оригиналом». А он человек весьма и весьма незаурядный.

И, видимо, он чувствует себя в этом захолустье очень одиноко. Приглашал заходить. Приглашал душевно. Как получилось бы чудесно, если б мы сошлись поближе».

5

Незаметно Стрешнев сделался в доме Циолковских своим человеком. Когда он приходил — все оживлялись и радовались, так как после уединенных бесед с Циолковским Стрешнев обычно оставался пить чай или ужинать в кругу семьи. Стрешнев много рассказывал про Петербург, про интересных людей, иногда играл на гитаре. Жена и тесть радовались, что у Кости наконец появился друг...

Но однажды Стрешнев исчез. Прошла неделя, а от него не было никаких вестей. Циолковский забеспокоился, хотел идти разыскивать, но удержал тесть Евграф Николаевич — человек степенный, осмотрительный.

— Мало ли что могло стрястись... вдруг снова арестовали или выслали в другой город. Как бы не попасть в историю. Подождем еще...

Как-то ранним вечером в калитку постучали. Варенька выглянула в окно и, услышав голоса, узнала Стрешнева.

— Костя! Костя! Сергей Андреич идет! — крикнула она на террасу.

Циолковский, что-то вычислявший, отложил тетрадь и пошел к воротам.

Варенька из-за шторы, увидев, что муж пожимает руку хорошенькой барышне, сразу догадалась, что к Стрешневу приехала невеста, и бросилась к гардеробу, чтоб надеть праздничное платье.

Длительное отсутствие Стрешнева объяснялось просто: он получил депешу о выезде Лизы и почти трое суток ждал ее на почтовой станции. Совершенно выбившись из сил, на четвертую ночь он ушел домой и лег, не раздеваясь. Проснулся лишь днем от стука в калитку и яростного лая собак. «Кто это ломится?» — подумал он, еще не совсем придя в себя, и распахнул окно. У ворот с кнутом в руках стоял бородатый ямщик Поликарп.

— Здравствуйте, барин! А куда же Устинья запропастилась?

— Не знаю. Видно, на базар ушла...

— Ну, открывай, барин, ворота,— радостно крикнул Поликарп,— я вам невесту привез.

Только тут сквозь листья тополей Стрешнев увидел почтовую телегу и в ней под розовым зонтиком Лизу.

— Сейчас! Сейчас! — крикнул он и опрометью бросился на улицу. Стрешневу хотелось обнять Лизу, поднять, как перышко, и на руках внести в дом. Но, выскочив из ворот, он увидел ее большие серые, подернутые грустью глаза и испугался.

— Лиза! Лизок! Здравствуй, милая! — Стрешнев подбежал к телеге, схватил ее руку.— Благодарю, что ты приехала, Лизок! Я так рад. Я так счастлив... Ну, что? Как ты добралась?

— Спасибо, хорошо, Сережа... Возьми зонтик и помоги мне сойти.

— Ах, да, да... Сейчас.

Стрешнев помог Лизе спуститься с телеги, растерянно сложил зонтик и повел ее в дом... Собаки, выскочив в распахнутую калитку, узнали Поликарпа, виляя хвостами, обнюхали Лизу и, успокоенные, вернулись на место.

Поликарп снял с телеги чемоданы, связал их и, кряхтя, понес в дом.

В полуосвещенной прихожей он поставил их на пол, сняв картуз, размашисто перекрестился и заглянул в комнату.

Лиза, сняв шляпку, сидела на стуле, а Стрешнев стоял на коленях и, целуя ей руки, говорил:

— Лизок, неужели это правда, что ты приехала? О, как я благодарю тебя! Как я благодарю бога за этот день!..

Поликарп постоял, покряхтел и, сказав: «Эхма!» — пошел из дома...

Лиза была тронута нежностью и сдержанностью Стрешнева. Ей хотелось быть ласковей и задушевней с ним — ведь она приехала, чтоб стать его женой, но не могла — держалась скованно.

— Сережа, голубчик, я очень устала. Дай мне возможность переодеться и отдохнуть.

— Да, да, Лизок, я сейчас позову Глашу — она будет нашей горничной.

— А где вещи?

— Сейчас, сейчас... Вот тут в спальне располагайся, Лизок, это будет твоя комната. А вещи вот. — Стрешнев втащил из прихожей чемоданы и побежал за Глашей, которая возилась на огороде...

Утром Лиза немного повеселела, и обрадованный Стрешнев, после чаю, повел ее осматривать город и монастырь.

Стройная, пышноволосая, в длинном голубоватом платье, отделанном рюшками, с маленькой сумочкой на шнурке и розовым зонтиком, она выглядела нарядной, красивой. Ему было приятно и радостно сознавать это.

Однако сдержанность Лизы тревожила Стрешнева. «Лиза не может забыть Николая. Что же мне делать? Как себя вести? Очевидно, следует ждать. Время все стушует и сгладит. Только оно властно над нами!..»

Осмотр монастыря и кельи, где томилась боярыня Морозова, успокоили Лизу. «Я должна примириться с судьбой и честно выполнить свой долг,—подумала она.—Здесь не так уж плохо... А главное — Сергей чудесный человек и очень любит меня».

Она вернулась домой в хорошем настроении. Но на другой день начались проливные дожди, и Лиза захандрила. После блестящего, величественного Петербурга, после уютной, тихой квартиры, где в грустные минуты можно было поиграть на рояле,— голые бревенчатые стены, унылый пейзаж с непролазными лужами на дороге — и тоска... тоска...

Стрешнев был растерян. Он чувствовал себя виноватым и не знал, как вывести Лизу из охватившего ее уныния. И вот, дождавшись, когда просохло, Стрешнев пригласил ее пойти к Циолковским.

Когда Варенька с уложенными в пучок русыми волосами, в длинном платье, делавшем ее несколько выше, вошла в залу, Циолковский, неумело развлекавший гостей праздными разговорами, облегченно вздохнул:

— Ну, вот и моя жена Варенька — знакомьтесь, без церемоний.

Варенька смущенно протянула Лизе руку, но та, улыбнувшись, обняла ее и поцеловала.

— Я много слышала о вас, Варенька, от Сергея и полюбила вас еще до знакомства, и теперь, увидев,— еще больше! Давайте станем подругами, и нам будет легче жить в этом милом, но все-таки скучном городке.

— Я очень рада познакомиться и подружиться с вами,— стесненно, но задушевно сказала Варенька.

— Зовите меня Лиза. Ведь мы почти одного возраста.

— Да, да, хорошо... Постараюсь.

— Это чудесно, Лизок, что вы так просто и так мило познакомились,— улыбнулся Стрешнев.

— Да, да, замечательно! Я очень рад,— сказал Циолковский.— Светские церемонии всегда мешают истинным чувствам... Стесняют... Сковывают... А что, Елизавета Павловна, как вам понравился наш городок?

— Вначале мне показался Боровск очень милым, а потом дожди, грязь...

— Вы еще не видели его главные достопримечательности,— не расслышал ответа Циолковский.— Самое красивое в Боровске — река! Да, друзья, река! Не угодно ли вам, скажем, покататься на лодке?

— Я очень люблю! — обрадовалась Лиза.— А у вас есть лодка?

— Есть! И река — рядом. Пойдемте!

— Костенька! Я еще должна покормить Любашу,— покраснев, сказала жена.

— Не беспокойтесь, Варенька, мы вас подождем. Идите и одевайтесь попроще,— взяла ее под руку Лиза.— А не позволите ли мне взглянуть на вашу Любашеньку?

— Пожалуйста. Я буду рада...

Женщины ушли в спальню, а мужчины вышли во двор, достали из сарая весла.

Скоро на крыльце показалась улыбающаяся Лиза.

— Константин Эдуардович, поздравляю! У вас замечательная дочка.

— Спасибо! Я, собственно, еще не вижу в ней никаких достоинств...

— Славная, славная девочка! Премиленькая.

Циолковский почувствовал себя смущенно и не знал, что сказать.

Его выручил Стрешнев.

— Лизок, а ты не видела еще мастерской Константина Эдуардовича?

— Нет... А можно?

— С удовольствием покажу,— обрадовался Циолковский и повел Лизу и Стрешнева на террасу...

Скоро пришла Варенька с гитарой, и осмотр мастерской пришлось отложить. Все четверо спустились к реке и уселись в лодку: Циолковский за весла, Стрешнев на корму — править, Варенька и Лиза — на скамейке посередине.

Вечер был мягкий, дремотный. Солнце, зайдя за дымчато-лиловатую тучу, золотом затеплило ее края, а облака, что были выше, зарделись.

Синь неба, золотисто-пурпурные краски заката и бронзоватая зелень деревьев — все это отразилось в сонных водах реки. Лиза залюбовалась. После строгих, холодных пейзажей Петербурга было приятно и радостно побыть на природе. В ней был извечный покой и тихая грусть... Ехали неторопливо, не нарушая сумеречной тишины.

— Эх, спеть бы сейчас,— мечтательно сказал Циолковский.— Варенька, может, сыграешь?

Стрешнев, видя, что Лиза пришла в хорошее настроение, потянулся к гитаре:

— Позвольте мне!

— Ой, с удовольствием.— Варенька подала гитару.

Стрешнев, положив в лодку весло, энергичным взмахом пальцев коснулся струн, несколько подкрутил басы и притих, обдумывая, что спеть.

Лиза подняла на него глаза, как бы прося не спугнуть ее мечтательного настроения каким-нибудь задорным мотивом. Стрешнев понял этот взгляд. Пальцы его взяли несколько мягких аккордов, и он запел:

Однозвучно гремит ко-ло-коль-чик,
И дорога пылится слегка...

Лиза взглянула на него благодарно. Циолковский перестал грести. Варенька затаила дыхание и опустила одну руку в воду.

Люди на огородах приподнялись, стали слушать.

Передохнув, Стрешнев взглянул на молчаливые деревья, на дремотную реку и, мягко перебирая струны, закончил грустно, таинственно:

И замолк мой ямщик,
А до-ро-га
Предо мной дале-ка, да-ле-ка...

Когда возвращались обратно, солнце уже село, окрасив полнеба в розовато-лиловые тона. Стрешнев сидел за веслами, Лиза — на корме за рулем. Говорить не хотелось. Лиза унеслась мыслями в пережитое. Варенька думала о маленькой Любаше и о ее судьбе. Циолковский думал о своем...

Стрешнев, энергично отталкиваясь веслами от упругой воды, вспомнил о недавнем разговоре с Циолковским о Жюле Верне.

— Вот вы, Константин Эдуардович,— заговорил он, прерывая общее молчание,— не согласны с Жюлем Верном, что вода может быть тормозом, а посмотрите, как она пружинит под веслами.

— Да, вода обладает упругостью и оказывает сильное сопротивление,— соглашался Циолковский.— Если б мы плыли по воздуху, лодка неслась бы в десять раз быстрее.

Стрешнев поднял весла и взмахнул ими:

— Что-то незаметно.

— А вы сильней, сильней!

Стрешнев несколько раз энергично взмахнул веслами, не касаясь воды.

— Ну, что, продвинулась лодка? — спросил Циолковский, обращаясь ко всем.

— Да, да, Сережа, заметно! — сказала Лиза, заинтересовавшись их разговором.

— Вот видите! — заключил Циолковский.— Воздушная среда может быть и опорой и препятствием.

— Ну, какое же препятствие? Жюль Верн писал, что спаряд, выпущенный из пушки, пройдет земную атмосферу, простирающуюся на сорок миль, за какие-нибудь пять секунд.

— Так он писал вначале, но потом, создавая роман «Вокруг Луны», Жюль Верн изменил это мнение, под

влиянием новейших данных. Его герой Барбикен с тревогой говорит, что они не учли уменьшения скорости от трения снаряда о воздух, и потому он едва ли сможет преодолеть земное тяготение.

— А что, сопротивление воздуха снаряду действительно большое? — спросила Лиза.

— Колоссальное! — воскликнул Циолковский.— Снаряд может даже сгореть от трения.

— Костенька! Не надо сейчас о науке...— попросила Варенька.— Пусть лучше Сергей Андреич еще споет.

— Нет, сейчас поздно, Варюша,— наверное, половина горожан спит... А жаль... Сергей Андреич так поет...

Лодка плавно скользила по сонной реке. Сумерки сгущались. Вдалеке над лугами легкой дымкой опускался туман. Там одиноко поскрипывал коростель. В померкшем небе засветилась луна, уронив мягкие отсветы на темную гладь реки...

Когда причалили к берегу, женщины вышли первые и, взяв гитару, направились к дому. На фоне сумеречного неба четко вырисовывались их силуэты: Лиза повыше ростом и тоньше станом. Варенька пополней, пониже.

Мужчины, привязав лодку и взяв весла, шли поодаль. Разговор сам собой вернулся к прерванной теме.

— Константин Эдуардович, запуская змея и бумажные аэростаты, вы изучаете сопротивление воздуха? — спросил Стрешнев.

— Да, частично... Это ведь сложная проблема. Воздух состоит из газов, и чтобы узнать его свойства, я изучал газы... даже написал работу о кинетической теории газов. О движении молекул...

— И что же? Где эта работа?

— Дома...

— Почему же, Константин Эдуардович? Работу нужно послать в Русское императорское физико-химическое общество. Его возглавляет сам Менделеев.

— Понимаю, но как-то страшно... Боюсь, не напутал ли... Я ведь самоучка...

— А вдруг вы сделали открытие? Что тогда? Ведь скромность может загубить все дело... Пошлите, Константин Эдуардович... Это нужно. Дайте мне слово, что завтра же отошлете. Обещаете?

Циолковский вздохнул.

— Не знаю... Пожалуй, решусь. Только побаиваюсь... Ведь это моя первая работа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Клеенчатую тетрадь со статьей о кинетической теории газов Циолковский упаковал в оберточную бумагу и отправил в Санкт-Петербург. Но, вернувшись с почты, он долго ходил по двору, спрашивал сам себя: «Правильно ли поступил? Стоило ли ее посылать?.. Не поторопился ли?»

Его беспокоила не сама статья — он был убежден, что она верна. Он верил в это твердо, потому что в статье развил и обосновал мысли профессора Петрушевского, высказанные им, в виде гипотезы, в «Учебнике физики».

Беспокоило Циолковского другое: он боялся, что чиновники из ученого общества, которые будут читать статью, не поверят, что ее написал учитель уездного училища.

«Конечно, если бы статья попала к самому Менделееву — было бы все иначе. Но разве мыслимо к нему пробиться?.. А «ученые» писаря, как увидят мою фамилию да звание, так и поставят крест. Куда-де с суконным рылом да в калашный ряд. Если б я был граф или иностранец — можно бы надеяться на успех. А тут. Ну, да уж теперь поздно сожалеть...»

В прошлом году Циолковский вот так же решил «попытать счастье» и — ожегся... Он направил статью «Графическое изображение ощущений» в журнал «Русская мысль», и статья словно канула в бездну.

Вспомнив об этом, он подумал: «Очевидно, мою статью, не прочитав, бросили в мусорный ящик... А как я ждал ответа, волновался, надеялся...»

Что же будет с новой статьей? Может, ее ждет та же участь? В наш век продвинуться без протекции немыслимо. От нас, изобретателей, без образования и положения, чиновники отмахиваются, как от надоедливых мух.

Однако Циолковский не мог забыть о статье, неустанно прикидывал, когда она будет получена и прочитана и когда можно ждать ответа. По его подсчетам, выходило, что ответ мог прийти в начале августа. И хотя Циолковский не верил, что ответ будет положительный, он, как и в прошлый раз, молча и терпеливо ждал вести из столицы. От этого зависело будущее, с которым были мысленно сплетены его мечты и упования.

2

Старуха Устинья была довольна своими постояльцами. Они вели себя тихо, не курили, не устраивали попоек и картежной игры, не беспокоили по ночам. Однако их отношения между собой казались ей непонятными. Горничная Глашка сообщила, что «спят в разных комнатах, как чужие», да и сама она видела, что постоялец, как приехала невеста, «осунулся с лица и стал сохнуть».

Устинья задумалась. «Видать, дело-то неладно... Барышня, должно, убежала из дома, а вступить в брак боится. Он же, бедняга, мучается, не находит себе места. Хорошо пока тихо, а если ее родители нагрянут? Тогда что? Выйдет, что я их укрывала... А укрывать не состоящих в законе хорошо ли? Пожалуй, начальство не похвалит... А видать, барышня из благородных. Вдруг окажется генеральской дочкой, али того выше — ведь засудят. Нет, я им прямо скажу — или женитесь, или съезжайте с квартиры».

Как-то, увидев Лизу во дворе, старуха остановила ее.

— Барышня, мне надобно с вами поговорить. Я тут хозяйка — с меня, стало быть, спрос и на мне ответ.

— А что случилось? Может быть, вы поговорите с Сергеем Андреевичем?

— У меня разговор особый — по женской части.

— Пожалуйста, если я...— смутилась Лиза.

— Вот, вот, угадали, барышня. Я человек простой, может, чего и не так понимаю. Однако вижу, дело у вас неладно... Приехали как невеста, а замуж не выходите. Кабы я не хозяйка — мне бы что — живите, как знаете. А тут ведь власти во все глаза глядят. Скажут, укрываю от закона...

— Ах, вот вы о чем,— сказала Лиза, испуг в ее глазах смягчился.— Вам нечего беспокоиться — мы обязательно обвенчаемся.

— Вот, вот, об этом я и толкую, барышня. Мы люди старой веры, и у нас слово твердо. Вон протопопа Аввакума на костре жгли, а он от своего не отказался... А великомученица боярыня Морозова? Ведь ее здесь в монастыре голодом морили, держали в земляной яме, в цепях.

— Я знаю, знаю...

— Погоди, не перебивай, барышня. Так вот она, боярыня-то, железной была. Недаром ее духовником состоял протопоп Аввакум... Как ни пытали, как ни мучили

боярыню-то — она от старой веры не отреклась... Так и померла.

— Я очень уважаю боярыню Морозову.

— Уважаешь, а примера с нее не берешь. Я ведь насквозь вижу все. Коли убежала от родителев — значит любишь. А коли любишь — чего тянуть? Ведь Сергей-то Андреич извелся весь. Надо смелее быть, и от своего не отступать. Раз решила — баста! Никто помешать не может!.. Свое твори, и все!.. Вон я давеча видела, как купались поповны. Разделись на лугу и стоят визжат, в воду боятся ступить, мол, холодно. А надо перекреститься и — бултых! — вода разом покажется парным молоком.

— Я не боюсь, бабушка, я только...— Лизе хотелось рассказать все, но она боялась, что старуха не поймет ее чувств.

— У нас в расколе ведь тоже бывали разные случаи,— прервала ее Устинья.— Я ведь со своим Емельяном, покойничком, тоже оженилась «уходом». Родители мои были купцами-тысячниками. Хлебом торговали. Он по этой же части промышлял в наших краях на Волге, но молод был, небогат. Знал, что меня за него не отдадут. А парень — орел!.. Раз подкатил ночью на тройке. А уж я знала, ждала... Только он свистнул — я тут как тут. Села в кибитку, и айда! Так и ускакали мы от батюшки. Только примчались в Боровск, сразу же и окрутил нас старообрядческий поп. Потому — любили друг друга. А вы?.. Эх, не пойму я вас, барышня...

— Я не боюсь, бабушка,— вспыхнула Лиза,— я готова, только душа болит.

— А ты душу-то зажми в кулаке! Потому что человек-то больно хорош! Этакого днем с огнем не сыщешь.

— Эх, не понимаете вы меня, бабушка, ну да ладно. Одно скажу — я не из робкого десятка!

Стрешнев сидел за книгой у открытого окна. Лиза вошла неслышно, на цыпочках подкралась и обняла сзади:

— Сережа! Родной мой! Ты извини, что я так долго чуждалась. Мучили воспоминания. Но теперь... Похлопочи, чтоб нас обвенчали, но только без шума, не надо никакого торжества.

— Лиза! Лизок! Это правда? — Стрешнев вскочил, обнял ее и молча опустился на колени.

...Тесть Циолковского Евграф Николаевич — приземистый, степенный бородач, еще недавно был священником. Но так как в его приходе жило много старообрядцев и доходы от верующих были скудные, Евграф Николаевич отказался от сана и стал учителем. Теперь же в нем возникла нужда именно как в священнике.

Выслушав Циолковского и Стрешнева, Евграф Николаевич, поглаживая бороду, неторопливо размышлял вслух:

— Кабы это раньше годика на два, я бы сам обвенчал — и делу конец. А теперь могу лишь поспособствовать... Вот ужо поговорю с отцом Иеремеем. Он тут, в Никитовке, в сельском храме... Может, и согласится старик обвенчать... Но все же нужны трое свидетелей.

— Помилуйте, Евграф Николаевич, да я же, кроме Константина Эдуардовича и вас,— никого не знаю,— взмолился Стрешнев.

— Ничего... Первым свидетелем будет Костя, а двоих я сыщу. Вы не отчаивайтесь, Сергей Андреич, раз я берусь похлопотать — все обставим, как надо.

— Только, пожалуйста, поскромней и, главное, чтобы в городе не знали — Лиза не хочет огласки.

— Как скажете. Как скажете, Сергей Андреевич. Однако хотя бы у нас собраться надо. Все-таки бракосочетание — нельзя... Да и батюшка обидится.

— Ну, ладно, коли нельзя — я согласен. Только как можно скромней.

Венчание было намечено в середине июля, когда уже начали жать рожь. Вечером Стрешнев в новом костюме и Лиза в подвенечном платье на извозчике выехали в Никитовку. Их сопровождали Циолковские. До Никитовки было верст восемь. Приехали уже в сумерки. Однако в церкви горели свечи — батюшка с причтом и свидетелями ждали их.

Венчание шло при закрытых дверях. Молодые обменялись кольцами, поцеловались. Батюшка исполнил обряд и сам проводил до дверей.

В Боровск молодые вернулись уже глухой ночью.

3

Венчание Стрешневых и скромная свадьба, устроенная через несколько дней, явились настоящим праздником для Циолковских, живших тихо и замкнуто. Особенно радовалась Варенька, что удалось отвлечь мужа от работы и раздумий, поглощавших у него все свободное время. «Теперь Стрешневы вместе будут бывать у нас — заживем веселей».

Варенька была живой, жизнерадостной, и ее тяготила уединенная, затворническая работа мужа. У нее самой хватало забот по хозяйству и с ребенком, и все же Вареньку тянуло и к людям, и в лес, и на реку.

Еще до приезда Стрешнева она не раз просила мужа подружиться с кем-нибудь из учителей, чтоб составить небольшое общество. Но Константин Эдуардович был поглощен своими занятиями, да и стеснялся своей глухоты.

Одиночество порой и его тяготило, и он мечтал о хорошем, преданном друге, с которым бы можно было поделиться мыслями, найти в нем сочувствие и поддержку, но такого человека не находилось...

С тестем не было ничего общего. Они почти не разговаривали. Варенька хотя и старалась во всем сочувствовать и помогать мужу, была очень далека от понимания его замыслов и стремлений.

Волей-неволей Циолковскому приходилось жить отшельником, работать уединенно. Впрочем, к этому он привык еще с отроческих лет.

4

В детстве Циолковский помнил себя веселым, шаловливым, беспечным, глядящим на мир, полный манящих звуков, радостно и восторженно. Это было в Рязани — тихом городе на Оке, за которой неоглядно-широко темнели дремучие леса.

И вдруг — несчастье! В девять лет Костя заболел. Однажды, набегавшись на улице, он пришел домой красный, вспотевший. К вечеру у него началась рвота, резко поднялась температура, выступила мелкая сыпь. Его напоили чаем с малиной, уложили в постель. Но ночью

стало еще хуже: Костя метался, бредил. Мать и отец до утра не сомкнули глаз...

Утром привезли старичка доктора, и тот, осмотрев больного, покачал головой:

— Да-с, случай крайне тяжелый — скарлатина, да еще токсическая... Однако будем бороться,— и сел выписывать рецепт.

Бедная, кроткая мать две недели не отходила от постели Кости и, казалось, вырвала его из цепких лап смерти, исцелила. Но мальчик, поднявшись на ноги, недоуменно смотрел вокруг округлившимися глазами — он почти ничего не слышал.

Доктор, проверив слух Кости, развел руками:

— Да-с, осложнение на уши. Да-с... Нехорошо-с... Однако еще не все потеряно. Будем лечить. Бывает, что слух удается вернуть. Ребенку нужен свежий воздух и хорошее питание. Питание и уход. Да-с...

Костя целыми днями лежал в саду, пил козье молоко, ел мед. Недели через две наступило некоторое улучшение. Костя стал вслушиваться в пение птиц, в лай собак. Но погода неожиданно испортилась. Его перевели в комнату. Он был еще слаб, и доктор советовал лежать.

Мать, желая развлечь Костю, склеила коллодием из тончайшей бумаги маленький аэростатик и, надув его дымом, принесла в комнату. Аэростатик взлетел почти к потолку.

— Мама! Мама, это же воздушный шар! — радостно закричал Костя.— Дай его мне.

Мать подала аэростатик сыну. Но дым уже остыл, и аэростатик не мог подниматься.

Костя расспросил мать, как она сделала аэростатик, и, положив его рядом с собой, сказал:

— Вот поправлюсь — сделаю большой аэростат и сам на нем буду летать...

Когда Костя окреп и начал ходить, отец принялся хлопотать о переезде в Вятку, где ему обещали место лесничего.

Хлопоты увенчались успехом. В середине лета большая семья Циолковских погрузилась на пароход и отправилась в далекий путь.

Ехали по Оке, по раздольной Волге, потом по угрюмой Каме и, наконец, по тихой, окруженной лесами, Вятке. Костя был переполнен впечатлениями, окреп, повеселел, и всем казалось, стал лучше слышать.

В Вятке его определили в гимназию. Это были счастливейшие минуты в его жизни! Надев ранец из золотистой тюленьей кожи, с юфтовыми, скрипучими ремнями, обряженный в гимназическую тужурку и брюки навыпуск, Костя шагал по городу как именинник. Он даже забыл про свою глухоту.

Сидя на первой парте, Костя жадно вслушивался в объяснения учителей, стараясь не пропустить ни единого слова. О, если б он слышал все — он бы запоминал сразу же! Но — увы! Многие слова не доходили до его слуха. Приходилось догадываться, улавливать смысл по губам и жестам учителей. Дома он все повторял по учебникам и обращался к помощи брата. Год удалось закончить успешно.

Но дальше стало трудней — пошли сложные предметы. Учителя сердились, когда Костя, не расслышав, отвечал невпопад, путался. Гимназисты подсмеивались и доводили до слез.

Отец, опасаясь за здоровье сына, принужден был взять Костю из гимназии. У отца была надежда пригласить учителей, чтоб продолжить образование Кости дома. Он ждал прибавки жалованья. Но то ли губернатору донесли, что лесничий Циолковский поддерживает связь с поляками, сосланными в Вятку за участие в освободительном восстании, то ли еще что-то, а только прибавка не состоялась...

Глухота удерживала Костю дома. Он не мог принимать участия в играх товарищей, и те постепенно отстранились. А тут обрушилось новое несчастье — умерла мать.

Костя почувствовал себя одиноким, осиротевшим. Его детскую душу охватил страх перед будущим.

Наблюдая издалека, как играют и резвятся сверстники, Костя стал в душе досадовать на свою судьбу. Бывало, кто-нибудь из ребят позовет играть в прятки или в бабки, а он откажется, убежит. Не хотел, чтоб над ним подтрунивали и называли «глухим тетерей». Не мог примириться с несчастьем.

К взрослым, которые проявляли сочувствие и жалость, Костя испытывал неприязнь и старался не попадаться им на глаза. Сочувствие оскорбляло его, жалость — обижала.

Эти чувства с годами усиливались, обострялись. И хотя Костя перенял от матери добрый и кроткий характер, он не в силах был сдерживать себя и порой раздражался.

В этом выражался его протест и нежелание примириться с несчастьем, которое указывало прямой путь к нищенству и унижению.

Ему хотелось побороть недуг, быть полезным, сделать что-то значительное: изобрести какую-нибудь удивительную машину или совершить важное открытие. Ему хотелось снискать в людях уважение и любовь. Он много читал, мастерил, строил...

От простых игрушек из бумаги и картона, склеенных сургучом, Костя перешел к моделям ветряных мельниц. И однажды соорудил даже небольшую самодвижущуюся коляску.

Как-то, вернувшись со службы, Эдуард Игнатьевич увидел сына ползающим по траве около дома с каким-то замысловатым сооружением, на четырех колесах с ветряком.

— Что это ты делаешь, Костя?

— Чиню поломавшуюся коляску — ось погнулась.

Костя выпрямил проволочную ось, отладил колеса и поставил свою коляску на широкую ровную тропинку. Дул легкий ветерок. Крылья, похожие на мельничные, тотчас закрутились, колеса пришли в движение, и коляска покатилась по тропинке.

Эдуард Игнатьевич внимательно осмотрел Костину коляску и ласково провел ладонью по его кудлатой голове:

— Сам придумал?

— Сам, папа.

— Молодец, Костя. Учиться надо. У тебя способности к изобретательству. Побольше читай, а я подумаю, как нам лучше устроить это дело...

Отец Кости — Эдуард Игнатьевич Циолковский — выходец из обрусевших польских дворян, был человеком гордым и независимым. Получив хорошее образование в Лесном институте, он служил в разных городах России и дослужился до должности лесничего, которую занимал в Вятке.

Будучи человеком передовым, он отличался большой честностью, нетерпимо относился к взяточничеству и потому не уживался с чиновниками. Это заставляло его часто менять службу, переезжать с места на место.

Обремененный большой семьей, которую разоряли частые и далекие переезды, Эдуард Игнатьевич решил прочно обосноваться в Вятке.

Он нанял большую квартиру на втором этаже старого деревянного дома с просторными комнатами и высокими окнами.

На жалованье лесничего, что с квартирными составляло шестьсот рублей в год, при вятской дешевизне можно было прожить безбедно.

Эдуард Игнатьевич стал пополнять свою библиотеку, а в свободные часы писал философский труд и занимался естественными науками.

Неожиданная смерть жены Марьи Ивановны тяжело сказалась на характере Эдуарда Игнатьевича.

Он помрачнел, замкнулся, взвалив на свои плечи заботу по воспитанию детей, которых было тринадцать человек.

Вятка считалась глухоманью, звалась «городом ссыльных». Может быть, именно поэтому Вятский край был «счастливее» других отдаленных провинций России. Ссыльные «вольнодумцы», «крамольники», революционеры заронили в сердца людей свободомыслие, оказали влияние на развитие культуры и просвещения.

С тридцатых годов существовала в городе публичная библиотека, основанная сосланным сюда Герценом; выходили газеты, в которых сотрудничал находившийся в вятской ссылке Салтыков-Щедрин...

В доме Циолковских бывали поляки, сосланные за революционное восстание, и бывшие студенты, отбывавшие ссылку по делу Дмитрия Каракозова, стрелявшего в Александра II.

Костя, будучи подростком, не раз слышал бурные разговоры, видел горящие глаза смелых, одержимых людей...

Однажды за ужином кто-то из гостей рассказывал о ссыльном издателе Павленкове, который перевел с французского и издал в Вятке в 1866 году «Физику» Гано. Костя учился по этой книге, а когда ушел из гимназии — ею завладели братья. Достать другую не удалось, и Костя лишь ночами мог заниматься любимым предметом. Сейчас его осенило: «Пойду к Павленкову и попрошу у него».

Костя незаметно вышел из-за стола, тихонько спустился по лестнице и бегом пустился к дому Павленкова.

Большой деревянный дом утопал в зелени. Окна были открыты, и оттуда лилась музыка — кто-то играл на рояле. Вечер был такой тихий, что Костя слышал каждый звук.

Он остановился у палисадника, замер. Музыка была мелодичной, с бравурными аккордами. Она то лилась ручейком, то нарастала, как прибой, бодряще, могуче. Костя стоял как зачарованный.

Подошел и встал рядом высокий господин с тросточкой. Костя не услышал, не пошевелился — он был поглощен музыкой. Прозвучало еще несколько бурных аккордов, и стало тихо. Костя ждал, что заиграют снова.

— Что, понравилась музыка? — спросил незнакомец.

Костя вздрогнул, несколько секунд молчал. Потом повернулся и глухо сказал:

— Да, очень...

— Заходи в дом, послушаешь еще,— приветливо пригласил незнакомец.

— Нет, я так... Я после скарлатины почти не слышу...

Незнакомец ласково положил руку ему на плечо:

— А ты чей будешь?

— Сын лесничего... Циолковский...

— Учишься в гимназии?

— Нет... бросил из-за глухоты...

— А знаешь, что сейчас играли?

Костя смущенно покачал головой.

— Бетховена! Одного из самых великих композиторов. И эту музыку он написал почти глухим.

— Как глухим? — недоверчиво уставился Костя на незнакомца.

— Да. Еще в молодости он стал терять слух, а потом и совсем оглох... Но у него была огромная сила воли, и он заставлял себя работать... Стал великим композитором.

— Бетховен, вы говорите?

— Да, Бетховен.

— Я запомню! Спасибо вам, спасибо! — крикнул Костя и пустился домой...

5

В Вятке было две общедоступных или, как их называли, публичных библиотеки. Одна казенная, основанная еще Герценом, другая — частная, небольшая, созданная в своем доме Александром Александровичем Красовским — местным просветителем. У Красовского было проще достать нужную книгу, и Костя направился к нему.

Увидев у порога худенького, узколицего подростка в косоворотке, в длинных брюках, пугливо озиравшегося кругом, Красовский сказал приветливо:

— Пожалуйста, заходите, молодой человек, у нас двери открыты для всех.

Костя поклонился, подошел к зеленому столу, заваленному книгами, где сидел Красовский — человек интеллигентного вида с бородкой, тронутой сединой, и смущенно спросил:

— Не найдется ли у вас книжки про Бетховена?

— Про Бетховена? — удивленно переспросил Красовский. — Вы занимаетесь музыкой?

Костя расслышал лишь последнее слово.

— Нет, я плохо слышу после болезни...

Красовский сразу догадался, зачем нужна ему эта книга.

— Сейчас, сейчас, молодой человек. Такая книга была... А вы чей будете? — спросил громко.

— Сын лесничего Циолковского.

— Знаю, знаю. Присядьте.

Красовский вышел в другую комнату и скоро вернулся с небольшой, аккуратно переплетенной книжечкой.

— Вот извольте! — Он сделал пометку в тетради и подал Косте книжку.— Когда прочтете — приходите. Подберем еще.

— Благодарю вас, спасибо! — Костя крепко зажал книжку в руке.

Дома он забрался на чердак, где хранилась разная рухлядь. Там, около слухового окна, стояла старая дырявая кушетка. Поудобней усевшись, он раскрыл книжку и стал жадно глотать страницу за страницей. Детство, полное лишений и нужды с пьяницей отцом. Ранняя потеря нежной, горячо любимой матери. Как это было близко и понятно Косте! Он поднимал голову над книгой, сердито смахивал рукавом навертывавшиеся слезы и опять продолжал читать.

Сердце его сжалось от боли, когда он дошел до страниц, рассказывающих о наступающей глухоте Бетховена.

«День и ночь у меня беспрерывный шум в ушах,— писал Бетховен одному из своих друзей. — Могу сказать, что моя жизнь жалка: уже два года я избегаю всякого общества...»

«Да, да, как это верно,— прошептал Костя.— Я тоже стесняюсь людей и при появлении чужих бегу сюда на

чердак. Интересно, что же дальше?» «Я часто проклинал свое существование; Плутарх привел меня к терпению». Костя взъерошил волосы: «Плутарх! Я, кажется, видел у отца книгу Плутарха. Как же он привел Бетховена к терпению? Надо почитать...»

Вот уже и к обеду зовут, а Костя все читает и читает...

«Моим братьям Карлу и... прочесть и исполнить после моей смерти».

«Это похоже на завещание, а ведь Бетховену всего тридцать. Что такое?» Костя замирает. «Мое сердце и разум с детства склонны были к нежному чувству доброты. Я готов был даже на подвиги. Но подумайте только: шесть лет я страдаю неизлечимой болезнью...

Мое несчастье для меня вдвойне мучительно потому, что мне приходится скрывать его. Для меня нет отдыха в человеческом обществе, нет интимной беседы, нет взаимных излияний. Я почти совсем одинок... Я должен жить изгнанником...»

«Как это верно! Как я его понимаю. Да, да, я чувствую то же самое»,— почти закричал Костя и опять углубился в книгу.

«Какое, однако, унижение, чувствовал я, когда кто-нибудь, находясь рядом со мной, издали слышал флейту, а я ничего не слышал... Такие случаи доводили меня до отчаяния; еще немного, и я покончил бы с собой. Меня удерживало только одно — искусство. Ах, мне казалось немыслимым покинуть свет раньше, чем я исполню все, к чему я чувствовал себя призванным...

Терпение — так зовется то, что должно стать моим руководителем. У меня оно есть!»

«Терпение! — воскликнул Костя.— Терпение помогло ему победить недуг! Терпение у меня тоже есть. Я много терпел. И могу, если нужно, терпеть еще больше. Могу и буду. Буду! Буду! Буду!

Бетховену было трудней — он был музыкантом, композитором. Он должен был слышать то, что создает. И все-таки он творил! Мне важно лишь видеть то, что я делаю, и буду делать. Мне — легче! К тому же я хоть плохо, но слышу. И я не сдамся! Я буду учиться изобретать и, как он,— творить! Но творить в другом — в науке. Я буду подражать Бетховену. Учиться у него мужеству, воле, терпению. И я, как он, сумею победить

недуг. Сумею сделать что-то полезное для людей. Для человечества».

Отец был замкнут, мрачен, разговаривал неохотно, сердито. Костя решил не обращаться к нему.

Однажды, дождавшись, пока отец уйдет на службу, он перебрал почти все его книги и нашел толстый том Плутарха «Сравнительные жизнеописания». За этой книгой, описывающей жизнь и подвиги великих людей Древней Греции и Рима, Костя просидел несколько недель.

Он не знал, укрепил ли Плутарх в нем терпение, как в Бетховене, но, прочтя о Тесее и Ромуле, Демосфене и Цицероне, Александре Македонском и Цезаре, он еще тверже укрепился в мысли, что во что бы то ни стало должен сделать что-то важное, что-то полезное для человечества.

А чтоб достигнуть успеха, надо победить уныние и робость, обрести терпение и упорно учиться.

Костя и раньше любил читать, но теперь чтение сделалось для него самым главным занятием. Только сейчас оно не являлось, как бывало, развлечением, а было подчинено заветной цели — приобретению знаний. Он самостоятельно стал изучать физику, химию, механику, математику, астрономию.

Это было непросто. Многого Костя не понимал. Иногда он обращался к братьям, но чаще сам доискивался, ставя простейшие опыты на самодельных приборах.

Однажды отец, вернувшись с работы, застал Костю у распахнутого окна с астролябией. Сын тщательно наводил ее на пожарную каланчу. Отец постоял и, видя, что сын не услышал, как он вошел, удалился.

Костя еще долго сидел, что-то подсчитывая. Потом вышел на улицу и стал шагами измерять расстояние до каланчи.

Когда сели обедать, отец спросил:

— Ты, Костя, кажется, увлекся моей астролябией?

— Да, я вычислял расстояние до каланчи.

— Сколько получилось?

— Четыреста аршин... Но я не поверил.

— И ходил проверять?

— Да. Проверял шагами. Получилось то же самое!

— Хорошо, Костя, что ты проверил. Теоретические расчеты всегда следует проверять практически. Это запомни. Эх, учить бы тебя надо. Учить...

После смерти матери прошло около трех лет. Все это время Костя упорно сидел за учебниками и мастерил разные изделия из дерева, картона, жести.

Как-то в воскресенье, когда Костя ползал по полу в зале, испытывая модель новой самоходной коляски, вошел отец.

За эти три года он ссутулился, длинная борода его побелела, лишь густые брови и усы еще казались темными.

— Костя! — громко сказал он сыну.— Поднимись, я хочу с тобой поговорить.

Костя подошел к отцу.

— Костя, я долго думал о твоей судьбе и пришел к мысли, что тебе следует поехать в Москву, чтоб там продолжить образование. Смотри, как ты вырос. Исполнилось шестнадцать! Это такой возраст, когда уже пора самому заботиться о своем будущем. Поезжай, Костя. Там библиотеки, музеи, лаборатории. Может, заведешь друзей из студентов, которые станут помогать. Я буду высылать тебе по двадцать целковых в месяц.

Костя от неожиданности оторопел. Смотрел на отца широко открытыми, удивленными глазами.

— Что — не веришь?

— Это так неожиданно, папа.

— Боишься?

— Нет, не боюсь. Но не могу поверить... Неужели правда в Москву?

— Да. Решено. До Нижнего поедешь на пароходе, а там — по железной дороге. Ну, что — рад?

— Да, папа, да. Спасибо! Я мечтал об этом...

6

Вот и Москва!

Оставив пожитки на вокзале, Костя пошел подыскивать квартиру.

Длинноволосый, в просторном, сшитом на вырост пальто, в сапогах, со связкой купленных по дороге книг, он остановился около дворника, курившего на скамейке у ворот.

— Не укажете ли, где можно снять комнату или угол?

Дворник сердито посмотрел на странного юношу.

— Уж не из монастыря ли убег?

— Нет, я из Вятки приехал учиться.

— Учиться? А чему учиться-то будешь?

— Физике, математике и другому.

Дворник почесал бороду.

— Толкнись к прачке Анфисе,— кивнул он на двухэтажный дом.— В позапрошлом году жил у нее какой-то студент. Может, и пустит.

Костя подошел к указанной двери внизу, постучал. Вышла рябоватая баба. Спросила строго:

— Чего надо?

— Насчет комнаты хочу спросить.

— Проходите!

Костя прошел в пахнувшую геранью и мыльными парами комнату.

— Вот, если подойдет, могу сдать за три рубля. Только тут мой Семка спит. Ну, да он ничего... Тихий.

— Я буду учиться, мне придется опыты ставить.

— Он ничего не пошевелит. Да и не бывает его — на фабрике работает. А я в кухне стираю день-деньской. Так что никто не обеспокоит.

Костя еще раз осмотрел комнату и, найдя ее подходящей, отдал задаток и поехал за своими пожитками.

Как и с чего начинать? Этот вопрос встал пред юношей Циолковским, как только он привез немудрящие вещи и почувствовал себя жителем Москвы. Можно было бы, пожалуй, доставать стенограммы лекций в университете, но к пониманию их он не был подготовлен. Следовало начинать с «азов», с гимназических курсов.

«Да, я должен основательно проштудировать элементарный курс математики и физики. Хорошо бы и химии. Если удастся — буду ставить опыты».

Познание точных наук рождало у Циолковского новую фантазию, новые замыслы. Думал: нельзя ли воспользоваться энергией движения Земли? Нельзя ли устроить поезд вокруг экватора, в котором бы не было тяжести от центробежной силы? Наконец, нельзя ли строить аэростаты из металла, не пропускающего газа, которые бы вечно носились в воздухе?

Последняя идея казалась ему осуществимой. Он стал считать ее задачей ближайшего будущего.

Особенно волновал Костю вопрос: нельзя ли применить центробежную силу для поднятия в небесное пространство? Он даже придумал прибор (камеру) с двумя шаровы-

ми эластичными маятниками вверху, которые, описывая дуги, должны были поднимать прибор.

Обрадованный Костя до полуночи бродил по сонной Москве, размышляя, анализируя. И хотя он понял, что этот прибор подняться не может, мысль о полетах в небо продолжала его волновать.

Параллельно с изучением точных наук Костя успевал читать и художественную литературу. Его увлекали Писарев и Добролюбов. Он зачитывался романом Тургенева «Отцы и дети». Ему нравился образ Базарова — человека смелого, ищущего, не признающего авторитетов. Костя даже старался на него походить. Он не обращал внимания на свою внешность — зарос, отощал. Знакомые из Вятки, случайно встретив его на улице, не сразу узнали и написали отцу тревожное письмо.

Эдуард Игнатьевич срочно затребовал сына домой.

Костя вернулся в Вятку исхудавшим, бледным, зато возмужавшим, уверенным в себе. Три года, проведенные в Москве за книгами, позволяли ему начать самостоятельную жизнь.

Отец за эти годы сильно сдал и готовился уходить в отставку. Костя стал давать уроки ученикам гимназии и реального по математике и физике. О нем заговорили, как о хорошем репетиторе. Желающих было много. Костя скопил немного денег, снял помещение под мастерскую и стал строить самоходную лодку.

Теперь его неудержимая фантазия стала опираться на реальные расчеты. Лодка с центробежным насосом была построена и спущена на воду. Циолковский даже переехал Вятку, но конструкция насоса оказалась неудачной... А тут подошла осень — работу по изобретательству пришлось отложить. Костя опять стал заниматься самообразованием: изучал математику и астрономию.

Эдуард Игнатьевич вышел в отставку, и летом 1878 года семья перебралась в Рязань. Костю в Рязани никто не знал. Уроки найти было трудно. Как раз в это время Косте попалась в руки программа испытаний на звание учителя народных училищ. Он стал готовиться. Успешно выдержал экзамены и получил звание учителя. Вскоре он был направлен в Боровск.

Жизнь в Боровске не сулила ни радостей, ни надежд. Но должность уездного учителя была почетной и давала хотя и небольшой, но твердый заработок. Циолковский почувствовал себя увереннее. Думалось, что в свобод-

ное время он сможет заниматься изобретательством, наукой.

Молодой учитель снял комнату в доме священника Евграфа Николаевича Соколова. Его дочь Варенька — милая, скромная девушка — была хозяйкой в доме. Молодые люди полюбили друг друга. Преданная, заботливая Варенька стала женой и другом Циолковского.

Вскоре произошло его знакомство со Стрешневым. В этом человеке, гонимом властями, он увидел ум и добрую душу. О таком друге мечталось ему давно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Размышляя о человеческих судьбах, Циолковский сопоставлял земную жизнь с жизнью Вселенной и находил большое несоответствие.

Там, в необъятном звездном мире,— размышлял он,— все подчинено извечному закону тяготения. Вселенная живет своей жизнью. Планеты движутся вокруг «солнц», спутники — вокруг планет. Правда, и в звездном мире происходит немало катастроф — иногда разрушаются и гибнут огромные планеты, целые галактики. Но все же там нет и подобия того хаоса, который царит на земле. Ибо там действуют законы Вселенной. На земле же — законы, созданные самими людьми. Эти законы несовершенны. Они утверждают благоденствие — для богатых и рабство — для бедных...

Циолковский не хотел подчиняться этим «рабским» законам: он жаждал свободы и независимости.

Вступив в должность учителя уездного училища, он скоро начал тяготиться своим положением. Ничтожный заработок, еле позволявший сводить концы с концами, зависимость, ограничение свободного времени и почти никаких условий для научной работы и изобретательства.

«Пожалуй, мое положение «свободного человека» здесь, в Боровске, хуже, чем у ссыльного Стрешнева,— размышлял он. — Стрешнев — политический ссыльный. Он не имеет права уехать из Боровска. Он здесь как в тюрьме. Я, кажется, свободен!.. Но эта свобода весьма призрачна. Она

похожа на мираж. Стрешнев отбудет срок ссылки и опять вернется в Петербург, к науке, к свету, а я принужден буду всю жизнь тянуть лямку уездного учителя. Я незримой цепью прикован к училищу. Я принужден вращаться вокруг училища, как малый астероид вокруг планеты.

Да нет, какой же я астероид? Я пока похож лишь на туманность... даже клочок туманности... Мне нужно сгуститься, обрести форму, окрепнуть, превратиться хотя бы в маленький планетоид и выйти на широкую орбиту. Да, да, именно на орбиту. Я должен сформировать в себе личность, как хотя бы малую величину.

Но я буду бороться. Я должен сам вырабатывать и накапливать энергию, которая сообщит мне поступательное движение. Я буду искать, творить! Только исследования, опыты, научные статьи помогут мне двигаться вперед...»

Циолковский вспомнил о первой статье, которая пропала в журнале, вспомнил о статье «Теория газов», посланной в физико-химическое общество. До сих пор на нее не было ответа. Он задумался.

«Удачи сами собой не приходят. Нет, не приходят... Но отчаиваться нельзя. Ведь не все же метеориты сгорают в атмосфере — некоторые из них достигают Земли. Если вторая моя статья «Теория газов» не попадет в руки настоящего ученого, то, может быть, третья достигнет цели? Надо дерзать!»

Циолковский, никому не говоря ни слова, отнес на почту новую статью. Адрес был тот же: «Русскому Императорскому физико-химическому обществу».

Статья называлась «Механика подобно изменяемого организма». В этой статье, помимо чисто биологических проблем, он пытался поднять и некоторые вопросы механики и аэродинамики.

«Ведь меня же ребенок поймет, не только ученый,— размышлял Циолковский.— Плывут две подобные рыбы: маленькая и большая. И маленькая неизменно становится добычей большой, потому что скорость ее меньше. Отсюда вывод: «Абсолютная скорость движения животного в жидкой среде тем больше, чем больше его размеры». Кажется просто, но, вероятно, никто об этом еще не написал... Никто!..»

Еще задолго до свадьбы Стрешнев отнес в училище привезенные Лизой документы из гимназии. На этот раз директор, старик Усольцев, просмотрев документы, под-

нялся и, улыбаясь в усы, протянул холодную, пухлую руку.

— Поздравляю вас, господин Стрешнев, с назначением на должность учителя. Я был в Калуге у большого начальства, к вам отнеслись благосклонно.

— Благодарю, господин директор,— смиренно поклонился Стрешнев.

— Вот вам программа классных занятий. Извольте познакомиться, и с осени — к делу.

Стрешнев еще раз поблагодарил и откланялся...

Обрадованный, что судьба к нему отнеслась милостиво, Стрешнев решил поблагодарить присяжного поверенного Верховского, вырвавшего его из цепких лап «правосудия» и, вернувшись домой, принялся за письмо в Петербург.

Он рассказал все: как велось следствие по его делу, как объявили постановление Особого совещания, как везли в Боровск. Написал первые впечатления от города, от неожиданного расположения исправника, об устройстве на службу и, наконец, о счастливых днях с Лизой...

Рассказывая о своей судьбе, Стрешнев не забыл упомянуть о своем новом друге — Циолковском и попросил, если возможно, прислать книжки или журналы, где бы освещались вопросы воздухоплавания.

Письмо было написано так задушевно, что Лиза, читая его, даже прослезилась.

— Передай, Сережа, сердечный привет Алисе Сергеевне. Если б не она — тебе бы не избежать Сибири...

После успенья, в традиционный день начала классных занятий Циолковский обещал зайти за Стрешневым, чтоб вместе отправиться в училище.

Еще с вечера Лиза вычистила мужу гимназический вицмундир и попросила поставить будильник на семь часов, чтобы было достаточно времени для сборов. Боясь проспать — легли пораньше.

Ночь была тихая, беззвездная... Стрешнев проснулся, открыл глаза и, увидев, что еще темно, снова задремал. Ему уже начал сниться какой-то сон, как вдруг за окном послышался дикий, пронзительный стоголосый вопль. Стрешнев и Лиза вскочили испуганные, непонимающе глядя друг на друга.

— Что? Что такое? — Стрешнев бросился к окну и увидел улицу, запруженную чем-то белым, колыхающимся,

ревущим. Он протер глаза и понял — гонят гусей. Они кричали, хлопали крыльями, пытались взлететь. Над ними свистели и щелкали бичи погонщиков. Стрешнев подошел к перепуганной Лизе.

— Гонят гусей — всю улицу запрудили.

— Боже мой! А я думала — вторая Помпея... Куда же их гонят?

— Не знаю...

Вошла кухарка Корнеевна — пожилая, тихая женщина.

— Не пугайтесь, барыня, это гуси галдят... Чтоб им околеть вместе с хозяевами.

— Куда их гонят, Корнеевна?

— В Москву, милая, гонят пешками. Этак-то дешевле...

Стрешневы уже не могли уснуть и стали одеваться... Когда пришел Циолковский, Стрешнев был в «полном параде».

— Я пришел пораньше, боялся, чтоб вы не проспали, а оказывается, вы встали раньше меня, Сергей Андреич.

— Нас в пять часов подняли гуси.

— А, знаю, знаю,— заулыбался Циолковский,— сам испытал. Недаром говорят, что гуси спасли Рим...

— Неужели они доходят пешком до Москвы? — спросила Лиза.

— Превосходнейшим образом. Вы видели, какая у них обувь?

— У гу-сей?

— Да-с... Это, знаете ли, изобретение нашего коммерческого века! Я бы патент выдал. Гуси-то обуты лучше нас — в асфальт!

— То есть как это в асфальт?

— Очень просто. Делают поперек дороги широкий жестяный лоток и наполняют его жидким, подогретым асфальтом или варом. Чтоб асфальт не остывал, снизу в канаву кладут горячие угли. А рядом с лотком насыпают песок. Гусей гонят гуртом. Они ступают в асфальт, а потом в песок — вот и обуты!

— Находчиво! Я бы сказал, оригинально,— рассмеялся Стрешнев и взглянул на часы.— Однако уже время!

— Да, пойдемте.

— С богом! Желаю успехов! — сказала Лиза и, накинув платок, вышла их проводить.

Всех учителей пригласили к директору.

Стрешнев, одетый в серый гимназический вицмундир с золотыми пуговицами, сразу привлек внимание.

— Это что, инспектор из Калуги? — зашептались учителя.

— Вероятнее всего!

— Почему же он пришел с Циолковским?..

— Да-с... тут что-то такое.

— Господа! — забасил директор, важно разглаживая седую бороду и вставая.— Позвольте вас поздравить с началом классных занятий и пожелать больших успехов! Я выражаю надежду, что во вверенном мне училище и в этом году все будет хорошо и благополучно.

Он достал из жилета массивные серебряные часы и, взглянув на них, щелкнул крышкой:

— Прошу еще минутку.— Он остановил бесцветные старческие глаза на сидящем в углу Стрешневе.

— Позвольте, господа, представить вам нового учителя русского языка, господина Сергея Андреевича Стрешнева.

Стрешнев встал, поклонился.

— Сергей Андреич служил в Санкт-Петербурге, в ее императорского величества Марии Александровны женской классической гимназии, но волею судеб заброшен в наш город... Надеюсь, что вы отнесетесь к нему с должным вниманием и э... сердечностью... Ну-с, а теперь, господа,— к занятиям. С богом! Сейчас будет звонок.

2

Осень с ее гнетущими дождями и непролазной грязью в Боровске — самая непереносимая пора. Городок блекнет и делается серым, бесцветным, как облетевший сад. Вечером на улицах непроглядная темень — городок словно вымирает. Даже в трактирах и на постоялых дворах не слышно пьяных голосов. Собаки и те — молчат...

А выпадет снег, и все преобразится! Корявые, темные рубленые дома под белыми шапками красуются, как терема. Молодайки в шубейках, отороченных мехом, и в цветистых полушалках кажутся красавицами. Даже почтовые лошади, запряженные в русские сани да увенчанные колокольчиками под дугой,— летят, заливаются веселым звоном. Кругом — бело, весело, любо! Вот она зимушка-зима! И настроение у людей совсем другое!..

В этом году первый снег выпал в ночь на воскресенье, когда Циолковскому не нужно было идти в училище. Проснувшись, он сразу увидел, как запушило подоконник, и,

одевшись потеплей, вышел во двор с лопатой и метлой. Легкий мороз сковал землю, а метель запушила, завьюжила все вокруг. Сказочно! Весело! Светло!

Циолковский разгреб дорожку и вышел за ворота, чтоб взглянуть, что делается в городе.

К дому по узенькой тропинке в снегу бодро шагал усатый почтальон с большой кожаной сумкой.

— Господин Циолковский, здравствуйте! Вам пакет из Петербурга.

— Неужели? — обрадовался Циолковский и поставил лопату у ворот.

— Вот, распишитесь в книге.

Циолковский расписался, взял пакет и, увидев напечатанное крупным шрифтом: «Русское Императорское физико-химическое общество», бросился домой, не сказав почтальону «спасибо» и забыв у ворот лопату...

Закрывшись в своей комнате, он надорвал пакет и вынул письмо, написанное на бланке.

В нем сообщалось, что статья «Теория газов» получена и рассмотрена в Физическом отделении Русского физико-химического общества. О ней профессором П. П. Фан дер Флиттом написан специальный отзыв, из которого следует, что затронутый Циолковским вопрос уже нашел научное освещение в трудах Р. Клаузиуса, К. Максвелла, Л. Больцмана и Я. Ван дер Ваальса.

Тем не менее на заседании Физического отделения была отмечена тождественность выводов Циолковского с выводами вышеозначенных ученых и, учтя то обстоятельство, что учитель из Боровска, не имея специального образования и не зная о названных трудах, дошел до верного решения самостоятельно — на заседании было постановлено рекомендовать его в члены Русского физико-химического общества.

Рекомендация Физического отделения была уважена на объединенном собрании, и общество уведомляло Циолковского, что он единодушно принят в члены Русского физико-химического общества.

Циолковский прошелся по комнате и снова прочел письмо.

Обидно, черт возьми! Очень обидно! В журнале мою статью потеряли, а здесь — такой ответ... Столько работал и вдруг открыл известное... Обидно и стыдно. И все из-за того, что я не располагаю нужной литературой, систематическими знаниями...

Что же теперь делать? Писать, благодарить, что меня избрали в члены общества? Это значит расписаться в собственном невежестве и признать, что тебя избрали из сожаления.

Нет, господа, я воздержусь. Мне не надо ни снисхождения, ни жалости. Я буду упорно трудиться, и придет время, когда вы признаете мои труды и изберете без оговорок. Я еще докажу вам, что кое-что стою. Я обязательно докажу! — громко выкрикнул Циолковский.

Услышав взволнованный голос мужа, в комнату вошла Варенька.

— Костя! Костенька! Что с тобой? Ты чем-то расстроен?

— Вот, почитай, и все поймешь.

Варенька прочла письмо, и глаза ее засветились:

— Костя, твою работу одобрили?.. Тебя избрали в члены общества? Это большая радость! Это — победа!

— Победа? — переспросил Циолковский.— А что я сделал? Установил, что Земля вертится?

— Костя, милый! Ну, зачем так? Просто ты немного опоздал...

— Я всегда опаздываю... Потому, что я в глуши и многого не знаю...

— Полно, Костенька. Успокойся. Нельзя так отчаиваться. Если не веришь мне — спроси Сергея Андреича. Он тоже скажет, что это победа! Не только в Боровске, но и во всей губернии, наверное, нет человека, которого бы избрали в общество. Это большое событие, Костя.

— Ты думаешь? Впрочем, пожалуй. Другой бы воспользовался этим. А я отвечать не буду...

Новый 1883 год обе семьи встречали вместе. Стрешневы, у которых гостила мать Лизы Екатерина Афанасьевна, пригласили Циолковских к себе. Торжество было весьма скромным. Распили бутылку шампанского, потанцевали, попели.

Перед чаем, когда Лиза стала показывать Вареньке привезенный матерью семейный альбом, Стрешнев с Циолковским уединились в кабинете.

— Что, дорогой друг, не сыграть ли нам в шахматы? — предложил Стрешнев.

— Нет, благодарствую, Сергей Андреич, уж поздно — скоро вторые петухи запоют. А вот, если позволите, я бы хотел поговорить.

— Сделайте одолжение, Константин Эдуардович. Как не стыдно спрашивать разрешения... Или мы не друзья?

— Именно друзья! И я давно хотел открыть душу, да... как-то стеснялся.

— Что-нибудь случилось серьезное? — с тревогой спросил Стрешнев.— Вы мне можете открыться, я умею хранить тайны.

— Знаю, знаю...— дружески пожал его руку Циолковский и придвинулся ближе.— Дело, собственно, касается только моих трудов... Да вот — прочтите сами.

Циолковский достал из кармана основательно помятое письмо и передал. Стрешнев быстро прочел и удивленно взглянул на Циолковского.

— Я не совсем понимаю, Константин Эдуардович, что вас волнует?

— Ах, боже мой! Да ведь отвергли же мою работу... И могли подумать, что это плагиат...

— Что вы? Что вы? Как можно?.. Напротив, все удивлены и поражены вашей интуицией, вашей прозорливостью... Ведь избрали же в члены общества. Надо сообщить в училище.

— Нет, нет! — испуганно замахал руками Циолковский. — Если бы один раз я ошибся, тогда бы ничего... А вчера получил второе письмо. Вот, поглядите.

Стрешнев развернул хрустящую бумагу, быстро пробежал глазами официальное уведомление и приложенную к нему записку.

— Вот. Вот что важно, дорогой друг. Слушайте:

«Автор придерживается французской школы, и выводы, сделанные им, частично известны».

— Опять известны! — огорченно вздохнул Циолковский.

— Частично известны! — повысив голос, продолжал Стрешнев.— «Но труд его показывает несомненную талантливость». Вы слышите меня? «Несомненную талантливость! — И. Сеченов!» Это же светило! Его знает весь мир. Вы должны быть на седьмом небе от счастья. Шутка ли? Сеченов похвалил! Садитесь за новую работу. Теперь вам дорога открыта!

— Да, да! Вы правы, Сергей Андреич! Я расстроган. Спасибо! Вначале я как-то приуныл, а теперь вижу — Сеченов поддержал. Это ободряет... Спасибо! Я буду работать. Я уже давно вынашиваю одну мысль... Но прошу—о нашем разговоре, о моем избрании — пока никому не говорить.

3

На масленой, после долгих метелей, накидавших сугробы до крыш, установилась тихая, мягкая погода с синими звездными вечерами. Циолковский смастерил «сани-самокаты» и катал на них Вареньку. Устройство саней было очень простое: на длинных лыжах был укреплен старый стул с высокой спинкой. Усадив Вареньку, Циолковский, подталкивая стул, разбегался и становился на лыжи. Чтоб «сани-самокаты» скользили, он натирал лыжи свечкой. С горки «сани-самокаты» мчались быстрее «кованцев». Стрешневы по вечерам приходили на спуск к реке, чтоб покататься вместе с Циолковскими.

После катанья, надышавшись свежим морозным воздухом, Циолковский закрывался в своей комнате и с упоением работал над новой статьей. В этой статье, которая получила название «Свободное пространство», он старался обобщить мысли, волновавшие его еще в Москве. Это мысли о полетах в мировом пространстве.

Циолковский пытался представить и описать условия, которые создадутся при полете снаряда в пространстве при отсутствии силы тяжести. Он намечал принцип реактивного движения и указывал возможные способы управления движением в воздушном пространстве и стабилизации снаряда в полете.

В начале апреля, когда звенели ручьи и на реке вздулся лед, Циолковский позвал к себе Стрешнева, чтоб обсудить с ним почти готовую статью.

Усадив гостя в старинное кресло, купленное по случаю на торгах, Циолковский возбужденно стал ходить по комнате.

— Кажется, на этот раз я убью медведя, Сергей Андреич. Думается, что до меня никто не предлагал подобного. Мой снаряд будет двигаться в мировом пространстве посредством отдачи. Ему не нужен ни водород, ни крылья.

— А как же именно? — полюбопытствовал Стрешнев.

— А вот смотрите!

Циолковский взял со стула рисунок, где был изображен круглый снаряд, и сел рядом со Стрешневым.

— Вот видите, Сергей Андреич, справа у стенки снаряда помещена маленькая пушка. Она будет стрелять ядрами, через определенные промежутки. При выстрелах ядро полетит в одну сторону, а снаряд, в силу отдачи,—

в другую. Последовательные выстрелы сообщат ему движение, а чтоб снаряд не вертелся, на двух перпендикулярных осях будут вращаться круги-балансиры и придавать ему устойчивость. Представляете?

— Весьма оригинальное устройство, Константин Эдуардович, но мне не совсем понятно, как этот снаряд будет заброшен в небо.

— Этот вопрос я еще не решал. Мне сейчас важно разработать устойчивое циклоидальное, то есть прямое, движение шара в пространстве, а потом я обдумаю и его запуск.

— Идея мне кажется замечательной,— похвалил Стрешнев.— Вы задумали весьма оригинально. Весьма!

— Я считаю, что овладение мировым пространством — задача достижимая и не такая уж далекая. А мой снаряд — это лишь первые наметки. Как, советуете работать над статьей?

— Непременно, Константин Эдуардович,— горячо воскликнул Стрешнев. — Это сейчас волнует и занимает умы многих...

Циолковский обычно работал до полуночи и, добравшись до постели, засыпал так, что можно было стрелять — он бы не услышал. В эту ночь он обдумывал вопрос Стрешнева — «как запустить снаряд в мировое пространство» — и не находил приемлемого решения и спал неспокойно.

Под утро в дверь резко застучали:

— Варвара Евграфовна! Беда! Тонем!

Стук и голос няни Циолковский услышал первым. Он мгновенно вскочил с кровати — ноги обожгла холодная вода. «Значит, река вышла из берегов и затопляет наш дом»,— мелькнуло в сознании.

— Варя! Варенька! Вставай, нас затопило! — закричал он и, схватив сонную Любашу, стал закутывать ее в одеяло.— Варенька! Скорее за мной на чердак! Ско-рее!

Варенька, сунув ноги в валенки и накинув одеяло, побежала на чердак. Няня и кухарка, схватив первые попавшиеся под руку вещи, тоже спешили туда.

— Сапоги! Где сапоги? — закричал Циолковский и рванулся вниз, где вода уже залила сундуки. Но Варенька, передав ребенка няне, успела схватить его за руку.

— Костя, ты с ума сошел! Ведь простудишься.

— Там мои записи, книги.

— Не пущу! Пусть все пропадает пропадом — не пущу.

В этот миг кто-то застучал веслом по краю крыши.

— Эй! Есть ли кто живой? Отзывайтесь!

— Есть, есть! — закричала Варенька.— Мы на чердаке.

— Тогда вылазьте на крышу — доставим на берег.

— Костя, пошли! Пошли скорей! — крикнула Варя и потащила Циолковского к слуховому окну.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Лиза проснулась от плача ребенка. В гулкой предутренней тишине слабый голосок ребенка звучал так пронзительно, что звенело в ушах. А веки слипались, и поднять их не было сил. Тело ломило от усталости, голова клонилась. Лиза встряхнулась и заставила себя подняться. Наскоро надев капот, она взяла ребенка и села с ним в кресло, боясь, как бы не заснуть и не выронить малыша.

Вдруг стекла окон дрогнули, дробно звякнув от гулкого удара колокола, эхом прокатившегося по сонному городу.

— Бум! Бум! Бум! — поплыли надсадные звуки набата.

«Кажется, пожар!» — испуганно подумала Лиза, и сон мгновенно слетел. Она приподнялась и растолкала крепко спавшего Стрешнева.

— Сережа! Набат! Сережа, кажется, пожар. Слышишь, как бьют в колокол.

— Да, да, сейчас.

Стрешнев вскочил, бросился к окнам, но зарева не увидел.

— Очевидно, горит в другой стороне. Я сейчас выбегу, узнаю. Ты не пугайся, Лизок!

Стрешнев быстро оделся и выскочил, прогрохотав по лестнице каблуками. Лиза замерла, прислушиваясь. Малыш задремал. В сонной мгле раздавались тревожные крики и надсадный стон колокола.

«А вдруг близко загорелось? Надо быть готовой ко всему»,— подумала Лиза и стала торопливо одеваться,

укладывать вещи ребенка в большую корзину. Крики на улице усиливались. Слышался топот ног — люди бежали к реке...

Лиза подошла к окну и с тревогой стала всматриваться в предрассветную мглу.

Вдруг под окном послышались шаги и голос Стрешнева:

— Сюда, сюда, пожалуйста, на второй этаж.

Лиза вздрогнула и побежала на кухню, где уже сидели одетые няня и кухарка.

— Ой, барыня, вы встали... А в городе-то что деется! Протва вышла из берегов и затопила несколько улиц. Из домов на лодках вывозят. Этакого никогда не бывало.

Дверь отворилась: вошла Варенька с ребенком на руках, Циолковский с узлом, Стрешнев с чемоданом и рябоватая кухарка с самоваром в руках.

Лиза подбежала к Вареньке, взяла ребенка:

— Варенька, я очень сочувствую. Проходите, пожалуйста, располагайтесь как дома, мы будем рады вас приютить.

— Вчера еще все было благополучно,— сдавленным от волнения голосом заговорил Циолковский,— а сегодня беда... Одним словом — стихия!

— Ничего, ничего. Вода спадет, а пока поживете у нас,— старался успокоить Стрешнев.— Вот эти две комнаты — мой кабинет и зала — в вашем полном распоряжении.

— Спасибо, спасибо, Сергей Андреич,— если не стесним... Впрочем, как не стеснить? Ведь нас целая семья.

— Об этом ни слова, Константин Эдуардович. Да вы все мокрые! Эй, нянюшка, Лизок, дайте переодеться гостям да велите Лукерье ставить самовар...

Через час Циолковские, напившись чаю, улеглись спать на диване, уложив маленькую Любашу в старом большом чемодане на пуховой подушке. Хозяева тоже легли. Однако уснуть никто не мог: за окном раздавался надсадный гул набата...

Днем у Циолковского начался жар, и встревоженные Стрешневы послали за фельдшером Розановым, в которого в городе верили больше, чем в заезжих докторов.

Розанов — тихий сутулый человек с окладистой бородой и в очках — вошел неслышно. Поставив на стул в пе-

редней кожаный саквояж, разделся, вымыл в кухне руки и только тогда легонько постучался в столовую.

Он долго выслушивал больного в черную деревянную трубку, щупал пульс, измерял температуру, потом удалился с хозяевами и Варенькой в другую комнату и шепотом объявил:

— Дела нехороши: у больного сильная простуда.

— Ах, боже мой! Что же делать? — упавшим голосом воскликнула Варенька.

— Будем лечить, голубушка. Будем лечить! — спокойным, глуховатым голосом сказал фельдшер.— Человек молодой, крепкий... Я думаю, все обойдется. Отчаиваться не надо, милая. Недельки две полежит и встанет.

— Две недели! — горестно вздохнула Варенька.— Как же теперь быть? Ведь у нас дом затопило и все имущество!

— Полно, полно, Варвара Евграфовна,— вмешался Стрешнев,— наша квартира, прислуга и мы сами в вашем распоряжении. Чувствуйте себя здесь как дома, мы сделаем все, что в наших силах. Мы не оставим вас.

— Да, да, Варенька,— обняла ее Лиза.— И я, и мама, и Сережа — все будем вам помогать.

— Вот видите, голубушка. Все складывается хорошо,— сказал фельдшер.— Я тоже не оставлю больного, пока он не встанет на ноги. Пошлите-ка кого-нибудь в аптеку, да пойдемте к больному, надо поставить горчичники. А потом я скажу, чем кормить и как ухаживать...

Циолковский болел тяжело. К ночи температура поднималась до сорока. Он метался и бредил. Фельдшер Розанов делал все, что было в его силах, но болезнь не отступала...

В ночь на девятые сутки был сильный жар, больной бредил, резко упал пульс. Фельдшер Розанов, бледный, напуганный сидел вместе с Варей у постели больного и придерживал лед на лбу. Он уже испробовал все средства и теперь решительно не знал, что делать.

Было за полночь, но в доме никто не спал. Все чувствовали, что в эту ночь что-то должно случиться...

Лиза, заглянув в дверь, увидела, что Варенька почти падает со стула, увела ее, уложила в столовой на диване, а сама заглянула в кабинет.

Фельдшер махнул ей рукой:

— Отдыхайте, я посижу...

Лиза и Сергей сидели в столовой, привернув фитиль лампы и чутко прислушиваясь: не позовут ли.

В четвертом часу утра дверь, слегка скрипнув, распахнулась, и из нее с всклокоченными волосами, с очками на лбу, вышел фельдшер.

— Ну, что, что, Виктор Семеныч? — со страхом спросила Лиза.

Фельдшер достал большой полосатый платок, отер бледное вспотевшее лицо и в изнеможении шагнул к креслу:

— Слава богу! Кризис миновал...

2

В субботу Стрешнев вернулся из училища рано и, увидев на столе большой пакет, обрадованно заглянул в спальню.

— Лизок, ты можешь на минутку?

— Да, Коленька спит, а что?

— Вот принесли пакет из Петербурга, очевидно, Верховский откликнулся на мою просьбу. Помнишь, я писал ему про Константина Эдуардовича — просил помочь...

Лиза, прикрыв ребенка пледом, вышла и села к столу:

— Ты писал — помню. Ну, что же, показывай.

Стрешнев достал из пакета изящно переплетенную небольшую книжку, раскрыл ее:

— Менделеев! «О сопротивлении жидкостей и воздухоплавании». Вот будет сюрприз для Константина Эдуардовича.

— А это что за журналы?

— «Воздухоплаватель»... Издается в Петербурге. Я даже не знал... И газеты... французские...

— Позволь, Сережа. — Лиза нетерпеливо развернула газету.

— Любопытно. Пишут, что в Париже в июне будут отмечать столетие со дня изобретения братьями Монгольфье воздушного шара. «Этот день,— по-французски читала Лиза,— в Париже будет отмечен большим торжеством. Изобретатели Ренар и Кребс поднимутся в небо на управ-

ляемом дирижабле «Ля Франс» и совершат на нем полет до Версаля и обратно».

— Интересно! — воскликнул Стрешнев.— Я сейчас же иду к Константину Эдуардовичу — книжка и газеты сразу поставят его на ноги.

— Нет, нет, не сейчас, Сережа. Константин Эдуардович спит. А сон для него — важнее книжек.

— Хорошо, Лизок, я не буду будить. Я просто положу это ему на столик. Константин Эдуардович проснется и увидит... Ты представляешь, как он обрадуется!

— Ну, хорошо, иди отнеси. И не забудь написать в Петербург Верховскому. Это наш благодетель и истинный друг.

В четверг вечером, когда Сергей, Лиза, Варенька и мать Лизы Екатерина Афанасьевна сидели за чаем, в столовую вошел Циолковский, облаченный в длинный, волочащийся по полу халат Стрешнева. Его впалые глаза радостно сверкали, на худом желтоватом лице выступил румянец.

— Костя, Костенька, тебе еще рано ходить,— поспешила к нему обрадованная и испуганная Варенька.

— Нет, нет, я чувствую себя хорошо и хочу с вами посидеть за самоваром. Вот эта книжечка Менделеева вернула мне силы. Да-с. И она торопит меня быстрей взяться за дело. Сердечное вам спасибо, Сергей Андреич. Это драгоценная книжка. И за журналы спасибо! Раньше я следил за журналами. Сейчас не удается... Между прочим, есть статья, подтверждающая мои мысли о необходимости создания управляемого аэростата.

— Уж не решил ли ты, Костенька, мастерить этот самый аэростат? — с тревогой в голосе спросила Варенька.

— Давно думаю об этом. Вы представить не можете, друзья, как это важно и необходимо!

— Константин Эдуардович,— ласково улыбнулась Лиза, желая отвлечь его,— вы ведь не откажетесь от стакана чая? Это не повредит...

— А, да, да, спасибо! С удовольствием.

Циолковский сел и придвинул себе поданный Лизой стакан с чаем.

— Благодарствую!

— А что, Константин Эдуардович, аэростат и воздушный шар не одно и то же? — спросил Стрешнев.

— В принципе разницы нет. Тот и другой наполняются светильным газом или водородом. Правда, аэростат имеет удлиненную, заостренную с концов форму. Но главное в том, что изобретатели стремятся аэростаты сделать управляемыми, чтоб они могли лететь куда нужно, а не туда, куда понесет ветер.

— И это возможно? — спросила Лиза.

— Оказывается, возможно,— горячо продолжал Циолковский.— Известно несколько попыток, которые увенчались успехом. Еще тридцать лет назад французский изобретатель Жиффар построил аэростат, или, как французы говорят, дирижабль и снабдил его облегченной паровой машиной.

— И что же? — нетерпеливо перебил Стрешнев.

— Дирижабль Жиффара развил скорость в десять верст и, несмотря на ветер, подчинялся рулю.

— Скажите! — удивился Стрешнев.

— А наш современник, видный французский ученый Дюпюи де Лом в семьдесят первом году построил дирижабль с гондолой и восьмиметровым ветровым винтом, который вращали восемь силачей.

— И он летал против ветра?

— Летал! Даже развивал скорость до восьми верст в час.

— Сережа, а мы читали, что в Париже строят гигантский дирижабль «Ля Франс»,— вмешалась Лиза.— Он что, тоже будет снабжен машиной?

— Как? Где вы читали? — встрепенулся Циолковский.

— Во французской газете... она у вас.

— Я же не знаю по-французски,— с горькой гримасой сказал Циолковский.

— Мы охотно прочтем и переведем для вас эту статью, Константин Эдуардович.— Лиза пошла в кабинет и скоро вернулась с газетой, читала не спеша, по-русски. Когда она кончила, Циолковский взволнованно поднялся:

— Господа, прошу меня извинить. То, что братья Тиссандье решили применить электрический двигатель,— очень и очень важно. Мы с вами, кажется, стоим на пороге великого открытия. Управляемые аэростаты начинают обретать силу. Это очень важно. Только они не могут вечно оставаться надутыми мешками. Им нужна форма и жесткая, устойчивая к сопротивлениям, оболочка. Они должны быть... Вы извините, но я должен покинуть вас, друзья...

Мне пришла одна мысль...— и быстро пошел к себе в комнату...

Пожелав Вареньке и матери спокойной ночи, Стрешневы пришли к себе в спальню. Лиза плотно притворила дверь.

— Сережа, подверни в лампе фитиль и присядь на минутку, я хочу с тобой поговорить.

Стрешнев исполнил просьбу, присел на кушетку.

— Что тебя беспокоит, Лизок?

— Напротив, я сейчас успокоилась. Константин Эдуардович поправился, слава богу. Но мне думается, что Вареньке очень тяжело с ним... Видел, как он сегодня взорвался?

— Это же необыкновенный человек, Лизок. Он изобретатель, творец! Он живет идеями. Очевидно, его осенила какая-то значительная мысль. И полагаю, что это связано с твоим чтением французской газеты.

— Неужели его занимают дирижабли?

— Да, да, очень. Он сейчас во власти больших замыслов о полетах в небо, в мировое пространство. Рассказывал мне о новой статье и даже показывал чертеж снаряда, который может лететь в пустоте, где нет атмосферы. Весьма и весьма интересно. А сейчас, видимо, его заинтересовало сообщение об электрическом двигателе, который хотят применить французы на аэростате.

— На дирижабле,— поправила Лиза.

— Да, на дирижабле... как их?

— Братья Тиссандье.

— Да, да, Тиссандье. Видимо, Константин Эдуардович хочет применить что-то свое.

— Ты веришь в него, Сережа?

— Да, да, безусловно. Признаюсь тебе, только, ради бога, никому ни слова! Константина Эдуардовича избрали членом Русского физико-химического общества, которое возглавляет сам Менделеев.

— Неужели? Так это же надо отметить. Надо поздравить Константина Эдуардовича.

— Тс-с, Лизок. Он и слышать не хочет. И запретил об этом говорить.

— Да почему же? Ведь с таким званием он бы мог переехать в Калугу и преподавать в гимназии.

— Безусловно, Лизок. Безусловно! Но его обидели. Отклонили статью, выводы которой совпали с выводами других ученых, и избрали в виде поощрения. А он горд. Горд

и уверен в себе. Считает, что за другую работу его изберут, как достойного.

— Когда это еще будет... Может быть, следует уговорить Константина Эдуардовича изменить свое решение?

— Что ты, Лизок. Он непреклонен!

— Да нет, Сережа, Константин Эдуардович такой мягкий, такой покладистый человек.

— В делах, в убеждениях — он тверд и непоколебим. Я уговаривал его — и слушать не хочет. Он скорей согласится нищенствовать, чем изменит свое решение. Да, да. Я знаю... Он мечтает о полете в мировое пространство и буквально живет этой мечтой. Видимо, между ним и Николаем Кибальчичем существовала незримая духовная связь. Константина Эдуардовича волнуют те же мысли, что занимали Николая. Константин Эдуардович очень интересовался проектом летательного аппарата Кибальчича, но я ничего не мог ему рассказать...

— А знаешь, Сережа,— со вздохом сказала Лиза,— Николай, безусловно, был необыкновенным человеком. Он был намного проницательней обычных людей и, безусловно, чувствовал и предвидел будущее. Поэтому он и написал свой проект.

— Да, да, согласен. Таков и Константин Эдуардович. Он тоже живет в мыслях на полстолетия впереди нас. Видимо, оба они жили идеями будущего. Поэтому я и вижу духовную близость их душ.

— Да, возможно,— задумчиво сказала Лиза. — Если бы Константину Эдуардовичу дать хорошие условия для творчества, он бы многое сделал. Я очень верю в его талант. И я рада, Сережа, что нам довелось подружиться с таким человеком. Будем его поддерживать по мере сил. А всетаки Вареньке с ним трудно. Я понимаю ее.

3

Когда спала большая вода и Циолковские переселились в свою просохшую, подремонтированную квартиру, в доме Стрешневых стало как-то пустынно и тоскливо. Это ощущение усугублялось внезапным отъездом в Петербург Екатерины Афанасьевны, вызванной депешей в связи с болезнью мужа.

Лиза, как и в первые дни приезда в Боровск, почувствовала себя одинокой изгнанницей.

Пока гостила Екатерина Афанасьевна и жили Циолковские, Лиза, кажется, была занята не меньше, а все-таки она успевала переводить статьи из французских газет для Константина Эдуардовича и кое-что читать. С рождением ребенка как-то вдруг все переменилось. Вдвоем с няней они еле управлялись с ним. К тому ж по первому тревожному зову малыша Лизе приходилось вскакивать по ночам. Она так уставала, что нередко, присев на диван, мгновенно засыпала.

У Лизы была склонность анализировать пережитое. «Да, наша жизнь сложилась трагически. А главное — впереди не видно никакого просвета. Что, если и дальше нам будет суждено жить в этой дыре? Нет, не хочу! Не хочу! С этим невозможно примириться. Пожалуй, через год-два надо писать Верховскому,— может, он добьется помилования для Сергея или сокращения срока ссылки. Тогда уедем в Питер и заживем настоящей жизнью. А если не добьется?» Лиза поежилась: «Хорошо, что Сережа познакомился с Циолковскими — они такие простые и славные люди. Варенька очень мила. Когда родился Коленька, я особенно привязалась к ней. Да, если б не Коленька — я, кажется, здесь умерла бы от тоски. А теперь — живу им. Я выращу и воспитаю его похожим на Кибальчича. И кто знает, может, он продолжит его святое дело. О, как бы я хотела, чтоб мой малыш был похож на Николая...»

Лиза повернулась на бок, и сон сомкнул ей веки...

4

К троицыну дню из Петербурга вернулась Екатерина Афанасьевна. Павел Петрович поправился и отпустил ее к дочери и внуку на все лето. Лиза, раскрасневшаяся, радостная, вечером прибежала к Вареньке.

— Варюша, милая, ко мне опять приехала мама. Я так счастлива, что не могу передать. Завтра мы ждем вас к себе. Приходите с Константином Эдуардовичем и Любашей. Сережа надумал устроить прогулку в лес и небольшой пикничок. Завтра троица — будет гулянье, хороводы и прочее... Мама с кухаркой пекут пироги, запасают провизию...

— Спасибо, Лиза, я с радостью, но боюсь за Костю — он ведь домосед и всегда занят, а последнее время особенно — мастерит в сарае, и я его почти не вижу.

— Полно, полно, Сережа его уговорит. Немножко отдохнем, поразвлечемся. Я очень устала в четырех стенах. Думаю, что и вы с Константином Эдуардовичем не меньше.

— Спасибо, Лизонька, я поговорю с Костей.

— Так завтра с утра и приходите. Мы будем ждать.

Циолковский, хотя ему и не хотелось расставаться с работой, надел чесучовый пиджак и повязал галстук. Принарядившаяся Варенька вывела за руку трехлетнюю Любашу.

Когда чета Циолковских показалась во дворе, Стрешневы уже были готовы, а у ворот стояла извозчичья пролетка, где восседала кухарка с самоваром, с корзиной, набитой домашней снедью.

Дамы в длинных платьях, отделанных рюшами и кружевами, с легкими зонтиками от солнца, пошли впереди, захватив с собой Любашу. Стрешнев и Циолковский — на некотором расстоянии. Пролетка ехала поодаль.

Идти пришлось недолго. Лес начинался сразу за городом. Мужчины облюбовали под березами небольшую тенистую поляну, разостлали на траве ковер, привязали к березам гамак и разожгли самовар. Извозчику было велено приехать к вечеру.

Циолковский предложил пойти в лес собирать шишки для самовара.

— Да, да, идите все,— сказала Екатерина Афанасьевна,— мы с Лукерьей управимся одни.

День стоял теплый, лучезарный. Солнце порой пряталось в легкие белые облака, и тогда лес дышал прохладой. Вдоль лесного озера вилась тропинка, терявшаяся в кустах тальника и густого орешника. Любаша с радостным визгом убегала вперед, пряталась. Лиза, Стрешнев и Варенька бросались ее искать.

Циолковский тоже играл с Любашей и рассказывал веселые смешные истории, в которые иногда он попадал из-за своей глухоты.

Погуляв в лесу часа полтора, все вернулись на поляну, где уже давно пыхтел вскипевший самовар и была расстелена скатерть, заставленная домашней стряпней.

После чаю, уложив в гамаке Любашу, пошли на луг к Протве, откуда доносились звонкие переборы гармошки и пение. На пологом зеленом берегу парни и девушки в домотканых сарафанах водили хоровод. Многие были в венках из свежих полевых цветов.

Лизе, жительнице Петербурга, никогда не приходилось видеть народного гулянья.

— Сережа, это удивительно! Мне кажется, я попала в оперу «Евгений Онегин». Помнишь, там есть деревенская сценка.

— Да, да. Но здесь лучше, непосредственней, задушевней.

Циолковский, приложив ладонь к уху, старался расслышать слова песни. Лицо его выражало радость и восхищение.

— Варенька, Варя,— прошептал он, беря ее под руку,— что это они поют?

— Плясовую.

— Нет, ты слова мне скажи. Слова.

— Хорошо! — Варенька нараспев заговорила ему на ухо:

Как струна-то загула, загула,
А дуда-то выговаривала:
— Ой, жги! Ой, жги! Говори! —
А дуда-то выговаривала.

Пора молодцу женитьбу давать,
Холостому время свататься.
Ой, жги! Ой, жги! Говори!
Холостому время свататься!..

Отправив Екатерину Афанасьевну с Любашей на извозчике, Стрешневы и Циолковские долго еще наблюдали, как молодежь веселилась на зеленой поляне. Домой возвращались уже в сумерки. Циолковский был в беззаботно-радостном настроении, шутил и даже пытался напевать:

Ой, жги! Ой, жги! Говори!
Холостому время свататься!..

Но когда подошли к дому, он вдруг спохватился:

— Друзья! А ведь я приготовил для вас сюрприз! Хотите взглянуть?

Стрешнев и Лиза воскликнули в один голос:

— Да, да, конечно!..

Циолковский, порывшись в кармане, достал ключ, отомкнул замок и вынес из сарая белое удлиненное сооружение, похожее на бесхвостую рыбу.

— Что это такое?! — удивленно воскликнула Лиза.

— Это макет разрабатываемого мною металлического аэростата.

— Металлического? — недоверчиво спросил Стрешнев и пощупал рукой деревянный каркас, оклеенный толстой бумагой.

— Да, металлического,— с гордостью подтвердил Циолковский.— Этого еще никто не предлагал.

— А почему металлический? — спросила Лиза.

— Чтоб избежать катастроф! Знаменитый французский изобретатель Надар построил аэростат «Гигант», который мог поднять до сорока пассажиров. Но из-за непрочной матерчатой оболочки аэростат потерпел аварию при посадке — десять человек получили увечья. А сколько аэронавтов погибло на таких шарах...

— Разве при металлической обшивке не может быть аварий? — спросил Стрешнев.

— Их можно будет избежать. Ведь мой металлический аэростат будет снабжен двигателем. Следовательно, он будет управляемым и устойчивым к сопротивлению среды. Аэростат будет способен побеждать ветер... Я уверен, друзья, что металлическим аэростатам принадлежит будущее. И, может быть, недалеко то время, когда мы с вами полетим из Боровска в Москву.

— Меня, к сожалению, не пустят,— грустно вздохнул Стрешнев.

— А я верю — полетим! — твердо сказал Циолковский и как стяг поднял свой макет.

— Я тоже верю в это! — радостно воскликнула Лиза.— Я верю, что вы добьетесь успеха, Константин Эдуардович. Верю и желаю вам большой удачи!

— Правда? Вы верите, Елизавета Павловна? Спасибо! Это так важно для меня. Мне так нужна хотя бы маленькая поддержка.

Он взял модель под мышку и с благодарностью поцеловал Лизе руку.

В мае 1886 года у Стрешнева кончился срок ссылки. Лиза, ожидавшая этого дня с душевным трепетом, с утра надела свое любимое сиреневое платье из переливающегося китайского шелка, с круглыми матовыми пуговицами на груди и рукавах. Это длинное, закрытое платье с узкими рукавами Лиза не надевала с того времени, как арестовали Кибальчича. Матери говорила, что оно было тесновато. А сегодня померила — оказалось впору. Лиза любила это платье не только потому, что оно делало ее изящной и, как

говорили многие, очень шло к ее ясным серым глазам, а главное потому, что в нем она понравилась Кибальчичу...

Сегодня у нее было праздничное настроение, и Лиза хотела встретить мужа торжественно.

Принарядившись и уложив в пучок свои пышные светло-русые волосы, Лиза вошла в спальню, где нянюшка Мокеевна одевала белокурого голубоглазого Колю.

— Мамочка! Какая ты красивая! — звонко закричал он.— Я сегодня пойду играть в бабки. Меня мальчишки возьмут.

— Пойдешь, пойдешь, Коленька,— сказала Лиза, целуя его,— а потом мы вместе выйдем встречать папу...

Стрешнева ждали к обеду. К трем часам стол уже был накрыт и украшен букетом первой сирени. Лиза, переодев прибежавшего со двора Коленьку и накинув мантильку, вместе с ним вышла на улицу.

Стрешнев брел навстречу, понуро опустив голову. Лизу кольнуло нехорошее предчувствие. Коленька же, увидев отца, с криком бросился навстречу и, подхваченный отцом, повис у него на шее.

— Папа, папочка! Я играл сегодня в бабки с большими мальчишками...

— Молодец, Коленька. Молодец! Я тебе куплю бабок целый мешочек. Беги домой.

Коля пустился бегом...

— Что, Сережа? — с тревогой спросила Лиза, беря под руку мужа.— Неужели не кончились наши волнения?

Стрешнев поцеловал Лизу в щеку.

— Спасибо, Лизок, что ты надела это платье. Я так его люблю. В нем ты особенно хороша.

Лизе было приятно, что он заметил ее наряд. Она улыбнулась, но эта улыбка тут же потухла.

— Сережа, я очень волнуюсь... Был ли ты у исправника?

— Был... Но пока ничего не известно... Принял меня на этот раз сухо и официально. Даже не предложил присесть. На мой вопрос ответил угрюмо: «Пока никаких распоряжений не имею. Извольте ждать... Как придет бумага — я вас вызову».

— Значит, что-то произошло в Петербурге. Ты просматривал последние газеты?

— Так, бегло...

— Пойдем посмотрим вместе. В Петербурге определенно что-то происходит...

Поднявшись на второй этаж, оба прошли в кабинет, и Лиза сама стала просматривать «С.-Петербургские ведомости».

— Ты, Лизок, смотри хронику, обычно там важные новости.

— Пока ничего значительного не вижу. Нет, подожди... Ах, боже мой! Сережа, какое несчастье!.. Умер Владимир Станиславович! Как жаль... Надо немедленно послать соболезнование Алисе Сергеевне... Сколько он сделал добра... Как помог нам... Если бы не он, ведь тебе бы не избежать каторги. И здесь не дали бы учительствовать...

— Конечно, конечно, милая. Но что же будет теперь? Неужели исправник знал, что Верховский — наш покровитель, а когда прочел о нем — переменился?

— Возможно... А впрочем, не знаю. Одно ясно, что теперь нам не у кого искать заступничества. Что-то с нами будет...

Месяца через два Стрешнев снова пошел к исправнику. Тот даже не встал из-за стола, не подал руки.

— Я запрашивал о вас, господин Стрешнев,— холодно сказал он,— но пока никаких бумаг не поступило. Если желаете — можете подать прошение на имя губернатора или господина министра внутренних дел.

— Нужно сноситься через вас, господин исправник?

— Можете подать прошение мне — я перешлю по инстанции.

Стрешнев поблагодарил, откланялся...

Шли месяцы, а ответа на прошение не было. Лиза волновалась больше Стрешнева. «В Петербурге что-то происходит,— думала она.— Иначе Сергея не стали бы держать. Но что? И долго ли ждать?..»

Чтоб разобраться в событиях, Лиза каждый день просматривала газеты, но ответа не находила.

Наступил восемьдесят седьмой год, а на прошение Стрешнева все еще не было ответа...

Идея создания цельнометаллического управляемого аэростата, который должен был покорить воздушный океан, так увлекла Циолковского, что он совершенно утратил

чувство времени: путал обед с ужином, будни с праздниками и даже иногда забывал имена близких людей. Работа, работа, работа и — ничего больше.

Варенька сердилась, побаивалась за его здоровье. Чтобы отвлечь мужа от дел, она вместе с Лизой по воскресеньям устраивала то поход за грибами, то просто прогулку в лес.

Циолковский охотно проводил время с друзьями, так как с ними можно было по душам поговорить о своем проекте, услышать слова одобрения: они были так важны для изобретателя!..

После встреч с друзьями Циолковский всегда приободрялся и работал весело, воодушевленно. Варенька не раз слышала, проходя мимо сарая, как Циолковский тихонько мурлыкал. Это значило, что он работает с упоением.

Ни одна из работ не увлекала Константина Эдуардовича так, как проект управляемого аэростата. Он посвятил ей не месяцы, а целые годы...

После Любаши у Циолковских родился сын Игнатик, а потом Саша, а проект аэростата все еще не был закончен...

Наступил 1887 год с вьюжной, морозной зимой. Циолковский еще с осени оборудование мастерской перенес из сарая в дом, загромоздив верстаком, токарным станком, моделями самую большую комнату.

Как-то в воскресенье, когда Циолковский собирал новую модель аэростата, в кухне скрипнула дверь, и вошел рослый человек с заиндевелой бородой в форменной шинели земского начальника.

— Здравия желаю! — пробасил он.— Могу ли я видеть господина Циолковского?

Варенька вздрогнула от зычного голоса и грозного вида незнакомца:

— А вы по какому делу?

— Я, собственно, по делам изобретательским... Много наслышан о господине Циолковском... И сам к этому причастен,— миролюбиво заговорил земский начальник, сняв шапку.

— Тогда пожалуйте к нему,— пригласила Варенька и проводила гостя в большую комнату.

— Честь имею представиться: земский начальник Голубицкий Павел Михайлович,— единым вздохом выпалил вошедший, сразу узнав по рассказам худенького, в простых очках, с всклокоченной бородкой Циолковского.

— Очень рад! Чем могу служить? — официально спросил Циолковский.

— Я, собственно, не по службе,— заговорил Голубицкий,— а по весьма деликатному делу — хочу познакомить с вами одну даму, очень интересующуюся вашими изобретениями.

— Даму? Интересующуюся изобретениями? Простите, я вас или не понял, или не расслышал.

— Нет-с. Все именно так.

— Но помилуйте, кто же эта дама? — удивленно приподнял густые кустистые брови Циолковский.

— Может быть, изволили слышать — знаменитый математик из Санкт-Петербурга Софья Васильевна Ковалевская.

— Как же не знать... Но почему она здесь и почему спрашивает обо мне?

— Она проездом... Остановилась у меня и вот просила вас привезти... Я тут недалеко... В Тарусе.

— Меня? К Софье Ковалевской? — переспросил Циолковский, приставив ладонь к уху.

— Так точно!

— Нет, нет, увольте, я к этому не готов. Не могу...— сказал Циолковский, с горечью подумав о своей глухоте. — Не могу.

— Настаивать не смею, господин Циолковский. Я сам предложил ей познакомиться с вами, так как много хорошего слышал о вас.

— Обо мне, кроме сплетен да разных небылиц, ничего не рассказывают. Обыватели считают чудаком.

— Что вы! Что вы! Много хорошего говорят... Сейчас, как я вижу, вы трудитесь над аэростатом?

Циолковский молчал, с недоверием осматривая гостя.

— Вы не опасайтесь меня, господин Циолковский. Я ведь сам изобретатель и умею хранить тайны... Работаю над усовершенствованием телефона. Иногда выступаю со статьями в газетах и имею знакомства в ученом мире. Рад буду быть полезен вам.

— Присаживайтесь, господин Голубицкий, и извините мою неосведомленность.

— Я вижу, вы, Константин Эдуардович, придаете аэростату удлиненную форму.

— Да, я разрабатываю модель управляемого металлического аэростата с изменяемым объемом.

— Вот как? Эт-то весьма любопытно.
— Если желаете, я вкратце познакомлю вас.
— Ради бога! И поверьте — меня искренне интересуют ваши исследования.

Циолковский одобрительно кивнул и стал рассказывать...

— Модели, которые вы видите, господин Голубицкий,— это лишь дополнение к моей главной работе. А главная работа вот! — он достал из стола объемистую рукопись.— Триста пятьдесят две страницы. Труд «Теория и опыт аэростата». Это теоретически разработанный проект, в разных вариантах по величине, металлического аэростата со многими схематическими чертежами. Желаете взглянуть?

— Если разрешите...

Циолковский протянул рукопись.

— Вы, вероятно, знаете, господин Голубицкий, что матерчатые оболочки существующих аэростатов очень непрочны и часто приводят к катастрофам. К тому же их нельзя считать непроницаемыми для газа. Да и геометрические формы аэростатов несовершенны.

Предлагая заменить матерчатую оболочку металлической, я даю расчеты наиболее эффективных геометрических очертаний аэростата.

— Да, да, я вижу. Очень интересно. И смело! — листая рукопись, заговорил Голубицкий.— Я удивлен, господин Циолковский. Удивлен! Признаться, случалось о вас слышать разные небылицы... Теперь вижу — не зря приехал и хотел вас познакомить с Софьей Васильевной. Ей было бы интересно. Может, поедете?

— Нет, нет, благодарю вас, не могу.
— Тогда позвольте мне еще полистать рукопись.
— Сделайте одолжение...

За разговорами просидели дотемна.

Прощаясь, Голубицкий долго тряс руку Циолковского.

— Поразительно! Я ничего подобного не слыхал. Днями буду в Москве — обязательно разыщу Столетова и обо всем расскажу ему. Рад, необыкновенно рад знакомству с вами, господин Циолковский. Вы делаете великое дело. Да-с... Ну, а что же все-таки сказать Софье Васильевне?

— Не могу... Так и скажите. Не могу. Еще не готов к этому... Как-нибудь в другой раз...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Почему не отпускают Стрешнева? Этот вопрос волновал и Циолковского. Он тоже хотел разобраться в происходящем и внимательно читал «Московский листок», привозимый в Боровск на трое суток раньше петербургских газет.

Как-то зябким мартовским вечером Циолковский вышел погулять и направился на почту за свежей газетой. Там толпился народ, обсуждая какие-то новости. Говорили полушепотом, и Циолковский не мог расслышать. Развернув газету, он прочел маленькое сообщение, перепечатанное из «Правительственного вестника», и сразу все понял.

В сообщении говорилось, что в Петербурге 1 марта схвачена группа заговорщиков-террористов, готовивших покушение на государя императора Александра III. Арестованные: Ульянов, Шевырев, Осипанов, Андреюшкин и Генералов — признали себя членами тайного общества, именуемого «террористической фракцией «Народной воли».

Циолковский свернул газету и сунул в карман.

«Вот разгадка вопроса, почему держат Стрешнева. Значит, «Народная воля» еще не полностью разгромлена. Герои! Молодцы! Я преклоняюсь перед вами!.. Однако моему другу это может грозить новыми неприятностями. Надо предупредить».

Циолковский быстро зашагал к Стрешневым.

2

Весть, принесенная Циолковским, подтвердила догадку Лизы. Прочтя вслух сообщение, она не могла сдержать слез и выбежала из комнаты...

Стрешнев угрюмо ходил вдоль окон, спрашивая себя: «Что же теперь делать?.. Что будет?.. Несчастных безусловно повесят, а потом? Потом начнут шерстить всех, кто привлекался по делу «1 марта» пять лет назад... Надо же случиться, чтоб второе покушение намечалось тоже перво-

го марта. В этом усмотрят прямую связь. Ведь опять упоминается «Народная воля»... Это роковое совпадение может для меня кончиться трагически...»

— Сергей Андреевич, не повредит ли это событие вам? Раз кончился срок ссылки,— может быть, уехать?

— Куда? Это невозможно. Я был у исправника. Остается лишь ждать...

— Да,— вздохнул Циолковский.— Как в сущности все мы беспомощны и беззащитны...

Вошла Лиза, и тут же подали чай. Лиза села к самовару и наполнила чашки. Однако все сидели угрюмые, подавленные. Разговор не вязался.

Циолковский чувствовал себя виноватым, что принес это тяжелое известие. Он снимал и протирал очки, стараясь сказать что-то успокоительное, обнадеживающее, но ничего не мог придумать...

Лиза молча мешала витой ложечкой остывающий чай. Ее лицо стало сосредоточенным и одухотворенным. В глазах уже не было страха. Она видела перед собой Кибальчича...

Его бледное лицо с черной густой бородой и карими, спокойными, умными глазами смотрело из мрака былого. Он как бы говорил: «Каждый человек должен честно исполнить свой долг. Я и мои товарищи казнили тирана и за это заплатили жизнью. Наши последователи пытались казнить второго деспота, но их постигла неудача... Ты должна вырастить и воспитать своего сына, чтоб он встал в ряды борцов за свободу и счастье народа».

Лиза взглянула на мужа, давно выпившего свой чай и нервно мнущего в руках салфетку.

«Бедный Сережа. Он боится не за себя, а за нас с Коленькой. Но мы не сдадимся...»

Циолковский, продолжая чувствовать неловкость, допил свой чай и поднялся:

— Друзья, простите меня, что принес вам это горькое известие. Поверьте, сердце мое распахнуто для вас. Что бы ни случилось, мы с Варенькой — ваши верные друзья до гроба. Мы сделаем для вас все, что сможем.

Стрешнев поднялся и обнял друга:

— Спасибо, Константин Эдуардович. Спасибо! В эти дни нам особенно дорога и ваша дружба и ваше участие.

Циолковский поцеловал Лизе руку и, склонив голову, удалился. У него было такое ощущение, что он прощается со Стрешневым навсегда.

3

Циолковский в душе восхищался подвигом Гриневицкого, казнившего Александра II шесть лет назад, и теперь с гордостью думал о смельчаках, отважившихся вступить в смертельную схватку с новым деспотом, охраняемым тысячами явных и тайных жандармов. Поэтому, когда над Стрешневым нависла новая беда, Циолковский стал чаще бывать у друзей, стараясь их ободрить, хотя знал, что это может повредить его репутации.

Власти на этот раз всячески пытались приглушить слухи о покушении на царя. Никаких подробностей газеты не сообщали. В училище посудачили и утихли.

Циолковский постепенно успокоился и опять начал работать над аэростатом. Опыт с моделями помог ему осмыслить основные конструктивные принципы своего аэростата, и сейчас он дорабатывал свой теоретический труд «Аэростат металлический, управляемый».

Он так увлекся работой, что даже не читал газет. Поэтому не знал о казни в Шлиссельбургской крепости пятерых террористов, покушавшихся на Александра III.

Совсем другое происходило в семье Стрешневых. 15 мая Лиза купила на почте «Правительственный вестник», где отыскала следующее сообщение: «Приговор Особого Присутствия Правительствующего Сената о смертной казни через повешение над осужденными Генераловым, Андреюшкиным, Осипановым, Шевыревым, Ульяновым приведен в исполнение 8-го сего мая 1887 года».

Двумя неделями позже заезжая модистка принесла Лизе «Журнал мод», который был обернут французской газетой. Из этой газеты Стрешневы узнали, что казненные были студентами Петербургского университета. Пахомию Андреюшкину и Александру Ульянову едва исполнилось двадцать лет; Василию Генералову было двадцать два года, Петру Шевыреву и Василию Осипанову по двадцать шесть.

Газета отмечала, что на следствии и суде террористы вели себя отважно. Они подтвердили, что были членами партии «Народная воля» и ставили своей целью убийство Александра III, так как не видели другого выхода для избавления России от бесправия и произвола...

— Да,— вздохнул Стрешнев,— мы ничего не ведаем. Нам остается только ждать...

4

Май стоял теплый, солнечный, а в первых числах июня задули северные ветры, начались дожди.

Так как занятия в училище давно окончились, Стрешнев сидел дома. Однообразные, тревожные разговоры домашних и заунывный шум дождя усиливали и без того тяжелое настроение. Томила, угнетала неизвестность. Ведь скоро год, как было послано прошение министру внутренних дел, а до сих пор — никакого ответа. Стрешнев нервно ходил по комнате, до боли сжимая пальцы: «Пусть новая ссылка, но только бы не это мучительное ожидание...»

Раздался звонок. Кто-то несколько раз дернул внизу за ручку.

Лиза приподнялась над книгой.

— Это чужие! Уж не от исправника ли? — с испугом спросила она.

— Не волнуйся, Лизок. Тебе нельзя волноваться... Я думаю: что бы ни случилось — все к лучшему. Так надоело ждать.

Хлопнула дверь, и в передней послышался спокойный голос нянюшки:

— Дома, дома, проходите, пожалуйста.

В дверях появился взволнованный, с зонтом в руках Циолковский.

— Извините меня, друзья, прибежал поделиться нежданной новостью — вызывают в Москву. Надо ехать незамедлительно.

— Присаживайтесь, Константин Эдуардович, присаживайтесь, — пожимая ему руку, обрадованно заговорил Стрешнев.— По какому же делу вас?

— Помните, я говорил вам о визите Голубицкого. Видать, он сдержал обещание. Приглашают в Московское общество любителей естествознания. Предлагают выступить с сообщением о цельнометаллическом аэростате... Просят приехать срочно, так как в конце июня рекомендовавший меня профессор Столетов должен отбыть за границу.

— Это чудесно, дорогой друг, я очень рад за вас.

— Это замечательно! — воскликнула Лиза. — Наконец-то вам предоставляется возможность заявить о своих трудах публично.

— Заманчиво, а все же боюсь, друзья,— сбивчиво продолжал Циолковский.—Ведь тут соберутся многие ученые. Как же я, почти глухой, буду им докладывать?

— Но другого случая может не быть,—сказала Лиза.— А вы говорили, что готовы защищать свой проект где угодно.

— Да, да, конечно, говорил... Я верю в него.

— Тогда чего же смущаться? Вон «народовольцы» шли на смерть...

— Лиза, Лизок, ты, кажется, увлекаешься,— остановил жену Стрешнев.

— Нет, нет,—возразил Циолковский.—Елизавета Павловна права. Я должен действовать решительней. И я не боюсь. Только вот глухота...

— А когда ехать? — спросил Стрешнев.

— У меня проект и новая модель совершенно готовы. Собираюсь завтра. Пришел попрощаться.

— В добрый путь!—сказала Лиза, вставая и пожимая Циолковскому руку.— В добрый путь!

— Желаем большого успеха! — обнял его Стрешнев.

5

Отправив депешу в Физическое отделение Московского общества любителей естествознания, Циолковский днем выехал на почтовых. Из-за дождей дорога оказалась сильно размытой, с колдобинами, наполненными мутной водой, и до Москвы удалось дотащиться лишь на четвертые сутки.

Узнав в Политехническом музее у секретаря общества адрес профессора Столетова, Циолковский пешком отправился на Тверскую.

За одиннадцать лет, что он не был в столице, Москва ничуть не изменилась. Те же булыжные мостовые, те же извозчики и ломовики, та же бойкая торговая сутолока в Охотном ряду...

Поднявшись на второй этаж, на двери, обитой черной клеенкой, Циолковский увидел бронзовую пластинку со строго выгравированной надписью: «Профессор Московского университета Александр Григорьевич Столетов».

Циолковский стал искать глазами ручку звонка, но ее не оказалось. «Придется постучать,— подумал он и вдруг пониже бронзовой пластинки увидел черную пуговку. —

Кажется, электрический?» Он с минуту постоял в раздумье и надавил пуговку. Послышался мягкий дробный звон, и дверь открыла женщина в белом переднике.

— Могу я видеть господина профессора?

— Как прикажете доложить?

— Циолковский. Учитель из Боровска.

— Входите, входите, коллега, я давно вас жду,— послышался громкий голос, и из полумрака передней шагнул навстречу высокий человек с круглой бородкой, в очках, приветливо протянул руку.— Здравствуйте, господин Циолковский! Рад вас видеть. Как доехали?

— Благодарствую, господин профессор, все благополучно. Привез свой труд и модель аэростата.

— Прекрасно. А мы уже назначили на пятницу ваш доклад в Политехническом музее. Будут видные ученые. Все очень заинтересованы вашим сообщением.

— Благодарю вас, господин профессор.

— Зовите меня Александр Григорьевич и, пожалуйста, держитесь без всякого смущения. Мы коллеги, и этим должны определяться наши отношения.

— Спасибо, Александр Григорьевич. Но, право, как-то неловко...

— Больше об этом ни слова. Где ваш реферат?

— Простите, Александр Григорьевич, это не реферат, а просто большая статья.

— Где она?

Циолковский достал из бокового кармана сюртука вдвое сложенную толстую тетрадь, расправил:

— Вот, извольте!

— «Теория аэростата»? Отлично! Я посмотрю. Мне ведь придется председательствовать... Вы оставите вашу работу?

— Да, конечно, Александр Григорьевич.

— Отлично-с! А теперь скажите, где вы остановились? Не оказать ли вам содействие?

— Я ведь жил три года в Москве и остановился у старой хозяйки. Там вполне прилично.

— Так-с. Хорошо. Тогда прошу ко мне обедать.

— Благодарствую, Александр Григорьевич, вы и так оказали мне большую честь. Благодарствую. И, признаться, я должен подготовиться к докладу.

— Это существенный предлог. Ну-с, так желаю вам успехов, господин Циолковский! В пятницу к шести часам мы вас ждем в Политехническом музее...

В пятницу днем Циолковский привез на извозчике в музей новую модель аэростата и попросил секретаря общества указать аудиторию, где ему предстояло докладывать.

Секретарь— степенный седой человек в черном сюртуке — провел его в большой светлый зал. На возвышении под портретом Ломоносова стоял стол, покрытый зеленым бархатом, и массивная кафедра, а внизу — десятка три кресел. За столом висела черная классная доска, и на подставке лежали мел и тряпка.

«Вот это хорошо,— подумал Циолковский,— я смогу начертить схемы». Положив модель дирижабля на шкаф, стоящий в углу, он поблагодарил секретаря общества и, сказав, что будет к шести, откланялся...

В зале сидели важные, убеленные сединами ученые. Константин Эдуардович, взглянув на них, растерялся и забыл, с чего следует начинать. Но Столетов, заметив его смущение, заговорил очень спокойно и добродушно:

— Господа! Прежде чем представить вам докладчика, я прошу позволения сказать несколько слов. Господин Циолковский занимает скромную должность уездного учителя в Боровске, но его реферат заслуживает всяческого уважения. Ознакомившись с его трудами, я позволю себе доложить вам, что господин Циолковский по своим знаниям мог быть учителем в любой гимназии и даже преподавать в университете. Его исследование об аэростате — это зрелый труд, полный смелых мыслей и новых идей, в чем вы сейчас убедитесь сами. Однако господин Циолковский, в силу сложившихся обстоятельств, не сумел получить специального образования. И если в своем докладе он не всегда будет следовать строго научной терминологии, я прошу вас, господа, не быть слишком строгими и проявить доброжелательность. А за сим позвольте представить вам, господа, нашего гостя Константина Эдуардовича Циолковского.

Ученые ободряюще захлопали. Циолковский поднялся на кафедру совсем успокоенный и, поправив очки, заговорил:

— Господа ученые! Я очень растроган и сердечно благодарю вас за то, что вы согласились выслушать меня. Я представляю себе, как все вы заняты и как дорога вам каждая минута времени, поэтому буду предельно краток.

В зале послышались приглушенные голоса одобрения, и это придало сил и уверенности Циолковскому.

— Вы прекрасно знаете, господа, что воздушный шар Монгольфье за свою столетнюю историю претерпел большие изменения. Из круглого и грушеобразного он сделался продолговатым, рыбоподобным. Такая форма более устойчива к сопротивлению воздушной среды. А главное, господа, сейчас проявляется тенденция к созданию аэростатов управляемых, способных сопротивляться стихии и преодолевать силу ветра. Полагаю, что вы отлично осведомлены о дирижаблях Жиффара, Дюпюи де Лома, братьев Тиссандье, Ренара и Кребса. Безусловно, вам известны работы в этом направлении наших соотечественников, профессора Менделеева и изобретателя Костовича.

Отдавая дань уважения названным изобретателям и исследователям, позволю себе высказать мысль, что главный недостаток перечисленных аэростатов состоит в ненадежности их оболочек. Матерчатая оболочка очень непрочна и недолговечна. Она не может долго сопротивляться силе ветров и не может быть абсолютно непроницаемой для газа.

Чтобы добиться серьезных успехов в воздухоплавании, надо экспериментировать, ставить опыты. Я разработал совершенно новую жесткую конструкцию оболочки управляемого аэростата. По моим убеждениям, она должна быть металлической.

— Металлической?—раздался удивленный старческий голос.

— Да, металлической! Ее необходимо делать из тонких листов железа, меди или другого ковкого металла.

Циолковский сошел с кафедры, достал со шкафа модель своего дирижабля и поднял ее над головой:

— Вот мой аэростат. Он сделан из тонких медных пластин. Огромное значение я придаю форме аэростата. Предлагаю конфигурацию, приближенную к форме быстроходных рыб. Такой аэростат сможет легче преодолевать сопротивление воздуха и ветра.

— Это разумно!

— Да, да, весьма! — послышались голоса.

Циолковский подошел к доске, взял мел и нарисовал воздушный шар с корзиной:

— Вот такую форму имел аэростат Монгольфье. Подобные аэростаты были легкой добычей ветров. Мы знаем, господа, что десятки аэронавтов, пускавшиеся в полет на воздушных шарах, погибли трагически. А вот взгляните,

господа,— Циолковский быстро нарисовал головастую рыбу.

— Это кит? — спросил кто-то в первом ряду.

— Это аэростат Липпеха, строившийся в России еще в тысяча восемьсот двенадцатом году.

Ниже этого рисунка Циолковский нарисовал аэростат миндалеобразной формы, а внутри — грушеподобный баллон.

— Это, господа, схема оболочки аэростата Дюпюи де Лома, вычерченная профессором Менделеевым. В центре оболочки, как вы видите, помещен баллон с газом. Он при полете может расширяться или сокращаться, а оболочка останется неизменной.

Циолковский сквозь очки взглянул в зал и, заметив, что его слушают с интересом, продолжал:

— Мысль о жесткой оболочке теперь занимает многих. Большое значение имеет также и ее геометрические очертания. Чертеж, сделанный профессором Менделеевым по им же проверенным расчетам дирижабля французского конструктора Дюпюи де Лома, предпочтительней многих других. Его миндалевидная форма будет более устойчива к сопротивлению воздушной среды. Однако матерчатая оболочка весьма ненадежна. При наполнении и сокращении газового баллона она может деформироваться, что поведет к катастрофе.

— Я предлагаю, господа,— повысил голос Циолковский,— создать аэростат цельнометаллический, на жестком каркасе, который будет более надежен и безопасен. Думаю, что в этом направлении и должно идти дальнейшее развитие воздухоплавания.

— Ну-с, а как же ваш аэростат будет управляться? — спросили из зала.

— Сейчас, как вы знаете, господа, создаются электрические двигатели и двигатели, работающие на жидком горючем. Я надеюсь, что они-то и обеспечат развитие аэронавтики. Именно они!

В зале зашептались.

Выждав тишину, Циолковский продолжал с воодушевлением и верой:

— Мой цельнометаллический аэростат имеет еще одну существенную особенность — он может менять свой объем.— Циолковский вновь поднял модель и сжал ее.— Вот видите! Это сокращение необходимо для того, чтоб избежать деформации корпуса и при расширении и сжатии

газа в баллонах на разных высотах. Изменение объема дирижабля будет производиться системой тросов, расположенных внутри металлической оболочки. Я уверен, господа, что только цельнометаллические аэростаты принесут прогресс человечеству. Но такой системы аэростата еще никто в мире не предлагал. Я боюсь, что на мои идеи не обратят внимания, если вы, господа, не возвысите свой голос. Судьба моего изобретения в ваших руках. От вас, господа, зависит многое. Вы можете помочь мне и России проложить пути в голубом океане. Я взываю к вашему разуму и к вашим сердцам!..

Циолковский умолк.

Раздались хлопки, послышались ободряющие возгласы: «Похвально!», «Смело», «Весьма оригинально!»... Ученые тесным кольцом охватили Столетова. Секретарь взял под руку Циолковского и увел к себе...

6

В тот день, когда Циолковский, охваченный волнением, ехал на извозчике с моделью аэростата в Политехнический музей, к Стрешневым, стуча шашкой о ступеньки лестницы и хрипло дыша, поднимался тучный городовой.

Услышав тяжелые шаги, Сергей Андреевич поспешил в переднюю:

— Здравия желаю! — гаркнул городовой.— Вы будете господин Стрешнев?

— Да, я. Вам что угодно?

— Господин исправник требует вас к себе.

— Хорошо. Сейчас...

Городовой козырнул, щелкнул каблуками и вышел.

— Что, что случилось, Сережа? —выбежала из спальни встревоженная Лиза.

— Исправник требует к себе. Приходил городовой.

— Ты не волнуйся, Сережа. Если б что плохое — пришли бы жандармы.

— А вдруг жандармы уже ждут там? Может, собрать вещи?

Лиза растерянно посмотрела на мужа и, секунду подумав, подбежала к раскрытому окну, взглянула и пальцем поманила Стрешнева:

— Сережа, он тут...

— Городовой?

— Да, очевидно, ждет тебя...

Стрешнев, стараясь быть спокойным, оделся в старый гимназический вицмундир. Зашел в спальню, поцеловал спящего сына и, перекрестив его, вышел в столовую.

— Ты ждешь худшего? — спросила ходившая следом Лиза.

— Не знаю... На всякий случай, Лизок, вот тебе деньги, спрячь. Если меня арестуют —уезжай отсюда вместе с мамой и Коленькой. Впрочем, я надеюсь, что все обойдется...

Стрешнев обнял Лизу, поцеловал:

— Не волнуйся, Лизок, полагаю, что переведут в другой город, и мы опять будем вместе.

— Я пойду за тобой, Сережа. Чтоб увидеться еще раз и узнать...

— Хорошо. А где мама?

— Она на базаре, я уже послала кухарку...

Стрешнев ласково погладил волосы Лизы, еще раз поцеловал ее и вышел.

Городовой сидел на скамеечке и курил.

— Что, меня приказано доставить под конвоем? — громко, чтоб слышала Лиза, спросил Стрешнев.

— Никак нет, ваше благородие,— вскочил городовой, увидев блестящие пуговицы,— я просто курил в холодке.

«Хитрит»,— подумал Стрешнев и быстро, не оглядываясь, пошел впереди...

— А, господин Стрешнев! Входите, входите! — весело выкрикнул исправник и легко встал из-за стола.— Здравия желаю, Сергей Андреевич! Присаживайтесь,— и протянул Стрешневу мясистую руку, как старому знакомому.

— Наконец-то я могу вас обрадовать. Пришла бумага из Петербурга. Вы теперь — вольный казак! Честь имею поздравить!

— Спасибо, господин исправник. Я еще не смею верить.

— Как же, вот-с она! Сам господин товарищ министра внутренних дел изволил положить резолюцию.

— Что же, я могу вернуться в Петербург?

— Нет, не совсем... однако через некоторое время, я полагаю, возможно...

— Что же в резолюции? — дрогнувшим голосом спросил Стрешнев.

— А вот извольте убедиться сами: «Разрешается жить в Калуге».

— В Калуге?

— Да. Превосходный губернский город. Вы недовольны?

— Нет... Я, собственно, не знаю...

— Как, помилуйте! В теперешнее-то время! Эх, Сергей Андреевич, Сергей Андреевич! Я ведь боялся за вас — ночи не спал... Ведь в Сибирь могли вас закатать. Да-с... Уж вы поверьте мне. Я знаю... Счастье в том, что бумага была подписана еще до этой крамолы. Поезжайте, голубчик, в Калугу — барином заживете. Вот для вас бумаги. Желаю успеха!

— Благодарю вас, господин исправник,— поклонился Стрешнев, взяв бумаги.

Исправник встал и, пожав руку Стрешневу, проводил его до дверей.

7

С последней перед Боровском станции Циолковский выехал на перекладных еще затемно. Было прохладно и сыровато: в низине, у темного леса, висел густой туман. От прерванного сна и сырости слегка знобило. Усталость и нервное напряжение последних дней давали себя знать. Циолковский завернулся в крылатку и, поудобней усевшись, задремал.

Дорога тянулась лесом. Пахло хвоей и прелью. Лес спал. Его покоя не нарушало монотонное тарахтенье колес, позвякивание подков и редкие всхрапы лошадей. Лес спал величавым таинственным сном. Циолковский несколько раз открывал глаза, взглядывал в его непроглядную темень и снова погружался в дремоту.

Но вот небо посветлело, и черный густой лес как бы отодвинулся от дороги — потянулся веселый молодой березняк, еще матовый от росы и пахнувший мочеными вениками.

Из-за большого леса поднялось солнце. Застрекотали кузнечики. Где-то далеко, в лугах, заржали лошади; на бугре, в деревне, стали заливисто перекликаться петухи.

Солнечный луч, проткнув листву березняка, скользнул по лицу Циолковского и разбудил его.

Неторопливо, протерев запотевшие стекла очков, Циолковский с детской беспечностью взглянул на просыпающийся мир, прислушался к пению петухов и сладко потянулся. На душе у него было радостно и безмятежно.

Впервые за тридцать лет жизни оп почувствовал себя по-настоящему счастливым. Да и было отчего! Его труд «Теория аэростата» был единодушно одобрен большим собранием московских ученых и послан на заключение профессору Жуковскому — ученику и другу Столетова. В доброжелательном отзыве профессора никто не сомневался. Столетов, прощаясь, пообещал, что общество окажет содействие в опубликовании «Теории аэростата» и сделает этот труд достоянием широкой гласности.

О чем же мог еще мечтать молодой исследователь?

Циолковский предался грезам о будущем, которое рисовалось ему весьма заманчивым. Представилось, как на его аэростатах люди летят во все концы земли... Он зевнул и снова впал в дремоту...

— Эй, барин! Вставайте! Подъезжаем. Вот она, почтовая! — тряся его за плечо, закричал ямщик.

Циолковский встряхнулся, открыл глаза:

— Боровск, барин. Приехали! Вылезайте, мне надо распрягать.

Циолковский вылез из телеги и, дав ямщику на водку, весело зашагал к дому. Ему хотелось быстрей обрадовать Вареньку, расцеловать детей.

Неся под мышкой модель аэростата и книги, а в другой руке крылатку и сверток с гостинцами, Циолковский вдруг остановился: на месте красивого, с резным крылечком дома соседей зияла черная яма да торчала закопченная русская печь с высокой трубой. Что такое? Оказывается, был пожар... Циолковский приподнял голову и не увидел своего дома. Модель и свертки выпали из рук. Он робко сделал несколько шагов и остановился у обгорелой березы.

«Боже мой! Где же наш дом?.. Варенька? Дети?.. Неужели все погибли?» — прошептал он и побрел сам не зная куда...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Поселившись с семьей у Стрешневых, Циолковский три дня помогал им собираться, укладывал и увязывал вещи, доставал лошадей, и лишь когда они уехали, почувствовал сильную слабость и головную боль.

Варенька уложила его в постель в том же кабинете, где он лежал после простуды в наводнение. Циолковский, гладя ее руку, смущенно и грустно сказал:

— А ведь я, Варюша, кажется, опять заболел...

Явился мешковатый, неторопливый фельдшер Розанов и, глуховато покашливая, долго выслушивал больного, выстукивал молоточком и наконец объявил, что у Константина Эдуардовича сильное нервное расстройство.

— Хорошее питание, воздух и полный покой!—твердо сказал он.— Изобретательские дела необходимо оставить на год, а то и больше. Это главное условие, если вы хотите поправиться к началу классных занятий.

— Позвольте, но как же? Ведь у меня в Москве проект... Меня могут вызвать?!

— Никаких проектов, никакой переписки,—решительно заявил фельдшер.— Сейчас капли и—в постель! А когда начнете ходить — прогулки в лесу.

— Но, позвольте, я же не смогу без дела.

— Когда станет лучше — об этом поговорим. А пока, Варвара Евграфовна, с больного не спускайте глаз. Покой! Полный покой — и решительно никаких занятий...

После яблочного спаса Циолковскому разрешено было ходить: он почувствовал себя значительно лучше, хотя голова все еще болела. Эта тупая, чугунная боль утихала лишь временами, когда он гулял или занимался легкой физической работой.

Фельдшер Розанов посоветовал ходить в лес, вырубать ореховые посошки и вырезать на них узоры.

— Это для вас — отличная работа! — усмехаясь в бороду, сказал он назидательно.— Занятие чистое и благородное. А главное — успокаивает нервную систему и отвлекает от всяких мыслей.

Прощаясь, фельдшер порылся в глубоком кармане и достал перочинный нож:

— Вот, возьмите подарок и трудитесь на здоровье!

Циолковский усмехнулся, раскрыл пальцем, потрогал лезвие, сбрил с руки несколько волосков:

— А нож отменный! Спасибо! Попробую сделаться резчиком по дереву...

Занятие, поначалу казавшееся Циолковскому пустым и бессмысленным, так увлекло его, что через неделю, когда снова пришел фельдшер Розанов, в углу стояло до десятка палок с самой причудливой резьбой.

— Ну-с, как мы себя чувствуем, Константин Эдуардович? — спросил фельдшер, поглаживая бороду и с усмешкой косясь на палки.

— Вы знаете — лучше! Голова уже не так болит, и я почти не устаю, гуляя.

— Хорошо. Похвально! — фельдшер осмотрел больного, прописал новые капли и, прощаясь, кивнул в угол:

— Вижу, Константин Эдуардович, у вас уже целая коллекция посошков.

— Да, в этом деле преуспеваю.

— Не подарите ли мне палочку? В дождь, по грязи мне бы сподручнее.

— С радостью! Выбирайте любую, Виктор Семенович.

— Хотелось бы покрепче... Вот эта из можжевельника хороша.

— Она еще не готова, — серьезно сказал Циолковский, — на ней же нет узора... Денька через два — пожалуйста!

— А как же вы сделаете узор, ведь коры-то нет?

— В этом и штука! — усмехнулся Циолковский.— Узор буду выжигать... можно?

— Если не утомит—попробуйте... Однако, Константин Эдуардович, мне надо спешить. Будьте здоровы.

— А палку?

— Палку — в другой раз... Главное — не забывайте принимать капли.

Варвара Евграфовна, помня наставления фельдшера, внимательно следила за тем, чтоб муж не занимался никакими научными изысканиями. Даже газеты она вынимала из ящика сама и запирала в сундук непрочитанными.

Константин Эдуардович сердился, но ничего не говорил. Утром, после чаю, он обычно вместе с Игнатиком уходил в лес за палками. Потом в глубине двора в тени старого дуба старательно вырезал на коре узоры.

Как-то перед обедом Варвара Евграфовна, доставая из почтового ящика газеты, обнаружила письмо со штемпелем «Московского общества любителей естествознания».

«Запру в сундук вместе с газетами,—решила она,— поправится Костя, тогда и прочитает. А то еще разволнуется...» Но, еще раз взглянув на штемпель, задумалась: «Вдруг важное... о его проекте? Может, решили строить

дирижабль и выделили деньги на опыты, а мы так бедствуем...» Она вскрыла пакет.

Секретарь общества уведомлял, что перед отъездом в отпуск к ним заходил профессор Жуковский. Он сказал, что весьма одобрительно относится к проекту Циолковского, но не видит путей к практическому осуществлению оного. Добровольному обществу не под силу постройка дирижабля. Надо попытаться заинтересовать проектом Военное ведомство.

У Варвары Евграфовны навернулись на глаза слезы, и она не дочитала последних слов.

«Показать это письмо Косте — значит окончательно убить в нем надежду на успех и усугубить болезнь. Пусть ничего не знает — так будет лучше». Она поспешила на кухню и, отослав кухарку, бросила письмо в пылающую плиту...

2

Лиза ждала второго ребенка, и Стрешнев очень боялся, как она перенесет тяжелую тряскую дорогу. Сделав мягкое сиденье из сена и удобно усадив Лизу, он все же часто останавливал лошадей, устраивал короткий отдых, а после версты по три-четыре шел с Лизой пешком. Екатерина Афанасьевна с Коленькой ехали на второй подводе, и хотя им было хорошо, просторно, они тоже иногда вылезали и шли пешком, чтоб размяться.

Переночевав в Малоярославце в гостинице, Стрешневы выехали чуть свет, а приехали в Калугу глубокой ночью.

Лизе запомнились лишь булыжные улицы с каменными домами да множество церквей с высокими, теряющимися в темном небе колокольнями.

Она мечтательно всматривалась в сонные немые дома и вспоминала милый ее сердцу Петербург.

— Теперь уж скоро, Лизок,— еще два-три квартала — и дома! — старался ободрить ее Стрешнев.

— Оказывается, Сережа, Калуга — большой город!

— Еще бы! В Калуге пятьдесят тысяч жителей! Выходят свои газеты, и есть театр.

— А гимназий две?

— Да, женская и мужская. Кроме того — реальное и епархиальное училища, духовная семинария, два городских училища и три публичных библиотеки.

— Слава богу! Значит, здесь мы не будем умирать с тоски.

— Что ты, Лизок! Калуга же — столица губернии! Здесь есть свое образованное общество. Дворянское собрание, купеческий клуб, городской сад, где играет военная музыка.

— Тиру! Тиру! Стой! — закричал возница, натягивая вожжи.— Кажется, приехали, барин,— вот она пожарная-то каланча!

— Да, да, вижу, она! — воскликнул Стрешнев и, спрыгнув наземь, осторожно снял Лизу.

— Вот, Лизок, в этом полукаменном доме мы будем занимать весь верх.

— Дом, кажется, хороший, но я буду бояться за Коленьку — ведь пожарные лошади вылетают, как звери.

— Что вы, барыня,—вмешался возница,—здесь брандмайор всех лошадей пропил — одни клячи остались.

В доме услышали голоса, зажгли огонь. На крыльцо с фонарем в руках вышел хозяин в высоком картузе, в женской кацавейке.

— Здравствуйте, ваше благородие! — обратился он к Стрешневу.— А мы уж давно вас ждем. Дома все вымыто, все прибрано. Милости прошу в комнаты.

— Спасибо, спасибо! Вы распорядитесь, чтоб отворили ворота.

— Ворота не заперты. Эй, ямщик, въезжайте во двор и там ждите до утра,— приказал он.— А вы, ваше благородие, со всем семейством пожалуйте наверх, я посвечу.

Стрешнев с Лизой и Екатериной Афанасьевной, с сонным, спотыкающимся Коленькой, вслед за хозяином поднялись по деревянной лестнице, вошли в залу. Хозяин засветил «молнию». Большая комната с полосатыми обоями и старинной мягкой мебелью казалась уютной.

— Как здесь хорошо! — воскликнула Лиза и, не раздеваясь, опустилась в кресло.

— Вот и отлично. Вот и слава богу, что понравилось,— услужливо сказал хозяин.— Располагайтесь, устраивайтесь, а я сейчас к вам пришлю девку, чтоб ставила самовар.

— Сережа, ты тоже спустись вниз,—попросила Лиза.— Надо, чтобы принесли постели и чемоданы.

— Да, да, я сейчас распоряжусь,— ответил Стрешнев и вышел вместе с хозяином...

На другой день Стрешнев ходил представляться гимназическому начальству, а после обеда всей семьей осматривали город.

Калуга, после Боровска, выглядела большой и шумной. Массивные, похожие на кремль, гостиные ряды, причудливые церкви, красивые каменные дома — все радовало и восхищало. Хотя, кроме обветшалого дворца Марины Мнишек, в Калуге, кажется, и не было никаких достопримечательностей.

Лиза, пройдя через Летний сад с аллеями пышных лип и величественным собором, заглянула в магазины и вернулась домой веселая, разрумянившаяся. А пятилетний Коля пришел в восторг от подаренного ему красного ружья, стрелявшего привязанной пробкой. Даже Екатерина Афанасьевна поддалась общему настроению.

— Вот уже выйдет на пенсион Павел Петрович, и мы тоже переедем в Калугу. Здесь и покойнее, и дешевле прожить, и климат лучше. Будем жить все вместе...

Утром, попив чаю, Лиза проводила мужа к портному, чтоб заказать новый вицмундир, а сама села за письмо Циолковским.

«Милая, дорогая Варенька! Спешу Вас уведомить, что доехали мы благополучно и устроились хорошо. Квартиру сняли неподалеку от гимназии и почти за ту же цену, что в Боровске.

Калуга чудесный зеленый и цивилизованный город. Главные улицы — мощеные, есть тротуары, водопровод. Много магазинов. Есть театр и городской сад, где по вечерам играет военный оркестр. Мы непременно хотим переманить вас сюда. Здесь несравнимо больше возможностей для научной деятельности Константина Эдуардовича: в городе несколько библиотек!

Как только Сергей Андреевич приступит к занятиям в гимназии и перезнакомится с учителями, он начнет подыскивать место для Константина Эдуардовича и хлопотать о его переводе в Калугу.

Желаю Вам, Константину Эдуардовичу и детям крепкого здоровья и счастья. Сердечный привет от мамы, Сергея Андреевича и Коленьки.

Целую вас

Е. Стрешнева.

Надеюсь, что мы скоро опять будем вместе.

Е. С.».

3

Циолковский поправлялся медленно. Хотя он ходил и кое в чем помогал Варваре Евграфовне по хозяйству, но даже прогулки и игры с Игнатиком его утомляли. Головные боли не проходили. Заезжий врач, осмотрев его, прописал длительный отдых, а средств не было...

К началу классных занятий Циолковскому пришлось явиться в училище. Фельдшер Розанов согласился на это, но взял с Константина Эдуардовича слово, что в течение года он не будет заниматься научной работой.

Циолковский сдержал обещание: больше года он не занимался практической работой по аэростату, но в свободные часы не переставал думать о нем. Постепенно рождались мысли по улучшению и совершенствованию конструкции. Он даже склеил из прочной бумаги складывающуюся уменьшенную копию улучшенной модели аэростата, чтоб легче было ее переслать по почте, и задумался: кому писать? Кто может разобраться в проекте, оценить по достоинству и оказать поддержку?.. Из Московского общества любителей естествознания до сих пор не было ответа. (Варвара Евграфовна молчала о сожженном письме.)

«Надо писать в Петербург. Только там, в столице, могут найти деньги на постройку аэростата или хотя бы на опыты с большой металлической моделью. Но кому писать?.. А что, если Менделееву? Ведь нет большего знатока этого вопроса. И нет большего авторитета в науке! Ведь еще в начале семидесятых годов Дмитрий Иванович начал заниматься вопросами воздухоплавания и исследования атмосферы.

Ведь это он более десяти лет назад выдвинул идею устройства большого высотного аэростата с герметически закрывающейся гондолой, чтобы аэронавты не погибли на большой высоте от разреженного воздуха, подобно французам Севиле и Кроге-Спинелли. Я же хорошо помню, что Дмитрий Иванович горячо поддерживал идею совершенствования аэростатов.

Будучи в Париже, он сам поднимался в небо на воздушном шаре Жиффара. Он установил тесные связи с конструкторами аэростатов: французами Дюпюи де Ломом, братьями Тиссандье, Ренаром, с англичанином Глешером и другими. А его книжка «О сопротивлении жидкостей и воздухоплавании» — это же капитальный труд, без кото-

рого не могут обойтись конструкторы летательных аппаратов.

С какой самоотверженностью он боролся за развитие воздухоплавательного дела в России! Ведь в 1887 году в Клину он один поднялся на ветхом аэростате на высоту трех с половиной верст, чтоб наблюдать солнечное затмение. Какое нужно было мужество, чтоб совершить этот полет! Какая преданность делу воздухоплавания!

Именно Менделееву — горячему поборнику и теоретику воздухоплавания — я и должен послать свой проект.

Его травят консервативные ученые, даже сорвали выборы в академии, но передовые ученые всего мира чтят и уважают Менделеева.

Если он поддержит мой проект — Россия будет иметь свой аэростат. Напишу просто, откровенно: «Дорогой Дмитрий Иванович, я обращаюсь к Вам не ради личных выгод, а ради технического прогресса и процветания России»...»

Около месяца Циолковский потратил на то, чтоб свой объемный труд аэростата изложить на нескольких страничках. И когда это было сделано, он радостный поспешил к Варваре Евграфовне, потрясая тетрадкой:

— Варюша, смотри. Все тут! Все главные мысли и расчеты вместились! Ведь Менделеев ужасно занят. А это прочтет! И главное — модель! Все вмещается в один конверт.

— Хорошо, Костя. Я рада, что тебе удалось сделать так. Когда же отправишь?

— Сейчас иду на почту. Очень волнуюсь. Страшно! Но если Дмитрий Иванович одобрит—тогда победа! Ты представляешь, что будет тогда?..

Варвара Евграфовна перекрестила его, поцеловала:

— С богом, Костенька! Большой удачи тебе!

4

Летом 1890 года Стрешневы отметили трехлетие своего пребывания в Калуге.

Как раз в это время вышел на пенсию отец Лизы Павел Петрович Осокин, и Екатерина Афанасьевна с помощью докторов, рекомендовавших переменить климат, уговорила его переселиться в Калугу. Старики Осокины купили дом с садом, перевезли из Петербурга мебель и пригласили молодых переехать к ним.

Осенью, когда второму сыну Стрешневых, родившемуся в Калуге, исполнилось три года, устроили новоселье с именинами. Было много гостей, так как Стрешневы перезнакомились почти со всем образованным обществом Калуги. Гости чувствовали себя непринужденно, по-домашнему. Лиза играла на рояле, Стрешнев пел, а Коленька, впервые надевший гимназическую форму, увлеченно читал стихи...

Ночью, когда гости разошлись, Лиза вдруг вспомнила, что днем принесли письмо от Циолковского, которое еще лежало нераспечатанным, и позвала мужа в кабинет.

— Сережа, я совсем забыла—тебе письмо от Константина Эдуардовича. Я думаю, это ответ на наши настойчивые просьбы.

— Что, неужели он наконец решился на переезд в Калугу? Вот было бы славно!

Стрешнев распечатал письмо и стал читать вслух:

«Дорогие друзья, Елизавета Павловна и Сергей Андреевич! Простите, что так долго не писал: все дела, хлопоты, заботы. Да еще и нездоровилось с осени... Но зато сейчас я чувствую себя преотлично и от радости на седьмом небе! Спешу сообщить Вам, что вчера получил уведомление из Петербурга, из Русского Императорского технического общества, что 13 октября в VII (воздухоплавательном) отделе Общества состоится открытое заседание, где, по рекомендации профессора Менделеева, будет обсуждаться проект моего цельнометаллического управляемого дирижабля.

Докладчиком согласился быть председатель VII отдела общества военный инженер Евгений Степанович Федоров.

Конечно, мне бы следовало поехать самому и выступить там, но, во-первых, не отпустят в училище, а во-вторых, нету свободных денег. Впрочем, о Федорове я слышал много хорошего. Будто бы это человек передовых взглядов и сам проектировал аэростат. Я не сомневаюсь в его честности и порядочности. А потом — рекомендация самого Менделеева... Все же ужасно волнуюсь, друзья, ведь всякое может случиться... А все же порой приходит радостная мысль — вдруг на этот раз фортуна окажется милостивей! Вдруг Общество одобрит проект и выделит средства на постройку действующей модели! Тогда бы я сразу махнул в Петербург, а то бы переселился в Калугу

и занялся сооружением большой модели. Впрочем, это лишь сладкие грезы. Прошу великодушно извинить неисправимого мечтателя. В жизни, к сожалению, так мало радости, что я больше живу в мечтах...

Думаю, что Вы меня поймете и не осудите. Пишите о себе и о детях. Сердечный привет от Вареньки и всей нашей многочисленной семьи. Если будут новости — дам знать.

Искренне Ваш

К. Циолковский».

Стрешнев сложил письмо.

— Ну, что ты скажешь, Лизок?

— Я очень рада, Сережа, за Константина Эдуардовича. Может быть, бог пошлет ему удачу. Ведь пишет, что на его проект обратил внимание сам Менделеев.

— Да, с мнением Менделеева должны посчитаться — его признает весь мир...

5

Получив обнадеживающее письмо от Менделеева и официальное уведомление из Технического общества о предстоящем обсуждении его проекта, Циолковский воспрянул духом. «Все-таки я кое-что значу, если сам Менделеев рекомендует рассмотреть мой проект,— говорил Циолковский сам себе, шагая по комнате из угла в угол. Главное — не опускать руки, а бороться, биться за свои идеи. А я уж было совсем захандрил, даже начал хворать... Нет, дудки! Теперь я не сдамся, не отступлю!

Конечно, следовало бы ехать в Петербург самому, и в случае необходимости даже вступить в «драку», но — увы! Я не могу позволить себе такой «роскоши»... Боюсь, что в Петербурге противников аэростата окажется много, а разбить их будет некому. Сам Менделеев вряд ли сможет присутствовать на обсуждении... Да, обидно, однако ничего не поделаешь...

Еще в Москве мне говорили, будто бы некоторыми учеными высказывались опасения, что управляемый аэростат едва ли сможет преодолевать сопротивление ветра, который вверху сильней, чем на земле.

Всего вероятнее, что этот довод будет на обсуждении главным козырем против аэростата. Я должен не обольщать себя надеждами, а готовиться к защите своего проекта. Может быть, удастся выступить в печати? Право, хорошая мысль. Но чтобы отстоять свою точку зрения, нужны доказательства, опыты на моделях. А для опытов необходима лаборатория».

Циолковский сжал пальцы и, потянув их, щелкнул суставами: «Пожалуй, элементарные опыты по сопротивлению среды я смогу поставить. Маленькие модели можно поместить в трубе и вынести ее на крышу, под ветровой поток. Право, может получиться... Хорошо бы также изучить аэродинамические особенности птиц и насекомых. Надо наблюдать, зорко и постоянно. Надо учиться у природы...»

Циолковский не любил тянуть с родившимися замыслами. Пока в Петербурге готовилось обсуждение его проекта, он начал вести наблюдение за полетом птиц и стал мастерить из жести две спаренных трубы, чтоб поставить опыты по сопротивлению воздуха на моделях самых различных форм. Ему казалось, что веретенообразные и овальные модели смогут значительно легче преодолевать воздушный поток.

Эти предположения следовало проверить и подтвердить опытами. Циолковский всегда теоретические расчеты старался проверить опытами. Так он решил поступить и сейчас, предвидя, что по аэростату могут возникнуть большие споры.

Отец Лизы Стрешневой, Павел Петрович Осокин, вышел в отставку статским советником еще не в старых годах. Правда, он был тучноват и не охотник до дел, но зато любил читать газеты и рассуждать о политике.

По вечерам, когда вся семья собиралась за чаем, Павел Петрович обычно рассказывал о наиболее значительных событиях, давая им свою оценку, а если с ним не соглашались — сердился, краснел и начинал спорить, топорща густые, поседевшие усы.

В середине ноября, когда ударили морозы, Павел Петрович как-то вышел к чаю закутанный в старый плед и, потирая замерзшие руки, начал издалека:

— Что-то давненько не пишет ваш Циолковский. Как-то его изобретение? Есть ли вести из Петербурга?

— Пока ничего не известно, Павел Петрович, — ответил Стрешнев, принимая от Екатерины Афанасьевны стакан чая.

— А что, вы как думаете, примут его проект?

— Примут, папа, обязательно примут,— вмешалась Лиза,— ведь Менделеев поддерживает.

— Больно ты шустра, Лиза, со своим Менделеевым. Если бы так просто решались такие дела — мы бы уж давно обзавелись своим ковром-самолетом.

— Папа! Ты что-то знаешь, — строго сказала Лиза и, увидев торчащие из-под пледа газеты, посмотрела на отца с укором — неужели опять неудача?

— Пишут в газете, но я не совсем понял, Лизонька, может, это и не о нем... но все-таки похоже.

— Дай газету, папа. Я взгляну.

— Пожалуйста! Вот «Новости дня». Но лучше я сам...— Павел Петрович развернул газету и прочитал:

— «Учитель уездного Боровского училища (в Калужской губернии) г. Цанковский составил проект постройки аэростата. Проект этот рассматривался в Техническом обществе в Петербурге. Проверив математические выкладки г. Цанковского, общество нашло, что они произведены верно и что идеи г. Цанковского правильны».

— Вот видишь, — обрадованно вскрикнула Лиза, — фамилию перепутали, а идеи-то правильны!

— Подожди, не перебивай! — прикрикнул Павел Петрович. — «Идеи г. Цанковского правильны; но в денежной субсидии, которой домогался г. Цанковский для осуществления своего проекта, общество ему отказало...»

— Как отказало? — вскрикнула Лиза.— Они не могли отказать!

— «Общество ему отказало, — читал Павел Петрович,— на том основании, что прожектером не приняты во внимание все могущие возникнуть при осуществлении проекта трудности...»

— Это возмутительно! — не выдержал Стрешнев.— Они могли отклонить проект, но как смеют репортеры писать эту мерзость «домогался», «прожектер» и прочее...

— Подождите, Сергей Андреич,— остановил тесть,— дело не в словах, а в существе обстоятельств.

— Нет, нет, папа, я согласна с Сережей — это мерзость! — вспыхнула Лиза. — Мерзость и издевательство над честнейшим человеком.

— А что в других-то газетах пишут? — спросила Екатерина Афанасьевна, желая притушить спор.

— Вот еще в «Сыне отечества» несколько слов,— продолжал, понизив голос, Павел Петрович.— «По мнению г. Федорова, конструкция аэростата вследствие его крупных размеров плоха, прожектером не приняты во внимание трудности сцепления и спайки тонких медных листов оболочки аэростата. Летать на таком аэростате опасно: оболочка может легко дать трещину».

— Бедный Константин Эдуардович,— вздохнул Стрешнев,— даже Федоров против него!

— Что Федоров, когда они пренебрегли мнением самого Менделеева! — воскликнула Лиза.— Тут действуют какие-то темные силы. Может быть, есть другие проекты, которым оказано предпочтение?

— Нам трудно судить, Лизок, но следует немедленно написать Константину Эдуардовичу, постараться успокоить его. Ведь он, прочтя газеты, может впасть в отчаяние.

— Да, Сережа, ты прав. Надо написать, и как можно теплее...

6

Циолковский паял детскую ванну, когда дверь распахнулась, и в комнату вошла улыбающаяся Варвара Евграфовна, что-то пряча под передником.

— Ты что, Варенька? Неужели письмо?

— Два! Одно из Петербурга, из общества, а другое — от Стрешневых.

— А ну давай, давай! — Циолковский положил паяльник, погасил паяльную трубку и, сняв фартук, взял большое письмо.

— Ого, увесистое! Наверное, вернули рукопись, что я посылал Менделееву.

Ножиком вскрыв конверт, он вынул содержимое и развернул письмо, написанное на толстой бумаге с двуглавым орлом.

— Читай вслух,— попросила жена.

— Кабы что хорошее, а то... уж я предчувствую.

— Все равно читай.

— Хорошо. Сядем...

Циолковский откашлялся и начал:

— «Милостивый государь!

VII отдел Императорского русского технического общества в заседании своем от 23 октября, подробно рассмотрев представленный Вами через профессора Менделеева проект «Построение металлического аэростата, способного изменять свой объем», постановил...»

У Циолковского перехватило дыхание, он замолчал, закашлялся.

— Ну, что? Что же постановил?

Глубоко вздохнув, Циолковский упавшим голосом закончил:

— «Постановил, что проект этот не может иметь большого практического значения, поэтому просьбу Вашу о субсидии на постройку модели — отклонил».

— Ох, батюшки! — вздохнула Варвара Евграфовна.— Сколько было надежд, и все прахом!

— Погоди причитать, Варвара. Погоди! Я ведь еще не умер... Я буду бороться и добьюсь своего! — встряхнул головой Циолковский.— Я думал, там сидят умные, мыслящие люди, понимающие идеи и запросы времени. Но, видимо, и там засилие старых трухлявых пней...— Он вскочил, прошелся по комнате, взял другую бумагу.— Вот заключение Федорова, на которого я так надеялся.— Циолковский поправил очки, подошел ближе к окну, пробежал несколько абзацев:

— А все-таки он кое-что признает. Да. Вот послушай:

«Энергия и труд, потраченные г. Циолковским на составление проекта, доказывают его любовь к избранному им для исследования предмету, в силу чего можно думать, что г. Циолковский со временем может оказать большие услуги воздухоплаванью».

— Утешили! Нечего сказать — в будущем. А сейчасто чем жить? Ведь четвертый народился,— вздохнула жена.

Циолковский раздраженно швырнул письмо под верстак.

— Ладно, Варюша, не горюй, как-нибудь проживем. Не на них свет сошелся... а все-таки Федоров меня признает. Будем еще и мы радоваться... Будем!

Циолковский вскрыл второе письмо, и сразу лицо его просветлело:

— Правда, говорят, что не имей сто рублей, а имей сто друзей!

— Ну, что они пишут?

— В первых строках передают привет тебе, Любаше, Игнатику, Саше и малышу, имя которого еще не знают.

— Разве про Ванюшу мы не писали?

— Сообщали о рождении, но еще не знали, как назовем. А ведь он почти ровесник Андрюшеньке?

— Да, верно...— Циолковский углубился в письмо...

— Что же еще пишут, Костенька?

— Успокаивают... Узнали из газет... Опять зовут в Калугу... Говорят, там можно издать труды... и оказывается, есть подходящее место.

— И поедем! Осточертел мне этот Боровск... Да и Любашу с Игнатиком надо определять в гимназию...

Из спальни послышался плач ребенка.

— Ванюша проснулся. Ну, я пойду. А ты, Костя, отпиши им, что мы согласны, пусть Сергей Андреич похлопочет о переводе тебя по службе.

— Ладно, Варя, иди, я сейчас же и напишу ответ. Славные они люди. Настоящие друзья...

Циолковский походил по комнате, подумал и сел за письмо:

«Дорогие друзья,
Елизавета Павловна и Сергей Андреич! Я было опять почувствовал себя одиноким, но Ваше письмо взбодрило меня, придало новых сил, возродило надежду. Большое Вам спасибо! Мысль о том, что в Калуге можно издать мои труды, блеснула, как луч надежды! Я уже готов бросить все и ехать в Калугу. Конечно, с кучей детей, без средств и со скарбом это нелегко и страшно, но я решусь, если найдется место...

Что касается моей неудачи с цельнометаллическим аэростатом, я, признаться, ее опасался. Опасался не потому, что плох мой проект, а что нет протекции... В наше время без нее пробиться нельзя... Но я буду бороться. Я надеюсь издать свой труд, а тогда — посмотрим...

Признаюсь, я тут сооружаю из жести очень простой прибор, чтобы провести опыты по сопротивлению воздуха на моделях. Конечно, опыты будут весьма примитивны, но и они дадут ценные сведения в поддержку моего аэростата. Эти опыты я надеюсь совместить с наблюдением над полетом птиц и свою статью собираюсь послать

в Москву, в Общество любителей естествознания. Может быть, оно опубликует ее в своих трудах. Не думайте, что я сломлен. Еще жив курилка и собирается бороться!.. Сердечный привет!

Ваш покорный слуга и преданный друг

К. Циолковский».

К официальному письму из VII отдела Технического общества была приложена копия доклада профессора Федорова, которую взволнованный Циолковский пробежал лишь мельком. Но когда он пришел в себя, успокоился, доклад Федорова был им прочтен с карандашом в руках.

«Странно, весьма странно поведение Федорова. Он не разбивает мой проект, а выступает вообще против управляемых аэростатов:

«Простые теоретические соображения и многолетний опыт доказывают неоспоримо, что какой бы ни были формы аэростаты и из какого бы ни были сделаны материала, все же они вечно, силою вещей, обречены быть игрушкою ветров».

Циолковский поднялся из-за стола, прошелся по комнате, что передко бывало с ним в минуты большого нервного напряжения.

«Какие теоретические соображения? Где они? Это же пустые слова. Ссылка в письме на то, что в Европе и Америке попытки построить управляемые аэростаты не привели к удовлетворительным результатам,— не доказательство.

А я докажу, я на опытах докажу, что управляемые аэростаты способны преодолевать сопротивление воздушной среды. Но одному не пробить брешь в чугунном заслоне, который соорудили консерваторы от науки, засевшие в VII отделе. Я должен заручиться поддержкой больших ученых. «Напишу-ка Столетову, который так душевно принял меня в Москве».

Походив, подумав, Циолковский присел к столу, и слова обиды, веры и надежды слились в горячий призыв:

«Многоуважаемый Александр Григорьевич! Моя вера в великое будущее металлических управляемых аэростатов все увеличивается и теперь достигла высокой степени. Что мне делать и как убедить людей, что «овчина выделки стоит»? О своих выгодах я не забочусь, лишь бы дело поставить на истинную дорогу.

Я мал и ничтожен в сравнении с силой общества! Что я могу один! Моя цель — приобщить к излюбленному делу внимание и силы людей. Отправить рукопись в какое-нибудь ученое общество и ждать решающего слова, а потом, когда ваш труд сдадут в архив, сложить в унынии руки — это едва ли приведет к успеху.

История показывает, что самые почтеннейшие и ученейшие общества редко угадывают значение предмета в будущем, и это понятно: исследователь отдает своему предмету жизнь, на что немногие могут решиться, отвлеченные своими обязанностями и разными заботами. Но в целом среди народа найдутся лица, посвятившие себя воздухоплаванью и уже отчасти подготовленные к восприятию известных идей. Поэтому, я думаю, лучше, если разбираемый мною вопрос будет представлен на рассуждение всех добровольцев; мне кажется, тут будет более шансов для достижения успеха, ибо хотя и найдутся при этом противники, но зато найдутся и защитники и продолжатели дела; спор же не только способствует выяснению истины, подобно спору Гальвани с Вольтою.

Итак, я решился составить краткую статью (20—30 листов писчих), содержащую решение важнейших вопросов воздухоплаванья; надеюсь закончить эту работу в три или четыре месяца. Но прежде чем посылать вам и хлопотать так или иначе о ее напечатании, позвольте мне передать резюме этой статьи, которое вам и посылаю (печатать его, конечно, некому).

Я желал бы, чтобы Як. Игн. (Вейнберг), Ник. Е. (Жуковский) и другие лица, не подвергая преждевременно критике мои идеи, прочли посылаемое мною резюме.

Почитающий Вас

К. Циолковский».

Отправив это письмо Столетову, Циолковский опять занялся прерванными было опытами по исследованию сопротивления воздушной среды.

На крыше дома были укреплены две спаренные трубы, которые можно было поворачивать навстречу ветру.

Погружая в ветровой поток модели различных форм, Циолковский установил, что пластины продолговатой формы легко преодолевают сопротивление воздушной среды. А Федоров писал: «Какой бы ни были формы аэростаты, они вечно... обречены быть игрушкою ветров».

Опыты были весьма приблизительны, но все же они доказывали правоту Циолковского. Это ободряло, вселяло надежду, что в дальнейшей борьбе с «маловерами» из VII отдела ему удастся победить...

Ведя исследования и размышляя о сопротивлении среды, Циолковский засел за работу: «К вопросу о летании посредством крыльев». Она была написана быстро. Не мешкая, Циолковский направил статью в «Московское общество любителей естествознания». Она попала к профессору Николаю Егоровичу Жуковскому, который сам занимался вопросами летания. Он откликнулся немедленно:

«Сочинение г. Циолковского производит приятное впечатление, так как автор, пользуясь малыми средствами анализа и дешевыми экспериментами, пришел по большей части к верным результатам.

Хотя большинство этих результатов уже известно, но тем не менее оригинальные методы исследования, рассуждения и остроумные опыты не лишены интереса и во всяком случае характеризуют его как талантливого исследователя. Рассуждения автора применительно к летанию птиц и насекомых верны и вполне совпадают с современными воззрениями на этот предмет».

Получив из «Общества любителей естествознания» отзыв Жуковского, Циолковский был и обрадован и опечален. Обрадован тем, что его исследования признаны уважаемым ученым, и опечален тем, что эти исследования повторили уже известные истины.

Однако в письме, сопровождающем отзыв Жуковского, была приписка, извещающая, что первая часть статьи «Давление жидкости на равномерно движущуюся в ней плоскость», рекомендована Обществом к печати.

«Кажется, лед тронулся! — радостно воскликнул Циолковский.— Кажется, одна из моих работ будет наконец напечатана».

7

Стрешнев, получив письмо Циолковского, сразу же поспешил в уездное училище, где ему обещали место учителя для Константина Эдуардовича.

Директор Афанасий Афанасьевич — маленький подслеповатый старик в старомодном вицмундире,— увидев его, засеменил навстречу, протягивая руку.

— Здравствуйте, любезный. Выжил-с! Выжил-с наш математик-то. Уж ему гроб заказали, а он, извольте видеть, того... взял и поднялся... Так что пока не могу обнадежить... Судьба-с...

Стрешнев хлопотал в обеих гимназиях, в реальном училище — нигде не хотели принять учителя без высшего образования, да еще тугого на ухо...

«Что делать? Придется ждать вакансии в уездном училище. Обидно... Надо хотя бы помочь Константину Эдуардовичу в издании трудов. Побываю-ка я в типографии...»

Однажды после занятий в гимназии Стрешнев поднялся на второй этаж большого каменного дома, где была частная типография. Хозяин — упитанный человек в пенсне со шнурочком и холеной рыжеватой бородкой,— выслушав его, развел руками:

— Извините, господин учитель, но мы подобными заказами не занимаемся... невыгодно-с... Конторские книги, рекламу — пожалуйста, сделаем в лучшем виде. А это товар неходовой... Толкнитесь в Москву, может, там возьмутся. Я даже посоветую вам обратиться к господину Волчанинову. У него типография против английской церкви. Он любитель... Он может взяться.

Стрешнев записал адрес, поблагодарил и отправился прямо на почту. Вместе с письмом он переслал Циолковскому пятьдесят рублей. Но чтоб не обидеть друга, написал следующее:

«Дорогой и любезный Константин Эдуардович! К сожалению, пока не могу сообщить ничего утешительного в отношении Вашего перевода в Калугу. Учебный год начался, и сейчас лишь случай может помочь нам. Будем надеяться. За сим, хочу сообщить Вам и приятное: мои друзья — любители воздухоплавания, решили помочь в издании Вашего труда об аэростате. Присылаю Вам собранные здесь 50 рублей — это первый взнос! Надеюсь собрать еще и, кроме того, напишу учителям в Боровск. Прошу Вас снестись с московским типографом Волчаниновым. Если он согласится — черкните.

Готовый всегда к услугам, душевно Ваш

С. Стрешнев».

Через несколько дней Циолковский откликнулся благодарственным письмом и сообщил, что находится подходящий человек, который обещает похлопотать в Москве об издании книги.

После этого переписка оборвалась на длительное время. Стрешнев не мог сообщить ничего утешительного, а Циолковский, успокоившись после неудачи в Техническом обществе, опять засел за работу...

8

Прошумела метелями зима. Отгрохотал ледоход на Оке. Все зацвело, зазеленело — пришло долгожданное лето.

Лиза с детьми в саду качалась на качелях. Вдруг постучали в калитку.

— Здесь живут Осокины? — спросил мужской голос.

— Сейчас откроем! — Лиза поспешила к калитке и, распахнув ее, удивленно всплеснула руками:

— Боже мой, Катя! Милая сестричка, ты ли это?

— Я, я, Лизочек! — радостпо воскликнула нарядная молодая дама в вуалетке и модной шляпке. Они обнялись, расцеловались.

— Лизочка, позволь тебе представить моего мужа,— кивнула она на высокого, статного подполковника с лихими усами.— Александр Петрович Громов.

Тот церемонно поклонился.

— Очень рада. Мы, кажется, встречались в Петербурге?

— Ну, копечно же, Лизочек,— защебетала Катя,— я же вас знакомила на моих именинах.

— О, это было так давно... впрочем, я помню, Катя, тебя окружали юнкера в белых кителях.

— Простите, но я был тогда уже прапорщик,— галантно улыбнулся подполковник.

— Ах, да, да, вспоминаю... Прошу вас, господа, в дом! Ты и представить пе можешь, Катюша, как обрадуются старики...

Лпза, провожая гостей, мгновенно вспомнила, как десять лет назад они ехали по Неве в лодке и как она, увидев Кибальчича, попросила ее высадить. От этих воспоминапий пахнуло юпостью. Лиза зарделась и, вбежав на террасу, крпкпула:

— Мамочка! Папа! Посмотрите же, кто к нам приехал!

День был теплый, безветренный: обедали на террасе. За столом собралась вся семья. Гостей наперебой расспрашивали о Петербурге, о новостях, и как-то сам собой разговор перекинулся на последние тревожные известия — о холере на Волге.

Павел Петрович хотя и готов был поговорить на эту тему, однако счел неудобным за столом... Он ловко перевел разговор на другое, обратясь к подполковнику:

— Вы в каких войсках изволите служить?

— Раньше я был докладчиком в Главном артиллерийском управлении, но уж с полгода, как переведен в Военно-инженерное ведомство.

— Так-с, понимаю... занимаетесь разными новшествами по армии?

— Да, в этом роде...

— А к воздухоплаванию не имеете отношения? — спросил Стрешнев.

— Самое прямое! Прикомандирован к Военному воздухоплавательному парку.

— Вот как! — удивилась Лиза.— Тогда вы, безусловно, знаете все новости об аэростатах.

— Абсолютно все! А почему вас это занимает?

— У нас есть друг, учитель, исследователь, который представлял проект управляемого аэростата.

— Позвольте, это учитель из Боровска? Кажется, Циолковский?

— Циолковский! Вы о нем знаете?

— Помилуйте! Я даже присутствовал при обсуждении его проекта в Императорском русском техническом обществе.

Все замерли, притихли. Так было неожиданно это сообщение.

— И вы помните, как это проходило? — спросил Стрешнев.

— Отлично помню.

— Говорят, что проект был отвергнут без достаточной мотивировки? — сказал Павел Петрович.— И газеты писали очень обидные слова.

— Что вы, что вы! Я отлично помню. Докладывал сам председатель отдела профессор Федоров. Он говорил в высшей степени корректно: выступал не столько против проекта господина Циолковского, сколько вообще против аэростатов. И все были с ним согласны.

— Но почему же? Ведь управляемые аэростаты — наше будущее! — воскликнул Стрешнев.

— Что вы! Совсем нет! Даже напротив!

— Простите, господа,— прервала Лиза,— вы уже углубились в сферу техники, а я хочу показать Катюше наш сад и...

— О, сделайте одолжение, Елизавета Павловна,— с поклоном сказал подполковник.

Когда дамы и дети ушли, он открыл серебряный портсигар.

— Не угодно ли, господа?

— Благодарствую! — пробасил Павел Петрович и взял папироску.

— Вижу, вас очень удивили мои слова,— струйкой пуская дым, продолжал подполковник.— А дела обстоят именно так. Ваш Циолковский, живя в глухом уездном городишке, несколько отстал от событий. Он предлагает строить управляемый аэростат, от которого, в сущности, уже отказались на Западе. Да-с! Попытки постройки управляемых аэростатов предпринимались в Европе и Америке не раз, но они оканчивались неудачей. У нас рассматривался проект управляемого аэростата Костовича, с разработанным им же четырехтактным бензиновым двигателем. Этот аэростат имел жесткий каркас из прочной фанеры, был надежен, и все же от постройки его мы отказались. Отказались потому, что аэростат — всегда будет игрушкой в руках стихии.

— Позвольте,— прервал Павел Петрович,— но что же тогда двинет человечество вперед?

— Вот! Именно об этом я и хотел вам доложить, господа. Передовые люди в области воздухоплавания сейчас увлечены идеей создания летательных аппаратов тяжелее воздуха...

— Уж не сказочных ли ковров-самолетов? — усмехнулся Павел Петрович.

— Отнюдь! Речь идет, господа, о металлических и фанерных самолетах, снабженных двигателями. У нас инженер Можайский построил такой самолет, гигантских размеров. Правда, ему не удалось пока подняться в воздух, но работы продолжаются... А в прошлом году француз Клеман Адер сделал попытку оторваться от земли на своем «Эоле».

— И что же?

— Был близок к победе, но помешали какие-то непо-

ладки. Известно, что в Англии изобретатель Максим строит огромный самолет с несколькими воздушными винтами. Так можно ли, господа, в наше время — время машин, заниматься усовершенствованиями аэростатов — изобретения столетней давности? Нет, господа, нельзя-с! Мы должны идти дорогой прогресса! — уверенно заключил Громов.

— Н-да! — почесал бороду Павел Петрович.— Видать, Сергей Андреич, полеты в небо — штука непростая. И кто прав — судить не нам... Пойдемте-ка, господа, купаться...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Новый 1892 год начался в Калуге затяжными морозами. Несколько дней подряд на высокой крыше гимназии укрепляли большой белый флаг — классные занятия отменялись.

Стрешнев дома скучал, перечитывал старые журналы, а после обеда сел с тестем за шахматы. Не успели разыграть дебют, как в гостиную вошла кухарка с запиской.

— Вам, барин, письмо,— сказала она Стрешневу, подавая записку,— пришел сторож из училища — дожидается ответа.

Стрешнев, пробежав записку, поставил на стол пешку:

— Извините, Павел Петрович, я должен идти — вызывает директор училища.

— Ладно, доиграем в другой раз,— добродушно сказал тесть,— только оденьтесь теплее. Мороз такой, что столбы трещат...

Директор-старичок одиноко грелся у кафельной печки. Увидев Стрешнева, он обрадовался:

— Извините, любезнейший Сергей Андреич, что заставил вас в этакую стужу,— сказал он, протягивая худую, холодную руку,— несчастье в училище у нас... В ночь под воскресенье математик наш отдал богу душу.

— Что вы, Афанасий Афанасьевич, как же так? Ведь, кажется, не хворал?

— Пристрастие имел к хмельному-с... Так вот-с это и послужило причиной... Вышел из гостей шибко навесе-

ле. Дорогой разморило. Сел па скамеечку отдохнуть п того... замерз.

— Какой нелепый случай,— вздохнул Стрешнев.

— Ему-то что? С мертвого взятки гладки! А мне каково? Где прикажете брать математика в средине зимы? А-с?.. Вот и вспомнил я про вашего протеже... Как думаете, поедет?

— Он с радостью бы... Мы уж давно списались...

— Да отпустят ли? Вот о чем забота.

— Пожалуй, могут быть затруднения, Афанасий Афанасьевич.

— Я уж думал об этом, Сергей Андреич, и все обмозговал. У меня шурин в губернском правлении — обещал посодействовать. Только нам надобно вместе пойти. Чтоб сразу и к делу. Надобно подготовить письмо попечителю Московского учебного округа.

— Я готов хоть сейчас, Афанасий Афанасьевич.

Старичок, потирая руки, заговорил обрадованно:

— Вот хорошо. Вот и слава богу. Этак-то мы все сразу и обстряпаем...

После пожара Циолковские еще не успели обзавестись всем необходимым, однако всякого скарбу оказалось так много, что его еле разместили в трех розвальнях. Варвара Евграфовна и дети ехали в кибитке, на первых санях, сам Циолковский, укутанный в тулуп, на последних.

После новогодних морозов недели две пушили метели — снегу намело горы, дороги испортились. Сани то и дело ныряли в глубокие колдобины, от лошадей валил пар. Ехали медленно, с ночевками. Лишь на пятые сутки вечером увидели они Калугу.

На заставе, у шумного кабака, остановились, чтоб расспросить, как проехать на Георгиевскую, и снова — в путь! Мороз подгонял. Дети, закутанные в башлыки и шали по самые глаза, высовывались из кибитки, жадно смотрели на множество освещенных окон.

— Вот это Калуга! Ох и огней! Где столько керосину берут?..

Но вот подводы свернули на Георгиевскую, и Циолковский, выпрыгнув из саней и путаясь в тулупе, пошел отыскивать нанятый Стрешневым дом.

Скоро из темноты донесся его голос:

— Сюда, сюда подъезжайте! Нашел.

Подводы остановились у маленького домика в три окна, до самых рам занесенного снегом.

На стук отозвалась собака, и вышел старик в стареньком полушубке и в валенках. Узнав, что приехали жильцы, побежал в дом, засветил в горнице лампу, выскочив с фонарем, стал светить, чтобы гости не оступились, не уронили детей...

Когда возчики, свалив в угол узлы, чемоданы, баулы и получив сверх платы полтинник па водку, уехали на постоялый двор, старик принес горячий самовар:

— Вот, согревайтесь с дороги...

Поужинав промерзшими пирогами и попив горячего, Циолковские расстелили постели прямо на полу и улеглись спать. Дети уснули почти сразу. Быстро задремала измучившаяся за дорогу Варвара Евграфовна, а Циолковский долго лежал, прислушиваясь, как на кухне, на полатях возился и кашлял старик. Нервы его были напряжены. «Как-то сложится жизнь на новом месте? Как встретит меня Калуга?..»

2

Циолковский забивал последние гвозди в самодельный стол для приборов, когда послышался стук в калитку.

— Это, наверное, Сергей Андреич,— сказал он жене,— я встречу сам, а ты уведи детей в спальню.

Пока Циолковский одевался, дверь распахнулась, и в кухню, вслед за тщедушным стариком Авдеем, вошел рослый, раздавшийся в плечах Стрешнев с русой заиндевелой бородкой. Его раскрасневшееся лицо дышало здоровьем и свежестью. Даже форменная шинель и фуражка с кокардой не делали его строгим, чужим. Радость и искренняя теплота сияли в его глазах.

— Сергей Андреич! Милый друг! — Циолковский протянул руки, и они троекратно поцеловались.

— Вот, позвольте представить, Константин Эдуардович, наш Коля,— кивнул Стрешнев на зардевшегося мальчугана, которого Циолковский из-за отца не заметил.

Коля щелкнул каблуками, вытянулся и стал еще выше.

— Да мы же знакомы были в Боровске. У, какой богатырь вырос! Ну, здравствуй, Коленька! — Циолковский протянул руку.— Уже гимназист? Молодцом!..

Гости разделись и прошли в большую комнату.
— Извините, Сергей Андреич, у нас еще полный кавардак. Только ночью приехали.
— Ну, что вы, Константин Эдуардович, разве стоит об этом... Как вы доехали? Все ли благополучно?
— Очень признателен вам за хлопоты, Сергей Андреич. Все хорошо. Всем довольны.
Из соседней комнаты вышла несколько похудевшая, осунувшаяся Варвара Евграфовна, а за ней с шумом ворвалась целая ватага ребятишек.
— Куда вы, куда вы! — смущенно и строго остановила их мать.
— Что вы, что вы, Варвара Евграфовна,— целуя ей руку, радушно заговорил Стрешнев,— пусть поближе познакомятся с Колей и вместе поиграют. Поздравляю с прибытием!
— Спасибо. Спасибо, Сергей Андреич... Раз вы хотите, пусть поиграют... Любаша, Игнатик, познакомьтесь — это Коленька Стрешнев, вы когда-то дружили. Какой большой!.. Не бойтесь.
Рослая Люба, с бантиками в косичках, в длинном платьице, подошла смело и подала Коле руку. Игнатик, худенький, узколицый, в бархатной куртке, из которой он уже вырос, неуклюже и стесненно переступал с ноги на ногу, не решался.
— Ну, что же ты, Игнатик,— подтолкнула его мать.— Ведь это же Коля. Разве забыл?
— А я помню тебя, Игнатик,— сказал Коля и, подойдя к нему, подал руку,— давай снова дружить. Будем вместе учиться в гимназии. Хочешь?
— Хо-чу! — со вздохом кивнул Игнатик.
— Ну, идите, дети, в ту комнату и поиграйте там.
— Мамочка, мы бы лучше на улицу,— попросила бойкая Люба.— Пусти нас покататься на санках... Мы их привезли.
— Пусть идут! — разрешил Циолковский.— И Коля с ними покатается...
Варвара Евграфовна собрала и проводила детей на улицу, попросив за ними присмотреть деда Авдея, а сама стала готовить чай. Циолковский со Стрешневым негромко разговаривали о житье-бытье. Кажется, жили рядом, а не виделись целых пять лет. Стрешневу шел уже сороковой год, а Циолковскому осенью должно было исполниться тридцать пять.

— Константин Эдуардович, вы, конечно, еще не успели осмотреть Калугу?

— Нет, не успел... Вот завтра пойду в училище и уж тогда...

— Город порядочный. Много образованных людей. Здесь вы почувствуете себя совсем иначе.

— Я уже сейчас, от встречи с вами, приободрился. Спасибо!

— Вот побываете у нас, познакомитесь с обществом, и совсем настроение переменится... Кстати, Константин Эдуардович, как обстоит дело с печатанием книги об аэростате?

— Не знаю, как и благодарить вас, Сергей Андреич... К вашему взносу приложили лепту другие, и дело пошло. Книга печатается в Москве и летом обещают. Даже не верится... Ведь эта книга может привлечь внимание к моему проекту. Может даже возникнуть общество по строительству дирижабля. Как вы думаете?

— Очень возможно! Если войдут в дело крупные промышленники — можно ждать успеха.

— Вот и я мечтаю... А с Техническим обществом борьба еще не окончена. Я не сложил оружия!

— Вы полагаете, что там сидят отсталые люди? — осторожно спросил Стрешнев.

— Не знаю... Ведь большинство — крупные ученые, профессора, а понять и оценить значение цельнометаллического управляемого аэростата или не могут, или не хотят...

— Я имел встречу с одним военным инженером, который был на обсуждении вашего проекта.

— Неужели? Это важно. Как же вы познакомились?

— Случайно. Он родственник жены... Приезжали в гости... Говорил о вас весьма уважительно. Весьма! Однако там сейчас все помешаны на самолетах. Считают, что именно самолеты, снабженные двигателями, должны проложить пути в воздушных просторах. И будто бы в этом направлении уже многое сделано у нас и за границей.

— Я кое-что слышал,— раздумчиво сказал Циолковский.— Я знаю о Лилиентале, но у него больше планеры... Помню, читал про Можайского... однако, кажется, положительные результаты еще не достигнуты...

Циолковский встал, прошелся по комнате, теребя бородку.

— Я полагаю, Сергей Андреич, что одно другому не помеха! Право! Аэростаты — аэростатами, а самолеты — самолетами! Самолет может поднять одного, ну двух человек, а аэростаты — о!.. Я сейчас вынашиваю мысль об аэростате, который сможет перевозить по воздуху двести человек. Да, да — двести! Что вы скажете?

— Затрудняюсь... Не могу представить... Это кажется несбыточным...

— Дело вполне реальное. Я все продумал...

На крыльце послышался детский крик, и в кухню ввалились ребятишки.

— Извините, Константин Эдуардович,— торопливо заговорил Стрешнев,— идут ребята, поговорим в другой раз... и так я помешал вам... Пожалуйте в гости ко мне. Вот визитная карточка — тут адрес. Все будем очень рады. Лиза передает вам сердечный привет.

— Спасибо, Сергей Андреич, а чайку? Ведь жена хлопочет?

— Благодарствую, Константин Эдуардович. Видите, как тяжело с детьми Варваре Евграфовне? Потом... не обижайтесь.

— Да, да, только устраиваемся... Так уж извините, пожалуйста.

— Что вы, пустое... К нам, к нам милости прошу. В любое время. Вот обоснуетесь и приходите с Варварой Евграфовной. Лиза будет очень рада.

Он заглянул в кухню, извинился и попрощался с хозяйкой. Циолковский, накинув пальто, вышел проводить гостей.

— Коля совсем большой и уже в гимназии.

— И ваши поступят, я похлопочу.

— Спасибо, спасибо, Сергей Андреич. Кланяйтесь Елизавете Павловне...

3

Директор уездного училища, тихий богобоязненный старичок Афанасий Афанасьевич еще четыре года назад должен был выйти на пенсию, но ему приходилось содержать и воспитывать троих детей покойного брата — надо было служить. Афанасий Афанасьевич старался изо всех сил держать училище в образцовом порядке, однако внезапная смерть математика поставила его в затруднительное положение — занятия срывались. И вдруг — радость!

Он обласкал Циолковского, принял, как родного. Немного его смутило, что новый математик был туговат на ухо и слегка картавил, но, несколько дней просидев на его уроках, Афанасий Афанасьевич успокоился и даже решил, что ему повезло. Циолковский умел объяснить предмет понятно, увлекательно. «Вот так математик! — удивлялся директор.— Этакий педагог — находка для училища...»

Быстро освоившись на новой службе, Циолковский помог Варваре Евграфовне обосноваться в нанятой квартире, подыскал няню для малышей и опять углубился в свои раздумья. Ему не давало покоя рассказанное Стрешневым. «Самолеты... Самолеты... Неужели этим, еще не созданным тяжелым машинам, суждено сыграть главную роль в завоевании небесных путей?»

Циолковский побывал в городской библиотеке, разыскал подшивку журнала «Воздухоплаватель» и перечитал все, что сообщалось о самолете Можайского и о первом французском аэроплане Адера — «Эол».

«Неужели профессора из VII отдела Технического общества правы? Неужели следует отказаться от аэростата и отдать предпочтение фанерным или парусиновым «птицам»?..»

Зимними вечерами, когда город погружался в сон, он выходил из дому и подолгу бродил тихими заснеженными улицами, думая все о том же...

Еще в Боровске, когда Техническое общество отвергло его проект металлического аэростата, Циолковский, работая над статьей «К вопросу о летании посредством крыльев», много думал о проблемах воздухоплавания.

Не раз пред ним вставал вопрос: почему специалисты VII отдела были решительно против управляемых аэростатов и отдавали предпочтение самолетам?

«Не ошибся ли я, отстаивая управляемые аэростаты? — спрашивал он себя.— Может быть, будущее действительно за самолетами?»

Верный своей привычке «ничему и никому не верить на слово», он пытался перечитать все, что писалось о строительстве самолетов. Но в Боровске удавалось просматривать лишь газеты да редкие журналы. Информация была скудной, неполной.

В Калуге в публичной библиотеке Циолковский сумел отыскать интересные статьи в журналах и даже брошюры и книги по воздухоплаванию. Он узнал, что самолет

французского изобретателя Клемона Адера «Эол» был оснащен паровой машиной и котлом со спиртовой топкой мощностью в двадцать лошадиных сил. Это был довольно большой самолет, с размахом крыльев в четырнадцать метров. Весил он сто один килограмм.

Адер пытался поднять «Эол» в воздух, но помешали какие-то неполадки. Работа над совершенствованием «Эола» продолжалась.

Циолковскому удалось обстоятельно познакомиться с описанием смелых полетов немецкого исследователя и конструктора Отто Лилиенталя на собственных планерах.

Узнал он также некоторые подробности о проекте и подготовке к строительству самолета-гиганта английским изобретателем, создателем знаменитого пулемета — Хайремом Максимом.

Сведения, просочившиеся в печать, поразили Циолковского: самолет Максима должен был весить больше трех с половиной тонн, иметь размах крыльев 31,5 метра и фюзеляж 21,3 метра. Высота самолета превышала десять метров. Две паровые машины, предназначенные для вращения пропеллеров, работающие на бензине, должны были развивать мощность в триста шестьдесят лошадиных сил...

Намечалось также строительство самолетов в Америке. Там даже были утверждены для изобретателей две премии: в сто тысяч и в двадцать пять тысяч долларов.

Самолет Можайского, поврежденный при попытке подняться в небо, ремонтировался и совершенствовался.

Циолковский понял, что самолетами увлечены не только в России, но и на Западе. Ими заинтересовались крупные промышленники, вроде Максима, которые не поскупятся на затраты, чтобы добиться успехов.

Эти обстоятельства заставили Циолковского серьезно задуматься над проблемой самолетостроения.

Тщательно изучив все доступные материалы, он пришел к заключению, что поиски конструкции самолета ведутся не совсем рационально.

Однажды Циолковский вышел погулять в сумерки и, незаметно дойдя до базарной площади, остановился удивленный. У коновязи, на снегу, важно разгуливал большой грач.

«Странно. Откуда в середине зимы грач? Очевидно, был ранен и не смог улететь осенью». Циолковский осто-

рожно приблизился, чтоб лучше рассмотреть черную, отливающую лиловым, птицу. Грач, заметив его, подпрыгнул, энергично взмахнул широкими крыльями и, высоко взлетев, плавно опустился на березу.

«Красиво летит! — подумал Циолковский, и вмиг его мысли перенеслись к тем дням, когда в Боровске он наблюдал за полетами птиц и насекомых.— Менделеев предостерегал, что нельзя рабски подражать природе, а все-таки нужно учиться у нее! Я не видел, чтоб по небу летали бескрылые существа, вроде моего аэростата. Не видел! А если снаряд будет тяжелее воздуха — крылья необходимы. Но едва ли они должны быть такими угловатыми, как у самолета Можайского или «Эола». Самолет нужно проектировать и строить по подобию птицы. У грача большие широкие крылья с мягкими очертаниями. Я их видел сейчас и хорошо запомнил...»

Циолковский направился домой и, закрывшись у себя в комнате, засел за наброски... Ему представлялось, что самолет должен быть обтекаемой формы с утолщенными спереди широкими, слегка изогнутыми, суженными на концах крыльями. Сделав контурный рисунок самолета, в виде распластанной птицы, он затем нарисовал его профиль округлым, чтоб меньше было сопротивление.

«Если снабдить его сильным бензиновым двигателем, обязательно полетит... Однако, в случае удачи, самолет едва ли сможет поднять больше трех человек, а аэростат поднимет двести, триста, пятьсот! Он может стать настоящим воздушным кораблем!.. Нет, все-таки следует работать над аэростатом».

В дверь тихонько постучали.

— Костя, ты не спишь? — спросила жена.

— Нет, работаю, а что?

— Третий час ночи! Ведь завтра в училище...

— Уже так поздно?! Я не знал... Сейчас, сейчас лягу...

4

В середине марта подули теплые ветры, зажурчали ручьи. От яркого солнца и веселого крика грачей стало радостней, отрадней на душе.

Во вторник утром Варвара Евграфовна ходила на базар и, возвращаясь, видела, как по бурой от навоза дороге, позвякивая колокольчиками, ленивой рысцой бежала

почтовая тройка, в розвальнях, связанные цепями, громоздились большие кожаные мешки.

«Видно, конец санному пути,— подумала Варвара Евграфовна,— начнется распутица — ни газет, ни писем не дождешься...»

Придя домой, она принялась готовить и не заметила, как подошло время обеда — вернулись из училища Любаша с Игнатиком, вот-вот должен был прийти Константин Эдуардович. «Припозднилась я сегодня»,— подумала Варвара Евграфовна и, услышав стук калитки, крикнула в комнаты няне:

— Лукинишна, собирай на стол, кажется, «сам» идет.

— Сейчас, сейчас, голубушка,— откликнулась няня.

Дверь широко распахнулась, и в кухню вошел бородач с кожаной сумкой.

— Здравствуйте! Здесь проживают господа Циолковские?

— Здесь, здесь!

— Вот, извольте расписаться в книге — вам пакет из Петербурга. Другой месяц блуждает... Переслан из Боровска.

— Спасибо... Это мужу.

Варвара Евграфовна расписалась, взяла пакет.

— Ох и печет,— вздохнул почтальон, пряча книгу в широкую сумку.— Нет ли у вас кваску?

— Квасу нет... Может, чайку выпьете?

— Благодарствую... совсем упарился... охота квасу... Ну, да раз нет — что поделаешь... Прощевайте!..

Почтальон ушел, а Варвара Евграфовна, взвесив на руке пакет, решила, что в нем что-то очень важное, и отнесла в спальню, спрятала под подушку...

Циолковский, пообедав, поиграл с ребятами, а потом прошел к себе в комнату.

Варвара Евграфовна, видя, что он в хорошем настроении и еще не успел заняться делами, поспешила к нему с пакетом.

— Вот, Костенька, сегодня принесли... чувствует мое сердце, что-то хорошее...

— Ты всегда меня успокаиваешь, Варенька!

Он разрезал шнурок, вскрыл пакет и достал внушительную на вид, неразрезанную книгу.

— Ой, что это, Костя?

— «Труды Отделения физических наук Императорского общества любителей естествознания за 1891 год. Том

четвертый»,— прочитал Циолковский, не переводя дыхания.

— Зачем же это тебе?

Циолковский взял нож, наскоро разрезал листы, где было оглавление, и радостно закричал:

— Вар-ря, Варюша! Ура-а-а! Напечатали мою работу.

— Что ты, Костя. Где? Я хочу видеть сама.

— Вот, вот гляди! «Давление жидкости на равномерно движущуюся в ней плоскость»! Мою, мою статью напечатали! И где — в трудах Императорского общества! Каково! Варя!

Варвара Евграфовна осторожно взяла книгу, посмотрела, прижала к груди:

— Даже не верю... Ой, Костя, как я рада. Наверное, за это заплатят?

— Заплатят... Разве в этом дело?..

— Но ведь мы так нуждаемся...

— Не беда! С голоду не умираем... Важно то, что весь ученый мир прочтет. Все узнают мои мысли. Десять лет бился, и все-таки не даром... Вот чем я горд, Варя. Ведь в «Трудах общества естествознания». А?

— Да, да, Костя. Я рада за тебя. Поздравляю! С победой тебя, Костя! С победой!..

5

Когда изнеженного, провинившегося баловня нашлепают, он горько заплачет... Если же на ребенка сыплются тумаки изо дня в день — он привыкает и даже перестает обижаться. Так и со взрослыми! Когда человеку всю жизнь «везет», неожиданные удары становятся для него потрясениями... Когда же удары судьбы преследуют человека неотступно, он смиряется, привыкает, относится к ним спокойно.

Циолковского неудачи преследовали с детства: потеря слуха, уход из гимназии, смерть матери... Потом началась полоса «невезения» со статьями. Но он не сдавался и упорно продолжал свои исследования. Он чувствовал в себе достаточно сил и был уверен, что сумеет сделать много полезного для человечества.

Привычка к неудачам научила его быть терпеливым и стойким. Лишь в первые минуты, когда обрушивался удар, в нем все кипело. Потом он успокаивался... Варвара

Евграфовна давно изучила вспыльчивый и в то же время отходчивый характер мужа и старалась в минуты гнева не показываться, не раздражать. Или, напротив, являлась неожиданно, чтобы отвлечь.

Но бывало, что, занявшись работой, Циолковский забывал об огорчениях, а потом снова вспоминал о них и начинал волноваться.

Именно так случилось и в это утро после бессонной ночи.

Циолковский, выйдя к чаю, вспомнил об отзыве Жуковского на свою статью «К вопросу о летании при помощи крыльев» и, сердито двинув стулом, заходил по комнате.

«Напечатали лишь первую часть. А если б не это досадное совпадение — напечатали бы всю статью. Опять я попал впросак из-за своей неосведомленности...»

Варвара Евграфовна, услышав тяжелые шаги мужа, поняла, что он чем-то расстроен, вышла из спальни с розовощеким, сладко потягивающимся после сна Ваняшей.

— Па-па! Па-па! — протягивая розовые ручонки, потянулся мальчуган к отцу.

Глаза Циолковского затеплились, он взял малыша на руки, поцеловал и быстро забылся...

На другой день он уже совершенно спокойно рассказал Варваре Евграфовне, что прочел в библиотеке статью профессора Жуковского о летании, в которой рассматривались те же вопросы аэродинамики.

— Ведь ты, Костя, писал свою работу в Боровске, где не было библиотеки... Ты не мог знать об этом...

— Который раз меня губит неосведомленность,— вздохнул Циолковский.

— Не беда, Костя. Главное — ты пишешь правильно! И я верю — добьешься успеха.

— И я верю, Варенька. Без веры в себя, в свои силы нельзя браться за трудное дело.

— Вот и хорошо, Костя... Тебе бы рассеяться немножко. Сходил бы к Стрешневым. Или давай вдвоем сходим... А то подумают, вроде мы их чуждаемся.

— Я бы рад, да когда? Совершенно нет времени...

6

Месяца через два тихая Георгиевка оделась в зелень тополей и покрылась молодой травкой. Ребята целыми днями пропадали на лужке за воротами. Циолковского

манило на реку, в загородные леса, а времени не было... Помимо того что приходилось самому делать различные приборы для училища, он еще выполнял всякие работы по дому: мастерил скамейки, полки, лари; паял и лудил кастрюли — для себя и соседей, чинил замки, керосинки, даже только входившие в обиход швейные машины. У кого он научился столярному, слесарному и прочим ремеслам — Циолковский едва ли бы мог объяснить. Кое-что видел, а больше постиг сам по наитию и догадкам...

Когда начались летние каникулы, Циолковский с дедом Авдеем перетащил ветхий верстак в сарай и там оборудовал мастерскую.

Однажды старый учитель географии принес ему стенные французские часы, которые ни один мастер не брался чинить.

— Прошу посмотреть, коллега, нельзя ли в них вдохнуть жизнь?

Циолковский удивленно взглянул на учителя с маленькой седой, качающейся, как маятник, головкой.

— Сколько они вам служили?

— Мне, коллега, скоро семьдесят, а часы помню еще мальчиком... У них удивительно красивый бой. Всю жизнь я прожил под их монотонное тиканье и нежный, мелодичный бой... Очень бы хотелось, чтоб они пробили и мой последний час...

Циолковскому стало жаль старика.

— Успокойтесь, коллега, я постараюсь починить ваши часы.

— Правда, вы надеетесь?.. А мне сказали, что их механизм сработался раньше, чем мой. И надежды нет...

— Они еще послужат вам,— уверенно сказал Циолковский, хотя видел, что часы пришли в полную негодность.— Приходите недели через две — они будут готовы!

— О, коллега! Я буду вам благодарен до конца дней! — растроганно сказал старый учитель.— Пойду, обрадую свою старушку...

Разобрав часы, Циолковский увидел, что почти все шестеренки сработались. Воскресить их было невозможно. Найти замену деталям, сделанным во Франции, почти столетие назад,— немыслимо. «Но я дал слово — и должен его исполнить!..»

Циолковский каждый базарный день отправлялся на толкучку вместе с Варварой Евграфовной и там часами ковырялся в разном хламе старьевщиков. Ему удалось

купить несколько бросовых часовых механизмов. Разобрав это старье, Циолковский промыл детали в керосине и по шестеренке, по колесику, по винтику стал заново собирать и монтировать механизм...

Когда пришел старый учитель, Циолковский пригласил его присесть на скамеечку. В тишине послышалось легкое поскрипывание и монотонное тиканье. Еще мгновение — и в сарае ударили в маленькую серебряную литавру:

— Бо-м! бом! бом!

— Это они, они! — воскликнул старый учитель, шагнув навстречу Циолковскому.— Я узнал их голос. Спасибо вам, дорогой коллега! Вы вернули мне радость.

Он торопливо вытащил из кармана деньги.

— Нет, нет, ни за что! — запротестовал Циолковский.— Если вы не хотите обидеть меня — спрячьте деньги.— Циолковский вынес круглые, в деревянной оправе часы и протянул старику.

Тот потянулся и уронил засунутый за мундир пакет.

— Простите, вы что-то уронили.

— Ах, это же вам... Я так разволновался, что забыл. Почтальон просил передать.

Циолковский поднял пакет.

— Из Москвы от Волчанинова. Да это же мой «дирижабль». Вот радость! Варя, ребята, смотрите же! — он разорвал пакет и поднял над головой книжку с крупно набранным заглавием:

«АЭРОСТАТ
Металлический управляемый».

А ниже фамилия автора: «К. Циолковский».

— Подержите часы,— попросил старый учитель Авдея,— я должен взглянуть... Позвольте, позвольте, господин Циолковский.

Он взял книжку и, надев очки, прочел вслух:

«Автор работы: «Давление жидкости на равномерно движущуюся в ней плоскость»,— помещенной в IV томе «Трудов отделения физических наук Императорского общества любителей естествознания за 1891 г.». Это про вас, коллега?

— Да, это мой труд об аэростате! — задыхаясь от радости, воскликнул Циолковский.

— Тогда понятно, почему вы починили мои часы. Я очень счастлив поближе узнать вас. От души поздравляю! От души!

— Спасибо! — растроганно сказал Циолковский.

— Не смею вам более мешать. Прощайте! — поклонился старый учитель и пошел к воротам.

— Эй, Авдей, няня, кто-нибудь! Помогите же господину учителю.

Авдей догнал учителя и, взяв у него часы, вместе с ним скрылся за воротами. Ребята бросились следом.

Циолковский, прижав книжку к груди, умиленно взглянул на жену:

— Варюша, это же победа! Право, победа! Вот теперь я сам пойду к Стрешневым. Сам!..

7

Начинало смеркаться. Над дремавшим городом от собора плыл торжественный звон больших колоколов — сзывали ко всенощной.

Стрешневы всей семьей играли на террасе в лото.

Павел Петрович, запуская толстую, мясистую руку в мешочек, шитый бисером, басовито шутил:

— Сейчас вы у меня будете бледны! Да-с! Я ведь знаю, как надо выбирать нумера.

— Дедушка! На меня поставьте! На меня! — звонко кричал и ерзал на коленях у бабушки маленький белокурый Андрюша.

Тетя Оля — младшая сестра бабушки, гостившая у Осокиных, церемонно посматривала в лорнет.

— Ба! Опять не то! — сердито сказал Павел Петрович.

— Тебе, папочка, очевидно, очень везло в любви! — улыбнулась Лиза.

— Да-с, я пользовался успехом... Бывало... Однако, кажется, кто-то стучит?..

— Я открою! — поднялся Стрешнев и, быстро сбежав в сад, вернулся с Циолковским, сжимавшим в руках книжку и шляпу.

— Вот, господа, кто незнаком — рекомендую: наш самый лучший друг Константин Эдуардович.

Циолковский поклонился.

— Очень рады! — улыбнулся Павел Петрович.— Пожалуйте с нами сыграть.

— Благодарствую!

Лиза встала, подала Циолковскому руку:

— Я очень рада, что вы пришли, Константин Эдуардович. А где же Варвара Евграфовна?

— Она не может... у нее дела.

— Жаль... Давайте вашу шляпу, и присаживайтесь... А это что?

— Так, пустое...

— Позвольте, это же книга? Дайте я уберу.

— Нет, я ее в карман.— И Циолковский стал засовывать книжку.

— Сомнете, Константин Эдуардович,— вмешался Стрешнев,— дайте я уберу,— и взяв книгу, удивленно приподнял брови: — И вы молчите? Лиза, Лизок, посмотри! Это же книга об аэростате Константина Эдуардовича!

— Вышла? Вот радость! Мамочка, папа, вы слышите?

— Тогда лото отменяется! — Павел Петрович откашлялся.— Вели, Лиза, накрывать на стол.

Он поднялся, отодвинул кресло и вместе с Лизой и Стрешневым стал поздравлять Циолковского...

За ужином разговор зашел об аэростатах и самолетах. Павел Петрович, хорошо помнивший, как подполковник Громов «распушил» аэростаты, подбивал Циолковского:

— Вы извините меня, Константин Эдуардович, я в вопросах воздухоплавания ровно ничего не смыслю. Однако, наслушавшись в прошлый раз подполковника, стал сомневаться в аэростатах и отдавать предпочтение железным, или там, деревянным птицам.

— Но ведь еще ни одна из них не поднялась в воздух,— возразил Циолковский,— а аэростаты, как вам известно, летают более ста лет. И теперь уже есть аэростаты управляемые, которые летают в заданные места.

— Это в тихую погоду. А если ветер?

— Да, существующие аэростаты пока еще не могут бороться со стихией. Но я ратую за новый тип аэростата. Мною разработан проект цельнометаллического управляемого. Этот не будет бояться ветров.

Павел Петрович полистал книжку.

— Скажите! Весьма, весьма смелый проект.

— А главное — осуществимый! Тут даны все расчеты.

— Вот бы теперь сюда Громова. Вы бы с ним потолковали. У нас ведь тут из-за вашего аэростата разразилась словесная баталия... Ну, да бог с ними. Что же вы думаете теперь предпринять, Константин Эдуардович?

— Надо ехать в Петербург! — предложила Лиза.

— И я так думаю,— поддержал Стрешнев.— Ведь теперь ученые мужи из Седьмого отдела будут принуждены мотивировать свой ответ гласно, через печать. Пред ними станет дилемма: или принять проект, или опровергнуть его. Ведь так?

— Предстоит тяжелая борьба, господа, я это отлично понимаю,— заговорил Циолковский, и глаза его на этот раз засветились металлическим блеском, в лице появилась сосредоточенная суровость.— Но я этой борьбы не боюсь. Я уверен в своей правоте. Завтра же я посылаю эту книгу в Петербург и тем бросаю вызов Императорскому техническому обществу!

Тетя Оля испуганно подняла на него лорнет. Но это не смутило Циолковского.

— Я бросаю вызов,— твердо сказал он,— а кто победит — увидим...

Отправив книжку об аэростате как новый усовершенствованный проект, в Русское техническое общество, Циолковский опять задумался о самолетах. Вспомнился разговор у Стрешневых. «Очевидно, в Техническом обществе глубоко верят в будущее самолетов. Что ж, возможно, эти крылатые машины скоро начнут летать. Правда, они не смогут заменить управляемые аэростаты, способные поднимать по 300—500 человек, но ими нельзя пренебрегать. Напротив, я должен высказать свои мысли, указать наиболее эффективные, на мой взгляд, пути развития самолетостроения».

Найдя тетрадь с записями и набросками, Циолковский засел за работу. Главная мысль им была высказана в названии статьи: «Аэроплан, или птицеподобная летательная машина».

Статья писалась легко и быстро, так как основные положения ее были продуманы уже давно, частично еще в Боровске.

Вместо широко распространенных проектов «этажерок» с двухъярусными крыльями (бипланов), он предлагал одноярусные крылья, расположенные в одной плоскости (моноплан). Причем и фюзеляж и крылья имели обтекаемые формы. Крылу был придан утолщенный профиль, при котором крыло способно легче преодолевать сопротивление воздуха.

Фюзеляж оснащался колесами. Предлагался двигатель внутреннего сгорания и автоматический жироскопический стабилизатор.

Статья, снабженная чертежами, была немедленно отправлена в журнал «Наука и жизнь». Циолковский вернулся с почты в приподнятом настроении.

«Создатели самолетов и их покровители в техническом обществе — ярые враги аэростатов. Следовательно, и мои враги. А я даю им в руки труд, который может продвинуть на десятилетие вперед дело авиации. Если рассказать Стрешневым, они, пожалуй, будут смеяться... А я уверен в своем аэростате и никого не боюсь. Что же касается самолетов, я за то, чтобы они совершенствовались! Думаю, что моя статья послужит общему делу воздухоплавания».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

В то время, когда письмо Циолковского в Техническом обществе вместе с книгой об аэростате тряслось на почтовых, русский военный агент в Вене, полковник Зуев, получил шифрованную депешу из Санкт-Петербурга:

«Господин Военный Министр соблаговолил одобрить ваше донесение. Ведите переговоры строго конфиденциально. О результатах доносите незамедлительно».

— Отлично! Превосходно! — воскликнул Зуев, прочтя депешу и, пощелкивая пальцами, весело заходил по кабинету.— Если соблаговолил одобрить сам министр,— значит, дело в шляпе! Теперь наконец я могу позволить себе некоторую роскошь. Когда дело связано с министром, дополнительные расходы утверждаются неукоснительно... Ай да Шварц, браво! Ты послан мне самим богом!

Гостиница «Белый кролик», где было назначено свидание со Шварцем, уютно расположилась на пологом склоне зеленой горы, под старыми тенистыми дубами. На вершине горы рос густой хвойный лес, а внизу, далеко-далеко тянулись живописные долины с кудрявыми перелесками, и виднелись голубые воды Дуная. Воздух был чист, свеж и прозрачен. После венской духоты дышалось легко, Зуев покачивался в рессорной коляске, курил.

«Черт бы побрал этого Шварца. Наверное, какой-нибудь авантюрист, а я должен перед ним распинаться... И почему так пекутся о нем в Военном ведомстве. Очевидно, малый не глуп и заручился влиятельной поддержкой в Петербурге. Там же — немцы!.. Хоть царь и старается разыгрывать из себя русского патриота, однако он был и остался настоящим пруссаком. Да и все его окружение — немецкое. Чего же тут удивляться...»

Лошади остановились у небольшого белого здания под черепичной крышей, украшенного деревянными, узорной резьбы, балконами.

Только Зуев выпрыгнул из коляски, как сразу же перед ним вырос щеголеватый господин в сером сюртуке, в шляпе, с тростью, инкрустированной серебром.

— Рад вас видеть, господин Зуев. Я для вас уже заказал лучший номер.

Зуев изучающе взглянул в непроницаемое лицо с рыжеватой бородкой, протянул руку:

— Здравствуйте, господин Кох! Благодарю за заботу. А ваш патрон уже здесь?

— Да, мы приехали вместе. Господин Шварц отдыхает в номере, но он готов быть в любую минуту.

— Отлично! Закажите столик — я выйду к вам через пятнадцать минут...

2

Сняв дорожный плащ и сюртук, Зуев умылся студеной водой, распахнул дверь на балкон и прилег на ковровую кушетку. «Как бы эти бестии меня не провели... Будучи в прошлом месяце в Петербурге, я досыта наслушался разговоров о воздухоплавании. Большинство военных специалистов считает предпочтительным строить самолеты. Хотя положительных результатов еще не достигнуто, однако опыты весьма обнадеживающие. Аэростаты уже отживают свой век. Один офицер из Воздухоплавательного парка мне сказал: «Нам скоро нечего будет делать — аэростаты дышат на ладан». А этот Шварц хочет продать России именно аэростат. Правда, особый, металлический, управляемый, но все-таки аэростат. Как бы не попасть в глупое положение с этой затеей... Однако сам военный министр заинтересовался. Что ж, надо посмотреть на Шварца: что это за гусь».

Зуев взглянул на часы, быстро вскочил, оделся и, поправив гребешком брови и усы, спустился в ресторан.

Шварц — худенький чернобородый господин с нависающим носом и жгучими, красивыми глазами,— совсем не походил на немца, и это удивило Зуева. Однако он не выказал удивления, а, сдержанно поздоровавшись со Шварцем, поманил официанта и заказал легкий ужин.

Так как за соседними столиками сидели австрийские офицеры с дамами, заговорили не о дирижабле, а о красотах природы, о Вене, о новых вальсах Штрауса.

После ужина Зуев пригласил Шварца к себе, чтоб потолковать о деле. Шварц пришел один, с небольшим дорожным саквояжем, из которого извлек сверток с чертежами и разложил их на столе.

— Вот, господин Зуев, чертежи моего металлического дирижабля, который я готов построить для России. Уверяю вас, в мире нет ничего подобного! Это вам не воздушный шар или матерчатый аэростат, который рвется на куски при сильном ветре. Мой дирижабль будет иметь жесткий металлический каркас, латунную или алюминиевую оболочку. Ему не страшны ветер, дождь, снег. Он будет послушен в полете и может лететь, куда пожелаете. Сила тяги дирижабля будет осуществляться посредством четырехтактного бензинового двигателя Даймлера. Имея такую штуку, Россия станет царицей неба! Да-с! А я обязуюсь построить первый дирижабль за год-полтора. Все рассчитано! Последующие дирижабли сможем строить по пяти в год и даже больше.

Зуев внимательно посмотрел на рисунок. Дирижабль был похож на остроконусную пулю.

— Интересно, во что же обойдется строительство первого дирижабля?

— Ровно в десять тысяч рублей, господин Зуев. Но столько же вы должны будете заплатить мне за идею, чертежи и руководство постройкой.

Зуев приподнял густые брови, задумался:

— А почему вы, господин Шварц, не предложили свое изобретение Австрии?

— Что вы, господин Зуев, здесь все помешаны на аппаратах тяжелее воздуха. Об аэростатах и слушать не хотят. Они не понимают, что металлические аэростаты — это будущее воздухоплавания. Что ж... они будут горько разочарованы.

— Почему вы не предложили свой проект Германии?

— Дорогой господин Зуев, как же я мог? Ведь я — патриот России. Я родился и вырос в вашей стране. Мои родственники и до сих пор живут в Киеве. С Германией у меня не может быть ничего общего. Больше скажу — я был выслан из этой страны.

Зуев сочувственно улыбнулся, но ничего не сказал.

Шварц беспокойно задвигался в кресле, развернул новый чертеж.

— Вот, обратите внимание, господин Зуев,— дирижабль будет иметь сорок шесть метров в длину. Объем оболочки — три тысячи двести восемьдесят четыре кубических метра.

Зуев достал папиросы, предложил Шварцу. Закурили.

«Делает вид, что мой дирижабль его не интересует. Хорошо! Сейчас я ему кое-что выложу». Шварц достал записную книжку, заглянул в нее.

— Послушайте, господин Зуев, по моим подсчетам при серийном производстве для армии и гражданских целей дирижабль может приносить доход около пятисот тысяч в год! Да, да! И вы можете участвовать в дивидендах.

— Вы забываетесь, господин Шварц! — вскочил Зуев.— Я — русский офицер.

— Простите, но вы меня не поняли, господин Зуев. Я не хотел сказать ничего плохого. Коммерция никем не осуждается.

— Я — русский офицер! — прервал его Зуев.— Я не допущу никаких намеков. Я выполняю свой долг. О вашем предложении я донесу по начальству.

— Если ваше начальство пожелает ознакомиться с чертежами — я готов выехать в Петербург... Конечно, если будут оплачены дорожные расходы.

— Хорошо, я доложу... Ответ может быть получен в ближайшие дни. Прошу поддерживать со мною связь через вашего поверенного господина Коха. Я рад был познакомиться с вами, господин Шварц. Надеюсь, наши переговоры будут продолжены в Петербурге.

— Я тоже был очень рад, господин Зуев,— пролепетал ошарашенный Шварц.

Он собрал чертежи, уложил их в чемодан и, поклонившись, вышел.

«Ну и свинья! — воскликнул про себя Зуев.— Мне, русскому офицеру, осмелился предложить взятку! А? Если б не приказание министра — я бы выгнал его вон».

3

Зуев не спешил давать окончательный ответ на шифрованные запросы из Санкт-Петербурга, ссылаясь на то, что еще не собрал исчерпывающих сведений о Шварце.

Ему удалось установить, что Шварц австрийский подданный, по образованию лесничий. Однако никаких подтверждений тому, что он выходец из России и что им движут патриотические чувства, не было. Зуеву также не удалось установить, имеет ли Шварц инженерное образование и опыт в строительстве технических сооружений, о чем горячо говорил его поверенный Кох.

«Этот Шварц неглупый человек и, очевидно, его изобретение представляет ценность для любого государства. Однако он порядочная бестия и пройдоха. И если надует наше Военное ведомство — виноват буду я».

Лишь осенью Зуев послал обстоятельный доклад с описанием дирижабля Шварца и сообщил, что, по «агентурным сведениям», Шварц не состоит ни в каких отношениях с военными ведомствами Австрии и Германии.

Далее Зуев писал, что Шварц готов немедленно прибыть для переговоров в Петербург и ознакомить военных специалистов с чертежами своего дирижабля, если Военное ведомство России согласится оплатить расходы по поездке.

Из осторожности Зуев упомянул, что Шварц определяет ориентировочную стоимость металлического дирижабля в двадцать тысяч рублей.

Скоро был получен шифрованный приказ: «Выдайте Шварцу 500 рублей и незамедлительно доставьте его в Петербург».

4

Октябрь в Петербурге начался солнечными теплыми днями. Деревья еще стояли в золоте, и воды Невы были прозрачны.

Зуев отвез Шварца и Коха в одну из лучших гостиниц, где для них был отведен двухкомнатный номер.

— Господа, поскольку сегодня суббота, делами заниматься грешно. Отдыхайте, осматривайте Петербург, а в понедельник, после обеда, я вас навещу.

И Зуев откланялся.

Кох, насвистывая, прошелся по кабинету.

— Россия не такая невежественная страна, как я думал вначале. Здесь умеют ценить изобретателей!

— Я мало верю в это,— возразил Шварц, усаживаясь в мягкое кресло из красного дерева с бронзовыми львами на подлокотниках.

— Почему? Ты видишь, как нас принимают?

— Я же говорил тебе, что читал в немецких газетах о Костовиче и Циолковском. Эти русские изобретатели тоже предлагали проекты управляемых аэростатов, но им не дали денег даже на то, чтоб построить модели. Нас может спасти лишь то, что мы иностранцы. В России чиновники очень падки на все заграничное.

— Я полагаю, что это не из-за высоких побуждений. Наверное, от иностранцев больше перепадает.

— Я заикнулся Зуеву, так тот меня чуть не разорвал. Страшно оскорбился.

— Предоставь мне это щепетильное дело,— заметил Кох.— Я знаю, с кем можно, а с кем нельзя.

— Хорошо, но пока надо осмотреться и навестить тех людей, которые могут нам оказать услуги.

— Согласен! Осмотр Петербурга отложим до свободных дней, а сейчас за дело! Ты, Давид, еще не забыл русский язык?

— Нет, не забыл.

— Это нам поможет.

Кох достал записную книжку и стал отыскивать нужные адреса.

5

Зуев пришел в понедельник, в назначенное время. Он был в штатском костюме и, может быть, поэтому, как-то утратил лихой вид.

Поздоровавшись и осведомившись, как гости провели эти дни, он начал издалека:

— Военный министр, господин Ванновский почти все лето был с государем на отдыхе в Крыму. За время его отсутствия вопрос об управляемом металлическом дирижабле обсуждался среди военных специалистов и, надо сказать, большинство мнений — не в вашу пользу.

— Позвольте, но ведь нас же пригласили,— прервал Шварц.

— Да, конечно... Решение вопроса будет зависеть от господина министра. Мы сможем добиться успеха лишь в том случае, если сумеем склонить на свою сторону его ближайших помощников.

— А как это сделать?

— Я устрою вам несколько аудиенций у влиятельных военных, а вы, господин Шварц, постарайтесь их заинтересовать. Без того, пока мы не заручимся сильной поддержкой, к министру нечего и соваться. Скажу вам по секрету, что начальство Воздухоплавательного парка помешано на самолетах и слушать не желает о каких бы то ни было аэростатах.

— Тогда зачем же нас вызвали? — нахмурясь, спросил Шварц.— Ведь я мог предложить свое изобретение Франции или Англии?

— Что вы, господин Шварц,— усмехнулся Зуев,— вы совершенно не знаете англичан. Они не любят приглашать чужих изобретателей. Вы правильно сделали, что выбрали Россию. Только здесь вы можете рассчитывать на успех и гостеприимство.

— Да, но мы сразу наткнулись на рифы.

— Я с вами, господа! — воскликнул Зуев.— И надеюсь, мы эти рифы сумеем обойти. Первую встречу с полковником Генерального штаба Готтенбергом я назначил на завтра.

6

Прошла неделя. За это время Зуев ознакомил с проектом Шварца еще нескольких влиятельных чиновников из Генерального штаба. Сам Шварц через знакомых сумел распустить слухи о проекте среди промышленников. Слухи дошли до двора.

Тринадцатого октября праздновалось шестидесятилетие великого князя Михаила Николаевича — старого артиллериста, одного из влиятельнейших людей в русской армии. После ужина, когда гости выходили из столовой, великий князь подошел к Ванновскому и взял его под руку.

— Скажите, Петр Васильевич, верно ли, что какой-то изобретатель из Вены предлагает построить металлический дирижабль?

— Да, да, мне докладывали. Однако я пока еще с ним не виделся.

— Гмм... жаль...— сказал великий князь и, извинившись, подошел к другому министру.

Ванновский уехал с торжества расстроенным. Ему показалось, что великий князь Михаил Николаевич остался крайне недоволен его ответом.

На другой день, приехав в министерство, Ванновский сразу же приказал доложить ему о состоянии переговоров по строительству металлического дирижабля. Был вызван генерал Заботин, один из начальников инженерного ведомства.

— Ну-с, генерал, вы ознакомились с проектом дирижабля этого Шварца?

— Да, ваше превосходительство, проект многообещающий. Я верю в его осуществление. Однако мнение Воздухоплавательного парка мы еще не запрашивали... Знаю, что они относятся отрицательно.

— Их мнение не обязательно... Какая испрашивается сумма?

— Двадцать тысяч, ваше превосходительство.

— Однако... А Шварц здесь?

— Да, его привез полковник Зуев.

— Пригласите их к двенадцати часам и подготовьте приказ.

Ровно в двенадцать Ванновский вышел в приемную, где дожидались Заботин, Зуев и Шварц. Ванновский был в парадной форме, при ленте и орденах. Высокий, статный, седой, с белой окладистой бородкой, он внушал уважение и страх.

Он выдвинулся из строевых генералов Киевского округа. Когда Александр III был еще цесаревичем и в русско-турецкой войне командовал полком, Ванновский был у него начальником штаба.

Войдя на престол, Александр III отправил в отставку графа Милютина, которого недолюбливал за «либерализм», а Ванновского возвел в генерал-адъютанты и назначил военным министром.

Все знали, что Ванновский не отличался ни образованием, ни умом, но он умел распоряжаться и пользоваться расположением государя. Его слово решало все. И этого слова теперь с волнением ждали Шварц и Зуев.

Генерал Заботин, представив обоих Ванновскому, снова с похвалой отозвался о проекте Шварца.

— Что же, ваш дирижабль будет из меди? — спросил Ванновский Шварца.

— Из алюминия, ваше превосходительство!

— А где возьмете?

— Купим за границей. Там изготовляют.

— А кто будет строить?

— Наймем русских рабочих. Они отличные мастера.

— Так-с... хорошо... А сколько вам потребуется времени?

— Если будут предоставлены мастерские — год, многое — полтора!

— Хорошо. Двадцать тысяч я прикажу отпустить. Вы, генерал,— обратился Ванновский к Заботину,— возглавите руководство работами. Воздухоплавательный парк предоставит помещение на Волковом поле и окажет всемерную помощь. Приказ будет подписан завтра. Благодарю вас, господа, и желаю успеха!

Ванновский всем пожал руки и удалился в кабинет.

7

Наступил новый 1893 год, а Циолковский все еще не получил никакого ответа из Петербурга. Что с книгой об аэростате? Обсуждалась ли она в Русском техническом обществе? Какое отношение к проекту — об этом Циолковский не переставал думать.

Воинственное настроение, охватившее его в то время, когда он увидел вышедшую из печати свою книгу об аэростате, за эти месяцы померкло, рассеялось. Он понял, что «один в поле не воин», и был бы рад, если б Техническое общество выделило хоть маленькую субсидию на постройку действующей модели.

«Конечно, были бы деньги, я бы сам поехал в Петербург и стал бороться за свою идею, но — увы — мне остается лишь ждать и тешить себя надеждой...»

А дела в Петербурге складывались отнюдь не в его пользу.

Дождавшись приказа военного министра и получив наличные деньги, Шварц выехал в Германию за алюминием, а Кох, заполучив лучшее помещение в Воздухоплавательном парке и подсобные мастерские, стал нанимать мастеров и рабочих, готовить приспособления для клепки тонких алюминиевых листов...

8

В конце января, когда книга Циолковского «Аэростат металлический управляемый» была прочитана и просмотрена многими членами VII отдела, в Техническом обществе назначили вторичное обсуждение его проекта.

Двадцать восьмого января вечером к подъезду Императорского русского технического общества подъезжали кареты и коляски, крытые медвежьими и волчьими полостями, санки. Из них выходили ученые в шубах с бобровыми воротниками, военные в шинелях на красной подкладке. В отделанных мрамором высоких залах было светло.

Когда члены VII отдела, сияя звездами и орденами, расселись вокруг зеленого стола, председательствующий, упитанный, румяный старик с пышными седыми подусниками, торжественно открыл заседание и предоставил слово профессору Федорову.

Благообразный, с окладистой русой бородой, одетый в черный сюртук, профессор поднялся, откашлялся, заговорил ровным голосом:

— Господа, я уже имел честь три года назад докладывать здесь о проекте металлического управляемого аэростата господина Циолковского. Полагаю, что все вы ознакомились с его книгой, и я не буду утруждать ваше внимание изложением существа вопроса. Я позволю себе лишь высказать те возражения, которые, на мой взгляд, не позволяют нам, господа, одобрить этот проект. Как и в прошлый раз, я выражаю сомнение, что технически возможно путем простой клепки металлических листов сделать газонепроницаемые швы.

Вызывает сомнение и скорость — сорок верст в час, которую, по расчетам Циолковского, может достичь аэростат. И, наконец, самое главное — я сомневаюсь, что аэростат даже из гофрированных металлических листов с одними кольцевыми шпангоутами, сможет противостоять силе ветра. Его корпус, безусловно, подвергнется деформации. Каркас аэростата не может быть жестким и устойчивым без прочных продольных стрингеров.

— Пожалуй, профессор прав,— зашептал рыжебородый генерал Кованько своему коллеге по Воздухоплава-

тельному парку, полковнику Поморцеву.— У Шварца предусмотрены стрингеры.

Федоров в это время закончил свою речь, и председательствующий обратился к Поморцеву:

— Вы, Михаил Михайлович, кажется, хотите что-то сказать?

— Да, господа, если позволите, я скажу,— поднялся Поморцев, поправляя очки.— Правда, я не совсем готов к выступлению, так как не успел закончить проверку расчетов господина Циолковского. Но уже то, что мною сделано, дает основание к серьезным сомнениям... Я последнее время занимаюсь расчетами сопротивляемости аэростатов воздушной среде. Мои расчеты показывают, что аэростаты средних размеров не могут преодолеть силу встречных воздушных потоков, а потому и постройка их совершенно нецелесообразна.

— Н-да,— протянул председательствующий.— Если такой математик, знаток и практик воздушных полетов на аэростатах, как Михаил Михайлович Поморцев, считает это дело нереальным — спорить весьма трудно. Все же, господа, желательно знать, есть ли другие мнения? Мы должны обсудить проект всесторонне. Вы желаете, ваше превосходительство? — обратился он к генералу Кованько.

— Нет, я не тово... Я напротив. Я, собственно,— сказал генерал,— должен заявить здесь, что господин Циолковский недостаточно осведомлен о существующих бензиновых двигателях. Двигателей такой мощности, которую он запроектировал для своего дирижабля, пока что не существует. Вызывает сомнение и изменения объема дирижабля, посредством стягивания канатами — этот способ весьма примитивен и ненадежен... Да-с, ненадежен... И хотя мы в прошлый раз весьма поощрительно отнеслись к господину Циолковскому, отдав дань уважения его трудолюбию и талантливости, я все же должен заявить здесь, что аэростаты — вчерашний день воздухоплаванья. Да-с! Мы должны стремиться к созданию аппаратов тяжелее воздуха и всемерно поддерживать ученых и изобретателей, работающих в этом направлении. Да-с!..

Кованько, тяжело дыша, грузно сел на свое место.

Сидящий в кресле у стены усатый подполковник поднялся, достал блестящий портсигар и вышел.

— Кто еще желает сказать, господа? — спросил председатель.

Все молчали.

— Господа, книга была разослана всем членам Седьмого отдела,— заговорил председатель, вставая и ощупью застегивая золотую пуговицу на вицмундире.— Времени было предостаточно... Кто желает высказаться в защиту проекта господина Циолковского?

В зале послышалось лишь глухое покашливание.

Председатель достал батистовый платок и отер вспотевший лоб:

— Господа, хотя и нет положительных высказываний, я должен поставить вопрос на голосование. Кто за то, чтобы проект господина Циолковского о цельнометаллическом, управляемом аэростате одобрить? Так... никого... Кто против? Так-с... Кто воздержался? Раз, два... четыре. Значит, вопрос решен, господа. Объявляю перерыв...

Высокие ореховые двери, отделанные светлой бронзой, распахнулись, и члены Седьмого отдела не спеша стали выходить в просторный беломраморный вестибюль.

Куривший у колонны усатый подполковник Громов, что приезжал в Калугу к Стрешневым, увидев задумчивого и грузно шагавшего Поморцева, подошел к нему:

— Ну, что, Михайло Михайлович? Чем кончилось?

— Решили оставить без последствий.

— Но ведь проект Циолковского ничуть не хуже проекта Шварца. Он даже предпочтительнее, так как Циолковский предусмотрел изменение объема аэростата.

— Возможно...— уклончиво ответил Поморцев.

— Михайло Михайлович, а ведь дирижабль Шварца уже начинают строить! Сегодня на шести подводах привезли алюминиевые листы и полосы прокатного алюминия.

— Я считаю, что это несостоятельная затея и она окончится крахом.

— Тогда, может быть, стоит протестовать? Добиваться в министерстве рассмотрения проекта Циолковского?

Поморцев остановился и удивленно посмотрел на Громова сквозь очки:

— Батенька мой, да ведь приказ подписал сам Ванновский! Министр! Генерал-адъютант! Любимец государя! Тут и мы и Техническое общество совершенно бессильны...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Это известие обрушилось, как снежная лавина, смяло, придавило к земле. Циолковский несколько дней пролежал в постели и поднялся с головной болью, вялый, изможденный, словно только что перенес тяжелую, изнурительную болезнь. Лицо его осунулось, глаза запали, походка сделалась зыбкой, нетвердой, и весь мир рисовался ему словно в тумане.

Но надо было жить, зарабатывать на хлеб, и он снова стал ходить в училище, давать уроки...

Домой плелся совершенно разбитым.

Именно таким его и увидела на улице Лиза Стрешнева, увидела и не узнала. Лишь когда Циолковский прошел мимо, горбясь и опираясь на палку, Лиза всмотрелась и замерла.

«Что же делать: догнать? остановить? Вдруг нужно помочь?.. А может, он сделал вид, что не узнал меня? Может, не хотел, чтоб я видела его в таком положении? Ведь он горд и самолюбив...»

Лиза заспешила домой, чтоб посоветоваться с мужем.

Стрешнев уже вернулся из гимназии и, дожидаясь, пока позовут к обеду, просматривал свежую «Ниву».

Лиза из передней, увидев его, не раздеваясь, вбежала в гостиную.

— Сережа! Что-то случилось с Константином Эдуардовичем. Он шел по улице как потерянный. Он, наверное, тяжело заболел, и может, что с рассудком?

— Ты говорила с ним?

— Нет, он прошел мимо, не поклонившись. Он не узнал меня. Сережа, милый, бери извозчика и скачи немедленно к ним, я очень боюсь.

— Да, да, конечно. Но ты успокойся, Лизок. Может, он задумался, что с ним бывает... А может, потрясен чем-то... Словом, я лечу.

Стрешнев наскоро оделся, выскочил за ворота и быстро пошел к площади, где стояли извозчики.

Во дворе слышались веселые голоса детей. Это несколько успокоило Стрешнева. Распахнув калитку, он увидел, что дети увлеченно катаются с ледяной горки, облитой чернилами.

Не привлекая внимания детей, он незаметно вошел в дом.

Варвара Евграфовна, в пестром ситцевом переднике и такой же косынке, хлопотала на кухне.

— Извините, Варвара Евграфовна, за внезапный приход. Лиза видела издали Константина Эдуардовича, и ей показалось, что он болен. Мы очень беспокоимся. Вот я и приехал, чтоб узнать...

— Спасибо, Сергей Андреич, раздевайтесь, он дома... Три дня болел, а сейчас вроде ходит. Однако на нем лица нет. Ничего не говорит, но я чувствую, что-то случилось... Уж вы, Сергей Андреич, поговорите с ним по душам. Ночами пишет. Пишет до изнеможения. А что пишет — не говорит... Сейчас прилег, но едва ли уснул. И сон к нему не идет.

Стрешнев разделся и вслед за хозяйкой заглянул в комнату Циолковского. Константин Эдуардович лежал на узкой железной кровати, повернувшись к стене, и, казалось, спал.

Варвара Евграфовна подошла, еле коснулась его плеча. Циолковский повернулся и, увидев Стрешнева, удивленно приподнялся:

— Мне не приснилось, это вы, Сергей Андреич?

— Я, я, здравствуйте, Константин Эдуардович.

Циолковский, опустив ноги на пол, сел, протянул худую, холодную руку.

— Рад, очень рад... А я вот болею.

Варвара Евграфовна, сделав знак Стрешневу, тихонько вышла.

— Да, болею, — продолжал Циолковский, — такая немочь нашла, что еле ноги таскаю.

— Уж не случилось ли какой беды, Константин Эдуардович?

— Вы угадали. Случилось! Только я никому не говорю.

— Уж не с проектом ли что?

— Именно с проектом, мой друг. В Техническом обществе отказали вторично.

— Из-за этого вы и заболели?

— Да, не думал, что заболею. Очень надеялся на себя. Много я принял ударов судьбы, думал — выдержу и на этот раз, но — ослаб...

Стрешнев дружески положил большую теплую руку на сжатые пальцы Циолковского.

— Дорогой друг, я очень сочувствую, очень! Но, право же, не стоит убиваться. Помните, в прошлый раз мы с Лизой рассказывали о подполковнике Громове?

— Да, да, отлично помню. Еще бы!

— Так вот Громов говорил, что в Обществе все увлечены самолетами и решительно против аэростатов. Я полагаю, они отказали не потому, что ваш проект плох, а потому, что другое теперь увлечение...

— Возможно. Но от этого не легче... Я только сейчас понял, что крушение надежд действует на человека хуже самой тяжелой болезни.

— Это так, я знаю по собственной жизни, Константин Эдуардович. Но надо мужаться! Времена переменчивы! Сейчас одни веянья — завтра могут быть другие. Сегодня увлечены самолетами, а завтра вдруг обратятся к аэростатам и бросятся разыскивать вас.

— Нет, нет, с меня хватит. Во всяком случае, на какой-то период...

— Конечно, лучше передохнуть, забыться, на время отрешиться от своих идей.

— Отрешиться от идей? Нет, Сергей Андреич, я никогда не отрешусь от того, чему отдал половину жизни. Я постоянно буду стремиться к полетам в небо! К полетам в неизведанные миры! Я хотя мысленно, но буду жить в просторах Вселенной и ходить по другим планетам. В этом мне никто не может помешать.

Стрешнев насторожился: «Неужели Лиза права? Неужели у него неблагополучно с рассудком?»

— Константин Эдуардович, не надо так волноваться. Это вредно для вас. Давайте-ка поговорим спокойно. А может, захватим Варвару Евграфовну и поедем к нам? Как раз извозчик дожидается.

— Нет, нет, Сергей Андреич, нет! Я хочу, чтобы вы перенеслись вместе со мной на Луну. Да, да, на Луну!

Стрешнев достал платок и стал вытирать вдруг выступивший пот на лице и шее.

— Вы бы лучше полежали, Константин Эдуардович. Чувствую — вам нехорошо.

— Напротив! Я рад, что вы пришли. Я ожил. И мы сейчас с вами перенесемся на Луну...

Стрешнев встал, прошелся из угла в угол и снова сел. «Должно быть, переутомился».

— Вы, наверное, думаете, что я рехнулся? Так нет же, Сергей Андреич! Нет! Голова у меня еще работает. Я гово-

рю лишь о мысленном полете на Луну. Я пишу фантастическую повесть и хочу вам почитать.

— Ах, вот что! — обрадовался Стрешнев.— Я охотно, очень охотно послушаю.

Циолковский вытащил из-под матраса толстую клеенчатую тетрадь, разгладил страницы и стал читать.

Стрешнев вначале настороженно, а потом все более успокаиваясь, вслушивался. В повести рассказывалось, как автор и его друг-физик неожиданно проснулись на Луне. Они перенеслись туда вместе с домом, где жили, и со всей обстановкой. А дальше рассказывалось о приключениях, которые могли случиться только на Луне: как люди прыгали через ухабы и трещины, поднимали и перекидывали массивные камни.

Стрешнев в свое время прочел немало фантастических книг. Читал и о путешествиях на Луну. Многое из описываемого Циолковским он знал, но порой его искренне удивляли некоторые подробности.

— Позвольте, позвольте,— прервал он Циолковского.— Вот вы пишете, что огромный камень, рухнув с двухаршинной высоты, не издал звука.

— Так, как слышим мы на земле,— они не услышали. Там же нет воздуха! Этот звук дошел до них через сотрясение почвы.

— А если выстрелить из ружья — тоже не услышишь?

— Только через колебания почвы, на которой вы стоите.

— Это любопытно. Я не знал,— искренне удивился Стрешнев.

Циолковский продолжал читать дальше. Стрешнев, совершенно успокоившись, слушал с интересом. И лишь когда почувствовал, что Циолковский устал, поднял руку.

— Спасибо! Прервем. На сегодня хватит, Константин Эдуардович.

— Скажите, интересно это или нет?

— Мне интересно! Я узнал много любопытного и завтра, если не возражаете, приду дослушивать.

— Правда? Буду очень рад, Сергей Андреич,— растроганно сказал Циолковский и встал, чтоб проводить друга.— Буду вас ждать... Приходите непременно. Елизавете Павловне и родителям — сердечный поклон. А если вам мое увлечение фантастикой показалось странным — не удивляйтесь, пожалуйста. Я сейчас живу, можно сказать, в «потустороннем» мире...

2

Пока Циолковский уносился мыслью в далекие миры Вселенной, «путешествуя» по Луне и астероидам, Шварц жил реальной и очень деятельной жизнью.

Ему удалось установить деловой контакт с американской компанией «Пульман». Завод этой компании, строивший классные международные вагоны для железных дорог России, находился в Петербурге. Он был оснащен точными станками, на нем работали специалисты, умевшие обращаться с новым металлом — алюминием.

Представители компании «Пульман» очень заинтересовались строительством в Петербурге металлического дирижабля и охотно выполняли на своем заводе заказы Шварца.

Русские мастера и рабочие довольно быстро освоили клепку тонких алюминиевых листов. Благодаря этому постройка дирижабля продвигалась быстро. Корпус дирижабля, установленный в эллинге, походил на огромный сверкающий фантастический корабль и производил внушительное впечатление. Ванновский, приезжавший посмотреть на него, был удивлен и уехал довольный. Шварцу не отказывали в дополнительных ассигнованиях. И он, не скупясь на затраты, торопил подрядчиков.

В августе 1894 года, когда выдались теплые, безветренные дни, дирижабль был полностью готов.

Баллонеты из шелковой ткани, пропитанные эластичным лаком, были наполовину наполнены газом, и огромный, сверкающий на солнце дирижабль, похожий на жюль-верновский «Наутилус», солдаты вывели на зеленый простор Волкова поля.

Народу было немного: начальство Воздухоплавательного парка, чины Военного министерства и Военно-инженерного ведомства, духовенство да солдаты, которые удерживали дирижабль в воздухе на прочных веревках. Ждали приезда Ванновского.

Все с удивлением и страхом смотрели на подвешенную к дирижаблю алюминиевую продолговатую гондолу, где был установлен мотор с пропеллерами и находилась рубка пилота. За толстыми стеклами виднелась голова смельчака в кожаном шлеме.

Вдруг толпа засуетилась, и взоры устремились к бегущему от ворот солдату. Это мчался дежурный трубач.

Он, задыхаясь, доложил, что их высокопревосходительство показался и через несколько минут будет здесь.

Действительно, скоро несколько карет и экипажей подкатили к дирижаблю. Ванновский, оправив аксельбанты и ленту, приблизился, поздоровался с генералом Заботиным и Шварцем, с военными чинами и протоиереем в золотой ризе. Потом, прищурясь, посмотрел на серебряную махину, висевшую в воздухе, и, взглянув на часы, сказал:

— Что ж, господа, пожалуй, можно начинать.

Протоиерей сделал знак причту — начался молебен.

Пока молились, потянул легкий ветерок с моря. Огромную серебряную тушу начало покачивать и кренить на корму. Когда вспотевший и напуганный беспокойным поведением серебряного чудовища протоиерей последний раз торопливо пропел: «Многая лета», вверху что-то треснуло, ухнуло, словно среди ясного неба ударил раскат грома.

Все перекрестились, а побледневший Шварц стал делать какие-то знаки пилоту.

— Что могло случиться? — негромко, но взволнованно спросил Ванновский генерала Заботина.

— Не могу понять, ваше превосходительство... уж не лопнули ли баллонеты?

В это время усилившимся ветром дирижабль стало трепать, швырять из стороны в сторону.

— Закрепить канаты! — закричал Шварц.

Солдаты и офицеры стали крепить канаты к врытым в землю кнехтам.

Пилот, высунувшись в окно гондолы, что-то кричал по-немецки.

Шварц понял, побледнел больше прежнего и, кусая губы, подошел к Ванновскому.

— Ваше превосходительство, лопнули баллоны, и газ распространился по всему дирижаблю! Как прикажете поступить?

Ванновский взглянул на Заботина.

— Вы что думаете, генерал?

— Если газ распространился по всему корпусу дирижабля — полет производить нельзя.

— Испытания отменяются! — строго приказал Ванновский.— Пусть снижают дирижабль! — и, повернувшись, пошел к своей карете...

Дирижабль подтянули ниже к земле и, благополучно высадив пилота, повели в эллинг, чтоб выпустить из металлической оболочки газ. Резким порывом ветра дирижабль вдруг ударило о землю — корпус искорежило, помяло...

На другой день Шварц составил «докладную записку» на имя военного министра. Он доказывал, что дирижабль сделан отлично и легко выдержал сильные удары ветра... Что после выправления вмятин в носовой и кормовой частях корпуса дирижабль можно будет испытать в полете. Неудача произошла, писал он, из-за непрочности ткани, из которой были изготовлены баллонеты в мастерской Воздухоплавательного парка.

Свалив вину на русских воздухоплавателей, Шварц испрашивал у министра еще десять тысяч рублей, чтоб заказать баллонеты за границей.

Просьба Шварца была уважена. Получив наличными всю сумму и захватив чертежи дирижабля, Шварц и Кох выехали за границу...

Через несколько дней от Шварца пришла депеша: «Считаю свои отношения с Россией исчерпанными...»

В то время как Шварц, прихватив чертежи и казенные деньги, сбежал из России, Циолковский получил два номера журнала «Наука и жизнь», где была напечатана его статья: «Аэроплан, или птицеподобная летательная машина».

Циолковский ждал, что к нему посыплются запросы от промышленников, но статья не вызвала ни единого отклика. Это было новым ударом по самолюбию.

Прошло два года. О Шварце забыли. Его дирижабль разобрали, а алюминий продали... Только гондола дирижабля еще лежала около мастерских на Волковом поле, напоминая о минувшем...

Циолковский эти годы жил отшельником и ничего не знал о постройке дирижабля Шварца. Его в это время мало занимали земные дела, он витал мыслями в далеких мирах. Таинственная Луна, о которой он много думал и пробовал писать еще в Боровске, теперь перестала его интересовать. Повесть «На Луне» была опубликована, и Циолковский перенесся мыслями на далекие планеты. Его увлекли, захватили астероиды — крохотные спутники

Солнца. Ему казалось, что на этих маленьких планетах, удаленных от Солнца дальше, чем Марс, где мало света и тепла,— обитают живые существа.

Эти живые существа совсем не похожи на людей, но они по своему красивы и достигли в своем развитии гораздо большего совершенства, чем люди. Они выработали в себе удивительную приспособляемость. Циолковский мысленно видел астероидян, разговаривал с ними, и ему хотелось рассказать о них людям земли. И вот он пишет новую фантастическую повесть «Грезы о земле и небе».

В последние годы Циолковский жил замкнуто и совсем отдалился от Стрешневых, где собиралось почти все образованное общество Калуги. Он чувствовал себя там неловко, стесненно. Ведь для большинства гостей он был всего лишь учитель уездного училища.

Циолковский уединился в своей мастерской, «парил в мыслях» и был счастлив этим. Но о нем не забывали в доме Стрешневых. Как-то на именинах Сергея Андреевича разговор зашел о дирижаблях. Один из гостей, податной инспектор Ассонов — плотный человек с русой бородкой и непокорной шевелюрой, спросил:

— Я слышал, господа, что Циолковский выпустил книжку об управляемом аэростате?

— Да, Василий Иванович, можем подарить, у нас несколько экземпляров,— сказал Стрешнев.

— Буду благодарен. Признаться, господа, меня очень занимает будущее воздухоплавания.

Лиза принесла зеленоватую книжечку. Ассонов раскрыл ее, начал читать и совершенно забыл об ужине...

Дня через два Ассонов явился в училище и, дождавшись звонка к окончанию занятий, отыскал Циолковского.

— Извините, Константин Эдуардович, пришел с вами познакомиться. Ассонов Василий Иванович. Податной инспектор и любитель точных наук. Прочел вашу книгу об аэростате, подаренную Сергеем Андреевичем Стрешневым, и вот не удержался...

— Я очень рад! Очень рад! — приветливо сказал Циолковский, оглянувшись на шумную ватагу ребятишек.— Тут и поговорить-то негде... Пойдемте ко мне.

— Если сочтете удобным, я с радостью...

Дорогой говорили о дирижабле. Ассонов, в отличие от

Стрешнева, задавал такие вопросы, словно сам был изобретателем. Это удивило Циолковского.

— Простите, Василий Иванович, а вы сами тоже изобретаете?

— Нет. Я больше причастен к литературе. Еще двадцать лет назад написал книжку о Галилее и кое-что переводил с иностранных языков. Например, книжки о Ньютоне и Био.

— О знаменитом французском физике Батисте Био, что поднимался на воздушном шаре?

— Да, о нем...

— Я читал, интересно... Очень рад познакомиться с вами поближе. А вот и наш дом...

Они вошли и закрылись в комнате Циолковского.

— Над чем же вы сейчас работаете, Константин Эдуардович?

— Занимаюсь научной фантастикой.

— Вот как? Так это ваша повесть «На Луне» в журнале «Вокруг света»?

— Да. Вы читали?

— У меня сыновья увлекаются... А я еще не успел... Но слышал хорошие отзывы.

— Сейчас пишу «Грезы о земле и небе». Там будет рассказано о жизни на астероидах.

— На астероидах? Об этом мне не доводилось и слышать. Разве там возможна жизнь?

— Не знаю... Но я написал. Есть у меня такой раздел: «Из фантастических рассказов чудака».

— Прочтите что-нибудь, Константин Эдуардович.

— Хорошо. Только если вам будет неинтересно,— кивните — и я тут же прекращу.

— Ну что вы, Константин Эдуардович, как можно.

— Нет, нет, непременно кивните.

Циолковский стал на стул и из отдушины в стене достал свернутую в трубку тетрадь.

— Извините. Храню здесь, чтоб не прочитала жена и дети... Так слушайте...

«...Я выходил из своего жилища и все видел... Когда я привык к ним и научился их зрительному языку (мне они приспособили особый механизм для «картинного» выражения своих мыслей), я с ними много беседовал...

Жители тамошние имели кровь холодную и были сотканы из веществ трудно замерзающих...

— Откуда вы? — спросил я однажды.

— Мы переселенцы с других больших планет. Наши тела преобразовались понемногу и применились к жизни в пустоте.

— Чем же вы питаетесь?

— Мы питаемся и развиваемся подобно растениям — под действием солнечных лучей. Наша стекловидная оболочка ничего не выпускает наружу, но зато свободно поглощает солнечные лучи. Обогащенные ими соки доставляют нашему телу все необходимое.

— Неужели вы никогда не испытываете голода? Жажды?

— Никогда!

— Болеете ли вы?

— Очень редко: один из тысячи в течение тысячелетия.

— Разве вы живете так долго?

— Случаи смерти очень редки. Долголетием мы обязаны чистоте наших тел. В них почти не проникают болезни... У нас есть особые регуляторы жизни, которые мешают телу стариться, слабеть... Долголетием (почти бессмертием) мы обязаны чудному устройству нашего тела, о котором вы — жители Земли — не имеете никакого понятия».

Циолковский вздохнул и захлопнул тетрадь.

— Это очень интересно, Константин Эдуардович,— воскликнул Ассонов.— Дайте мне рукопись — я непременно найду вам издателя...

Ассонов сдержал свое слово: «Грезы о земле и небе» вышли отдельным изданием и были раскуплены.

Циолковский, ободренный успехами своих научно-фантастических книжек, продолжал обдумывать сюжеты новых повестей: «На Весте» и «Вне Земли»...

Весна в этом году была ранняя, спорая. В середине апреля Калуга оделась в зелень. Май начался буйным цветением садов.

В середине мая, когда в Москве пышно праздновалась коронация молодого царя Николая II, Циолковский, освободившийся от классных занятий, решил немного передохнуть. Он вспомнил своего знакомого, с которым вместе удил рыбу, аптекаря Павла Павловича Каннинга, заинтересовавшегося проектом быстроходной лодки. В прошлом году уже поздно было строить такие лодки, а в этом мож-

но было попробовать. «Пошлю-ка я за ним, может, и договоримся,— подумал Циолковский и постучал в соседнюю комнату.— Игнатик! Зайди на минутку».

Подросток лет тринадцати — худенький, смуглый, с большими карими глазами — заглянул в комнату.

— Папа, ты звал?

— Игнатик, ты знаешь аптеку Каннинга?

— Знаю.

— Снеси туда записку Павлу Павловичу. Скажи, что я его жду...

Каннинг, небольшого роста, чернявый, с аккуратно подстриженной бородкой, стремительно вбежал во двор, где дожидался Циолковский.

— Константин Эдуардович! Рад видеть вас. И рад приняться за намеченное дело. Есть ли у вас чертежи лодки?

Циолковский показал чертеж и сказал, что он уже делал такую лодку в Вятке.

— Ну и как?

— Была очень быстроходной, Павел Павлович. Никто не мог угнаться.

Каннинг взглянул на чертеж.

— А сумеем ли мы сделать сами? Может, нанять плотников? Тут еще важно и время.

— Да, верно. Времени жаль...

— У меня в аптеке перебирали полы братья Ореховы. Хорошие плотники и столяры. Я с ними поговорю.

— А вдруг заломят?

— Сойдемся. Я умею... Завтра с утра можем и начать.

— Пусть работают у меня,—сказал Циолковский.— Есть верстак и материалы, а мы будем помогать.

— Согласен! — решительно заключил Каннинг.—Я немедленно иду к Ореховым...

На постройке лодок Циолковский отдыхал. Строгать пахучие смолистые доски, конопатить швы, смолить днища — все доставляло ему радость и удовольствие. Его душа истосковалась по физической работе на свежем воздухе.

Когда лодки были отвезены на Оку и испытаны на воде, Циолковский с Игнатиком часто ездили на рыбалку, а по вечерам всей семьей катались вместе с Каннингами...

Лето, проведенное на свежем воздухе, преобразило Циолковского. Он выпрямился, загорел, окреп физически и духовно. Окреп и опять почувствовал себя бойцом, способным не только обороняться, но и готовым идти в наступление.

3

Подошла осень — тихая, золотая. Циолковский любил перед сумерками походить по пустынным аллеям городского сада, полюбоваться чистоструйными водами Оки и необозримыми просторами низинного берега.

Устроившись где-нибудь на одинокой скамье под столетними липами, он переносился мыслями на далекие, холодные планеты. В эти предвечерние часы в старом саду хорошо думалось и мечталось...

Сегодня Циолковский захватил с собой тетрадь и, присев на скамеечку в глухой аллее, пристроился было писать, как вдруг его мысли прервал басовитый голос:

— Вон вы где, оказывается, скрываетесь. Здравствуйте, здравствуйте, Константин Эдуардович. Извините, что помешал. Дома сказали, что вы ушли в городской сад.

Циолковский обрадовался, поднялся навстречу:

— Рад видеть вас, Василий Иванович. Здравствуйте! Что за дела заставили вас меня разыскивать?

— Да вот довелось быть в Москве. Там мне случайно попала вот эта книжица.— Он достал и протянул Циолковскому крохотную брошюрку в розоватой обложке.— Представьте, прочел и разволновался. Мне кажется, это должно вас заинтересовать.

Циолковский взглянул на книжечку, и глаза его заблестели:

— «Новый способ полета, исключающий атмосферу, как опорную среду». Удивительно. Где вы взяли?

— Купил в книжной лавке.

— Ал. Федоров. Кто таков? Вы знаете?

— Судя по прочитанному — ученый, во всяком случае,— инженер, но с его трудами я не знаком. Издано в Петербурге в этом году.

— Да...— Циолковский полистал,— тут и чертежи... Очень интересно. Вы позволите взять мне эту книжечку домой?

— Конечно. Мне любопытно, что вы скажете...

— Догадываюсь, что речь идет о применении реактивной силы.

— Вот именно.

— Я еще в юности думал об этом. А в Боровске даже писал. Задача весьма сложная...

— Вот, прочтите. Федоров высказывает весьма интересные мысли, даже предлагает построить аппарат.

— Спасибо, Василий Иванович. Вы меня так заинтриговали, что я готов сейчас же идти домой.

— Ну, что же... не смею мешать, Константин Эдуардович.

— А вы завтра, завтра же заходите, а может, я сам прибегу.

Циолковский попрощался и быстро пошел домой.

Сказав жене, что ужинать не будет, он закрылся в своей комнате, зажег лампу и склонился у стола:

«...ввиду массы проектов воздухоплаванья, всякую новую попытку в этой области встречают с улыбкой недоверия...» «Хорошо пишет! Хорошо и очень верно. Уж я-то это по себе знаю,— вздохнул Циолковский.— Ну, что же у него за мысли?»

«...Мой проект идет вразрез с установившимся основным положением... А ведь всякое новшество встречает на своем пути громадное препятствие — трудно преодолеть умственную инертность...»

«Как верно пишет. Неужели он пережил то же, что я?..»

«...больно и обидно думать, что нет людей беспристрастных, с широким взглядом, не затуманенных никакими тенденциями и предвзятыми заключениями. К этим-то людям я сейчас и обращаюсь...

...Целью настоящей брошюры и является желание ознакомить с сущностью моего изобретения всех интересующихся делом воздухоплаванья и найти среди этих последних поддержку в осуществлении моего проекта. Лишь худое дело боится света, а для хорошего—чем больше его, тем лучше, и потому я с благодарностью приму всякие указания на ошибки и темные стороны в моем проекте... Я буду глубоко признателен каждому, кто выразит желание поддержать мое дело своим авторитетом, влиянием, познаниями, опытностью, материальными средствами и даже простым выражением сочувствия, так как и оно дает уверенность, что результат, достигнутый много-

летним упорным трудом, не пропадет бесплодно и что я «не один в поле воин»...»

«Нет, этому человеку я должен ответить. Он выразил мои чувства. Он заглянул мне в душу. Но все-таки в чем же суть проекта?».

Циолковский стал читать дальше:

«...Все, что до настоящего времени ни было предложено в воздухоплавании, имеет одну основу — атмосфера принимается за опорную среду для полета».

«Пожалуй, верно. Я не знаю, правда, принципа работы снаряда Кибальчича, но все остальное — да. И воздушные шары, и дирижабли, и самолеты — все опирается на атмосферу. Не будет воздуха — даже птица не полетит!»

«...Наша же система будет обладать всеми данными для свободного полета»...

«Следовательно, снаряд Федорова сможет лететь и в безвоздушном пространстве?..»

Циолковский дочитал брошюру до конца и долго ходил, размышляя: «Любопытно! Очень любопытно... Три группы труб. Одна группа установлена вертикально—она обеспечит подъем. Вторая — горизонтально. Она даст поступательное движение. И третья группа — спирально обовьет трубы, поставленные вертикально. Эта группа труб заменит руль. Принцип движения — реактивная сила. Все равно что сила отдачи при выстреле из орудия — вызывающая откат. Отлично! Просто и надежно: движение будет осуществляться путем выброса газов из труб... Но где взять столько газа? Федоров предлагает генератор, или воздуходувную машину, или преобразователь... Но ведь это же огромная тяжесть! К тому же, помимо машин, нужно брать в полет воду... Тут что-то не додумано...

Принцип отличнейший, но вода?.. Нет, не то, не то!.. Решительно не то... Газ должен вырываться из труб с большой скоростью. Тут нужна огромная энергия. Нет, не то... Надо думать, надо искать... Федоров высказал замечательную идею, но не довел ее до конца...»

Циолковский, зажав в руке брошюрку, продолжал ходить из угла в угол.

«Смелую идею выдвигает Федоров, но не указывает реальных путей к ее практическому осуществлению... Надо думать... Надо искать... Мысль замечательная...»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Наступило лето 1897 года.

Лодка Циолковского, изготовленная по профилю дельфина, с днищем, склеенным мешковиной и хорошо просмоленным, развивала большую скорость. Когда Игнатик с Колей Стрешневым сидели за веслами — их никто не мог догнать. Игнатик очень гордился лодкой отца; сам окрасил ее в голубой цвет и на бортах написал: «Наутилус». На ночь он привязывал ее цепью и зажимал «хитрым» замком.

Игнатик боялся, что лодку могут отобрать у него взрослые парни, и всегда приглашал кататься Колю Стрешнева. Коля был старше всего на год, но выглядел рослым, широкоплечим, сильным...

Игнатик был замкнут и трудно сходился с ребятами, но с Колей, как стали вместе учиться в гимназии, сделались неразлучными друзьями. Игнатик часто ходил к Стрешневым, рылся в книгах, сражался в шахматы и даже учился играть на рояле.

Дружба детей поддерживала общение между семьями Стрешневых и Циолковских.

Как-то вечером Игнатик вернулся от Стрешневых с пакетом для отца. Сергей Андреевич и Елизавета Павловна только приехали из Петербурга, куда ездили по приглашению Громовых. Подполковник по-прежнему служил в Военно-инженерном ведомстве и принимал участие в постройке дирижабля Шварца. Он рассказал друзьям не только о дирижабле Шварца, но и о том, как был отвергнут проект Циолковского. «Если увидите учителя — передайте ему вот эту книжку,— попросил Громов,— она ему пригодится...»

И вот сейчас Стрешнев, посылая с Игнатиком эту книжку, коротко сообщал в записке о своей поездке, звал на чашку чая, но ни словом не обмолвился о дирижабле Шварца, опасаясь, что это известие может снова свалить Циолковского...

— Ну, что за пакет ты принес, Игнаша? — спросил Константин Эдуардович.— Давай-ка посмотрим.

Он достал записку, быстро пробежал и вынул из пакета книжку:

— Вот так штука: «Привязной, свободный и управляемый аэростат» — сочинение профессора Поморцева... Забавно! Ярый противник аэростатов, один из тех, кто загубил мой проект, пишет об аэростатах... Ты, Игнаша, молодчина, что принес эту книжку. Спасибо! Иди ужинать, а я почитаю. Иди!

— Я уже ужинал у Стрешневых.

— Хорошо. Тогда пойди погуляй. Надо встретить Любашу—она ушла с подружками в городской сад. Ну, беги!

Игнатик ушел, а Циолковский принялся за чтение. Минут через десять он вскочил и стал ходить: «Так и есть: Поморцев не изменился, он по-прежнему не верит в будущность аэростатов. Он для того и написал эту книжку, чтоб доказать «несостоятельность» постройки управляемых аэростатов».

Циолковский снова сел к столу и, прибавив огня, стал читать. «Какой-то абсурд... невероятно... Для управляемого аэростата, чтоб он свободно преодолевал сопротивление воздуха, по формуле Поморцева получается объем в два миллиона кубических метров! Это во много раз больше моего аэростата... Чепуха какая-то...»

Циолковский взял карандаш и стал скрупулезно проверять расчеты профессора.

«А, вот где зарыта собака!.. Нашел... Конечно, грубейшая ошибка! Профессор, по рассеянности, при решении уравнения, которым он определял наибольший диаметр поперечного сечения аэростата, радиус окружности аэростата спутал с диаметром».

Циолковский прошелся и снова сел:

«А что же получится, если правильно решить его формулу? Попробуем...»

Циолковский пересчитал и, бросив карандаш в бокальчик, поднялся. «Превосходно! Получается объем в четыре тысячи кубических метров. Это вполне приемлемо. Профессор посрамил не изобретателей аэростатов, а себя...

Но что же делать мне?»

Циолковский пробежался по комнате.

«Я должен бороться за свой аэростат. Бороться оружием врагов, которое они сами дают мне в руки».

Он сел за стол и написал обстоятельное письмо об ошибке Поморцева.

Была глубокая ночь. В доме все спали. Циолковский вложил письмо в конверт, заклеил и четко вывел адрес: «Санкт-Петербург, Почтовая улица, 7. Господину главному редактору журнала «Технический сборник».

2

«Поморцев и многие другие члены VII отдела Русского Технического общества глубоко убеждены, что аэростаты не могут преодолеть сопротивление воздуха, и только поэтому отвергают мой проект. Все же я надеюсь, что не все члены Отдела разделяют это мнение. Век самолетостроения еще не наступил. Ведь до сих пор в мире не построено ни одного самолета, который бы взлетел в воздух.

Если я сумею доказать, что сопротивление воздуха аэростатам невелико — большинство членов VII отдела станут на мою сторону,— рассуждал Циолковский.— Но доказать это можно только опытами... Те опыты по сопротивлению воздушной среды, что я производил, вынося спаренные трубы с моделями на крышу, под порывы ветра, могли убедить лишь меня одного. Они так примитивны, что не могут служить серьезным доказательством моих взглядов в ученом мире. Убедительных результатов можно достичь лишь в том случае, если удастся создать постоянный воздушный поток, которым можно управлять. Но как это сделать? И возможно ли это вообще?..»

Наступили теплые, прозрачные дни «бабьего лета». Циолковский любил после занятий в училище побродить по окрестным полям, поразмышлять.

Как-то, возвращаясь домой, он услышал доносившийся издалека дробный, приглушенный стук и оживленный разговор.

«Молотят»,— подумал Циолковский и зашагал к деревне.

На гумнах, где стояли скирды хлеба и высились копны соломы, шла молотьба. В стороне от молотилки стояла веялка, и девки, проворно крутя железную ручку, провеивали зерно.

Циолковский подошел, поздоровался, сказал: «Бог на помощь!» — и стал наблюдать. Его заинтересовало, как из веялки выдувало полову и измельченную солому. Он подо-

шел ближе, подставил руку — ее обдало резким теплым ветром, в лицо дохнуло пряной соломенной пылью.

— Что, барин, не хочешь ли покрутить ручку? — усмехнулась разбитная молодайка. — Нам помощники нужны.

— Пожалуй! — нерешительно согласился Циолковский. Он снял сюртук, шляпу и стал крутить ручку веялки.

Чувствовалось, как мотовило веялки упруго гонит воздушную струю.

Он крутил ручку все сильней и сильней, наблюдая, как воздушный поток вырывался золотистым вихрем.

— Да ты, барин, оказывается, не из «барчуков»,—добродушно улыбнулся бородач,— работать шибко горазд! Однако хватит! Гляди — вся спина взмокла.

Циолковский поставил руку навстречу колючему ветру. Улыбнулся.

— Хорошо. Очень хорошо.

— Что хорошо, барин?

— Хорошо, умно придумано!..

Циолковский стряхнул пыль, оделся и, попрощавшись с крестьянами, пошел домой, весело насвистывая. Теперь он знал, как создать устойчивый воздушный поток.

3

Военный министр Ванновский, узнав о бегстве Шварца, приказал его найти и взыскать присвоенные им десять тысяч. Однако поиски в Вене ни к чему не привели. Полковник Зуев доносил, что сбежавшего следует искать в Германии...

На шифрованный запрос из Петербурга русский военный агент в Берлине ответил депешей: «Шварц Давид, австрийский подданный, изобретатель управляемого аэростата, проживает в Берлине под собственной фамилией. Он продал свой проект со всеми чертежами известному фабриканту, владельцу металлических заводов Карлу Бергу, который, в свою очередь, вошел в сделку с военным ведомством Германии. Металлический, управляемый аэростат, по чертежам Шварца, строится сейчас на испытательном полигоне воздухоплавательной части вблизи Берлина. Шварц приглашен в качестве технического консультанта».

Депеша была показана Ванновскому.

— Выходит, Шварц оказался мошенником. Следовало бы его проучить... Однако ссориться сейчас из-за десяти тысяч с дружественной Германией, по крайней мере, неразумно...

После такого высказывания министра в русском военном ведомстве на Шварца махнули рукой...

А Шварцу было совершенно безразлично, какой державе служить. Его интересовали деньги, и только деньги! Немцы платили больше, и он предпочел их...

Дирижабль строился успешно. У Шварца теперь был опыт, накопленный в Петербурге. На немецком эллинге было лучшее оборудование и больше порядка... Но в начале 1897 года, когда работы на постройке дирижабля вступили в стадию завершения, Шварц скоропостижно скончался.

В военном ведомстве Германии заколебались... Но влиятельный Берг настоял на том, чтоб завершить постройку. К осени дирижабль был готов.

В ноябре, когда в Центральной Германии стояла безветренная, сухая погода, решили провести пробный полет...

Как раз в то время, когда Циолковский мастерил свою «воздуходувку», дирижабль Шварца поднялся в воздух с военного поля под Берлином. Он набрал высоту в триста метров и взял курс на Шенеберг. Потом, описав полудугу, направился к Темпельгафу...

За его полетом внимательно следили военные и фабрикант Берг — тучный усатый господин в цилиндре.

Когда дирижабль благополучно пришел к цели, к Бергу подошел высокий генерал с седыми усами.

— Прошу извинить, господин Берг, но я давно следил за постройкой дирижабля и теперь рад вас поздравить с победой!

— Если не ошибаюсь, граф Цеппелин? — с почтительной улыбкой спросил Берг.

— Да, Фердинанд Цеппелин — генерал в отставке, который не чужд изобретательских идей и давно тоскует по интересному делу.

— У вас есть ко мне какие-то предложения, генерал?

— Да, я не против того, чтоб вступить с вами в деловое содружество. Целых пять лет я посвятил раздумьям о полетах. У меня есть идеи по совершенствованию дирижабля Шварца, и я был бы рад потолковать с вами о создании на паритетных началах компании по строительству дирижаблей.

— В чем вы видите, генерал, мое участие в этом предприятии? — спросил Берг, всматриваясь в энергичное и властное лицо генерала.

— Вы-бы создали техническую основу, я же обеспечил бы фирму выгодными заказами со стороны армии и правительства и даже готов вложить свои деньги.

Берг, взглянув в холодные стальные глаза генерала, понял, что тот не шутит. Он с минуту подумал и сказал дружелюбно и весело:

— Не угодно ли, граф, вам сегодня поужинать у меня? Я был бы рад обсудить с вами это предложение.

— Охотно, господин Берг. Охотно! Мое ландо к вашим услугам...

Воздуходувка получалась. Циолковский строил ее в виде веялки. В раструбе наметил установить несколько горизонтальных пластин, которые должны были выравнивать воздушный поток, делать его равномерным.

Испытываемую модель он решил поместить в центре воздушного потока, у самого жерла воздуходувки. На прочной деревянной подставке у воздуходувки предполагалось установить продолговатый жестяный ящик с водой. В него должна была погружаться плоская продолговатая ванночка с тонкими металлическими стойками, поддерживающими модель. Модель, сделанная из папье-маше, тонкой проволочкой присоединялась к стальному рычажку у шкалы с миллиметровыми делениями.

Под напором воздушного потока модель должна была плыть в ящике с водой и натягивать проволочку и рычажок. По шкале с делениями легко было высчитать коэффициент сопротивления. Модели намечались различной конфигурации.

Изготовление воздуходувки продвигалось медленно. Жилось трудно. Жалованья едва хватало на пропитание. Те деньги, что заплатили в журнале «Вокруг света» за повесть «На Луне», быстро растаяли... Циолковский строил свою машину сам: был и столяром, и слесарем, и жестянщиком... В брезентовом фартуке, с прихваченными ремешком волосами, в железных очках он походил на простого русского мастерового. Именно таким его и увидел Ассонов, зайдя как-то вечером. Циолковский встретил его радушно, без всякого смущения.

— Присаживайтесь, Василий Иванович, и посмотрите на мою воздуходувку. Дело, кажется, близится к концу!

В ней можно будет испытывать не только модели дирижаблей, но если потребуется — и самолетов.

— Но вы же настроены против самолетов! — возразил Ассонов.

— Нет, я не против. Я даже года три назад опубликовал статью «Аэроплан, или птицеподобная летательная машина», где писал о наиболее рациональной обтекаемой форме аэроплана. Однако сейчас, пока нет сильных моторов, я отдаю предпочтение аэростатам... Да и в будущем им будет принадлежать главенствующая роль, ибо они способны поднять не одного-двух, а десятки, сотни людей.

— Я не хочу оспаривать ваше мнение, Константин Эдуардович, напротив, я принес свидетельство об успешном полете дирижабля.

— Что? Что? — не расслышав его, тревожно переспросил Циолковский.

— Вот у меня «Московский листок», где перепечатано сообщение из немецкой газеты.

— Дайте, дайте, я хочу посмотреть,— встрепенулся Циолковский...— А, вот, вижу: «2 ноября 1897 года в Берлине состоялся пробный полет металлического дирижабля Шварца. Дирижабль поднялся на высоту в 300 метров и, пролетев расстояние в несколько десятков километров, благополучно пришел к намеченной цели и опустился на поле, где его ждали».

— Опять немцы обскакали нас,— вздохнул Циолковский.— Когда же Россия научится уважать и ценить своих собственных изобретателей? Ведь я представил на рассмотрение проект металлического управляемого дирижабля еще десять лет назад! Слышите, Василий Ивапович, десять лет назад! Мы бы за эти годы могли построить не одип, а сотни дирижаблей! Сотни!

— Да, дорогой друг. Да! Стыдно и горько признаться, но это так... Несчастье паше не в том, что мы отсталая страна,— у нас не меньше, чем на Западе, умных, талантливых людей,—песчастье наше в том, что сидящие у власти, тупые, черствые, безучастные к прогрессу люди не поддерживают эти таланты, а, расшаркиваясь перед заграницей, приглашают иноземцев.

— Согласен. Вполне согласеп с вами, Василий Иванович. Но что же делать?

— Я думаю—бороться! Бороться всеми силами и средствами! То, что немцы построили металлический аэростат, или, как они говорят, дирижабль,— укрепляет вашу пози-

цию. Да, укрепляет! Ведь они осуществили, в сущности, идею, высказанную и обнародованную вами. Немцы построили дирижабль Шварца, мы построим дирижабль Циолковского! Но чтоб наш был лучше, надежней — нужны исследования, опыты, поиски... Вот тут-то и пригодится воздуходувка. Ну-ка, объясните мне, как будет действовать ваша машина?

Циолковский достал из ящика склеенную из папье-маше продолговатую конусообразную модель, закрепил ее на подставке, плавающей в ящике с водой, и стал крутить ручку воздуходувки. Подуло ветром, и модель начала медленно плыть, отклоняя рычажок-показатель.

— Очень остроумно! — одобрил Ассонов.

— Еще многое нужно доделать, Василий Иванович. И прежде всего нужно добиться, чтоб вал вращался равномерно. Необходимо создавать разные скорости воздушного потока. Я надеюсь установить систему шестеренок по типу часового механизма. Но беда — нету средств...

— А что, если обратиться за помощью?

— Куда? С Петербургом я в ссоре... В Москву? Профессор Столетов умер, и поддержать решительно некому...

— Напишите в Академию наук. Чего бояться? Откажут — не выпорют. А вдруг там найдутся умные, чуткие люди? Опишите свою машину и пошлите результаты пробных опытов. Должны оценить.

— В Академию наук? Куда хватили!.. А что, пожалуй, напишу! Бороться так бороться! Все-таки я иду в бой не с голыми руками. У меня в арсенале есть кое-какое оружие...

4

Наступил 1900-й — первый год двадцатого века! Циолковский острее других чувствовал, что новый век станет веком невиданных достижений и открытий в науке и технике.

Уже сейчас завоевывало право на существование электричество. В больших городах появились телефоны.

В газетах промелькнули скупые сведения об изобретении инженером Поповым нового прибора, передающего сигналы на большие расстояния по воздуху... Все настойчивей шумели об автомобилях. Во Франции, Германии, Англии и по ту сторону океана организовывались автомобильные гонки. На смену паровым и электрическим авто-

мобилям пришли автомобили с двигателями, работающими на парах керосина и бензина.

По сообщениям газет, изобретатели Старого и Нового света упорно трудились над созданием летательных машин тяжелее воздуха. В Америке было объявлено, что создатель летающего аэроплана получит премию в двести тысяч долларов...

В воскресенье за завтраком Циолковский, просматривая газеты, вдруг крикнул Варваре Евграфовне, ушедшей на кухню:

— Варя, Варенька! Ты послушай, что пишут в газете: Америка посулила двести тысяч за изобретение самолета.

— Батюшки! Я и не слыхивала о таких суммах! — всплеснула руками, входя в столовую, Варвара Евграфовна. — А что, где же другие газеты?

— Эту Игнатик читал, а те, должно, в ящике.

Циолковский вышел во двор, заросший густой травой, распахнул калитку и вынул из ящика газеты и письмо. На конверте был штамп: «Императорская Академия наук». Он поспешил к жене.

— Варюша, пришло письмо из академии. Боюсь вскрывать, вдруг опять отказ... Попробуй ты, у тебя рука легкая.

— Давай, чего тут... небось двести тысяч не отвалят.

Она разорвала конверт, бегло взглянула на письмо.

— Ну, что? Что ты молчишь?

— Ой, Костя, кажись, действительно отвалили какието деньги, но у меня слезы в глазах... не могу...

Циолковский стал читать вслух.

«Милостивый государь Константин Эдуардович!

Уведомляем Вас, что по представлению академика Рыкачева, Императорская Академия наук выделила Вам субсидию для постановки опытов по сопротивлению воздуха 470 рублей...»

— Варя, ты слышишь? Четыреста семьдесят рублей! — радостно закричал Циолковский. — Первый раз в жизни мне дают деньги под мои научные труды. Это же для меня больше, чем двести тысяч! Ты слышишь, Варя? Это же для нас — целый мил-ли-он!..

Он поцеловал жену и закружился, притопывая:

— Теперь я развернусь! Теперь я буду работать, как одержимый. Я заставлю господ консерваторов из Седьмого отдела признать мою правоту. И русский управляемый аэростат, который, несомненно, превзойдет шварцовские, будет наконец построен!..

5

В начале лета, когда зацвел жасмин, сарай, где стоял верстак Циолковского, и двор превратились в заправскую мастерскую. Любаша, Игнатик и пятнадцатилетний Саша под руководством Константина Эдуардовича лепили из папье-маше различной конфигурации модели— по деревянным формам, выточенным отцом. Для этой работы был приглашен и Андрюша Стрешнев, очень любивший бывать у Константина Эдуардовича.

Обклеенные бумагой формы сушили на солнце и в русской печке...

Сам Константин Эдуардович разрезал бумажные модели пополам, осторожно снимал с форм, подправлял и поручал Любаше и Игнатику склеивать их по оси лентами из прочной бумаги.

Потом модели зачищали наждачной бумагой, грунтовали и красили белилами...

В середине июля новая большая воздуходувка, оснащенная более точными измерительными приборами, была готова, и Циолковский начал опыты по сопротивлению воздуха на многочисленных моделях различной конфигурации.

Опыты давали очень обнадеживающие результаты. Это радовало Циолковского. Он составлял таблицы, делал систематические записи в толстую тетрадь...

Иногда к нему заглядывали Ассонов или Каннинг, стараясь отвлечь от работы. Но Циолковский извинялся и, ссылаясь на срочность дела, вежливо выпроваживал друзей, хотя ему хотелось поговорить по душам или съездить на рыбалку...

В сентябре, когда уже была проделана огромная экспериментальная работа и Циолковский подумывал о том, чтобы составить систематизированный доклад для Академии наук, произошло неожиданное: Андрюша Стрешнев, пришедший ему помогать, принес газету «Биржевые ведомости», которую по старой привычке выписывал тесть Стрешневых Павел Петрович. В этой газете была напечатана статья о новом немецком дирижабле.

— Вот, Константин Эдуардович, дедушка просил вам показать, может пригодиться. Тут напечатана фотография нового немецкого дирижабля.

— Ну-ка, ну-ка, Андрюша, давай посмотрим. Что там еще придумал Шварц?

«Как сообщает наш корреспондент из Берлина, на днях там состоялся испытательный полет нового управляемого дирижабля, построенного обществом «Цеппелин».

При постройке нового дирижабля были использованы проекты известного изобретателя Давида Шварца, за что вдове покойного Шварца общество «Цеппелин» обязалось уплатить по 10 тысяч марок с каждого из 30 первых дирижаблей».

«С каждого из тридцати,— вслух повторил Циолковский,— значит, они задумали строить их множество».

— Дедушка говорит, что они обгоняют нас,— сказал Андрюша,— и очень ругался.

— Тут не ругаться, тут повесить некоторых мало,— гневно воскликнул Циолковский и опять уткнулся в газету.

Новый дирижабль значительно отличается от шварцевского, который летал над Берлином четыре года назад. Дирижабль общества «Цеппелин» имеет жесткий алюминиевый каркас, но оболочка его не металлическая, а из прочной парусиновой ткани. Форма более удлиненная, ребристая, с мягкими округлениями на носу и корме.

«Новый дирижабль показал отличные, даже невиданные доселе летные качества. Он пролетел от Берлина до Гамбурга и обратно без посадки, покрыв расстояние в 500 верст. Вторую часть пути дирижабль боролся со встречным ветром и оказался победителем. На отдельных участках полета он развивал скорость в 40—50 верст в час».

— Мерзавцы! Негодяи! — закричал Циолковский.— Мне не верили, мой проект загубили, а теперь опять будут расшаркиваться перед немцами.

Вбежала испуганная Варвара Евграфовна.

— Костя, что случилось? Что?

— Опять мы посрамлены. Опять! Вот почитай газету. Немцы построили новый дирижабль, а я все еще вожусь с опытами... К черту опыты! К черту воздуходувку! К черту дирижабли! — раздраженно закричал он.— Завтра же отправлю в академию все материалы и брошу опыты, мне все осточертело.

Швырнув газету на пол, Циолковский выбежал на улицу и размашисто зашагал к реке...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Люди, до самозабвения увлеченные любимым делом, зачастую не замечают перемен, которые другим бросаются в глаза. Иногда утром, выйдя из дома, они вдруг изумленно останавливаются, увидев, что все вокруг оделось в зелень.

До этого, погруженные в свои дела и думы, они не видели, как набухали и лопались на деревьях почки, как появились маленькие клейкие листики, как дружно и густо пробивалась сквозь бурую прошлогоднюю листву свежая поросль травы. Им казалось, что еще вчера и деревья, и кусты, и лужайка под окнами были блеклыми, серыми, тоскливыми...

Циолковский не замечал многого из того, что происходило вокруг. Даже дети, старшие дети — выросли как-то незаметно для него.

Лишь когда Любаша настойчиво заговорила о нарядах, Варвара Евграфовна заглянула к мужу:

— Костенька, ведь Любаша совсем невеста...

Так было и с Игнатиком. Робкий и послушный, он рос незаметно, словно его и не было в доме. Зимой большую часть дня проводил в гимназии, а вечера у товарищей, где было спокойней приготовлять уроки.

Учился Игнатик прилежно, но особыми способностями, исключая математику, не выделялся. Когда наступило время ехать в Москву, в университет, дома вдруг все осознали, что Игнаша стал взрослым и выходит на «стезю жизни».

Начались сборы, волнения, причитания...

— Ох, Игнаша, Игнаша,— всхлипывала мать,—как же ты будешь жить в Москве? Ведь нигде не был, ничего не видывал... Мы считали тебя маленьким...

— Все будет хорошо, мамочка,— негромко, но твердо отвечал Игнат,—я уж присмотрелся к жизни, не пропаду. Будем жить вместе с Колей Стрешневым.

— На Колю только и надежда. Он самостоятельный, умеет за себя постоять. Держись, Игнаша, около него.— Коля всегда поможет.

2

Хороши в Калуге тихие августовские вечера. Город замирает и сладко дремлет, прислушиваясь к плавной, воркующей музыке, доносящейся из городского сада.

В саду много гуляющих.

От главного входа, где дежурят городовые у полосатых будок, тянется широкая аллея с раскидистыми столетними липами к крутому обрывистому берегу Оки. По ней неторопливо движутся два встречных потока гуляющих. Тут и дородные купчихи, в переливающихся, многоярусных юбках, со степенными бородатыми мужьями в поддевках из тонкого сукна и в сапогах, с лаковыми голенищами. Тут и бравые кавалерийские офицеры и барышни в модных широкополых шляпах; гимназистки в накрахмаленных передниках, юнкера, гимназисты, реалисты, студенты, учителя и разный чиновный люд.

На обрыве, обнесенном чугунной оградой, тоже много гуляющих. Отсюда видно, как по сонной Оке движутся лодки, как вдалеке, за лесами, угасает закат...

В глубине сада духовой оркестр играет старинные вальсы, с реки доносится звон гитар.

В самом конце парка, над обрывом, в зелени берез затерялась старая беседка. В ней двое стоят, опершись на перила. Их силуэты отчетливо видны на фоне меркнущего неба. Один невысокий, щупленький, в узкоплечем пиджаке, в шляпе. Другой —рослый, в студенческой тужурке нараспашку, в форменной фуражке, из-под которой падают на лоб густые кудри.

Это Игнатий Циолковский и Николай Стрешнев. Завтра друзья уезжают в Москву и последний вечер в Калуге решили провести вместе...

— Так ты говоришь, Николай, я не стесню тебя, если поселюсь в твоей комнате?

— Полно, Игнаша. Ты спрашиваешь об этом уже третий раз. Ведь мы же друзья! И родители наши — друзья. Как можно сомневаться.— Голос Николая спокоен, тверд, басовит — и это успокаивает Игната. Он некоторое время молчит, как бы что-то обдумывая или вспоминая. Потом начинает разговор неторопливо, певуче:

— Ты говоришь — родители друзья! Это верно. Однако последнее время они почти не видятся.

— Константин Эдуардович дорожит временем.

— Да, он очень занят. Делал воздуходувку, а теперь захвачен новой идеей — изобретает ракету, на которой можно бы летать на другие планеты.

— На другие планеты? — удивился Николай.

— Да! Отец неисправимый мечтатель!

— Почему ты так говоришь об отце, Игнаша?

— Насколько помню себя — отец все изобретает и... ничего не изобрел. Мы мучились, бедствовали, а он — изобретал. Посмотри на мать — ведь она высохла от забот...

— Но ведь теперь, Игнаша, когда Константин Эдуардович перешел на службу в епархиальное училище, вам стало легче.

— Конечно. Жалованье удвоилось, даже утроилось... но и семья выросла.

— Папа и дедушка говорят, что Константин Эдуардович очень талантлив.

— И я понимаю, Коля, что отец незаурядный человек, но его всю жизнь преследуют неудачи. Я думаю — то же будет и со мной. Боюсь — срежусь на экзаменах.

— Полно, Игнаша. Ты выдержишь отлично, у тебя врожденный талант к математике. Об этом отцу говорили учителя.

— Не знаю... Ни во что я не верю, Коля. Всю жизнь я чувствовал себя придавленно и не могу перебороть себя.

— Это не ты один чувствуешь, Игнаша. Порабощен весь народ. Вся Россия!.. Наши отцы боролись с деспотизмом, как могли. Теперь очередь за нами! В Москве я познакомлю тебя с замечательными людьми. Ты найдешь свое призвание, и твое настроение изменится. Дай руку, друг, и вместе пойдем по дороге жизни.

Николай крепко пожал холодную худую руку Игната, и они, обнявшись, пошли туда, где звучала музыка...

3

Проводы Игната несколько отвлекли Циолковского от раздумий над новой идеей. Он вместе с Сергеем Андреевичем Стрешневым ездил на вокзал — провожать Игната и Николая. Благо, недавно от железнодорожной магистрали Москва — Киев, построенной шесть лет назад, проло-

жили ветку в город, и теперь можно было ехать в Москву прямо из Калуги...

Когда поезд тронулся, Игнат, стоявший у окна вместе с Николаем Стрешневым, вдруг отпрянул и бросился к двери. Циолковский подумал, что он хочет ему что-то сказать, быстро пошел по платформе вслед уходящему поезду. Вот Игнат появился в дверях.

— Ты что, Игнаша? Не забыл ли чего? — крикнул Циолковский.

— Нет, нет, папа. Я так... я просто хотел на тебя взглянуть еще раз.

— А что? Что тебя беспокоит?

— Так... Тоскливо... Скажи маме и всем, что я их очень люблю. Очень! Не хочется уезжать... Прощай, папа!

Поезд заскрежетал, загрохотал, и Циолковский не расслышал последних слов.

Вагоны покатились быстро — бежать уже не было смысла. Он достал платок и, махая, еще раз взглянул на встревоженное лицо сына. Оно уплывало и скоро совсем скрылось за поворотом.

Циолковский грустно вздохнул и повернулся к идущему к нему Стрешневу. На душе было нехорошо.

— Игнаша хотел вам что-то сказать, Константин Эдуардович? — беря его под руку, спросил Стрешнев.

— Видимо, хотел... у него были очень тревожные глаза. Он словно прощался навсегда... Уж не знаю, не поехать ли мне в Москву?

— Первая разлука всегда очень впечатляет, Константин Эдуардович. Я по себе знаю. В прошлом году наш Коля тоже очень тосковал. Это пройдет.

— Просил передать матери и детям, что любит их всех. Этого с ним никогда не бывало... Мы, Циолковские, все очень сдержанны в своих чувствах. Игнатик чем-то встревожен. Боюсь, не случилось бы беды...

— Что вы, Константин Эдуардович, Игнаша будет с Колей... Уже в вагоне они начнут жить вместе.

— Дай бог! Этого я больше всего и желаю.

Они вышли на площадь, сели в извозчичью пролетку и, разговаривая, незаметно подкатили к дому Стрешневых.

— Позвольте, это как же я? Мне ведь надо домой.

— Зайдемте на минутку, Константин Эдуардович. Наши будут очень рады. Вы так редко бываете.

— Да помилуйте, когда же? Я ведь сейчас опять захвачен новой идеей... Кстати, хотел вас спросить, Сергей Андреич, вы не помните, какой именно снаряд создавал ваш друг Кибальчич?

— Зайдемте, я постараюсь припомнить все, что слышал.

— Раз так — зайду. Мне очень, очень нужно знать...

Елизавета Павловна встретила гостя как всегда сердечно. За чаем говорили о выросших детях, вспоминали Боровск...

После чая Стрешнев пригласил Циолковского в кабинет, чтоб не говорить о Кибальчиче при жене.

— Ну-с, Сергей Андреич, я жду. Это крайне важно. Я сейчас вынашиваю идею создания снаряда, который бы мог вырваться за пределы земной атмосферы. Помнится, вы говорили, что Кибальчич предлагал аппарат, способный лететь и в безвоздушном пространстве.

— Да, кажется, так.— Стрешнев достал папиросу.— Вы позволите?

— Курите, курите, только, пожалуйста, вспомните.

— Говорили тогда, что на его снаряде может лететь человек и, кажется, даже не один.

— А каков принцип его действия?

— Этого я не знаю. Мне ведь с самим Кибальчичем не приходилось говорить о его аппарате.

— Жаль. Очень жаль...— вздохнул Циолковский.— Мне недавно попалась брошюрка инженера Федорова. Он отстаивает принципы реактивного движения, исключая атмосферу, как опорную среду. Это смело, находчиво, важно! Однако технически почти неосуществимо.

— Почему же?

— Он предлагает использовать газы или пар, а где их взять? Ведь не поднимешь же в воздух бак с водой... Может, Кибальчич выдвигал ту же идею, но предлагал другие средства?

— Описаний устройства летательного аппарата Кибальчича в газетах не было.

— Да, обидно! — Циолковский поднялся и стал искать свою шляпу.

— Я вас провожу, Константин Эдуардович.

— Спасибо! Вы ж знаете, Сергей Андреич, я люблю ходить один. Иду и думаю. Экономия времени. Прощайте! Заглядывайте к нам... Елизавету Павловну поблагодарите за гостеприимство. Я уж не буду ее беспокоить...

4

Книжечка Федорова была затрепана, замусолена, исчеркана цветными карандашами. Циолковский, кажется, помнил в ней каждую фразу, и все же, вернувшись со службы, брался за нее: перечитывал отдельные места, думал...

В женском епархиальном училище преподавать было несравнимо легче, чем в начальном, где приходилось «воевать» с непоседливыми, шаловливыми малышами.

Более взрослые, богобоязненные девочки на уроках сидели тише. Циолковский меньше уставал и домой возвращался еще полный сил.

Пообедав, он закрывался в своей комнате, читал и, если было не особенно холодно, шел побродить по сонным улицам Калуги. Снежными, дремотными вечерами хорошо думалось...

«Да, Федоров прав, только реактивная сила способна вынести снаряд за пределы земной атмосферы. Очевидно, так же думал и Кибальчич.

Но как создать мощную, устойчивую, газовую струю? Увы! — на это ответа нет. Предложения Федорова использовать газогенератор или парообразователь — решительно не годятся. А что предлагал Кибальчич — никто не знает... Чередующиеся выстрелы, когда-то представлявшиеся мне реактивной силой,— сущая чепуха. Мечты молодости. Тут нужна беспрерывная газовая струя, огромной силы... Видимо, летательным снарядом, способным вырваться за пределы атмосферы, может быть только ракета!..»

С этой мыслью Циолковский уходил гулять, с этой мыслью возвращался домой. С ней ложился в постель — с ней и просыпался...

Ракета не раз являлась ему во сне, он запускал ее, видел ее полет, даже сам летел на ней, рассекая облака, но, просыпаясь, никак не мог вспомнить, из чего она была сделана и как устроена.

Циолковский перечитал в библиотеке все, что было по пиротехнике, и хорошо знал, как приготовляются пороховые ракеты. Но порох, как материал быстро воспламеняющийся, ему казался совершенно непригодным. Нужно

было искать другие материалы для создания мощной газовой струи. Циолковский думал. Думал дни, недели, месяцы...

Однажды, вернувшись с прогулки, изрядно продрогший, он подкинул в голландку дров и присел на детский стульчик около огня.

Березовые дрова потрескивали: сладкое тепло разнеживало, клонило в сон. Циолковский поднялся и стал ходить по комнате, размышляя все о том же.

Помнится, Жюль Верн тоже высказывал мысль об использовании при полете на Луну реактивной силы, даже ракет...

Циолковский стал рыться в книжном шкафу и вытащил две изрядно затрепанные книжки в мягких обложках: «Пять недель на воздушном шаре» и «Вокруг Луны».

Обдув пыль, он сел с книжками к печке и стал листать.

«Неужели мне пригрезилось? Ведь его герои летели на Луну в снаряде, который был выпущен из гигантской пушки. При чем же тут ракеты?.. Однако я хорошо, я очень ясно помню. Кажется, они ввинчивались в дно снаряда и, выстреливая, должны были служить амортизатором при посадке снаряда на Луну. Да, именно так. Вот, кажется, нашел...»

Циолковский взял со стула лампу, поставил на пол:

«Николь утверждал тогда, что при ударе о Луну снаряд разобьется, как стекло, а Ардан возражал, что он задержит падение при помощи своевременно пущенных ракет».

«Вот оно!» — радостно воскликнул Циолковский и стал читать дальше:

«И в самом деле, мощные ракеты, имея точкой опоры дно снаряда, вылетая наружу... должны были замедлить скорость его падения. Правда, этим ракетам пришлось бы гореть в безвоздушном пространстве, но кислорода им хватало бы, потому что он заключался в самих ракетах. Ведь извержению лунных вулканов никогда не препятствовал недостаток атмосферы вокруг Луны».

«Вот этого я не ожидал! Действительно пишут, что вулканы на Луне действуют! А кислорода там нет... Мысль о том, что кислород был в самих ракетах,— замечательна!

Но все-таки чем же были наполнены ракеты?» — Циолковский снова сел к огню и стал читать дальше:

«Барбикен перед отъездом запасся ракетами в стальных цилиндрах, которые ввинчивались в дно снаряда, снаружи. Их было двадцать штук. Специальное отверстие в диске позволяло зажечь фитили, которыми были снабжены ракеты. Взрывчатая смесь была заранее заложена в каждый цилиндр».

— Вот разгадка! — воскликнул Циолковский.— Взрывчатая смесь!— Он опять вскочил и заходил по комнате.— Взрывчатая смесь! Взрывчатая смесь! Взрывчатая смесь!.. Впрочем, что же я забываюсь? Это же — фантазия! Фантазия, нужная автору лишь для того, чтобы мягко посадить ракету на Луну.

Он помолчал, подумал, присел в кресло у стола.

«Однако, в этой фантазии есть весьма разумные, реальные мысли. Благодаря системе ракет, вполне возможно снизить скорость снаряда и мягко посадить его на Луну. Вполне возможно! Вполне!.. Однако почему же Жюль Верн, додумавшись применить реактивную силу в конце романа, не подумал об этом в начале? Почему он выстрелил по Луне из пушки? Это же абсурд! Этому никто не поверит. Почему он не послал людей в ракете? Это было бы правдоподобно. Более того, это бы походило на пророчество, на научно обоснованное предвидение!»

Циолковский взглянул на последнюю страницу книги: «Неужели? Роман написан тридцать лет назад? Да!.. Ни я, ни кто другой не смеют упрекать Жюля Верна. И то, что он написал,— удивительно!.. Его научные догадки могут оказать огромную услугу исследователям нашего времени...»

5

В декабре завернули морозы. Циолковский после занятий сидел дома, перечитывал Жюля Верна, думал...

Когда он погружался в мысли, то совершенно не слышал, как шумели в соседней комнате дети.

Не услышал он, как с треском отворилась примерзшая кухонная дверь и кто-то заговорил глуховатым, встревоженным голосом.

Лишь когда постучали к нему, Циолковский отодвинул книгу, встал и, увидев в дверях высокую фигуру Стрешнева, обрадованно поспешил к гостю:

— Здравствуйте, Сергей Андреевич. Очень рад! Спасибо, что навестили затворника. Однако вы так бледны... Уж не заболели ли?

— Благодарствую, со мной ничего... но вот другое...

— Присаживайтесь, Сергей Андреевич. Что же случилось?

Стрешнев тяжело опустился на стул и стал шарить в боковом кармане вицмундира.

— Вот получил письмо... большое несчастье у нас... Лиза совершенно убита... Колю арестовали.

— Колю? Невероятно! Кто же пишет вам?

— Игнатий!

— Дайте, дайте я прочту сам,— дрожащими руками он развернул письмо и стал читать вслух.

— «Глубокоуважаемый Сергей Андреевич! Николай меня просил сообщить Вам о несчастье, которое произошло вчера. Во время студенческой демонстрации полиция арестовала нескольких человек, в том числе и Николая. Когда его вели по коридору, он успел крикнуть мне: «Напиши отцу»...

Потом выяснилось, что пока мы бастовали, в общежитиях и на квартирах студентов шли обыски. Наша хозяйка сказала, что у Николая нашли запрещенные книги и подпольную газету «Искра». Больше мне ничего неизвестно. Прошу Вас не волноваться. Все надеются, что арестованных выпустят. Все студенты протестуют. Университет закрыт...

Николая все очень любили. Особенно я. Мне тяжело. Я разделяю Ваше горе и надеюсь на счастливый исход.

Нашим пока не говорите. Я напишу сам.

Глубокоуважающий Вас

Игнатий Циолковский».

— Какое несчастье! Но Коля не один в беде, и это вселяет уверенность... Очевидно, будет суд — надо принять меры.

— Я собираюсь в субботу в Москву. И зашел узнать, нет ли вестей от Игната?

— Нет, Сергей Андреевич. Он писал очень редко... А об этом — ни слова... Что же с ним? Уж не поехать ли мне с вами?

— Нет, не... если что — я дам знать... Игнатий тихий и робкий, едва ли он принимал участие в забастовке.

— В тихом омуте — черти водятся... Я очень боюсь за него... А Коля? Я так люблю его. Но что же делать? Пожалуй, надо ехать.

— Поеду. Хоть и сам до сих пор на подозрении, а что делать? Извините, что я вас расстроил, Константин Эдуардович.

— Сергей Андреевич! Как можно? Я всей душой с вами. Я сейчас же напишу Игнатику... А вы, если что — телеграфируйте...

6

Когда Стрешнев ушел, встревоженный Циолковский позвал жену, плотно притворил дверь:

— Варя, у Стрешневых большое несчастье.

— Знаю, — спокойно ответила Варвара Евграфовна, с укором глядя в его расширенные глаза,— этакое несчастье не сегодня-завтра может свалиться на нас... Ты, Костя, совсем забыл о детях... Даже не отвечаешь на письма сына.

— Как? Разве Игнаше я не ответил?

— Он очень обижен... Пишет, что ты из-за своих дел никого не замечаешь... Я уж привыкла к этому, но дети?.. Они же нуждаются в ласке и заботе отца. Любаша, как стала учительницей, совсем отбилась от дому... Бывает на тайных собраниях, переписывает какие-то листки и даже во сне бредит социалистами. Долго ли до беды...

— Я ничего не замечал, Варенька, почему же ты не говорила?

— Начинала не раз, да ты все отмахивался... Тебе не до нас. Скоро совсем помешаешься на своих изобретениях.

— Подожди, подожди... Откуда же ты знаешь про Колю?

— Игнаша написал.

— Что же с ним? Жив? Здоров?

— На этот раз беда обошла стороной, он не был замешан... Но что будет завтра — не знаю. Он такой чувствительный, неуравновешенный, неумелый...

— Где же от него письмо?

— Вот, почитай, может, проймет тебя.

Циолковский пробежал письмо, недоуменно взглянул на жену:

— Почему же сразу не показала?

— Вижу, что работаешь — не хотела расстраивать... Ведь ты после каждого расстройства по неделе не можешь прийти в себя.

— Это верно, Варенька, верно. Однако, что же делать? Ведь Игнаша сейчас там один-одинешенек остался, а университет закрыли...

— Откроют, наверное, скоро... Да и Сергей Андреич завтра будет там... Надо ждать...

— Да, да, будем ждать вестей от Сергея Андреича. А Любаше надо запретить эти посещения и прочее...

— Попробуй запрети. Она уж больше матери понимать стала. Ох, боюсь я за нее, Костя. Норовистая, своенравная. И слушать ничего не хочет.

— Я поговорю с ней. Как придет — пошли ко мне. А об Игнате не волнуйся — я сегодня же напишу ему... Правда, я как-то оторвался от детей... Одолели дела, мысли... и конца им не видно... Иди, Варюша, я сейчас же сяду за письмо...

7

Стрешнев вернулся из Москвы угрюмый, с поседевшими висками. Ему не удалось добиться свидания с сыном. Прокурор, у которого Стрешнев добился аудиенции через знакомых, напомнил о «первомартовцах» и посоветовал вернуться домой. Стрешнев боялся, что его вот-вот вызовет директор гимназии и предложит подать в отставку. А у них только в прошлом году родилась дочка...

Циолковский тут же навестил старого друга и всячески пытался успокоить его:

— Может, еще обойдется, Сергей Андреич. Бывает, присяжные оправдывают... А если и осудят на год-два — не страшно... Коля молодой, сильный, он не пропадет. Если б Игнаша попал в такую беду — он бы не выжил. А Коля — молодец. Я за него спокоен.

— Мучительна неизвестность, неопределенность, Константин Эдуардович.

— Конечно, но страшное не грозит. Ведь студенты не покушались на царя, они лишь бастовали...

— Я понимаю, а все же ужасно! Ведь если каторга — всю жизнь исковеркают.

— Ничего, Сергей Андреич, может быть много исходов... подождем.

— Спасибо за сочувствие, дорогой друг. Спасибо! Да я еще не сказал вам про Игнатия. Он очень переживает. При мне плакал. Очень чувствительный, нервный... Может быть, взять его домой?

— Я писал, звал — не едет... Очень самолюбив и не хочет быть в тягость...— Циолковский поднялся.— Прошу выразить мое искреннее сочувствие Елизавете Павловне и уверить ее, что все обойдется.

Месяца через два Стрешневы получили письмо из Челябинской пересыльной тюрьмы. Николай сообщал, что осужден на три года и теперь движется по этапу в Сибирь. Письмо было бодрое, полное надежд, и Стрешнев поспешил с ним к Циолковскому.

Константин Эдуардович был занят какими-то вычислениями и не услышал, как вошел друг.

Стрешнев, не желая мешать, сел в сторонке на стул. Циолковский исписывал цифрами маленькие листочки бумаги, перечеркивал их и переносил вычисления на другие. Наконец он положил карандаш, потянулся, раскинув руки, и встал, чтоб походить.

— А, Сергей Андреевич! Здравствуйте, дорогой друг! Вы давно пришли?

— Нет, только вошел... не решился прервать... Вы так увлеченно работали.

— Да, вот все думаю над ракетой. Много читал, а сейчас прикидываю, подсчитываю... Кажется, я вам говорил о Федорове, предложившем реактивный способ полета? Он предлагал использовать для движения ракеты пар и газы. Но откуда они возьмутся? Его способ не годится. Решительно не годится... Жюль Верн описал ракеты в лунном снаряде. Там, как топливо, используется взрывчатая смесь. Какая она, из чего состоит — неизвестно. Но, очевидно, при взрыве выделяются газы, и они-то двигают ракету. Газы от взрывчатых веществ предпочтительнее пара и прочих газов. Они емки и могут дать сильную газовую струю. Вы как считаете?

— Простите, Константин Эдуардович, я не совсем в курсе... Последнее время, вы знаете, я очень озабочен.

— Да, да, конечно, вы извините, что я опять со своими идеями... Так поглощен, что забываю все на свете. Как же с Николаем? Был ли суд? Известно ли вам что-нибудь?

— Участь его решена, Константин Эдуардович,— глубоко вздохнув, сказал Стрешнев,— сослан на три года в Сибирь.

— Вы были на суде?

— Что вы? Какой суд! Сослан по постановлению Особого совещания. Я получил письмо из Челябинска, с этапа. Надо как-то деликатно, чтоб не взволновать его, сообщить Игнатию.

— Да, да, я сам... А вы не захватили письмо Николая?

— Вот оно, пожалуйста.

Циолковский, взяв письмо, надел другие очки, быстро прочел.

— Очень сочувствую вам, Сергей Андреич. Очень. Благороднейший юноша. Жаль... Но все-таки три года — это еще милостиво. Он молодой, сильный. Только вы не убивайтесь и берегите Елизавету Павловну. А Игнаше я напишу. Представляю, как он переживает.

— Спасибо вам за сочувствие, Константин Эдуардович. Верите ли — мы целые ночи не спим.

Стрешнев поднялся и стал прощаться.

— Как, уже уходите?

— Да, пойду. У вас и так мало времени.

— Нет, нет, Сергей Андреич. Я уже кончил и хочу передохнуть. А может, останетесь на чай?

— Спасибо. Лиза там тоскует...

— Да, да, понимаю... Тогда я вас провожу. Вместе пройдемся по городу...

8

«Вода, как вы знаете, состоит из двух частей водорода и одной части кислорода... Эту воду я химически разлагаю с помощью сильной бинзеновской батареи. В смесительном ящике... смешиваются оба газа. В верхней части этого ящика помещается платиновая трубка, снабженная краном.

Вы уже, конечно, догадались, господа, что описываемый мною аппарат есть не что иное, как кислородно-водо-

родная горелка, температура которой значительно выше температуры кузнечного горна».

Циолковский вскочил и возбужденно заходил по комнате:

«Великолепно! Замечательно! Такая смесь будет гореть и в безвоздушном пространстве! И она даст мощнейшую газовую струю. Ведь температура горения этой смеси — трп тысячп градусов!..

Однако я, кажется, увлекся. Нельзя доверяться фантазип. Я должен основательно поразмыслить, поставить опыты. Жюлю Верну было весьма удобно применить в романе эту смесь, так как она вырабатывалась прямо на воздушном шаре.

В фантастическом произведении все возможно. Все легко и просто. А как же получится в действительности? Ведь кислородно-водородная смесь — гремучий газ, способный взрываться от малой искры... Нужно найти способ овладенпя этой могучей силой: заставить эту смесь гореть равномерно.

Придуманная Жюлем Верном платиновая горелка едва лп могла бы существовать в реальности. Температура горения кислородно-водородной смеси почти вдвое выше температуры плавления платины. Над этим тоже следует думать... Но сейчас важно другое!

Мпе пришла мысль использовать кислородно-водородную смесь, как топливо для ракеты. Вот главное!

Жюль Верн писал о применении ракет для торможения лунного снаряда. Но его ракеты, очевидно, были начинены порохом. Такие ракеты существовали тысячи лет назад. Я предлагаю совершенпо новый тип ракеты — ракеты жидкостной, работающей на сжиженных газах».

Цполковский стал ходить, насвистывая. Он радовался находке и старался представить, как можно устроить главный двигательный аппарат ракеты.

В раздумьях прошло около часа. Затем он сел к столу и стал делать набросок схемы ракеты.

«Жюль Верп предлагал добывать кислород и водород из воды прямо на воздушпом шаре, потом смешпвать оба газа в равпых пропорциях и смесь паправлять в горелку. Такой метод совершенпо неприемлем для ракеты. В паши дни, когда научились делать сжиженные газы, получение смеси решится проще. Я помещу в ракете два вместительных баллопа. В одном будет жидкий кислород, в другом —

жидкий водород. Газы из баллонов силой давления будут поступать в камеру — продолговатую трубу с раструбом, в виде рупора. Там газы будут смешиваться, воспламеняться и, охлаждаясь в раструбе, вылетать с огромной скоростью, двигая ракету».

Циолковский нарисовал контур будущей ракеты, похожей на остроносую рыбу с обрубленным хвостом. Там, где у рыбы кончается голова, он перегородил контур ракеты вертикальной линией и в этом отсеке написал: «пассажиры». Вдоль осевой линии он нарисовал узкую трубу, расходящуюся рупором в конце. В верхнем отсеке написал: «жидкий водород», в нижнем — «жидкий кислород». В конце, где кончается раструб, штрихами изобразил выброс расширенных газов, и в начале трубы — взрыв.

Внимательно посмотрев на рисунок, он написал сверху: «Схематический вид ракеты». «Вот она! Вон она моя давнишняя мечта! Плод бессонных ночей и мучительных раздумий! Браво! Браво! Браво!» — Циолковский несколько раз хлопнул в ладоши и довольный заходил по комнате.

«Главное найдено, однако еще надо думать и думать. Ведь если равнодействующая сила взрывания не пройдет точно через центр инерции снаряда — ракета будет вращаться. А это — равносильно провалу всей идеи... Добиться же математической точности в этом совпадении невозможно... Что же тогда? Нужно добиваться автоматического управления ракетой путем гидроскопического устройства. Однако это все в будущем... А вот расчеты необходимо сделать сейчас. Может, пригодятся мои старые вычисления. Без них нельзя и думать о конструкции ракеты».

Циолковский опять сел к столу и стал рассчитывать. Он сидел долго. Дома уже давно все спали. Не один раз пропели петухи, а он все сидел за расчетами.

«Да, да, да, так и выходит, как я предполагал. В ракете можно будет регулировать силу взрыва, силу горения газов. Ракета сможет отрываться от земли медленно и лишь потом, постепенно, набирать скорость. Это позволит отправлять на ней не только точнейшие хрупкие приборы, но и людей! Да, на ракете могут лететь люди!»

Циолковский быстро решал уравнения. Несмотря на усталость, глаза его светились все веселей и радостней. Он чувствовал, что нащупал верный путь исследования.

«Огромное значение имеет скорость истечения из камеры газов. Уже сейчас при сгорании водорода и кислорода получается скорость истечения газов 5700 метров в секунду. Это фантазия! А если увеличить скорость истечения газов, можно оторваться от земли и улететь на другие планеты! Попробуем-ка подсчитать...»

Циолковский долго вычислял и наконец поднялся с видом победителя.

В этот миг кто-то застучал в калитку. За стеной проснулась и стала одеваться Варвара Евграфовна.

— Я не сплю, Варя, я сейчас выйду,— сказал Циолковский и, накинув пальто и нахлобучив шапку, вышел во двор.

— Вам телеграмма! Распишитесь.

— Спасибо! Сейчас...

Варвара Евграфовна накинула капот и, выйдя в кухню, засветила лампу.

Циолковский, войдя, озябшими руками развернул телеграфный бланк, поднес его к лампе.

— Ну что, Костя?

Циолковский без сил опустился на скамейку.

— Костя, что? Костя, родной мой? — бросилась к нему жена.

— Игнаша... Игнаша...— прошептал Циолковский и, склонившись на стол, глухо зарыдал...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Когда птица теряет птенца, она мечется, плачет, ищет и, не найдя,— утихает, прячется, молча горюет в своем гнезде...

Получив известие о самоубийстве сына, Циолковский уединился, выплакался и стал молчаливо собираться на похороны... А когда вернулся из Москвы, снова закрылся в своей комнате и никого не хотел видеть.

Варвара Евграфовна, напротив, легче чувствовала себя на людях, среди детей. Она плакала и горевала вместе с ними. Она хотела, чтоб и муж в эти тяжкие дни был с

детьми. Так было бы легче переживать горе, но Циолковский выходил лишь к обеду, был мрачен и ни с кем не разговаривал.

Видя подавленное состояние мужа, Варвара Евграфовна нет-нет и заглядывала к нему, садилась рядом, пыталась успокоить:

— Костенька, все мы убиты горем, все... Но нельзя ж опускать руки, нельзя доходить до отчаяния... Ведь у нас на руках пятеро, и двое — совсем малыши. Подумай, что с ними станет, если, не дай бог, что случится с тобой...

— Да, да, я понимаю, Варенька, но мне легче, когда я один.

— Нет, нет, неправда. Я ведь вижу и чувствую: ты казнишь себя, истязаешь... хочешь всю вину взвалить на себя.

— Да, я и виноват. Очень виноват... Мало уделял внимания сыну. Игнаша был очень впечатлителен. Угнетен несправедливостью, произволом властей, а я не предостерег...

— Вся молодежь сейчас такая. Тут не твоя вина, Костя. Сколько случаев-то подобных... А вот у Стрешневых Коля — в тюрьму попал... вернется ли, нет — неизвестно... У всех горе. Такая уж жизнь. Нельзя убиваться. Ты сам говорил, что надо беречь силы для борьбы.

— Разве я говорил это?

— Говорил... и не раз говорил...

Циолковский задумался.

И надо же, чтоб это несчастье случилось именно сейчас, когда он заканчивал обдумывание самой главной работы своей жизни... Если бы он был суеверным, то подумал бы, что тут действуют злые силы. Что именно они нанесли этот тяжкий сокрушающий удар...

— Надо бы отдохнуть тебе, Костя. Хоть на время отложить свои работы. Я в церкви была, молилась за упокой души бедного Игнаши... Батюшка беседовал со мной.

— Что он сказал тебе? — насторожился Циолковский.

— Говорил, что бог наказал нас за твое еретичество... Да, за то, что отрицаешь религию и хочешь лететь на небо... Уж лучше бы ты что другое изобретал...

— Варя! Да как же ты могла слушать эти бредни? — негодующе закричал Циолковский.

— Я не хотела, он сам подошел ко мне. Ведь он был другом отца...

— Все, все против меня! Даже жена и дети.— Циолковский вскочил и стал нервно ходить из угла в угол.

— Костенька, родной,— взмолилась жена,— я никогда больше не буду с ним говорить.

— Не буду... ты должна понять, что наука и религия — непримиримы! Что я до самой смерти стану бороться за свои идеи, и никто, никакие силы не смогут заставить меня отказаться от этих идей.

— Костенька, да разве я против...

— Ты должна знать, Варюша, что великие открытия не обходятся без жертв. Если б я не был отдан науке, я бы больше уделял внимания Игнатику. И может быть, уберег его... Все это ужасно!.. Но иначе нельзя. Надо отдаваться науке целиком. Только тогда можно чего-то добиться. Пусть я принесу себя в жертву, но я не брошу своих поисков. И если мне не удастся создать проект ракеты, другие люди подхватят мои идеи и осуществят мои мечты.

— Костя, да что ты говоришь? — заплакала жена.— Неужели тебе не жалко нас? Неужели мало гибели одного Игнатика? Или рехнулся ты совсем?

— А что я сказал? Чего ты разревелась? Я сказал лишь, что не откажусь от своей идеи!

— Ты же сказал, что загубишь себя. Принесешь себя в жертву.

— Ну, ну, Варюша, успокойся. Ты не так меня поняла. Я не собираюсь умирать. Я собираюсь бороться! Гибель Игнаши тяжела... Я ослаб. Помоги же мне окрепнуть, и тогда я снова возьмусь за дела. Ты всегда была мне надежной опорой.

— Костенька, я за тем и пришла. Обопрись на меня, голубчик, и опять пойдем вместе по трудной дороге жизни. А сейчас — к детям! К детям! Их ободрить надо. Будь поласковей с ними, ты же отец...

2

Понимая, что нужно держаться стойко и показывать детям пример самообладания, Циолковский заставлял себя быть спокойным, но никак не мог обрести покоя душевного. А без душевного покоя — немыслимо творчество!

Только много месяцев спустя Циолковский стал понемногу смиряться с утратой и опять вернулся к раздумьям о ракете.

Пересмотрев старые наброски с расчетами, он после обеда уходил в лес и там, блуждая по глухим просекам, заново продумывал главные принципы устройства ракеты.

Он брал с собой старую клеенчатую тетрадь и, присев где-нибудь на пне, делал наброски, подсчитывал, составлял уравнения и формулы.

Работы по изучению сопротивления воздуха, которые он проводил с помощью воздуходувки, очень пригодились. Теперь он знал и мог рассчитать, как будет вести себя ракета, преодолевая сопротивление атмосферы, и как она полетит в безвоздушном пространстве. В свое время он много думал и писал о силе земного тяготения. И сейчас, мысленно представляя полет ракеты, он особенно тщательно рассчитывал, как ракета может преодолеть силу земного притяжения (силу тяжести). Он рассматривал прямое, вертикальное поднятие и полеты под углом (наклонные), а также — горизонтальные...

Когда клеенчатая тетрадь была исписана, испещрена множеством вычислений, Циолковский решил, что настало время сесть за писание статьи.

План этой статьи созрел и скомпоновался во время загородных прогулок.

Зимними ночами, когда все вокруг замирало, Циолковский запирался в своей комнате, доставал заветную тетрадь и садился к столу. Ему казалось, что статья будет написана единым махом, как писались многие другие статьи. Он начинал с заглавия, но тут же зачеркивал его, писал другое, третье и оставался недоволен... Тогда вместо заглавия он ставил три вопросительных знака и принимался писать текст статьи. Однако, перечитав написанное, недовольно хмурился.

«Нельзя так с места в карьер! Читатели не поймут. Нужно их постепенно ввести в курс дела, заинтересовать. Я же рассчитываю на широкую публику...» Он сердился, рвал написанное и начинал все сначала...

Так продолжалось довольно долго. Статья не давалась...

Однажды, просидев до полуночи, он перечитал написанное, порвал, сердито бросил в корзинку. «Проклятие! Как будто я только начинаю писать. Ничего не получается. Или я до предела переутомлен, или еще не совсем про-

думал схему устройства ракеты... А может быть, просто нет вдохновения?.. Что? Ведь без вдохновения невозможно творчество...»

Циолковский устраивал короткий отдых — по нескольку вечеров не заглядывал в клеенчатую тетрадь, бродил по сонной Калуге. Потом с прежней горячностью вновь брался за перо и опять рвал написанное...

Хмурые метельные дни неожиданно сменились ясными, солнечными. Зажурчали, зазвенели ручьи, над проснувшимися, дышащими испариной полями зазвучали веселые песни жаворонков. Эта светлая пора обновления земли всегда радовала Циолковского, рождала жажду деятельности.

Как-то вечером, покачавшись вместе с ребятами на качелях, он пришел в свою комнату раскрасневшийся, возбужденный. Ему хотелось тесать, строгать, пилить. «Пойду, сделаю за воротами новую скамеечку»,— подумал он и стал искать глазами ящик с инструментами, который всегда стоял под верстаком. Но ящика не было на месте, а около стола лежала толстая клеенчатая тетрадь.

«Неужели? Конечно, она,— сказал сам себе Циолковский, листая испещренные цифрами страницы,— значит, я по рассеянности сунул ее мимо ящика...»

Просмотрев первые страницы, он взял лист чистой бумаги и, присев к столу, размашисто написал: «Исследования мировых пространств реактивными приборами». Подумал... и подчеркнул написанное жирной чертой.

«Пусть будет так! Может быть, чересчур громогласно, зато броско. Такое название сразу привлечет к себе внимание. А это — главное! Мне надо возбудить интерес ученых и читающей публики самой идеей. Если это удастся — успех будет обеспечен!..»

Он подумал, обмакнул перо в чернила и, поставив цифру «I», начал писать:

«Небольшие аэростаты с автоматическими наблюдающими приборами, без людей, до сих пор поднимались только до высоты не больше 20 верст». Поставив точку, он передохнул и стал доказывать, что аэростаты совершенно непригодны для достижения больших высот: «Чтобы аэростат поднялся на высоту 27 километров, он должен занять объем (увеличиться) в 50 раз!..» А фантастическое увеличение объема аэростата неизбежно повлечет за собой

создание гигантской оболочки, на поднятие которой ушел бы весь запас газа...

Доказав несостоятельность аэростатов для завоевания больших высот, Циолковский разбил «теорию» гигантских пушек, способных якобы забросить в небо снаряд с приборами. Он писал четко, уверенно: «Одного громадного усиления тяжести совершенно достаточно, чтобы оставить мысль о применении пушек к нашему делу.

Вместо них, или аэростата, в качестве исследователя атмосферы предлагаю реактивный прибор, то есть род ракеты, но ракеты грандиозной и особенным образом устроенной. Мысль не новая, но вычисления, относящиеся к ней, дают столь замечательные результаты, что умолчать о них было бы большим грехом».

Он остановился, положил ручку и, встав, прошелся по комнате. Потом снова сел к столу и решительно дописал абзац:

«Эта моя работа далеко не рассматривает всех сторон дела и совсем не решает его с практической стороны — относительно осуществимости; но в далеком будущем уже виднеются сквозь туман перспективы, до такой степени обольстительные и важные, что о них едва ли теперь кто мечтает».

Поставив точку, Циолковский поднялся и весело воскликнул:

— Отлично! Начало есть! Теперь дело пойдет. Теперь я знаю, что делать дальше...

Он распахнул окно и стал жадно вдыхать свежий ночной воздух, пропитанный запахами весны, дыханием пробуждающейся жизни...

3

Погожие солнечные дни с легким весенним ветерком, несущим запахи вешнего леса, бодрили, радовали, влекли к вдохновенному труду. После занятий в училище Циолковский садился за статью и упоенно работал. А когда уставал, накидывал крылатку и уходил в поля, в дальний лес...

Как-то, поработав часа два, он вышел на улицу и увидел на скамейке у ворот белокурого голубоглазого юношу. Он смущенно держал в руках какое-то угловатое сооружение, завернутое в старый, выгоревший платок.

«Да ведь это же Андрюша Стрешнев»,— узнал Циолковский и шагнул навстречу.

— Андрюша, ты что тут сидишь?

— Я к вам, Константин Эдуардович... Знаю, что работаете, поэтому и дожидаюсь...

— А что это у тебя в платке? Папа что-нибудь прислал?

— Нет, я сам... Я строю машину и вот пришел посоветоваться.

— Вот как? Интересно... Заходи, посмотрим твою машину.

Циолковский провел паренька в комнату, притворил дверь.

— Ну, показывай, что ты там смастерил?

Андрюша снял платок и поставил перед Циолковским крылатое сооружение, похожее на большого белого жука.

— Вот, Константин Эдуардович, посмотрите, годится ли на что-нибудь... Это я делаю аэролет.

— Аэролет? — переспросил Циолковский, удивленно рассматривая «белого жука», сделанного из дранок, проволоки и толстой белой бумаги.

— Да. Я так назвал потому, что моя машина состоит из аэростата и самолета.

— Самолеты, насколько мне известно, только строятся, но еще ни один из них не поднялся в воздух.

— Вот поэтому я и решил их объединить с аэростатами, которые летают.

— Оригинально и смело,— улыбнулся Циолковский,— а как же ты этого думаешь достичь, Андрюша?

— Я прочитал вашу книжку о цельнометаллическом аэростате, который будет приводиться в движение воздушными винтами.

— Да, это правильно. Так что же?

— А еще я читал Лилиенталя про его планеры. И читал про самолеты, которые тоже будут летать благодаря моторам и винтам.

— Так, так,— поощрительно кивнул Циолковский,— и что же ты надумал?

— Я решил... я пробовал делать планеры и самолеты с винтами... они не могут долго держаться в воздухе.

— А как же ты их запускал?

— Винты делал из жести, а тягу—из красной резины. Крутились здорово... Я залезал на крышу и пускал в сад... А потом с горы тоже.

— И что же, летали твои самолеты?

— Вначале кувыркались, а потом я придумал большие хвосты — стало лучше... Но все же далеко лететь не могут.

— И тогда ты решил делать аэролет?

— Да. Я достал большой бычий пузырь, высушил его и поместил в середину корпуса самолета, наполнив дымом. Вместо одного сделал два винта.

— Так... сообразительно поступил. И что же получилось?

— Запускал с горы. Летел дальше. Но, по-моему, дым плохо держит... Пришел к вам... Помогите водородом надуть.

Циолковский внимательно осмотрел «аэролет», поднял на руке, не тяжел ли? Попробовал закрутить винты, и глаза его радостно заискрились.

— Ты молодец, Андрюша. Твой замысел очень хорош. Ты аэростат, точнее, дирижабль снабдил крыльями и придал ему вид самолета... Смело и остроумно. Ну, а где же у тебя будут помещаться люди?

— Люди? — спросил Андрюша... и улыбнулся смущенно: — Так ведь это же, Константин Эдуардович, не настоящий аэролет, это лишь игрушка.

— Нет, Андрюша, это не игрушка,— серьезно сказал Циолковский. — Это не игрушка, а модель, и очень талантливая модель настоящего аэролета.

— Так ведь никто же не делает аэролетов... Я это так придумал.

— Ты, Андрюша, к этому делу должен отнестись серьезно. У тебя талант! Талант настоящего изобретателя. Да. Уж я-то об этом могу судить... Когда кончишь гимназию, что будешь делать?

— Учиться дальше. Я поеду в Ригу к родным и поступлю в Политехнический институт. Я люблю технику.

— Это хорошо бы. А как родители?

— Папа и мама одобряют. Уже списались с родными. Только дедушка не хочет меня отпускать.

— Тоскует... тоскует по Коле. Я знаю. А что, есть известия от Николая?

— Последний раз писал из Тюменского острога.

— Да, жалко Николая... Я очень его люблю. Ну, ничего... еще год-другой, и вернется. А ты, ты, Андрюша, правильный выбрал путь. Надо учиться! Новый век, безусловно, будет веком техники. Чтоб преуспеть, надо многое постичь. Я вот был лишен возможности поступить в ин-

ститут, и до сих пор на меня смотрят как на самоучку... А это так горько!..

Циолковский снова взглянул на Андрюшин аэролет и взял его в руки.

— А с этой штукой мы поступим вот как. Ты оставь ее у меня. Как закончатся экзамены, приходи. Попробуем наполнить пузырь водородом и испытаем твой аэролет в полете. Согласен?

— Конечно! Я очень, очень благодарю вас, Константин Эдуардович, — воскликнул Андрюша.

— Маме и папе — сердечный привет! Приглашай их к нам. Будем очень рады...

Когда Андрюша ушел, Циолковский направился за город и долго гулял на опушке старого леса, думая о детях. «Какие хорошие ребята у Стрешневых. Коля — смелый, самостоятельный, целеустремленный. Хотя с ним и случилась беда, но он непременно выбьется на дорогу. В нем есть энергия, сила! А Андрюша! С виду такой тихий, застенчивый. А какой умница! Ведь придумал машину, которой могут позавидовать опытные изобретатели. О, если ему знания и опыт — он многого достигнет! И в кого пошел? Ни отец, ни мать не выказывали склонности к изобретательству... А у нас ни один не пошел по моим стопам.

Игнат, правда, подавал надежды и мог быть хорошим математиком, но к изобретательству его не тянуло. Я из-за своей вечной занятости совсем не занимался им. Может, следовало его приучать к мастерству, заинтересовать наукой? Нет, он как-то уединялся, избегал разговоров со мной. И Саша тоже. Уж к нему-то я, кажется, всей душой. Часто беседую, пытаюсь увлечь, а он словно чужой. Замкнут, неразговорчив. Всегда мрачно настроен и чужд науке. Его ничего не интересует, ничего не влечет. Игнаша хоть много читал. А этот — нет! Кончит гимназию и будет учительствовать где-нибудь в глуши...

А Ваня? —о нем и говорить не стоит. Совсем больной. Даже в училище не стали держать.

Да, горько. Говорят, что у гениальных людей бывают неудачные дети. Так ведь то — у гениальных! А я обыкновенный смертный. За что же мне такое наказание?..

Я так надеялся, что дети доведут до конца мои труды, завершат мои замыслы и... ошибся... Что же делать? Придется самому, и только самому, бороться и биться за свои идеи...»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Статья писалась медленно. Циолковский десятки раз перечитывал написанное, проверял и перепроверял расчеты, тщательно обдумывал главные особенности устройства ракеты, мысленно рисовал ее запуск, полет в атмосфере и в безвоздушном пространстве и, наконец, спуск, приземление. Надо было многое продумать и предусмотреть.

«Чтоб ракета не начала кувыркаться в полете, я должен указать, как обеспечить автоматическое управление... В воздухе еще можно направлять снаряд рулем, подобным птичьему хвосту, но что делать в безвоздушном пространстве?.. Конечно, если бы удалось перемещать какую-то массу внутри снаряда, можно бы достичь равновесия... Это перемещение мы могли бы делать автоматически, используя силу солнечных лучей. А что — это мысль! Хорошая мысль! Только надо ее развить...»

Циолковский взял ручку и стал писать пока начерно, высказывая догадки, приводя примеры, давая объяснения...

Вдруг в темноте ночи сверкнуло, загрохотало. Циолковский подошел к распахнутому окну и долго смотрел, как мечутся молнии, слушал, как гремит гром и шумит дождь. Ему не было страшно, напротив, это буйство стихии освежало его, бодрило, как бы вливало новые силы.

В окно залетел прохладный, влажный ветер. Циолковский с жадностью вдыхал освежающую прохладу и думал.

«Здесь, на земле грозовые бури валят деревья, срывают крыши, опустошают поля... А что делается там, в заоблачных высотах? Может быть, силы стихии там впадают в еще большую ярость? Что же будет с ракетой, когда она попадет в страшный заоблачный вихрь?.. А ничего! Она должна будет пробить грозовые тучи, как артиллерийский снаряд! Медленно отрываясь от земли, ракета по воле людей, летящих в ней, может постепенно развивать фантастическую скорость, в пять, в десять раз превышающую полет пули».

Циолковский четко переписал в статью выведенную им формулу, из которой следовало, что запасы топлива в ракете должны значительно превышать вес пустой ракеты при запуске и что для достижения наибольшей скорости в полете необходимо добиться быстрого истечения газов из раструба ракеты.

Пересмотрев ранее сделанные расчеты, Циолковский опять подошел к окну. Гроза стихла, но дождь еще лил. В отсветах далеких молний были видны его косые секущие струи. Отчетливо слышался шум ливня и дробное гуденье железной крыши.

Циолковский стоял у окна, смотрел в темную ночь, заштрихованную косыми струями ливня, но ничего не видел и не слышал. Ему пригрезился полет ракеты. Сперва смутно, потом все отчетливей и ярче. Вначале полет был вихляющим, и это тревожило Циолковского. Он стоял, нервно кусая губы. Но вот ракета пробилась сквозь грозовые тучи, попала под лучи солнца, и полет ее выровнялся. Она пошла ввысь, все быстрее набирая скорость. Радостная улыбка озарила лицо Циолковского. Несколько секунд он следил за полетом, взволнованный и счастливый. Но вдруг встрепенулся и зашептал: «Куда же она теперь летит? Надо же выводить ее на орбиту, иначе она врежется в атмосферу и сгорит...»

Мысль, что ракета летит не туда, вывела Циолковского из оцепенения, оборвала сладкие грезы. Он взглянул на мечущиеся под дождем, намокшие ветви, поежился и стал ходить по комнате:

«Конечно, я должен продумать, как подчинить воле человека газовую струю. Вот если бы внутри струи устроить рули управления, как это было бы хорошо! Но ведь ни один металл не выдержит температуры горения водородно-кислородной смеси. Надо искать... Надо думать...»

Прогуливаясь по комнате, он нащупал в кармане обломок карандаша, достал его и, машинально вертя в руке, продолжал думать:

«Надо найти какой-то жароустойчивый минерал, способный выдержать температуру в несколько тысяч градусов. Что же это может быть?»

Карандаш вдруг выскользнул из пальцев и покатился по полу. Циолковский взял со стола лампу, чтоб посветить. Карандаш лежал у ножки стула, сердечко его мато-

во блестело. «Ба! Кажется, осенило...» — прошептал Циолковский. Он поднял карандаш. Поставил лампу на стол, зажег спиртовку и стал сжигать в ее пламени кончик карандаша, внимательно наблюдая. Карандаш горел ровным пламенем, но графитный стержень не изменялся.

«Нет, такая температура ничего не докажет»,— подумал Циолковский и достал паяльную трубку с платиновым наконечником и каучуковым шаром для вдувания. Зажав карандаш в щипцах, он стал его сжигать в пламени паяльной трубки. Кончик карандаша скоро обуглился, раскололся пополам, а графитовый сердечник даже не покраснел.

«Наконец-то, наконец-то я, кажется, нашел то, что нужно! — воскликнул Циолковский.— Ведь насколько мне помнится, графит не плавится и легко поддается формовке. Вот из графита и надо сделать рули для управления газовой струей. А управлять ими можно будет при помощи гироскопа. Да, на этот раз меня осенила счастливая мысль!»

Циолковский сел к столу и написал вставку в статью.

«Так. Славно! Теперь ракета не будет игрушкой стихии — она полетит туда, куда ее направит властная и умная рука человека... Конечно, это будет не сегодня, не завтра. Создание ракеты — дело невероятно трудное».

Циолковский перебелил ранее написанные страницы о полете ракеты в атмосфере, о преодолении сопротивления воздуха и силы земного притяжения и задумался над концовкой.

«Конечно, то, что я сделал,— это лишь скромное начало большого исследования. И может быть, не мне суждено его завершить. На это потребуются десятилетия, а может быть, жизни нескольких поколений...»

Он задумался и стал рисовать на листке бумаги контуры будущей ракеты. Сделав несколько набросков, опять начал писать:

«Во всяком случае, не я решу этот вопрос, как и множество других, относящихся к нашим ракетным приборам.

Во многих случаях я принужден лишь гадать или предполагать. Я нисколько не обманываюсь и отлично знаю, что не только не решаю вопроса во всей полноте, но что остается поработать над ним в 100 раз больше, чем я поработал. Моя цель — возбудить к нему интерес, указав

на великое значение его в будущем и на возможность его решения...»

Циолковский встал, прошелся и опять подошел к окну. Дождь давно кончился, тучи рассеялись, вдалеке над садами вставало солнце. На зелено-бурых листьях поблескивали розоватые капельки. Где-то далеко прокричал петух. Ему глухим, хриплым голосом откликнулся другой. Звонко, по-мальчишески прокричал третий. Под застрехой проснулись и зачирикали воробьи...

Циолковский сладко потянулся, потушил лампу и лег спать. Сон пришел мгновенно. Циолковский лежал на спине. Темные волосы разметались по подушке, обнажив высокий, чистый лоб. Очки, которые он забыл снять, преломляли косые солнечные лучи и играли радужными бликами на белой стене.

Циолковский дышал глубоко и ровно. Он спал крепким сном измученного путника, который, преодолев все преграды, пришел к цели.

2

Статья была вчерне готова, но, чтобы отшлифовать ее, переписать начисто, требовалось много времени. Предстояло еще продумать, перепроверить некоторые положения и расчеты, подтвердить опытами хотя бы основные мысли.

«Наверное, придется провозиться со статьей несколько месяцев,— думал Циолковский.— Конечно, хорошо бы поспешить, но у меня уже нет сил. Устал. Устал ужасно. Особенно последнее время, когда занимался расчетами. Надо бы передохнуть и навестить старых друзей. Стрешневы, наверное, обижаются — не был несколько месяцев... Да и поделиться мыслями, посоветоваться — большая потребность. Ведь варюсь в собственном соку. Вдруг опять изобрету изобретенное...»

Как-то перед вечером Циолковский уговорил Любашу посидеть с братьями и сестрами и вместе с Варварой Евграфовной отправился к Стрешневым.

Елизавета Павловна с матерью сидели на террасе, Павел Петрович с Андрюшей ушли на прогулку, а Сергей Андреевич отдыхал за книгой в саду.

Гостей встретили ласково. Варвару Евграфовну хозяйка увела на террасу, а Константин Эдуардович с Сергеем Андреевичем остались в саду.

— Давненько вы не заглядывали, Константин Эдуардович,— крепко пожимая гостю руку, заговорил Стрешнев.— Мы соскучились, и уж я собирался вас проведать, да Андрюша сказал, что вы заняты новой работой.

— Какой же новой, Сергей Андреич? Ведь все думаю и работаю над проектом своей ракеты. И это тянется уже почти шесть лет — с девяносто шестого года. Я хорошо помню, потому что в том году была коронация молодого царя Николая Второго и все журналы были забиты фотографиями «высочайших» особ.

— Да, да, припоминаю... Но в эти годы, дорогой друг, вы занимались не только ракетой. У меня хранится семь или восемь номеров журнала «Научное обозрение» с вашими статьями. А сколько было других.

— Да, грешен, признаюсь,— улыбнулся Циолковский,— но это были разные попутные статьи. Главное, что я делал и буду делать впредь,— это исследования по ракете.

— И что же? Близка к завершению ваша работа?

— Да, Сергей Андреевич, близка! Рискованно в этом признаться, так как еще предстоит большая работа, но в главном она продумана и даже написана.

— Поздравляю, Константин Эдуардович. И если не секрет, хочу полюбопытствовать.

— Да нет, помилуйте, разве могут быть между нами секреты? Я частично уже предварял вас. Я задумал снаряд, способный не только взлететь в небо, но и вырваться за пределы атмосферы. Собственно, этот снаряд — ракета, но ракета, устроенная особым образом. Совсем непохожая на пороховые ракеты, которые применялись в древности, и даже в прошлом столетии в Англии, для военных целей.

— Ваша ракета будет отличаться размерами? — полюбопытствовал Стрешнев.

— Разумеется, — загорелся Циолковский. — Она будет... должна быть очень большим сооружением. Ведь в ней смогут лететь люди.

— Нельзя ли ее сравнить с жюль-верновским снарядом, посланным на Луну?

— Мой снаряд должен быть значительно больше, так как в нем помимо людей будет заключено жидкое топливо для ракеты, в несколько раз превышающее вес самого снаряда.

— Скажите па милость! — пощипал бородку Стрешнев, мысленно представляя себе размеры ракеты.— А что же это будет за топливо, Константин Эдуардович?

— Сжиженные газы: водород и кислород.

— Как, адская смесь? Она же взорвется?

— Нет! Мы ее заставим гореть!

— Вы уверены в этом, Константин Эдуардович?

— Безусловно. Ошибки быть не может... А вы сомневаетесь?

— Не знаю. Мне трудно судить. Я ведь очень далек от точных наук. Я сужу лишь как дилетант, как любитель. И вот с этой точки зрения мне ваши исследования, Константин Эдуардович, представляются фантастическими. Да, фантастическими. Но это все же не значит, что я выражаю сомнения или недоверие. Нет, нет! Упаси бог, чтоб я позволил себе твердо судить о том, в чем не разбираюсь. Может быть, даже хорошо, что ваши замыслы кажутся фантастическими. Тем заманчивей цель. Ведь идеи Кибальчича тоже, очевидно, многим казались несбыточными. Раз вы верите в осуществимость своего замысла — надо дерзать! Смелость города берет! Я желаю вам удачи, дорогой друг. И если я сказал что-нибудь не так — простите мое невежество.

— Нет, нет, что вы, Сергей Андреевич! Вы хорошо говорили. Мне и самому порой страшно от того, что я задумал. И я не берусь осуществить свой замысел. Я лишь высказываю мысли и стараюсь их обосновать математически...

— Сережа! Константин Эдуардович! — послышался голос Елизаветы Павловны.— Пожалуйте на террасу пить чай.

— Кажется, зовут? — насторожился Циолковский.— Что ж, пойдемте. А о ракете — в другой раз. Я непременно вам почитаю свою статью...

3

Разговор со Стрешневым не смутил Циолковского. «Сергей Андреевич словесник, ему трудно понять мои замыслы...»

Начисто переписав первую часть статьи, Циолковский отнес ее Ассонову, которого считал знатоком техники и преданным другом.

«Если Василий Иванович одобрит — пошлю в журнал. Если нет — буду продолжать работать над статьей. Не могу представить, чтобы он остался равнодушен к моему труду. Ведь я же делаю попытку открыть человечеству дорогу к звездам».

Думая так, Циолковский со дня на день поджидал друга. Однако время шло, а Ассонов не появлялся...

«Уж не заболел ли? Не уехал ли куда? — недоумевал Циолковский.— А вдруг статья не понравилась и он из деликатности не хочет об этом сказать... Послать Сашу — пожалуй, не сумеет как нужно поговорить... Написать письмо — тоже неловко... Пойду-ка я сам! В случае чего — объяснимся начистоту, как друзья».

Ассонов сидел на террасе в плетеном кресле и подстригал перед зеркалом густую, пышную бороду.

— Ба, Константин Эдуардович! — обрадованно воскликнул он и, поднявшись, пошел навстречу гостю, грузно ступая: — Здравствуйте, здравствуйте, любезный друг, а ведь я собирался к вам. Прочитал, и даже дважды. Нет слов, как понравилась мне ваша работа, Константин Эдуардович... Прошу в кабинет! А впрочем, и тут... присаживайтесь — дома никого нет.

Циолковский присел к столу:

— Признаться, я очень волнуюсь, Василий Иванович. Вроде бы и уверен, что высказал разумные мысли, а как подумаю о значении задачи — становится страшно.

— Это понятно, Константин Эдуардович. Даже роженицы, отправляясь в больницу, дрожат от страха. А вы какую идею рождаете?!

— Значит, считаете мой замысел осуществимым? — обрадованно спросил Циолковский.

— Если не сейчас, то в будущем — безусловно! Я в этом не сомневаюсь. Вы указываете человечеству путь в неизведанные миры. Это, это — дерзновенно! Это — неслыханно!

— Спасибо! Спасибо, Василий Иванович, я очень растроган.

— Да-с, это не мечта! Дерзновенно и обоснованно! Да, обоснованно! Уж поверьте мне, дорогой Константин Эдуардович. Надо снестись, и как можно скорей, с «Научным обозрением» и добиваться опубликования статьи. Она потрясет ученый мир! Потрясет! Скорее, в «Научное обозрение». Если потребуется, я сам съезжу к редактору

журнала Филиппову, переговорю с ним. А сейчас дайте вашу руку, Константин Эдуардович! Я вас поздравляю с огромной победой.— Ассонов поднялся и крепко сжал худую, жилистую руку Циолковского.— Знаете ли, что вы сделали, дорогой друг? А?

— Пытался теоретически обосновать идею, которая, в сущности, и не является новой...

— Ваша статья математически обосновывает возможность полета человека за пределы земной атмосферы. До сих пор этого никто не сделал. Это самая смелая, самая величественная из научных работ, которые мне доводилось читать. Она обессмертит ваше имя и сослужит великую службу человечеству. От души, от души поздравляю вас, дорогой друг! — Ассонов поднялся и крепко обнял Циолковского.

4

Растроганный и ободренный столь горячей похвалой Ассонова, Циолковский тут же отправил первую часть статьи в Петербург, в «Научное обозрение», где его хорошо знали и ценили.

Скоро пришло письмо редактора журнала профессора Филиппова. Он уведомлял, что статья «Исследование мировых пространств реактивными приборами» понравилась и будет опубликована в журнале.

Циолковский решил об этом пока никому не говорить, зная, что журнал на подозрении у жандармов, но тут же принялся доделывать и переписывать начисто вторую часть статьи.

Осенью 1902 года эта вторая часть статьи была завершена, и Циолковский послал ее в «Научное обозрение» с просьбой опубликовать вместе с первой, как продолжение.

Наступил новый 1903 год, а из журнала не было никаких вестей. Ассонову через близких людей удалось узнать, что обе статьи набраны, но публикация задерживается цензурой. Журнал был под особым надзором полиции за его, как говорили, «крайне либеральное» направление...

Весна прошла в тревоге и ожидании. В памятный день, когда в епархиальном училище прозвенел последний звонок, Циолковский пришел домой усталый и присел во дворе под липами.

В открытое окно его увидела Любаша и тотчас выскочила из дома:

— Папа! Папочка, у нас радость: прислали журнал с твоей статьей,— вот он!

— Дай, дай скорей!

Циолковский обнял дочь и вместе с ней стал листать журнал:

— Да, напечатали! А уж я было отчаялся... Теперь словно гора с плеч... И посмотри, Любаша, что по соседству.

— Менделеев!

— Да! Каково? Напечатали рядом с Менделеевым! Я сейчас же, сейчас же иду к Ассонову, даже обедать не буду. Это победа, Любаша! Это огромная победа!

5

В субботу выдался ясный, солнечный день с легким ветерком и белыми барашками на небе.

Циолковский был в отличном настроении и готовился после обеда с сыновьями поехать вверх по Оке, чтобы там порыбачить в глухих заводях. Снасти уже были подготовлены, и Александр с Иваном пошли копать червей.

Вдруг взвился резкий ветер, и по небу поползла огромная, во всю его ширину, хмурая, тяжелая туча. Она надвигалась неукротимо, закрыв солнце, обрушилась ливнем.

Промокшие до нитки, сыновья вбежали на крыльцо и, бросив банки с червями, стали выжимать рубахи. По лесенке затопали чьи-то тяжелые сапоги, и в кухню, где сидел Циолковский, в надвинутой на глаза шляпе, с которой текли потоки, вошел Ассонов.

— Вот, угораздило меня,— забасил он,— ведь вышел — светило солнце... Уж вы извините, Константин Эдуардович, наследил тут.

— Что вы, что вы, Василий Иванович, это пустяки. Вот промокли вы... ну, да я сейчас что-нибудь принесу переодеться...

— Не надо, не надо. Дождь теплый, да и я на минутку.

— Случилось что-нибудь, Василий Иванович? — с тревогой спросил Циолковский.

— Да. Погиб редактор «Научного обозрения» Филиппов.

— Профессор Филиппов? Как же так? — растерянно спросил Циолковский.

— Говорят, изобретал лучи, способные делать взрывы на расстояниях... И погиб при опытах.

— Какое несчастье! Какая горькая потеря! Редкий был человек. Редкий! Видный ученый и смелый, решительный издатель! А для меня — и говорить нечего... С девяносто седьмого года публиковал мои статьи и вот сейчас о ракете...

— Да, это так. Он вынес настоящую войну из-за вашей статьи.

— Знаю, знаю... Тяжелую весть вы принесли, Василий Иванович. Я потрясен... Давайте сядем, помолчим...

Внезапная смерть Филиппова, как говорили — от отравления газом, вызвала переполох в жандармском управлении, где его называли «красным профессором». В редакции журнала и в лаборатории были произведены аресты, опечатаны все бумаги и рукописи.

Журнал «Научное обозрение», где печатались статьи Ленина, был закрыт.

Циолковский, и без того убитый известием о смерти покровителя, впал в мрачное настроение, затосковал.

Варвара Евграфовна, зная о причине расстройства мужа, послала Сашу к Ассонову с просьбой прийти к Константину Эдуардовичу.

Ассонов сразу догадался, что до Циолковского дошли слухи о закрытии журнала, и явился немедля, чтоб успокоить друга. Константин Эдуардович, думая, что Ассонов пришел сам, встретил гостя обрадованно и сразу увел к себе, усадил в кресло, заговорил таинственно:

— Вы слышали, Василий Иванович, что творится в Петербурге?

— Да, знаю. Однако не стоит унывать и впадать в отчаяние. Вас же печатают в «Науке и жизни» и других изданиях. Вторая часть вашей статьи все равно увидит свет и произведет сильное впечатление в ученых кругах.

— Вы уверены в этом, Василий Иванович?

— Да, безусловно! Иначе и быть не может.

— Но о первой статье пока нет никаких откликов.

— А много ли прошло времени? Каких-нибудь два месяца! Да ведь любой ежемесячный журнал сдается в типографию месяца за два. И еще нужно время, чтобы его напечатать... Дорогой мой Константин Эдуардович, раньше чем через полгода и ждать ничего нельзя. А если взять западные страны, так и того больше. Так что вы не расстраивайтесь, а спокойно занимайтесь делами.

— Да как же, Василий Иванович? Ведь у меня все из рук валится. Вдруг статья о ракете не привлечет внимания?

— Не может этого быть. Не может! Проблема воздухоплавания волнует все прогрессивное человечество. А вы поднимаете вопрос о полетах в иные миры. Это же сенсация! Нет, мимо таких событий нельзя пройти молча. Статью нельзя не заметить. Еще месяц-два, и вы сами прибежите ко мне с газетами.

— Вы так говорите, так умеете успокоить, Василий Иванович.

— Так и будет! Так и будет! Вот увидите!

— Ну, если вы так уверены — пойдемте пить чай,— сказал успокоенно Циолковский и повел гостя в столовую.

Новый 1904 год начался тревожно: в ночь на 27 января японский флот напал на русскую эскадру в Порт-Артуре. Началась русско-японская война.

Молебствия во всех церквах о даровании победы русскому воинству, рекрутские наборы с пьяными песнями и плачем заслонили, затмили все другие события.

Циолковский отлично понимал, что сейчас не до полетов в мировое пространство, и не надеялся, что его статья привлечет к себе широкое внимание. Он даже стал подумывать о том, чтобы вернуться снова к проекту металлического управляемого аэростата, который мог пригодиться на войне...

Однажды, потрясая газетой и гулко стуча сапогами, к нему вошел раскрасневшийся от ходьбы Ассонов.

— Новость чрезвычайная, Константин Эдуардович! Сын газету прислал. В Америке взлетел в небо первый в мире самолет!

— Наконец-то! Наконец-то! — воскликнул Циолковский.— Но кто же, кто его построил?

— Братья Райт! Вот посмотрите, напечатали их портреты.

Циолковский всмотрелся.

— Совсем еще молодые люди. Я рад! Это всеобщее достижение! Ведь они взлетели в небо на аппарате тяжелее воздуха! Небывалая сенсация! Я искренне рад этой великой победе человеческого разума! —задумчиво сказал Циолковский.— Но боюсь, что завоевание Райтов будет для меня роковым.

— Как? Почему? — воскликнул Ассонов.

— Разве вы не знаете алчности фабрикантов? Сейчас во всех странах начнут строить самолеты, а на мое исследование о ракетах даже не обратят внимания. Оно будет похоронено и забыто. Я боюсь, что его ждет та же горькая участь, что постигла изобретение Кибальчича...

— Ну, что вы, Константин Эдуардович, разве возможно такое сравнение. Я слышал от Стрешнева, что проект Кибальчича был опечатан и приобщен к делу «первомартовцев». Ваша же работа напечатана в популярном журнале и стала достоянием гласности.

Если не у нас, то за границей вашу работу оценят и начнут осуществлять. А самолеты пусть вас не смущают. От первого опытного полета до машин, на которые отважатся сесть пассажиры, пройдут многие годы. Ведь дирижабли осваиваются не одно десятилетие.

— Так-то так, а все-таки...

— Нет, нет! С вашей ракетой не могут конкурировать даже самые наисовершеннейшие самолеты, которые будут строить лет через пятьдесят.

— Вы так думаете?

— Конечно. Для самолета нужна опорная среда... воздух. Ни один самолет не способен взлететь выше атмосферы — вы же сами пишете об этом в своей статье.

— Да, это так,— вздохнул Циолковский.

— Только ракета может вырваться в просторы Вселенной. Она вне конкуренции. У нее нет и не может быть соперников!.. Вы подарили России, а может быть, и всему человечеству математические расчеты первой космической ракеты. Если современники не сумеют осуществить вашу идею — ее оценят и осуществят потомки! Вы, Константин Эдуардович, совершили великое открытие и должны быть счастливы! Если даже вы больше не напишете ни одной

статьи, не сделаете ни одного изобретения — все равно ваше имя войдет в историю.

— Вы это говорите серьезно, Василий Иванович, а не для того, чтобы утешить меня? — дрогнувшим голосом спросил Циолковский.

— Я говорю то, что думаю. Я глубоко верю в то, что говорю,— горячо продолжал Ассонов.— Встряхнитесь, Константин Эдуардович, и гордо вскиньте голову. Вы открываете человечеству дверь в грядущее! Вы указываете ему путь в таинственные просторы Вселенной...

КНИГА ТРЕТЬЯ

ВПЕРЕД, НА МАРС!

ВЛАСТЬ СОВЕТАМ
МЫ ПОЛЕТИМ
НА

МАРС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Господа, космографии не будет — Козерог заболел! — крикнул, влетев в класс после звонка, круглолицый реалист с озорными, широко открытыми глазами.

— Ура! По домам! — закричал кто-то пронзительно.

Класс загудел, захлопали крышки парт,— реалисты наскоро собирали тетради и книги.

В распахнутых дверях появился тучный, горбоносый учитель с рыжеватой козлиной бородкой.

— Э... позвольте, господа... разве я перепутал расписание?

Реалисты вскочили. Дежурный, с белой повязкой на рукаве, одернув черную тужурку, шагнул навстречу:

— Извините, Людвиг Густавович, сказали, что вы заболели и не будете...

— Садитесь! — приказал учитель.

Черные тужурки слились с черными партами, слышалось лишь порывистое дыхание.

— Господа! — торжественно провозгласил учитель, расправляя свернутый в трубочку журнал.—Сегодня у нас будет необычное занятие. Сегодня я вас ознакомлю с весьма любопытной и примечательной статьей. Речь пойдет о полете в мировое пространство! Да-с, господа, о полете во Вселенную!

Людвиг Густавович, которого в училище недолюбливали за педантичность и звали «Козерогом», редко баловал реалистов чтением на свободную тему. Объявив о статье, он сделал паузу и, прищуром осмотрев класс, заметил, что глаза реалистов потеплели.

— Сегодня, господа,— повысил голос Людвиг Густавович, — задания на дом не будет, но прошу вас слушать внимательно: о том, что изложено в статье, вы не услышите ни в одной аудитории... даже в институтской. Речь пойдет не о фантастике, а о научном предсказании, основанном на математических расчетах. Вы ознакомитесь с идеей создания космического корабля, способного разорвать путы земного тяготения и вырваться в необъятность Вселенной.

Реалисты притихли, некоторые даже достали тетради и вооружились ручками и карандашами.

Учитель раскрыл журнал.

— Итак, слушайте, господа! «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Автор статьи — господин Циолковский. Не слыхали этого имени? Я тоже! Однако можно предполагать, что это маститый исследователь, очевидно, профессор. Иначе его статью не стали бы печатать в «Научном обозрении». Впрочем, вы сами увидите...

Людвиг Густавович привычным жестом погладил бородку и стал читать.

Его слушали, затаив дыхание.

— «Чтобы аэростат поднялся на высоту в 27 километров... он должен занять объем в 50 раз больший, чем внизу».

Учитель остановился и многозначительно поднял палец.

— Вообразите, господа, какова должна быть оболочка аэростата? Сколько на нее потребуется газонепроницаемой ткани и сколько эта ткань может весить?

Циолковский приводит здесь обстоятельные расчеты, которые я опускаю. Вывод же его таков:

«За пределы атмосферы поднятие приборов с помощью воздушного шара, разумеется, совсем немыслимо!»

— Жюль Верн предлагал гигантскую пушку,— послышался чей-то робкий голос.

— Циолковский рассматривает и этот вопрос, господа,— продолжал учитель.— Вот послушайте, что он пишет далее: «Одного громадного усиления тяжести совершенно достаточно, чтобы оставить мысль о применении пушек к нашему делу».

— Это ясно! А что же он предлагает? — спросил кто-то с последней парты.

Учитель обвел класс внимательным взглядом.

— «Вместо них или аэростата... предлагаю реактивный прибор, то есть род ракеты, но ракеты грандиозной и особенным образом устроенной».

Учитель прервал чтение, поднялся и, взяв мел, стал на доске старательно вычерчивать контур ракеты, напоминающий пузатую, бесхвостую рыбу.

Когда чертеж был готов и учитель вернулся к столу, раздался звон колокольчика.

Учитель, поморщась, закрыл журнал.

— Нет, нет, мы не пойдем на перемену!

— Просим продолжать, Людвиг Густавович! — закричали реалисты.

Сдвинув на лоб очки, учитель удивленно осмотрел класс, погладил бородку, улыбнулся:

— Это похвально, господа! Очень похвально, что вы проявили интерес к поднимаемой проблеме. Я рад, очень рад!

— А как же будет устроен этот снаряд? — спросил белокурый реалист с третьей парты.

— А вот взгляните на чертеж и послушайте описание,— Людвиг Густавович поправил очки и продолжал читать:

«Камера имеет большой запас веществ, которые при своем смешении тотчас же образуют взрывчатую массу. Вещества эти, равномерно взрываясь в определенном месте, текут в виде горящих газов по расширяющимся к концу трубам вроде рупора... Они (газы), сильно разрядившись и охладившись, вырываются наружу с громадною... скоростью».

Учитель приподнял голову:

— Надеюсь, всем понятно, господа, что эти газы могут двигать снаряд-ракету?

— Понятно! Ясно! — послышались голоса.

— Далее господин Циолковский говорит о способах управления ракетой, о ее преимуществах, позволяющих постепенно увеличивать скорость, а также и гасить ее, что создает возможность полета на ней человека.

Он рассматривает полет ракеты в атмосфере и в безвоздушном пространстве и, исходя из закона сохранения количества движения для замкнутой системы, выводит формулу для наибольшей скорости.

Учитель встал, шагнул к доске и написал формулу.

— Господа, вот формула Циолковского! Можете ее переписать.

У самой двери снова раздался звонок.

— Простите, господа,— заговорил учитель взволнованно, — я едва ли смогу вторично вернуться к этому важному вопросу и потому прошу у вас позволения зачитать еще один абзац из статьи господина Циолковского.

Он поднялся на кафедру и взял журнал:

— «Эта моя работа далеко не исчерпывает всех сторон дела... Во многих случаях я принужден лишь гадать или предполагать... Моя цель возбудить к нему интерес, указав на великое значение его в будущем и на возможность его решения...» Вот и все, господа. Благодарю вас!

Учитель закрыл журнал и, поклонившись, сошел с кафедры.

Его проводили аплодисментами.

Но едва учитель скрылся за дверью, как в классе поднялся гвалт: реалисты, опережая друг друга, бросились в раздевалку.

Класс быстро опустел, только на третьей парте одиноко сидел белокурый юноша и сосредоточенно делал какие-то вычисления...

Скоро внизу смолкли последние возгласы. В класс вошел служитель в сером фартуке с ведром, совочком и щеткой на длинной палке.

— А вы почему здесь сидите?

— Решал задачу... Сейчас уйду.

Услышав голоса, в дверь заглянул инспектор, прозванный «Усачом».

— Цандер? Вы наказаны?

— Нет, я изучал формулу Циолковского, господин инспектор,— вскочив, ответил юноша.

— Циолковского? Не знаю такого математика,— нахмурясь, сказал Усач.

— О, вы еще о нем услышите, господин инспектор! — воскликнул Цандер и легкой походкой вышел из класса.

2

Был легкий мороз, и светило солнце. Цандер, выйдя на свет, на мгновенье зажмурился. От яркого солнца и свежего снега слепило глаза. Постояв немного, он перешел на другую сторону улицы и оказался в белом саду. После вчерашней оттепели деревья стояли в инее. От веток на чистый снег падали ажурные серовато-синие тени. Причудливая узорность белых кружев и темной вязи теней делала сад фантастическим.

Статный голубоглазый юноша, в длинной черной шинели, в фуражке с желтым кантом, шел не спеша, любуясь красотой закуржавелых деревьев, молодо вдыхал бодрящий морозный воздух. Мысли его витали в беспредельно далеких мирах. Он думал о фантастическом снаряде Циолковского, который мог умчать человека за пределы земного мира. Эти сладкие грезы наполняли его душу тихой радостью. Он не шел, он — парил...

Фридрих был младшим сыном старого доктора Артура Константиновича Цандера. В свое время у отца составилась большая практика, его знала вся Рига. Но после смерти жены он одряхлел, оставил медицину и перешел работать в зоологический музей.

Маленький Фридрих, рано лишившись матери, рос под наблюдением няни, сестер и старика отца.

Когда Фридрих немного подрос, отец стал чаще брать его в зоологический музей. В нем были отделы геологии, археологии, космографии. Даже имелась действующая модель Сатурна «Сатурнарий». Вращением деревянной ручки приводилась в движение планета Сатурн, ее кольцо и все спутники. Фридрих радовался, когда на темном фоне двигался светящийся шар Сатурна, охваченный мерцающим кольцом.

Рос он мальчиком тихим, мечтательным. Под впечатлением «Сатурнария» он всякий раз, как отец возвращался со службы, расспрашивал его о таинственной жизни

Вселенной. К восьми годам Фридрих знал все планеты солнечной системы, многие созвездия и отдельные звезды... Когда Фридриха определили в приготовительные классы, он пристрастился к чтению и перечитал в библиотеке отца все книги по астрономии. У него в комнате появились вырезанные из журналов портреты Галилея, Коперника, Джордано Бруно и горячо любимого Жюля Верна. «Пять недель на воздушном шаре» и «С земли на Луну» Фридрих знал чуть ли не наизусть.

Поступив в реальное училище, Фридрих продолжал увлекаться научной фантастикой Жюля Верна и книгами Фламмариона. Однако в последних классах его все больше тянуло к науке, к познанию тайн Вселенной, к воздухоплаванию.

В девятисотом году, узнав о полете первого цеппелина, Фридрих собрал все газеты на русском, немецком и латышском языках, где сообщались подробности. А когда огромный, сигароподобный цеппелин пролетал над Ригой, Фридрих убежал с уроков, чтоб увидеть его собственными глазами. Теперь, на последнем курсе, он внимательно следил за всеми новшествами в области воздухоплавания и нетерпеливо ждал того дня, когда появится в Риге самолет братьев Райт. Он мечтал познакомиться с изобретателями или хотя бы осмотреть их самолет. Ему казалось, что на основе самолета братьев Райт можно построить новую модель, которая будет летать дальше и выше. А если ее еще снабдить сильным двигателем и придать ей форму стрелы с конусообразными крыльями, она сможет достичь небывалой высоты. Он был глубоко убежден, что самолет усовершенствованной конструкции сможет пройти земную атмосферу. И вдруг сегодня статья Циолковского опрокинула все его понятия и представления о высотных полетах. Вначале он сидел в оцепенении и не верил тому, что слышал. Но потом, все более и более вникая в смысл статьи, понял, что Циолковский предлагал новый замечательный снаряд! Снаряд несравнимо лучший, более стремительный в полете и более надежный, чем самолет.

«Да, да, да! — шептал себе Фридрих.— Ракета, только ракета сможет поднять человека в космические выси! Однако возможно ли это? Не слишком ли я ослеплен статьей Циолковского? Вдруг это первое впечатление от прочитанного ошибочно? Не обуяли ли Циолковского фантасти-

ческие идеи Жюля Верна? Надо самому проверить его расчеты. Самому!»

Фридрих был так поглощен этой мыслью, что не слышал, как прозвучал последний звонок, не видел, как уходили товарищи,— он решал формулу Циолковского.

Когда пришел служитель убирать класс, Фридрих уже заканчивал подсчеты. Выходило, что Циолковский прав! Но Фридрих понимал, что математика не дружит со спешкой. «Надо внимательно прочесть статью и проверить все вычисления». С этой мыслью Фридрих вышел из училища и был ослеплен солнцем, красотой заснеженного сада.

Лишь когда кончился сад, он вспомнил, что хотел достать журнал «Научное обозрение».

Зная, что поблизости есть книжная лавка, Фридрих свернул в переулок...

— «Научное обозрение» желаете? — спросил, разглядывая его сквозь очки, седой, интеллигентного вида старик.— Этот журнал уж полтора года как прикрыт!

— Прикрыт?

— Да-с... как я слышал, прикрыт по распоряжению министра внутренних дел.

— Но ведь статья была напечатана... В ней ничего крамольного... Это о полетах в мировое пространство.

— А? Господина Циолковского? Помню. Май тысяча девятьсот третьего года... Идите в ратушу, молодой человек. Там, в публичной библиотеке, можете достать. И это, пожалуй, единственное место.

Цандер поблагодарил старика. До ратуши было — рукой подать.

3

Получив «Научное обозрение», Фридрих Цандер уселся у большого окна в дальнем углу, чтоб никто не мешал. Он расправил смявшуюся в кармане тетрадь, достал два хорошо очиненных карандаша и только после этого стал листать журнал. Статья занимала около тридцати страниц и была испещрена таблицами, формулами, расчетами.

— Ого! — удивленно прошептал Фридрих.— Над ней придется покорпеть... Козерог, видимо, познакомил нас лишь с основными положениями. Ну, что ж, тем увлекательней задача! Сегодня прочту бегло, а в следующий раз засяду за расчеты.

Фридрих расстегнул воротник тужурки, поудобней уселся. Повторяя уже прочитанное Козерогом, он как бы заново обдумывал высказанные мысли. Иногда он выписывал в тетрадь цитаты и формулы, чтобы над ними поразмыслить дома.

4

Сумерки сгущались, но так как выпал свежий снежок, было еще хорошо видно. Цандер, изрядно устав, решил пешком пройтись по тихим узким улицам до набережной и там сесть в трамвай, идущий в Задвинье. Он любил старую Ригу с величавым Домским собором, стройным, теряющимся в облаках шпилем церкви Петра, легкую готику церкви Яна, массивные крепостные башни, старинный замок и средневековые дома. Эти безмолвные свидетели древности умели молчаливо рассказывать о прошлом. Более всего удивлял и поражал Цандера Домский собор. Под его высочайшими сводами можно было парить на крыльях, даже летать на небольшом аэростате. «Как могли люди, жившие пять-шесть столетий назад, воздвигнуть сооружение, поражающее наших современников?— не раз спрашивал себя Цандер. — Ведь тогда все делали вручную...»

Он любил Домский собор. И не столько за его внутреннюю отделку, изумлявшую художественной резьбой, не столько за редкие по красоте и искусству исполнения жанровые цветные витражи в огромных окнах или несравненный орган,— он любил собор за величие и высоту сводов, от которых захватывало дух! И сегодня его снова потянуло взглянуть на Домский собор хоть мельком.

На фоне меркнущего, холодного неба собор возвышался темной громадой, возле которой сновали крохотные люди. И опять Цандеру явилась старая мысль: «Люди, маленькие люди способны создавать великое!.. Способны вершить чудеса!»

От этой мысли идея Циолковского о постройке грандиозной ракеты вдруг показалась реальной, осуществимой в ближайшие десятилетия. На душе стало радостно и безмятежно. Радостно от того, что есть на свете человек, который, как и он, мечтает о полете во Вселенную. И главное — этот человек знает, как такой полет осуществить...

Цандер вдохнул морозный воздух и пошел, насвистывая, к плавучему мосту. Падал редкий, мелкий снежок.

Было тихо, безветренно, пустынно. Слышались лишь собственные шаги да отдаленные звонки трамваев. Цандер любил эту тишину узеньких улиц Старого города. В ней хорошо думалось.

Когда он свернул на Дворянскую, со стороны Двины многоголосо и гулко нахлынула песня. Пели по-русски и по-латышски. Слов разобрать было нельзя, но живой призывный мотив заставлял идти чеканным шагом. «Может, солдаты поют?» — подумал Цандер, по, дойдя до переулка, отчетливо услышал:

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.

«Это демонстрация!» — догадался он и пошел еще быстрей. Послышались какие-то слова команды, но песня грянула сильней и заглушила их.

— Пли! — услыхал он истошный крик совсем близко, и по улицам Старого города прогрохотал залп. Песня оборвалась, послышались крики, стоны, топот. Усилилась беспорядочная стрельба...

Цандер, подсунув под ремень полы длинной шинели, держа связку книг в левой руке, побежал к набережной. Выскочил из-за домов и остолбенел: у железнодорожного моста метались и падали люди, по которым в упор стреляли солдаты. Над толпой взвилось красное знамя и снова исчезло.

— Пли! Пли! — истошно командовал офицер.

Ружейная стрельба, рев толпы, стенания умирающих сливались в дикий гул.

Цандера кто-то схватил за воротник:

— Куда? Убьют! Марш назад!

Он увидел усатое лицо городового и отлетел в снег. Мимо, с винтовками наизготовку, пробежали солдаты.

Цандер поднялся. По спине хлестко ударила казацкая плетка.

— Пошел! Пошел, покуда цел! — Снежною пылью изпод копыт хлестнуло в глаза.

Цандер бросился в переулок, свернул под арку ворот, прижался к цоколю дома. Мимо бежали перепуганные люди, скакали лошади, слышались дикие крики, стрельба...

Когда наступило минутное затишье, он перебежал на другую сторону, проходным двором вышел на знакомую улицу и остановился в раздумье: «Пустят ли или не пустят?»

За углом опять зацокали копыта. Он бросился в подъезд и мигом взлетел на четвертый этаж, дернул ручку звонка.

— Кто там? — спросил тревожный женский голос по-латышски.

— Товарищ Яниса, Цандер... Помните, занимался с ним летом по математике.

— Вы один?

— Один! — выдохнул Цандер.

Щелкнул засов, и дверь приоткрылась:

— Входите быстрей!

Цандер вошел в полумрак передней, остановился.

— Проходите в кухню, мы спасаемся там.

— Спасибо! — прошептал Фридрих и, не раздеваясь, на цыпочках прошел в кухню, где у толстой стены на полу сидели Янис, Пауль и их сестренка Марта, худенькая, голенастая, с огромными синими глазами.

— Ты был там? Все видел? — вскочил навстречу высокий Янис.

— Да, видел...— Цандер сел на табуретку к плите и закрыл лицо руками. Ему не хотелось, чтоб Янис и другие видели, что по его щекам текут слезы...

5

Скоро стрельба стихла, и Янис, попросив Фридриха раздеться, отвел его в столовую. Разбитое пулей окно заткнули подушкой. Сидели молча. Фридрих механически листал какой-то журнал, Янис сжимал и разжимал большие руки и угрюмо смотрел в темное окно. Ждал отца. Отец служил на железной дороге паровозным машинистом и эту неделю приходил домой к шести. Теперь уже шел восьмой час... Мать, брат Пауль и сестренка сидели на кухне. Они тоже боялись за отца, и при каждом звуке на лестнице кто-нибудь бросался к двери.

Фридрих знал, что о нем так же тревожатся дома, понимал, что надо идти, но не мог успокоиться: перед глазами неотступно вставали лошадиные морды и страшные картины расстрела людей.

Молчанье становилось тягостным, и он заговорил первый:

— Янис, мы друзья и не должны чуждаться друг друга.

— Да, не должны...
— Ты боишься за отца?
— Боюсь.
— Думаешь, он мог быть там?
— Да, мог... В девяносто девятом, когда был бунт, он работал на фабрике «Феникс» и участвовал в демонстрации. Тогда убили его лучшего друга... Он горяч и мог опять ввязаться в драку...

Вдруг раздался звонок.

— Он! Он! Отец! — радостно закричал Янис и бросился открывать дверь.

Минут пять, пока отец раздевался и мылся, окруженный домочадцами, Фридрих сидел один, чувствуя себя очень неловко. Но вот в столовую вошел могучий бородатый великан и, крепко сжав в большой ладони его худую руку, добродушно улыбнулся:

— Что, мальчик, и тебе случилось побывать в переплете?

— Да, чуть не задавили казаки... И пули свистели над головой.

— Значит, прошел боевое крещенье! Это хорошо! Молодые люди должны быть храбрыми — вам придется биться за новую жизнь.

— Разве сегодня была битва? Сегодня был дикий расстрел! — с негодованием воскликнул Фридрих.

— Завтра может быть иначе,— сурово сказал великан.— Народ терпелив, но терпенье может и лопнуть...

— Отец, Фридрих едва ли тебя поймет,— прервал Янис.

— А я уверен, что поймет,— забасил Кудзинь.— Когда-то меня лечил его отец. Это очень справедливый человек! И сын, уверен, пошел в него.

— Вы правы, господин Кудзинь, я ненавижу жестокость,— горячо заговорил Фридрих.— И то, что видел сегодня, не забуду никогда!

— Славно, мальчик! Ты хорошо сказал: убийство не забывается и не прощается.

— Я только не пойму, из-за чего все это началось,— сказал Цапдер.

— Разве ты не знаешь о зверском расстреле рабочей демонстрации в Петербурге? Ведь там погибло больше тысячи человек.

— Да, да, я слышал... Это трагедия.

— Рабочие Риги устроили демонстрацию в знак протеста, и, как ты видел, их встретили пулями.

— Кто же мог приказать? Неужели царь?

— Не знаю, мой мальчик. Этого я не знаю...

Цандер поднялся.

— Господин Кудзинь, а я смогу сейчас пробраться в Задвинье?

— Нет, это невозможно. Трамваи не ходят. Набережная и мост оцеплены войсками. Оставайся ночевать у нас. Мы хотя и простые люди, но, право, тебе будет здесь хорошо. Сейчас поужинаем и — спать. А утром будет виднее, что делать. Ну, что, мой мальчик?

— Спасибо, но боюсь, как бы не стеснить...

— Полно, мы не господа. Эй, жена,— крикнул он на кухню,— неси, пожалуйста, ужин, сын доктора Цандера остается у нас!

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Ночью Фридрих метался, его душили кошмары. Проснулся поздно, в поту с сильной головной болью. С трудом поднявшись, стал собираться домой. Янис пошел его проводить. На воздухе Фридриху стало немного лучше. Янис посадил его в вагон трамвая, крепко пожал руку, пообещав завтра же навестить.

Приближаясь к плавучему мосту, трамвай замедлил движение — мимо шагала рота солдат.

— Смотрите, смотрите, что делается!— крикнула женщина, укутанная в шаль.

Все бросились к окнам. Фридрих повернул голову и узнал то место у железнодорожного моста, где вчера был расстрел демонстрантов. На белой площади, оцепленной войсками, еще лежали убитые. Солдаты в высоких шапках поспешно складывали трупы на ломовые дроги, запряженные битюгами. У цепи солдат кричали и плакали женщины, толпился народ.

У Фридриха закружилась голова. Чтоб не упасть со скамейки, он ухватился за ремень на оконной раме. На лице выступил пот, губы побледнели. Но в это время трам-

вай зазвенел и тронулся. Пахнуло студеным ветром. Фридрих глубоко вздохнул, отер пот, вытянув ноги, откинулся на скамейку, закрыл глаза.

— Господа, реалист, кажется, теряет сознание,—с тревогой сказала пожилая женщина.

— Позвольте, позвольте,—послышался энергичный голос, и чернобородый мужчина в каракулевой шапке протиснулся ближе,— это, господа, сын доктора Цандера. Видно, заболел. Мы проводим его. Эй, Сергей! — крикнул он.— Пробирайся сюда.

Молодой чернявый парень быстро протиснулся, поглядел в окно:

— Хорошо бы сойти здесь.

— Верно! — согласился отец и сделал знак кондуктору.

Тот остановил трамвай.

— Ну, господин Цандер, пойдемте, мы вас проводим,— сказал чернявый парень и взял Фридриха под руку. Отец подхватил с другой стороны...

Старая няня, услыхав чужой, настойчивый звонок, накинув полушалок, поспешила открыть дверь.

— Фридрих, голубчик... Ой, что же с ним? — с испугом спросила она.

— Должно, заболел,— сказал чернобородый,— мы в трамвае увидели его...

— Спасибо вам, голубчики, спасибо! Отец-то вчера глаз не сомкнул — до двух часов ездил на извозчике по Риге и по знакомым... А утром, чуть свет — опять умчался. Уж вы помогите, пожалуйста, его довести до постели,— распахивая двери, засуетилась няня. — Вот сюда, сюда, в спальню.

— Ничего, ничего, я сам, няня,— глухо сказал Фридрих, идя за ней.

Ему помогли раздеться и лечь в постель.

Проводив услужливых незнакомцев, няня принесла чаю с медом.

— Вот, испей, Фридрих, согрейся — и тебе сразу станет легче.

— А отец? Где отец, няня?

— Поехал тебя разыскивать... всю ночь проходил по кабинету... ужасно как волнуется...

Фридрих выпил несколько глотков чаю и повалился па подушку.

Няня, поверх одеяла, прикрыла его пледом.

— Спи, голубчик, а я сбегаю за доктором Гирсом, он рядом живет.

Няня наскоро оделась и, спустившись к калитке, на аллее столкнулась с Артуром Константиновичем.

— Ну, что, Матвеевна, не появлялся Фридрих? — тяжело опираясь на палку, спросил он.

— Здесь, здесь, приехал, голубчик, дома. Только не совсем здоров... Я было за Гирсом пошла.

В седой бороде отца мелькнула радостная улыбка, но густые брови тотчас же сдвинулись.

— Что, ранен? Был с рабочими?

— Нет, нет, барин, не ранен он, а видать — совсем заболел...

— Гирса не надо,— строго сказал отец,— я сам посмотрю,— и, стуча палкой по камням, пошел впереди няни.

Сбросив в передней шубу, он вымыл руки и прошел в спальню.

Фридрих лежал на подушках, его бледное лицо было покрыто мелкими капельками пота.

Услышав тяжелые шаги отца, он попытался подняться.

— Лежи, лежи! — стараясь радость приглушить строгостью, сказал отец и, привычным жестом взяв его руку, стал прощупывать пульс. Лицо его нахмурилось:

— Тебя знобит, Фридрих?

— Да...

— Покажи язык. Так... А где ты ночевал?

— У товарища... Вечером шел домой и наткнулся на расстрел демонстрации...

— Понятно... Сейчас дам лекарство, и ты попытайся уснуть. Надеюсь, что все обойдется...

Отец поставил больному градусник и пошел к себе в кабинет.

2

Болезнь оказалась коварной и затяжной. Только весной, когда сад возле дома Цандеров оделся легкой, прозрачной зеленью, Фридриху разрешено было приступить к занятиям. От Яниса и других товарищей Фридрих знал, что в классе прошли за это время. Пропущенное можно было наверстать, но Фридриха пугали выпускные экзамены. На протяжении последних лет он считался в классе

первым учеником, и обидно было перед выпускными экзаменами оказаться в хвосте.

Отец за завтраком предложил пригласить репетиторов, но Фридрих решительно отказался:

— Подготовлюсь сам, если снова не свалюсь...

Говорил он так больше из самолюбия, а в душе боялся: уж очень мало оставалось времени...

Походив в училище недели две, Фридрих испросил отпуск и стал готовиться дома. «Если выдержу, значит, я чего-то стою! Если нет, буду держать осенью, однако своего добьюсь!»

...Председателем экзаменационной комиссии был директор училища. Уловив растерянность Цандера, он предложил ему заменить билет. Но это на бал снижало отметку.

— Я буду решать ту задачу, которая мне досталась,— твердо сказал Фридрих и сел за первую парту.

Директор, наблюдая за экзаменующимися, часто поглядывал на Цандера.

Он любил Цандера за трудолюбие и редкие способности. «Срежется наверняка, ведь без него проходили этот раздел. Эх, горячая голова!»

Но Фридрих быстро решил задачу, посмотрел на сосредоточившихся соседей и стал решать ее другим способом. Ответ совпал с первым. Радостное тепло разлилось по телу. Фридрих встал и, подойдя к столу комиссии, протянул директору лист с двуглавым орлом.

— Как? Уже?

— Да, ваше превосходительство, решил.

Директор взглянул на ответ, посмотрел на второй вариант решения, поднялся:

— Отлично, Цандер! Отлично! Поздравляю вас с блестящим решением! Дополнительных вопросов не будет. Можете идти.

Фридрих выскочил из класса, чуть не сбив стоявших у дверей реалистов.

3

Двадцать восьмого мая директор училища вручил ему аттестат и золотую медаль, которая вселяла надежду, что он пройдет по конкурсу аттестатов в Политехнический институт.

Торжественно произнеся слова благодарности, Фридрих поспешил на улицу. Ему хотелось почувствовать себя

независимым и взрослым. Вскочив в извозчичью пролетку, он помчался к себе в Задвинье. Ему хотелось скорее сбросить так надоевшую ему форму реалиста, в которой нельзя было появляться в городе после девяти часов вечера.

Дома его уже ждали отец, братья и сестры, родственники. Старая няня, Матвеевна, приготовила букет цветов. На другой день, облачившись в легкий серый костюм, Фридрих поехал в Ригу. Первый раз за много месяцев поехал без всякого дела. Ему никуда не нужно было спешить.

Побродив по узким улицам Старого города, Фридрих вышел к каналу и сел на скамейку в тени раскидистой липы. Он помнил эту липу давно, с первого класса реального училища. Тогда она была еще совсем тоненькой и кудрявой. Отец, провожая его в училище, сказал как-то: «Фридрих, запомни эту липу — ее посадили как раз в ту осень, когда умерла твоя бедная мать».

Фридрих, всякий раз когда у него оказывалось свободное время, приходил к памятной липе и сидел около, вспоминая мать.

Собственно, он не помнил, да и не мог помнить свою мать: она умерла, когда ему было всего два года. Но он хорошо представлял ее по фотографиям и рассказам близких. Он знал, что она была красивая и очень любила его. Образ матери жил в его сердце, потому что ему не хватало в жизни ее нежности.

Вот и сейчас Фридрих думал о ней. Родные рассказывали, что мать умерла, шепча его имя. «Бедная, бедная мама, ты думала обо мне в последние минуты. Ты боялась, что мне будет горько и тяжело, что я не смогу вырасти без тебя. Да, мама, мне очень, очень недоставало тебя. Отец был суров. Я почти не слышал от него теплых, ласковых слов. Может быть, так и следовало поступать, ведь он воспитывал мужчину! Но мне было горько. Вчера, когда я принес аттестат и золотую медаль, он даже не поцеловал меня, а лишь крепко пожал руку. Глядя на него, братья и сестры тоже не решились проявить нежность. А мне так хотелось ее. О, мамочка, если бы была ты, представляю, как бы ты радовалась и веселилась! В сущности, я одинок. У меня нет близких друзей. Нет девушки, которую бы я любил и которая бы любила меня. Мы все, Цандеры, какие-то замкнутые, суровые люди. А мне и братьям так хочется иногда повеселиться... Говорят, что отец раньше был совсем другим, а как умерла ты — он

стал мрачен, недоступен. Но для меня ты не умерла. Ты живешь в моем сердце, и я люблю говорить с тобой. Сегодня у меня радость — я кончил училище и получил аттестат. Через два месяца я переступлю порог знаменитого института. Я решил поступить на механическое отделение. Я мечтаю о полете в мировое пространство. На Марс! И этой мечте решил посвятить жизнь! Что, не одобряешь?.. Если б ты была жива, очевидно, ты бы хотела, чтоб я избрал тихую, спокойную профессию и жил бы около тебя. Этого хотят почти все матери. И все же, я думаю, ты бы поняла меня, мама. Ты бы вместе со мной мечтала о полете на Марс.

А ведь это будет прекрасно, если твоему сыну удастся осуществить такой полет. А? Ты бы, наверное, гордилась мной?.. Мечты, мечты, как вы заманчивы и как недосягаемы!»

Фридрих встал, поклонился липе и пошел к мосту через канал, где за деревьями виднелось серое здание Политехнического института.

4

Сколько раз, еще будучи реалистом, Фридрих приходил в парк у Городского канала и с трепетом смотрел на это необычное здание. Его нельзя было назвать красивым. Нет! Но оно поражало! Оно манило величием и пугало неприступностью. Похожее на гигантскую букву «Ш», положенную плашмя, торцами вперед, оно было обращено к парку тремя высокими выступами. В его архитектуре было что-то от романских церквей и средневековых арсеналов. Узкие высокие выступы с громадными полукруглыми окнами заставляли запрокидывать голову. Серый камень стен придавал зданию величавую суровость. Оно напоминало неприступную крепость и одновременно — храм!

И вот теперь это таинственное, пугающее и манящее здание распахнет перед ним массивные дубовые двери!..

В июле Фридрих первый раз, с волнением и страхом, вошел под высокие каменные своды и передал секретарю института прошение о зачислении в число студентов.

В начале августа Фридрих получил уведомление, что его просьба уважена.

В положенный срок, облачась в новую студенческую форму, он вошел в институт с радостно бьющимся сердцем, полный заманчивых грез и надежд...

Высокий вестибюль, массивная лестница, широкие коридоры; и всюду стоят, ходят, разговаривают, спорят усатые, чубатые, даже бородатые студенты...

Вместо классов с партами — просторные аудитории, где читают лекции маститые, убеленные сединой профессора. Некоторые из них потомственные ученые — ведь институт существует почти полвека!

Вся эта обстановка наполняла душу Фридриха благоговением. Он с жадностью внимал каждому слову профессоров, аккуратно записывал в тетради все лекции. Он был несказанно счастлив, что наконец осуществилась его сокровенная мечта — он стал студентом одного из лучших институтов России...

Подавляющее большинство студентов были иногородними. Они вели себя независимо. С профессорами говорили, как с равными. Не стесняясь, осуждали начальство и институтские порядки. Смело обсуждали сообщения о стачках и забастовках. Даже митинговали в аудиториях.

Небольшая группа рижан (преимущественно сынки немецких баронов и важных чиновников) держалась обособленно, с плохо скрываемым высокомерием.

Латыши и русские из семей врачей, учителей, адвокатов не примыкали ни к тем, ни к другим. Они как бы присматривались.

Фридрих обрадовался, что на первом курсе механического факультета оказалось четверо его однокашников из реального, и держался их, не заводя других знакомств.

Изучение технических дисциплин в институте совмещалось с практикой на заводах. Это радовало Фридриха.

Опять воскресла его давнишняя мечта, навеенная статьей Циолковского: «Если так будет и впредь протекать ученье, если нас будут знакомить с работой больших заводов, я смогу практически работать над созданием летательного снаряда, который бы смог вырваться во Вселенную».

Как-то после занятий, пообедав в институтской студенческой столовой, Фридрих отправился в библиотеку ратуши, чтоб еще раз перечитать статью Циолковского.

Домой вернулся поздно, отец и сестры уже легли спать. Няня, чтоб никого не беспокоить, собрала ему ужин на кухне. Поужинав, Фридрих поднялся наверх, в свою комнату. Он любил перед сном почитать или сделать запись в дневник. Сегодня ничего значительного не произошло, и он, улегшись под одеяло, поближе подвинул лампу и от-

крыл томик Чехова. «Шило в мешке» развеселило его. Он потушил лампу и быстро заснул.

Ему снилось детство. Мать и сестренки качались в гамаке, а он, совсем маленький, играл в траве... Вдруг послышались выстрелы, задребезжали стекла окон. Фридрих закричал и открыл глаза. Было темно, стекла не дребезжали, но выстрелы слышались так явственно, словно стреляли где-то рядом. Фридрих приподнялся, прислушался: выстрелы доносились со стороны центральной тюрьмы. Перед глазами встал январский расстрел. Фридрих вскочил, оделся, стал прислушиваться. Выстрелы постепенно утихли. Начало светать... «Пожалуй, я уже не усну»,— подумал Фридрих и, накинув куртку, вышел в сад. Спустился по главной аллее к калитке и вдруг увидел, что кто-то перемахнул через забор и затаился в кустах.

«Неужели вор?» — подумал Фридрих и попятился, соображая, как и что следует делать.

— Цандрик, это я! — послышался шепот из-за куста. «Кто-то из реалистов,— подумал Фридрих,— так меня звали только в училище». — Он шагнул к кустам и увидел сидящего на траве Яниса Кудзиня, с перевязанной ногой.

— Янис?

— За мной гонятся, Фридрих... если можешь — помоги! — прошептал Янис.

Фридрих протянул ему руку:

— Здесь в горе есть небольшая пещера. Мы детьми в ней играли. Она заросла. Никто нас не увидит. Идем!

Янис шел, волоча левую ногу.

— Вот тут, за кустами.

— Вижу, спасибо! — Янис раздвинул кусты и спрятался.

В калитку громко застучали:

— Открывай! Полиция!

Фридрих подошел, открыл калитку. Двое полицейских, оттолкнув его, побежали по аллеям, осматривая кусты. К калитке, в коляске на вороной лошади, подкатили околоточный и пристав. Пристав спрыгнул первым и, войдя в сад, остановился перед Фридрихом, взял под козырек:

— Не видели, сюда никто не забежал?

— Калитка была закрыта.

— Могли через забор!

— Нет, не видел... Впрочем, я только вышел из дома... Наши еще спят...

Из боковой аллеи, стуча каблуками, выскочили двое полицейских, вытянулись перед приставом:

— Ваше высокоблагородие! Обшарили весь сад — никого нет! Дозвольте обыскать дом?

— От-ставить! — приказал пристав и махнул рукой.

Полицейские юркнули в калитку.

— Извините, что побеспокоили, господин Цандер. Служба...— Пристав приложил два пальца к козырьку и, повернувшись, вышел.

Когда цокот копыт и шаги полицейских утихли, Фридрих запер калитку, осмотрелся и подошел к пещере:

— Янис, вылезай — ушли!

Янис вылез, отряхнул прилипшие сухие листья, крошки земли, протянул руку:

— Спасибо, Фридрих! Ты меня спас. Можно мне тут побыть до вечера?

— Пойдем в дом — тебе надо перевязать ногу.

— А никто не увидит?

— Наших не бойся — они не выдадут... Обопрись на меня, и пойдем.

Янис положил руку на плечо Фридриха и, морщась от боли, поковылял к дому.

По черной лестнице они поднялись на второй этаж. Янис сел на стул и стал платком вытирать пот. Фридрих спустился к отцу.

Артур Константинович уже позавтракал и собирался ехать на службу.

— А, ты уже встал! — удивленно воскликнул он, увидев Фридриха.

— Папа, я знаю, ты не одобряешь революционеров... Но тот человек, что спас меня зимой, теперь здесь и нуждается в твоей помощи.

— Он ранен? — насупился отец.

— Кажется, да...

— Кто-нибудь видел, как он пришел?

— Нет, еще было темно...

— Хорошо, иди к нему — я сейчас поднимусь.

Фридрих, войдя в комнату, приложил палец к губам. Оба слушали, как отец мыл руки, собирал инструменты и, тяжело ступая, поднимался по лестнице.

— Ну-с, здравствуйте, молодой человек! Покажите-ка, что у вас за царапина? — стараясь быть приветливым, начал Артур Константинович.

Янис поднял штанину, снял намокшую кровью повязку.

— Однако! — покачал головой старый доктор.— Фридрих, немедленно сюда таз с теплой водой, спирт, йод, бинт!

Фридрих бросился вниз и мигом доставил все необходимое.

Промыв и забинтовав рану, старик вместе с Фридрихом уложили больного в постель.

— Сейчас вам дадут поесть, потом примите вот это лекарство и — спать!.. Вечером, если все будет хорошо, Фридрих отвезет вас в моей коляске домой или куда скажете... Будьте здоровы!

Старик кивнул, взял саквояж с инструментами и вышел из комнаты...

— У тебя славный отец, Фридрих.

— У тебя тоже! Передай ему от меня сердечный привет.

— Спасибо, но едва ли смогу... Отец четыре месяца был в тюрьме, а сейчас вынужден скрываться...

— Его выпустили?

— Освободили рабочие сегодня ночью. Ты слышал стрельбу?

— Да. Стреляли здорово.

— Это рабочая дружина напала на тюремную охрану, чтоб освободить приговоренных к смертной казни.

— Неужели удалось спасти?

— Да, освободили всех, в том числе и отца.

— Молодцы! Тебя там и ранили?

— Да. Я ведь теперь работаю на заводе и был вместе с товарищами...

— А почему за тобой гнались уже утром?

— Шел к другу, в Задвинье, а городовой увидел кровь на брюках и бросился меня ловить, засвистел. А тут поблизости — участок. За мной—погоня... Хорошо, что юркнул в переулок и махнул за забор к тебе...

— А я словно предчувствовал... проснулся рано и вышел погулять.

— Да, спасибо! Если б не ты — меня бы схватили и, очевидно, повесили. Мы много побили охранников...

Вечером старик Цандер осмотрел больного и сказал, что все хорошо. Когда совсем стемнело, Фридрих отвез его в Московское предместье, к «Тетке»...

На другой день в городе началась всеобщая забастовка. Поезда и трамваи не ходили, газеты не вышли. Фридрих пошел в институт пешком и изрядно опоздал. Однако когда он подошел к зданию института, там толкались и шумели студенты, кто-то говорил речь. На дверях висело извещение:

«Дирекция Политехнического института уведомляет господ профессоров и студентов, что из-за неповиновения многих студентов установленному порядку, по распоряжению его превосходительства генерал-губернатора — институт закрыт до особого распоряжения».

Второй месяц бурлила Рига. То там, то тут вспыхивали забастовки, стачки, митинги. Бастовали не только заводы, транспорт, но и многие учреждения. Трамваи ходили с перебоями, а то и вовсе стояли; театры не работали, институт по-прежнему был закрыт. Одни иногородние студенты разъехались по домам, другие ходили по заводам и фабрикам, выступали на сходках и митингах, призывали к восстанию.

В городе по ночам расклеивались прокламации и воззвания, призывавшие к сплоченности, к организованной борьбе за свободу, за свержение самодержавия. Под воззваниями стояла подпись: «Рижский комитет РСДРП».

Обыватели по вечерам крепко запирали двери и спать ложились со страхом и молитвой.

Богатые студенты больше отсиживались по домам, пили, резались в карты.

Фридрих первое время аккуратно ходил в институт, справлялся: не начались ли занятия, но в конце концов — бросил.

Братья и отец тоже большую часть дня сидели дома. Сновали из угла в угол в гостиной, спорили о событиях в городе, нервничали... Фридрих закрывался в своей комнате и пытался размышлять над ракетой, делать наброски расчетов полета на Марс и Венеру, но доносившиеся снизу раздраженные голоса не давали сосредоточиться. Он вскакивал и сердито ходил по комнате. «Нет, чтобы что-то обдумать — нужно душевное спокойствие. Нужна тишина...» Фридрих выходил в сад, но и там было невесело: деревья оголились и в них свистел ветер. Фридрих снова закрывался в своей комнате и читал, читал до отупения. Читал все, что попадало под руку, лишь бы забыться.

Иногда ему приходила мысль отыскать Яниса Кудзиня и сказать, что он готов бороться вместе с ним, что ему осточертела такая жизнь. Но Фридрих безнадежно махал рукой: «Какой из меня боец за свободу, я буду лишь путаться под ногами...»

В воскресенье вся семья обедала дома. Отец на этот раз оказался в хорошем настроении. Охотно разговаривал, расспрашивал сыновей о событиях в городе, даже шутил.

Фридрих ел молча, думая о чем-то своем. Он, как самый младший, больше всего беспокоил отца.

— Послушай, Фридрих, ты совсем превратился в улитку. Целыми днями сидишь в своей комнате, как в раковине.

— Что же мне, прикажете играть в карты? — обидчиво спросил Фридрих.

— У тебя пока есть теплый уютный дом и средства, чтобы учиться.

— Но ведь институт закрыт!

— Я ужинал вчера у адвоката Оттеля. Их младший, кажется, твой однокашник?

— Да, Виктор учится со мной.

— Так вот, он и еще несколько студентов из Политехнического собираются в Цюрихский университет... Почему бы тебе не махнуть с ними? А? Деньги я дам... Ведь из-за этих забастовок может пропасть год...

— Не знаю, папа... Это так неожиданно...

— Поезжай, сынок, я сам когда-то мечтал учиться в Цюрихе. Это один из лучших университетов в Европе.

— Там же нет механического факультета?

— Что за беда! Поступишь на физический. Главное — получить знания и диплом!

— Я бы почел за большое счастье!.. — вздохнул кто-то из братьев.

— Спасибо, папа... Я готов!.. Только, наверное, уже поздно?

— Оттель обещал все устроить. Иди к себе и собирайся...

В понедельник вечером к Фридриху поднялся отец. Глаза его теплились радостью, а брови хмурились, чтоб приглушить ее.

— Папа! Ну, что? Что сказал Оттель?

— Все улажено. Завтра тебе надо взять документы и передать их Виктору для отца. Иди, он ждет тебя в гостиной...

Упитанный, круглолицый, с аккуратным пробором в черных прилизанных волосах, Виктор, развалясь в кресле, курил сигару.

— А, Фридрих! — обрадовался он и, привстав, протянул белую, холеную руку. — Ну, мы берем тебя в компанию. Едут Басов, Мюллер, я и еще четверо, которых ты не знаешь. Все — отличные парни!

— Думаешь, нас примут?

— Не беспокойся. У меня дядя в Цюрихе. Списались. Он обещал похлопотать.

— А когда ехать?

— Через три дня. Завтра нужны твои документы и прошение на имя губернатора. Ты доволен?

— Даже не знаю... так это неожиданно.

— Чудак! Ведь Цюрих — Европа! Это надо понимать! Эх и заживем мы там.— Оттель поцеловал кончики пальцев и, закатив глаза, вальяжно развел руками.—Мечта-с!..

В субботу, днем, в порту собралась большая группа провожающих. Тут были и молодые люди, и барышни, и старики — родители. Студенты расположились в каютах второго класса. Прощанье было шумным, веселым. Пили шампанское, кто-то играл на гитаре.

Пароход отошел от берега, и на палубе грянула песня:

Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать земли вращенье;
Зачем, бедняга, не напился?
Тогда бы не было сомненья!..

Фридрих стоял чуть поодаль и, слушая залихватскую студенческую песню, с грустью смотрел на уплывающую Ригу. Будущее рисовалось ему весьма смутно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Море штормило. Только на третьи сутки пароход пришел в Штеттин. Там веселая ватага пересела в поезд. Подъезжали к Цюриху. Студенты сгрудились у окон. Вдалеке, в утренней дымке, прорезались высокие горы. Они

казались то серовато-лиловыми, то голубовато-бурыми с глубокими темными впадинами. А когда поезд поворачивал — играли желто-розовыми бликами, ослепительно сверкали снежными вершинами.

Поезд петлял. Горы то словно отодвигались и тонули в дымке, то вдруг призрачными утесами нависали над самым поездом.

Но вот показалось плоскогорье, потянулись зеленые холмы, сверкнула на солнце лазурная гладь озера.

Над озером, в купах пожелтевших и побуревших деревьев, замелькали красные черепичные крыши домов, белые причудливые виллы.

После завтрака в отеле все пешком направились в город. Решено было начать осмотр с верхней части нового города, расположенной на пологом склоне горы Цюрихберг, где находились университет и политехникум. Было задумано все осмотреть, поговорить со студентами, собрать необходимые справки об этих заведениях и уже тогда принять окончательное решение.

Крутая опрятная улица с белыми домами в два-три этажа, с красными черепичными крышами вывела па широкую площадь. В цветистой зелени молодого сада возвышались массивные здания университета.

Облюбовав в саду белую удобную скамейку, тучный Басов завалился на нее, облегченно вздохнув:

— Однако жарко, господа. У-х! Вы осматривайте университет, а я посижу здесь.

— Мы пойдем выше, к политехникуму,— воскликнул Мюллер,— вон белое здание виднеется за деревьями!

— Нет, господа, увольте,— я не пойду. Меня вполне устраивает университет. Я одинаково согласен быть физиком, врачом или математиком, лишь бы не таскаться в гору.

Все расхохотались и, оставив Басова в саду, побрели вверх по тенистой ступенчатой панели...

Новое светлое здание политехникума, отделанное белым камнем, снизу казалось жемчужной короной, венчающей город. И вблизи оно выглядело величественно. С небольшой площадки открывался чудесный вид на город, озеро и далекие горы.

— Господа, как хотите, а я буду учиться здесь! — восторженно воскликнул Мюллер.— Сейчас же иду и подаю прошение.

— И я! И я тоже! — воскликнули двоюродные братья Готинги — чванливые немецкие бароны.

— Все же, господа, надо пойти в дирекцию, навести справки,— озабоченно сказал Цандер.

— Пойдем, Фридрих,— поддержал Мюллер,— а вы, господа, побродите тут, понаслаждайтесь чудесными видами...

Цандер и Мюллер, поговорив с администрацией и студентами, вернулись несколько смущенные. Прием в политехникум давно закончился; и русских студентов, в виде особого исключения, администрация соглашалась принять лишь вольнослушателями.

В отель возвращались невеселые. Однако за обедом, изрядно выпив, все, за исключением непьющего Цандера, пришли в хорошее настроение и отправились на пароходе на прогулку по Цюрихскому озеру. Фридрих отказался от прогулки.

Он долго бродил по набережной. Ему предстояло самому определить свою судьбу. В отель Фридрих вернулся вечером, не запомнив никаких достопримечательностей города, но с твердым убеждением поступить не в политехникум, а в университет, на физико-математический факультет.

2

Утром Фридрих, ища в справочнике «Пансионат для студентов», наткнулся на отель «Цюрих», где они расположились. Оказалось, что номер в отеле с питанием стоил от семи до десяти франков в сутки. «Мы же разорим добрейшего Мюллера»,— подумал он и стал укладывать вещи...

«А не поторопился ли я с решением? Ведь быть вольным слушателем — это отнюдь не то, что быть студентом... Может, съездить в Бауцен, к сестре Елене и посоветоваться с ней? Она учится в Германии и должна знать, в какие немецкие университеты могут принять опоздавшего».

Фридрих отыскал справочник «Высшие учебные заведения Европы». В глаза бросилась гравюра величественного здания времен Возрождения: «Данцигское королевское высшее техническое училище».

«Странно. Как же я раньше не знал об этом училище? А, оно недавно открыто... Так, интересно. Готовит техни-

ческих специалистов для судостроения... Ускоренный, двухлетний курс обучения... Приглашены лучшие профессора из Берлина, Вены, Цюриха. Да, и главное — рядом с Ригой. Стоит подумать, стоит. Училище существует всего второй год, очевидно, в него легче попасть. Что же делать? Прежде всего, время не ждет. Отец не одобрит «вольное слушанье». Да и я — не одобряю... Значит — еду в Данциг!»

Вечером Фридрих распрощался с друзьями, а утром уже был в поезде. «Среду проведу в Бауцене у сестры, а в пятницу буду в Данциге и в тот же день постараюсь подать прошение в училище».

Данциг чем-то напоминал Ригу и, может быть, поэтому сразу пришелся Фридриху по душе.

Он, подобно Риге, располагался на берегу большой реки Вислы, напоминал Ригу древними церквами, старинными постройками: в нем, как и в Риге, тоже был свой Старый город, с узкими кривыми улицами. Даже здание королевского Высшего технического училища было похоже на здание Рижского политехнического института с тремя выступами по фасаду и большими окнами в три этажа. Правда, высокая крыша с узорными фронтонами и причудливая ленка придавали ему номнезный вид.

Осмотрев город, Цандер поехал в училище. От студентов, толпившихся в вестибюле, он узнал, что здесь учатся немцы, поляки, евреи, латыши. Преподавание ведется на немецком языке и что, действительно, приглашены профессора из лучших европейских университетов.

Цандер попал к проректору и получил заверение, что он будет принят, но процедура оформления займет не меньше месяца.

Получив разрешение на посещение лекций на правах вольного слушателя, Цандер, веселый и ликующий, направился подыскивать квартиру.

Ему вспомнилось, что в Цюрихе он видел табличку: «Пансионат для студентов». «Очевидно, и здесь есть подобные заведения»,— подумал он и стал бродить в предместье Лангфур, вблизи училища.

Было зябко: с моря дул влажный холодный ветер. Цандер, подняв воротник и ежась от холода, уже собирался в отель, как вдруг его остановили двое студентов.

— Вы что, комнату ищете, коллега?

— Был бы очень признателен. Я ищу недорогой пансионат.

— Вы из технического?

— Будущий студент... еще не зачислен... я из Риги...

— Вон на горке двухэтажный дом с мезонином. Это пансионат мадам Зольберг. Там хорошо и недорого.

Цандер поблагодарил и стал подниматься по каменной лестнице.

Хозяйка пансионата, фрау Зольберг — полная приветливая дама,— провела его в уютную гостиную с камином, где стоял большой стол. Гостиная одновременно служила и столовой. Затем поднялась с ним на третий этаж в мезонин и распахнула двери небольшой опрятной комнаты с железной кроватью, столом для занятий, шкафом и двумя старомодными креслами:

— Вот, если угодно, эта комната к вашим услугам.

— Простите, а какова цена?

— С полным пансионом и стиркой белья — тридцать марок в месяц.

— Благодарю вас, фрау Зольберг, эти условия меня устраивают.

Фридрих заплатил за месяц вперед и, взяв извозчика, перевез свои вещи.

В тот же день в Ригу была отправлена телеграмма:

«Приступил к занятиям. Все отлично. Скоро буду зачислен студентом в Данцигское королевское высшее техническое училище. Целую. Фридрих».

Отпустив младшего сына в Швейцарию, доктор Цандер почувствовал себя совсем одиноко. Собственно, его одиночество началось давно, еще со смертью жены, которую он горячо и нежно любил. Сейчас, когда старшие дети выросли и отделились, шумный дом Цандеров опустел. А тут еще уехал Фридрих...

Артур Константинович, приезжая со службы, первым делом спрашивал у няни: нет ли телеграммы от Фридриха? И, получив отрицательный ответ, долго ходил по пустым гулким комнатам или закрывался в своем кабинете.

Он уже не раз упрекал себя за то, что отпустил Фридриха в такую даль. «В сущности, он еще совсем юноша, не имеющий никакого жизненного опыта. Нигде не был, ничего не видел. Переждал бы здесь «смутные» дни и,

глядишь, спокойно бы кончил курс. А теперь что? Да... Это Оттель меня подбил. «Пусть едет с Борей — они товарищи, однокашники». А этот Боря старше Фридриха почти на пять лет. Учился в Петербурге, но был выгнан за кутежи. Учился в Киеве — и тоже не прижился... Как же я отпустил с ним Фридриха?..»

В четверг Артур Константинович приехал со службы раньше обычного и, узнав, что телеграммы нет, прилег в кабинете — у него побаливала поясница. Прилег и уснул.

Его разбудил резкий незнакомый звонок. Он слышал, как няня, шаркая тяжелыми калошами, прошла на крыльцо и спросила: «Кто там?»

— Телеграм-ма! — отозвался зычный голос.

Это слово заставило старого доктора вскочить и поспешить в переднюю. Он расписался в книге, дал почтальону полтинник и дрожащими руками развернул бланк.

— Ну что, барин, от Фридриха? — с радостной дрожью в голосе спросила няня.

— От него. Все хорошо. Но позволь... Он очутился в Данциге и подал прошение в королевское Высшее техническое училище. Странно... Впрочем, жив-здоров, а это — главное! Ставь самовар, старая,— сегодня у нас праздник!..

Прошел год. Профессор Зоммер, преподававший математику, покорил Цандера.

Фридрих никогда и не предполагал, что математикой можно увлекаться до самозабвения, что эта одна из древнейших и точнейших наук таит в себе так много заманчивого и неведомого!..

Математика вернула его к заветной мечте — мечте о полетах в мировое пространство.

Отыскав в библиотеке «Научное обозрение» со статьей Циолковского, Фридрих вновь проверил его расчеты и даже стал делать выкладки о полете космического корабля на Луну.

За этими, казалось бы фантастическими, расчетами он отдыхал душой, отдавал им все свободное время.

«Кончу курс в Данциге и вернусь в Россию. Только Россия, эта отсталая, но могучая страна, может стать родиной мировых кораблей...»

Весной, когда приблизилась пора выпускных экзаменов, пришла телеграмма из Риги: «Отец при смерти, выезжай немедленно».

3

Поезд пришел в Ригу днем. Фридриха никто не встретил. Он догадался, что дело плохо, и, наняв извозчика, погнал в Задвинье.

Велев извозчику ждать, он выскочил из пролетки и через сад побежал к дому.

На звонок вышла старая няня Матвеевна с заплаканными глазами.

— Ой, Фридрих, слава богу, что ты приехал. Скачи в городскую больницу — может, еще застанешь в живых... Все с утра там...

Сбросив чемоданы в саду, Фридрих, пообещав извозчику на водку, велел гнать как можно быстрей.

Старый доктор умирал в отдельной палате с маленькой передней, где сидели и толпились изнуренные бессонными ночами дети, родные, друзья.

Запыхавшегося, бледного Фридриха кто-то взял за руку и повел прямо в палату:

— Иди, иди, Фридрих, он тебя зовет.

Отец лежал на высоких подушках и неподвижными, подернутыми дымкой глазами смотрел на дверь. Около него сидела сестра и стоял старичок-доктор.

Узнав Фридриха, больной, с усилием приподняв белую, высохшую руку, указал на стул.

Фридрих бросился к этой бледной руке, поцеловал ее и сел, боясь взглянуть в страшное, неузнаваемое лицо отца.

— Хочу... хочу, чтобы учился здесь. Хочу, чтобы инжене... инже-не... иди!

Отец бессильно махнул рукой, Фридрих, бросив прощальный взгляд на отца, выбежал в коридор и, опустившись на белый деревянный диванчик, приглушенно зарыдал...

Больничная ночь тянулась в тревожном оцепенении: все сидели у белой двери.

Старичок-доктор Артур Артурович и сестра Мильда дежурили в палате. Больной словно бы отходил.

К утру стоны прекратились.

Измученный бессонными ночами доктор присел на стул у кровати, и его седая голова с клиновидной бородкой начала медленно клониться на грудь. Он всхрапнул

и тут же испуганно открыл глаза. Сквозь очки взглянул на больного, тускло освещенного желтоватым светом настольной лампы и голубым, чуть брезжившим светом дня.

Больной лежал по-мертвецки: глубоко вдавив голову в подушку, приподняв крупный заострившийся нос.

«Кажется, конец»,— с горестью подумал доктор (Цандер был его другом с университета) и взял мертвенно-бледную руку больного. Рука была еще теплой. Он стал прощупывать пульс и ощутил слабые, но четкие удары.

«Что такое? Неужели от бессонницы обостряется ощущение? Ведь вчера пульс прощупать было почти невозможно». Он сдвинул на лоб очки и взялся поудобнее. Больной вдруг открыл глаза и очень явственно сказал:

— Пить!

Сестра с ложечки дала ему клюквенного настоя.

— Спасибо! — прошептал больной.— Я хорошо спал.

Доктор удивленно взглянул на сестру и глазами указал на больного.

Та поняла и, взяв полотенце, осторожно отерла выступивший на лбу пот.

Тот благодарно улыбнулся.

— Тебе лучше, Артур? — спросил доктор.

— Да... А где Фрид... хочу его...

Позвали Фридриха. Он пришел и сел на место доктора у кровати.

— Дай руку,— сказал больной чуть слышно.

Фридрих взял его худую, влажную руку в свои.

— Хорошо, сынок... Спасибо, что приехал. Теперь я поднимусь.

С этого дня здоровье старого Цандера стало улучшаться. Доктор Артур Артурович, смущенно и радостно улыбаясь, разводил руками:

— Ничего не могу понять, обреченный встает из могилы...

Недели через две больному было разрешено вставать, а через месяц его перевезли на Рижское взморье. Он пожелал, чтобы Фридрих жил с ним...

Целебный морской воздух подействовал благотворно. К концу лета старый Цандер совершенно поправился, перебрался в город и стал снова ездить на службу...

Подошло время Фридриху ехать в Данциг. Однако у него из головы не выходили слова отца, сказанные на смертном одре: «Учись здесь... стань инженером». Он бо-

ялся, что разговор о Данциге может вызвать новый сердечный приступ... «Может, отец забыл о своем желании или передумал? Впрочем, теперь, когда возобновились занятия в Риге, меня не очень тянет в Данциг».

Однажды, когда отец вышел в сад подышать свежим воздухом, Фридрих подсел рядом на скамейку:

— Папа, я бы хотел с тобой поговорить. Можно?

— Уж не собираешься ли снова в Данциг? Хочешь бросить отца-старика?

— Нет, напротив, я хочу опять поступить в наш Политехнический.

— Благое дело, сынок. Я знал, что ты поступишь благоразумно,— обрадовался отец,— иди и подавай прошение. Тебя тут помнят и любят...

4

Цандеру не зачли ученье в Данциге и приняли снова на первый курс. Он считал это несправедливостью. Учился без увлечения, пропускал многие лекции, проводя это время в библиотеке. Так прошли последние месяцы девятьсот седьмого года.

После рождественских каникул стали читать новые предметы, и у Фридриха опять возник интерес к занятиям. Правда, на лекции по математике он по-прежнему не ходил, потому что отлично знал ее. Однако технические дисциплины изучал старательно и увлеченно.

Зима была промозглая, гнилая. Снег выпадал и снова таял. Дули пронзительные влажные ветры. На улицу люди выходили лишь при крайней нужде.

Но однажды утром Фридрих проснулся и увидел на крышах снег. Он подбежал к окну. Весь сад был запушен: снег лежал на земле, на ветвях, на прошлогодних, еще не опавших листьях; и ни малейшего дуновенья ветерка.

— Наконец-то, наконец-то настоящая зима! — радостно воскликнул он и, быстро одевшись, побежал вниз, достал из чулана лыжи, натер их парафином.

— Фридрих, разве ты сегодня не пойдешь в институт? — спросила Матвеевна.

— Первые два часа математика, мне разрешено не посещать. Хочу прокатиться на лыжах.

— Вначале выпей кофе. Завтрак давно готов.

— Сейчас, сейчас! — весело крикнул Фридрих и побежал к себе в комнату.

Спустился он в толстой вязаной фуфайке и теплой шапочке. Выпил наскоро кофе и, взяв лыжи, вышел на тихую улицу, где уже была проложена лыжня...

Часа через полтора вернулся розовый, сияющий.

Няня давно не видела его таким. Она обрадовалась и, положив ему в портфель кулек с пирожками, проводила в институт.

Только Фридрих разделся и поднялся в вестибюль, как раздался звонок, из аудитории высыпали студенты. По лестнице вниз шел белокурый высокий парень, неся какое-то крылатое сооружение, похожее на самолет.

— Послушайте,— остановил его Фридрих,— что за модель у вас? Новый самолет?

— Нет, это аэролет!

— Аэролет? Я не слыхал... Кто же его изобрел?

— Собственно, это еще только проект... Причем весьма примитивный... А вы что, интересуетесь воздухоплаваньем?

— Меня больше увлекает проблема межпланетных перелетов.

— Вот как? — удивился белокурый. — Вы на каком факультете?

— На механическом.

— И я тоже! Давайте знакомиться.— Белокурый протянул крепкую широкую ладонь. — Стрешнев! Андрей Стрешнев!

— Фридрих Цандер!

— Как же я вас не знаю? Вы на каком курсе?

— Собственно, я поступил еще в пятом, но после закрытия института учился в Данциге... Теперь снова на первом.

— А я на втором. Рад познакомиться. Я знаю человека, который первым поднял вопрос о межпланетных перелетах.

— Циолковского?

— Да. Вы слышали о нем?

— Как же. Читал и изучал его статью.

— А мы с ним живем в Калуге и, можно сказать, друзья.

— Что вы? Это удивительно...

Резко задребезжал звонок.

— Ах, как жалко... У вас много еще лекций?

— Две.

— И у нас две. Отлично! Тогда после лекций встретимся здесь. А сейчас я бегу — надо отнести аэролет.— Стрешнев кивнул Цандеру и побежал вниз...

Пока шли занятия, падал пушистый снежок. Было безветренно, тепло.

Стрешнев и Цандер вышли из института и, не сговариваясь, пошли парком вдоль канала. Один высокий, широкоплечий, с буйными русыми вихрами, бьющими из-под синей студенческой фуражки, второй — пониже ростом, худенький, с бледным одухотворенным лицом.

— Разрешите вас называть Андреем? — спросил Фридрих, заглянув в ясные и добрые глаза Стрешнева.

— Только так!.. А вас Фридрих?

— Да... Вы извините, Андрей, что на перемене в спешке я не спросил о вашей модели. Не сочтите это за невнимание или невежливость.

— А, пустое... А вы хотите знать о ней?

— Очень хочу... Модель ваша не похожа на модели известных самолетов.

— Я, видите ли, хотел объединить в ней дирижабль и самолет.

— Оригинально! Кто же видел вашу модель и как отзываются?

— Наши профессора еще не высказали своего мнения, а Циолковский похвалил.

— Правда? Это должно вас воодушевить. Я ночи не спал, когда познакомился с его статьей о ракете... А кто он — ученый инженер?

— Да нет, Константин Эдуардович занимает скромную должность учителя городского училища.

— Невероятно! Я сам проверял его расчеты... Он не просто высказал идею, он дал теоретические обоснования.

— Это необыкновенный человек! Я согласен с вами, Фридрих, но в жизни он очень прост и скромен.

— А что, он продолжает работу над ракетой?

— Нет, он сейчас увлечен дирижаблями. Строит модели цельнометаллических дирижаблей.

— Это интересно. Дирижабли завоевывают признание. За границей много пишут о немецких цеппелинах. Я сам видел, как цеппелин прилетал в Ригу.

— Говорят, правительство закупает в Германии несколько цеппелинов для военных целей. У нас в Риге начали строить для них огромные ангары.

— Где же?

— Около вокзала, на опытном поле, разве вы не видели?

— Нет, я даже не слышал... Андрей, знаете что... Мне так о многом надо с вами поговорить, а снег все идет и идет... Поедемте ко мне, я живу недалеко, в Задвинье.

— Право, не знаю... может, зайдем в кафе — очень хочется есть.

— У меня есть пирожки,— спохватился Фридрих и, открыв портфель, достал кулек.— Вот, угощайтесь.

— Спасибо, не откажусь.

Подкрепляясь на ходу, они подошли к трамваю и в вагоне продолжили разговор.

— А вы, Фридрих, мечтаете о создании ракеты?

— Да, мечтаю... Даже ищу единомышленников и товарищей — это дело не по плечу одному.

— Согласен. Даже Циолковский не мог добиться поддержки.

— В Риге много крупных промышленников. Если заинтересовать их — можно надеяться на успех... Я считаю, что мы, студенты, должны быть проводниками новых, смелых идей.

— Конечно. А вы пробовали, Фридрих, что-нибудь делать практически?

— Я в Данциге учился на математическом и потому делаю некоторые расчеты.

— Господа, последняя остановка! — объявил кондуктор.— Дальше трамвай не пойдет.

— Мы проехали, ну да не беда, тут тоже близко...

Поужинав вместе с новым другом на кухне, Фридрих увел Андрея в свою комнату, и они продолжили прерванный разговор.

— Самолеты братьев Райт еще очень несовершенны,— говорил Стрешнев. — Они не могут долго держаться в воздухе. Вот я и предлагаю аэролет. Он во много раз меньше, а следовательно, и дешевле дирижабля, и более безопасен, чем самолет.

— Идея мне нравится,— чистым, мягким голосом отвечал Цандер,— но могут быть большие трудности при по-

стройке такой машины. Ведь аэролет будет лететь благодаря двигателю внутреннего сгорания!

— Да, разумеется.

— Но баллонеты с газом ведь могут взорваться от одной искры?

— Все предусмотрено, Фридрих, они будут надежно защищены. Я объяснял Циолковскому и убедил его. Дай листочек бумаги, я нарисую.

— Нет, нет, зачем же? Потом посмотрю модель.

— Конечно. Там все наглядно... Теперь ты расскажи, Фридрих, над чем работаешь.

— Я в Данциге очень серьезно занимался математикой и сейчас увлекаюсь расчетами траекторий полетов мировых кораблей на ближайшие планеты.

Цандер достал из ящика стола клеенчатую тетрадь, испещренную цифрами:

— Вот взгляни.

Стрешнев полистал, прочел несколько заглавий над расчетами.

— Ты рассчитываешь влияние гравитационных полей?

— В этом и сложность расчетов. Ведь притяжение Солнца, Венеры, да и самой Земли окажет огромное влияние на полет корабля.

— Да, все не просто, Фридрих. Однако об этом еще рано думать, поскольку не разработан и не построен сам корабль.

— Для этой цели должны объединиться мы — студенты.

Беседа затянулась за полночь. Оба сходились на одном: надо объединяться. Надо общими усилиями искать пути к развитию воздухоплаванья, и в будущем — полетов в мировое пространство.

Старый доктор, проснувшись ночью, долго прислушивался к приглушенным голосам и тяжелым шагам вверху. Потом накинул халат и, подойдя к комнате няни, тихонько постучал:

— Матвеевна, не знаешь, кто там у Фридриха?

— Товарищ, студент у него ночует... Еще за ужином начали разговор и никак не угомонятся.

— Не про политику?

— Нет, научное что-то...

Старик взглянул на часы и, зевнув, побрел к себе в комнату...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Дружба возникла стихийно. Как два горных потока, попадая в одно русло, образуют стремительную реку, так и они, в одну ночь распахнув друг перед другом свои души, выплеснув самые сокровенные мысли, сошлись, скрестив в рукопожатии молодые руки, поклялись идти вместе по тернистой дороге. Цель была определена четко: посвятить свою жизнь воздухоплаванию и осуществлению дерзновенной мечты человечества о полете в иные миры.

Фридрих был счастлив, что нашел единомышленника и друга, доброго, мыслящего, смелого и скромного малого, в котором не было ни высокомерия, ни заносчивости, ни чванливости, присущих многим из его товарищей по Цюриху.

Стрешнев пришелся по душе и старому доктору, и братьям Фридриха. Он стал запросто бывать в доме Цандеров и частенько оставался ночевать.

Как-то ночью, когда в доме все улеглись спать, Фридрих извлек из-за книг запылившуюся тетрадь, и, встряхнув ее, протянул Стрешневу:

— Вот, Андрюша, работа, которую я никак не могу кончить.

Стрешнев поднес к лампе серую тетрадь и прочел вслух:

— «Мировые корабли, которые должны сделать возможным сообщение между звездами».

Андрей взглянул на друга.

— О звездных кораблях? Интересно! Ну, давай же почитаем.

— Нет, Андрей, нет! Не сейчас... Я хочу, чтобы ты взял эту тетрадь с собой и прочитал один. Мне важно знать, что ты скажешь... Все это надо читать одному, с карандашом в руках, ведь там сплошные расчеты.

— Спасибо, Фридрих, ты меня удивил. Право, не предполагал... Оказывается, ты давно над этим думаешь.

— А ты? Где твой аэролет? Сколько раз обещал привезти?

— Я уже начал в нем разочаровываться...

— Мы же друзья. Чего стесняешься? И ты же обещал.

— Все как-то не решался... хотя привез.

— Что? Он здесь?

— Я его спрятал под лестницей...— потупясь сказал Андрей.

Фридрих схватил бронзовый подсвечник, зажег свечу и вышел из компаты. Скоро он вернулся с аэролетом и бережно поставил его на стол.

— Почему, почему, Андрюша, ты спрятал его под лестницей?

— Профессора сказали, что это пустая затея.

— Они не авиаторы и не конструкторы. Их оценка может быть ошибочной. Я больше верю Цполковскому, хотя он и не профессор. А ну, давай, посмотрим вместе.

Фридрих отошел от стола, чтобы охватить взглядом всю модель. Она была похожа на маленького белого кита, которому приделали небольшие крылья, увенчали пропеллером и укреплп под животом колеса.

— Из чего должна быть сделана твоя машина? — спросил Фридрих.

— Из металла. И лучше всего — из алюминия... Тут я взял идею Циолковского о цельнометаллпческом дприжабле. У меня тоже баллонеты с газом будут в металлическом корпусе, чтоб избежать взрыва от случайной искры из выхлопной трубы.

— Понимаю... Двигатель и кабина авпатора расположатся в носовой части?

— Да. А баллонеты будут и в корпусе аэролета, и в его крыльях.

Фрпдрих задумался. Потом подошел к столу и осмотрел модель со всех сторон.

— Знаешь, Андрюша, я вижу в твоем проекте одпо замечательное достоинство. Аэролет, еслп его удастся пзготовлять так же, как самолеты, может избавить авпаторов от бесчпсленных катастроф.

— Да, копечпо. Тут полет и спуск будут более безопаспы.

— А какова же проектная скорость?

— Точно не знаю, но полагаю, верст пятьдесят — шестьдесят в час.

— При посадке газ будет выпускаться?

— Да. Баллонеты должны быть снабжены системой клапанов.

— Почему же профессора считают модель неприемлемой?

— Говорят, много возни с подъемом: нужно закачивать газ и вообще — опасно...

— А ты делал вычисления? Пропорции модели соответствуют расчетным размерам?

— Нет, все это очень приблизительно... Я хотел лишь подать идею...

— Давай сделаем расчеты, Андрюша. Мне кажется, в аэролете много металла, а подъемная тяга двигателя весьма ограничена... Возможно, что не совсем точно намечен объем баллонетов?

— Да, конечно, Фридрих, я делал на глаз.

— Сейчас — спать, Андрюша, а завтра воскресенье... завтра займемся расчетами...

Друзья проснулись в девятом часу и, позавтракав вместе со всеми, по совету отца пошли кататься на лыжах.

Вернулись и сразу сели за расчеты.

Андрей искренне дивился, с какой легкостью, как бы играючи, Фридрих управлялся со сложными формулами и уравнениями. К обеду основные расчеты были сделаны, но они оказались не очень утешительными. Объем фюзеляжа надо было увеличивать чуть ли не в три раза. Тогда крылья не могли обеспечить свободного парения. А увеличивать размах крыльев было невозможно — это бы утяжелило вес всей конструкции...

— Да,— вздохнул Стрешнев,— вроде идея и правильная, а осуществить ее невозможно.

— Не огорчайся, Андрюша, большие изобретения не приходят сразу. Главное — нельзя сдаваться и опускать руки.

— Нет, это за мной не водится. Я буду думать. Я буду искать. Искать настойчиво, неустанно, как Циолковский...

Когда Стрешнев ушел, Фридрих, ходивший его провожать, еще долго бродил в завьюженном саду.

«Конечно, идею Андрея можно осуществить, но из аэролета получится не что иное, как модернизированный цельнометаллический дирижабль — очень громоздкое и малоподвижное сооружение. Едва ли оно может заинтере-

совать авиаторов или промышленников. Но в идее соединения двух разных типов летающих приборов есть что-то новое, заманчивое...»

Фридрих присел на скамеечку и, подобрав сухую ветку, стал чертить на снегу что-то вроде схемы.

«Да, пожалуй, аэролет Стрешнева натолкнул меня на отличную мысль. Надо снабдить крыльями не дирижабль, а ракету. Именно! Объединить самолет с ракетой. Прекрасно! Самолет, снабженный мощным двигателем, обеспечит прохождение плотных слоев атмосферы, а потом мы включаем ракету, и ей вполне хватит горючего, чтобы пройти разреженные слои атмосферы и преодолеть земное тяготение. Это отличная идея!

Фридрих бросил ветку и побежал домой, чтобы сделать наброски и предварительные расчеты.

2

Зимние короткие дни промелькнули незаметно. Наступила весна, экзамены и, наконец, долгожданные летние каникулы... Андрей Стрешнев уехал в Калугу, а Фридрих с отцом переселились на Рижское взморье.

Друзья переписывались и с нетерпением ждали дня встречи.

В июле погода на взморье испортилась: задули холодные ветры, и врачи заставили старого доктора вернуться в Ригу. Фридрих, не любивший бездельничать, нанялся репетитором в одну богатую семью.

Андрей Стрешнев все лето отдыхал дома: ходил с отцом по грибы, рыбачил, купался и приехал в Ригу только к началу занятий.

Друзья встретились в институте, расцеловались и поняли, что друг без друга не могут.

После занятий, обуреваемые желаньем поделиться всем, что случилось за лето, они допоздна бродили по городу и, изрядно устав, наняли извозчика и поехали к Цандерам.

Сидя в коляске, Фридрих нет-нет и поглядывал на небо. Оно то прояснялось, то затягивалось тучами. Это его сердило.

— Ты чем-то недоволен сегодня? — спросил Андрей.

— Нет, напротив! Как же я могу быть недоволен, ведь мы снова вместе.

Когда подъехали к дому, темнота сгустилась, небо усыпали звезды, вдали за деревьями показалась луна.

Фридрих повеселел и, увидев в гостиной большой свет, вспомнил, что сегодня именины отца и должны быть гости.

Раздевшись в передней, он провел Андрея в кухню к Матвеевне и, пока они говорили, сбегал к себе за подарком для отца.

Потом они вошли в гостиную, извинились за опоздание и, поздравив старого доктора, остались с гостями...

Когда ужин кончился, отец с доктором Артуром Артуровичем и еще с двумя стариками уединился в своем кабинете. Кто-то из братьев завел граммофон, и начались танцы. Воспользовавшись этим, Фридрих повел Андрея к себе в комнату.

— Пойдем быстрей, я приготовил для тебя сюрприз.

Андрей, войдя первым, остолбенел. Перед распахнутым окном на треноге красовалась, нацеленная в небо, астрономическая труба. Он на цыпочках подошел к трубе, ласково погладил ее и, восторженно улыбаясь, спросил:

— Твоя?

— Моя! Я заработал репетиторством и купил в комиссионном.

Андрей горячо пожал руку друга:

— Поздравляю, Фридрих,— это бесценное приобретение. Поздравляю!

— Спасибо!

— А что, можно в нее посмотреть?

— Конечно. Она отрегулирована.

Андрей приник к трубе и увидел, как в темном небе медленно плывет серебряный шар.

— Сатурн! Сатурн! — радостно закричал Андрей.— Фридрих, ты только посмотри — Сатурн!..

3

Скоро весь институт знал, что Цандер приобрел астрономическую трубу. К нему подходили студенты разных курсов и просили разрешения побывать у него в домашней «обсерватории». Фридрих никому не отказывал.

В звездные осенние вечера у него собиралось человек до пятнадцати студентов. Вели наблюдения за Луной

и планетами, потом пили чай и горячо обсуждали последние достижения в авиации и дирижаблестроении.

На одной из таких встреч, за чаем, когда разгорелся спор о том, чьи самолеты лучше: американские или французские,— Стрешнев застучал ложечкой по стакану.

— Господа, господа, минуточку внимания! Я предлагаю от стихийных споров перейти к полезной деятельности, то есть создать студенческое общество, где бы мы могли обсуждать доклады и рефераты, создавать модели и даже строить новые летательные аппараты.

— Правильно! Давно пора!

— Мы с Фридрихом Цандером даже разработали устав такого общества. Хотите ознакомиться?

— Просим! Просим!

Фридрих достал из стола тонкую ученическую тетрадь и, встав, начал торжественно:

«Устав 1-го Рижского студенческого общества воздухоплаванья и техники полета при Рижском политехническом институте...»

В уставе излагались цели и задачи общества, состоящие в развитии знаний в области теории и практики аэронавтики. Намечалась практическая деятельность членов общества, где, помимо научных прений по докладам, предполагались работы по постройке планеров, моделей аэропланов и других летательных снарядов и аппаратов; проведение различных испытаний и экспериментов.

Общество должно было существовать на средства членов общества, на пожертвования меценатов и субсидии промышленников. Общество должно было иметь собственное или арендуемое помещение для собраний и диспутов, а также свою мастерскую с соответствующим оборудованием.

Далее шли пункты о создании руководящих органов и должностных лиц...

Когда Фридрих кончил читать, все горячо зааплодировали.

Было решено о создаваемом обществе оповестить всех студентов и незамедлительно провести организационное собрание в институте.

— Господа! — снова заговорил Стрешнев.— Прошу на первом рабочем собрании общества обсудить мой реферат. Тема такая: «Два часа двадцать минут в воздухе». О беспримерном полете Уильбера Райта на своем самолете.

— Отлично! Друзья, вносите еще предложения! — крикнул Фридрих.

С дивана приподнялся бородатый студент с четвертого курса — Хомяков.

— Я, если угодно, господа, могу прочесть доклад о дирижаблях графа Цеппелина.

— Отлично! Андрей, запиши.

На этом стихийное собрание закончилось, а примерно через месяц Учебный комитет института на своем заседании утвердил «Устав», и первое «Рижское студенческое общество воздухоплаванья» начало работать.

4

Родители одного из студентов были друзьями Калепа — директора завода «Мотор». Они рассказали Калепу о студенческом обществе и просили его поддержки. Калеп был умным и деятельным предпринимателем. Он нуждался в молодых, ищущих специалистах.

Пригласив студентов к себе, Калеп выделил им мастерскую, оборудование, необходимые материалы и обещал оказывать консультацию и техническую помощь. Обществу было поставлено одно условие: информировать администрацию завода о своих работах.

На первых порах некоторые члены общества хотели строить модели новых самолетов и дирижаблей, а Цандер даже настаивал на разработке модели опытной ракеты.

— Шо модели? Они вроде игрушек,— заговорил, заглушая других, Грицко — мешковатый детина, с обвислыми усиками, в прошлом году переведшийся из Киевского политехнического института.— Я предлагаю зробыть настоящий планер. Маю гарные чертежи.

— Что за чертежи? Откуда они у вас? — спросил Стрешнев.

— Це чертежи разработал профессор Киевского политехнического института Делоне. Ось, они напечатаны в брошюре.— Грицко вытащил из кармана изрядно потрепанную книжицу и развернул ее для обозрения.

После бурных дебатов было принято решение: строить планер. В комиссию по строительству вошло двенадцать человек. Руководителем избрали Стрешнева...

Фридрих жил по соседству с заводом «Мотор» и по вечерам частенько заглядывал в мастерскую. Он не имел навыка в практической работе и ведал «теоретической» частью — строго следил за выполнением чертежей.

Однажды, придя в мастерскую, он застал в ней лишь Стрешнева и Грицко. Оба, сняв тужурки и закатав рукава рубашек, стругали на верстаках планки для крыльев. Оба работали, как заправские столяры.

— Андрюша, ты где же постиг столярное искусство? — удивленно спросил Фридрих.

— Так... помогал Циолковскому.

— Он разве умеет?

— Как же! Циолковский и столяр, и слесарь, и жестянщик, и механик — он все модели и приборы делает сам. У него дома, на Коровинской,— целая мастерская.

— Это якпй такой Циолковский? — бросив строгать, спросил Грицко.

— Изобретатель цельнометаллического дирижабля,— сказал Стрешнев.

— Трошки слыхал... — вспомнил Грицко и опять взялся за рубанок.

— Ты писал, Андрюша, что он увлечен дирижаблями, а как же ракета?

— По-моему, с ракетой заглохло...

— Жаль. А я все время думаю об этом. Пробовал делать расчеты по истечению газов из сопла... продолжаю высчитывать траектории полета воздушных кораблей на Марс и Венеру.

— Это хорошо, Фридрих, но я сторонник реальных дел. Мне думается, надо усовершенствовать самолеты. Меня не оставляет идея об аэролете. Думаю, что надо идти от природы. Вот, возьми рыбу. Почему она так подвижна в воде? Потому что у нее — пузырь с газом. Да. Вот и в самолете должен быть такой непроницаемый пузырь с легчайшим газом. Это сделает самолет более легким, более подвижным и более безопасным в полете.

— Но ты помнишь наши расчеты, Андрей?

— Помню, помню... Они-то и не дают мне покоя... Впрочем — потом, Фридрих, потом, а то Грицко сердится,— и Стрешнев, откинув стружку, начал фуговать брусок...

Весной, перед экзаменами, бесхвостый планер был собран. Его вынесли во двор, положили на спинки стульев.

— Яка ж це птица? — ухмыльнулся Грицко.— Она як сорока бесхвостая... Не полетит! Надо зробыть хвост.

— Был бы хвост, можно бы на планере лететь, как на самолете.

— А кто бы осмелился?

— Та я ж первый бы махнул с кручи,— сказал Грицко.

— Фридрих, ты можешь спроектировать корпус и хвост? — спросил Стрешнев.

— Для равновесия придется делать и носовую часть.

— Нехай нос будэ — это не повредит,— усмехнулся Грицко,— будэмо защита для собственного носа...

Было решено после экзаменов не разъезжаться по домам, а работать над планером.

И вот в июне, когда установилось тепло, новый планер с красными буквами «Пионер» на ломовых дрогах отвезли на Рижское взморье, на обрыв, где море было более глубоким.

На обрыве расчистили узкую, довольно крутую дорожку, по которой можно было бы разогнать планер, снабженный легкими колесами и рулями управления. Землю утрамбовали, а на самом обрыве сделали деревянный настил, в виде небольшого трамплина.

— Ну что, Грицко, ты не передумал лететь? — спросил Стрешнев.

Грицко подошел к обрыву, глянул вниз на песок и море, катящее волны.

— Место доброе! Тут можно быку шею свернуть!

— Может, пустим планер один?

— Не, я полечу, тилько треба швидче разогнать.

— Давайте, друзья, попрактикуемся в разгоне планера,— посоветовал Цандер.

Планер несколько раз разгоняли и сдерживали у самого обрыва.

— Це гарно! — одобрительно сказал Грицко и забрался в планер. Его откатили в конец дорожки, на горку.

— Разгон и пуск по команде, господа! — крикнул Стрешнев.— Приготовиться! Последний рывок будете делать, когда я крикну «пли!».

Самые сильные парни взялись за крылья, а двое, с длинными палками, приладились к хвосту.

Стрешнев отошел к краю обрыва, несколько человек и фельдшера с медицинской сумкой отправил вниз, чтобы в случае беды оказать немедленную помощь.

— Внимание! — раздалась команда.

Грицко взялся за руль и спокойно сказал:

— Я готов, хлопцы.

— Раз, два... Пош-ли!..— крикнул Стрешнев.

Планер рванулся вниз по дорожке, разгоняемый дюжими парнями. Вот он уже у обрыва.

— Пли! — крикнул Стрешнев.

От сильного рывка планер взлетел немного вверх и плавно запарил над морем.

— Ура! Ура! — закричали все, кто был на берегу.

Вдруг резкий порыв ветра рванул планер в сторону, потом накренил на другой бок и круто швырнул в море.

— Ох! — ахнул кто-то на берегу.

Цандер, стоявший на обрыве, видел, что планер врезался в воду. Но тут сильная волна подхватила его, понесла, перевертывая и корежа, и хлестко бросила на песок.

С обрыва было видно, что Грицко барахтается в груде обломков.

Подбежали студенты, что были внизу, подняли его.

Грицко сбросил с плеч сломанные бруски с обрывками парусины и стал ощупывать себя.

— Ну что? Цел, Грицко? — спросил камнем скатившийся с обрыва Стрешнев.

— Як бачите, цел,— выжимая одежду, усмехнулся Грицко,— та нашего геройского «Пионера» больше нема,— разбився насмерть!

5

Девятьсот девятый — был годом сенсаций! 25 июля французский летчик Луи Блерио, на самолете собственной конструкции перелетел Ла-Манш!

Через месяц его соотечественник, Фарман, испытывая самолет своей конструкции, продержался в воздухе три часа пятнадцать минут!

Газеты не успевали сообщать о появлении все новых и новых типов самолетов во Франции, Америке, Англии, Италии.

С девятьсот девятого года авиация, тесня дирижабли, начала стремительное завоевывание планеты.

Ничто так не волновало умы, как бесстрашные полеты авиаторов на «Блерио», «Фарманах», «Фоккерах», «Хавеландах», «Савойях». Газеты всего мира на первых страницах сообщали о беспримерных перелетах, о новых рекордах высоты и дальности. Но портреты героев-авиаторов на страницах газет иногда чередовались с траурными рамками некрологов. Они выглядели зловеще!

Поклонники дирижаблей, выступая против самолетов, потрясали траурными газетами, призывали к благоразумию!

Но опасности и слава манили, влекли неудержимо! Молодые люди рвались в авиаторы. Умы молодых инженеров, изобретателей, студентов были охвачены неуемным стремлением создавать новые, более совершенные летательные машины. В крупнейших городах России стихийно возникали общества воздухоплаванья, частные и общественные школы авиаторов, создавались десятки проектов и моделей новых самолетов.

Военно-инженерное ведомство России всячески отклоняло проекты русских изобретателей, однако и оно вынуждено было закупить французские самолеты и открыть несколько воздухоплавательных школ.

Авиационная лихорадка захватила и Рижское студенческое общество. Доклады, рефераты, диспуты сочетались в нем с работами по постройке и испытаниями моделей самолетов и двигателей.

Душой и вдохновителем общества оставался Фридрих Цандер. Не претендуя на руководящую роль, стараясь оставаться незамеченным, он мимоходом подсказывал интересные мысли, указывал на главные проблемы авиационной техники. Одних он увлекал идеей усовершенствования двигателя внутреннего сгорания, другим советовал заняться проблемой сопротивления воздуха, третьих уговаривал обратить внимание на особенности управления самолетами.

Сам же он по-прежнему думал и работал над межпланетными перелетами. Восторженно был встречен его реферат «О фантастических скоростях ракеты», где доказывалось, что для достижения более быстрого истечения газов из сопла необходимо использовать твердое топливо, ненужные в полете части ракеты.

Фридрих выступал и с шутливой темой: «О весе каната, который висел бы в пространстве между Землей и Луной, притягиваясь к обеим». Под скромным названием

скрывались расчеты о силе земного и лунного притяжения, о тяготении в пространстве между этими планетами...

Как-то в прениях по реферату о бензиновых моторах он обмолвился, что в следующем месяце непременно сделает доклад «о проблемах реактивного двигателя».

Студенты только дивились, когда он успевал делать сложнейшие расчеты и писать свои доклады и рефераты? И лишь в тринадцатом году, когда Фридрих был на предпоследнем курсе, открылась эта тайна. Как-то утром, перед лекциями, в аудиторию вбежал студент-третьекурсник и, подняв клеенчатую тетрадку, закричал:

— Господа! Позавчера в восьмой аудитории кто-то из вас оставил эту тетрадь. Я показывал многим — никто не признается. Понять ничего нельзя — сплошные каракули.

Фридрих поднялся смущенно:

— Это моя!

— На каком же языке вы пишите?

В коридоре раздался звонок.

— Потом, на перемене объясню,— сказал Фридрих и поспешно спрятал тетрадь в стол. Он думал, что о тетради тут же забудут. Однако на перемене его окружили студенты и попросили, что б он показал загадочную тетрадь.

Фридрих достал тетрадь.

— Что за арабские письмена? — загудел староста курса Куприянов, которого в глаза называли «профессором», а за глаза «вечным студентом».

— Это язык марсиан! — отшутился Фридрих.

Куприянов схватил его за лацканы, горячо задышал в лицо хмельным перегаром:

— Признавайся, Цандер, а то бить будем!

— Господа, Куприянов лишен чувства юмора. Право, лишен!

— А я тебя вообще лишу всякой чувствительности, если не признаешься сию минуту,— взревел бородач.

— Смилуйся! Я же два года изучал стенографию по системе Габельсбергера,— усмехнулся Фридрих.— Очень полезная наука. Советую и вам, господин Куприянов, изучить ее. Это поможет вам перестать быть «вечным студентом».

— Что? Как смеешь? Да я тебя...

Но студенты так дружно и громко захохотали, что Куприянов отошел.

6

Летом 1913 года Андрей Стрешнев окончил институт и был приглашен на службу дирекцией завода «Мотор», во вновь открываемый авиационный отдел, на должность инженера.

Получив диплом и подав прошение директору завода, он поехал отдыхать в родную Калугу и вернулся в Ригу к первому октября, когда и должен был приступить к службе. Работа на заводе была ему хорошо известна по студенческой практике, и Стрешнев сразу вошел в курс своих обязанностей. В первое же воскресенье он поехал навестить Фридриха.

Ему открыла старая няня Матвеевна, провела в гостиную и положила перед ним кучу журналов «Природа и люди».

— Вы, Андрей Сергеич, посмотрите пока журналы, а я приготовлю кофе. Фридрих поехал в библиотеку и должен вот-вот вернуться.

— А Артур Константинович дома?

— Нет, уехал в гости. Я одна домовничаю.

— Хорошо, Матвеевна, спасибо! Я почитаю тут, подожду.

Листая журналы, Стрешнев сосредоточился на «беседах по воздухоплаванию». Вот фотографии, свидетельствующие о подвиге французского авиатора Роллана Горро, совершившего перелет из Африки в Европу. А вот улыбающееся лицо Брендегиона де Мулинэ, преодолевшего расстояние от Парижа до Варшавы. А вот снимок полета вниз головой бесстрашного Пегу.

Стрешнев зажмурился, и тотчас перед ним возникло мужественное лицо поручика Нестерова. Прямые черные брови, густые, подкрученные вверх бравые усы. 27 августа военный летчик Нестеров на Сырецком аэродроме под Киевом совершил на самолете «Ньюпор» «мертвую петлю».

— Это невиданно и отрадно! — прошептал Стрешнев.— Отрадно потому, что подвиг совершил русский авиатор!.. «Наши авиаторы теперь смело соперничают с французами и американцами, даже побеждают лучших авиаторов мира. Жаль, однако, что наши конструкторы еще не сказали своего решительного слова...» С этой мыслью Стрешнев стал листать другие журналы, как вдруг на глаза попался заголовок:

«Крупный успех в технике русского аэропланостроительства».

«...следует остановиться сейчас на крупном успехе молодого русского конструктора, выработавшего аэроплан, равного которому нет во всем мире. Мы говорим об И. И. Сикорском и его громадном аэроплане «Русский витязь».

Стрешнев с жадностью всматривался в фотографию гигантской машины, рядом с которой человек казался карликом.

На другом снимке «Русский витязь» и обычный самолет Сикорского. Он выглядел игрушечным...

А вот и портрет самого авиатора-конструктора Сикорского. Из-под кожаного шлема с большим козырьком и защитным обручем смотрят выразительные глаза. Лицо продолговатое, польского типа, с крупным носом и волевым подбородком. Маленькие усики и тонкие брови придают ему щеголеватость и некоторую надменность.

Стрешнев прочитал статью и, свернув журнал в трубочку, решил попросить его у Фридриха, чтобы показать на заводе. Оказывается, Русско-Балтийский завод в Петербурге строит самолеты Сикорского с девятьсот девятого года... «Русский витязь» — уже пятая модель. А мы и не знали...»

У дома послышались шаги Фридриха, Стрешнев поспешил навстречу, обнял друга и вместе с ним вошел в гостиную.

— Ты знаешь, Фридрих, что вычитал я в твоем журнале? Оказывается, Россия построила самолет-гигант. И этот гигант, поднимающий шестьдесят пудов груза, двенадцать пассажиров и команду,— летает!

— «Русский витязь» Сикорского?

— Да! Ты знаешь?

— Я делал доклад на собрании общества. Мы послали Сикорскому поздравление.

— Молодцы! Я рад! Значит, русские люди, совершающие «мертвые петли», еще и строят воздушные гиганты?

— И потому я надеюсь, что Россия, и только Россия, построит первую ракету и первой достигнет Марса.

— Ты не расстаешься со своей мечтой, Фридрих?

— Не расстаюсь!

— А я начал службу на заводе и уже обременен будничными делами. Создаем автомобильные двигатели.

— Это хорошо! На будущий год и я приду к тебе на завод. Будем вместе думать о двигателе, который сможет умчать ракету в звездные миры.

7

Наступило лето 1914 года. Рпга жила шумно и весело. Еще не забылись пышные прошлогодние торжества по случаю трехсотлетия Дома Романовых. Многие семьи, по случаю жаркой погоды, переезжали на взморье. Старый доктор Артур Константинович Цандер уехал на взморье со старшей дочерью. В доме осталась лишь молодежь.

Фридрих и его друзья, оканчивающие институт, собирались устроить вечеринку. 16 июля хотели было договориться о комнате в ресторане «Берлин», но с утра газеты вышли с тревожными заголовкамп: «Австро-Венгрия напала на Сербию». Это событие некоторыми истолковывалось как прелюдия к большой войне.

Посовещавшись, решили праздновать у Цандера. Былп собраны деньги, приглашен повар и два официанта.

Восемнадцатого июля Фридриху Цандеру первому вручили диплом, отпечатанный на белом пергаменте. Ему присваивалось звание инженера-технолога.

Девятнадцатого вечером друзья собрались в пустующем доме Цандеров. Когда все уже были изрядно навеселе, Фридрих предложил друзьям выйти в сад. Вечер был тихий и ясный. Молодые люди и барышни расположились на скамейках и в плетеных креслах на площадке у дома. Все ждали сюрприза, который приготовил Фридрих. Об этом шепнул друзьям по студенческому обществу Стрешнев.

Фридрих появился из-за дома. За розовую ленточку он вез массивную игрушечную пушку, установленную на низком лафете. Из ствола пушки выглядывал красный остроносый снаряд.

— Что это вы задумали, Фридрих? — спросила одна из барышень.

— Сейчас, сейчас, господа, вы все увидите сами.

Фридрих установил лафет в центре площадки. Поднял ствол пушки, нацелив снаряд в белый диск с голубоватыми загадочными линиями, укрепленный на толстом суку дуба.

Фридрих достал из кармана длинную бечевку, привязал ее к спусковому механизму пушки и пятясь отошел в сторону. Все последовали его примеру.

— Господа, прошу внимания! — взволнованно заговорпл Фридрпх.— Сейчас будет произведен пробный запуск космической ракеты. Ракета должна будет лететь к планете Марс, которую вы видите вверху.

— Нет, нет, не надо, еще взорвется,— запротестовали барышни.

— Не бойтесь! Ничего опасного не произойдет,— успокоил Стрешнев и крикнул: — Пли!

Раздался выстрел. Пушка подпрыгнула вместе с лафетом, из нее рванулась, сыпля искрами, красная ракета и, ударясь о белый диск, взорвалась, осыпав всех цветистым снегом конфетти.

— Браво! Браво, Фридрих!

— Господа! — улыбался Фридрих.— Я устроил эту шутку не столько для того, чтоб позабавить и развлечь вас, сколько затем, чтоб лишний раз напомнить о великой мечте человечества, которая ждет своего осуществления. Многие из вас скоро разъедутся в дальние края империи. Но и там вы должны помнить о том, что нас волновало в студенческие годы. Каждый из нас, в меру своих сил и способностей, должен трудиться над проблемой полета в далекие миры. Пусть взлет сегодняшней игрушечной ракеты напоминает вам о великой цели. Пусть каждый из нас живет мечтой и верой, что мы полетим во Вселенную. Вперед, на Марс, друзья! Вперед, на Марс!

— Ура! — отозвались молодые голоса.

В этот миг кто-то громко застучал в калитку.

— Войдите, не заперто! — крикнул Фридрих.

Стуча каблуками по камням, из полумрака сада выступили пристав и двое городовых.

— Что здесь происходит, господа?

— Студенческая пирушка!

— А кто стрелял?

— Запускали игрушечную ракету!

— Прошу прекратить торжество,— дрогнувшим голосом приказал пристав.— Отечество в опасности, германцы объявили войну.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

С первых дней войны Рига была наводнена солдатами, офицерами, генералами. Через нее к Восточной Пруссии тянулись составы с войсками, снаряжением, боеприпасами, продовольствием.

Город принял суровый прифронтовой вид. На главных дорогах стояли заставы, по улицам днем и ночью ходили военные патрули. Многие училища и школы закрывались, и в них спешно оборудовались госпитали. Заводы переходили на выпуск военной продукции.

Внезапное объявление войны опустошило дом Цандеров. Два брата Фридриха ушли на фронт, отца, несмотря на старые годы, призвали в госпиталь, а Фридрих поступил на завод резиновых изделий русско-французской фирмы «Проводник».

Это место предложили Фридриху, когда он еще сдавал государственные экзамены. Фридрих решил, что изучение резинового производства может пригодиться в будущем, когда ему придется создавать межпланетные корабли. Возможно, резина явится незаменимым материалом для защиты человека в безвоздушном пространстве. Вероятно, из нее будет изготовляться газонепроницаемая одежда...

Завод только начинал осваивать производство камер и шин для автомобилей.

Жить приходилось в тревоге и страхе за завтрашний день— война грохотала рядом.

Вначале армия Самсонова теснила неприятеля в Восточной Пруссии. Немцы вынуждены были срочно перебросить крупные силы с Западного фронта, из-за чего и проиграли французам битву на Марне. Но успехи Самсонова не были поддержаны соседней армией Ренненкампфа, который трусливо отвел свои войска. Самсонов потерпел поражение и застрелился. В Риге многие говорили об измене и предательстве Ренненкампфа. Но некоторые пытались его оправдать. В городе и в пригородных мызах жили десятки тысяч немцев — среди них было немало германских шпионов...

В начале 1915 года русские войска предприняли новое наступление в Восточной Пруссии, но и оно кончилось неудачей... Жизнь в Риге стала еще более тревожной. Боялись налета немецких цеппелинов, страшились вторжения в Рижский залив вражеского флота, опасались обходного маневра германских армий.

Панические слухи, распускаемые немецкими агентами, усугублялись рассказами пленных, переполнивших рижские госпитали. Раненые шепотом сообщали о смертоносных снарядах — «чемоданах», которые выпускались немецкими тяжелыми мортирами. «Коль. ахнет такой чемодан — роты как не бывало!..»

Работа на заводе в душных, грязных цехах, в спертом отравленном воздухе первое время утомляла Фридриха. Он возвращался домой разбитый, с сильной головной болью и, поужинав, сразу же ложился спать. У него не было сил заниматься своими расчетами, размышлять над проблемой межпланетных полетов. Да и не до того было: каждую ночь ложились спать в тревоге, как бы завтра не оказаться в оккупации...

Но люди обладают удивительной способностью привыкать к трудностям, лишениям, невзгодам; приспосабливаться к тяжелым условиям труда, к неудобствам, даже к страху.

За полгода войны у Фридриха выработался новый, более четкий и организованный ритм жизни. Страх и тревога отошли на второй план, явилось желание новой дополнительной деятельности. Особенно влекли его книги. Книги по астрономии, механике, аэродинамике, авиации. А так как у него теперь стали водиться деньги, он иногда после службы заходил в книжные магазины и копался в «развалах».

В апреле, когда зазеленели бульвары и установились безветренные теплые дни, Фридрих, томясь от одиночества, в свободные вечера бродил по букинистическим лавкам.

Как-то рассматривая на прилавке кипу старых журналов, он услышал за спиной звонкий девичий голос:

— Не найдется ли у вас интересной книжки для раненых?

Голос показался ему очень знакомым. Фридрих повернулся и увидел тоненькую красивую девушку в тщательно повязанной белой косынке с красным крестом. Темные волосы и большие синие глаза под тонкими бровями показались ему знакомыми.

— Сейчас, сейчас, барышня, что-нибудь подберем,— учтиво сказал продавец и пригласил девушку в другой конец прилавка.

«Где-то я видел ее,— подумал Фридрих,— удивительно красивые глаза...»

Он взглянул на девушку, и его вдруг охватило трепетное волнение.

«Подойти или не подойти?» — спрашивал он себя и тут же отвечал: «Подойти, подойти, немедленно, может, это — она!» Приняв такое решение, Фридрих, однако, не двигался с места.

— Вот эту книжку я вам очень советую, барышня,— веселые рассказы Чехова. Раненые скажут спасибо.,. Прикажете завернуть?

— Благодарю вас! Я положу в сумочку.

Девушка заплатила деньги и, взглянув на потупившегося Цандера, вышла.

Фридрих выскочил вслед за девушкой. Выскочил и почти столкнулся с ней: девушка стояла на тротуаре и смотрела на него большими синими глазами.

— Простите, но мне кажется, мы где-то встречались? — пролепетал смущенно Фридрих и покраснел от избитой, пошлой фразы.

Но девушка приветливо улыбнулась и доверчиво шагнула навстречу:

— Здравствуйте, господин Цандер! Разве вы не узнаете меня?

— Ваше лицо мне знакомо, но вспомнить не могу.

— Я Марта, сестра Яниса.

— Марта! — радостно воскликнул Цандер.— Марта! Как хорошо... Эти глаза... Их нельзя забыть.— Фридрих закашлялся. Опять не то сказал... Бог знает, что она подумает... Еще рассердится и уйдет.

Но Марта по-прежнему улыбалась:

— Вы, должно быть, кончили институт и сейчас работаете?

— Да, служу на заводе. А вы? А Янис?

— Я работаю в госпитале сестрой милосердия. Это близко... Вы не спешите?

— Нет, нет, я провожу вас.

— Спасибо! А я вас сразу узнала. Вы почти не изменились...

Они шли рядом, и Фридрих видел, как на хорошенькую сестру милосердия посматривали многие мужчины.

— Янис еще тогда просил меня разыскать вас и поблагодарить за то, что вы его спасли.

— Ну что вы, Марта. Где же сейчас Янис?

— Янис на фронте, где-то под Перемышлем. Я очень боюсь за него.

— Будем надеяться, что ему повезет... А вы, Марта? Как вы попали в госпиталь?

— В прошлом году кончила гимназию и поступила на курсы сестер милосердия. Надо было работать... ведь мы теперь с мамой одни — Пауль тоже воюет.

— А где же господин Кудзинь?

— Разве вы не знаете? Ведь папу опять арестовали. Сейчас он где-то в Сибири...

— Я очень жалею. Он мне так понравился.

— Папу все любили... Ну вот и мой госпиталь...

— Как, уже?.. Так быстро.

— Да, мне пора на дежурство.

— Мы же совсем не поговорили...— растерянно сказал Фридрих.— А мне так надо, так надо с вами поговорить.

— Заходите к нам! И я и мама будем очень рады.

— Правда? А когда же?

— В субботу вечером я буду дома. Мы живем там же. Помните?

— Конечно. Большое спасибо.

Фридрих пожал тонкую, нежную руку и не пошел, а полетел к себе в Задвинье.

2

Фридриху шел двадцать восьмой год, но до сих пор он никого не любил. Не любил, если не считать тайных и невинных юношеских увлечений. Чувства и страсти сдерживались в нем, подавлялись, отодвигались в глубь души, вытесняемые неодолимым влечением к исследованию таинственных миров.

И сейчас чувства эти нахлынули, как вешнее половодье, и закружили Фридриха в необоримом потоке. С трудом высиживая на заводе положенное время, он рвался к синеглазой волшебнице, часами бродил около госпиталя, чтобы ночью проводить ее домой.

Марте только исполнилось восемнадцать, и эта разница в годах пугала Фридриха. Он боялся отпугнуть ее своими мыслями, и потому ни слова не говорил об увлечении далекими мирами. Больше расспрашивал о Янисе, об отце, о ее работе в госпитале...

Как-то поздним вечером, гуляя по набережной, они остановились у чугунной решетки. Было тихо. Могучая река бесшумно катила свои воды. В темном небе голубоватыми искрами горели и падали звезды. Казалось, не было ни войны, ни страданий, ни ужасов...

— Фридрих, посмотрите, вон там над замком совершенно красная звезда.

— Это Марс! — мечтательно сказал Фридрих.— Одна из самых загадочных планет.

— Марс — это жестокий бог войны!

— То мифология, Марта. Древние италийцы называли Марсом бога войны... Этот Марс — самая манящая, самая влекущая планета... На ней, если смотреть в телескоп, видны каналы...

— Может быть, там живут такие же люди, как и мы?

— Не знаю... Но верю, что в недалеком будущем жители Земли полетят на Марс. Я сам много лет думаю над постройкой межпланетного корабля.

— Правда? Это так интересно, Фридрих... Неужели найдутся люди, которые отважатся полететь на Марс?

— Я сам готов был на это еще недавно...

— Как? А сейчас?

— Не знаю... Сейчас, когда я узнал вас, пожалуй бы предпочел остаться на земле,— улыбнулся Фридрих.

Марта потупилась. Помолчала.

— Янис рассказывал, что вы собирались строить какую-то ракету?

— Да. Ракета и будет межпланетным кораблем... Я делал расчеты...

— Расскажите, Фридрих.

— Что вы, Марта. Это совсем не интересно!

— Мне всегда хотелось знать, живут ли люди на других планетах? Я даже думала, что есть другая земля и там живет точь-в-точь такая же Марта.

— Нет, второй Марты не может быть. Вы единственная! — воскликнул Фридрих, осмелев, и взял ее руки в свои.

— Вы шутите, Фридрих... А правда, вы уверены, что можно построить межпланетный корабль?

— Уверен. И буду всю жизнь трудиться над его построением.

— Это хорошо, Фридрих. Я еще тогда, маленькая, вас запомнила. Вы не такой, как все. Не такой.

— Какой же я?— с улыбкой спросил Фридрих.

— Не знаю... не умею объяснить... но вижу, вы какой-то другой... И знаете, я верю почему-то, что вы сможете построить этот звездный корабль.

На глазах Фридриха заблестели слезы.

— Марта! Неужели вы правда верите?

— Да, да! Я верю, Фридрих. Вы так много знаете, что нельзя не поверить... Нельзя!..

3

В начале июля по Риге поползли зловещие слухи: «Немцы прорвали фронт». Словно бы в подтверждение им, из Задвинья хлынул поток беженцев, растянувшийся через весь город...

На заводе «Проводник» шла спешная эвакуация шинного производства. Станки и машины на стальных валках рабочие выкатывали из цехов и втаскивали на железнодорожные платформы. Запасы американской резины и колониального каучука грузили в большие пульмановские вагоны.

Цандер следил за демонтированием оборудования и уходил с завода лишь ночью, когда его подменял техник.

Отправка первого эшелона, с которым должен был уехать Цандер, была намечена на 15 июля. Однако погрузка затягивалась и Цандер только 14-го, в три часа, был отпущен домой, чтоб собрать вещи и попрощаться с родными.

Выйдя с завода, он нашел извозчика и, заехав лишь на минутку домой, погнал к Кудзиням. Марта последний раз не пришла на свидание, и он боялся, не случилось ли с ней беды.

Ему открыла дверь Минна Яновна, мать Марты, еще не старая, миловидная женщина, с седой прядью в темных густых волосах.

— Фридрих, что с вами? Вы такой усталый, измученный...

— Три дня не выходил с завода — готовились к эвакуации.

— Значит, слухи подтверждаются, немцы прорвали фронт?

— Говорят, что немцев остановили, однако заводы вывозят... А что у вас, Минна Яновна? Есть ли вести от Яниса и Пауля?

— Пауль в военном училище, и от Яниса было письмо — пока жив, здоров.

— Я очень рад! А Марта? Что с ней? Она в прошлый раз не пришла на свидание.

— Не волнуйтесь, Фридрих, у них тоже горячка — отправляют раненых в глубь России. Сестры дежурят сутками...

— А госпиталь не будут эвакуировать?

— Об этом не говорят...

— А я, Минна Яновна, уезжаю... Завтра к восьми утра должен явиться с вещами на товарную станцию.

— Как, Фридрих?.. И Марта не знает?

— Я разыщу ее и объяснюсь... Я решился сделать предложение... И если она не откажется, вы вместе приедете ко мне в Москву.

— Фридрих, сынок! Как я ждала этих слов! — Минна Яновна бросилась к Фридриху и нежно поцеловала его.— Фридрих, дорогой, сейчас же, сейчас же идем к Марте! Меня пропустят, я вызову ее.

— Минуточку, Минна Яновна.— Фридрих достал бумажник и вынул из него тугой пакетик.— Я не хочу, чтоб Марта знала об этом... Возьмите, пожалуйста. Тут деньги на дорогу... Пятьсот рублей.

— Так много? Нет, нет...

— Я хорошо зарабатываю... Прошу вас! Вам пригодятся... ведь война!..

— Спасибо, сынок, спасибо! — Мать спрятала деньги и надела легкую накидку.

— Идемте!

Фридрих отер платком внезапно выступивший пот.

— Простите, Минна Яновна, я, может быть, поступил излишне самоуверенно. Эта спешка меня совершенно сбила с толку. Вдруг Марта удивится, откажется, прогонит?

— Нет, Фридрих, нет! Она любит вас, я знаю... Как она радуется, когда бежит на свидание... Идемте!..

Они быстро сбежали с лестницы и минут через пятнадцать были у госпиталя.

— Постойте тут, у подъезда. Я ее сейчас же пошлю.

Фридрих ждал, и в его мыслях уже рисовалась картина встречи: «Сейчас она выбежит в белом халате, в косыночке с красным крестом. Я начну лепетать что-то несвязное, а она прервет мою болтовню радостным возгласом, красивая, синеглазая, бросится мне на шею, поцелует и заплачет от счастья».

Послышались легкие женские шаги. «Это она»,— подумал Фридрих и вбежал на площадку подъезда.

Но вместо Марты вышла мать.

— Фридрих, голубчик, она уехала на вокзал встречать раненых.

— Что же делать?

— Давайте возьмем извозчика и поскачем туда.

— Правда. Поехали!..

На вокзале сказали, что состав с ранеными подан на

запасной путь. Пришлось обходить кругом. Но когда Фридрих с Минной Яновной добрались до запасного, Марты там не оказалось: она уехала с первыми фургонами.

— Ах, беда! Что же делать? Ведь мне еще нужно собраться и проститься с родными,— простонал Фридрих.

— Голубчик! — ласково сказала мать.— Поезжайте домой и устраивайте свои дела — завтра я привезу Марту к поезду...

— А вдруг, а вдруг ее не пустят?

— Нет, нет, не беспокойтесь. Я сейчас же еду в госпиталь и договорюсь с начальством. Поезжайте спокойно — завтра к восьми мы будем у поезда.

Три пассажирских вагона для начальства и несколько десятков теплушек для рабочих стояли на товарной станции. На платформе была сутолока: люди с чемоданами, с узлами, с детьми, толкая друг друга и крича, отыскивали свои вагоны.

Часам к девяти платформа опустела, и Фридрих, нервно ходивший вдоль зеленого вагона, увидел Андрея Стрешнева в сером костюме и в синей инженерской фуражке.

— Андрюша, наконец-то, я так волнуюсь. Ведь Марты с матерью до сих пор нет.

— У входа военный патруль, никого не пропускают.

— Как же так? А ну пойдем вместе. Может, это германские агенты устроили пробку, чтоб задержать отправку эшелона?

Они побежали к воротам, но оттуда, прорвав заграждение, уже хлынула гудящая толпа. Фридрих узнал Минну Яновну, несущую корзину с провизией, и поспешил навстречу.

— А Марта? Где же Марта?

— Как, разве она не пришла?

— Нет! — побледнел Фридрих.

— Мы вместе вышли из госпиталя, и она поехала прямо на вокзал, а я еще заезжала за корзинкой.

— Боже мой! Уж не случилось ли чего?

— Может, она прошла с другой стороны? — вмешался Стрешнев. — Идемте к поезду.

Около вагона, нервно взглядывая на часы, стоял седой старик в чесучовом пиджаке.

— Папа! — крикнул Фридрих и, подойдя, представил ему Минну Яновну.

— Очень, очень рад, а где же невеста?

— С ней что-то случилось, папа. Она выехала из госпиталя час назад...

— Сейчас такое время, что ничему удивляться нельзя. Может, еще успеет.

Паровоз оглушительно загудел.

— Господа! Господа! Отправляемся! — закричал кондуктор.

— Но где же Марта? Боже мой,— вздохнул Фридрих, поднимаясь на цыпочки и стараясь взглянуть через головы провожающих.

Раздался свисток главного кондуктора. Паровоз еще раз оглушительно свистнул и медленно пополз.

— Господа, скорее, скорее!

Фридрих обнял отца, поцеловал Минну Яновну, крепко пожал руку Стрешневу и на ходу вскочил в вагон.

В этот миг на горке между пакгаузами появилась девушка в белой косынке с цветами.

— Марта! Марта! — взвился над сутолокой радостный крик.

Девушка вздрогнула, увидела Фридриха и, простирая к нему руки, что-то закричала.

Но паровоз загудел, заглушив ее слова.

Фридрих лишь видел, как к ней поднялась мать, а затем, поддерживаемый Стрешневым, старик Цандер. Все четверо махали платками, пока поезд не скрылся за поворотом...

4

До Москвы ехали долго: стояли на полустанках, на разъездах, давая дорогу составам с войсками, эшелонам со снарядами, пушками, амуницией, хлебом, пропуская вперед санитарные поезда с красными крестами на вагонах. Путь был одноколейный, забитый до последней крайности.

Лишь на шестые сутки ночью вдали, на невысоких холмах, показалась усыпанная бисером огней Москва.

Разбуженный соседями Цандер быстро оделся, вышел в коридор к открытому окну. Там, дымя папиросами, уже стояли несколько человек.

— Вот она, матушка-Москва!

— Вот она, златоглавая!

Цандер глядел на проплывавшее мимо, похожее на Млечный Путь, созвездие желтых огней.

«Как-то встретит нас Первопрестольная! Где будем работать? Удастся ли снять хорошую квартиру, чтоб могла приехать Марта с матерью?.. Впрочем, приедет ли она — тоже вопрос... Ведь не обмолвились ни единым словом...»

Размышляя, Цандер не заметил, как поезд подошел к станции.

— Вставайте! Приехали! — закричал кондуктор, стуча железным ключом в двери. В коридор стали выскакивать заспанные, растрепанные люди.

— Где стоим?

— На месте! В тупик загнали.

Цандер вслед за другими вышел из вагона, спрыгнув на утоптанную дорожку. Справа стеной стоял черный дремучий лес, и конца ему не было видно.

— А где же Москва?

— До Москвы пятнадцать верст! А это Тушино — место нашего назначения.

Цандер между вагонами взглянул на другую сторону. В темноте мелькнули реденькие огоньки какого-то поселка.

— Что делать будем, господа? — спросил кто-то тоскливо.

— Велено до утра спать!

«Вот тебе и Первопрестольная!» — вздохнул Цандер и, взобравшись на ступеньки вагона, побрел в свое купе...

Рижан разбудили паровозные гудки, грохот и тарахтенье телег, крики ямщиков, извозчиков, распорядителей и квартирных. Распорядители с красными повязками и квартирные посыльные с белыми стали выкрикивать по спискам приехавших рабочих и распределять их по подводам.

Господ инженеров усадили в извозчичьи коляски, а вещи уложили на ломовые дроги и по пыльной дороге поехали в Тушино — большое старинное село.

Цандеру отвели в новом пятистенке просторную светлую комнату с крашеными полами и городской мебелью. Хозяин — русобородый крепыш в жилетке поверх косоворотки, в добротных сапогах — сам встретил гостя, назвавшись Иваном Назарычем.

— Пожалуйста, барин, располагайтесь как дома. Ежели желаете столоваться с нами — милости просим. У нас хоть и попросту, зато будете сыты. А коли привыкли по-городскому — можно в трактире...

— Об этом после, Иван Назарыч. Сейчас я хотел бы разобрать вещи, обосноваться и написать письма.

— Это пожалуйста. Я сейчас распоряжусь. А если в Москву потребуется — никакого поезда не надо, у меня два рысака — за двадцать минут домчу. Мы с сыном—лихачи!

— Спасибо, Иван Назарыч, спасибо!

— Сейчас я скажу, чтобы несли вещи. А если чего потребуется по домашности, приказывайте жене и бабке— они завсегда на кухне...

Выехав из Риги, Фридрих не переставал думать о Марте. Досадовал на себя, что послушался матери и не разыскал ее накануне отъезда.

«Как теперь сложатся отношения? Захочет ли она приехать? Не подумает ли, что я пренебрег ею? Не оскорбится ли?..

Может, она и к поезду опоздала умышленно, не желая видеть меня, и показалась в последнюю минуту лишь для того, чтобы вывести из неловкости мать?.. О, женщины! Их так трудно понять!..»

Тем не менее Фридрих выходил на каждой большой станции и посылал Марте телеграммы, полные тоски, надежды, любви...

Прибыв в Тушино и обосновавшись у гостеприимного Ивана Назарыча, Фридрих тут же написал Марте теплое, взволнованное письмо: горячо говорил о своих чувствах и просил ее руки.

«В случае, если над Ригой нависнет опасность оккупации — выезжай ко мне вместе с мамой. Сегодня же я отправлю письмо своему другу Стрешневу, который будет эвакуироваться с заводом «Мотор», и попрошу его позаботиться о вас».

Написав оба письма, Фридрих отнес их на почту и одновременно отправил в Ригу телеграммы с новым адресом Марте, отцу и Стрешневу.

Прошло дней десять. Еще письма Фридриха застряли где-то в военной цензуре, а уж от Марты пришла первая весточка:

«Дорогой, любимый Фридрих! Получила телеграмму из Тушина. Ра́да, что у тебя все хорошо. А я целую неделю плакала и не находила себе места из-за того, что опоздала к поезду.

Я сердцем с тобой! Я в любую минуту готова бы выехать к тебе, но пока это невозможно. Я, как сестра милосердия, считаюсь мобилизованной и не имею права покинуть госпиталь...

Однако у нас в Риге стали упорно говорить, что последние поражения немцев на западе и австрийцев у нас предвещают скорое окончание войны. Может быть, не так уж долго ждать? Любимый, как бы я хотела быть с тобой! Не тоскуй, пиши мне чаще. Я буду ждать тебя, мой дорогой. Я буду тебе верна.

Целую и обнимаю.

Твоя Марта».

5

На заводе сидели представители военного ведомства, а шинное производство налаживалось медленно.

Рабочие и инженеры трудились без всякого энтузиазма. В народе ходили слухи о предательстве среди высших генералов, о шпионах, засевших чуть ли не в Зимнем дворце, и о покровительстве им самой царицы...

Фридрих Цандер, с увлечением взявшийся за новое дело в прошлом году, теперь совершенно охладел к нему. Он изучил процесс вулканизации, узнал, как изготовляется различная резина и прорезиненные ткани, и больше это производство его не занимало. Он служил на заводе, честно выполняя свои обязанности, но мысли его были заняты другим...

Когда от Марты было наконец получено так много значившее для него письмо, он успокоился и опять вернулся к своей давнишней мечте — мечте о межпланетных перелетах.

Так как в условиях захолустного Тушина, где не оказалось даже приличной библиотеки, невозможно было заниматься научными исследованиями в области разработки реактивного двигателя или аэродинамики, он решил проводить самые простейшие опыты, которые могли пригодиться в будущем.

«Я не сомневаюсь, что межпланетный корабль будет построен,— говорил Фридрих себе,— я не сомневаюсь, что аэронавты полетят на Марс и другие планеты. Но чем они будут питаться в пути — этого никто не знает. Консервы

едва ли сгодятся. Тут будет нужна легкая, калорийная пища. И прежде всего — свежие овощи. А где их взять, если корабль долгие месяцы будет летать в безвоздушном пространстве, за многие миллионы километров от Земли?..

А ведь в корабле будет много солнца! Оно будет светить сквозь иллюминаторы днем и ночью! Что, если б овощи выращивать прямо на межпланетном корабле? Нельзя ли создать легкую оранжерею без грядок, без земли с самым минимальным орошением? Может быть, найдутся неприхотливые сорта овощей и плодов?..

Конечно, этим делом следовало бы заняться агроному, но ведь никому же не придет в голову такая мысль. А если сказать зачем — будут смеяться, еще объявят сумасшедшим. Нет, я сам изучу имеющуюся литературу и попробую создать «невесомую» оранжерею.

Загоревшись новой мыслью, Цандер съездил в Москву, запасся книгами, глиняными горшочками, семенами и заказал на заводе полки, которые можно было разместить на окнах...

6

Осень пришла неприветливая, дождливая, с холодными сердитыми ветрами.

В одно из воскресений, когда Цандер, по обыкновению, сидел за книгами, под окном в липкой грязи зачавкали копыта, послышался храп лошадей и глуховатый голос извозчика:

— Приехали, барин. Это и есть дом Ивана Назарыча — его каждый знает.

Цандер было хотел встать, взглянуть в окно, но махнул рукой: «Ко мне некому»... Гость затопал на крыльце, отряхивая ошметки грязи, и вошел в переднюю.

— Здесь, здесь проживают... раздевайтеся, вот ихняя комната,— пропела хозяйка.

Цандер вскочил, распахнул дверь и попятился, впуская нежданного гостя.

— Даже не верится, что это ты, Андрюша! Ишь какую бороду отпустил.

— Сейчас мода такая,— улыбнулся Стрешнев, обнимая друга,— да и солиднее с бородой. Только эвакуировался и — женюсь, и приехал звать тебя на свадьбу.

— Женишься? На ком же?

— На дочке московского архитектора Сушкова — Юленьке. Приедешь?

— Как же иначе? Но все так неожиданно...

— Мы познакомились с Юленькой еще в тринадцатом году в Калуге. Там ее отец что-то строил, и вся семья на лето приехала к нему.

— Ну что же мы стоим? Присаживайся, Андрюша,— сказал Фридрих, подавая ему стул и садясь рядом.— Рассказывай, когда вы приехали и где обосновались?

— Прикатили в сентябре,— потирая покрасневшие от холода руки, продолжал Стрешнев,— обосновались в Москве. Однако сегодня до костей пробирает...

— Сейчас чайком согреемся. А может, водочки выпьешь?

— Не откажусь! Стужа лютая и ветрище!..

Цандер на минутку вышел и тут же вернулся. Стрешнев в это время оглядел комнату.

— А ты устроился прилично. Светло, тепло, уютно. Можно выписывать Марту.

— Ее же не отпускают из госпиталя.

— Знаю. Я заходил к ним, звал с собой... Если эвакуируют госпиталь, тогда и она приедет.

— Кажется, сейчас на фронтах затишье?

— Да, вроде бы так... Похоже, война зашла в тупик...

— А вы самолеты строите?

— Хотели нас объединить с заводом «Дукс», но эти разговоры заглохли. Пока корпим над моторами старых марок... А ты, вижу, цветник развел? — кивнул он на горшочки с зеленью па окнах и полках.

— Нет, не совсем... Пытаюсь создать «невесомую» оранжерею для будущих аэронавтов.

— Неужели?— Стрешнев встал, подошел к одному из окон.

— Горох! А это что за волосатое чудо?— указал он на шарообразный плод.

— Это разновидность цветной капусты — очень калорийная овощь.

Стрешнев присмотрелся к черной массе в горшочке и даже потрогал ее пальцем.

— Что это за земля в горшочках?

— Не земля, а древесный уголь.

— Вот уж не предполагал... Как же на угле растут плоды?

— Делаю увлажнение, подкормку различными солями.

Стрешнев пощупал стручки гороха, ткнул пальцем в капусту.

— Поздравляю, Фридрих. Находчиво! Ведь такая оранжерея не только даст аэронавтам свежие плоды и овощи, но и избавит их от углекислоты. Браво! Молодчина ты, Фридрих. А главное — упорно добиваешься своего. А я немного отвлекся. Погряз в насущных делах... Ну-ка рассказывай, что ты еще сделал в последнее время?

— Больше ничего. Правда, подружился с рабочими, и они мне обещают сделать небольшой тигель и форсунную печку. Хочу научиться плавить легкие металлы и в расплавленном виде сжигать их как топливо.

— Значит, ты не оставил свою мысль об использовании крыльев ракеты как дополнительного топлива?

— Да, эта мысль меня не оставляет. Но для утверждения ее нужны доказательства.

— Я рад, Фридрих, что ты упорно работаешь, думаешь над своей идеей.

— Иначе ничего не достигнешь... А чем занят Циолковский? Ты был у него в Калуге?

— Был. Он по-прежнему увлечен дирижаблями. Ездил в позапрошлом году в Петербург, возил свои модели, но, кажется, опять не встретил поддержки.

— Подожди, подожди, Андрюша,— поднялся Цандер.— Я, разбирая корзину с книгами, нашел старый журнал «Природа и люди», там пишут о его дирижаблях... Да вот этот журнал. Сейчас... Тут даже снимок с моделей помещен...

Цандер стал листать.

— Вот, нашел... Тут вначале о Ползунове... А вот и о нем. Слушай: «...Вероятно, лет через сто вспомнят и другого нашего соотечественника, живущего в данный момент между нами и тщетно старающегося заинтересовать современников своей идеей дирижабля с жесткой оболочкой из волнистого железа».

— Раньше он предлагал другие металлы,— поправил Стрешнев,— медь или алюминий.

— Не в этом суть, Андрюша. Речь идет об отношении к изобретателю. Послушай, что пишется дальше:

«...Немцы собрали для Цеппелина миллионы, а мы не можем дать г. Циолковскому каких-нибудь двухсот тысяч.

Между тем аэростаты последнего много практичнее цеппелиновских дирижаблей».

— А, что ты скажешь? Это же крик души! Это касается каждого из нас.

— Да, Фридрих, ты прав. Россия расшаркивается перед Западом, а своих талантов не видит... Может быть, ее война научит чему-нибудь?

— Я уверен, что война скажется на развитии техники, особенно военной. Но изменится ли отношение к изобретателям — не знаю. Думаю, что нам, осененным мирными идеями, нужно приготовиться к жесточайшей борьбе.

— А может быть, война внесет коррективы в государственное устройство? — шепотом спросил Стрешнев.— У нас на заводе открыто говорят о распутинщине, о разложении самодержавия.

— Мы можем об этом лишь гадать. Поживем — увидим. Главное, чтоб кончилась война. А второе — чтоб мы не охладели к нашим идеям.

— Ты прав, Фридрих, надо жить, гореть идеями!

— Да, гореть! И тогда мы обязательно, обязательно полетим на Марс!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

«28 февраля 1917 года. Тушино.

Милая, милая Марта! Вот уже полтора года и 12 дней, как я не вижу тебя! Это жестокая война исковеркала всю нашу жизнь. Ужасно!.. А если подумать о миллионах убитых, изуродованных, контуженных — становится жутко... Мы — слава богу! — живы и целы!.. Это должно нас утешать и обнадеживать... А что с Янисом, Паулем, моими братьями? Если они живы, то ведь им стократ тяжелей... Мы должны верить друг в друга и тогда сумеем преодолеть и пережить невзгоды.

Я стараюсь занять себя так, чтобы не оставалось времени для тоски. Дни провожу на заводе, а вечера — за книгами и расчетами. Опять возобновил вычисление траекторий полета межпланетных кораблей на Марс и Венеру. Дело невероятно трудное, потому что приходится учитывать силу притяжения Солнца и влияние на полет кораб-

лей гравитационных полей близлежащих планет; вращательное движение планет и многое другое. Однако за этим занятием я отдыхаю. Практической работой над ракетой здесь, на заводе, заниматься невозможно. Это никому не нужно. Администрация не даст ни помещения, ни средств.

Единственное, что мне удалось сделать за последний год,— это «невесомая» оранжерея. У себя дома, в обыкновенных глиняных горшочках, наполненных вместо земли толченым древесным углем, я вырастил некоторые овощи и плоды. Этим я доказал возможность выращивания свежих овощей для питания аэронавтов, непосредственно на межпланетных кораблях...

Еще делал опыты по расплавлению в тигле легких металлов и сжиганию их как топлива для ракеты. Но все эти опыты так далеки от главной задачи, что о них даже стыдно писать... А главным — строительством межпланетной ракеты — сейчас никого нельзя заинтересовать. Все поглощены войной. Заводы и фабрики работают на войну! Вот если бы я предложил строить боевые ракеты, способные поражать вражеские укрепления или промышленные центры,— тогда другое дело! Тогда бы нашлись и деньги и материалы! Может быть, кто-то на Западе уже выдвинул такую идею и, возможно, работает над созданием мощных боевых ракет. Бог с ними. Я буду трудиться только на благо человечества, для его процветания, а не для его уничтожения...

Милая! Тебя, наверное, утомляют мои длинные письма, наполненные несбыточными прожектами и фантастическими мечтами? Но мне они, право, скрашивают теперешнюю реальную жизнь!

У нас стало очень плохо с продовольствием — рабочие семьи голодают. В Москве вспыхнули забастовки. Завод работает с перебоями из-за нехватки топлива и сырья. Возможно, скоро и совсем остановится... А когда кончится война — никто не знает...»

За окном, в морозной тьме взвизгнули полозья кованых санок, щелкнула щеколда калитки и заскрипели ворота.

«Хозяин приехал»,— догадался Цандер и встал, чтоб пройтись, согреться. Было слышно, как хозяин сбросил на крыльце хомут и седелку, побил заснеженными валенками о порог и вошел в дом.

Он долго кряхтел, разматывая длинный кушак, потом снял тяжелый, синего сукна чепан и, бросив его на сундук, подошел к комнате Цандера, негромко постучал согнутым пальцем.

— Не спите, Фридрих Артурович?

— Не сплю, заходите, Иван Назарыч.

Хозяин, тяжело ступая, вошел и, обирая сосульки с бороды в широкую ладонь, присел на стул.

— Ну и дела творятся, Фридрих Артурович... Я чуть рысака не загнал, торопимшись.

— А что случилось, Иван Назарыч?

— Часов около восьми на Тверской ко мне сел господин и приказал гнать к Николаевскому вокзалу — спешил к поезду.

— Так что же?

— Сказал, будто в Петербурге революция, власть захватил народ... До царя добираются...

— Что вы? Это удивительная новость! Но как же не знают в Москве?

— Об этом я не скажу, может, кто и знает... А вот беспокоит меня, Фридрих Артурович, как же теперь, если у кого капиталы в банках?

— Вы беспокоитесь? Разве у вас большой капитал?

— Какое! Сыну на домишко скопил самую малость...

— Этот капитал не пропадет, Иван Назарыч... А вот у кого фабрики, заводы, именья — те могут пострадать.

— Их распушить и надоть, чтобы не грабили простой народ...— Запальчиво крикнул хозяин и осекся.— А у меня, примерно, лошадей не отберут?

— Нет, не должны...

— Ишь, революция... Важно! — поглаживая бороду, продолжал хозяин.— Если будет послабление простому народу — революции спасибо! А что царя спихнуть собираются — это хорошо! Туда ему и дорога, царю-то... Совсем никудышным стал...

2

Цандер вскочил, разбуженный выстрелами. За окном было темно и пустынно. Стреляли где-то около станции. Он накинул плед, прислушался: хозяева тоже проснулись, но не зажигали огня, выжидали...

Мимо проскакали всадники. Промчались двое саней, и стало тихо... Цандер закрыл глаза и неожиданно задремал...

Проснулся, когда совсем рассвело. Почудилось, что кто-то стучал в дверь. Стук повторился.

— Кто тут? — глухо спросил он.

— Это я, Фридрих Артурович,— бойко заговорил хозяин,— решил разбудить, может, вам на завод надо?

— Спасибо, Иван Назарыч, а что происходит?

— Ночью на станции взбунтовался воинский эшелон: солдаты убили коменданта и жандармского офицера. А утром арестовали земского начальника и пристава. Сейчас митинг.

— Спасибо! Я сейчас выйду...

Цандер быстро оделся и, не завтракая, поспешил на завод.

Там шел митинг. Рабочие, служащие, солдаты, многие с красными бантиками в петлицах, толпились у высокого крыльца конторы, где выступали ораторы.

Цандер, стоявший далеко, улавливал лишь отдельные слова: «Свобода», «Равенство», «Братство», «Долой царя!», «Долой войну!».

Он вернулся домой к обеду, в приподнятом настроении, с красной ленточкой в петлице пальто...

На другой день Иван Назарович отвез Цандера в Москву. Разыскав Стрешнева, Цандер вместе с ним ходил по улицам в ликующей толпе, что-то кричал и, опьяненный всеобщим радостным возбуждением, пел «Марсельезу»...

Вечером стало известно, что царь отрекся от престола, что власть перешла в руки Временного правительства.

Опять ликующие толпы на улицах, опять будоражащие песни и звонкий девичий смех. Ночевал он у Стрешнева. Много говорили. Много спорили. Вернулся домой полный радужных надежд. Он был уверен, что на днях Россия выйдет из войны и вернется к мирной свободной жизни.

Даже металл, раскаленный добела,— остывает. Так и людские страсти.

После бесчисленных митингов, собраний с выборами в Советы; демонстраций с красными флагами и песнями люди опять пришли на завод и стали работать. Правда,

уже не двенадцать часов, как прежде, а только восемь. Заметно изменилось отношение администрации. Понимая, что с революцией шутить опасно, администрация заигрывала с рабочими: мастера стали предельно вежливы. Однако очереди за хлебом не прекратились. Рабочие по-прежнему жили впроголодь: цены на рынке росли изо дня в день...

Цандер, внимательно следивший за газетами, стал терять надежду на скорое примирение с немцами.

«Собственно, что же произошло? Что дала революция народу? — спрашивал себя Цандер.— Прогнали ненавистного, бесталанного царя и его министров. Но их места заняли другие министры — министры-князья, министры-капиталисты. Те самые люди, которые обогащаются на войне, которые еще прочнее, чем царь, связаны с союзниками и их финансовыми магнатами.

Может ли народ от них ждать свободы и равенства? Разве могут они отдать народу свои земли, свои богатства?..

Нет, напрасно я писал Марте восторженные письма, рассказывал о ликовании в Москве, говорил о скорой встрече. Революция началась пафосом, а кончилась провалом. Народ, сбросив одно ярмо, оказался в другом...»

Придя к такому выводу, Цандер затосковал... Но прошло несколько дней, и он опять занялся своими вычислениями. Его влекли другие миры, где не было ни войн, ни страданий...

3

Двадцатого августа старый доктор Артур Константинович Цандер встал, по обыкновению, рано. Погуляв полчаса в саду, он позавтракал и поехал к себе в госпиталь. Сытая лошадь бежала рысью, но на повороте к мосту кучер резко натянул вожжи, закричал: «Тпру! Тпру!» Дорогу преградил солдат с красным флажком — через мост двигались артиллерийские части.

«Что такое? Наши отступают? Неужели немцы прорвали фронт?» — подумал старый доктор. Он привстал в коляске и окинул взглядом колонну войск — конца ее не было видно...

Прождав больше двух часов, Артур Константинович наконец добрался до госпиталя. Там весь двор был заполнен ранеными. Они лежали прямо на траве — их не успевали увозить: не хватало фургонов.

Догадавшись, что идет эвакуация, Артур Константинович поспешил к начальнику.

— Как, вы только явились? — недовольно спросил главный врач.

— На мосту пробка — пропускали отступающие войска... да я и не знал...

— Потрудитесь проследить за упаковкой и отправкой инструментария операционных.

— Слушаюсь! — сказал Цандер и пошел на второй этаж...

К вечеру, когда все раненые, имущество и обслуживающий персонал были отправлены, старый доктор вдвоем со сторожем Акимом осмотрели пустое помещение и присели покурить.

— Значит, вы решили остаться, Артур Константинович?

— Куда мне? Я не перенесу переезда.

— Плохо нам, старикам,— вздохнул Аким, поглаживая лысину.— Я вот дочку с внуками отправил, а сам с больной старухой здесь. Будь что будет. Двум смертям не бывать, одной не миновать.

— У моего сына невеста в Александровском госпитале,— задумчиво продолжал Цандер.— Не слышал, они не эвакуируются?

— Должны после нас. Я слышал, что фургонщики собирались ехать с ними.

— Тогда я поеду,— может, застану... Ты не забывай обо мне, Аким, наведывайся.

— Спасибо, Артур Константинович. Непременно проведаю, если буду жив.

Марта, вызванная санитаром, увидев в вестибюле старого Цандера, остановилась, схватившись за косяк — у нее не повиновались ноги:

— Артур Константинович! Что? Что-нибудь с Фридрихом? — упавшим голосом спросила она.

— Нет, все слава богу... Но вот немцы подходят... Вы едете?

— Да, готовимся, но еще нет вагонов... Мама не знает, я не могла ее предупредить... А послать некого.

— Марта! Сестра Марта! — закричали сверху.— Скорее в седьмую палату.

— Сей-час! — Марта шагнула к будущему свекру.— Не знаю, как и быть...

— Я зайду к ней. А вы, как эвакуируетесь, спишитесь с Фридрихом. И не покидайте его. Ведь он там в России совсем один.

— Я буду с ним. Я не оставлю его...

— Сес-тра Мар-та! — повторился крик.

— Бе-гу! — крикнула Марта и протянула руку старому доктору.— Прощайте!

— Мы еще увидимся, Марта. Я привезу вашу матушку сюда...

4

Узнав о потере Риги, Фридрих Цандер не хотел верить, что это событие окажется для него роковым. Он надеялся, что госпиталь, где работала Марта, эвакуирован и что от нее должно прийти письмо или телеграмма.

Возвращаясь со службы, он прежде всего спрашивал, нет ли письма, а уж потом раздевался и проходил к себе в комнату.

Лишь после, когда стало известно о мятеже генерала Корнилова, двинувшего с Северо-Западного фронта войска на революционный Петербург, Цандер понял, что Рига была сдана без боя, и перестал ждать известий от Марты.

«Теперь все. Теперь до конца войны нечего и думать о встрече. Я должен смириться со своей участью».

Но то, что подсказывал разум, не всегда уживалось с чувствами. Тоска по Марте слилась с тоской по отцу, сестрам и братьям. Фридрих не находил себе места. Тушино стало для него беспросветной глухой дырой — местом ссылки. Это ощущение усугублялось тем, что друзья по службе тоже тяжело переживали оккупацию родной Риги. На заводе началась забастовка: рабочие требовали прекращения войны, мира с Германией. Это требование рабочих, поддержанное Советом, было направлено в Петербург, Временному правительству, но вместо ответа из Москвы примчались казаки, разогнали Совет, арестовали зачинщиков забастовки...

В середине октября Цандер взял отпуск и уехал к своему другу в Москву. Хотелось отдохнуть от гнетущих мыслей, во многом разобраться с помощью Стрешнева и поговорить с ним о будущем...

Стрешнев теперь жил в просторной квартире тестя на Большой Никитской. У него рос сын, Слава,— любимец всей семьи.

Цандер приехал в воскресенье, когда все домочадцы были в сборе. Его радушно встретил сам хозяин Федор Семенович Сушков — облысевший, тучный человек с аккуратной седоватой бородой, в пенсне на шнурочке. Сказав, что Андрей Сергеич вышел на минутку, он повел гостя к себе в кабинет, завешанный фотографиями зданий и архитектурными проектами.

— Редко вы, Фридрих Артурович, навещаете друга. Редко! Мы с вами не виделись с самой свадьбы, а уж внуку пошел второй год... Когда я был молодым — мы жили иначе!

— Хотелось бы и нам жить иначе, Федор Семенович, но война!

— Ужаснейшая из войн! Ничего подобного история не видела. Миллионы поставлены под ружье! Мил-ли-оны!..

— Надеялись, что революция положит конец кровопролитию. Народ против войны.

— А правители? — почти закричал Сушков.— Я имел честь лично знать теперешнего Председателя и Верховного господина Керенского. Это, извините за резкость, демагог! И будет служить тем, кому выгоднее. Народ для него не более, как некая бесчувственная стихия, которой можно управлять и повелевать. Управлять и повелевать — это его страсть!

— Но согласитесь, Федор Семенович, что стихия порой выходит из повиновения.

— Вы намекаете на Февральские дни? Согласен! Стихия разбушевалась и смела позорившее Россию самодержавие. А что вышло? Силы, смахнувшие царизм, не смогли распорядиться властью и удержать ее.

— Вы говорите о большевиках?

— Я говорю о народе! — воскликнул Сушков.

В дверях появился Андрей Стрешнев:

— Не помешал?

— В самый раз,— сказал Сушков и встал,— извините, Фридрих Артурович,— поговорим в другой раз, мне надо съездить по делу...

Когда тесть ушел, Стрешнев с радостью бросился к другу, крепко обнял, усадил на диван.

— Чувствую, Фридрих, горюешь ты. Чувствую и сердцем понимаю тебя... Спасибо, что приехал. Погостишь

у меня — отдохнешь. Отвлечешься, забудешься... Назревают, брат, новые события. У нас на заводе все наэлектризованы... Чувствуется, что зреет буря. Мы должны быть готовыми к тому, чтоб в грозные минуты поступить решительно...

5

Двадцать седьмого октября весь день лил дождь и дул холодный ветер. Выходить из дома никому не хотелось. Вернувшийся со службы Федор Семенович играл в шахматы с Цандером. Юленька и мать возились с малышом в детской.

В сумерки вернулась продрогшая до костей кухарка Настя. Отнеся корзинку на кухню, она переоделась и заглянула в гостиную. Ее круглое, всегда румяное лицо было бледно, глаза испуганно мигали:

— Барин, в очереди в булочной говорят, что в Петербурге переворот... Что правителей посадили в крепость, что власть захватили матросы.

— Матросы? — машинально сжимая в руке фигурку, уставился на нее Федор Семенович.

— Говорят, матросы...

— Да зачем же матросам власть?

— Не знаю... а только говорят...

— Хорошо, иди, Настя...— сказал Федор Семенович и, встав, зашагал по гостиной, продолжая крутить в пальцах белую фигурку.— Я ожидал всего, но только не этого. Матросы?.. Что вы скажете, Фридрих Артурович?

— Не знаю... Я далек... оторван...

— Может, матросов уговорили большевики? Что? Это вполне допустимо... Вспомните пятый год... «Потемкина-Таврического»... Вдруг поднялся Кронштадт с его флотом и десятками тысяч матросов? А? Что вы скажете?

— Я ничего не могу сказать, Федор Семенович...

Донесся звук открываемой двери.

— А, кажется, Андрей Сергеич идет? Он и есть... Голубчик, Андрей Сергеич, ну, что в городе? Мы так волнуемся. Известны ли подробности о событиях в Питере?

Стрешнев, большой, взъерошенный, вошел не спеша, потирая озябшие руки.

— В городе, господа, очень тревожно. Трамваи не ходят. На перекрестках стоят вооруженные патрули. Мне пришлось петлять на извозчике, а потом пробираться в об-

ход, дворами... У нас под окнами, у Никитских ворот, юнкера роют окопы и устанавливают проволочные заграждения.

Федор Семенович подошел к окну и, приникнув к самому стеклу, долго всматривался.

— Что, убедились?— спросил Стрешнев.

— Темно... Однако, господа, действия юнкеров не вызывают сомнения — они готовятся к бою. Я видел, как двое катили пулемет.

— Мне, пожалуй, надо ехать домой,— с грустью сказал Цандер.

— Что вы, ночью-то? — удивленно воскликнул Федор Семенович.— Да ведь вас могут принять за лазутчика и пристрелить у нашего же дома... И не думайте об этом! Мы вас никуда не пустим... Давайте-ка лучше ужинать, господа, уже время. Андрюша, голубчик, поди распорядись...

Часа в три в дверь застучали чем-то тяжелым.

— Кто тут?— испуганно спросила Настя.

— Открывайте, а то взломаем.

— Сейчас! — крикнул Стрешнев и бросился к двери.

— Нет, нет, Андрюша, я сам,— удержал его Федор Семенович.— Ты горяч, нельзя, голубчик, нельзя...

Федор Семенович сам открыл дверь. Вошли шестеро юнкеров.

— У вас большой балкон?

— Да! Вот здесь, в гостиной.

— Сюда не входить, будем устанавливать пулемет!

— Как, в частной квартире? Кто позволил?

— Молчать!

Старший из юнкеров распахнул обе створки дверей, двое вкатили в гостиную пулемет.

— Я жаловаться буду, это произвол!— запротестовал Федор Семенович.

— Что такое? — фальцетом крикнул, входя, чернявый штабс-капитан с ершистыми усиками.

— Господин офицер! Ваши юнкера без разрешения хозяйничают в моей квартире.

— Сейчас война! Или вы, может быть, красный?

— Я известный всей Москве архитектор Сушков. Статский советник и кавалер...

— Простите, господин Сушков, я сейчас разберусь.— Офицер прошел в гостиную, взглянул на балкон и насупился.

— Никакого укрытия и ограничен радиус действия. От-ставить!

— Куда же прикажете?

— На крышу! На чердак! — крикнул штабс-капитан и, уходя, козырнул хозяину:— Извините, господин Сушков,— война!..

Двери захлопнулись.

— Мер-завцы! — выругался вдогонку Федор Семенович и, прижав рукой трепыхающее сердце, пошел к себе в кабинет...

Весь день у Никитских ворот шла стрельба. И лишь когда от Страстного монастыря ударили из орудий, юнкера дрогнули и бросились кто куда...

По бульвару и со стороны Кудринской донеслось могучее «ура!». Солдатские шинели, темные фигуры рабочих-красногвардейцев, черные бушлаты матросов замелькали под окнами. «Ура!» сливалось в сплошной победный рев...

Третьего утром стрельба прекратилась. Над Москвою, на высоких домах, взвились красные флаги.

На улицах появились извозчики, высыпал народ, открылись лавки.

Стрешнев ходил за «новостями» и вернулся только к обеду, раскрасневшийся, возбужденный.

— Ну, что? Что делается в городе, Андрюша? Неужели победили большевики?

Стрешнев достал из кармана вчетверо сложенную афишку.

— Вот смотрите, сорвал на углу.

Федор Семенович, поправив пенсне, взглянул на большие черные буквы:

— Воззвание? Читайте вслух!

Стрешнев откашлялся, набрал полную грудь воздуха и прочитал единым махом:

«К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собст-

венности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

— Рабочих, солдат и крестьян? — переспросил Федор Семенович.

— Да, написано так...

— А мы? Мы — русская интеллигенция... Как же быть нам?

— Мы должны идти с народом,— примиряюще сказал Стрешнев.

— Но почему «товарищи» забыли о нас? Что же делать нам? Ведь нас миллионы?!

— Все говорят, что во главе Советов стоит Ленин. Он тоже русский интеллигент,— твердо сказал Стрешнев.— За свободу боролись лучшие представители русской интеллигенции! Вспомните декабристов, вспомните народовольцев!

— Да, да, это так,— кивнул головой Федор Семенович.— Однако я как-то теряюсь... А вы, Фридрих Артурович, как смотрите вы?

За окнами дробно громыхали тяжелые сапоги, гулко и властно звучала песня:

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!

«Это поет народ, сокрушивший старый строй,— подумал Цандер.— Какая могучая песня! Какие красивые слова. Этот раскрепощенный народ может проложить дорогу и в царство Вселенной...»

— Заслушались? — нетерпеливо спросил Федор Семенович.— Так что же вы скажете, Фридрих Артурович?

— Не знаю. Я живу будущим... Может быть, народная власть скорее поймет нас — мечтателей... А главное... Главное в том, что новая власть за мир! Она положит конец войне... Вы извините, может, я говорю не то... Мы все сейчас так взволнованы... Но я чувствую, что мне надо ехать к себе на завод... Там люди, с которыми я приехал... Я обязательно должен. Мне надо быть с ними...

Пригородный поезд был забит мешочниками, переодетыми буржуями, перепуганными стрельбой молочницами, вооруженными солдатами, матросами, рабочими. Они

были возбуждены, говорили громко, всюду мелькали алые ленточки.

Цандеру удалось захватить местечко у окна. Он тоже был возбужден и жадно всматривался в лица вооруженных людей.

Напротив сидел бородатый человек в темном полупальто, в шапке, держа винтовку между колен большими, заскорузлыми, пропитанными железной пылью, руками. Рядом, тоже с винтовкой, что-то жуя, приткнулся студент. С краю дымили самокрутками солдаты.

Это были разные, очень непохожие друг на друга люди, но на лицах их было одно выражение. Выражение усталости, строгой сосредоточенности и торжества. Они как бы говорили: «Мы прошли через жестокие испытания, но одержали важную победу! Однако враг еще не добит и надо держать ухо востро...»

Дома Цандер много думал о революции. Он понимал, что это совсем не та революция, которая была в феврале. Сейчас власть взял в свои руки революционный народ, большевики, те самые люди, которые ехали с ним в поезде.

«Это люди труда,— размышлял Цандер,— они ближе мне, чем барчуки-аристократы, с которыми я был в Цюрихе. Аристократия выродилась, обнищала мыслью и духом. Россией правил пьяный безграмотный мужик Гришка Распутин. Его сменили алчные, безучастные к судьбам народа, финансовые воротилы. Они хотели войны — большевики призывают к миру. Те за разруху, большевики — за созидание! Если это так, я должен быть с большевиками».

Жадно перечитывая большевистские, меньшевистские, эсеровские газеты, Цандер не мог разобраться и ясно понять, что происходит в русском обществе. С кем идет интеллигенция.

Меньшевистские и эсеровские газеты вопили о вандализме большевиков, об уничтожении храмов и памятников зодчества, о расстрелах людей.

Большевистские газеты писали, что знаменитый русский ученый Тимирязев выступает с лекциями среди красных матросов, что академик Павлов отказался ехать за границу, где ему предлагали большие деньги.

«Значит, они верят в Советскую власть и готовы служить ей. И Стрешнев и, очевидно, Циолковский надеются, что революция раздвинет горизонты творческих дерзаний!

Большевики смелые, отважные люди, смотрящие далеко вперед. Они будут строить новую жизнь. Они поддержат людей дерзновенной мечты. Я должен идти с ними. И только с ними...»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

У обледенелой, разбухшей двери заводской столовой, откуда валил пар, возле объявления толпился народ: рабочие, солдаты, мальчишки. Само объявление — кусок фанеры, прибитой к стене. На нем мелом корявые буквы: «Сегодня, в пятницу, здесь, в столовой, в 6 часов состоится лекция:

«МЫ ПОЛЕТИМ НА МАРС!»

Лекцию читает инженер Ф. Цандер.
Будет демонстрироваться
модель межпланетного корабля.
Вход свободный.
Ревком».

Солдат в шапке, надвинутой на самые глаза, тыкал цигаркой в объявление:

— Видели, едрена вошь, каковы дела! На Марс собираются лететь!.. И полетят! Очень даже свободно... Потому — революция!..

— Да ведь это куда? Подумать только... На звезду! Мыслимое ли дело?..— качал головой пожилой рабочий.

— Так ведь не на воздушном шаре, а на корабле — понимать надо,— запальчиво сказал солдат.

— А ты видал этот корабль?

— Нет, не доводилось...

— То-то же... Его еще строить надо...

— Дяденька, а у нас будут строить?

— Знамо, у нас.

— А он из железа будет, корабль-то?..

— Приходи — узнаешь... Я сам впервой слышу...

— Пойдем, ребята, послушаем,— заключил солдат,— может, кто из нас лететь согласится.

— Неужто бы решился? — спросил старик в стоптанных валенках.

— А чего... Если б харч хороший давали, я бы с дорогой душой,— усмехнулся солдат,— стал бы там на небе революцию производить...

К шести часам народу набилось — еле прикрыли двери. За красным столом, над которым висел плакат: «Вся власть Советам!» — сидели трое: здоровяк в кожанке с рябым лицом — представитель ревкома, седобородый в очках и каракулевой шапке — от дирекции и молодой человек с рыжеватыми усиками, в инженерской фуражке — лектор.

— Товарищи! — поднялся человек в кожанке.— Сегодня у нас необычайное собрание. Разговор пойдет о полете на Марс. Некоторые скажут, мол, совсем спятили большевики. Жрать нечего, транспорт разбит, заводы еле работают — нет ни угля, ни сырья, а они — ишь, на Марс собираются. Мало на земле дела?!

Так могут думать только отсталые элементы. Да! На то мы и большевики, чтоб дерзать! Нынче завоевали землю — завтра небо! Пока чешутся господа капиталисты,— у нас уже будет готов воздушный корабль... Наших дорогих инженеров, идущих в ногу с рабочим классом, поддержит весь народ. Верно я говорю?!

— Пра-вильно! — загудел зал.

— Тогда слово для лекции предоставляю инженеру, товарищу Цандеру.

Цандер начал смущенно, глуховато, опасаясь, что его не поймут, освищут. Ему было страшно смотреть в сотни глаз, горящих жаждой любопытства, насмешливых, дерзких.

Он начал издалека. Рассказал об Икаре, пытавшемся на крыльях перелететь море, о Можайском, строившем в России первый самолет, и незаметно перешел к проекту ракеты Циолковского.

Усмешки исчезли. Цандер видел, как многие не спускали с него глаз. Это ободряло. В голосе его появилась уверенность.

— Кто, устремляя в ясную осеннюю ночь свой взор к небу, при виде сверкающих на нем звезд, не думал о том, что там, на далеких планетах, может быть, живут подобные нам разумные существа, опередившие нас в культуре на многие тысячи лет?

Какие несметные культурные ценности могли бы быть доставлены на земной шар, земной науке, если бы удалось туда перелететь человеку. И какую минимальную затрату надо произвести на такое великое дело в сравнении с тем, что бесполезно тратится человечеством.

Цандер что-то шепнул седобородому в очках. Тот нагнулся и достал из ящика под столом плакат.

— Вот, товарищи, перед вами изображение межпланетного корабля,— сказал Цандер, высоко поднимая плакат.

В задних рядах вскочили, чтобы лучше видеть.

— Это сооружение похоже на самолет, точнее, на два, соединенных друг с другом, самолета. Но если вы посмотрите внимательно, то заметите в хвосте второго самолета раструб. Внутри самолетов находится мощная космическая ракета. Она снабжена поршневым двигателем с пропеллером, чтоб пройти плотные слои атмосферы с минимальной затратой горючего. А крылья нужны для планирования при взлете и для обеспечения мягкого спуска, приземления...

Применение крыльев позволит уменьшить общий вес ракеты в пятнадцать — двадцать раз.

Цандер откашлялся, беглым взглядом окинул притихший зал и продолжал, совершенно успокоенный:

— Оперение большого самолета и освободившиеся баки для горючего в полете не будут нужны. Специальный механизм их будет втягивать внутрь ракеты, расплавлять и превращать в топливо...

Такой межпланетный корабль может развить скорость в десять — пятнадцать раз превышающую скорость артиллерийского снаряда.

— Эх, мать честная! — удивленно крикнул солдат, что стоял у афиши.

На него зашикали.

— Такая скорость позволит межпланетному кораблю долететь до Марса за три-четыре месяца. Расчеты показывают, что создание межпланетного корабля — дело совершенно реальное и в ближайшие десятилетия оно будет осуществлено!

Цандер сложил и убрал в стол плакат и поклонился.

Зал несколько секунд молчал, словно опешив от услышанного... И вдруг аплодисменты обрушились лавиной:

— Браво!

— Ура!

— Даешь Марс!— восторженно кричали из зала.

2

В тревоге, голоде, стуже встречали тушинцы Новый — 1918 год. Что-то он даст? Что принесет?..

Перемирие с немцами казалось ненадежным, шатким, а голод наступал.

Но как ни трудна, как ни тяжела была жизнь, в рабочих Цандер видел одушевление, решимость выстоять перед лишениями, несокрушимую веру в будущее...

Рабочие при встречах шутили и, как бы желая подбодрить его, расспрашивали о межпланетном корабле, интересовались, когда начнется постройка.

Разговоры с рабочими заряжали Цандера новой энергией. Он старался не замечать ни голода, ни разрухи. Его вера в будущее, зародившаяся в первые дни великого переворота, росла и укреплялась.

После той необычной лекции о полете на Марс, когда рабочие и солдаты проводили его гулом восторга, Цандер проникся уважением и симпатией к этим простым, грубоватым людям, еще крепче поверил в их силу и могущество.

«Эти люди стоят за новое, и я верю, я твердо верю — они поддержат меня. А если поддержат они, то поддержит и Советская власть!..»

Цандер стал готовить письмо к Ленину, в котором хотел изложить свои мысли о межпланетном корабле и просить Советскую власть взять на себя его постройку.

Когда черновик письма был набросан, Цандер решил поехать к Стрешневу. Он догадывался, что Стрешнев стоял ближе к большевикам и мог дать разумный совет.

«Как-никак я поднимаю вопрос о выделении для экспериментальных работ по созданию реактивного двигателя и ракеты опытного завода или хотя бы хорошо оборудованной мастерской с большим штатом специалистов. Уместна ли такая просьба сейчас, когда в стране нет ни спичек, ни мыла, ни керосина, ни обуви, ни одежды? Вдруг меня примут за «лунатика» или сумасшедшего?..

Да, спешкой можно загубить все дело. А Стрешнев скажет правду, даже поможет составить письмо более убедительно. Надеюсь, что с его помощью удастся переслать письмо самому Ленину.

В начале февраля, когда немного смягчились морозы, Цандер отправился в Москву.

Он был в добротной шубе, с воротником из меха кенгуру, в валенках и беличьей шапке. Но окна вагона оказались без стекол, и от пронизывающего ветра не было спасенья. Цандер вышел на Виндавском вокзале изрядно продрогший. Чтоб согреться, он не стал ждать трамвая, а пошел в город пешком. На углу Мещанской и Банного, у круглой тумбы с афишами, толпился народ. Приникали к самой тумбе, читали молча и угрюмо расходились.

Цандер, привстав на цыпочки, взглянул через головы: «Социалистическое Отечество в опасности».

Сердце кольнуло.

— Что, что случилось? — шепотом спросил кто-то за спиной.

— Немцы нарушили перемирие,— ответили ему.

— Если бы только нарушили,— угрюмо заметил сосед в шинели,— а то прут по всему фронту от моря до моря.

— Да-с, дела,— ухмыльнулся в бородку какой-то господин и, уткнув нос в бобровый воротник, пошел прочь.

Цандер протолкался ближе к желтому листку-декрету, но успел выхватить лишь отдельные фразы:

«Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и Киеве. Социалистическая Республика Советов находится в величайшей опасности...»

Цандера оттерли в сторону. Он сокрушенно вздохнул и, засунув коченеющие руки в карманы, зашагал обратно, на Виндавский вокзал.

3

Советской Республике в восемнадцатом году ценой Брестского мира удалось откупиться от кайзеровской Германии, но английские, французские, американские, японские интервенты и русские белогвардейцы окружили ее свирепой сворой.

Плохо вооруженная, рожденная в огне боев, Красная Армия отбивалась почти врукопашную. А тут еще поднялась внутренняя контрреволюция: вспыхнули мятежи, восстания, «испанка», сыпняк, голод.

Чтоб выстоять и победить, все подчинялось единой цели — работать не жалея сил, сражаться — не щадя жизни!..

Завод «Проводник» был национализирован. На нем вместо резиновых изделий стали делать лопаты, топоры, кирки, вагонетки.

Враг подходил к Москве, а на шатурских торфяных болотах начинали строить гигантскую электростанцию. Это обескураживало и восхищало! Вот она — Революция!..

Полтора месяца пролежав в больнице, наголо остриженный, исхудавший так, что его нельзя было узнать, Цандер, в сопровождении санитара, вернулся домой.

Хозяин, Иван Назарыч, в черных чесанках и лисьей «душегрейке», открыв дверь, удивленно развел руками:

— Фридрих Артурович! Господи помилуй! Да ведь мы уж и молиться за вас перестали... Считали— нет в живых...

— Возвратный тиф... подобрали в Москве... Только из больницы.

— Теперь чего не бывает...

Цандер, увидев замок на своей комнате, глазами указал на него:

— А где же ключ?

— Так что извините, Фридрих Артурович, а вашу комнату мы сдали другому.

— Как? А где же мои вещи? Книги?

— Книги ваши, тетрадочки и труба — целехоньки — кому они нужны? А за вещи — не взыщите... Приходили люди с завода и все до нитки забрали. Сказали, что вы померли.

У Цандера закружилась голова: опершись на стену, он тяжело опустился на широкую скамью. В мозгу стучало: «Что делать? Кому жаловаться? Куда деваться?..»

— А кто был? Я пойду на завод, выясню...

— И... хватились... Ваши латыши все подались в Ригу.

— Да ведь Ригу только освободили?

— Уж недели две, как уехали... На заводе — все новые... Вряд ли кого сыщете из знакомых.

— Что же делать? — вздохнул Цандер.

— Помнится, вроде у вас дружок был в Москве?

— Да, был... и, наверное, есть...

— Тогда на что же лучше! Я еду туда и могу вас подвезти, по старой дружбе.

— Помогите собрать книги и принесите астрономическую трубу. Я не могу, ослаб...

— Это мы сейчас... вот и товарищ санитар поможет...

Все, что можно было собрать на чердаке, уложили в плетеную корзину и вместе с трубой привязали на задке санок.

Хозяин укрыл седоков медвежьей полостью и, гикнув на застоявшегося рысака, погнал в Москву...

4

Старые друзья приняли Цандера как родного. Благо, Стрешнев только вернулся из Калуги, от стариков,— привез муки, гороха, сала.

За две недели Цандер окреп, приободрился. Ему захотелось остаться в Москве, где было больше возможностей для творчества. И вот Стрешнев повез его на завод «Мотор» — там обещали место инженера.

В небольшом скромном кабинете, обогревавшемся буржуйкой, их принял главный инженер Крамешко — сероглазый брюнет с худым, озабоченным лицом.

Пожав тонкую, холодную руку Цандера, он взглянул с недоверием:

— Слышал, вы после тифа... Сможете ли работать в цеху?

— Постараюсь... Я так истосковался по делу, что готов на любую должность...

— Последнее время вы занимались шинным производством?

— Да, так пришлось... Но больше я люблю моторы... когда-то был практикантом на вашем заводе в Риге.

— Мне рассказывал Андрей Сергеич... Вы ведь однокашники?

— Да. Вместе учились в институте и вместе были в Обществе воздухоплаванья...

— Суровое время не погасило вашу мечту о полетах в другие миры?

— Напротив! Революция вселяет надежду на осуществление дерзновенной мысли! Думаю, что у вас на заводе, если вы окажете поддержку, можно построить опытный образец реактивного двигателя.

Эти слова были сказаны с такой спокойной уверенностью, что Крамешко даже потупился: «Этот Цандер, види-

мо, не просто мечтатель и фантаст. По всей вероятности, у него есть конкретные предложения, а может, и готовый проект нового двигателя». Крамешко достал из ящика стола три кружки, коробочку с изюмом и, сняв с буржуйки чайник, налил всем красноватого, с травяным запахом чая.

— Угощайтесь, пожалуйста! Чай, правда, морковный, но в мороз и он хорош...

— Спасибо! — сказал Цандер и, глотнув горячего, почувствовал себя бодрей.

— Я делал расчеты и убежден, что создание реактивного двигателя — дело вполне реальное.

— Не спорю, товарищ Цандер. Я рад поддержать смелую, новую мысль, однако в ближайшее время у нас это едва ли возможно... Полагаю, что и у вас не будет оставаться времени для изобретательства. Завод работает для фронта, и мы сейчас все силы должны отдавать на ремонт старых и производство новых моторов.

— Но, Павел Николаевич,— вмешался Стрешнев,— скажите Фридриху Артуровичу и о наших перспективах.

— Да, да, разумеется. Теперь трудное время. Красной Армии нужны самолеты. И мы делаем то, что быстрей... Однако уже сейчас мы думаем над созданием своего отечественного авиационного мотора... Пожалуй, вы подойдете именно для этого... Вы кончили в Риге механическое отделение?

— Да. И два курса в Данциге... Я, главным образом,— математик.

— Мы ищем такого человека. Вы не взялись бы за расчеты и разработку карбюратора в новом двигателе?

— С радостью!

— Отлично,— поднялся Крамешко.— Пойдемте в техническое бюро, я вас познакомлю с товарищами — и сразу к делу. Документы оформим потом...

5

Третьего января 1919 года мягким снежным днем в Ригу вступили красные латышские стрелки.

Цандер узнал об этом еще в тифозной больнице и, выпросив у соседа огрызок карандаша и два листка из ученической тетрадки, написал отцу и Марте. Потом от Стрешнева отправил дополнительно несколько телеграмм

и подробные письма с просьбой писать по новому адресу, но ответа не было...

«Что происходит в Риге? Уж не умер ли отец? Не вышла ли Марта замуж? А сестры? Могли бы откликнуться они?.. Может быть, пишут по старому адресу в Тушино? Нет, Иван Назарыч привез бы — каждый день бывает в Москве. Впрочем, едва ли... Если он прибрал мои вещи, то с письмами разделаться ему ничего не стоит... Буду ждать, пока напишут в Москву».

Лишь в апреле, когда Цандер переехал на квартиру, предоставленную Советом, Стрешнев, зайдя к нему в бюро, передал письмо со штемпелем Риги.

— Наконец-то! — радостно воскликнул Цандер и стал читать.

Письмо было от отца. Старик сообщал, что жив, что братья вернулись и теперь дома, что сестры здоровы.

Цандер пропустил подробности и остановился на последнем абзаце, где говорилось о Марте.

Стрешнев заметил, что нижняя губа у Цандера начала слегка вздрагивать и лицо побелело.

— Фридрих, что случилось? Жив ли отец?

— Спасибо, жив. Дома все хорошо, но вот Марта...

Стрешнев подвинулся ближе, дружески положил руку ему на плечо:

— Что, вышла замуж?

— Нет... уехала с матерью в деревню и словно канула в воду.

— Ничего, друг, скоро и от нее получишь весточку. Она славная девушка. Она тебе не изменит...

Весной девятнадцатого интервенты и белогвардейцы начали новое, грозное наступление. Почти трехсоттысячная армия Колчака двинулась на Пермь и Самару. С запада на Петроград рвался корпус Юденича. С юга наступала белая армия Деникина.

В Москве спешно формировались рабочие отряды, а те, кто оставался на заводе, должны были работать за двоих.

Цандер в эти дни трудился по двенадцать — тринадцать часов, а иногда и вовсе не уходил домой.

В двадцатых числах мая положение стало особенно тревожным.

Поползли слухи, что в Москву засланы диверсанты, что несколько групп выловлено на заводах «Брамлей» и

«Гужон». В цехах появились незнакомые люди, одетые в кожанки, а то и просто во что попало,— не отличишь от рабочих. Поговаривали, что это — Чека.

Однажды днем, когда Цандер работал особенно увлеченно, в техническое бюро вошла секретарь и таинственно зашептала:

— Фридрих Артурович, вас спрашивают.

— Кто? — не отрываясь от расчетов, спросил Цандер.

— Какой-то военный... огромного роста и с маузером.

Сотрудники испуганно переглянулись.

— Зачем я ему?

— Не знаю... Просит вас выйти.

«Уж не донос ли какой? — с тревогой подумал Цандер.— Фамилия у меня нерусская... Знает меня здесь один Стрешнев, и тот, как назло, уехал в командировку. Ладно, будь что будет...»

Он поднялся и, стараясь не выдать волнения, вышел в приемную.

У окна стоял высокий командир в фуражке со звездой и смотрел на него в упор.

— Вы вызывали? — робко спросил Цандер.

— Да! Не узнаете?

— Нет, не могу припомнить...

— Цандрик, это же я!

— Янис? Неужели? — И оба бросились в объятия друг другу.

— Янис, откуда же ты, Янис?

— Только сейчас из Риги. Был комиссаром в полку красных латышских стрелков, а теперь назначен на Восточный фронт.— Он взглянул на часы.— Милый Фридрих, я уже должен бежать. Вот письмо от Марты. Тут все написано.

— Ой, спасибо, Янис. Что же с ней? Где она?

— Была в деревне, а сейчас дома. Нашла кучу твоих писем. Читает и плачет... Отец вернулся из ссылки. Пауль был со мной... Все собрались домой, а вот я — уезжаю...

— Что же Марта? Хоть два слова, Янис!

— Любит тебя, любит! Собирается ехать в Москву. В письме все написано. Прощай!

Они обнялись, как братья.

— Янис! Так много надо тебе сказать... Так много... Возвращайся с победой. Я буду ждать.

Цандер проглотил соленый ком и, зажав в руке письмо, пошел к себе в бюро...

Домой он вернулся поздно вечером и, вскипятив чай, снова стал перечитывать письмо от Марты.

«Милый, родной Фридрих! Даже не верю, что ты прочтешь эти строки! Я послала тебе больше двадцати писем, и, видимо, ты ни одного не получил...

Я ждала тебя все эти годы, я верила, что мы встретимся, чтобы больше никогда не разлучаться. И вот счастливый день наступил! Рига свободна! Уже идут поезда в Москву... Я прочла, несчетное число раз, твои письма. Я все знаю. Только сообщи адрес, и я немедленно выеду.

Подробностей не пишу — о них расскажет Янис...»

Поужинав, Цандер лег в постель и, еще раз перечитав письмо, положил его под подушку. Затем потушил свечу и, думая о Марте, уснул...

А утром газеты сдержанно сообщили, что красные латышские стрелки оставили Ригу...

6

Первые дни после известия о падении Риги Цандер ходил как потерянный. Два раза он опаздывал на работу, извинялся, говоря, что задумался в трамвае и проехал свою остановку. Эту рассеянность сослуживцы стали замечать после встречи с высоким командиром. На их вопросы Цандер отвечал невпопад, порой пропускал время обеда, даже делал ошибки в расчетах, чего раньше с ним никогда не случалось. Всем было ясно, что Цандер потрясен и что это случилось после встречи с военным. Но в чем была причина потрясения — никто не знал...

У Цандера было такое состояние, как будто из жизни у него ушло самое важное. Он ходил с опущенными глазами и пытался отыскать пути к тому, чтоб вернуть невозвратимое...

Он не хотел верить, не хотел смириться с мыслью, что больше никогда не увидит своей любимой. Напротив, он старался себе внушить, что еще не все потеряно, что сдача Риги — случайность, что немцы сейчас не так сильны, чтобы ее удержать. «Красная Армия окрепла в боях, приобрела воинский опыт, научилась побеждать. Расправившись с Колчаком, она непременно повернет штыки на запад...» Цандер приводил много доводов, пытался убедить себя, но на этот раз в его душе утвердилось другое убеж-

дение, на которое не действовали никакие доводы. Это подсознательное убеждение было предчувствием...

Прошло два месяца. Цандер немного успокоился, ушел в дела. Теперь он работал не только в техническом бюро, но и непосредственно в цехах, следя за изготовлением отдельных узлов моторов, за сборкой и испытанием их. Он хотел изучить не только всю технологию производства, но и «душу», «характер» различных типов моторов. Это было нужно ему, чтобы безошибочно определять неполадки и неисправности по одному звуку работающего мотора. Это требовалось для того, чтобы избавить от «изъянов» моторы будущего...

Летом, когда Красная Армия нанесла сокрушительное поражение Колчаку, освободив Уфу, Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Цандер опять стал убеждать себя, что Рига потеряна не безвозвратно. В нем вновь затеплилась мысль о встрече с Мартой. Но это было скорее желанием видеть ее, чем надеждой...

Осенью, когда Советская Россия оказалась в железном кольце вражеских войск, когда Деникин с отборной Добровольческой армией подошел к Туле, Москва была объявлена на военном положении. В эти дни Цандер днем работал на заводе, а вечером вместе с рабочими уходил рыть окопы и строить укрепления...

7

В конце ноября, когда враг был отброшен за Курск и Воронеж, Москва вздохнула облегченно: работа на заводе вошла в свою колею — по воскресеньям давался отдых.

В эти свободные дни Цандер обувался в старые подшитые валенки, купленные по случаю на Сухаревке, в дубленый полушубок, подаренный Стрешневым, и шел в Румянцевский музей. Там, в нетопленном зале библиотеки, он сидел дотемна, просматривая газеты, журналы, книги, по крупицам собирая все сведения о развитии авиации и дирижаблей.

Теперь, когда Красная Армия начала громить, гнать врага, он твердо решил, что пора вернуться к мирным проблемам.

«Как только кончится война, очевидно, Советская власть начнет восстанавливать фабрики и заводы, строить новые предприятия. Вот тут-то я и представлю свой

проект. Он должен быть основан на новейших достижениях техники. А я отстал. Ведь целых шесть лет идет война... Может быть, в Америке, которой война почти не коснулась, уже построены лаборатории, где создаются межпланетные корабли? Я должен быть в курсе событий. Я должен знать все...»

Румянцевская библиотека оказалась для Цандера настоящим кладом.

Там были собраны почти все журналы и газеты России за последние годы. Имелось много иностранных изданий, датированных пятнадцатым, шестнадцатым, даже семнадцатым годами.

Тщательно просматривая все, что относилось к ракетам, Цандер вновь перечитал статью Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», датированную 1911—1912 годами, которую помнил со студенческих лет. Но теперь он взглянул на нее другими глазами. Тогда она будоражила ум, увлекала, манила в безвестные дали.

Теперь она показалась ему очень далекой от реальности.

«Конечно, идея Циолковского верна и расчеты его правильны. Однако к решению этой задачи нужно идти другим путем, путем экспериментов, путем практических работ.

В этой статье Циолковский полемизирует с французским ученым Эсно Пельтри. А может быть, Эсно Пельтри уже строит ракету?.. А немцы? А американцы? У нас нет никаких сведений о западных исследователях. Но это не значит, что они сидят сложа руки...

Сейчас, когда наметился перелом в войне — надо начинать практические работы по ракете, надо объединиться всем изобретателям и работать сообща. Почему бы Циолковского не пригласить в Москву? Конечно, он не инженер и едва ли бы мог возглавить практические работы, но его авторитет и советы нам бы помогли».

В подъезде было темно. По обледенелой лестнице, ощупью Цандер поднялся на второй этаж, дернул ручку звонка.

Ему открыл сам Стрешнев:

— Фридрих? Очень рад! А я, признаться, хотел ехать к тебе. Раздевайся, проходи.

— Видимо, действительно мысли передаются на расстоянии, раз ты собирался ко мне,— улыбнулся Цандер.— А я вот только из библиотеки,— продолжал говорить он, проходя в гостиную и усаживаясь на знакомом диване,— перечитал статью Циолковского и пришел к выводу, что нам надо начинать сообща.

— Ты о чем, Фридрих?

— Да опять же о ракете. Скоро войне конец. Надо начинать действовать. Спишись с Циолковским, вы же друзья. Может быть, он приедет в Москву? Мы бы вместе составили письмо Ленину, а?

— Это невозможно сейчас...— смущенно, с трудом подбирая слова, заговорил Стрешнев.— Невозможно потому, что... впрочем, какая-то дикая нелепость...

— Да что, что случилось? — испуганно спросил Цандер, схватив его за руки.

— Вот письмо из Калуги, от отца... Только сегодня получил... Одним словом — Циолковский арестован Чека...

8

Еще не прошло года, а уж о Цандере на заводе заговорили, как о замечательном инженере. В декабре он был назначен на должность заведующего техническим бюро.

На него возлагались надежды и ответственность за создание первого советского авиационного двигателя.

Цандер не был обрадован этим назначением, так как административные обязанности будут отнимать много времени, помимо рабочего. А отказ могли истолковать как саботаж. И Цандер перешел в отдельный кабинет.

Работа по созданию нового двигателя поначалу казалась ему интересной и увлекательной. Но когда были сделаны все расчеты и рабочие чертежи, когда работу перенесли в цеха, он затосковал. Было обидно, что этот первый советский двигатель не совершит революцию в моторостроении. «Конечно, он обещает быть лучше, мощней и надежней иностранных, покупных, но пока его делают и осваивают, на Западе могут появиться новые, значительно более сильные моторы».

Цандер пригласил Стрешнева, решив поговорить с ним как с другом.

Стрешнев, выслушав его доводы, раздумывая, тихонько стал отбивать пальцами «Марсельезу».

— Ну что, Андрей, ты не согласен со мной?

— В технике идет и будет идти вечное соревнование, Фридрих.

— Согласен. Это неизбежно. Но можно двигаться вперед маленькими жалкими шажками, а можно совершать прыжки.

— Говорят: тише едешь — дальше будешь!

— Нет, я не согласен,— запротестовал Цандер.— Мы сейчас, по существу, занимаемся компиляцией и создаем улучшенную конструкцию, а я за то, чтоб создавать новый тип двигателя.

9

— Если вопрос стоит так — я за прыжки! — с улыбкой воскликнул Стрешнев и, расправив бороду, поднялся, обнял друга:

— Ну-ка выкладывай, Фридрих, что у тебя за идея?

— Я думаю, Андрей, что теперешние бензиновые моторы нуждаются в коренной переделке. Они маломощны. Для моего воздушного корабля потребовалось бы пять моторов! Это утяжелило бы вес корабля в несколько раз и загубило бы все дело.

— Для твоего корабля наши двигатели не годятся, согласен. Но ведь это не значит, что они непригодны для самолетов?

— Не спеши, Андрей, я еще не сказал главного.

— Ты хочешь увеличить мощность, но ведь это немыслимо без увеличения веса!

— Возможно. Я уберу карбюратор.

— Что?! Ты это серьезно, Фридрих?

— Да! Сейчас горючая смесь подается в распыленном состоянии. Для сжигания ее приходится сжимать. Коэффициент полезного действия очень мал...

— Что же предлагаешь ты?

— Убрать карбюратор и заменить его насосом. Подавать горючее, скажем нефть, прямо в цилиндры под большим давлением, вместе с жидким кислородом. Я высчитывал — это даст огромный эффект! При этом же объеме цилиндра мощность возрастет почти втрое.

— Интересно! — Стрешнев прошелся по кабинету.— У тебя уже созрел проект?

— Еще нет, но я буду над ним работать. Такой двигатель, снабженный несколькими винтами, сможет провести межпланетный корабль через плотные слои атмосферы. Ну, как ты отнесешься к этому замыслу?

— Замысел отличный! Но будет ли хорош такой двигатель — я еще не уверен... Ты должен работать над проектом и пока никому об этом не говорить.

— Почему, Андрей?

— Так будет лучше. Поверь. И главное — не осуждай то, что делаем мы. Первый советский авиационный двигатель должен быть освоен нами, и как можно быстрей. Это очень важно, Фридрих! Очень! От успеха этой работы будут зависеть и межпланетные полеты.

10

В то время, когда Фридрих Цандер работал над чертежами и схемами двигателя высокого давления, по другую сторону океана, в Америке, в живописном университетском городе Вустере, за письменным столом сидел другой изобретатель — Роберт Годдард.

Это был высокий худощавый человек с большим лбом и спокойными темными глазами.

Перед ним, на столе, освещенном мягким светом окон, лежали гранки научной работы «Метод достижения крайних высот».

Дочитав последнюю 69-ю страницу, Годдард поставил свою подпись, бросил на гранки ручку с золотым пером и, закурив сигару, стал прогуливаться по просторному, уставленному книгами, кабинету.

Будучи профессором физики в университете имени Кларка, Годдард с четырнадцатого года вел опыты с пороховыми ракетами, пытаясь поднять их на высоты, превосходящие полет воздушного шара. Опыты предпринимались с целью ведения метеорологических наблюдений.

Три года назад он написал работу, гранки которой сейчас лежали у него на столе, и послал ее в Смитсоновский институт, прося субсидию на создание высотной ракеты.

Из института пришло письмо с просьбой назвать испрашиваемую сумму.

«Я осмелюсь назвать сумму в 250 долларов»,— скромно ответил Годдард. Через несколько дней была получена телеграмма: «Смитсоновский институт, для начала работ над ракетой, выделяет пять тысяч долларов»...

— Ого! — воскликнул Годдард.— Это же мой пятилетний заработок! Теперь я смогу развернуться...

За три года Годдард изготовил несколько пороховых ракет оригинальной конструкции. Созданием в этих ракетах выводной трубы особой формы Годдарду удалось до шестидесяти четырех процентов химической энергии пороха переводить в механическую энергию вытекающих газов. В обычной же пороховой ракете используется только два процента энергии пороха. В пушке не более шестнадцати.

Благодаря этому удачному изобретению Годдарду удалось достичь довольно высокой скорости газовой струи — 2290—2430 метров в секунду. Он решил совершенствовать свои ракеты и, чтоб добиться новых ассигнований, задумал опубликовать залежавшуюся рукопись.

Работа его была написана научным языком, с множеством формул, и он не рассчитывал на широкий успех. Однако закончил ее весьма интригующей фразой:

«Проведенные опыты позволяют надеяться, что в недалекое время станет возможно послать ракету на Луну и произвести там взрыв осветительного снаряда такой силы, что вспышка будет видна с Земли».

Теперь, прогуливаясь по кабинету, Годдард курил и думал:

«Если журналисты заметят мою работу, они, очевидно, поднимут шум в газетах. Ну что ж... Тогда будет больше надежд получить в институте дополнительные ассигнования».

11

Весной двадцатого года был подписан мирный договор с буржуазной Латвией. До этого известия в Цандере еще жила хоть крохотная надежда на встречу с Мартой,— теперь все рухнуло... «Я потерял ее навсегда,— вслух сказал Цандер.— Надо мужаться».

И это случилось в те дни, когда Цандер заканчивал последние листы чертежей двигателя высокого давления. Стрешнев, опасаясь, чтоб Цандер снова не заболел, приходил к нему каждый день.

В субботу утром он позвонил из цеха по телефону:

— Фридрих, голубчик, сегодня после работы поедем ко мне,— приехали старики из Калуги. Есть важные новости...

— А что? Какие новости? Может, про Циолковского?

— Не знаю... Мне звонил тесть...

Стрешнев открыл дверь своим ключом. Друзья вошли неслышно, разделись, причесались у зеркала, и только тогда Стрешнев распахнул дверь в гостиную. На диване в пуховом платке с книгой в руках сидела худенькая женщина с густыми поседевшими волосами, уложенными в пучок.

Увидев Стрешнева, она ласково взглянула на него большими серыми глазами и, выронив книгу, вскочила:

— Андрюша! Андрюшенька!

Стрешнев, обнимая и целуя мать, неуклюже топтался вокруг:

— Рад, рад, что вы приехали, мама... Очень рад! А где же отец?

— Пошел со Славиком погулять... Ну, как же ты, Андрюшенька? Все у вас благополучно?

— Все хорошо, мамочка... Отлично! Вот, позволь представить тебе моего закадычного друга — Фридриха Артуровича Цандера.

— Очень рада!

Цандер поклонился, церемонно поцеловал протянутую руку:

— Я давно мечтал познакомиться с вами.

— И я тоже... Вон вы, оказывается, какой... Андрюша так много рассказывал о вас...

Раздался звонок.

— Это они! — сказал Стрешнев и бросился открывать дверь.

В передней послышались радостные возгласы, поцелуи, тут же в гостиную вбежал шустрый белокурый Слава. Следом вошел рослый русобородый, как сын, еще прямой и крепкий, Стрешнев-отец. Ему исполнилось шестьдесят шесть, а выглядел он лет на десять моложе.

— Я бы вас, Сергей Андреич, скорее принял за брата Андрея, чем за отца,— пожимая его руку, с улыбкой сказал Цандер.

— Живем в провинции. И воздух и питанье не то, что здесь.

— Дедушка, дедушка! Иди сюда! — позвал Слава, усевшись на диване рядом с Елизаветой Павловной.

— Иду, Славик, иду,— усмехнулся дед и сел рядом с внуком.

— Ну, рассказывайте, как доехали? Какие новости? — спросил Андрей, садясь поближе.

— Доехали хорошо. Правда, на вокзале у нас чуть не конфисковали корзину с продуктами... Спасибо, один военный вмешался.

— Послали бы телеграмму, я бы встретил.

— Ничего. Все обошлось... Как же вы тут, Андрюша?

— Трудимся... Теперь полегче стало... Вот с Фридрихом Артуровичем собираемся лететь на Марс... А что с Константином Эдуардовичем? Есть ли известия?

— Выпустили! Виделся с ним перед отъездом... Передавал привет.

— Спасибо! За что же его арестовали?

— Переписывался с чудаком — изобретателем из Киева. Тот дал его адрес какому-то белому офицеру, возможно, лазутчику. Ну тот и нагрянул, видимо желая укрыться.

— И что же?

— Пробыл до ночи и ушел, а на другой день Циолковского арестовали и увезли в Москву.

— И долго держали?

— Нет, через месяц выпустили с извинениями... Глупость! Разве он мог быть в чем-нибудь замешан? Напротив, он только на Советы и надеется. Советская власть поможет ему в заветной мечте.

— И что же, как сейчас?

— Ничего... учительствует... Начал хлопоты о переиздании своих статей...

— Скажите, Сергей Андреич, а он не возбуждал вопроса о постройке ракеты? — спросил Цандер.

— Нет. Он уже много лет увлечен дирижаблями... Правда, тут я ему давал читать статью о Кибальчиче, о проекте ракеты, так он страшно разволновался...

— А где о Кибальчиче написано? — спросил Цандер.

— В «Былом», в пятом номере... Лизонька, где же у нас журнал?

— Он лежит в кабинете — Федор Семенович читал.

— Пойдемте, господа, туда. А впрочем, идите одни... Ступай, Андрюша, ступай! Мы с мамой побудем здесь.

Цандер заметил, как Сергей Андреич достал платок и вытер глаза.

— «Находясь в заключении, за несколько дней до смерти, я пишу этот проект,— читал Андрей приглушенно, стараясь подавить нахлынувшее волнение.— Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении».

Стрешнев передохнул, взглянув на помрачневшего Цандера, и продолжал:

— «Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу Родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью.

Я умоляю ученых, которые будут рассматривать мой проект, отнестись к нему как можно серьезнее и добросовестнее и дать мне на него ответ как можно скорее».

— И этот проект не показали ученым? Ведь тогда же были Менделеев и Столетов! — воскликнул Цандер.

— Нет, не показали...— вздохнул Стрешнев и опять стал читать:

— «Прежде всего, считаю нужным заметить, что, будучи на свободе, я не имел достаточно времени, чтобы разработать свой проект в подробностях и доказать его осуществимость математическими вычислениями...

Насколько мне известно, моя идея еще не была предложена никем.

Какая же сила применима к воздухоплаванью? Такой силой, по-моему, являются медленно горящие взрывчатые вещества...»

Андрей читал, а Цандер сидел в кожаном кресле в глубокой задумчивости. Когда речь пошла об устройстве реактивного снаряда, он вскочил, быстро взглянул на чертеж и снова сел. Он кусал губы, молча смотрел вниз, поминутно вздрагивая...

Кончив читать, Стрешнев взглянул на друга.

Цандер сидел, опустив голову на руку, и, казалось, плакал.

— Фридрих, ты плачешь?

— Нет, думаю...

— Что же ты скажешь?

— Сколько лет пролежал проект в архиве?

— Тридцать семь!

— Выходит, он был составлен за двадцать два года до статьи Циолковского?

— Да!

Цандер поднялся:

— Я преклоняюсь перед этим человеком, Андрей. Преклоняюсь перед его гением и перед его мужеством! Что на-

ши лишения, голод, холод, неурядицы в сравнении с тем, что пережил Кибальчич? Ведь он не дрогнул перед лицом смерти!

— Да, Фридрих,— это герой!

— А что же мы? Я вожусь с этим двигателем и совершенно забросил проект межпланетного корабля. Забросил расчеты траекторий. Позор! Сегодня же, сейчас же еду и берусь за дела.

— Нет, нет, сейчас я тебя не отпущу. Кажется, пришел Федор Семенович, поужинаем.

— А что, Андрей, неужели твой отец знал Кибальчича? Я видел слезы на его глазах.

— Да, они были друзьями. Когда Кибальчича везли на казнь, отец крикнул ему: «Прощай, друг!» — и чуть за это не поплатился жизнью.

— И матушка твоя была с ним знакома?

— Она была в него влюблена... О, это романтическая и грустная история.

— Кибальчич тоже ее любил?

— Да, да, Фридрих, но об этом не надо... Мама очень страдает...

В дверь постучали.

— Пожалуйста! — крикнул Андрей.

Вошли два деда с маленьким Славиком.

Цандер поздоровался с Федором Семеновичем и, извинившись, вышел.

Дверь в гостиную оказалась открытой. Елизавета Павловна сидела в углу дивана. Лицо ее было задумчиво.

Цандер подошел к дивану, встал на колени и, молча поцеловав ей руку, выбежал из комнаты...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Цандер сидел за высоким бюро из вощеного дуба и сосредоточенно считал на логарифмической линейке.

Дверь открылась бесшумно — вошел главный инженер Крамешко. Цандер, не услышав, продолжал считать.

Крамешко кашлянул в кулак:

— Извините, Фридрих Артурович, кажется, помешал?

— Пожалуйста, Павел Николаевич, я к вашим услугам,— Цандер встал и пододвинул стул.

Крамешко устало опустился на стул, слегка прикрыв ладонью глаза от яркого солнца.

Его бледное худое лицо было выбрито до синевы, и на щеках отчетливо виднелись тонкие, глубоко врезавшиеся морщинки. Серые глаза смотрели из-под темных бровей озабоченно и утомленно. Несмотря на молодые годы, Крамешко выглядел изрядно измученным, много повидавшим человеком.

— Вы хотите знать, Павел Николаич, как идет работа по проектированию нового мотора?

— Нет, нет, я зашел просто так, без всякого дела... Вчера, из-за заседания в тресте, я опоздал на вашу лекцию о Кибальчиче. Но все же послушал...

— Вот как? Я не знал...

— Да, послушал. Вы говорили очень проникновенно и впечатляюще. Верите ли, я до трех часов не мог уснуть. Все думал об этих несчастных и в то же время великих людях: Желябове, Перовской, Кибальчиче.

— Я очень сожалею, что лишил вас сна, Павел Николаич,— с полуулыбкой и как бы извиняясь, сказал Цандер.

— Нет, нет, что вы, Фридрих Артурович. Я благодарен вам. И все, кто слушал,— все были потрясены. Я сидел в последнем ряду, вместе с рабочими, и видел, как они слушали! Вы так вдохновенно, с такой любовью и силой рассказали о Кибальчиче, что я и многие полюбили его всем сердцем. Женщины даже плакали... Это действительно был необыкновенный человек, если за несколько дней до казни говорил с адвокатом о своем изобретении, а не о своей защите.

— Да, так и было...

— А каково изобретение! Почти сорок лет назад составить проект реактивного снаряда... Поразительно! Сверхгениально! Такому человеку надо памятник ставить!

В глазах Цандера вспыхнул огонек.

— Я рад, что Великая революция «освободила» проект Кибальчича.

— Да! Да! Но какая ужасная судьба! — продолжал Крамешко.— Ведь ученые, к которым обращался Кибальчич, так и не узнали о его проекте?

— Нет, не узнали... Печально... И позорно для России.

— Печально! Печально. Но теперь считаете ли вы возможным осуществить проект Кибальчича?

— Безусловно! Идею ракеты развил и теоретически обосновал Циолковский. Теперь дело за практическим воплощением. За нами!

— Я слышал, что вы работаете в этом направлении?

— Да, урывками...

— Мне говорил Стрешнев, что у вас почти готов проект двигателя для межпланетного корабля, который можно применить на самолетах?

— Я разрабатываю нефтяной двигатель высокого давления с применением жидкого кислорода. Возможно, его удастся применить и для межпланетного корабля, в начальный период полета, чтобы пройти плотные слои атмосферы.

— А дальше? Как же корабль полетит в безвоздушном пространстве?

— Там будет включен реактивный двигатель ракеты, которая и вырвет корабль из земного тяготения.

— Понимаю. А реактивный двигатель вы еще не разрабатывали?

— Часть теоретических расчетов сделана, но еще предстоит огромная работа.

— А сам корабль? Или хотя бы макет?.. Может, завод смог бы вам оказать некоторую помощь?

— Что вы, Павел Николаич, разве это возможно? Идут ожесточенные бои с поляками, разве до меня заводу?

— А если в вашем лице мы имеем дело с новым Кибальчичем?

— Ну, что вы... — зарделся Цандер,— я один из многих, кто занимается вопросами межпланетных перелетов...

— Знаю. Кое-что читал. Но это больше мечтатели. А вы — человек дела! Я верю в вас, Фридрих Артурович, и искренне хочу помочь.

— Спасибо, Павел Николаич. Я очень тронут и обрадован... Но как? Ведь все рабочие заняты с утра до ночи?

— Ночью же они свободны!

— Ночью?

— Да! Мы все, и я первый — будем помогать вам во внеурочное время... Как вы смотрите?

— Не знаю... Так неожиданны ваши слова...

— А я верю! Если вы о своем межпланетном корабле

расскажете так же страстно и горячо, как о Кибальчиче, у вас будут сотни помощников! Да — сотни! А мы, администраторы, изыщем материалы и станки — работайте на здоровье!

— Я в Тушине выступал перед рабочими и солдатами,— говорил о полете на Марс.

— Ну и как?

— Кричали, хлопали, благодарили...

— Вот видите!.. Когда сможете подготовиться?

— Я хоть завтра готов, да не сохранился макет межпланетного корабля... Нечего демонстрировать... Правда, он был из картона и дранок... Я сам склеивал...

— Мы сделаем вам настоящий макет, только дайте чертежи. Я знаю замечательного модельщика, в инструментальном... Да что толковать — пойдемте прямо в цех и там обо всем договоримся...

2

Искусным модельщиком оказался белобрысый, широколицый парень, слегка хромавший на левую ногу,— Степан Дубосеков.

Цандер, полагавший, что он встретит старого опытного мастера, разочарованно пожал жесткую широкую ладонь Степана и неохотно подал ему листок бумаги, где был схематичный чертеж межпланетного корабля.

Тот, прищуря бойкие, голубоватые глазки, посмотрел внимательно.

— Что-то я этакого самолета никогда не видел.

— Это чертеж межпланетного корабля для полета с Земли на Луну и другие планеты.

— На Луну? Во-на! То-то, я гляжу, не похож на наши аэропланы... А что взаправду па Луну собираются лететь?

— Взаправду!—Усмехнулся Крамешко.—Вот инженер Фридрих Артурович Цандер будет строить такой корабль.

Степан опять, уже более пристально, посмотрел на чертеж.

— Вроде тут как бы два самолета... один словно бы врезался в хвост другому.

— Да, такая конструкция... Сможете сделать точную модель?

— Отчего не сделать... Крылья, видать, будут заоваленные?

— Да, с краев слегка закругленные.
— Внутри пустотелый?
— Да, желательно было бы по чертежу.
— А какого размера модель?
— В пределах одного метра,— пояснил Цандер.
Дубосеков задумался, что-то прикидывая:
— Что ж, сделать можно... Только вопрос — когда?
— Работать придется по вечерам,— сказал Крамешко,— полет на Луну — дело не предусмотренное планами.
— Это я понимаю, товарищ главный, так ведь небось надо побыстрей?
— В том-то и дело. Фридрих Артурович будет читать лекцию о полете на Луну и другие планеты. Вот ему и хотелось бы продемонстрировать модель.
— А вы бы к художнику толкнулись. Он вам для лекции-то этот корабль в любом виде изобразит... Еще наглядиее будет. А меня бы не торопили. Тут ведь не топором тесать...
Крамешко и Цандер переглянулись и оценили совет модельщика.
— Хорошо, Степан, делай модель не спеша. Со всеми вопросами обращайся к товарищу Цандеру, но до поры — помалкивай. Понял?
— Как не понять. Шуточное ли дело — лететь на Луну... А лекция-то когда будет?
— Об этом тебя известим — получишь особое приглашение.
— Правда? Вот спасибо! Я большой любитель до всего нового. А о модельке не беспокойтесь — сделаю так, что комар носа не подточит...

3

Летом двадцатого года, переброшенная с Северного Кавказа на Западный фронт, Первая Конная армия Буденного с ходу вступила в бой. Мощным броском прорвав фронт, буденновцы освободили Житомир и пошли по тылам 3-й польской армии. Обескураженные поляки начали поспешное отступление. 12 июня Советские войска освободили Киев.

Крамешко решил, что наступил подходящий момент для доклада Цандера — рабочие были в приподнятом на-

строении. Настроение было приподнятым еще и потому, что из освобожденных губерний в столицу прибыло несколько эшелонов с хлебом, салом, скотом — всем работающим увеличили паек...

У афиш, извещавших, что в субботу состоится лекция инженера Цандера о полете на Луну и другие планеты, собирались группами, обсуждали, горячо спорили.

Заводской клуб еще за час до начала был набит битком, и на улице толпились желающие послушать.

Цандер, Стрешнев и Крамешко, пришедшие точно к шести, еле пробились на сцену через черный ход.

— Вот дела-то какие, Павел Николаевич,— гулко отдуваясь, улыбнулся Стрешнев,— если бы не мои крепкие плечи — никакой бы лекции не состоялось.

— Это хорошо! Значит, народ интересуется.

— А мне страшновато,— признался Цандер,— вдруг — не понравится?..

— Главное, не смущайтесь, Фридрих Артурович,— подбодрил Крамешко,— начинайте прямо с Кибальчича... Увидите, как будут слушать...

На другой день в проходной, в столовой, в цехах наперебой спорили о полете на Луну... Слухи о лекции просочились в газеты и имя Цандера — изобретателя межпланетного корабля-аэроплана — сделалось известным. Из других клубов, воинских частей, студенческих общежитий стали звонить, присылать письма с просьбами повторить лекцию у них.

Тихий, скромный, застенчивый Цандер не знал, как себя вести, как отбиваться от бесчисленных приглашений.

— Мне совершенно некогда,— говорил он в завкоме,— я ведь помимо работы в бюро занят проектом межпланетного корабля. Мне приходится делать множество расчетов.

— Хоть одну-две лекции для своей рабочей братвы,— басил председатель завкома Горемба, выпячивая широкую грудь в полосатой тельняшке. — Как бывший красный моряк, даю слово — больше беспокоить не будем.

— Но письма? Десятки писем приходят.

— Выступите у нас, и — амба! — на все письма поставим крест. Даю слово красного балтийского моряка.

Цандер соглашался, выступал, а потом все начиналось сначала...

4

В конце двадцатого года был подписан договор о перемирии с Польшей. Красные войска разгромили под Перекопом и бросили в море остатки войск барона Врангеля. Победа, однако, не была полной. Пожар гражданской войны продолжал полыхать на огромном пространстве Сибири, вплоть до Тихого океана.

В то время как в России горели сотни городов и сел и гибли в жесточайших сражениях тысячи людей, в Западной Европе, как писали газеты, «Установились мир и благоденствие».

Летом 1921 года в экспрессе «Бухарест — Берлин» ехал молодой профессор с хорошенькой блондинкой.

Соседи по купе мало обращали внимания на голенастую фигуру профессора, но мило улыбались его очаровательной спутнице.

Толстенький, щеголеватый господин с сигарой, стоя у окна в коридоре, подмигнул соседу в очках, вышедшему покурить:

— Смотрите, коллега, этот румын какую красотку подцепил. Интересно, говорит ли она по-немецки?

— Не хуже, чем вы,— усмехнулся господин в очках,— оба они чистокровные немцы.

— Да? А проводник сказал, что он румынский профессор.

— Он читает курс в Бухарестском университете на немецком языке. Его фамилия Оберт. Герман Оберт! Он уроженец Австрии.

— Нет, не слышал...

— Скоро услышите. Он собирается издать книгу о межпланетных полетах.

— Я не читаю фантастики.

— Это не фантастика, а научные расчеты. Болтают, что в книге будет описан проект межпланетной ракеты, способной долететь до Луны.

— Я бы в столь сомнительное предприятие не вложил ни одной марки.

— Напрасно... Говорят, дело весьма перспективное... Однако, кажется, Вена?

Поезд остановился. Голенастый профессор вышел из купе, не закрыв двери. Человек в очках извинился и пошел вслед за ним, на платформу. А толстяк стал прогуливаться у раздвинутой двери, стараясь завести знакомство

с хорошенькой фрау... Заметив, что женщина не может поставить на полку чемоданчик, он бросился на помощь... Они вместе вышли в коридор, разговорились.

Прозвучал звонок.

Профессор вернулся с газетами и, видя, что жена разговаривает с соседом, вошел в купе и закрыл дверь. Присев на диван, он достал папиросы, но вдруг, что-то вспомнив, стал рыться в портфеле. «А, вот она брошюра! А я уж испугался: думал, забыл ее в Бухаресте. Посмотрим».

«Черт возьми, я не ожидал такого сюрприза! — воскликнул он, рассматривая брошюру, изданную в Америке.— «Метод достижения крайних высот»! Каково! Роберт Годдард... Первый раз слышу это имя...» Он взглянул на титульный лист: «А, профессор физики университета имени Кларка... Любопытно...— Оберт перевернул страницу.— Удивительно, что этот Годдард поднимает мою проблему. Однако он идет не от раздумий, а от практических опытов с пороховыми ракетами...»

Фрау Оберт, почувствовав, что ее разговор с незнакомым мужчиной затянулся, заглянула в дверь.

— Милый, ты не хочешь полюбоваться чудесными видами?

— Спасибо, я занят...— Оберт продолжал читать, подчеркивая отдельные строчки.

Лишь когда кондуктор пригласил к обеду, Оберт бросил брошюру на стол.

— Что с тобой, Герман? — удивленно спросила жена.

— Я, кажется, слишком долго возился со своей книгой. Американский физик Годдард уже выпустил аналогичную работу.

— Да? Это может тебе повредить?

— Не знаю... Прямых совпадений пока не вижу, но возможно, что они и будут... Я еще не дочитал.

— Что же ты собираешься предпринять?

— Пока хорошо пообедать, а потом будет видно...

Ночью, когда уже все спали, брошюра Годдарда была дочитана. Оберт вышел в коридор и долго шагал из конца в конец по красному ковру.

«Конечно, назначение работы Годдарда весьма ограниченное. Он работает для метеорологических исследований. Но опыты его крайне интересны и оригинальны. Если с пороховыми ракетами он добился столь высоких скоростей истечения газов, так что же будет, если он начнет экспериментировать с жидким топливом?.. А что он

такие опыты произведет — сомневаться не приходится. Залогом эта брошюра...»

Упоминание о возможности посылки ракеты на Луну тоже не случайно. Годдард, безусловно, думает об этом. Безусловно!

Чтоб не остаться в дураках, я должен форсировать события. Ведь книга давно готова. Я же раньше Годдарда начал свои изыскания — еще в девятьсот седьмом, а первенство, пожалуй, припишут ему... Пока он не взялся за космические исследования, мне надо торопиться. Надо ехать с рукописью в Мюнхен, к Ольденбургу. Только он может издать быстро...»

В Берлине, у родителей, Оберт еще раз перечитал свою рукопись, внес кое-какие исправления и написал предисловие, которое, по его мнению, должно было привлечь к книге внимание ученого мира.

Предисловие начиналось так:

«Современное состояние науки и технических знаний позволяет строить аппараты, которые могут подниматься за пределы земной атмосферы.

Дальнейшее усовершенствование этих аппаратов приведет к тому, что они будут развивать такие скорости, которые позволят им не падать обратно на Землю и даже преодолеть силу земного притяжения.

Эти аппараты можно будет строить таким образом, что они смогут нести людей.

В определенных условиях изготовление таких аппаратов может быть прибыльным делом. В своей книге я хочу доказать эти четыре положения...»

Затем Оберт посмотрел на название: «Ракеты летят к планетам» и решительно зачеркнул его. «Они пока еще не летят... Надо скромнее...» Он подумал и печатными буквами написал: «Ракета и межпланетное пространство».

Уложив рукопись в желто-коричневый портфель, он запер его и, спрятав, пошел к жене.

Фрау Эрна, в легком нарядном платье, стояла у зеркала, примеряя жемчужное ожерелье.

— Герман, посмотри, что подарила мне мама! Я буду в Каннах блистать...

— Прекрасно! Поздравляю, Эрна! Но поездка в Италию не состоится.

— Как! Почему?

— Я же говорил тебе в поезде.
— Ах, какая-то брошюра... Разве это так важно?
— Да! Очень! Я уезжаю в Мюнхен к издателю.
— Когда?
— Сегодня, сейчас... Уже вызвал такси...

5

Цандер не любил ходить к начальству и всячески избегал его. Но на этот раз было невозможно обойтись без главного инженера. Узнав у секретаря, что Крамешко один, Цандер слегка приоткрыл дверь, заглянул.

— А, Фридрих Артурович, заходите!

— Спасибо. Прошу извинить, Павел Николаич, но дело совершенно неотложное.

— Присаживайтесь. Я слушаю вас.

— Даже не знаю, как и начать... Стало неловко, даже стыдно появляться на заводе.

— Как? Почему это?

— Теперь все знают меня, как изобретателя межпланетного корабля, и многие спрашивают: когда полетим на Марс?

— Это закономерно. Так и должно быть!

— Но позвольте, Павел Николаевич, ведь проект корабля еще не закончен. Предстоит огромная работа по расчету двигателей, сопла, внутренних механизмов, наконец, поиски горючего.

— Да, все это требует времени,— вздохнул Крамешко,— а что, Фридрих Артурович, если вам предоставить отпуск?

— Я об этом и пришел просить... вот заявление.

— На месяц? — взглянул Крамешко.— Это вам мало поможет. Поскольку дела в техническом бюро идут хорошо — я предоставлю вам два месяца: за прошлый и за этот год.— Он написал резолюцию и протянул бумажку Цандеру.— Желаю успехов, Фридрих Артурович. Изредка заглядывайте: может, будет готова модель, да и я хочу знать, как у вас пойдут дела...

— Большое спасибо, Павел Николаич. Непременно, непременно...

Крамешко протянул руку:

— Прощайте! Если в чем будет нужна помощь — не стесняйтесь. Вы делаете дело всенародной важности...

Стрешнев в конце августа вернулся из Калуги, где проводил свой отпуск и, не застав на заводе Цандера, забеспокоился. Два месяца, предоставленные ему Крамешко, уже истекли, а от Цандера не было никаких вестей.

Вечером, со свертком, где лежало несколько кусков сала, две бутылки топленого масла и банка меду, Стрешнев заявился к нему на квартиру.

На стук в дверь Цандер поднялся из-за стола и тихо сказал.

— Войдите!

Стрешнев, без бороды и усов, румяный, загорелый, улыбающийся, возник из темноты.

Положив сверток у двери, он бросился к другу, обнял, поцеловал в заросшее густой щетиной лицо.

— Фридрих, тебя узнать нельзя. Уж не заболел ли?

— Нет, все хорошо. Работаю...

— А на заводе беспокоятся, что не даешь о себе знать.

— Я же послал Крамешко письмо, с просьбой предоставить мне трехмесячный отпуск за свой счет или совсем уволить с завода.

— Почему? Разве так плохо дело с проектом?

— Не плохо, но подвигается крайне медленно...

Стрешнев осмотрел пустую холостяцкую комнату. Стол и диван были завалены чертежами, схемами, диаграммами. Мелко исписанные листы бумаги лежали даже на полу.

— Вижу, работаешь ты как зверь, а чем питаешься?

— Так, чем придется...

— Чаем угостишь?

— Пожалуйста... Только, если можно, Андрей, сам разожги примус. Он на кухне, на столике, который в простенке,— мне надо закончить расчет.

На кухне пыхтело несколько примусов: готовили обед и стирали три женщины.

Стрешнев поздоровался, подошел к столику в простенке, разжег примус.

— А вы товарищ Цандера? — спросила молодая чернявая в пестрой косынке.

— Да, товарищ.

— А мы думали, что ваш друг уже умер от голода,— совсем не появляется на кухне.

— Неужели из вас никто не догадался его проведать?

— Пробовали,— усмехнулась чернявая,— близко не подпускает... Говорит через цепочку... утонул в своих бумагах... Вот вы — сразу видно — мужчина!

— Да уж я бы с вами через цепочку разговаривать не стал,— улыбнулся Стрешнев и взял вскипевший чайник.— Все же прошу вас, присматривайте за моим другом, он человек славный...

К чаю, как и предполагал Стрешнев, у Цандера ничего не оказалось, кроме черствого хлеба.

Стрешнев развернул принесенные им сокровища.

Цандер удивленно причмокнул губами.

— Божественно, Андрюша! Но зачем мне? Ведь у тебя же сынишка.

— Хватит на всех. Мы с отцом ездили в богатое село и там наменяли на разные вещи... Тебе, мой друг, надо подкрепиться, а то ноги протянешь...

Попив чаю и плотно закусив, оба пришли в хорошее настроение. Стрешнев, усадив друга на диван, присел рядом.

— Ну, расскажи, Фридрих, что за расчеты ты делаешь? Может быть, не все они нужны?

— Андрей, ну как можешь ты задавать такие вопросы? — с обидой сказал Цандер.

— Ну, ну, не сердись, Фридрих. Просто мне жаль тебя... Боюсь, как бы ты не переутомился...

Цандер смягчился.

— Ну хорошо, не сержусь... Однако, что говорить... Ты, как никто, знаешь мой проект. Все дело за расчетами, уточнениями, проверкой первых прикидок. Это требует огромных усилий... Ты скажи, видел ли Циолковского? Как он живет?

— Ничего. Теперь лучше... Был со мной на рыбалке. Сами варили уху...

— Это все хорошо, а как же с его ракетой? Думает он о ее постройке?

— Он сейчас хлопочет об издании своих трудов. Вроде бы обещали, но пока в Калуге совсем нет бумаги...

— Да, трудно приходится нашему брату,— вздохнул Цандер,— а ведь Кибальчичу было еще трудней! Ты знаешь, Андрюша, когда мне особенно тяжко, я вспоминаю Кибальчича. И это придает мне сил. Садись, пожалуйста, к столу, я познакомлю тебя с некоторыми расчетами...

6

Человек с широким плоским ящиком еле протиснулся в двери и, вытирая о рваный половичок ботинки в обмотках, спросил глухо:

— Тут, что ли?

Пришедшая с ним молодая чернявая женщина указала на дверь.

— Здесь, но уж третий день не выходит...

Человек снял фуражку, поплевав на руку, пригладил белесые ершистые волосы и, сунув фуражку в карман выгоревшего бушлата, локтем толкнул дверь и волоком втащил ящик в комнату.

С дивана приподнялся, заросший русой бородой, худой, изможденный человек, в котором трудно было узнать Цандера.

— Кажется, Степан Иванович Дубосеков?

— Я, товарищ Цандер. Я самый, вот, получайте гостинец.

— Неужели модель межпланетного корабля?

— Она! — Дубосеков развязал веревки, отодрал крышку, прихваченную тонкими гвоздиками, и поднял на руках белую, отливающую серебром модель корабля-аэроплана.

— Вот, полюбуйтесь... Я говорил, что комар носу не подточит.

Цандер, шатаясь, поднялся, подошел, стал любовно гладить отшлифованные крылья, фюзеляж, сопло ракеты.

— Отлично! Великолепно! Никогда бы не подумал, что вы такой кудесник, Степан Иванович.

— У нас в семье первейшие мастера: и братья, и отец, и дед...

— Спасибо! Отличная модель. Как же я рассчитываться буду?

— Рассчитываться? Нет, уж это вы оставьте, товарищ Цандер. Я не для заработка — я вашу лекцию слушал... Вот полетите на Луну — возьмете меня с собой. Я ведь на разные дела мастак — и на Луне пригожусь.

Цандер ласково улыбнулся:

— Поставьте, Степан Иванович, модель вон на этот комод, а меня извините... я прилягу.

Он, нетвердо ступая, подошел к дивану, лег. На лице выступил мелкий холодный пот. Глаза глядели тускло.

— Вы, видать, заболели, товарищ Цандер?

— Нет, ничего... просто недоедаю и много работаю.

— А деньги-то есть у вас?

— Были, но недавно кончились... хотел занять у Стрешнева, а он не приходит эти дни...

— Вот тебе и раз... Этак ведь и умереть недолго, товарищ Цандер. А нам на Луну лететь...

Дубосеков хитровато подмигнул и, запустив руку в просторный карман бушлата, вытащил что-то завернутое в газету:

— Вот, держите, товарищ голодающий,— тут краюха хлеба и кусок свинины — баба из деревни привезла. Ешьте на здоровье.

— Да ведь это же ваш завтрак, Степан Иванович?

— Я не умру... Мне уже скоро домой...

Цандер нарезал сала и хлеба, стал жадно жевать.

— Вот и хорошо. Закусывайте, товарищ Цандер, а я тут в одно место слетаю. Я сейчас, быстро обернусь.

Дубосеков попятился к двери и неслышно вышел.

На заводе, в сборочном цехе, был общезаводской митинг по поводу предстоящего воскресника.

Дубосеков пробрался к красному столу президиума и что-то зашептал в ухо председателю завкома Гарембе.

Тот, выслушав, покраснел и, прервав оратора, увесистым кулачищем хватил по столу.

— Слушайте, братишки!

Все замерли.

Гаремба, распахнув бушлат, поднялся:

— Мы тут митингуем, а наш дорогой изобретатель, товарищ Цандер, создающий корабль для полета на Марс, сейчас умирает с голоду. Он третий месяц работает дома и не получает зарплаты. Это позор, позор, товарищи! Неужели мы бросим в беде своего дорогого инженера? А?

— По-мо-жем! — загудело под высокими сводами.

— Я предлагаю отчислить однодневный заработок с каждого рабочего в помощь изобретателю Цандеру.

— Правильно!

— Отчислить!

Гаремба поднял руку:

— Пусть дирекция, в счет наших отчислений, завтра же выдаст пособие товарищу Цандеру и поможет продуктами... Кто за это предложение?

Поднялся лес рук.

— Спасибо, братва! — крикнул Гаремба.— А теперь продолжаем обсуждение текущего вопроса. Давай, товарищ Петухов...

«Вот это да!» — подумал Дубосеков и почувствовал, что кто-то потянул его за рукав. Он обернулся и увидел главного инженера:

— Вот, возьми записку, Степан, и беги в бухгалтерию. Там еще не ушли. Получишь деньги — купи, что сможешь, и на извозчике гони к Цандеру.

— Понял! — Дубосеков, зажав записку в кулак, стал пробираться к выходу.

7

Осенью у Стрешнева вся семья переболела возвратным тифом. Сам Андрей Сергеевич явился на завод наголо остриженный, исхудавший и еле держался на ногах. Но, узнав о бедственном положении Цандера, он после работы нанял извозчика и поехал навестить старого друга. Цандер, услышав три звонка, сам открыл входную дверь и встретил Стрешнева радостным возгласом:

— Наконец-то медведь вылез из своей берлоги. Здравствуй, здравствуй, рад тебя видеть!

Стрешнев пожал протянутую руку, разделся в передней и, вслед за хозяином, вошел в комнату.

Только тут Цандер взглянул на него внимательно:

— Андрюша, что это с тобой, ты словно из больницы?

— Чуть на кладбище не угодил... все наши переболели возвратным... А ты, ты, слышал, тоже едва ноги не протянул?

— Пустое...

— Говорят, голодал?

— Нет, слухи... все хорошо. Очень помогли мне рабочие.

— Знаю,— Стрешнев придирчиво осмотрел скромное убранство комнаты, широкий диван, письменный стол, комод и громоздкий шкаф, занимавший половину стены.

— А где астрономическая труба?

— Ну вот, сразу же допрос?

— Единственная вещь у тебя была, и ту снес на толкучку?

— Пришлось... Правда, у меня ее купили не спекулянты, а красные курсанты ВЦИКа, что в Кремле... для своего клуба.

— Ты им лекции читал?

— Да, читал... а они меня подкармливали...

Стрешнев махнул рукой.

— Ладно, что теперь толковать. Как же с проектом?

— В главном — заканчиваю. Еще недели две, и будет готово описание.— Цандер распахнул обе дверцы шкафа и вынул модель корабля-аэроплана, поставил на стол.

— Вот, взгляни, Андрей.

Стрешнев отошел подальше:

— Да, впечатляющая штука, Фридрих. Вот бы построить такой корабль! Право! Ведь нигде в Европе ничего подобного пока еще не создано. Ради такой цели стоило голодать!

8

В середине зимы, в трескучие морозы, когда Цандер начал работать на заводе, ему принесли приглашение на 1-ю Московскую губернскую конференцию изобретателей. По совету Крамешко он съездил в Московский Совет, где должна была состояться конференция, и вернулся радостный, возбужденный.

— Павел Николаич, конференция будет носить деловой характер. Перед ней ставится серьезная задача— выявление и внедрение в промышленность и сельское хозяйство новейших изобретений и открытий. Приглашено много инженеров, ученых.

— А как будет построена работа?

— Решено образовать из участников семь секций: физическую, химическую, машиностроительную, транспортную, сельскохозяйственную, топливную и, кажется, смешанную.

— Это должно быть интересно.

— Да, я очень доволен. Мне предложили работать в одной из секций и охотно согласились включить в программу мои доклады о межпланетном корабле и двигателе высокого давления.

— Поздравляю, Фридрих Артурович. Это важно!

— Но, говорят, конференция продлится целую неделю. Как же быть... ведь я на службе?

— Для такого дела я вас отпускаю с радостью — идите и ни о чем не беспокойтесь.

В начале нового года по Москве были расклеены афиши:

«АНОНС!

В ближайшие дни в одном из лекционных залов МГУ состоится необычная лекция:

«ЗАВОЕВАНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА»

Лекцию прочтет
член Ассоциации изобретателей, инженер Ф. А. Цандер.
Им же будет демонстрироваться
модель межпланетного корабля-аэроплана.
О дне и часе начала лекции будет объявлено особо.
Билеты продаются».

Устроители лекции опасались, что придет мало народу и они «прогорят». Поэтому объявили анонс. Но билеты были буквально расхватаны в течение нескольких часов, и лекцию назначили на ближайшую субботу.

Было решено, что вступительное слово скажет член Ассоциации, профессор Ремиз, человек внушительной внешности, обладавший зычным голосом.

Цандер приехал вместе со Стрешневым, чтоб было не так страшно.

На сцене его встретил Ремиз, высокий, бородатый, тучный, и добродушно похлопал по плечу.

— Не волнуйтесь, коллега, все пройдет на славу.

Стрешнев извлек из ящика модель и помог рабочим укрепить ее на тросах, на черном фоне сукна.

Кто-то принес длинную указку, графин с водой, и круглый столик, накрытый зеленой скатертью.

— Ну-с, можно начинать,— сказал председатель,— зал гудит, да и время.

— Я готов! — пробасил Ремиз.

— Я тоже,— с волнением в голосе отозвался Цандер.

— Занавес! — крикнул председатель.

Цандер увидел огромный, гудящий, забитый до отказа зал; массивные, запотевшие от дыхания сотен людей, мерцающие золотом люстры,— и оробел. Сердце запрыгало, на лбу выступил пот. Но раскатистый, степенный бас профессора Ремиза прокатился громом, и сразу стало тихо.

Цандер поднялся над зеленым столиком, а Ремиз, распушив бороду, сел рядом.

Присутствие этого большого, уверенного в себе человека сразу ободрило Цандера; он заговорил легко и свободно.

— Товарищи! Еще сорок лет назад бесстрашный революционер и ученый Николай Кибальчич, негласный участник казни Александра Второго — совершил невиданный подвиг!

В глухом каземате перед лицом смерти он создал проект первого в мире реактивного летательного аппарата — ракеты и тем указал человечеству путь в неоглядные миры Вселенной.

Цандер на секунду замер. В зале была тишина. Он понял, что аудитория захвачена. Рассказав о Циолковском и его ракете, он заговорил о своем межпланетном корабле, легко орудуя указкой:

— Мой межпланетный корабль тоже будет представлять из себя ракету, но ракету крылатую, как бы составленную из двух самолетов. Большой, складывающийся самолет, снабженный широкими крыльями, мощным мотором высокого давления и несколькими винтами, работая на бензине и жидком кислороде, проведет корабль сквозь плотные слои атмосферы и поднимет его на высоту двадцать пять — тридцать километров. Тогда будет включен реактивный двигатель ракеты, который разовьет скорость в одиннадцать тысяч метров в секунду, и корабль вырвется из пут земного тяготения... В дальнейшем полете специальные механизмы будут втягивать в плавильный котел ненужные теперь крылья большого самолета, пустые баки из-под бензина и, расплавляя, превращать их в дополнительное горючее. Маленькие же крылья потребуются ракете при приземлении, чтобы осуществить планирующий спуск.

Цандер на мгновенье остановился, развернул схему межпланетных траекторий и закончил совершенно неожиданно:

— Вы спросите: возможно ли в наше время построить межпланетный корабль? Я отвечу совершенно твердо: да, возможно! Дело лишь за созданием мощного реактивного двигателя, теоретическая основа которого мною уже разработана.

Но позвольте и мне в заключение лекции задать вопрос аудитории: найдутся ли среди вас смельчаки, которые решатся полететь на Марс?

— Найдутся! Найдутся! — закричали в зале, и этот крик слился с громом аплодисментов.

— Товарищи! — выждав тишину, забасил Ремиз. — Прошу вопросы лектору задавать письменно. А сейчас объявляю десятиминутный перерыв..

Когда Цандер ответил на последние вопросы и его от громыхающего зала отделил тяжелый занавес, подбежал взволнованный Стрешнев и стал трясти его руку:

— Фридрих, дружище, замечательно!..

Рабочие сняли макет межпланетного корабля и упаковали в ящик. Стрешнев, взяв ящик, пошел в комнату при сцене, где они раздевались. Там Ремиз и другие ученые из Ассоциации пили чай.

— А где же Цандер?

— Его только сейчас увезли на извозчике домой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

В воскресенье, когда семья Стрешнева сидела за чаем, заявился Цандер. Он был приглашен к столу и, потирая замерзшие руки, сел поближе к самовару. Стрешнев еще не успел рассказать о вчерашних событиях, так как вернулся поздно, когда уже все спали.

— Так вот, господа, а... бишь, товарищи,— продолжал прерванный разговор Федор Семенович,— я был весьма поражен этим предложением и воспринял его как шутку. Но часов в двенадцать меня зовут, говорят, пришел автомобиль. Одеваюсь, выхожу — да! Стоит автомобиль, и меня ждут какие-то два товарища, весьма интеллигентного вида. Один тоже в пенсне. Рекомендуются работниками Совпаркома... Ну-с, и везут меня, натурально, в Кремль. Вот, думаю, чудеса!.. Мне интересно, что будет дальше.

— Ну, и что же, папа? — спросила Юлия Федоровна, отодвинув от Славика чашку.

— Ведут меня по Кремлю, показывают, где какие повреждения... потом во дворец.

— И что же, Феденька, ты видел самых главных большевиков? — спросила, кутаясь в меховую ротонду, жена.

— Да-с, видел. Разговаривал... и даже получил предложение: с завтрашнего дня возглавить работы по ремонту и восстановлению исторических памятников Кремля... Что-что, а этого я никак не ожидал. Говорят, большевики — варвары, и вдруг... Вот какие дела... Обещали повышение жалованья и «ученый» паек.

— Неужели ты отказался, Федя? — с испугом спросила Софья Кондратьевна.

— Обещал завтра дать окончательный ответ.

— Слава богу! — облегченно вздохнула хозяйка.

2

Шел двадцать третий год. Давно умолкли последние залпы гражданской войны. У всех на устах было непонятное слово «нэп». Москва ожила, зашумела, принарядилась. Во множестве открылись лавки, магазины, трактиры, рестораны. Дома в центре штукатурились, окрашивались, приобретали «довоенный» вид. На улицах опять замелькали лихачи. У театров и концертных залов толпилась парядная публика. На базарах лотки ломились от всякой снеди. Откуда что взялось — никто не знал...

Люди повеселели. Цандер, помимо работы на заводе, читал лекции от Общества изобретателей и Общества изучения межпланетных сообщений. Выезжал с докладами в Ленинград, Нижний, Самару, Ростов, Воронеж.

Рассказывая о проекте своего межпланетного корабля-аэроплана, он всюду среди слушателей встречал горячее сочувствие и моральную поддержку...

Однажды, вернувшись из поездки, Цандер зашел в Общество и на лестнице столкнулся с грузной фигурой профессора Ремиза.

— А, Фридрих Артурович, душевно рад! Придется мне вернуться, так как подготовил для вас сюрприз.

— Что такое?

— Сейчас увидите, сейчас...

Он, не снимая шубы, вошел в правление и достал из своего стола невзрачную книжку без переплета, с готическими буквами на обложке.

— Вот, пожалуйста, храню для вас. Поговорим, как прочтете, очень тороплюсь...

Цандер, поблагодарив, проводил профессора на лестницу и там, подойдя к окну, взглянул на книжку:

«Профессор Герман Оберт «Ракета и межпланетное пространство».

«Это действительно сюрприз!» — прошептал Цандер и, не заходя в правление, поехал домой...

Прочитав предисловие, Цандер взглянул на чертежи ракет и, проверив несколько формул, которыми был испещрен текст, откинулся на спинку деревянного кресла:

«Серьезное исследование. Придется читать книгу с карандашом и логарифмической линейкой».

Цандер внимательно посмотрел на самый первый чертеж.

«Любопытно! Внешне его ракета не похожа ни на ракету Циолковского, ни тем более на мою. Это длинный цилиндр с заостренным носом и коротким широким соплом. Но вот что любопытно: в верхней части этой ракеты помещена такой же конфигурации, совсем маленькая. Ракета — внутри ракеты!..

Да, весьма любопытно! Я предлагаю для прохождения плотных слоев атмосферы крылья и поршневой двигатель высокого давления, Оберт — первую ступень ракеты. Я предлагаю жидкое горючее — бензин, а он — спирт...

Но как же он решает проблему мощной межпланетной ракеты? — Цандер быстро пробежал несколько страниц.— Принцип тот же. Спиртовая ракета несет водородную, а в ту вмонтирована алюминиевая камера для двух астронавтов, которая может автоматически выбрасываться и приземляться на парашюте. Весь агрегат весит около четырехсот тонн; и в целях безопасности должен взлететь с воды. Четыреста тонн — это вес железнодорожного состава. Значит, ракета может быть обеспечена горючим для дальнего полета. А как же с приземлением? Выброситься на парашюте и сгореть от трения в атмосфере? Тут что-то не то... Впрочем, он ограничивает задачи этой ракеты. Вот: «Изучение земной поверхности с большой высоты, исследование крайних высот, сигнализация на Землю...»— Но вот дальше: «Достижение иных планет».

Цандер поднялся, прошелся по комнате.

«Нет, так нельзя. Это же серьезный труд. Я должен побороть любопытство и изучить его досконально...»

3

Частые отъезды с лекциями заставили Цандера просить увольнения со службы. Но Крамешко не захотел совсем отпустить такого специалиста и, по согласованию с трестом, учредил для него должность консультанта. Заведующим техническим бюро назначили Стрешнева. Теперь друзья работали в контакте и виделись почти ежедневно...

Когда смягчились морозы, Цандер на неделю уехал в Харьков, оставив Стрешневу книжку Оберта. Но прошло девять дней, а Цандера не было. «Наверное, решил с дороги отдохнуть, а может, и простудился,— подумал Стрешнев.— Надо его проведать».

Вечером Стрешнев поднялся по знакомой лестнице и трижды нажал кнопку звонка. Ему открыл куда-то спешивший сосед. Стрешнев разделся, постучал в дверь. Дверь была закрыта не плотно, однако никто не ответил.

«Наверное, на кухне»,— подумал Стрешнев и, войдя, попятился: на диване спала какая-то женщина.

«Вот так сюрприз»,— подумал Стрешнев и на цыпочках посеменил к двери, косясь на незнакомку. Пытаясь открыть дверь на ощупь, он больно стукнул косточками пальцев о медную ручку и выронил книгу.

— Кто там? — вскрикнула незнакомка и приподнялась, взглянула на Стрешнева с испугом.

— Я к Фридриху Артуровичу...

— Его нет дома,— подбирая каштановые волосы, сказала незнакомка, удивленно рассматривая Стрешнева.

— Извините... я его товарищ... хотел оставить ему книгу...

— Пожалуйста, положите на стол, я передам. Фридрих еще не приехал...

Стрешнев прошел к столу, на котором был порядок, да и комната блистала чистотой. «Черт возьми, уж не женился ли Фридрих? — подумал Стрешнев.— Да и пора... Марта, наверное, уже давно вышла замуж... Однако как же мне не сказал...»

Стрешнев присел, написал записку по-немецки, вложил ее в книгу и поднялся, чтобы идти. В это время дверь распахнулась:

— А, Фридрих! — воскликнула незнакомка и бросилась к нему, обняла, поцеловала.— Ты так долго... Я волновалась...

— Все хорошо, Шура. Видишь, я жив, здоров.— Цандер, увидев Стрешнева, бросил на стул портфель и покупки, шагнул к нему, поздоровался очень смущенно:—Здравствуй, Андрей, вот уж не думал, что ты у нас... Очень рад... Познакомься — это Шура — моя жена... Мы недавно зарегистрировались...

— Ах, вы Андрей Сергеич! Очень приятно,— сказала Шура, подавая руку.— Извините, я вас на минутку оставлю...— и вышла из комнаты...

— Поздравляю, Фридрих! Однако очень сожалею, что ты не предупредил... Надо бы отметить.

— Так как-то получилось... Не успел...

Стрешнев посмотрел на друга более внимательно. Тот был в новом костюме, белоснежной рубашке.

— Я беспокоился, что ты задерживаешься. Боялся — не заболел ли. А ты отлично выглядишь. Даже помолодел. Вижу, женитьба пошла тебе на пользу. Очень рад. Вот, принес книгу.

— Спасибо! Ну, как тебе Оберт?

— Ничего, обстоятельные расчеты. Однако он повторяет Циолковского и тебя... Правда, есть и оригинальные соображения... Но я бы по его расчетам не стал строить ракету.

— Почему?

— Предпочел бы твой корабль-аэроплан. Надежней и дешевле. И поверь, это я тебе говорю не из дружеских чувств, а потому, что твой проект во всех отношениях лучше. Меня только огорчает, что ты до сих пор не опубликовал своих исследований. Это большое упущение. Надо печатать статьи, писать книгу. Книга поможет тебе добиться ассигнований на экспериментальные работы. Бери пример с Оберта. Ведь ты раньше его начал свои исследования, а у него уже книга! Его знает теперь весь мир! Циолковский тоже готовит книгу: хочет переиздать свои труды по ракете.

— Да, ты прав, Андрей. Это важно. Я подумаю...

— Ну, прощай, Фридрих! Я невпопад... и очень неловко чувствую себя. Вижу — вас стеснил своим присутствием. Извини. Завтра поговорим подробней...

Цандер вышел со Стрешневым в коридор. У самой двери, пожимая руку Стрешневу, спросил:

— Мне неловко, Андрюша, я много езжу...

— Отпуск для книги? — прервал Стрешнев.

— Хотя бы для статьи... недели на две, за мой счет...

— Дам без всяких разговоров. Приходи, завтра же оформим.

4

Январь 1924 года был лютым. Мороз так запушил стекла окон, что еле проникал дневной свет. Цандеру пришлось подвинуть стол к самому окну.

С утра он обувался в валенки, облачался в полушубок, надевал шапку и только тогда садился за стол. Но, просидев часа два, вскакивал — кочепели руки, спина. Надевал овчинные рукавицы и начинал бегать по комнате, чтоб согреться.

Жена, приходя с работы, хлопотала на кухне — там было и теплей и веселей.

Цандер был доволен, что ему не мешали работать; и, несмотря на холод, упорно писал статью под названием «Перелеты на другие планеты».

В этой статье весьма сжато он старался изложить главные результаты своих исследований и расчетов, проводившихся на протяжении семнадцати лет; высказать мысли о создании межпланетного корабля оригинальной конструкции.

Цандер работал отрешенно, ни на минуту не выходя из дому. Жена вначале протестовала, а потом смирилась, сказала соседям, что он заболел.

Цандер в эти дни никого не принимал, не читал газет и даже избегал разговоров с женой...

Благодаря полному уединению, он 17 января закончил статью в стенограмме, а 19-го она была расшифрована и переписана начисто.

Удалось сэкономить целых четыре дня!

Очень довольный Фридрих ходил по комнате и похлопывал овчинными рукавицами. Он как бы аплодировал себе за то, что быстро и хорошо написал статью. Потом присел и задумался.

«Оберт едва ли сидит сложа руки. Наверное, он уже бросил чтение лекций в Бухаресте и перебрался в Берлин.

Может быть, уже приступил к практическим опытам по созданию малой ракеты. Немцы более предприимчивый народ — им не нужно так много времени на «раскачку»... Книга Оберта, безусловно, наделала много шуму; и, очевидно, у него нашлись богатые покровители и меценаты... Если немцы для постройки цеппелинов собрали миллион марок, то для межпланетной ракеты они соберут вдвое больше. Оберту не придется просить денег у правительства...

А мне? Что делать мне в моей милой, дорогой нищей России?..»

Цандер пересел на диван.

«Надо писать Ленину. Может, сохранилось мое старое письмо? Нет, сейчас надо писать иначе».

Цандер сел к столу и начал писать:

«Дорогой Владимир Ильич!

Теперь, когда в основном создан проект межпланетного корабля-аэроплана, проект двигателя высокого давления, главные расчеты по реактивному двигателю ракеты, я чувствую себя готовым приступить к практической работе.

Я не сомневаюсь, что такие работы уже начаты в Германии и, возможно, во Франции. Есть основания думать, что они также ведутся в Америке. Наша революционная страна не должна отставать, а, напротив, мне думается, должна идти впереди в деле изучения и освоения мирового пространства. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой оказать содействие и поддержку энтузиастам и пионерам звездоплаванья».

Цандер положил ручку и, потирая озябшие руки, заходил по комнате.

«По-моему, начало хорошее. Вот только достаточно ли мотивирована просьба? Может быть, послать ему как приложение копию статьи и копию проекта межпланетного корабля? Об этом надо подумать... Но в чем же смысл просьбы? Что я должен просить: мастерскую? лабораторию? материалы? положим, так... А где люди, которые будут работать вместе со мной? Кого я могу указать, кроме Стрешнева?..

Может быть, рано писать такое письмо?»

Цандер прилег на диван, зажмурился. Ему вспомнились многочисленные лекции. Молодые люди: инженеры, техники, рабочие, которые его осаждали в каждом городе.

«Люди найдутся! Стоит только кликнуть — их будут тысячи!»

Цандер встал и опять стал ходить, обдумывая, что нужно для начала практических работ по созданию основы основ — реактивного двигателя и малой, опытной ракеты. Время от времени он подходил к столу и стенографически записывал мысли...

Жена зашла на минутку, ласково взъерошила волосы:

— Думаешь все, Фридрих?

— Да, хочу писать Ленину.

— Желаю успеха! — Она поцеловала его и ушла на кухню.

Цандер ходил и думал, прикидывал, писал.

Когда жена принесла ужин, письмо уже было составлено.

Цандер был доволен.

— Шура, ты умница! Я ужасно голоден. Спасибо! Право, мне звездный корабль без тебя не построить, а должны начать скоро.

— Почему ты думаешь, что скоро? — спросила Шура.

— Написал письмо Ленину. Осталось лишь переписать. Завтра отправлю.

— Да ведь Ленин болеет. У нас на заводе вывешивают бюллетень.

— Что ты говоришь? Я не знал...

— Да, болеет... Правда, сегодня ему стало лучше.

— Значит, поправится. Да и как же иначе?.. Я буду переписывать письмо.

— Хорошо, переписывай, а я пойду в баню, не стану тебе мешать.

— Наверное, мороз тридцать градусов?

— Ничего, я укутаюсь...

Ужин был убран. Жена ушла.

Цандер, согревшись горячим чаем, сел переписывать письмо.

Часов в десять письмо было готово. Он перелистал страницы и, бережно положив их на стол, пошел греться в кухню. Там вполголоса разговаривали сосед в потрепанном мундире почтового ведомства и две женщины с заплаканными глазами.

Цандер поздоровался и, подойдя к своему столику, зажег примус.

— А где он сейчас-то? — спросила пожилая.

— Да, говорят, за городом. Завтра привезут в Москву.

Цандера словно тряхнуло электрическим током.
— О ком вы? Что случилось? — с тревогой спросил он.
— Разве вы не знаете? Ленин умер!
— Что? Ленин? Не может быть...
— Вон, Яков Васильевич говорит, он сейчас с дежурства, по телеграфу передали.

Цандер качнулся и, забыв о примусе, вытянув руки вперед, ощупью побрел к себе в комнату...

5

Смерть Ленина оглушила Цандера. Ему казалось, что он потерял очень близкого человека, от которого во многом зависели его дела и устремления, его собственная жизнь.

Чувство пустоты и одиночества опять стало ходить за ним по пятам...

Лишь весной, побывав в доме отдыха, Цандер обрел душевный покой, и опять его потянуло к творчеству.

«Теперь, когда нет Ленина, боюсь и надеяться, что поддержат мои «фантастические» идеи о полете на Марс... Надо пока не поднимать вопроса о постройке межпланетного корабля, а сосредоточить все силы на завершении проекта реактивного двигателя».

И статьи! Обязательно надо публиковать статьи! Циолковский, Годдард, Оберт уже заявили о себе, а я выступаю лишь с публичными лекциями. У меня же написана статья «Перелеты на другие планеты». Попробую-ка ее послать в журнал «Техника и жизнь». Да нет, посылать нельзя, еще потеряется... Надо поехать самому...»

Цандер нашел в бумагах статью, еще раз просмотрел ее, сделал кое-где поправки и положил на видном месте на столе.

На другой день после работы он заехал в журнал и вручил статью лично редактору...

Прошло около четырех месяцев.

Цандер, увлеченный работой над проектом двигателя, уже забыл про свою статью, и вдруг однажды ему позвонили из редакции:

— Товарищ Цандер? Вышел июльский номер журнала «Техника и жизнь», где опубликована ваша статья «Перелеты на другие планеты».

— Опубликована? — обрадованно спросил Цандер.

— Да. Вы можете приехать за журналом? Или вам послать?

— Нет, нет, спасибо! Я сам. Я сейчас же выезжаю...

Купив два десятка журналов, Цандер вернулся на завод радостный. Подарил Стрешневу, Крамешко, друзьям по бюро.

Вечером, обойдя ближние газетные киоски, он скупил все журналы. Хотел подарить статью членам Общества по изучению межпланетных сообщений и Ассоциации изобретателей.

Но дома чувство радости в нем постепенно поблекло. «Дарить свою первую печатную работу в тридцать пять лет довольно стыдно. Тем более что она содержит ничтожную долю моих исследований». Подумав, он послал журнал лишь одному Циолковскому, которого считал своим учителем.

В середине июля, когда Цандер сидел над расчетами сопла и температурного режима камеры сгорания, газеты перепечатали сенсационное сообщение из Америки о предстоящем запуске профессором Годдардом реактивного снаряда на Луну.

Цандера срочно вызвали в Общество по изучению межпланетных сообщений и попросили прокомментировать в газетах известие из Америки.

За столом сидело десятка два ученых.

— Позвольте,— поднялся Цандер,— но как же я могу... Газеты ссылаются на книгу Годдарда, а мы не имеем о ней никакого представления.

— В Обществе получено немецкое издание,— ответил Ремиз, роясь в массивном портфеле.— Вот извольте, Фридрих Артурович.

Цандер взглянул на книжку.

— «Метод достижения крайних высот». Так, интересно... Но ведь это же перепечатка работы, изданной в девятнадцатом году?

— Да... Больше мы ничем не располагаем... Именно в этой книге даны обоснования посылки ракеты на Луну,— пояснил Ремиз.

— А может быть, за эти пять лет американцы построили новую ракету, которую собираются послать на Луну? — послышался чей-то голос из глубины комнаты.

— Вероятнее всего! — поддержал Ремиз.

Цандер полистал книгу...

— А что, если нам устроить диспут: «Возможен ли полет на Луну?»

— Вот именно! Привлечь изобретателей, ученых, поспорить...

— Отличнейшая мысль, товарищи,— поднялся Ремиз.— Такой диспут будет своеобразным ответом Годдарду. Давайте на этом и порешим. Согласны?

В конце сентября Стрешнев вернулся из отпуска, который, как всегда, проводил у стариков в Калуге. В понедельник утром, собираясь на работу, он вышел пораньше, чтобы купить свежие газеты.

На углу рыжеусый верзила наклеивал на щит свежие афиши.

«Полет на другие миры» — увидел Стрешнев большие красные буквы и подошел к расклейщику.

— Приятель, не подаришь ли одну афишу?

— Неужто собрался лететь?

— Друг выступает с лекцией... ему отнесу.

— Ладно, бери... чего он, спятил, что ли?

— Нормальный! — усмехнулся Стрешнев и, сложив афишу, спрятал ее в портфель.

Придя в бюро, Стрешнев весело поздоровался со всеми сослуживцами и, отыскав кнопки, приколол афишу на стене.

— Прошу внимания, товарищи! Фридрих Артурович, пожалуйста, поближе. Слушайте все:

«Большая аудитория физического института Первого университета. Суббота 27 сентября. Диспут: «Полет на другие миры».

Все встали со своих мест.

— «Правда о посылке снаряда профессора Годдарда на Луну, 4 августа 1924 г. в Америке. Споры на Западе в связи с отправлением снаряда. Выступит прибывший из Ленинграда член Совета Общества мироведенья Шаронов!

Величайшая загадка Вселенной!

Самая мощная машина в мире!

Замечательные пушки сверхдальней стрельбы.

Реальные возможности полета человека в ядре этой пушки.

Картины жизни на небесном корабле!

Сказочная действительность!

Невиданные небесные панорамы!

Путь к разрешению тайн мироздания!..»

— Каково, товарищи, а? Что скажешь ты, Фридрих Артурович?

— Я к этому не причастен,— смущенно отозвался Цандер.

— Как не причастен? А это что?

«Сообщение Члена Президиума Московского Общества Межпланетных Сообщений инженера Цандера об изобретенном им новом корабле, разрешающем проблему полета в мировое пространство.

Каким образом устраняется главное и единственное препятствие к немедленному осуществлению полета на другие планеты?

Преимущество небесного дирижабля Цандера над снарядами Оберта в Германии и Годдарда в Америке».

— Это все профессор Ремиз,— глухо заговорил Цандер,— это его сочинение!

— Но ведь красиво сочинил! И, в основном, верно!

— Да! Лихо!

— Друзья, я предлагаю пойти на диспут всем бюро,— всем! — заключил Стрешнев.

— Правильно!

— Правильно! — раздались голоса.

— Я надеюсь, Фридрих Артурович, что ты дашь достойный ответ на эту необузданную сенсацию американцев?

— Постараюсь... А что говорит Циолковский?

— Он уже выступил в калужской газете. Считает затею Годдарда авантюрной. Ракета Годдарда, по его мнению, не поднимется и на пятьсот верст...

— Я согласен... Наши коллеги в Америке зашли слишком далеко...

— Знакомый прием,— улыбнулся Стрешнев.— Очевидно, изобретателю нужны деньги.

В пятницу 9 февраля Стрешнев вернулся домой поздно — было партийное собрание...

Жена, открыв ему дверь, шепотом сказала:

— Я звонила, но не могла тебя найти: приехал Сергей Андреич... Сейчас спит в кабинете у папы.

— Что случилось, Юленька, почему он так неожиданно?

— Приехал на какой-то процесс... Завтра узнаешь... Иди ужинать в кухню...

Утром за завтраком Стрешнев-старший, все еще бодрый прямой старик, достал из кармана помятую газету.

— Как же, Андрей, ты пропустил сообщение о предстоящем процессе? Ведь, смотри, тут же прямо написано: «Суд над предателем Окладским».

— Мало ли у нас предателей... за всеми ведь не уследишь...

— Этот — негодяй из негодяев! Он предал почти всех членов Исполнительного Комитета «Народной воли»; выдал две конспиративные квартиры и погубил моего лучшего друга.

— Кибальчича? — привстал Андрей.

— Да, это установлено...

— Как же поймали мерзавца?

— Говорят, он до самого Октября служил в охранке и получал жалованье — сто пятьдесят рублей золотом в месяц.

— За предательство — сто пятьдесят, а учитель Циолковский жил в Боровске на тридцать шесть рублей.

— И мы с тобой, Андрюша, жили на эти же нищенские деньги,— горько вздохнул Сергей Андреич.

— Да, папа, прости... я забыл...

— Ничего удивительного,— назидательно поднял палец Федор Семенович,— шпионам при всех режимах платили больше, чем профессорам!

Андрей взглянул на часы.

— Однако... Прошу меня извинить,— опаздываю... Может, я загляну в Колонный зал — буду сегодня в тресте... А если нет — увидимся вечером...

Заседание Верховного суда открылось в десять утра, и, после положенных формальностей, началось чтение обвинительного заключения, продолжавшееся более трех часов. Потом объявили перерыв на обед и после — опять заседание, до ночи.

Так было и на другой день, и в понедельник, и во вторник... Только в среду, в двенадцать ночи, суд удалился на совещание... К чтению приговора приступили лишь 15 февраля в 6 часов утра... Стрешнев-отец дослушал приговор и поехал домой на извозчике, чтоб застать сына и Федора Семеновича, которые с нетерпением ждали решения суда.

Цандер в то утро, приехав на работу, сразу же стал просматривать утренние газеты. Он давно следил за процессом и сейчас, как и многие, хотел знать решение суда. Но в газетах приговора не было...

Цандер подошел к Стрешневу, положил ему руку на плечо:

— Андрей, ты не знаешь, еще не вынесли приговор?

— Как же, у меня отец все дни сидел на процессе, а сегодня даже ночевал там...

— И что же?

— Я вчера пытался попасть в Колонный зал,— где там — лестницы были забиты... Хотя страшная драма разыгралась почти сорок пять лет назад, она захватывает и сейчас... Я видел, как некоторых родственников казненных народовольцев выводили из зала под руки... Они не могли слушать...

— А правда ли, что свидетелями выступали уцелевшие народовольцы?

— Да, свидетельницей была подруга по партии Софьи Перовской — Анна Якимова. А в ложах, говорят, сидели Вера Фигнер и Николай Морозов — бывшие узники Шлиссельбурга, имена которых открыл охранке Окладский.

— Я видел в газете снимок. Хотя Окладский уже старик и зарос седой бородой — у него лицо убийцы.

— Профессия, Фридрих, накладывает печать. Этот негодяй выдал больше шестидесяти человек и погубил Николая Кибальчича.

— И Кибальчича он? Ужасно... Что же решил суд?

— К расстрелу... Но ввиду давности преступления и возраста предателя, заменили десятью годами... Все удивлены! Если б дали народу — его разорвали бы на месте.

Лицо Цандера стало совсем бледным. Веки слегка дрожали.

— Ты знаешь, Андрей,— заговорил он приглушенно и нервно,— я крысы убить не могу... Я люблю все живое... Я очень люблю людей и готов ради них умереть... Но этого изверга, который погубил Кибальчича и его благороднейших друзей, я бы приказал — повесить! Повесить в назидание другим...

6

Прошло полтора года.

Все это время Роберт Годдард напряженно работал в университетской лаборатории в Вустере, закрытой для всех, кроме его ассистента — доктора Перси Руппа, механика Закса и еще нескольких помощников.

Какие исследования и опыты производились в лаборатории, знали лишь немногие: особо важные чиновники министерства морского флота Америки.

«Лунная» шумиха помогла Годдарду получить еще пятнадцать тысяч долларов от Смитсоновского института и дотацию от министерства морского флота США. И теперь он честно отрабатывал эти деньги...

Двадцать шестой год в штате Массачусетс начался изрядными морозами, и даже в марте лежал глубокий снег.

Шестнадцатого числа, в полдень, у коттеджа Годдарда остановилась большая легковая машина.

Шофер посигналил, и тотчас из дома вышла стройная моложавая дама в меховой шубке, с киноаппаратом и ридикюлем.

Шофер усадил даму рядом с собой и поехал в Университетский городок. Машина остановилась у лаборатории Годдарда. Дама прошла на второй этаж, а шофер въехал в железные ворота, которые тут же были закрыты... Минут через сорок машина вышла из ворот лаборатории.

Скоро со второго этажа спустилась дама в меховой шубке в сопровождении высокого худого мужчины в вязаной шерстяной кепке, в длинном пальто и в высоких на толстой подошве зашнурованных ботинках.

В мужчине легко было узнать профессора Роберта Годдарда. Дама была его женой. Оба подошли к машине. Годдард, открыв дверцу и увидев двоих пассажиров, воскликнул:

— Вы уже оба здесь? Отлично! Эстер, усаживайся с моими помощниками — Генри и Перси, а я сяду впереди...

Машина выехала за город и по хорошо расчищенному шоссе помчалась в сторону Оберна, где на пологом склоне Покачоагского холма приютилась ферма дальней родственницы Годдарда.

Было время обеда, когда машина остановилась на краю неглубокого оврага, и четверо мужчин принялись перета-

скивать тяжелые ящики на площадку к оврагу, где была небольшая вышка из железных прутьев. Из ящиков извлекли стальные цилиндры и свинтили из них трехметровую трубу с закругленной головкой. Это была новая ракета Роберта Годдарда, начиненная не порохом, а оснащенная баками с бензином и жидким кислородом. Реактивный двигатель, очевидно, для того, чтоб придать ракете бо́льшую устойчивость в полете, был смонтирован не внизу, а в верхней части трубы.

Ракету установили на металлические перекладины вышки, как бы подвесив ее в воздухе.

Перси Рупп отошел с теодолитом на почтительное расстояние и достал секундомер. Эстер Годдард, выйдя из машины, вооружилась киноаппаратом и присоединилась к Перси.

— Все ли готово? — строго спросил Годдард.

— Все готово, профессор! — бодро ответил механик Закс.

— Приготовьтесь зажечь горелку.

— Есть! — Закс зажег фитиль на длинной палке. Годдард отпустил стропы и отбежал к краю обрыва, припал к земле.

— Как зажжете горелку — мигом сюда: ракета может взорваться.

— Слушаюсь, профессор!

— Зажигайте!

Закс зажег горелку и кубарем скатился с обрыва, вслед за Годдардом.

Послышалось шипенье, ревущий звук двигателя, и ракета пошла вверх, вначале медленно, потом все быстрей.

— Смотрите, пошла! — закричал Перси.

В этот миг ракета накренилась набок и полетела в сторону.

— Проклятье! — выругался Годдард.— Проклятье!.. Но все-таки она взлетела, черт возьми!..

Вечером, вернувшись домой, Годдард сразу прошел в свой просторный кабинет, заставленный книгами. Погрел руки у жарко горящего камина и, сев к столу, раскрыл дневник.

«16 марта 1926 года.

Это было похоже на чудо, когда она поднялась без сколько-нибудь значительного усиления шума или увели-

чения пламени, как бы говоря: «Я пробыла тут достаточно долго и готова отправиться еще куда-нибудь...»

А пробыла она в воздухе всего две с половиной секунды, поднявшись на 12 метров и пролетев в длину 58 метров.

Это не много, но пусть кто-нибудь попробует достигнуть большего...»

7

В то время, когда профессор Годдард тайно работал над новой жидкостной ракетой, Фридрих Цандер вел теоретическую разработку реактивного двигателя на жидком горючем. Познакомив Стрешнева со своим замыслом, он просил его выхлопотать у начальства разрешение вести экспериментальные работы на заводе.

Стрешнев, придя к главному инженеру, разложил схемы и чертежи отдельных узлов реактивного двигателя на большом столе.

— Вот смотрите, Павел Николаич, это же не фантазия, а реальные расчеты. Мы впервые в мире можем создать реактивный двигатель.

Крамешко склонился над столом и долго рассматривал схемы отдельных узлов, мысленно сопоставлял возможные мощности реактивного двигателя с существующими поршневыми, думал.

— Да, что и говорить, Андрей Сергеич, успех этого дела может совершить переворот в моторостроении и авиации.

— Браво! — радостно воскликнул Стрешнев.— Я чувствовал, что вы будете на нашей стороне! Значит, дело только за директором?

— К сожалению, нет,— вздохнул Крамешко.— Директор бы поддержал, но у нас ассигнования только на разработку поршневых бензиновых моторов, и никакого резерва. Мы не можем израсходовать на другое — ни одной копейки!..

— А трест? Может быть, разрешит трест?

— Вы знаете, какая экономия проводится во всем. Страна восстанавливает заводы, транспорт, строит жилье. Я уже дважды был в тресте — знал, что вы придете.

— Ну и как же?

— Пока ничего не обещают.

Стрешнев вернулся от главного хмурый и, бросив скатанные в трубки чертежи на стол, подошел к окну, обнял томительно ждавшего ответа Цандера.

— Крамешко за нас! Оказывается, он дважды был в тресте, добивался дополнительных ассигнований, но пока безрезультатно...

— Я так и знал,— горько вздохнул Цандер...— А скажи, Андрей, куда еще можно обратиться, написать? Ты теперь в партии, ты должен все знать.

— В партии идет жестокая борьба с Троцким и его сторонниками за ленинскую линию, за ленинизм.

— Троцкого же сняли с поста председателя Реввоенсовета?

— Да, но борьба еще не кончилась...

— Ты хочешь сказать, что сейчас не до реактивных двигателей?

— Да, Фридрих, к сожалению, сейчас неподходящее время для подобных просьб...

— Как мне не повезло... О, если бы был жив Ленин!.. Все было бы иначе. Он-то умел проникать мыслью в грядущее.

Прошло еще два года упорных исканий. Было сделано множество разнообразных расчетов и исследований. Написаны, главным образом стенографически, десятки статей. И все это после работы на заводе, в вечерние и ночные часы...

Как-то, вернувшись домой, Цандер увидел у себя на столе неразрезанный пакет.

«А, из Калуги! Очевидно, от Циолковского». Достал небольшую книжку «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Калуга, 1926 г.».

Его внимание сосредоточилось на пояснении, набранном жирным шрифтом: «Переиздание работ 1903 и 1911 годов, с некоторыми изменениями и дополнениями».

«Интересно, сколько сейчас Циолковскому? Наверное, около семидесяти?— Цандер заглянул в потрепанный блокнот.— Да, в сентябре будет семьдесят. Надо поздравить... Семьдесят лет! Каково? А он все еще работает, мыслит, с железной настойчивостью добивается осуществления своих идей. Наверное, за скромной оговоркой о «некоторых изменениях и дополнениях» скрыты новые, свежие мысли. Ведь его работа 1911 года «Исследование мировых пространств реактивными приборами» углубляла и расширяла

первую статью, опубликованную в девятьсот третьем году под тем же названием. Работа одиннадцатого года заключает в себе вторую часть первой статьи, которая не была из-за закрытия журнала опубликована в 1903 году. Мысль о применении для реактивных двигателей атомной энергии как раз и была высказана в этой, второй части его исследования. Помнится, его натолкнуло на это явление распада радия. Мне тогда еще врезались в память его слова: «Может быть, с помощью электричества можно будет со временем придавать громадную скорость выбрасываемым из реактивного прибора частицам». Это смело! Это, может быть, даже гениально! Кто знает, что будет через двадцать — сорок лет?! Очень возможно, что именно атомные двигатели и обеспечат полет космических ракет к далеким планетам. Старик мудр! Посмотрим-ка, что он за «дополнения» внес в свои исследования». Цандер уселся поудобней и стал просматривать книжку. Ранние работы Циолковского о ракете Цандер знал почти наизусть и поэтому начал читать бегло. Однако, пробежав несколько страниц, он вернулся к началу и стал читать все подряд — книжка была написана почти заново.

Лишь поздно вечером, уже при электрическом свете, Цандер перелистал последние страницы и поднялся, чтоб размять затекшие ноги.

— Молодец старик! Молодец! Он высказал весьма интересные мысли о полете ракеты. Он считает возможным использовать для движения ракеты «внешнюю» энергию, передаваемую с Земли. Правда, Циолковский не указывает, каким образом эта энергия будет передаваться с Земли, но мысль — любопытна! Она заставит многих задуматься. Возможно, некоторые ученые отнесут его раздумья о «внешней» энергии к сфере фантастики,— это не беда. Без фантазии немыслимы открытия! А вот соображения об использовании энергии Солнца не для управления, а для движения ракеты — смелы, интересны и, по-моему, весьма перспективны.

Цандер прошелся по комнате, сделал несколько вольных размашистых движений и снова сел к столу.

— Да, Циолковский, несмотря на преклонный возраст, работает с упоением и страстью. Это пример для нас! Надо сейчас же ему написать.

Цандер взял ручку, задумался. Никак не приходила первая фраза. Посидев минуты две, Цандер вдруг встал

из-за стола и нервно заходил по комнате. «А что же я напишу о себе? О каких успехах могу рассказать? Он старик, живет в глуши и то добился издания своих трудов. А я молодой, в столице, а до сих пор опубликовал лишь несколько статей...»

Цандер отложил письмо и тут же решительно и твердо начал на новом листе:

«В Главнауку Народного Комиссариата просвещения РСФСР.

Убедительно прошу Вас издать книгу моих оригинальных трудов по исследованию и освоению космического пространства «Перелеты на другие планеты».

У меня написано больше тысячи страниц стенографического текста научно-технических расчетов по межпланетной ракете и реактивным двигателям. Имеется тридцать семь чертежей, на которых вычерчены конструкции межпланетного корабля-аэроплана, ракет и частей двигателей, необходимые для опытных работ. Подробный план книги прилагается...»

Цандер поднялся, вытер выступивший на лбу пот, причесался и стал ходить по комнате.

«Наконец я, кажется, собрался поступить решительно... Напишу подробный план книги и отправлю. Говорят: «Под лежачий камень и вода не течет...» А тут какой-нибудь ответ обязательно будет...»

Через два дня письмо с приложением плана книги, а также часть расшифрованных работ о межпланетном корабле и двигателях, снабженных чертежами, Цандер сам отвез в «Главнауку» и сдал под расписку секретарю.

Месяца через полтора Цандер получил письмо из научного отдела «Главнауки» и радостный прибежал к Стрешневу.

— Андрей, голубчик, вот посмотри, прислали заключение профессора Ветчинкина на мои труды, посланные для опубликации.

Стрешнев тряхнул отросшей шевелюрой, взял рецензию и стал читать вслух:

«Труды Цандера по расчету межпланетных путешествий и проекту межпланетного корабля, несомненно, стоят на одном из первых мест в мировой литературе по этому вопросу». Ого! Здорово. Так... Ну дальше о Циолковском... А вот: «Иностранные ученые Эсно Пельтри, Годдард,

Оберт, собственно, повторили работы Циолковского и несколько продвинули их вперед... Существенно новое внес в этот трудный вопрос инженер Цандер...» Так... Дальше идут примеры, которые нам известны... Каков же вывод?

А вот:

«Я полагаю совершенно необходимым дать возможность инженеру Цандеру, в кратчайший срок, подготовить к печати свои работы, представленные в отдельных главах. Издание его книги — дело чести».

Стрешнев протянул Цандеру отзыв.

— На, спрячь, Фридрих, это, брат, документ, который войдет в историю! Ну, что можно сказать?.. Надо ехать тебе в эту самую «Главнауку» заключать договор и садиться за составление книги...

Случилось так, что Цандер немного приболел. Потом его загрузили срочными расчетами по новому авиационному двигателю, и он попал в «Главнауку» только через месяц.

Показав секретарю научного отдела письмо с отзывом профессора Ветчинкина, он попросил доложить о себе.

— Видите ли, товарищ Цандер,— с некоторой неловкостью заговорила секретарь,— Иван Иванович, что написал вам письмо, больше у нас не работает... Вам придется пройти с письмом Ветчинкина к новому начальнику — Петру Семеновичу. Я сейчас доложу.

Цандер вошел в большой, хорошо обставленный кабинет, где за зеленым столом, загроможденным папками, бумагами, книгами, сидел тучный человек, подстриженный «бобриком». Его круглое, еще молодое лицо казалось сердитым, маленькие глазки глядели настороженно.

Цандер назвал себя, протянул письмо «Главнауки» и отзыв Ветчинкина.

— Садитесь. Знаю,— хмуро сказал Петр Семенович.— Мнение Ветчинкина положительное, но оно не разделяется нами...

Он порылся в бумагах и достал другое заключение, перепечатанное на машинке.

— Вот, почитайте, что пишет наш штатный консультант товарищ Моисеев.

Цандер прочитал коротенькое заключение, и его лицо покрылось испариной.

— Вы извините меня, но, судя по этому письму, ваш консультант не является специалистом в области техники.

— Это проверенный товарищ. Мы доверяем ему.

— Но ведь его предложение нелепо. Вместо издания научных трудов он предлагает написать популярную брошюру.

— Да, точно. Иногда брошюра бывает важнее книги. Даже товарищ Ленин не чурался брошюр. И писал их... придавая им большое значение.

— Товарищ Ленин как раз одобрительно относился к моей работе и даже обещал поддержку.

Большая голова Петра Семеновича ощетинилась еще больше:

— Вы, гражданин Цандер, не козыряйте здесь именем вождя. Я не позволю, да... Теперь много находится таких, которые говорили с товарищем Лениным и которым он якобы обещал поддержку... Если хотите — пишите брошюру, мы постараемся издать...

Цандер взял со стола отзыв Ветчинкина и положил его в карман.

— Где мои труды?

— Вот большая папка... разве не узнаете?

Цандер взял папку и вышел...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Прошло, пролетело еще три года. Цандеру в августе исполнилось сорок два. Он был преисполнен стремлений и творческих сил. Он многое уже сделал! Если бы опубликовать его научные труды, они бы составили несколько томов. Теперь предстояла практическая работа по постройке опытной ракеты. Но он не знал, где искать поддержку... К тому же тревожила забота о насущном хлебе — у него росло двое детей. Дети были жизнерадостные, милые. С ними он забывал все неудачи и горести. Даже назвал их «звездными» именами: дочку — Астрой, сына — Меркурием...

Теперь Цандер работал не на заводе, а в конструкторском бюро Авиатреста. Он перешел сюда отчасти потому, что больше платили, а главным образом из-за надежды, что в конструкторском бюро ему предоставят возможность

работать над опытной ракетой. Когда его приглашали в трест, такое обещание было дано. Но скоро произошли перемены в руководстве. Новые начальники заявили, что не разрешат никаких «побочных» работ... Цандера настолько «загрузили» в бюро, что у него уже не оставалось сил работать дома... Так прошло три года.

Что же случилось за это время? Какие события потрясли мир? Какие открытия были сделаны в области изучения мирового пространства? В Москве в 1927 году состоялась Первая Всемирная выставка межпланетных аппаратов и механизмов. Но Цандер, будучи сам ее участником, не увидел ничего примечательного: на стендах демонстрировались старые работы Эсно Пельтри, Годдарда, Оберта.

Циолковский выставил книгу: «Исследование мировых пространств реактивными приборами», изданную в двадцать шестом году. Были еще работы англичанина Ульша, немца Валье и ученых из других стран, но они тоже не отличались новизной и оригинальностью.

Цандер, осмотрев выставку, задумался: «Странное впечатление она производит... В начале двадцатых годов исследования по изучению мирового пространства и ракетных полетов начались чуть ли не в десяти странах, а к двадцать седьмому году они замерли. Тут что-то не так... Уж не наложили ли на ракетные исследования «лапу» военные ведомства?..» Эта догадка мучила Цандера. «Ведь если жидкостные ракеты будут приняты на вооружение, они станут производить страшные разрушения. Будут гибнуть тысячи мирных людей. Что же делать? Как этому помешать? Писать в Наркомат обороны? Выступить в газетах, бить тревогу? Но ведь у меня нет прямых доказательств...»

Как-то в воскресенье, весной двадцать девятого года, Цандер вышел погулять с маленьким Меркурием. Было тепло, солнечно. Проходя по бульвару, он купил в киоске книжку Перельмана «Межпланетные путешествия» (новое издание) и стал ее листать.

В книжке популярно рассказывалось о работах Циолковского, Эсно Пельтри, Годдарда, Оберта. И вдруг Цандер нахмурился, поднес книжку ближе к глазам:

«Дело идет здесь об обстреле крупных мишеней, каковы неприятельские главные города, промышленные районы... Если при подобном обстреле заряды в несколько тонн могут быть перенесены ракетами через огромные

расстояния и если против них нет никаких средств обороны, то станет ясным, каким могущественным оружием могут явиться ракеты».

«Опять варварство! Да кто же это пишет? Разве смеет ученый так думать?.. А, какой-то полковник Ноордунг... Его, видите ли, занимает «Проблема путешествий в мировом пространстве». Да. Ракетные исследования могут обернуться для человечества величайшей трагедией, если они попадут под контроль подобных полковников...»

Цандер стал листать дальше. «Не вычитал ли Перельман где-нибудь в газетах сообщения о новых работах Годдарда и Оберта? Не может быть, чтоб они не делали попыток построить опытную ракету на жидком топливе...»

Листая книжку, Цандер искал лишь фамилию Годдарда.

«А, вот и он!..» Позднее сообщалось, что ракета Годдарда совершила перелет на двести километров. Годдард не опровергал этих слухов и хранил полное молчание о своих опытах... «Оправдывается догадка, что его работы перешли к военному ведомству».

Цандер захлопнул книжку и несколько минут сидел в глубоком раздумье. «Да, да, многолетнее молчание Годдарда становится зловещим... А немцы? Если они откровенно призывают к созданию военных ракет, что может им помешать делать их тайно?..»

Подбежал перепачканный песком Меркурий. Цандер отряхнул песок, отер платком лицо и руки ребенка, посадил к себе на колени.

— Ну, что, Меркуша, не пора нам домой?

— Папа, поя!

— Когда же ты научишься хорошо говорить?

— Завта!

Цандер распутал слипшиеся волосы Меркуши, поцеловал его и опустил на землю:

— Иди, побегай еще, Меркуша...

Цандер скручивал книжку, гневно думая о прочитанном.

«Я всегда был против войн, которые принесли столько бедствий человечеству. Я всегда мечтал о благополучии людей и стремился свои исследования обратить на процветание человечества. Но я никогда не был абстрактным пацифистом. Я не могу допустить, чтоб были осуществлены черные замыслы злобных полковников. Чтоб эти, беззаботно играющие дети были разорваны на куски пущенными

из-за океана ракетами. Мы — советские ученые, мечтающие о мирных полетах на другие планеты, должны этому помешать».

Цандер поднялся, взял за руку сынишку и вместе с ним зашагал домой.

И дома Цандер продолжал думать о своей страшной догадке: «Что можно сделать? Как этому помешать? Очевидно, против яда следует искать противоядие... Надо создавать свои мощные ракеты, которые, в случае угрозы, могли бы стать воздушными торпедами...»

За обедом Цандер молчал или отшучивался, избегая разговоров, продолжал думать о том же. Потом он немного поиграл с детьми и, уйдя в свою комнату, принялся писать письмо. Письмо было без начала. Он еще не знал, куда его направить: в Совнарком или в Наркомат обороны. Он спешил набросать главные мысли, а потом уж отредактировать окончательно:

«Людям, занимающимся государственными делами и стоящим далеко от науки, точнее, от исследования мирового пространства, мое письмо может показаться странным и неуместным. Но я умоляю Вас отнестись к нему со вниманием, пригласить для консультации ученых и лишь тогда принимать решение. Есть серьезные основания полагать, что в Америке, а возможно, и в Германии секретно разрабатывается страшное ракетное оружие. Об этом свидетельствуют слухи о появлении в Америке сверхдальнобойных пушек, стреляющих на сотни километров... Мы не можем помешать секретным работам западных ученых-ракетчиков, но мы — инженеры России — вполне способны создать свои ракеты, которые гарантируют нам защиту от внезапной опасности.

Я настоятельно прошу предоставить мне возможность работать в ЦАГИ или Авиатресте исключительно в области межпланетных сообщений: над созданием реактивного двигателя и высоколетающих ракет».

Закончив и отредактировав письмо, Цандер долго думал, кому его адресовать.

«В Наркомате обороны меня никто не знает. В Совнаркоме тем более... Пошлю письмо в «Главнауку» с просьбой переслать его по назначению, приложу отзыв о моих работах профессора Ветчинкина...»

На другой день, по пути на службу, Цандер заехал на почту и, отправив письмо «заказным», спрятал квитанцию в бумажник...

2

За два года до того, как, взволнованный сведениями о секретных работах Годдарда, Цандер отправил в «Главнауку» свое письмо, в крупном немецком городе Бреславле, в отдельном кабинете шикарного ресторана, собралось десятка два молодых людей, мало похожих на гуляк.

Официанты, подававшие ужин, были удивлены скромным количеством спиртного и горячими, малопонятными им речами. Молодые люди были сторонниками космических исследований и собрались для того, чтоб организовать немецкое «Общество межпланетных сообщений».

Заслушав доклад журналиста Шульца — маленького, бойкого, пронырливого человечка — о Первой Мировой выставке межпланетных аппаратов и механизмов в Москве, собравшиеся утвердили устав «Общества» и избрали президентом издателя Винклера.

Смуглый, с нависающими бровями, Винклер был человеком молчаливым и скрытным. Но, растроганный аплодисментами, он поднялся.

— Господа, благодарю вас за доверие! Я обещаю вам наладить издание журнала «Ракета» и через него привлечь в Общество новых членов...

Оберт, приглашенный в почетные члены «Общества», с радостью согласился сотрудничать в «Ракете». Он отлично знал, что истощенная войной Германия не сможет выделить средства на ракетные исследования. Эти деньги следовало искать в другом месте. «Общество межпланетных сообщений» могло привлечь в свою среду богатых промышленников и из их пожертвований составить изрядную сумму.

Предположение Оберта оправдалось: через год в немецком «Обществе межпланетных сообщений» было более пятисот членов. Помимо Оберта в него вступили известные ученые в области космических исследований: француз Эсно Пельтри, немец Гомман, австрийцы Гефт и Гвидо. Из членских взносов и пожертвований образовался фонд для практических работ по ракете.

Оберт, переселившийся из Бухареста в Берлин, стал подыскивать помещение, где можно было бы начать опыты с жидким горючим и кислородом.

Проблема межпланетных перелетов продолжала волновать умы людей Старого и Нового Света. Газеты на все

лады обсуждали переизданные на многих языках «Войну миров» Уэллса и «Аэлиту» Алексея Толстого.

Появление «Аэлиты» на экранах заставило киностудии разных стран обратиться к «космической теме».

В Германии спешно снималась фантастическая кинокартина «Женщина на Луне». Герман Оберт, приглашенный научным консультантом, предложил, в целях рекламы, в день премьеры картины запустить в небо спиртовую ракету.

Студия не поскупилась на затраты.

Оберт, взяв себе в помощники инженера Небеля и русского эмигранта Шершевского, начал действовать.

На окраине Берлина, в каменном помещении заброшенного склада, была оборудована лаборатория и механическая мастерская.

Перед тем как начать опыты, Оберт пригласил в лабораторию профессора Гехта — специалиста по сжиженным газам. Это был угрюмый бородатый человек с сизыми пятнами ожогов на лице, которые он старался прикрыть бородой и пышными усами.

Выслушав Оберта, Гехт покачал головой:

— Не могу одобрить, коллега, ваши предстоящие эксперименты. Боюсь, что спирт в соединении с жидким кислородом не будет гореть, а вызовет взрыв.

— А бензин?

— С бензином получится то же самое, особенно если вы его приведете в парообразное состояние.

— Я буду охлаждать бензин жидким кислородом.

— Взорваться может сам кислород... Уж если вам необходим этот опыт — возьмите для начала жидкий воздух — это более безопасно.

Оберт поблагодарил Гехта и почтительно проводил его до дверей...

В мастерской, по чертежу Оберта, из прочной стальной трубы изготовили небольшой цилиндр, установили на станке, снабдили трубками для подачи бензина и окислителя, электрическим зажиганием.

— Подавайте жидкий воздух,— приказал Оберт.

Шершевский исполнил приказание.

— Довольно! А теперь впрысните бензин.

Шершевский включил подачу горючего.

— Готово!

— Зажигание! — крикнул Оберт.

Небель включил ток. Раздался выстрел! Белое облако ударило в потолок, обдав жаром испытателей.

— Черт побери! Я, кажется, брошу все и уйду прочь! — нервно закричал Шершевский.

— Спокойно, друзья, спокойно! Я вижу наш промах, — вмешался Оберт. — Нужно было вести испытания в камере сгорания, а не в цилиндре. Мы исправим эту ошибку... Мы непременно исправим ее.

Месяца через два была изготовлена литая камера сгорания конусообразной конфигурации, почему и назвали ее «кегельдюзе».

Камеру установили на массивном станке, повернув соплом к крепкой каменной стене. Испытатели укрылись за невысоким толстым щитом из броневой стали, где находились приборы управления.

Оберт, встав во весь рост, из-за щита еще раз осмотрел камеру.

— Все должно быть хорошо, друзья.

— Вам лучше бы спрятать голову, профессор.

— Не надо... Я должен наблюдать... Подать горючее! — приказал он.

— Есть.

— Зажигание! — крикнул Оберт.

Раздался взрыв.

— Ох! — вскрикнул Оберт. — О, мой глаз, — простонал он и упал без чувств...

3

Пошел второй месяц, а на письмо Цандера не было никакого ответа

«Неужели потерялось? Почему молчат? Надо самому съездить в «Главнауку».

После обеда он отпросился у начальства и, выйдя на лестницу, быстро побежал вниз.

Вдруг послышался резкий шипяще-свистящий звук, похожий на шипенье паровоза. Цандер остановился, прислушался. Звук доносился снизу. Взглянув через чугунные перила, он увидел бьющее струей желтое пламя и человека, сидящего в углу трубы парового отопления.

Цандер вбежал на второй этаж, подошел к рабочему.

— Здравствуйте, что, трубу прорвало?

— Да вот испытывали отопление и обнаружили щель,— не оборачиваясь, сказал рабочий,— не то треснула, проклятая, не то прогнила...

Рабочий, левой рукой держа паяльную лампу, направлял пламя на трубу, а правой, вооруженной зубилом, счищал обгоревшую, пузырившуюся краску.

— Собираетесь паять?

— Иначе целый стояк менять надо. А где его возьмешь?..

— Чем же вы будете паять?

— Известно, медью. Олово не удержит...

Цандер, немного отойдя, долго смотрел на паяльную лампу, на ровное пламя, бьющее струей, как будто видел ее впервые.

— А на чем работает ваша лампа? На бензине?

— Должна бы на бензине, да разве дадут... Дуем больше на смеси с керосином...

Цандер отошел, задумался. «Любопытно...— размышлял он, не спуская глаз с лампы.— А что, если бы вместо направляющей горелки устроить трубку побольше и снабдить ее соплом? А к бензину добавить кислороду? Ведь получился бы реактивный двигатель! Честное слово! В нем было бы все: и камера сгорания, и сопло, и подача горючей смеси под давлением... Идея! Просто, дешево, убедительно!»

Цандер снова приблизился к рабочему:

— Послушайте, а вы не могли бы мне продать вашу лампу?

— Да зачем тебе этакая рухлядь? — повернулся рабочий.

— Мне для опытов надо...

— Чудак человек! — усмехнулся рабочий и, зачистив края трещины, поставил лампу на пол. — Экую страсть для опытов?.. Да ты иди в любую керосиновую лавку и купишь новенькую, за милую душу.

— Продают?

— Сколько угодно... Только бери ленинградскую, завода Матвеева. Скажи: дайте мне паялку треста «Ленжатгаз» — там знают.

Цандер достал книжечку, записал. Рабочий, закурив папироску, посмотрел на него с любопытством:

— Знаешь, как работать-то с ней?

— Я же инженер и видел ее в работе не раз. Правда, самому не доводилось...

— Это, брат, штука хитрая. Немного перекачаешь воздух, и может взорваться... Ты вот что... Ты как купишь — приходи ко мне — я тут в котельной работаю. Отрегулирую горелку и обучу тебя в лучшем виде.

— Спасибо! А не знаете, где тут поблизости керосиновая лавка?

— Да как выйдешь, сразу за угол — тут и будет.

— Благодарю вас,— сердечно сказал Цандер и бегом устремился вниз по лестнице...

Вечером Цандер вернулся домой с тремя свертками. В первом оказались игрушки для детей. Этот сверток тут же был торжественно развернут, и дети с радостными криками принялись усаживать в тележку: мишку, зайца, обезьянку и других зверей.

Второй сверток Цандер вручил жене.

— Что тут? — спросила Александра Феоктистовна с некоторым недоумением, но, ощупав сверток, догадалась, что это давно обещанная кофточка, заулыбалась и, развернув, стала примерять кофточку перед зеркалом.

Цандер, воспользовавшись этим, проскользнул с третьим свертком к себе в комнату.

Медная, сияющая паяльная лампа была водружена на стол.

Усевшись перед ней, Цандер подпер голову руками, задумался.

Сколько он просидел в этой позе — полчаса, час или два,— никто не знает. К Александре Феоктистовне пришли подруги с завода. Они разговорились...

Лишь когда маленький кудрявый Меркуша, со стуком распахнув дверь, влетел в комнату, Цандер, улыбнувшись, поднялся.

— Папа, я придумал, папа, посмотри! — восторженно закричал Меркуша, показывая, как он усадил в тележку кошку, а на нее взгромоздил обезьяну.— Посмотри, не падает...

Отец покатал по столу тележку и, погладив кудрявые волосы сынишки, ласково сказал:

— Молодец, Меркуша, ты отлично придумал... А вот у меня пока не получается...

Мальчик взглянул на стол:

— Знаю, знаю, папа. Ты из примуса делаешь пушку?

— Да, почти так,— усмехнулся Цандер.— Ну ты, Меркуша, беги к Астре и играй с ней, я должен еще поработать.

— Папа, а ты придешь к нам?

— Обязательно приду. Беги!

Проводив сына, Цандер запер дверь и, немного походив по комнате, опять сел к столу, вооружившись карандашом и бумагой.

Нарисовав паяльную лампу, он легче представил, что ему следует делать. Горелку с направляющей трубкой он стер резинкой и вместо них нарисовал более длинную насадку в виде трубы, завершающуюся конусообразным соплом.

«Вот в этой трубе у меня и будет камера сгорания. А чтоб при работе она не перегревалась, я надену на нее металлический кожух, куда будет нагнетаться холодный воздух».

Цандер облек трубу в кожух и поднялся.

— Хорошо! Отлично! — Он прошелся по комнате, размышляя вслух.— Странно, что эта мысль мне пришла лишь тогда, когда я нарисовал лампу. Видимо, привычка к чертежам так натренировала мое зрительное восприятие, что оно утратило чувство предметности... Пожалуй, и дальше мне надо думать не над лампой, а над ее рисунком, схемой. Это ближе к чертежу, ближе к конструкции.

Он снова сел к столу и, обдумывая детали, стал рисовать, набрасывать...

«Пожалуй, я неточно нарисовал камеру сгорания. Она должна быть немного шире в начале и уже в конце... а заканчиваться должна конусообразным срезом». Он взял резинку, подтер, поправил карандашом контурные линии камеры сгорания.

«Вот так хорошо! Продолжение трубы будет более узкое, ровное и в самом конце — конусообразное сопло. Его можно будет отвинчивать и заменять другими по форме и диаметру.

Сопло пока сделаю суживающимся, без расширителя — это мне позволит точнее определить параметры внутрикамерных процессов...»

Цандер снова посмотрел на лампу, затем на чертеж.

«Бак для бензина, емкостью в один литр, вполне годится. Годится и насос. А вот трубку для бензина нужно делать новую. Бензин хорошо бы подогревать, он бы лучше

распылялся и лучше сгорал... А что, если медную трубку протянуть к самому соплу и сделать несколько витков вокруг конусной части сопла? Конечно, от сопла бензин будет нагреваться и в то же время немного охлаждать сопло. Хорошо! Так и нарисуем...

А кислород?.. Впрочем, для безопасности возьмем сжатый воздух. В нем достаточно кислорода для первичных опытов... Сжатый воздух будет нагнетаться в кожух, охлаждать стенки камеры, а затем, через фигурные щели,— в центральную часть камеры сгорания. Вот мы тут и отметим эти фигурные щели. Вот так... Хорошо. А зажигание? Ну, тут думать нечего! Впаяем в головку камеры сгорания автомобильную электрическую свечу...»

Цандер откинулся на спинку стула, еще раз пристально посмотрел на лампу и на чертеж.

«Конечно, нужно к баку с горючим приспособить термометр, для измерения температуры его крышки... Вероятно, забыты и еще некоторые детали, но в основе своей — схема двигателя продумана...»

Цандер поднялся и стал ходить по комнате, разгибая затекшие руки и ноги. Он вдруг почувствовал такую усталость, словно только что поднялся на двадцатый этаж.

«Что такое, уж не заболел ли я? Вроде ничего не делал, а устал ужасно... Надо бы поехать к Стрешневу, посоветоваться, нельзя ли эту работу выполнить на заводе, но, пожалуй, поздновато и устал...»

Цандер взглянул на часы.

«Что такое? Не может быть... Они показывают пять утра...» Он потряс часы, поднес к уху — они тикали...

Подойдя к окну, отдернул штору. Улица была тиха и пустынна. Начинало светать. Розовые лучи солнца уже играли на золотом куполе далекого храма.

— Вот так штука, уже утро! — усмехнулся Цандер и, быстро постелив постель на диване, лег, сладко потягиваясь. Он был неизъяснимо рад, что нашел столь простое решение.

4

Никому не говоря о своей «находке», Цандер по вечерам запирался в своей комнате и сидел над расчетами и чертежами опытной модели. Надо было высчитать наиболее выгодную форму и размеры сгорания, определить конус и сечение сопла, толщину стенок камеры и кожуха, ди-

аметры струйного распылителя и штуцера для подачи сжатого воздуха.

Лишь недели через две, когда все эти работы были закончены, Цандер позвонил Стрешневу и попросил его приехать и привезти опытного слесаря-универсала, который бы согласился работать во внеурочное время за особую плату.

— А что нужно делать? — спросил Стрешнев.

— Есть одна срочная и чрезвычайно важная работа, о которой могу рассказать лишь при встрече.

Стрешнев понял, что речь идет о двигателе.

— Хорошо,— сказал он,— в воскресенье жди! Да, минуточку, Фридрих... Ты не получил от Циолковского новой брошюры «Ракетные поезда»?

— Получил. Прочел. А что?

— Я прочитал, Фридрих, и несколько дней хожу под впечатлением. Здорово! А? Чтоб обеспечить взлет в мировое пространство, он придумал систему ракет, целый поезд, способный взять с собой горючего, в четыре раза превышающего вес самого поезда. Ловко! Что ты скажешь?

— Да, я знаю... Правда, об этом же писал в своей книге Оберт. Он предлагает соединение двух ракет, только в обратной последовательности. У него начинает движение нижняя большая ракета. Она поднимает верхнюю малую ракету. А у Циолковского, как ты помнишь, первая ракета тащит по рельсам, до сильного разгона, сцепленные с ней другие ракеты. Поднимаясь все выше и выше в горы, ракеты достигают огромной скорости, и весь поезд взлетает, устремляется в космос. По мере сгорания нефти первые ракеты отсоединяются, а другие продолжают полет, все увеличивая скорость.

— Разве плохая идея? — перебил Стрешнев.

— Идея отличная, Андрюша. Я горячо одобряю многоступенчатую систему ракет для полета в космос, однако строительство железной дороги в двести верст и высотой в восемь верст считаю делом дорогостоящим и совершенно нереальным. Попробуй-ка возведи железную дорогу на Гималаи.

— Это же условно, Фридрих... Все дело в идее.

— Идея отличная! Ее, безусловно, учтут ученые, когда будут создавать космические ракеты... Я же сейчас озабочен мыслью, чтоб запустить ракету, хоть на один километр в высоту.

— Понимаю. В воскресенье буду. Жди.

Когда раздался резкий стрешневский звонок, Цандер сам выбежал в переднюю и распахнул дверь.

— Степан Иванович? Вот уж не ожидал...— удивленно развел руками Цандер, увидев Дубосекова.— Разве вы слесарь?

— Кумекаю малость... Здравствуйте, Фридрих Артурович,— широко улыбаясь и протягивая крепкую заскорузлую руку, заговорил Дубосеков.— Чай, помните мою модель межпланетного корабля?

— Как же, как же, до сих пор любуюсь... Но я думал, что вы больше по моделям...

— Он мастер на все руки,— здороваясь, забасил Стрешнев,— и слесарь, и токарь, и лекальщик... Одним словом — тот, кого тебе надо.

— Пожалуйста, проходите, друзья, я очень рад.

Стрешнев, войдя в комнату, служившую Цандеру кабинетом, не увидел никаких перемен и спокойно сел на диван, усадив рядом Дубосекова.

— Ну, рассказывай, Фридрих, чем тебя осенило? Что за события заставили звать нас?

— Да вот хотел посоветоваться по поводу реактивного двигателя. Пришла мысль о создании очень простой конструкции...

— Ну, ну, выкладывай.

Цандер достал из кармана пустую винтовочную гильзу.

— Вот, Степан Иванович, видите эту штуку?

— Вижу.

— Реактивный двигатель в основе своей так же прост. Его работа похожа на выстрел. В патроне что? Боек ударяет в капсюль — происходит взрыв пороха, и расширившиеся газы с огромной силой выталкивают пулю.

— Да. Тут никакой замысловатости.

— То же и в реактивном двигателе. В нем может взрываться порох или другое вещество и расширившимися газами создавать движение. Ведь когда стреляют из винтовки, то отдача в плечо, так ведь?

— Еще как! Я ведь в революцию воевал... из-за этого и прихрамываю.

— Вот так и в реактивном двигателе. Газы давят на переднюю стенку и, отходя назад, в сопло, создают движение вперед. Главное в двигателе — камера сгорания, где происходит взрыв, как в патроне, вернее, множество взрывов — интенсивное горение.

— Это я понимаю,— сказал Дубосеков.

— В моем двигателе будет сгорать распыленный, подогретый бензин. Чтобы горение было более интенсивным, в камеру будет нагнетаться сжатый воздух, насыщенный кислородом.

— Понимаю: тогда бензин станет гореть, как порох,— сказал Дубосеков.

— Сильнее пороха! — пробасил Стрешнев.

— Ух ты, ядрена лапоть! — усмехнулся Степан.— Этак может разорвать всю камеру.

— Да, камера должна быть прочной,— опять заговорил Цандер,— ее надо сделать из качественной стали.

— А мудрена ли она по форме-то?

Цандер нащупал в кармане пулю и вложил ее в патрон.

— Вот видите, Степан Иванович,— какая форма у патрона с пулей!

— Да, удлиненная...

— Верно! Если половину патрона с закраиной отсечь да отрубить нос пули, то как раз и получится контур камеры сгорания...

Цандер вынул блокнот, нарисовал патрон с пулей, затем вертикальными линиями, чтоб видел Степан, отрубил самый нос пули и тыльную половину патрона. Жирной чертой обвел контур.

— Вот, пожалуйста. Это и есть чертеж камеры сгорания.

Дубосеков посмотрел, подал Стрешневу. Тот, взглянув, подмигнул Дубосекову:

— Ну, что, сумеешь сделать, Степан?

— Это все из одного куска стали?

— Нет, зачем же... Тыльная стенка может навинчиваться, и нос, где сопло, будет сменный.

Дубосеков обидчиво шмыгнул носом:

— Этакую штуку вам любой токарь выточит.

— Но это еще не все, Степан Иванович,— заговорил Цандер,— вот смотрите!

Он взял рисунок и обвел контур камеры сгорания жирной чертой.

— Видите? Камеру сгорания надо закрыть кожухом для охлаждения сжатым воздухом.

— Так, понимаю... Значит, из кожуха воздух будет подаваться в цилиндр?

— В камеру сгорания.

— Ну да, в камеру... Чего же тут непонятного?.. А трубки? Бак для бензина, насосы? Где это все?

— Видишь ли, Степан Иванович, я решил использовать готовый механизм, только приспособить к нему новую насадку — камеру сгорания. Вот взгляните! — Цандер достал из шкафа паяльную лампу и поставил ее на стол.

— Лихо! Находчиво, Фридрих! — изумленно воскликнул Стрешнев.

Степан Дубосеков подошел к лампе, осмотрел ее со всех сторон, пощупал.

— Так... Значит, вместо горелки будет камера сгорания с кожухом?

— Да. Можно это сделать?

Дубосеков пригладил ладонью торчащие во все стороны белесоватые волосы, усмехнулся:

— Хитрый вы человек, товарищ Цандер. Ох, хитрющий!

— Да чем же я хитрый? — удивленно развел руками Цандер.

Дубосеков ткнул пальцем в рисунок:

— А этакую штуку удумали...

5

Стрешнев, забрав с собой чертежи, уехал от Цандера вместе с Дубосековым. Они сговорились действовать сообща. На другой день оба явились к главному инженеру Крамешко и вместе с ним отправились в партячейку. Оттуда уже с несколькими членами бюро — к директору.

Стрешнев, разложив на столе чертежи, рассказал о принципе нового двигателя.

Директор, старый коммунист из рабочих, был не силен в технике. Потормошив седую шевелюру, он задал несколько вопросов Стрешневу и ткнул пальцем в Дубосекова.

— Ты берешься это сделать, Степан?

— Берусь!

— Шустрый, однако... А что скажет главный? — обратился он к Крамешко.

— Этот опытный двигатель может явиться началом больших работ в нашей области.

— Ишь куда хватил!

— Так все думаем,— поддержал Стрешнев.

— И ты, Дубосеков? — опять спросил директор.

— Я не только думаю, я опять пойду в завком, и все

рабочие поднимутся, чтоб поддержать нашего изобретателя.

— Погоди, Дубосеков, не шуми. Раз дело стоящее — я не против.

— У вас же опять ассигнований не окажется.

— Ладно, помолчи,— прикрикнул директор,— сколько тебе потребуется времени, чтобы сделать эту штуку?

— Не знаю... Может, неделя, а может, и месяц...

— В цеху можно без него обойтись?

— Обойдемся,— сказал Крамешко.

— Тогда вот что... У вас в техническом бюро есть вакансия инженера. Проводите Дубосекова по этой вакансии и платите ему, как инженеру. Ясно? Возьму грех на свою душу, но ты, орел, гляди у меня! Если напортачишь — спуску не будет!

— Не сомневайтесь, товарищ директор, головой отвечаю!

— Выпишите Дубосекову все материалы и инструменты за счет завода. А контроль за вами, товарищ Стрешнев.

— Охотно берусь,— забасил Стрешнев.— Охотно! Потому что верю в удачу...

Еще весной Стрешнев уговорил Цандера в августе ехать в Калугу. Задумали провести отпуск на лоне природы, покупаться в Оке, порыбачить, походить по грибы... Цандеру хотелось не только отдохнуть, но, главное — познакомиться с Циолковским, поговорить с ним о делах... Казалось, все было решено и продумано — старики Стрешневы писали, что уже приготовили для Фридриха Артуровича светлую комнату с окнами в сад... И вдруг эта нечаянная встреча Цандера с паяльщиком все перевернула...

В конце июля, когда надо было готовиться к отъезду, Дубосеков начал работу над камерой сгорания, и Цандер, отпрашиваясь на работе, почти ежедневно приходил к нему в цех, смотрел, советовал...

Стрешнев, как-то подкараулив Цандера у проходной, взял под руку, отвел подальше от людей.

— Фридрих, дружище, ты стал очень неважно выглядеть. Похудел, осунулся... Не заболел ли?

— Нет, ничего... правда, сердце стало пошаливать...

— Отдыхать надо, голубчик, отдыхать. Я по сравнению с тобой — богатырь! А и то порою сдаю... Давай собираться в Калугу, там нас ждут.

— Как же теперь, когда начали делать двигатель?

— Пока мы ездим, Дубосеков все сделает. Приедем — опробуем.

— Что ты, Андрюша, разве я смогу... Я буду рваться в Москву и тебе испорчу весь отдых... Поезжай один, а я возьму отпуск и буду помогать Дубосекову. Ведь тьма всяких дел... Оказалось, что нигде нет медной трубки, нужного сечения, для бензопровода. Не могут достать тугоплавкой стали для сопла... Как можно Степана оставить одного?

Стрешнев понял — уговорить Цандера не удастся.

— Боюсь я за тебя, Фридрих... Свалишься...

— Не свалюсь! Ведь двигатель делаем, Андрюша. Сейчас я могу работать за троих...

— Тогда вот что: по возвращении из Калуги я возьму на себя все заботы о двигателе, а ты—ты поедешь в санаторий! Выхлопочу тебе дополнительный отпуск. Согласен? Даешь слово?

Цандер подумал и протянул руку:

— Даю!..

Стрешнев вернулся в первых числах сентября 1929 года, когда камера сгорания была полностью готова и Степан Дубосеков заканчивал пригонку воздушного насоса и бензопровода.

Стрешнев придирчиво осмотрел камеру и довольно улыбнулся:

— Не зря я тебя рекомендовал, Степан. Верно говорят, что у тебя золотые руки.

— Рано еще судить о моей работе, Андрей Сергеич, двигатель не мертвая модель... Подождем, что он сам о себе скажет...

— А когда испытания?

— Ждали вас... Да вон и Фридрих Артурович идет... спросите у него.

— А, Андрей, наконец-то! — радостно воскликнул Цандер, крепко пожимая большую, загорелую руку друга.— Хорош, хорош! Румяный, упитанный — прямо нэпман!.. Ну, ну, не обижайся — шучу...

— Привез тебе тысячу поклонов. Циолковский очень разволновался, когда узнал, что ты создаешь реактивный двигатель. Передавал привет и пожелания больших успехов.

— Спасибо! Я рад...

— Когда же испытания, Фридрих?

— Я думаю — в пятницу. Это хороший день...

— Ладно! Я всех оповещу...

В пятницу после работы, когда в кузнечном цехе почти никого не осталось, Дубосеков со Стрешневым принесли двигатель и прикрутили его проволокой к большой наковальне.

Скоро пришли Цандер с Крамешко и директор с секретарем партячейки.

— Ну, что же, пожалуй, будем начинать? — спросил Крамешко.

— Сейчас, только провод протянем,— сказал Стрешнев.

Цандер сам осмотрел двигатель, проверил бак с бензином и, взглянув на барометр, немного подкачал воздуху.

— Как с зажиганием?

— Все готово! Пульт управления будет здесь за печью,— ответил Стрешнев,— прошу всех сюда.

— Да, да, товарищи, пройдите туда,— попросил Цандер,— возможны всякие неожиданности.

Когда все отошли, Цандер несколько секунд постоял наедине с двигателем и ласково погладил его, как бы говоря: «Дружище, не подведи»,— подошел к пульту управления и положил руку на выключатель:

— Внимание! Включаю.

Все замерли. Воцарилась тревожная тишина.

Цандер почувствовал, как его лицо покрывается испариной.

— Не томи, давай! — буркнул директор.

Цандер дрожащей рукой включил зажигание. Двигатель фыркнул и вдруг издал шипяще-свистящий звук, похожий на завывание дисковой пилы.

— Ишь, как ревет! — удивленно сказал директор и вышел из укрытия.— От горшка два вершка, а гудит, как броненосец «Потемкин»!

Цандер подбежал к двигателю, взглянул па приборы, еще качнул насос.

Двигатель заревел сильнее.

На глазах Цандера блеснули слезы радости. Он взглянул на подошедшего Стрешнева, как бы спрашивая: «Ну, что?» Но тот уже протягивал к нему руки:

— Фридрих, дружище, поздравляю! Слышишь, поет, бродяга... Значит — победа!..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

В тридцать втором была ранняя, спорая весна. В конце апреля зазеленели деревья, и старая запущенная Москва повеселела, стала живописней, приветливей. Кое-где уже вывешивали красные флаги, на фасадах больших домов укрепляли портреты вождей и красочные панно. Москва жила суматошной, предпраздничной жизнью.

На заводе «Мотор» к майским праздникам готовили подарок — новый мощный авиационный двигатель. Однако с испытаниями не ладилось. Над отладкой работали днем и ночью. Стрешнев, как один из авторов проекта, целую неделю не выходил с завода, следя за работой в цехах, на сборке, на испытательной станции. Лишь когда совсем выбивался из сил, приходил в кабинет, чтоб на часок прикорнуть на диване...

В субботу с отладкой было закончено, и двигатель заработал ровно, без перебоев, легко наращивая и гася число оборотов. Испытания велись всю ночь и прошли на редкость успешно. В воскресенье часов в десять утра и рабочие, и инженеры были отпущены домой.

Стрешнев, выйдя на воздух, прогретый весенним солнцем и пропитанный сладким запахом молодой клейкой тополиной листвы, почувствовал необыкновенную легкость — усталости как не бывало. Захотелось пройтись пешком, ни о чем не думая и не заботясь.

Он шагал, насвистывая, сняв кепку, и чувствовал, как легкий ветерок играл в его густых, слегка курчавящихся волосах.

На перекрестке улиц у старой, облупленной, полуразрушенной церкви со спиленными крестами стояла и крестилась старушка.

— Бабушка, что же вы молитесь, ведь церковь-то не работает?

— Это ничего, голубчик, что не работает, зато она стоит... Сколько ее ни ломали, сколько ни взрывали, а сокрушить не могли. Так и веру христианскую сокрушить невозможно... Камни останутся от храма, мы и на камни молиться будем...

Стрешнев, ничего не сказав, пошел дальше, но старушка смутным видением продолжала стоять у него перед

глазами. «О вере она хорошо сказала! Вера — могучая сила! Если человек верит во что-то — в бога, в черта, в свою собственную идею — он в десять раз сильнее неверующего...»

Вспомнился Цандер — худенький, хрупкий, с тонкими белыми руками. «Кажется, дунет ветер и он упадет, а какая силища в этом человеке! Сколько он сделал!.. Кажется, в прошлом году показывал мне расчеты траекторий полета межпланетного корабля па Марс. Это поразительно! Он рассчитал и сроки отлета, время нахождения в пути, и силу притяжения Солнца и других планет, и влияние этого притяжения на скорости полета. Он разработал способ, по которому астронавты смогут определить орбиту своего корабля и координировать его движение.

А реактивный двигатель! Фридрих не удовлетворился первой удачей. Теперь разрабатывает проект нового, более мощного двигателя — ОР-2 (опытный реактивный — два). Где берет он силы для этой деятельности, которой бы хватило на пятерых? Только вера, несокрушимая, непоколебимая вера в свою идею дает ему энергию».

Стрешнев, углубившись в размышления, не заметил, как вышел к Разгуляю. Впереди рыжая лошадь, запряженная в ломовые дроги, везла что-то, накрытое брезентом. Ямщик шел рядом с лошадью, держа в руках вожжи, а сзади за дрогами устало шагали пятеро мужчин с обнаженными головами.

— Гражданин, не знаете, кого хоронят? — спросил Стрешнева худенький старичок.

— Нет, не знаю...

— Странно... Гроб закрыт брезентом и кажется каким-то маленьким... Может, кто на самолете разбился?

— Не знаю,— сказал Стрешнев и ускорил шаги.

В это время лошадь поворотила на Басманную, и среди шагавших за дрогами Стрешнев увидел Цандера.

Он пошел еще быстрее, по самому краю панели, чтобы лучше рассмотреть и дроги, и людей, идущих за ними.

Цандер, словно почувствовав, что Стрешнев идет рядом, взглянул на панель и, увидев его, приветливо махнул рукой.

Стрешнев счел неловким присоединиться к процессии и отрицательно кивнул. Тогда Цандер, что-то шепнув молодым людям, быстро пошел и обеими руками схватил руку Стрешнева.

— Андрей, вот встреча! Я так рад видеть тебя именно сегодня.

— С кем это ты, Фридрих? Кого вы хороните?— с тревогой спросил Стрешнев.

— Что ты, Андрей?! — возбужденно и радостно воскликнул Цандер.— Сегодня у нас не похороны, а день рождения! Переезжаем из института моторостроения в собственное помещение. Да, да! Отныне мы — ГИРД! Слышишь — ГИРД!

— А что это за ископаемое? — с улыбкой спросил Стрешнев.

— Группа изучения реактивного движения! — гордо воскликнул Цандер, откинув назад поредевшие пряди волос.— Мы теперь узаконенное детище Центрального совета Осоавиахима. Наша цель — создание далеко летающей ракеты. Наш лозунг — «Вперед, на Марс!».

— Фридрих, голубчик, я давно не видел тебя таким... Я рад! Я очень рад!

— Тогда переходи к нам. Возьмем тебя на должность главного инженера.

— Не знаю. Так неожиданно...

— Ну, об этом еще успеем... Пока у нас нет ни сметы, ни денег... ни оборудования. Пока — одни стены и группа энтузиастов, готовая работать по вечерам.

— Для начала — немало!

— И я так думаю, Андрей.

Дроги выехали на Садовую.

Цандер со Стрешневым тоже свернули направо, продолжая говорить о делах.

— Мой новый двигатель ОР-2 будет работать на бензине и жидком кислороде. Он полностью продуман и уже разработан в чертежах. Да, ты же знаешь... Вот с него и начнем... На первом, что сделан из паяльной лампы, я провел около пятидесяти испытаний — накопил интереснейшие наблюдения... Теперь дело пойдет. Есть хорошие люди! Целых полгода готовили на курсах... Центрального ГИРДа, при Осоавиахиме. Приходи! Я тебя познакомлю. Тогда все и решим... Да, Андрюша, пришли, пожалуйста, Дубосекова — очень нужен...

Лошадь свернула в ворота большого дома на углу Садово-Спасской и Орликова переулка.

— Вот здесь, в подвале — наши апартаменты. Приходи, Андрюша, в любое время — всегда застанешь меня

здесь. В этом подвале будут создаваться первые ракеты. Отсюда пойдет дорога на Луну, на Венеру, на Марс...

— Фридрих, дай мне твою руку. Вот так, спасибо! — взволнованно заговорил Стрешнев.— Ты стоишь на пороге дерзновенного подвига. От души, от души радуюсь и желаю тебе успехов!

— Спасибо! А ты? Разве ты меня бросишь?

— Я подумаю, Фридрих... Пришлю Дубосекова и, наверное, приду сам.

2

Цандер сидел на перевернутом ящике за большим фанерным столом и что-то сосредоточенно писал. Комната с широкими окнами у потолка была пустой и пахла гнилью. На столе блестели пятна от зеленой масляной краски и четко обозначался круг от ведра.

Справа от Цандера лежали папки с бумагами и свернутые в рулоны чертежи. Слева стоял его реактивный двигатель ОР-1, сделанный из паяльной лампы, и тут же лежала модель межпланетного корабля.

Еще час назад он нервно ходил по комнате, поминутно доставал из верхнего кармана пиджака часы на тоненьком ремешке. Было уже около четырех, а Королев все не возвращался. Неужели так долго тянется заседание Центрального совета Осоавиахима?.. Очевидно, наш вопрос поставили последним. Но и то бы уже пора...

Сегодня на Центральном совете решался вопрос: «Быть или не быть ГИРДу». До сих пор все работы в мастерской велись на добровольных началах в неурочное время. Так могли работать — энтузиасты, состоящие на зарплате на заводах, в институтах, но рабочие решительно отказывались. От сегодняшнего решения зависело будущее ракетных исследований в Советской России. Поэтому и волновался Цандер.

Собственно, его тоже пригласили на заседание Центрального совета, и Королев звал, но Цандер отказался.

— Нет, нет, Сергей Павлович, я там буду совершенно бесполезен. Я не смогу защитить наше детище. Я волнуюсь и не умею выступать на собраниях. Я соглашусь на любые условия... Уж лучше вы сами...

Цандер был уверен, что Королев, несмотря на свои двадцать пять лет, сумеет лучше представить ГИРД и, если потребуется, выдержать настоящий бой.

Цандер узнал Королева еще в прошлом году, когда был техническим руководителем Центрального ГИРДа и читал лекции на курсах по реактивному движению.

Еще тогда, в первые дни знакомства, он изумил Цандера зрелостью технического мышления и широтой знаний. Цандер заинтересовался молодым инженером и выяснил много интересного.

Оказалось, что Сергей Королев стал увлекаться авиацией еще в юношеские годы, когда учился в Одесской строительной профессиональной школе. Он состоял в кружке планеристов Общества авиации и воздухоплавания, принимал участие в строительстве планера и даже сам сконструировал планер.

Позднее, в 1925 году, будучи студентом Киевского политехнического института, Королев участвовал в постройке учебного планера и даже сам летал на нем.

А через год он уже студент Высшего технического училища в Москве...

В тридцатом году Королев работал над дипломным проектом под руководством известного конструктора самолетов Туполева.

Он вышел из Высшего технического училища не только инженером-аэромехаником, но и конструктором. Помимо планеров, по его дипломному проекту был построен легкомоторный самолет «СК».

В том же году Сергей Королев окончил Московскую школу летчиков.

Когда создавали ГИРД, Цандера спросили, кого бы он мог рекомендовать на должность начальника, и Фридрих Артурович, не раздумывая, назвал Королева.

И вот сегодня, дожидаясь его возвращения из Центрального совета Осоавиахима, Цандер не мог обрести покоя.

Понемногу тревожные мысли улеглись. Он сел за стол и занялся проверкой расчетов по новому двигателю. Вдруг дверь широко распахнулась, вошел молодой человек в выгоревшем костюме.

Энергичным жестом он откинул назад густые темные волосы, уверенно шагнул к столу.

— Фридрих Артурович, я только из Центрального совета — была целая война.

Цандер приподнял голову и, увидев Королева, поднялся.

По карим сияющим глазам, по румянцу, что пробивался сквозь загар, наконец, по той властной, уверенной

позе, в которой застыл Королев, он понял, что смета утверждена. Где-то в груди родилось радостное тепло и разлилось по всему телу. Но радость была так велика, что трудно было поверить. Из осторожности он спросил:

— Целиком утвердили?

— В малом варианте, но утвердили! В будущем году — увеличат!

— Значит, четыре бригады смогут работать?

— Да. Это утверждено! Главное — механическая группа полностью: слесари, токари, станочники, механики...

— Даже не могу поверить. Как же вы сумели?

— Сказал, что мы должны вступить в негласный поединок с конструкторами Запада и выиграть его!

— Отважно! И что же, поверили?

— А как же не поверить! Я дал слово! Присядем, Фридрпх Артурович. Вот, взгляните на объявление в газете:

«Ликвидком срочно продает конторское и чертежное оборудование. Справки по телефону 3-20-41».

— Что? Думаете купить?

— Немедленно закупаю и оборудую конструкторские комнаты. Пока конструкторские бригады разрабатывают свои проекты — достану на заводах оборудование, приведу в готовность механическую мастерскую, подберу хороших специалистов.

— А деньги? — все еще не веря, спросил Цандер.

— Деньги завтра же будут перечислены на наш счет. Вот, смотрите.— Он достал вчетверо сложенную бумагу и протянул Цандеру. Тот, развернув, стал читать вслух:

— «Доверенность.

Дана настоящая начальнику Московского ГИРДа (Группы изучения реактивного движения) тов. Сергею Павловичу Королеву в том, что ему предоставляется право распоряжаться суммами, выделенными ГИРДу на производственные работы, заработную плату и прочие расходы...»

— Да, бумага внушительная! Право, Сергей Павлович, я начинаю верить, что наше дело становится на прочную экономическую основу.

— Иначе и не могло быть, Фридрих Артурович,— улыбнулся Королев.— Мы взялись за гуж и должны сдвинуть горы!

Цандер положил руку на толстую папку.

— Вот здесь готовые чертежи нового реактивного, на жидком топливе. Это будет машина, развивающая тягу до пятидесяти килограммов. Двигатель сможет поднять в небо небольшой ракетоплан.

— Вы говорите о двигателе ОР-2?

— О нем... Наша первая бригада, Сергей Павлович, с него и начнет свои работы. Параллельно будем конструировать ракету.— Королев встал, надел фуражку.

— Я дал слово. Мы должны готовиться к развороту больших работ!

3

Осенью, когда работы в ГИРДе шли полным ходом и Цандер трудился хотя и в тесноватом, но отдельном кабинете, неожиданно заглянул Стрешнев. Он немного пополнел и в маленьком кабинете выглядел большим, массивным.

— Андрей, наконец-то! — радостно воскликнул Цандер и, встав, пожал крепкую руку Стрешнева.— Ну, что, Андрей, еще не решился?

— Да вот приехал взглянуть,— опустившись на скрипнувший стул, улыбнулся Стрешнев.— Рассказывают о вас разные небылицы...

Цандер, пройдя на свое место, снял с гвоздика маленький мешочек и высыпал на чистый лист мелкие сухарики.

— Угощайся, пожалуйста, Андрей. Я когда работаю — грызу, очень помогает сосредоточиться... Шура снабжает.

— Спасибо! — Стрешнев кинул в рот несколько сухариков и, хрустя, стал их размалывать крепкими зубами.

— Ну, рассказывай, что же о нас говорят на заводе?

— Так, разное... Называют фантазерами, лунатиками, а ГИРД расшифровывают так: «Группа инженеров, работающих даром».

Цандер захохотал.

— А знаешь, Андрей, остроумно! И, главное — недалеко от истины... В штате у нас меньше половины работающих, и те получают нищенскую зарплату. У меня жена просто плачет — ведь двое детей.

— Почему такое происходит?

— Мы же при добровольной организации... У Осоавиахима нет денег.

— Этому я не верю, Фридрих,— сердито загудел Стрешнев.— Осоавиахим строит большую действующую модель дирижабля Циолковского из нержавеющей стали и заказывает на заводе Менжинского быстроходные самолеты.

— Ты это знаешь наверное?

— Еще бы не знать! На новом самолете «АИР-7», сделанном по проекту молодого конструктора Яковлева, установлен наш новый мотор «М-22»... Любопытно другое, Фридрих... Самолет Яковлева побил рекорды скорости истребителей Поликарпова. Очень хороших быстроходных машин: те дают скорость в двести восемьдесят километров, а этот показал — триста тридцать! Что ты скажешь?

— Скажу браво! А самолет Яковлева приняли на вооружение?

— Какое... Во время одного испытательного полета ветром разворотило крыло, так комиссия по расследованию постановила запретить Яковлеву конструировать самолеты.

— Ну, это уж совсем дикость! — нахмурился Цандер.

— А вас держать в черном теле не дикость?

— Там авиация — реальное дело, а здесь нечто неосязаемое... в представлении некоторых, что-то вроде чичиковского: «Фу-Фу!»...

— Надо бороться с такими представлениями. Яковлев, говорят, обратился в Центральный Комитет партии и добился отмены решения комиссии. И вы должны действовать решительно. Надо подбирать зубастых людей.

— У нас сейчас очень энергичный начальник ГИРДа, Сергей Королев.

— Слышал... Говорят, он конструктор и летчик?

— Да. Совсем еще молодой, а характер железный! И знания! И талант! И талант!.. На совещании в Осоавиахиме не мало было противников нашего ГИРДа, а он выдержал бой!

— Молодец! Вот такие люди и должны тебя окружать, Фридрих. С ними, только с ними можно построить и запустить ракету.

— У нас хорошие люди, прошедшие подготовку на курсах, где читали лекции лучшие профессора. Я сам прочел курс по реактивным двигателям. Сейчас четыре бригады работают самостоятельно, по твердому плану разрабатывают свои модели ракет. В мастерской делают мой «опытный реактивный-2».

— Я уже обошел всю мастерскую, говорил с Дубосековым — все знаю.

— Разведывал? Правда, хочешь к нам?

— Кто заболел «звездной» болезнью, тот уже не может от нее излечиться,— с улыбкой сказал Стрешнев.

— И не надо излечиваться, Андрей. Люди, мечтающие о звездах, живут возвышенной жизнью... Так когда же тебя ждать? А? Или опять засел за новый двигатель?

— Доделываем один движок мощностью на шестьсот лошадей...

— Ты все шутишь, Андрей.

— Нет, серьезно... Кончим — приду... Надеюсь, ты к тому времени возьмешься за ракету?

Цандер, отодвинув сухарики, расстелил на столе кальку с чертежом:

— Вот она, Андрюша, вот!

Стрешнев увидел длинную сигарообразную ракету с четырехреберным хвостовым оперением.

— Думаешь ее оснастить двигателем ОР-2?

— Да. Сейчас как раз разрабатываю компактную схему.

— Но в мастерской двигатель делают по другой схеме. Я видел.

— То для планера... Если будет удача — используем для модели межпланетного корабля. А я, Андрюша, одновременно работаю над проектом мощного двигателя, который будет развивать тягу до пяти тонн. Слышишь? Готовлю книгу. Собственно, уже сдал, вычитываю корректуру... «Проблема полета при помощи реактивных аппаратов».

— Черт возьми! Ты, Фридрих, удивляешь меня. Развил бешеную деятельность. Но почему одновременно с ОР-2 ты проектируешь двигатель огромной мощности?

— Я уверен, Андрей, что конструкторы на Западе не «ждут у моря погоды». Может быть, они уже запустили в небо «малые» ракеты. Чтоб опередить их, мы должны, экспериментируя на малом, строить большое!

— Разумно. Согласен... А между прочим, я слышал, что в Ленинграде над реактивными двигателями работает группа талантливых ученых. И будто бы они достигли многого.

— Да, да, мы знаем о них—это Газодинамическая лаборатория. Правда, о том, каких успехов они достигли,

известно очень мало. Они находятся в системе Военного ведомства, и их исследования носят секретный характер.

— Вам бы следовало объединиться, Фридрих. Ваши силы удвоились бы.

— Да, конечно. Гирдовцы уже связались с ними. Я надеюсь побывать в ГДЛ, познакомиться с коллегами и единомышленниками. При первой же возможности я непременно, непременно вырвусь в Ленинград.

— Завидую твоему горению, Фридрих.

— Чем завидовать, ты лучше переходи к нам, а то я, кажется, уже доработался, как говорят, до ручки.

— Что, заболел?

— Заболеть не заболел, а стал забываться... В субботу ходил в баню. Помылся хорошо, можно сказать, душу отвел. А сегодня утром посмотрел в зеркало: что-то волосы липнут. Думал, думал и вспомнил: голову забыл помыть.

Стрешнев гулко расхохотался.

— Ну, это, брат, не беда. Это от рассеянности. А рассеянность, как ты знаешь, свойственна всем великим людям.

— Ты полагаешь, рассеянность? А я думал — склероз.

— Нет, не волнуйся... Так, значит, забыл голову помыть? Забавно. Такого, брат, нарочно не выдумаешь.

— Верно. Мне самому смешно,— заулыбался Цандер.

— Ты вот что скажи, Фридрих. Неужели мы правда полетим на Марс?

— Полетим, Андрюша! Полетим, мой милый друг. Если не мы, то дети наши непременно будут ходить по таинственной Красной звезде!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Запад молчал. Его ракетные конструкторы работали втихомолку. Они как бы вступили в негласное соревнование с русскими. Вначале так поступили американцы, а вслед за ними и немцы.

Так как Версальский мирный договор запрещал Германии разработку и производство оружия, то немецкие ракетные исследователи стали получать под видом

«пожертвований от любителей астронавтики» субсидии от государственных учреждений и крупных промышленных концернов.

Помимо группы Оберта, над ракетами начали работать со своими ассистентами конструкторы Небель, Винклер, Валье.

Примерно в то же время, как был создан и успешно испытан первый двигатель Цандера ОР-1, Оберт в Государственном институте химии и технологии в Берлине показывал новый вариант «Кегельдюзе». В случае удачи директор института Риттер обещал выдать Оберту документ, который широко откроет перед ним двери промышленных концернов.

Шел дождь. Было ветрено, зябко. «Кегельдюзе» установили на стенде в земляной яме. Около нее трудились молодые помощники Оберта — маленький, юркий Ридель и, совсем еще юноша, высокий тонкий студент Вернер фон Браун. Оберт в черном клеенчатом плаще, вместе с директором Риттером и его «свитой» стояли поодаль.

Неожиданно Ридель поднялся из ямы и, подбежав к Оберту, доложил, что из-за сильной влажности воздуха произошла утечка жидкого кислорода.

— Продолжайте испытания,— приказал Оберт и предложил Риттеру и его «свите» пройти в укрытие.

Скоро Ридель и Вернер фон Браун выскочили из ямы и укрылись за щитом у пульта управления.

Оберт достал секундомер и махнул рукой.

Секунда, другая и — послышался рокот двигателя. Рев нарастал. Казалось, дрожали стены. Вдруг рев оборвался.

— Кончилось топливо,— сказал Оберт.— Двигатель работал ровно тридцать секунд.

— Отлично! Вы, господин Оберт, получите обещанную бумагу,— сказал Риттер и, грузно шагая, пошел впереди других, к своему автомобилю...

Собрав новые «пожертвования», «Немецкое ракетное общество» купило участок земли в пригороде Берлина, где находились заброшенные с времен войны бетонные казармы, и устроило там испытательный полигон, назвав его «Ракетен-флюгплатц».

Укрыться в «глухом углу» Оберту и его помощникам посоветовали дипломаты. Уж очень широкую нежелательную огласку получила трагическая гибель Макса

Валье. Валье погиб от взрыва своего реактивного двигателя, который он хотел приспособить для автомобилей Оппеля.

Не успела забыться эта печальная история, как на ферме Риделей при испытании взорвалась опытная ракета Небеля «Мирак».

Дипломаты не хотели, чтоб сведения о ракетных исследованиях просачивались за границу, и посоветовали Оберту и его друзьям «убраться подальше»...

В начале 1931 года на «Ракетен-флюгплатц» была привезена вторая, усовершенствованная ракета «Мирак».

Небель был преисполнен радужных надежд и настаивал на ее немедленном испытании. Оберт, осмотрев ракету, сказал, что у него нет возражений.

Ракета была укреплена на испытательном стенде. Небель, Оберт и другие члены «Ракетного общества» спустились в укрытие.

На этот раз испытание производилось по строго разработанной системе.

Раздалась команда:

— Запал!

Замкнулась электрическая цепь, и Небель увидел в перископ, как загорелась у сопла ракеты пороховая шашка.

— Бензин! — крикнул Небель.

Из сопла вылетело желтое пламя.

— Кислород! — раздалась новая команда. Пламя стало почти белым, послышался рев двигателя и вдруг — оглушительный взрыв...

Когда, удрученные вторичной неудачей, члены «Ракетного общества» молчаливо выходили из укрытия, к ним подбежал взволнованный Браун.

— Господа, я только из Берлина. Там получена телеграмма от Винклера из Дессау. Ему удалось поднять ракету в воздух.

— Не может быть! Наверное, заработал лишь двигатель,— с досады закричал Небель.

— Нет, он поднял ракету! — сказал Браун.

— Вы знаете характеристики? — спокойно спросил Оберт.

— Да, у меня записано.— Браун достал из кармана блокнот и, сняв перчатки, стал его листать.— Вот,

пожалуйста, господа: длина ракеты — шестьдесят сантиметров; вес около пяти килограммов; форма — призмообразная.

— Высоко ли она взлетела? — прервал Небель.

— В первый день всего на три метра. Но при вторичном запуске — довольно высоко.

— На сколько?

— Она уклонилась от вертикали, и точно установить не удалось. Полагают, что метров на двести — триста.

— Ракета весом в пять килограммов,— усмехнулся Небель,— шестьдесят сантиметров в длину — это не ракета, а игрушка! Да, да — игрушка!

— Но она взлетела, господа, и с этим мы должны считаться! — воскликнул Оберт.— Я предлагаю послать Винклеру поздравительную телеграмму, и еще с большей настойчивостью продолжать наши работы.

2

Жители большого дома на углу Садово-Спасской и Орликова потеряли покой, когда у них в подвале обосновался ГИРД. Не только днем, но и по вечерам оттуда доносился стук, скрежет и лязг железа. Иногда в открытые форточки долетали возбужденные крики, гул споров или слышалось пение.

Нередко ночами, когда все укладывались спать, снизу слышалось ритмичное монотонное урчание моторов и тяжелое гуденье станков.

Гирдовцы сдружились. Работали увлеченно, радостно. Их вдохновляла высокая, заманчивая цель! Сергей Королев, умело сочетая обязанности начальника с творческой работой, всех увлекал своим энтузиазмом, верой в победу.

Душой и вдохновителем ГИРДа неизменно оставался Цандер, занимавший скромную должность руководителя первой бригады. К нему шли за советами, у него искали помощи, поддержки, когда неудачи граничили с отчаяньем.

Цандер был тих, уравновешен, приветлив. Он умел ободрить теплым словом, развеселить шуткой, вселить уверенность любимым восклицанием: «Вперед, на Марс! Мы обязательно полетим...»

Как-то поздним вечером, когда Цандер сидел за расчетами большого двигателя, постучав, вошли двое и остановились в нерешительности.

— Пожалуйста, входите, товарищи! — пригласил Цандер и поднялся.

— Мы думали, вас нет, Фридрих Артурович, и хотели у вас в шкафу спрятать вот это, — смущенно сказал невысокий, узколицый, в очках, инженер Ручкин.

Другой, тоже невысокий, круглоголовый, с рыжеватым чубом инженер Листов, от удивленья прищурил голубые глаза:

— Днем когда вы обедали, приходила Александра Феоктистовна и просила сегодня вас не задерживать. Вы читали записку?

— Да. Она купила билеты в кино и просила меня приехать пораньше, но я не мог.— Чувствуя какую-то неловкость, заговорил Цандер и тотчас постарался перевести разговор на другое.— А что зто у вас в коробке? Зачем это нужно прятать?

— Вы вчера, Фридрих Артурович, советовали пайку арматуры в двигателе делать серебром.

— Да, медь может не выдержать.

— Серебро достать невозможно,— немного нараспев сказал Листов.

— Но мы нашли выход,— бойко заключил Ручкин,— вот взгляните, пожалуйста.

Цандер поднялся, заглянул в коробку, и лицо его осветилось радостной улыбкой. В коробке лежали серебряные ложки, цепочки, броши, серьги, крышки от часов, даже почерневшие от времени обломки оклада со старинной иконы.

— Где взяли, друзья?

— Собрали. Каждый принес, что мог.

— Чудесно, товарищи, чудесно! Теперь серебряного припою нам хватит надолго. Благодарю вас от души.

Цандер запер коробку в шкаф и ключ положил в карман.

— Фридрих Артурович, можно с вами поговорить по душам? — спросил Ручкин.— Есть одно предложение.

— Пожалуйста, Леонид Степанович, садитесь.

Инженеры сели к столу. Цандер прошел на свое место.

— Мы вот тут думали с тезкой и пришли к такому выводу, что с планером нам придется туго.

— Почему так думаете?

— Планер — учебная машина... Кому он нужен с реактивным двигателем?.. Помогать нам будут неохотно.

— А что же делать?

— Надо реактивный двигатель приспосабливать не к планеру, а к самолету,— по-петушиному бойко выкрикнул Ручкин.— Тогда нас поддержит Наркомат обороны. Дело примет другой размах.

— Мы с Королевым уже говорили об этом с руководством, и если планер полетит, тогда мы можем уже доказательно ставить вопрос о создании реактивных самолетов... Что, не согласны?

— По-жа-луй, так,— раздумчиво сказал Листов.

— А ракеты? — с горячностью продолжал Ручкин,— мы бьемся, у нас не хватает средств, оборудование старое, материалы тоже... Но ведь все может измениться, если мы скажем, что способны создать боевые ракеты. Американцы и немцы, очевидно, давно работают над этим.

— Возможно, друзья, возможно,— стараясь притушить пыл Ручкина, заговорил Цандер.— Я сам думал об этом и очень волновался... Даже написал письмо в «Главнауку», указывая, что в случае создания на Западе боевых ракет наши мирные ракеты могут быть переоборудованы в военные. Я просил мое письмо переслать по назначению. И получил ответ. Тухачевский же выделил деньги на наши опытные ракеты.

— Может быть, написать еще?

— Нет, друзья, не стоит... Если будет нужда, нас найдут... Мне кажется, нам следует выполнять благороднейшую задачу по завоеванию межпланетного пространства. Кто знает, друзья, может быть, на других планетах обитают разумные существа более высокой организации, чем люди Земли. Их открытия, изобретения и достижения могли бы дать так много нам. Подумайте, друзья, разве не благородная задача трудиться ради этого?

— Мы и трудимся, Фридрих Артурович,— не унимался Ручкин.— А вдруг завтра немцы начнут по нас пальбу ракетами? Ведь там к власти рвется фашизм!

— Не начнут... Им нужно еще лет десять, чтоб оправиться после страшного поражения в мировой войне.

— Но мы должны быть готовы к ракетной войне раньше, чем они.

Цандер, ничего не ответив, стал рыться в ящике стола и достал небольшую старую книжку в кожаном переплете. На корешке замерцали золотые буквы: «Павел Свиньин».

— Этой книжке сто лет. Я ее купил случайно у букинистов. Старый русский писатель побывал в Англии, в Вульвичском арсенале, виделся с изобретателем военных пороховых ракет Конгревом и даже присутствовал при стрельбах.

— Это интересно. Что же он пишет?

— А вот, если угодно, прочтите вслух.

Цандер открыл книгу в том месте, где была закладка, и подал ее Ручкину:

— «Если бы бедствия войн, наносимые роду человеческому в войне,— звонким голосом читал Ручкин,— не были бедствиями необходимыми и условными, если бы в войне не считалось позволительным и славным делать неприятелю возможный вред, то изобретатель ракет сих заслуживал бы изгнания с лица земли, как величайший злодей и истребитель рода человеческого, ибо, конечно, со времени открытия пороха не было еще ничего изобретено смертоноснее и вреднее их».

— Н-да! — глухо вздохнул Листов.

— А ведь здесь говорится о малых пороховых ракетах, применявшихся больше ста лет назад,— заметил Цандер. — Какие же бедствия свалятся на человечество, если капиталистами будут созданы жидкостные боевые ракеты?

Ручкин снял очки и молча стал их протирать платком, глядя мимо стола.

Цандер кивком головы указал на портрет Кибальчича, висевший на большой стене.

— Николай Кибальчич, принимая мученическую смерть, мечтал о ракетах, которые принесут благо и процветание человечеству. И мы, пока нас не заставит крайняя нужда, не должны думать над орудиями его уничтожения.

— Да, да, я согласен с вами, Фридрих Артурович,— глухо сказал Ручкин, и, откашлявшись, поднялся.— Извините!.. Пошли, тезка, нас ждут в мастерской...

3

Новый двигатель ОР-2 должен был работать не на сжатом воздухе и бензине, а на бензине и жидком кислороде, способными дать более мощную газовую струю.

Цандер настоял, чтоб камера сгорания нового двигателя создавалась в нескольких экземплярах. Одновременно делалась своеобразная камера сгорания и в бригаде Тихонравова. В мастерской работали в две смены.

Как-то днем, когда Цандер увлекся работой и совершенно забылся, дверь кабинета с треском распахнулась, ударив о стену. Раздался гул взрыва. Цандера обдало горячим ветром. Он качнулся, выронил карандаш и, вскочив, выбежал из кабинета. В коридоре уже толпились испуганные гирдовцы. Из глубины, от испытательного стенда, шел взъерошенный механик Комаров.

— Беда, Фридрих Артурович, кислород взорвался.

— А где Дубосеков?

— Сейчас идет, никто не пострадал.

— Хорошо. Всех прошу в большую комнату...

Не успели гирдовцы усесться на свои места, как в комнату ворвались трое встревоженных людей. Один, солидный, с торчащими усами, выступил вперед:

— Кто тут начальник?

— Начальника нет, он уехал на завод.

— А кто еще? С кем тут я могу поругаться?

— Если вы непременно хотите поругаться, то можете со мной,— спокойно сказал Цандер.

Усатый свирепо взглянул в его кроткие голубые глаза и недовольно крякнул:

— Черт знает что вы тут делаете... Ведь могли взорвать весь дом вместе с его жителями.

— Никакого взрыва у нас не произошло,— добродушно сказал Цандер,— просто лопнул обыкновенный примус.

— Лопнул примус? — недоуменно пожал плечами усатый.— А почему же весь дом задрожал?

— Это вам показалось... Видите, мы сидим, работаем...

— Показалось... Знаем мы эти штучки... Сегодня же всем домом напишем жалобу в Моссовет, и вас вытряхнут отсюда.

— У нас на старой квартире тоже примус взорвался,— сказал один из пришедших,— это бывает.

— Вот видите, обычный случай, а вы разволновались, товарищ.— Цандер говорил так спокойно, что усатый

почувствовал неловкость за свой выпад, попятился к двери.

— Ладно, если такое дело — мы не будем писать. Пошли, товарищи.

Цандер, дождавшись, когда хлопнула входная дверь, вытер вспотевший от волнения лоб и опустился на стул.

— Друзья, сегодняшняя неудача для нас — двойной урок. Даже самые малые испытания следует проводить только за городом.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Бензин, сгорающий в кислороде, прожигал сталь! Если бы в кислороде сжигать свечу, она сгорела б в несколько раз быстрей.

Цандер, одержимый высокой мечтой, казалось, тоже сгорал в кислороде.

Он приходил на работу вместе со всеми, а уходил последним. И так изо дня в день. Помимо расчетов нового мощного двигателя, ему надо было направлять конструкторов, следить за работой механиков, токарей, слесарей-сборщиков. Каждую деталь он осматривал сам, ощупывал, словно бы испытывая на прочность, собственными руками. И всюду, где не ладилось, он появлялся незаметно, не как начальник, а как увлеченный участник работ, вникал в дело, помогал советами, подбадривал неизменным призывом: «Все преодолеем, друзья, все осилим, и обязательно полетим первыми...»

Казалось, он работал с необыкновенной легкостью, весело, зажигательно и никогда не жаловался на усталость или недомогание.

Так бывает с вдохновенными музыкантами. Играя концерт, они увлекаются, отдаются музыке, почти сливаются с ней. И публике кажется, что они играют без малейшего напряжения, легко и одухотворенно, но когда бывают взяты последние, завершающие аккорды, они нередко падают без сил, тут же на сцене...

То же происходило и с Цандером. Он был весел, увлечен работой до самозабвения. Он улыбался, подбадривал

других, шутил, но многие видели и понимали, что силы его на исходе, что он каждую минуту может рухнуть, как подрубленное, но еще шумящее дерево.

В декабре гирдовцы начали монтировать двигатель ОР-2 для планера.

После собрания к Королеву неторопливо вошел старший инженер Ефремов — секретарь партийной организации ГИРДа. Сел, взлохматил темные волосы и снова пригладил их рукой:

— А ведь мы можем не успеть, Сергей Павлович. Времени мало для монтажа... Давай организуем неделю «штурма».

— А не напортачим?

— Да нет, будем следить... Вот только за Фридриха Артуровича боюсь.

— Да. Его бы в санаторий на это время.

— Хорошо бы, но разве поедет?.. Пока двигатель не примет комиссия, и разговаривать не будет.

— Ты следи за ним, Ефремов, не давай засиживаться ночами, а я похлопочу о путевке... Что касается «штурма» — согласен с тобой. С понедельничка начнем «штурмовать». Надо только, чтоб все сердцем почувствовали необходимость этого дела. Понял?

— Да, я постараюсь разъяснить. Впрочем, и так все «рвутся в бой». Почуяли — победа близка!

— Ладно, иди действуй! Дорога каждая минута.

Через несколько дней на дверях кабинета Королева был прибит кусок ватмана с четкими буквами, тушью: «Штаб штурма».

Сюда ежечасно поступала информация о ходе работ. Здесь обсуждались трудности, здесь принимались решения. Члены «Штаба штурма»: Королев, Цандер, Ефремов — дежурили сутками, сменяя друг друга. Работы в мастерской не прекращались ни днем, ни ночью. Не только мастера, но и инженеры стояли у станков и верстаков, подгоняли детали, паяли, работали на сборке.

Двадцать второго декабря двигатель был собран.

Все, кто был в мастерской и в конструкторских комнатах, собрались у стенда.

Цандер, всю ночь следивший за сборкой, утром прилег на диване в кабинете Королева. За ним послали.

Цандер прибежал в мастерскую, когда там уже невозможно было протолкнуться. Но гирдовцы, увидев его, потеснились, освободили дорожку к стенду.

Увидев, что монтаж закончен, Цандер на мгновенье остановился. Сердце забилось радостно, а глаза все еще не верили, искали недоделки. Ему хотелось спокойно осмотреть свое детище и, убедившись, что все хорошо,— полюбоваться им.

Его взгляд упал на красный флажок, который кто-то прикрепил на баке охлаждения. На флажке горели золотые буквы: «Вперед, на Марс!»

На глазах Цандера выступили слезы радости.

— На Марс, друзья! Только на Марс! — воскликнул он и тут же без сил повалился на руки гирдовцев.

2

Двигатель ОР-2 в конце декабря был осмотрен и принят комиссией. Цандер, Королев и несколько инженеров первой бригады были награждены Почетными грамотами Осоавиахима и премированы кожаными пальто. Фридриху Артуровичу предоставили недельный отпуск.

После Нового года, когда взъярились морозы, Цандер пришел в ГИРД в новой кожанке с заиндевелым меховым воротником и в кожаном треухе. Лицо его раскраснелось от мороза, он был весел и казался совершенно здоровым.

— Фридрих Артурович пришел! Ура! — крикнул кто-то в большой комнате, и все, кто в ней был, высыпали в коридор, стали поздравлять Цандера с Новым годом и с первой удачей.

— Фридрих Артурович,— тряся ему руку, воскликнул Ефремов,— вы выглядите хорошо!

— Осталось от красы лишь кожа да усы! — усмехнулся Цандер.

Конструкторы захохотали. Цандер, пожимая им руки, пробрался в свою комнату, разделся и, выждав, пока в коридоре стихли голоса конструкторов, поспешил в мастерскую, чтобы еще раз взглянуть на свой двигатель.

Называя каждого механика, каждого слесаря по имени и отчеству, он обошел всех, каждому пожал руку, поздравил с наступившим Новым годом и только тогда вошел в стендовую.

Двигатель ОР-2, смонтированный на массивных стальных опорах, сверкал медными трубами, и над ними гордо алел флажок с надписью: «Вперед, на Марс!»

Сладостное тепло просочилось к сердцу Цандера и, как большая радость, разлилось по всему телу, но он усилием воли заставил себя собраться.

«Сделан первый шаг. Всего лишь один шаг на безгранично большом и трудном пути. Рано торжествовать победу. Рано! Надо работать! Надо работать с удесятеренной энергией; всем слиться в одну движущую силу. Только тогда будет завоеван настоящий успех».

Цандер быстро пошел к кабинету Королева.

— А вы думаете, на Луну лететь будет легко? — раздался властный голос за дверью.— Может быть, первые аэронавты и не вернутся обратно. А спросите сейчас: есть ли желающие лететь? Откликнутся тысячи! Пойдут на неминуемую гибель, во имя великих достижений человечества. А вы испугались трудностей. Стыдно!.. Вон, Цандер — ученый, инженер,— а ночи напролет просиживал в ГИРДе. И, не успев поправиться, снова выходит на работу. Идите, товарищи, и чтобы больше я не слышал никаких жалоб.

Цандер вдруг почувствовал себя крайне неловко, словно он нарочно подслушал этот разговор. Чтоб не встретиться с теми, кого распекал Королев, он поспешно вошел в большую комнату к конструкторам. И лишь потом, поговорив с ними, направился в кабинет начальника.

Королев, хорошо выбритый, в новом костюме, рассматривал чертежи.

— А, Фридрих Артурович! — Он радостно бросился к Цандеру, крепко сжал его руку.

— Ну как? Снова в бой?

— В бой! В сражение! В атаку, Сергей Павлович. Не могу киснуть дома.

— А как самочувствие?

— Ничего. В сражениях мысли могу принять участие и быть не последним бойцом.

— Я справлялся у врачей — они просили вас не переутомлять. Да. И вот намечается дело, которое могло бы вас немножко отвлечь от работы.

— Что именно?

— Хотите поехать в Ленинград?

— В Ленинград? В Газодинамическую лабораторию? Да хоть завтра готов!

— Отлично! Съездим туда, а уж потом, немножко передохнув, займетесь ракетой.

— А когда ехать, Сергей Павлович?

— В понедельник вечером. Я попрошу машину и заеду за вами. А сейчас, Фридрих Артурович, если вы чувствуете себя неплохо, давайте поговорим о предстоящих делах.

Королев подошел к двери и повернул ключ.

3

Поезд пришел в Ленинград туманным утром. Оставив вещи в гостинице напротив вокзала, москвичи позавтракали в кафе и отправились к Главному Адмиралтейству пешком. И Цандер, и Королев, и другие гирдовцы не раз бывали в Ленинграде, любили этот величественный, пленящий строгой красотой город и не могли отказать себе в удовольствии пройтись по Невскому проспекту.

Цандеру еще в студенческие годы довелось увидеть русскую столицу. Тогда он был молод, беспечен и мог гулять, любуясь городом, сколько угодно.

Теперь, облаченный в коричневое кожаное пальто, он озабоченно шагал в группе также одетых в кожаное людей, и ему некогда было любоваться красотами города.

Войдя под главную арку Адмиралтейства, москвичи повернули направо и поднялись на второй этаж. Здесь, занимая двенадцать просторных комнат, располагалось конструкторское бюро Газодинамической лаборатории.

Ленинградцы, оповещенные телеграммой, уже ждали гостей. В высоком зале собрались сотрудники ГДЛ.

Военный человек с аккуратной бородкой, замысловатую фамилию которого Цандер не расслышал, представив москвичей собравшимся, стал увлекательно рассказывать историю создания Газодинамической лаборатории.

Оказалось, что опытно-конструкторский отдел по разработке реактивных двигателей был создан в ГДЛ весной двадцать девятого года. Сама же Газодинамическая лаборатория была организована еще в двадцать первом году. Ее основателем был инженер-химик Тихомиров. А его ближайшим помощником — пиротехник-изобретатель Артемьев.

Одержимые идеей разработки ракетных снарядов на бездымном порохе, они семь лет занимались опытами по изготовлению боевых ракет. Целых семь лет! И только в 1928 году на Ржевском полигоне под Ленинградом им удалось произвести успешный запуск. Лаборатория Тихомирова в 1928 году была переименована в ГДЛ. Ее хозяином стал Реввоенсовет республики. Сразу же дело было поставлено солидно. В ГДЛ создали три отдела. В первом сосредоточились работы по ракетным снарядам на бездымном порохе; во втором начали разработку реактивных двигателей; в третьем стали готовиться к проектированию стартовых пороховых ракет для самолетов.

Одновременно велись большие исследовательские работы по определению и изысканию различного топлива для ракет. В ГДЛ, с первых же дней ее организации, были привлечены видные инженеры-артиллеристы, инженеры-химики, технологи, конструкторы. Пришли молодые специалисты, только окончившие институты. В распоряжении ГДЛ, помимо отличной химической лаборатории, находилась хорошо оборудованная механическая мастерская, испытательный полигон, конструкторское бюро и ряд других вспомогательных помещений. И уж, конечно, никто не работал даром, как в ГИРДе.

Москвичи, слушая неторопливый рассказ начальника, многозначительно поглядывали друг на друга: и верили и не верили.

— Теперь у нас большой, дружный коллектив,— заключил начальник.— Вы видите, дорогие гости, перед собой лишь сотрудников второго отдела ГДЛ. А на стене, перед вами, рисунки и чертежи разрабатываемых нами образцов электрического и жидкостного реактивных двигателей. Но полагаю, что вам будет интересней посмотреть их в работе.

— Да, безусловно! — сказал Королев.

На этом официальное знакомство закончилось, и начальник с замысловатой фамилией повел гостей по просторным светлым комнатам конструкторского бюро.

Потом все вернулись в кабинет. На зеленом столе для гостей были приготовлены альбомы с фотографиями образцов реактивных двигателей.

Пока гости рассматривали альбомы, начальник вызвал секретаря.

— Пропуска для товарищей готовы?

— Да, вот они, пожалуйста.

— Хорошо. Спасибо! Пригласите сюда инженера Петренко.

— Есть!

Секретарь вышел и скоро впустил в кабинет молодого, стройного человека с темным чубом и с ясными, пытливыми глазами.

— Вот, прошу познакомиться, товарищи, это конструктор Валентин Петренко — самый ревностный энтузиаст ракетного дела и наша надежда. Он вас проводит на испытательную станцию и покажет двигатели в работе. А меня прошу извинить — срочно вызывают в Смольный. Я приеду, как только освобожусь.

Гостей уже ждал небольшой военный автобус. Петренко, любезно пропустив их вперед, сел ближе к двери.

— Если желаете, товарищи, город посмотрим на обратном пути, а сейчас поедем самым кратким путем — нас уже ждут испытатели.

— Да, да, именно так.

Автобус помчался по набережной большой Невы. Справа промелькнул Зимний, на другом берегу в легкой дымке прорезался силуэт Петропавловской крепости.

— А далеко до испытательной станции? — спросил Королев.

— Нет, рядом.

Автобус промчался по мосту, откуда открывался чудесный вид на Ленинград. Но не успели гости полюбоваться, как поворотили налево и въехали в мрачные ворота Петропавловской крепости.

4

Пока ехали по городу, Цандер увлеченно смотрел в окно и был в приподнятом настроении. Но когда вышли на вымощенную булыжником, почти незаснеженную площадь у Петропавловского собора, ему вспомнилась горькая участь Кибальчича. Глядя на угрюмые, с белыми снежными карнизами крепостные стены, он ощущал холод в сердце, старался идти сзади, не принимая участия в разговоре.

Лишь когда вошли во двор Иоанновского равелина и Петренко объяснил, что это массивное, вросшее в землю

здание занимает механическая мастерская и испытательная станция, Цандер немного оживился, сосредоточился.

В широкой комнате со сводчатыми потолками было что-то вроде музея. На стеллажах из толстых досок лежали и стояли образцы различных реактивных двигателей, фотографии которых москвичи видели в альбомах.

Легкий, стремительный Петренко подвел гостей к массивной тумбе у окна, на которой лежал небольшой, очень компактный двигатель весьма необычной формы. Если б его поставить на попа, он бы походил на широкую бутыль с утяжеленным основанием и с горлышком в виде раструба. В основание этой бутылки как бы была ввинчена небольшая подставка цилиндрической формы, ступеньками нисходящая на конус.

— Это наш экспериментальный, электрический! — указал Петренко.— Первый в мире реактивный двигатель электротермического типа,— с гордостью пояснил он,— образец тысяча девятьсот двадцать девятого — тридцатого года. Здесь, на испытательной станции, теоретически и экспериментально была доказана принципиальная работоспособность этого образца, использующего в качестве рабочего тела твердые и жидкие проводники, взрываемые электрическим током в камере с соплом.

— А это,— указал он на более крупные цилиндрические модели,— образцы жидкостных реактивных двигателей ОРМ (опытный реактивный мотор).

— Какое же горючее вы применяете? — спросил Королев.

— Мы много экспериментировали, изыскивая лучшие смеси и сочетания — было проведено около пятидесяти огневых испытаний, на азотном тетраксиде с толуолом и бензином. Теперь используем бензин, бензол, толуол, керосин, а в качестве окислителей — жидкий кислород, азотную кислоту, растворы азотного тетроксила в азотной кислоте.

— Это весьма любопытно,— сказал Королев.— А каковы же результаты?

— Мы вас познакомим с актами испытаний. А может, прямо пройдем на испытательную станцию?

— Да, лучше взглянуть в работе,— попросил кто-то из гостей.

— Прошу вас, это рядом! — пригласил Петренко.

5

В гулком каземате, под тяжелыми сводами, помимо дневного освещенного еще и электрическим светом, гости увидели прочное сооружение в виде железного стола, на котором был укреплен массивный стальной цилиндр, виднелись баки с горючим и различные приборы. Около стенда хлопотали люди в синих комбинезонах.

— Как дела, товарищи? — спросил Петренко.

— Все готово! Можно начинать.

Гости не спеша подошли к двигателю. Петренко понимал, что им не нужно никаких объяснений. Терпеливо ждал. Гости не выражали восторга.

— Все ясно! — сказал через некоторое время Королев.— Давайте команду к пуску.

— Прошу в соседнюю комнату, товарищи. Сейчас начнем.

За толстой каменной стеной, где был оборудован пульт управления, гости замерли в ожидании. Даже Цандера, который все еще был под гнетущим впечатлением крепости, охватило волнение.

Стальные двери были наглухо закрыты. Петренко посмотрел на приборы, взглянул в волчок в стендовую:

— Внимание! Пуск!

Под каменными сводами послышался характерный рев.

Петренко отошел от волчка, жестом приглашая взглянуть гостей. Подошел Королев, за ним Цандер.

Двигатель работал ровно, выбрасывая густую огненную струю ревущих и шипящих газов. Могучие каменные стены, привыкшие к тишине, содрогались от этого рева.

Но вот двигатель смолк. Петренко вопрошающе взглянул на гостей.

— Хорошо,— сказал Королев и шагнул навстречу.— Поздравляю вас, товарищ Петренко! Мы видели настоящую газовую струю...

6

Из испытательной станции Петренко провел гостей в механическую мастерскую, а потом повез обедать в свою столовую.

Вечером москвичи снова встретились с конструктором ГДЛ. Разговор был жаркий, задушевный, а главное —

полезный. Расстались дружески, пожимая друг другу руки, обещая вести соревнование, делиться информацией.

На другой день Цандер и Королев, обеспокоенные делами в ГИРДе, выехали в Москву, а остальные задержались, чтоб встретиться с конструкторами Ленинградского ГИРДа, тоже работающими над ракетами.

Поезд пересекал белые пустынные поля, окаймленные синими лесами. Цандер с грустью смотрел на этот однообразный пейзаж и думал: «Если бы мы пять лет назад оказались в таких прекрасных условиях, как ленинградцы, может быть, советские жидкостные ракеты уже штурмовали небо...»

Королев что-то писал в толстый блокнот и время от времени взглядывал на Цандера. Он был в отличном настроении от поездки и радовался, что увидел реактивный в работе. Ему только непонятно было, как смогут ленинградцы быстро создать двигатель, способный обеспечить полет ракеты. Королеву думалось, что Цандера занимал тот же самый вопрос.

— Фридрих Артурович, вам не кажется, что у ленинградцев получается какая-то неувязка с жидкостными ракетами?

— Возможно... Мы так увлеклись двигателями, что о ракетах и не спросили. Конечно, они разрабатывают и ракеты, но... вы не думаете, Сергей Павлович, что они умышленно умолчали об этом? Ведь пороховые ракеты они запускают и совершенствуют с двадцать восьмого года.

— Если б у них было что показать — они бы выложили,— с усмешкой сказал Королев.— Я почувствовал, что им очень хочется быть первыми.

— А нам разве не хочется быть первыми? Правда, лично меня, Сергей Павлович, это «первенство» мало занимает. И мы и они работаем для Родины. Я считаю, что для пользы дела нам бы следовало объединиться с ленинградцами.

— Очевидно, так и будет... Так советует Тухачевский. Все же нам, Фридрих Артурович, надо торопиться с ракетами. Я не о славе, не о первенстве пекусь. Нет! Но если наши соотечественники у нас под боком разрабатывают реактивные двигатели, так что же может быть на Западе? Неужели Годдард, Оберт и другие почивают на лаврах?

— Конечно, они работают и, видимо, небезуспешно.

— А вы, Фридрих Артурович, представляете, на что направлены их мысли? Вы же знаете, что происходит в Германии? Там наступает фашизм!

— Да, да, читал...

— А мне говорил Ручкин, что вы решительно против ракетных исследований в военном плане.

— Я против наступательных ракет, но не против оборонительных. Я полагаю, что если мы создадим далеко летающие ракеты, их, в случае крайней нужды, всегда можно начинить взрывчаткой.

— Нет, Фридрих Артурович, нет! На этот раз позвольте с вами не согласиться. Ракеты, так же как и авиация или артиллерия, должны быть заранее внедрены в войска. Обращению с ними должны быть обучены специальные части. Перестраиваться тогда, когда нам на головы посыплются вражеские реактивные бомбы,— будет поздно. Мы должны быть заранее готовы к отражению ракетного удара. Более того, мы, работники реактивного дела, должны, обязаны предупредить нашу армию, правительство о возможности подобного сюрприза со стороны врага.

— Да, согласен, Сергей Павлович. И я предупреждал об этом своим письмом еще шесть лет назад.

— Я не знал... Это важно! А ленинградцы молодцы, что совершенствуют пороховые ракеты. Надо быть готовыми к любому подвоху.

— Я не политик, Сергей Павлович. Я увлечен общечеловеческой идеей проникновения в иные миры Вселенной. Пусть ленинградцы разрабатывают боевые реактивные снаряды — это важно! Я же за то, чтобы быстрее создать далеко летающую жидкостную ракету.

— И я за это, Фридрих Артурович,— улыбнулся Королев, желая смягчить спор.— Давайте-ка лучше укладываться спать.

— Пожалуй...

Скоро принесли чай.

Закусив и выпив по стакану крепкого чая, друзья улеглись на полки, потушили свет.

— А знаете, о чем я думаю, Сергей Павлович?

Королев приподнял голову:

— Очевидно, все о том же... О чем еще может думать человек, одержимый мечтой о полетах к звездам?

— Вы правы. Я думал о ленинградцах.

Королев тоже думал об увиденном. Ему было непонятно, почему ленинградцы ничего не говорили о жидкостных ракетах...

Да и двигатель, который они видели, казался ему больше похожим на горшок для испытания горючих смесей, чем на реактивный. Он был тяжел, громоздок, и трудно было представить себе ракету, для которой он предназначался. Чтобы не обидеть ленинградских коллег колючими вопросами и памятуя, что ГДЛ — военная организация, Королев не стал тогда расспрашивать о ракетах, а теперь этот вопрос не давал ему покоя.

— Фридрих Артурович, что вы скажете о двигателе, который нам демонстрировали?

— В нем есть одно достоинство,— уклонился Цандер от прямого ответа,— он работает.

— Но этот слишком тяжел...

— Со временем они сделают его более компактным и легким.

— Возможно. Но...

— Нет, послушайте,— голос Цандера напрягся и слегка начал вибрировать, передавая волнение,— тут какое-то невероятное совпадение. Ленинградцы строят и испытывают двигатели и ракеты в Петропавловской крепости, там, где полстолетия назад были заключены первомартовцы. В этих самых казематах, где родился первый проект реактивного снаряда. Что вы скажете?

— Да, это примечательно! — воскликнул Королев. — Примечательно и, по-моему, закономерно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

В самом начале нового тридцать третьего года первая бригада ГИРДа начала практические работы по созданию жидкостной ракеты по проекту Цандера.

В двадцатых числах февраля, когда уже было видно, что работа во всех звеньях идет успешно, Цандер, по настоянию врачей, согласился поехать в Кисловодский санаторий. Проводить его на Курский вокзал пришла вся бригада, благо поезд отходил поздно вечером.

Приехал и Стрешнев (которому Цандер позвонил накануне), но, не будучи знакомым с гирдовцами, держался поодаль...

У вагона сгрудилось много народа, слышались шутки, смех. Цандер, как и большинство гирдовцев, был в коричневом кожаном пальто. Он выглядел усталым, постаревшим, но улыбался, шутил и, казалось, был счастлив.

Когда раздался второй звонок, он крепко пожал руки друзьям, поцеловал жену, детей и отыскал глазами Стрешнева, подошел к нему, крепко обнял:

— Прощай, Андрей. Я послал тебе книгу... Прощай! — и поднялся в тамбур вагона.

Все замахали руками, приветливо крича.

Цандер взглянул на часы и, быстро спустившись по лесенке, подбежал к детям.

— Прощайте, мои милые, я скоро вернусь! — Он поцеловал дочку, поднял на руки сынишку.

Раздался свисток кондуктора и резкий гудок паровоза.

— Будьте счастливы! Пишите! — крикнул Цандер и, целуя, опустил сынишку на панель, поднялся на площадку вагона и стал махать рукой, все удаляясь и удаляясь.

2

Дня через три, вернувшись с работы, Стрешнев увидел на своем столе большой пакет, в котором оказалась пахнувшая типографской краской книга Цандера: «Проблема полета при помощи реактивных аппаратов» и письмо.

«Милый, дорогой, старинный мой друг!

Случилось так, что я уезжаю в самый разгар работ над ракетой. Очень волнуюсь. К тому же прервал работу над книгой о реактивных двигателях и не успел закончить редактирование трудов Циолковского.

Однако и не ехать было невозможно: чувствую, что мой собственный «двигатель» резко снизил число оборотов и начинает работать с перебоями...

Дорогой Андрей, очень прошу тебя время от времени звонить по телефону 3-13-28 моему заместителю, старшему инженеру Листову. Тебя он знает. Справляйся, как идут дела, и пиши мне. Наши будут писать одни «ободрения», а тебе скажут правду. Если будут

серьезные неудачи с ракетой — телеграфируй — я выеду немедля...

Если бы ты работал в ГИРДе, я бы уехал со спокойной душой, а теперь волнуюсь. Ребята хорошие, талантливые, но молодежь — опыта и мудрости еще мало...

Черкни свое впечатление о книге уже в Кисловодск — санаторий «Снежная гора».

Еду я с каким-то тяжелым чувством. Боюсь за ракету... и очень жаль детей... ведь с ними почти не виделся и опять — разлука... такая долгая...

Обнимаю крепко, крепко.

Твой Фридрих».

Стрешнев перечитал письмо, задумался.

«Фридрих боится, что без него не сделают ракету или сделают плохо. Я понимаю его: работает молодежь... Но мне переходить туда сейчас невозможно... Буду звонить, узнавать... Однако книга Фридриха все-таки вышла. Посмотрим...»

Стрешнев подвинул поближе настольную лампу и стал читать, глотая страницу за страницей...

3

В середине марта 1933 года выпал свежий пушистый снег. Группа гирдовцев, под началом инженера Комарова, несколько дней жила в деревне Нахабино, готовя и оборудуя испытательный стенд. Место было выбрано глухое, на поляне около леса...

В это время Королев, только поднявшийся после гриппа, сидел в своем кабинете за чертежами Цандера.

«Да, кажется, все продумано хорошо. Отсек для парашюта помещен в верхней части. Это обеспечит спуск ракеты на землю. Стабилизаторы обеспечат устойчивый, ровный полет... Вот только двигатель... Разовьет ли он на этот раз расчетную тягу, чтоб поднять тридцатикилограммовую ракету на проектную высоту?.. И что с испытаниями камеры? Уж третий день, как нет известий. Уж не случилось ли беды?»

В коридоре послышались голоса и гулкие шаги. «Не они ли?» — подумал Королев и встал.

В дверь постучали твердо, настойчиво:

— Да, да, войдите!

Ввалился Комаров, в полушубке, с заиндевелым воротником, в треухе, держа в руках что-то завернутое в мешковину.

— Здравствуйте, Сергей Павлович! Ну и мороз нынче... И метет...

За Комаровым, тоже в полушубке и валенках, вошел Дубосеков, снял треух, поздоровался.

— Ну, что, друзья? Мы так волновались... Почему так долго?

— Заносы...

Услышав голоса из соседней комнаты, пришли инженеры Ручкин и Листов.

— Ну-ну, не томите... Как испытания камеры?

Комаров, дуя на руки, развязал шнурок, бережно развернул камеру сгорания и положил на стол перед Королевым.

Все увидели на боку камеры яйцеобразное отверстие.

— Прогорела?.. да и основательно...— как бы сам с собой заговорил Королев, трогая пальцем прогар.— И сопло тоже на грани прогара... Нехорошо... Сколько секунд работала?

— Мало, Сергей Павлович, мало,— воскликнул Комаров.— Но зато так работала, что у нас дух захватило. Море огня! Море! Картина такая, что век не забудешь.

— Я представляю, товарищи, и очень рад, однако какова же тяга?

— Трудно определить, ведь прогар.

— Да, прогар... скверно. Уж который раз... Но ведь двигатель работал? Это — важно! Прогар мы устраним. Безусловно устраним.

— Когда, Сергей Павлович, ведь планер готов?

— Камеру сгорания изнутри надо выложить жаростойким материалом, скажем, окисью алюминия, а сопло — окисью магния.

— И прогара не будет? — спросил Ручкин.

— Не должно быть... Хорошо бы для снижения температуры вместо бензина попробовать спирт. Смелее, друзья, смелее! Теперь уж победа близка...

Если б жителя юрты переселить в благоустроенную квартпру, он бы первое время чувствовал себя весьма неуютно...

Такое же ощущение было у Цандера, когда он поселился в санатории «Снежная гора».

Он видел вокруг праздных, лениво слоняющихся людей, изнывающих от скуки и безделья. Ему было странно видеть, что стоящие над этими людьми доктора, сестры, няни только о том и заботились, чтоб их подопечные продолжали «слоняться» и ничего не делать.

Цандеру, привыкшему использовать каждую минуту для дела, казалось диким и преступным жить такой жизнью. Он вставал рано и, позавтракав, уходил в горы, где можно было без помех подумать.

Стояли безветренные солнечные дни. Слегка морозило. Горы были одеты мягким пушистым снегом и слепили белизной.

Глядя на эти могучие белые горы и синее небо, Цандер с холодной ясностью ощущал вечность и беспредельность мира.

Он видел себя крохотным существом, затерянным в этом огромном белом молчании.

Но, видя себя маленьким среди белых громад, он ощущал в себе недюжинную силу, чувствовал себя властелином этих просторов, ибо сознавал, что он — человек!

«Человек может растопить снега и сокрушить горы! Человек в ближайшее время сможет ворваться в беспредельно далекий синий, таинственный мир, нарушить вечное безмолвие Вселенной! Да, может! Уже теперь, в эти дни, он стоит на пороге Вселенной!..

Пока я хожу как неприкаянный и обдумываю новую книгу, по этим диким снегам, там мои друзья трудятся над ракетой, которая прочертит путь во Вселенную...»

Увлеченный своими мечтами, Цандер приходил разрумянившийся, бодрый, веселый и, пообедав, опять уходил в горы.

Так продолжалось одиннадцать дней. Он уже подумывал о том, что хорошо бы пораньше вернуться в Москву, чтоб снова отдаться любимому делу, которое влекло и манило.

Но на двенадцатый день прогулка кончилась плохо. Цандер вдруг почувствовал сильную головную боль и слабость. Он еле доплелся до санатория и уже не смог подняться к себе, на третий этаж...

Ночью начался жар, чередующийся с ознобом. Он бормотал что-то несвязное и почти не сомкнул глаз...

Утром врачи, осмотрев его, ушли совещаться в свою комнату... А днем пришла машина с красным крестом — Цандера перевезли в больницу.

4

В субботу Стрешнев вернулся домой пораньше: пообедал вместе со всеми и прошел к себе в комнату, предвкушая хороший отдых за книгой Цандера. Но книги не оказалось. Куда она делась — ни жена, ни теща не знали... Пришлось Стрешневу идти к Федору Семеновичу играть в шахматы...

Вечером вернувшийся из Дома пионеров сын, Славик, признался, что книга у него.

— Иди к отцу,— строго сказала мать.

Славик, рослый, широкоплечий юноша, ладонью пригладил светлые непокорные вихры, застегнул на все три пуговки старый отцовский пиджак и, свернув в трубочку книжку, прошел в столовую, где сидел отец.

— Папа, я думал, ты уже прочитал, — виновато, опустив серые глаза, начал он, протягивая книгу.

— А зачем тебе такая книга? Ведь ничего же не понял — там одни расчеты.

— Нет, я понял, папа... Понял самое главное — как построить реактивный двигатель. Это не трудно... Даже ребятам рассказывал в классе и чертил на доске схему.

— На перемене?

— Нет, на уроке физики. Семен Семеныч меня похвалил и советовал поступать в Бауманский институт.

— Ты, оказывается, шустрый,— усмехнулся Стрешнев.— Нацелился в Бауманский?

— Я хочу строить ракеты, папа. Когда приедет Фридрих Артурович, позови его к нам.

— Надо вначале кончить институт.

— Нет, папа, сейчас большинство ребят из школы идет на производство или на стройки, а учатся по вечерам. Я, да и еще некоторые ребята хотят поступить в ГИРД.

— Там же нужны хорошие специалисты, а не ученики.

— А может, и возьмут. У нас учится сын одного механика из ГИРДа.

— Так что же?

— Он говорит, что скоро будут запускать реактивный планер. Нельзя посмотреть?

— Ишь ты, чего захотел,— усмехнулся Стрешнев.— Ну, хорошо, иди ужинай, ракетчик... Я побываю там... Узнаю...

5

Если человек работает увлеченно, он не замечает, как летит время... В четверг утром, когда Стрешнев приехал на работу, секретарь напомнила:

— Андрей Сергеич, вы не забыли: сегодня совещание в тресте.

— Как, сегодня уже двадцать пятое? — растерянно спросил Стрешнев.

— Да, двадцать пятое!

— Спасибо! Сейчас соберусь.— Стрешнев прошел к себе в кабинет, сел за стол, задумался.

«Конец марта, а от Фридриха ни одного письма... Уж не случилось ли беды? Или затерялись мои письма?..»

Он сложил в папку нужные бумаги и заторопился в трест...

Совещание кончилось неожиданно рано; и Стрешнев, отказавшись от талонов на обед, поехал в ГИРД.

В кабинете Цандера сидел круглолицый, рыжеватый человек с голубыми глазами, рассматривая какой-то чертеж.

— Простите, кажется, инженер Листов?

— Да, я Листов.

— Здравствуйте! Я — Стрешнев.

— А, очень рад, присаживайтесь.

— Простите, что я без приглашения... вырвался случайно. Очень беспокоюсь о Фридрихе... есть ли у вас известия?

— Получил письмо.

— Что же он? Как?

— Вот это письмо: взгляните.

Стрешнев расправил вчетверо сложенный лист клетчатой бумаги:

«Дорогие друзья!

Получил долгожданную телеграмму об огневых испытаниях двигателя ОР-2. Радуюсь, что он работал. За этим первым шагом несомненно последует большой успех.

Жаль, что я не с вами и не могу быть полезен.

Поднимайте ракеты выше и выше — ближе к звездам. Дерзайте! Вперед, на Марс!»

Стрешнев неторопливо сложил письмо, положил на стол.

— Послушайте, это хорошее, ободряющее письмо, но оно звучит как завещание.

— Разве? — удивился Листов.— Мы восприняли его как боевой призыв.

— А когда вы получили письмо?

— Да уж дней десять прошло...

— И больше ни звука?

— Нет. Он не охотник писать.

Дверь распахнулась, размашисто шагая, вошел плотный, чернявый человек с озабоченным лицом, протянул Стрешневу крепкую руку, глухо сказал:

— Королев!

— Стрешнев.

Королев взглянул потеплевшими, но все же озабоченными глазами:

— Тот самый?

— Очевидно, да...

— Рад познакомиться... Тогда это и вас касается—вот телеграмма из Кисловодска. Цандер заболел, его положили в больницу — подозревают сыпной тиф.

— Это скверно, если тиф,— сказал Листов.— Ты звонил жене?

— Да, только сейчас.. Она говорит, что он болел сыпным тифом в революцию... а дважды сыпняком не болеют...

— Очевидно, ошиблись с диагнозом,— сказал Листов.

— Простите мое вмешательство, товарищ Королев, но боюсь, что диагноз правильный,— взволнованно заговорил Стрешнев.— Насколько мне помнится, Фридрих болел не сыпным, а возвратным тифом... Что вы собираетесь делать?

— Я заготовил телеграмму в горком партии, прошу принять все меры. Там хорошие врачи,— сказал Королев.

— Надо бы поехать туда,— посоветовал Стрешнев.

— Да... А кому? У нас сейчас — решительно некому...

— Тогда поеду я!—твердо сказал Стрешнев и поднялся.— Извините, нельзя терять ни минуты.

Он поклонился и выбежал из комнаты...

Стрешнев добрался до Кисловодска на третьи сутки, перед рассветом. На вокзале было зябко и безлюдно. Искать больницу в темноте в сонном городе не имело смысла. Стрешнев присел поближе к печке, поставил в ноги чемоданчик и задремал... Прошло часа полтора. Вдруг он очнулся от резкого стука — кто-то бросил на диван кованый сундук. Стрешнев открыл глаза. Было уже совсем светло... Сдав чемодан в камеру хранения, отправился разыскивать городскую больницу.

Город только оживал. Заспанная санитарка в приемном покое, открыв окошечко, сказала сердито:

— Прием с восьми. Больше не стучите.

— Мне не прием, я больного ищу. Из Москвы приехал...

— А чем болеет он?

— Говорят, тиф.

— Идите в самый конец, там за забором — тифозное отделение. Но туда не пускают...

В самом конце больничного городка Стрешнев увидел забор, и за ним длинное здание из красного кирпича. В ворота только что въехала машина с дровами, и они оставались открытыми. Стрешнев проскользнул и не по дороге, а напрямик по темной тропинке в снегу, зашагал к зданию.

Когда он завернул за угол, от крыльца, от главного входа, санитар в белом халате отвозил крытую продолговатую коляску на высоких тонких колесах. У Стрешнева кольнуло сердце, он даже остановился и проводил глазами идущего сзади коляски санитара, пока тот не скрылся за забором...

Затем он взошел по лёсенке на крыльцо, отдышался у двери, позвонил.

Открылось окошечко. Выглянула пожилая женщина в белой косынке.

— Вам кого?

— О товарище справиться пришел.

— Как же вас пустили?

— Есть разрешение от главного врача... Я из Москвы.

— Вон как... О ком же вы хотите узнать?

— Цандер Фридрих Артурович у вас лежит?

— Цандер? Это что, из санатория?

— Да, да.

— Светловолосый такой... еще на непонятном языке бредил?

— Да, да, он...
— А вы кем доводитесь ему?
— Товарищ, друг, вместе учились...
— Скончался... Скончался на рассвете... Только сейчас повезли в морг...

Стрешнев отшатнулся, словно его ударили в грудь. Постоял в раздумье и, сняв шапку, побрел сам не зная куда.

6

Многие люди науки к зрелому возрасту обычно «обрастают» печатными трудами, учениками, учеными званиями, солидными должностями и живут в почете и славе.

Когда такой «ученый муж» умирает, о нем пишут в газетах, устраивают пышные похороны, говорят трогательные речи, перечисляя «научные вклады» усопшего.

Иногда эти «вклады» в науку умирают вместе со своим создателем или продолжают «жить» в «справочниках» и «перечнях».

Но бывают скромные труженики науки, скромно и незаметно делают большое дело, отдаваясь ему и живя им. Их не балуют ни почестями, ни наградами, о них не пишут, не говорят, их почти не замечают... И лишь потом, когда эти люди уходят из жизни, вдруг выясняется, что кто-то из них и был тем большим ученым, которому следовало поставить памятник.

Когда умер Цандер — в Осоавиахиме растерялись... Вроде бы его прах следовало перевезти в Москву и похоронить с почестями. Многие сознавали, что Цандер этого заслуживал... Но получилось так, что при жизни ему забыли или не успели присвоить заслуженно полагавшиеся звания. Он не был ни академиком, ни профессором, ни доктором, ни кандидатом наук. Он был просто инженером и занимал скромнейшую должность — бригадира. «Как быть? Написать, что он сделал ракету,— так ракета еще не запущена. Ракетоплан, так он еще не взлетел... Труды? Огромное количество ценнейших научных трудов! Так они еще не опубликованы... Награды? Наград у него не было... разве только грамота Осоавиахима за «Ударную работу»...

Осоавиахим послал своих представителей в Кисловодск, и Цандера скромно похоронили на городском кладбище...

7

Закон инерции, так много значащий для полетов в безвоздушном пространстве, действует и на земле, в самой обыденной обстановке.

Как поезд, вдруг лишившийся машиниста и пара, продолжает свое движение вперед, так и бригада ГИРДа, потеряв Цандера, продолжала начатое дело. Гирдовцы были вооружены не только идеей, выстраданной Цандером, но и его расчетами и чертежами. И сами гирдовцы теперь уже не были новичками в ракетном деле: они выросли в смелых экспериментаторов, они сработались и являлись силой, способной сделать многое...

Погоревав, поплакав о гибели своего учителя и наставника, они с ожесточением взялись за завершение большой и трудной работы.

Прошло полгода, но Стрешнев не мог смириться с мыслью о потере друга. Однако он по-прежнему верил в дело Цандера, в ракеты, в их будущее и всячески поддерживал увлечение сына. Правда, был против того, чтоб Слава начинал свой путь в ГИРДе.

— Ты должен вначале получить образование, а потом строить ракеты,— внушал он сыну.

Такого же мнения придерживались оба деда и все домашние. Слава под натиском родных в августе успешно сдал экзамены в Бауманский институт.

В институте от старших студентов Слава узнал, что еще в августе гирдовцы запустили в небо первую ракету.

С этой вестью он поспешил к отцу.

— Запустили ракету? — не поверил отец.

— Да, так говорят...

— Именно гирдовцы?

— Да, они.

— Не может быть... Мне бы позвонили...

— Так говорят старшекурсники. Они не станут врать...

Стрешнев достал затрепанную книжечку, стал ее листать:

— Кажется, у меня были телефоны Дубосекова и Листова... Да, Листов есть, но служебный... а вот и Дубосеков...

Стрешнев подошел к аппарату, назвал нужный номер, попросил позвать Дубосекова. Ждал долго, нетерпеливо пощипывал бородку. Но вот в трубке что-то зашипело, и послышался знакомый голос.

— Это ты, Степан?

— Я, я, Андрей Сергеич, сразу вас узнал.

— Ну, что у вас, Степан? Говорят, запустили ракету?

— Это не мы, это бригада Тихоправова.

— Как? Ракету с двигателем на жидком топливе?

— Да, Андрей Сергеич... запустили. И удачно!

— Взлетела она?

— Взлетела! Даже, говорят, высоко... но по устройству она вроде бы не такая, как у Цандера.

— Пороховая, что ли?

— Нет, не пороховая, жидкостная. Но на твердом бензине, который вмазывали прямо в камеру сгорания.

— А кислород был?

— Кислород подавался, как и в нашей.

— Все равно это здорово! Поздравляю! А у вас как дела? Когда же поднимите ракету Цандера?

— Уж скоро, Андрей Сергеич, ведем опробование отдельных агрегатов... Я вам позвоню — вместе поедем испытывать.

— Спасибо, Степан. Ты обязательно позвони...

— Непременно! — послышалось в ответ.

8

В этом году, как и в прошлом, ноябрь оказался морозным и снежным.

Стрешнев, еще накануне отпросившись на работе, 25 числа встал раньше обычного, долго отыскивал в кладовке старые валенки и дубленые полушубки, теплые рукавицы.

К восьми часам они со Славиком позавтракали и, облачась во все теплое, выехали на Виндавский вокзал. К десятичасовому истринскому поезду, как предупредил Дубосеков, должны были приехать гирдовцы и привезти с собой ракету...

Потолкавшись на вокзале и никого не увидев, оба вышли на площадь.

Грузовики не подходили, а уж до поезда оставалось не более 20 минут.

Вдруг с передней площадки остановившегося вблизи трамвая несколько человек в кожаных пальто с меховыми воротниками сняли что-то длинное, завернутое в брезент.

— Славик, это она! — шепнул Стрешнев.— Я узнал гирдовцев Королева и Листова.

— Ракета?

— Да. Беги за билетами, а я посмотрю, в какой вагон они сядут.

Славик убежал...

Ракету пронесли через вокзал на первую платформу. Ее сопровождали человек восемь гирдовцев в теплых пальто, в треухах и кожаных шлемах.

Стрешнев, выйдя на платформу следом, видел, что ракету внесли в четвертый вагон...

Скоро прибежал Славик с билетами. Стрешневы сели в тот же вагон, в другую дверь.

Гирдовцы расселись в первом отсеке, положив ракету на пол, как кладут лыжи. Стрешнев, присмотревшись внимательно, увидел, что Дубосекова среди них не было. «Очевидно, Степан уехал раньше. И, может, не один... Наверное, готовят пусковой станок.. »

Славик протянул газеты.

— Вот, папа, почитай, захватил в киоске.

— Спасибо!

Стрешнев еще раз взглянул на группу гирдовцев, гулко хохотавших в первом отсеке, и развернул газету...

— Нахабино! — крикнул простуженным голосом проводник.

Гирдовцы дружно встали, подняли ракету. Стрешневы, поспешив, спустились первыми и вошли в маленькую деревянную станцию, стали у окна.

Когда поезд отошел, гирдовцы перешли через пути, и, выйдя на дорогу, направились в сторону леса. Минут через пять по той же дороге зашагали и Стрешневы...

Укатанная санная дорога вела в лес, но гирдовцы, не доходя, свернули влево, на узкую тропинку, ведущую к какому-то неуклюжему сараю с толстой бетонной стеной.

— Это испытательный полигон,— сказал Стрешнев.

— Я так и подумал, папа. Туда идут столбы с электрическими проводами...

Стрешневы прошли в лес, стали за ельником, откуда было хорошо видно, что делалось на испытательном полигоне, и даже слышался громкий, властный голос Королева.

Ракету распеленали и установили на станок с металлическими опорами. Стали заправлять ее баки спиртом и жидким кислородом.

Возились довольно долго. Стрешневы, стоявшие без движения, изрядно продрогли.

— Иди, Слава, пробегись по дороге, погрейся.

— Вон уж некоторые пошли в укрытие, скоро будут пускать.

Было видно, как Королев махал руками, распоряжался, что-то крича. Один, с фотоаппаратом, отделился от группы и пошел по снегу в противоположную от леса сторону и стал там, нацеливаясь на ракету.

Королев махнул рукой, чтобы все шли в укрытие, где, очевидно, были приборы. Сам он, постояв несколько секунд перед ракетой, оглядел ее придирчиво и тоже ушел за бетонную стену. Воцарилась тишина. Ракета четко виднелась на фоне неба длинным остронюсым снарядом, устремленным ввысь.

— Внимание! — крикнул Королев.

Все замерли.

В этот миг летевшая мимо ворона опустилась на пусковой станок, скользя, уцепилась когтями.

— Пошла, пошла, черт! — выскочив из-за укрытия, закричал Королев и, подняв снежный комок, швырнул в ворону.

Ворона полетела к лесу.

Королев еще раз осмотрел ракету и снова вернулся в укрытие.

— Папа, я прочитал надпись на ракете, на стабилизаторе: «ГИРД-Х».

— Пожалуй, надо было написать «Цандер»! Это его ракета...

— Вни-ма-ние-е-е! — раздалась команда.

По спине Стрешнева пробежал озноб. Он вздрогнул, но всем телом подался вперед, чтоб лучше видеть.

— Кон-такт! — четко приказал Королев. Тут же взревел двигатель, блеснуло пламя, ракета дрогнула и пошла вверх, изрыгая огненный смерч. Все окутало дымом...

— Летит! Летит! — закричал кто-то звонким голосом.

— Ур-ра-а-а!..— хором ответили гирдовцы.

— Папа, папа, смотри! Вон она, вон, за елкой...— восторженно кричал Слава, схватив за рукав отца.

— Вижу, сынок, вижу! Эх, хорошо идет... Если бы Фридрих дожил... Эх!..

Вдруг что-то щелкнуло, и ракета, перевернувшись, полетела вниз...

— Ура! Ура! Победа! — закричали гирдовцы и стали обнимать и целовать друг друга...

Стрешнев улыбнулся, глаза его блеснули восторженно.

— Молодцы! Пойдем, Слава, поздравим первыми. Эх, жаль не привезли Циолковского. Он бы плакал от радости... Пойдем, Слава. Пойдем, милый. Браво, друзья! Браво. Вперед, на Марс!

ЭПИЛОГ

С незапамятных времен люди мечтали порвать путы земного тяготения.

Тысячелетия живет миф о бесстрашном Икаре. Сотни фантастических книг написаны о полете на Луну и другие планеты. Но из писателей прошлого особенно Жюль Верн сумел связать фантастику с наукой и предсказал многие изобретения и открытия будущего.

Как признавались ведущие исследователи космоса, именно научная фантастика Жюля Верна зародила в них интерес и страсть к полетам в далекие миры.

Обоснование возможности полета человека в реактивном снаряде, безусловно, принадлежит Кибальчичу.

Почти в одно время с Кибальчичем начал свои исследования и Циолковский. Он был всего на три года моложе Кибальчича. Они не были знакомы, но между ними существовала незримая, духовная связь. Ибо оба они жили самыми передовыми научными идеями своего времени. Циолковский пошел намного дальше Кибальчича.

Создав в 1903 году проект космической ракеты, Циолковский в последующие годы, особенно в советское время, упорно работал над совершенствованием своего труда. Еще в 1911 году он высказал мысль о применении для ракет атомной энергии. В наши дни проблема атомных двигателей для ракет стала первостепенной во многих странах.

В тысяча девятьсот двадцать шестом году Циолковский поднял вопрос об использовании в ракете, во время ее по-

лета, энергии солнца. Эта мысль Циолковского, как и многие конструктивные предложения, нашла применение в наши дни.

В 1929 году в работе «Космические ракетные поезда» Циолковский высказал мысль о многоступенчатых ракетах для достижения космических высот. Эта идея получила блестящее воплощение в наше время.

«В трудах Циолковского можно увидеть зародыши всех, почти без исключения, научно-технических направлений, получивших развитие в нашей стране в целях освоения космоса»,— писал академик А. А. Благонравов.

Отдавая дань уважения великому мечтателю, ясновидцу и ученому К. Э. Циолковскому, мы склоняем голову перед его учениками и последователями, и прежде всего перед Ф. А. Цандером. Он не дожил до светлого дня, когда была запущена в небо его ракета «ГИРД-Х», с разработанным им реактивным двигателем ОР-2,—она проложила начальную трассу для будущих космических ракет. Цандер создал свою школу в области теории и конструкции реактивных двигателей и воспитал плеяду талантливых конструкторов.

Его ученик, Сергей Павлович Королев, еще в 30-е годы руководил разработкой многих ракет разных типов и пилотируемого ракетоплана, разработал «крылатую ракету», которая успешно прошла испытания.

Сразу же после войны С. П. Королев возглавил творческий коллектив ракетостроителей, который занялся разработкой космических ракет. Десять лет прошло в упорных поисках и напряженном труде. И вот 4 октября 1957 года мир был изумлен запуском на орбиту Земли первого советского спутника.

Вскоре все человечество Земли рукоплескало беспримерному подвигу Юрия Гагарина. Советский Союз положил начало новой, космической эре!

С того времени много совершено космических подвигов и открытий. Советские ракеты летают вокруг Марса. И теперь мы с глубокой убежденностью можем повторить слова Цандера: «Будут, будут советские люди ходить по таинственной Красной звезде».

СОДЕРЖАНИЕ

Нагаев Г.

Н 16 Пионеры Вселенной. Трилогия. М., «Худож. лит.», 1976.

614 с.

Трилогия Германа Нагаева «Пионеры Вселенной» посвящена зарождению в нашей стране космической науки и техники, рассказывает о судьбах ученых — Кибальчича, Циолковского, Цандера.

Н $\frac{70302-200}{028(01)-76}$ БЗ-22-26-76 Р2

Герман Данилович Нагаев

ПИОНЕРЫ ВСЕЛЕННОЙ

Редакторы
Т. Шурыгина, Т. Халилова
Художественный редактор
Ю. Боярский
Технический редактор
Л. Синицина
Корректоры
Т. Калинина, Л. Лобанова

Сдано в набор 17/XI 1975 г. Подписано в печать 6/VIII 1976 г. А-06578. Бумага типографская № 3. Формат 84×108[1]/32, 19,25 печ. л., 32,34 усл. печ. л., 33,575+1 вкл.=33,616 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ 293. Цена 1 р. 22 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронных печатно-кодирующих устройствах «Север-2».
С Комитетом по печати СССР — согласовано.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.

1р. 22 к.